

Иван Чернышов

Есть только дорога...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Чернышов

Есть только дорога...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63716001

SelfPub; 2021

Аннотация

"События происходят в те времена, когда электрички были зелёными, длинными и ходили часто, а люди уже выбросили телевизор, но еще не попали в плен соцсетей"

Книга прежде всего про путешествия. Автостопом, по железной дороге и во снах.

Действие книги охватывает пространство снов героя и реальный мир: Урал, Сибирь, Европейскую часть России, Украину. Герой – уральский неформал-автостопщик двухтысячных годов. Он ищет себя, путешествует, любит, восхищается, погружается в дебри мистики, борется со своими страхами и смотрит сны. И иногда ему самому тяжело понять, где находится граница между сном и явью.

Почти все имена и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. На восток.

16

Глава 16. Чужая сказка.

820

Иван Чернышов

Есть только дорога...

От автора:

События происходят в те времена, когда электрички были зелёными, длинными и ходили часто, а люди уже выбросили телевизор, но еще не попали в плен соцсетей.

Имена и действия, за редким исключением, вымышлены, любые совпадения случайны. Хотя, кто его знает, вдруг герои этих строк до сих пор ездят по дорогам страны? Если ты узнаешь в этой книге себя – прими за данность и не обижайся, что твой художественный образ не похож на тебя настоящего.

За точку отсчёта можно считать, например, 2008 год, хотя может и любой другой от 2005 до 2012.

Памяти Волчонка (Андрея)

Предисловие.

По улице Садовой быстро шагал человек с рюкзаком. Раннее ростовское утро было освещено солнцем с лёгкой примесью тумана. Зелёные листья деревьев создавали густую тень на тротуарах. Город встречал утро воскресенья и провожал очередного путника в дорогу. Звали путника Алексей, а в среде своих – неформалов и автостопщиков – просто Лешим. Леший, хоть и был человеком дороги, но всё рав-

но каждое свое путешествие делил на "дорогу туда" и "дорогу домой". Сейчас ему предстояла дорога домой. Родом он был из маленького городка на Урале, а домом своим считал именно уральские места и трассы.

"Блаженны волосатые, ибо всюду им дом, как написал Санта в своей "библии автостопщиков"¹. Ты подстригся год назад, когда собирался в армию, но внутренним взором своим до сих пор наблюдаешь на голове хайры, а на руках – феньки, и головой невротично встряхиваешь, как бы убирая волосы со лба до сих пор, а? Хиппи недобитый!" – говорило внутреннее радио Лешего.

Сейчас же фенечка на руке была одна, подарок Насти. "Приеду на Урал, да и срежу нафиг, а пока пусть болтается", – думал он.

Настя, очередная "любовь всей его жизни" осталась здесь, в Ростове в обществе своего интернет-знакомо-го, околоскинового мальчика Стасика, а Леший в смятённых чувствах уезжал. Потому что некрасиво. Обещали поставить за довоз пива и вписать, а вышли любимые "грабли"². Настя ускакала в объятия своего кавалера, а Лешего оставила на улице, мол, тут хорошая неформальская тусовка, они тебе помогут

¹ С этим чудом автостопного фольклора тех времён можно ознакомиться здесь: <http://santa.pp.ru> Сайт пока живой.

² Повторяющаяся ошибка, от выражения "наступить на одни и те же грабли".

со впиской. Сами же сбежали на какие-то сквоты и чердаки, оставив Лешего одного общаться с неформалами на "Яйцах", стритовать на Пушкинской и решать самому свои проблемы.

Неформалы оказались что надо. Та же тусовка и в Екатеринбурге, и в Челябинске, и в Краснодаре, и в Новосибире. Те же лица, те же типажи. Пионерия в фенечках, футболках с принтами разных групп и выбритыми висками, пропитая олда, полтора хороших музыканта, примазавшиеся гопники, из-за ростовского колорита оказавшиеся армянами. Короче, всё как везде. Интересных людей в такой тусовке, как алмазов среди говна: поройся, может и найдёшь. Лешему везло, он находил. Почти всегда. Вот и в этот раз после первой вписки на флэту с тусовочной олды и пионерией, он с утра вышел на "стрит", прихватив хозяина вписки нерусского Ажика и по совместительству хозяина гитары. Играть в субботу утром на Пушкинской по словам Ажика было неурожайно, а для Лешего – одно удовольствие. Утром нет пьяных рож, нет пристающих ментов, никакие гопники не подходят со словами: "Э, братан, а сыграй про пацанов, ну вот эту Паа-цаа-ны...". Есть приличные люди, студенты, семейные выбравшиеся на прогулку с колясками и детёнышами.

Один из проходящих долго на Лешего смотрел, а потом отвёл в сторонку со словами: "Парень, ты же здесь не местный, но вроде нормальный, не связывайся ты с этим отре-

бьем..." и дал сто рублей просто со словами: "уйди от них, пожалуйста, и побыстрее". Леший, привыкший во всём видеть знаки судьбы, решил повиноваться этому знаку, и буквально через пять минут выцепил из мимопроходящих людей пару хипповатого вида: они представились как Заяц и Катя. И, как бы ненавязчиво, поинтересовался у них о возможности вписки. Вписать автостопщика они согласились. Предложили встретиться вечером в этом же месте, но минуя неформальскую тусовку, во избежание примазавшихся "пассажиров".

"Что я собственно теряю? – думал Леший, – здесь всё равно пропитые говнари, а я денег заработал, рюкзак с ксивником при мне, все счастливы... Да и перед запланированным на завтра отъездом надо побыть с городом наедине, почувствовать его энергию. Пока Ростов кажется мне расслабушным, как Питер в летние выходные. Только здесь такое весной. А в Ёбурге скоро яблони зацветут, а здесь уже каштаны отцветают, которые в Ёбурге попробуй поищи... А любовь – да что любовь! – вы же ничего друг другу не обещали. Да и Настенька проблядь, говорила тебе одно, а в дороге сообщила совсем другое – может ну её! А её парень? Скинхед? Дрищ волосатый, по сравнению с которым ты сам – скинхед! Выкинул, осёл, фортель – сбежать с возлюбленной из дома, оставив дома телефон, да ещё и при папе-менте!"

Стасиков папа-мент устроил истерику Лешему по телефо-

ну лишь потому, что Настенька строчила любовные послания с его "билайна", пока они ехали. Наобещал Лешему проблем.

"С ростовским шоканьем и хохлацким гэканьем, между прочим, всё как ты любишь, Леший! – думал он, – Как менты-кубаноиды, которые в прошлом году "обували" тебя на трассе под Джубгой, вымогая честно настритованные деньги со словами "а хочешь, мы у тебя наркотики найдём"! Тоже ведь "шокали" и "гэкали"! Ты их проклял конечно, как умел, но у сволочи, как правило, высокая сопротивляемость проклятиям. Не факт, что сработает. Ну, да ладно о грустном, вон тётенька идёт и песню под нос напевает! Вон мальчик с мороженым от мамы убежал и голубей гоняет! Вон на перекрёстке с Ворошем пробка сигналиит – неслыханное дело для Ёбурга такое бибибанье! Вон сколько всего цветёт! Красота же! А вот и квас!"

Папа мальчика Стасика, кроме обещания "проблем", всё интересовался на каком поезде Леший приехал и как уезжает, на что Леший честно ответил про автостоп. Поэтому лёгкий стрём в душе всё же присутствовал. Но цветущий город с расслабленной атмосферой выходного дня и холодный квас из бочки топят любое сердце и остужают эмоциональный пыл.

Вечером Леший встретился с Зайцем, уже с одним. Пока

шли до вписки, Заяц прикололся над какими-то гопотёлками, которые принялись бурно обсуждать лешевский рюкзак – 50-литровый трассовый бэг. Заяц в ответ на их заспинные реплики просто приспустил штаны, показав им голую задницу. Догонять и устраивать разборку они не стали, а Заяц прокомментировал: "Это Ростов, дружище, здесь всё на эмоциях решается".

Привёл Заяц Лешего на вписку в типичный ростовский дом с типичным ростовским двором.

О, ростовские дворы! Это не воспетые холодные питерские "колодцы", и не универсальные ёбуржско-новосибирско-дахрензнает-каковские лавочки у подъездов бетонных муравейников! Это отдельный уютный и замкнутый мир с воротами, флигелями, сушащимся бельём, кошками и железными лестницами в несколько этажей высотой до самых квартир!

В одной из квартир жил Саша-диджей. Двухметровый худощавый парень, в гавайской рубашке и шортах, который производил самое положительное впечатление. Да и квартирка у него была под стать. Стены комнаты были обиты коробками из-под яиц, окрашены чёрной краской, а на полу стояли огромные колонки. Здесь Саша творил, здесь у него была своя студия. Здесь же он живёт сам и вписывает друзей-автостопщиков. Собственно Заяц был его соседом, но предпочитал тусоваться у Саши. Сейчас тут жила ещё девочка Катя, которая про себя говорила: "Я человек мира... Ну, хотя во-

обще-то тебе почти землячка, я из Кургана". Катя из Кургана недавно приехала из Питера и готовилась ехать на всё лето на Утриш, в их диковинные можжевельные леса и скалистые побережья, чтоб жить там всё лето и наслаждаться свободой.

За окном меж тем потемнело, на вечернее небо накатила огромная чёрная туча, вскоре разразившись громом и молниями. Саша решил, что это прекрасное световое оформление, и включил свою музыку, распахнув окна. Леший с Зайцем и Катей сидели, попивая чай и покуривая сигареты, глядя на грозу и размышляя о энергии города. О зовущей нас всех дороге, кроме которой и нет ничего на свете...

А потом Леший, как обычно, погрузился в себя. Но в это время все, кроме Саши, отправились спать, и мыслями поделиться стало не с кем. Саша же сказал: "Чувак, что-то ты невесёлый, давай-ка тебя накурим". Достал "водяного" – обренок бутылки с фольгой на крышке и ведро с водой. Насыпал на фольгу "бошек", и раскурил, поднимая бутылку из воды. Густой ароматный дым из горлышка потёк в лёгкие, не принеся обещанного веселья, лишь першение в горле.

"Мда, Леший, что-то не ладится у тебя с травой, да и с наркотой вообще. А надо ли тебе? – вещало предсонное внутреннее радио, – вспомни, как в Златоусте ты чуть проблем не поимел из-за попутчика, любимца Джа. Интересно, жив ли он ещё"

Тогда, пару лет назад, Леший, ещё только недавно познакомившийся с автостопом, решил потратить свои студенческие каникулы на изучение разных уральских местечек, где ни разу не был: Таганай, Уреньга, Иремель, Зюраткуль, Кунгурский рок-фест, Пермь, Тюмень и Тобольск, Челябинск, Аркаим и многие другие. А сколько было поездок из Екатеринбурга в родной Михайловск³ на выходные. Позиция у тогда строившейся ёбургской "Меги" и крест у начала михайловской объездной стали знакомыми до боли... Так вот, в один из таких трипов Лешего судьба забросила в Челябинск. Тогда ещё не знал Леший никого из здешних неформальных тусовок, это пришло позже. Просто пошлялся по центру Челябины – Кировка, Площадь Революции, Теплотех, Алое Поле, памятники всякие... А потом пятый троллейбус до АМЗ, несколько сот метров пешком, пост ДПС и трасса М-5 на запад. А там, в городе лестниц и горных трамваев в самом сердце Урала⁴ ждал его горный хребет Таганай.

И пока Леший голосовал, из кустов рядом с ним вывалился ещё один автостопщик – паренёк с дредами и бородкой, в сандалях и с рюкзаком. Представился он Андреем с Минска, про Беларусь вкратце рассказал, что там "до сих пор удои по телевизору показывают", и предложил перед трассой "курнуть ганджа" На отказ Лешего предложил испить аркаим-

³ Малая родина Лешего. Уральский городок, окружённый холмами с еловым лесом и живописными лугами. Хорошее место, если там родился и вырос.

⁴ Имеется в виду город Златоуст, Челябинской области.

ской самогонки. Тогда Леший ещё числился студентом Лесохозяйственного факультета и жил в общежитии, за что и получил своё прозвище Леший. А жизнь в общежитии обязывала к регулярному употреблению алкоголя, поэтому Леший решил не отказываться. Самогон был испит, а белорус закурил свой "ганджа" с помощью чилима. Путь свой Беларус держал из Аркаима, где провёл три недели в лагере шиваитов-тантристов на цветущих конопляниках, к брату в городок Усть-Катав. Начало совместному трипу было положено, Леший предложил минчанину пересечь в Златоусте на кропачёвскую электричку, а до Златоуста ехать вместе.

Сначала не стопилось. Двум парням, один из которых длинноволосый и в бандане с "Арией", а другой – с дредами и бородой, никто не хотел останавливаться. Решили прогуляться пешком вдоль трассы, подголосовывая по пути.

Пока голосовали, Леший больше слушал офигительные истории минчанина. Про сбор "плана" с помощью голых тел поутру, про секс на конопляниках, про то, что дреды – не символ мира, а грива боевого льва и прочее. В ходе разговоров выяснилось, что у белоруса с собой есть "гостинец для братишки" – три куса "плана", завернутые в изоленту и пакет с сушёными "бошками" в спальнике.

После десятка километров пешком им всё же остановилась машина. "Шестёрка" с дедом за рулём, который ехал как раз в Златоуст. На заднем сидении "шестёрки" Леший наслаждался молчанием и смотрел, как степи сменялись леса-

ми, как после Чебаркуля дорога начала забирать вверх, а горы, бывшие далёкой зелёной волной на горизонте, стали забираться ввысь. Беларус на переднем сиденье трепался с водителем, предоставив обычно болтливому Лешему возможность помолчать и созерцать. Небо было серое, казалось, что вот-вот разразится дождём. Но дождь так и не случился, а в обычно дождливом Златоусте и вовсе выглянуло солнце. Десантировались Леший и беларус у трамвайной остановки. Беларус был в восторге от Города в Горах, и с радостью принял предложение ехать на вокзал. Старенький КТМ⁵ грохотал по рельсам, везя приличных граждан и двух автостопщиков на Вокзал.

На Вокзале выяснилось, что нужная электричка будет через полчаса, и на нее можно покупать билет. И тут к ребятам подошли менты.

– Так, ваши документы, приготовить вещи к досмотру, оружие-наркотики есть?

– Ну вот, у меня тут ножик есть и топор, я на Таганай собираюсь, – сказал Леший, открыв свою пятидесятилитровую "сумочку".

– Хмм, – говорили менты, вертя ножик Лешего в руках, – на холодное оружие это не тянет, но не самоделка ли он?

– Нет, на рынке купил пару лет назад, – что являлось прав-

⁵ Модель трамвая, наиболее распространённая в постсоветском пространстве наравне с чешскими "Татрами". Выпускали суровые КТМы в суровом Усть-Катаве, куда как раз направлялся беларус.

дой.

"Всегда говорите ментам правду", – учил в своих книгах про путешествия "гуру автостопа" Антон Кротов. Леший и сказал. После кручения в руках ножика и топора менты потеряли к ребятам всякий интерес и отпустили восвояси.

Как выяснилось позже, пока менты отвлекались на нож, беларус Андрей заглотив свои три "камня", и посему они направились сначала в магазин за газировкой, где Леший попутно купил себе продуктов в горы, а потом в ближайший дворик выблёвывать. Выблевать "план" у беларуса не получилось, он "подсел на стрём" и сказал Лешему, что тот его сильно выручил. Конечно. Теперь и у Лешего поджилки затряслись: он подумал, чем могло ему грозить обнаружение "наркотических веществ растительного происхождения" у его случайного попутчика и впал в панику. Хорошо, что после событий, а не во время досмотра. Андрей запихал мешок с "бошками" под кусок железобетонной плиты во дворе и со словами "жив останусь – заберу", покинул Лешего.

С вокзала Леший уходил, не оглядываясь, без остановок до самого Белого Ключа на Таганае. "Это надо было так чуть не попасть!", – думал он. С тех пор историй с наркотой Леший предпочитал избегать. А со временем завязал и с алкоголем, особенно на трассе. Несколько лет вписочной жизни приучили Лешего к собранности и готовности, а собранность и готовность лучше всего блюсти в трезвом уме. А потому Леший пил крайне редко...

Утром Леший покинул спящую квартиру Саши-диджея, накатав на блокнотике свой электронный адрес, номер сотового и размашистое "СПАСИБО ЗА ВСЁ!" и пошёл прочь из Ростова.

Дотопав до утренней остановки, он сел на автобус в Аксай, где висела табличка "Мы едем в МЕГУ". О, торговые центры, возношу вам хвалу от всех вольных путешественников! Находящиеся на выездах из города, рядом с нужными трассами, вы даруете вольным путешественникам возможность перед трассой сходить в туалет и умыться, закупиться дешевыми продуктами и подзарядить телефон. Последние два действия, по причине наличия "перекуса" в рюкзаке, небольшого количества денег и выключенного телефона, Леший пропустил.

Перед ним в тени пирамидальных тополей простиралась обочина трассы М-4, можно закурить сигарету, поднять руку и голосовать.

Глава 1. На восток.

Первой машиной на трассе стала жёлтая спортивная иномарка с украинскими номерами, которая остановилась вдалеке, но явно по его душу. Судя по тому, что сейчас она медленно катится назад. "Вот интересно, – думал Леший, прыгая вдогонку проскочившей мимо него машине, – довезёт он до своротки⁶ на Волгоград или дальше?"

За рулём оказался парень лет на пять старше самого Лешего.

- До Миллерово, я в Луганск топчу.
- Только я автостопом еду, без денег.
- Да и я вроде не такси, садись.

В машине было прохладно: явно работал кондиционер. И играл русский рэп. Причём не современные поделки, вроде уховёртного АК47, а что-то из далёкого детства Лешего. Молчаливый водитель, прибавивший музыку, ясно дал понять: говорить со мной не надо, молчи и кайфуй от дороги, ведь не за этим ли ты сел в быструю машину.

Молчание и музыка Бэд Би Альянса потянули Лешего в водоворот воспоминаний:

"Ох, рэп-рэпчик, что же с тобой сейчас стало, где мои

⁶ Уральский диалектный вариант слова "поворот", "съезд с основной дороги".

двенадцать лет? Чем сейчас живут все эти кумиры детства? Влад Валов продюсер, Тимати с Лигалайзом поют попсу, негр Панс вообще неизвестно где. А Децл, ныне повзрослевший, сменил псевдоним на Ле Трук и продолжает. Откуда я это знаю? Хуй знает. Где они все: Каста, Многоточие, Район Моей Мечты, Виа Чаппа и прочие?⁷ Так всё: хорош пускать мысленные ностальгические сопли, а то ещё шофёра забрызгаешь. Тем более трасса – вон она, какая широкая и мощная. В прошлый раз тебя под Шахтами высаживали, когда ты с югов ехал. Где-то смазанная фотка лежит дома в альбомах. На фотке подсолнухи и террикон, мол, я под Шахтами на трассе. Себя, естественно, не фоткал: откуда это взялось интересно? Борешься с привычкой людей фоткать себя в героических позах, или просто у тебя паранойя? Кто знает! Погоняй-ка лучше кино про марийскую дискотеку, марий дискотекуште⁸, где ты впервые в свои двенадцать лет услышал весь этот русский рэп. Ты с другими пьяными детьми кривлялся в зале под эту музыку. Потому что не знал, как под это танцуют. До этого включали либо попсу, либо клубняки, либо медляки. А тут..."

Дом культуры был маленький, как и само село Ошлангер, где угораздило жить лешевской бабушке и куда родители ссылали Лешего с братом каждое лето в детстве. В доме

⁷ Популярные и не очень исполнители "русского рэпа" начала 2000-х.

⁸ Марийская дискотека (мар.).

культуры фойе, где курят и играют в бильярд с картами старшаки. На входе хромой дядя Коля проверяет билетки: благодаря дружбе с лешевской бабушкой у него с братом был бартер на молоко, и они ходили бесплатно. А в зале! А на танцполе! Это вообще бывший кинозал, стулья с которого составлены вдоль стен, а на месте экрана за шторкой спрятан пульт диджея. На диджейском месте сидит сама директор дома культуры, тётя Даша. Такая же хромая, как дядя Коля. С одного завода их что ли? Почему хромают оба? Никто так и не ответил, а Леший и не спрашивал по малолетству. Светомузыка простая – горят все лампочки одновременно, и зеркальный шарик крутится. Движняк весь происходит за клубом. Обычно в середине вечера программа была такова: двое дерутся, четверо разнимают, остальные смотрят и беседуют о "возвышенном". На дискотеку было принято одеваться нарядно: белые рубашки, чёрные брюки или джинсы, начищенные до блеска туфли, тёмные очки, потому что "блатному ночью солнце светит". На танцполе обычно две-три малолетки, и какой-нибудь не в меру пьяный мужик отплясывает в их кругу. Массово народ выходит танцевать либо на "медляки" либо на хиты. В детстве Лешего хитами были песни, начиная с "Май харт вилл гоу он", "Хау мач из зе фиш" и "Гепаса парадокс", заканчивая "Сатисфэксен"⁹. Все танцующие традиционно встают в кружок, неизвестно поче-

⁹ Популярные хиты, начиная с 1998-99 до 2004 года, когда Леший ходил на дискотеки.

му так. Но так везде: и здесь в Ошлангере, и в соседнем боевом селе Старокрещено, и в лешевском родном Михайловске на Урале, и в прочих местах, наверное, то же. Благодаря этим дискотекам в жизни Лешего случился первый страстный поцелуй с девочкой Наташей, которую в честь популярной песни называли "Черепашка"¹⁰. Первый глоток самогона из стакана, протянутого Лешему старшим братом. Первый секс в пятнадцать лет, сначала в предбаннике на кровати, где Леший ночевал, чтоб не будить бабушку поздними приходами, затем повторился на цветущем льняном поле. "Эх, марийские поля и леса с комарами! – думал Леший, – "Икыт-кокыт-кумыт-лум, марий бетек куяш пу"¹¹ Что бы было, если бы Светка рыжая не была такой пьяной? Тормоз, тряпка, болтун, лентяй, но не девственник: хороший повод гордости для шестнадцатилетнего. А повторил ты свои половые подвиги через три года, при совсем других обстоятельствах. А где сейчас Светка? Присылала, и присылала фотку. Так она родила, вышла замуж, и развелась. Вот судьба русской женщины в деревне, ну или марийской женщины, от перестановки национальности сумма пиздеца не меняется. А как быстро всё поменялось потом?"

¹⁰ Была такая песня, вроде у Натали – "Морская черепашка по имени Наташка..."

¹¹ Фольклорно-вульгарное: "раз-два-три-десять, предлагаю вам провести ночь вместе, прекрасная марийская девушка" (мар.).

Рэп Леший перестал слушать, попав в летний лагерь в "Оленьих Ручьях", где ребята из Ревды творили волшебство на гитарах, а ребята из Екатеринбурга рассказали ему про неформальство, автостоп и ролевые игры. Там Леший познакомился с русским роком и тогдашней любовью своей, Мариной. Точнее, влюблённостью, безответной до обиды, зато любившей гитаристов. И тогда, Лешему было пятнадцать, он заперся дома на полгода, ходя только в школу, изучая гитару. Сборник песен "от Анны Карениной", таблица аккордов, кассеты с "Королём и Шутом" и "Арией", переборы-бои-аэм-дээм... Ответной симпатии от Марины Лёша тогда так и не добился в свои пятнадцать лет. Прошло время, главное друг другу они сказали и моральные долги раздали. Поняли, что оба вели себя как придурки, простили и приняли друг друга. Более того, иногда в городе Леший гостил у Марины по старой дружбе. И при встречах обязательно играли и пели вдвоём.

"Не получилось у тебя с ней отношений, да и забей, не крути в голове это кино! – говорил Леший сам себе мысленно, – Крути другое, про дискотеку и русский рэп. Да, ты ведь о русском рэпе начал! О, а это кавер на Цоя от БэдБиАльянса!"

– А я ведь эту версию услышал раньше, чем оригинал, у меня в двенадцать лет кассета была с ними.

– Нравится? Хорошая штука со смыслом правильным. Вот раньше-то рэпчину читали, не то, что сейчас. Давай погромче сделаю!

"Но пока в кармане пачка, в которой сигареты, я уверен на все сто: всё будет круто... Если есть в кармане пачка. Сигарет..."¹².

"Написать что ли рэпчину на мотив Саши Непомнящего, светлая память ему, – думал Леший, – На песню "Есть только дорога"? Или ну его, не надо портить рэпом хорошую песню... Почему портить? Возьму и напишу! Нет!"

Под такие мысли долетели они до Миллеровского поста ДПС. Дальше дорога идёт на Москву, в Воронежскую область. И на Украину, в Луганск. Молодой шофёр уехал туда, оставив Лешего стоять на трассе и рефлексировать дальше. Долго это делать не пришлось: фура со странным номером и надписью "IR", проскрипев тормозами, остановилась.

"...Арабская вязь? Иран? Охренеть... Как с ним говорить? Ладно, – думал Леший, – читал же у Кротова рассказ про путешествие в Иран? Что ты знаешь об Иране? Ман фарси баллады, пуль надорам, чар сад туман, сиктым, ташаккор... Что там исламское? асСаляму Алейкум? Аллах, Мухаммад, священный Коран, джихад, сунниты и шииты, иран-

¹² VadV Альянс – Пачка Сигарет.

цы, пардон, персы ведь шииты? А чем от суннитов отличаются? Ааааа! О чём говорить?"

– Здравствуйте, по трассе в сторону Москвы не подбросите?

– Садись.

– Спасибо.

– Далеко ехать будем, как зовут?

– Меня Алексей.

– Я Москва еду. Завтра вечер Москва будешь.

"...Ну вот, по-русски немного говорит, уже хорошо. Попробуем установить контакт о языках?"

– Откуда русский знаете?

– Дорога! – драйвер выразительно хлопнул ладонями по рулю.

– А я пару слов по-персидски знаю. Ман фарси баллади. Ман хориджи¹³.

– ХариДжЭе?

– Да, Хориджи. Путешественник. Автостопом еду.

– Пешком?

– Можно и так сказать.

– Я мало знаю русский, немного дойч, немного турки.

– А откуда из Ирана?

– Техран.

¹³ "Я говорю по-персидски. Я иностранец" (Леший имел в виду "путешественник", а персидские слова "Джохонгард" и "Мусафер" подзабыл).

– Из самого Тегерана? Или ещё откуда? Я немного знаю географию Ирана, – Леший начал отрисовывать пальцем в воздухе карту Ирана, – вот Тегеран, вот Мешхед, Захедан, Кум, Исфахан, Астара, Шираз...

– Откуда хорошо Иран знаешь?

– Книгу читал о путешествии в Иран, – в очередной раз помянул Кротова Леший.

Много пауз в разговорах. Обычно в паузы звучит только "БЖЖЖЖ" двигателя, или музыка. Или треск рации. "Интересно, у иранских дальнобойщиков есть музыка? Вот кассетник наверху, значит есть...", – думал Леший, разглядывая интерьер кабины.

Дальше были вопросы к Лешему о предметах, "как по-русски?" и надо было чётко назвать предмет или явление. За окнами тем временем шёл дождь.

Благо драйвер курил и угостил сигаретой. Иногда он ругался полушёпотом.

– Блядь

– Откуда русский мат знаете?

– Дорога! – водитель выразительно хлопнул по рулю.

– А иранский мат есть?

– Есть. Сиктым¹⁴.

– Аа. Могу объяснить, что такое блядь.

– Блядь – это гюльчи, который сиктым за бакшиш.

Что такое "гюльчи" драйвер рассказал, показав на девуш-

¹⁴ В переводе с восточных языков, половое сношение, не всегда по согласию.

ку на заправке и спросив "как по-русски". А что такое "бакшиш"¹⁵, Леший узнал на богучарском посту.

Радостный гаишник вприпрыжку бежал к фуре иранца, зная, что "бакшиш" будет. Иранец сказал "сиктым", и достал диск от тахографа, международные права, там было написано в строчке "name" ISA SADEGHI, и тысячу рублей. Увидев Лешего, гаишник заметно погрузтел. Посмотрел права, сказал, что денег не надо, надо мелочь на сувенир. Поинтересовался документами и у Лешего. Пробыл паспорт по базе данных и отпустил дальнобоя-иранца.

Тут Леший понемногу допытался, что же такое и как иранец везёт. Зовут его действительно Иса, "как ваш Пророк Иисус, у нас его имя Иса". Так вот, Иса сам из Тегерана. Везёт груз, "Радиатор", со слов Исы, из Исфахана в Москву через Турцию. От турецких берегов, от Трабзона, он переправился на пароме в Новороссийск, откуда по М-4 продолжил путь к Москве. На вопрос, почему не через Азербайджан, ответил, что там больно жадные менты. Да и здесь он отдал на каждом посту по тысяче рублей. Чтоб не лезли. А тут посадил Лешего в машину, и теперь гаишники не лезут. Он радуется, что Леший принёс ему удачу. Леший не остался в долгу.

– Ман дервиш¹⁶

¹⁵ Взятка, подарок, денежное вознаграждение, на восточных языках.

¹⁶ Я дервиш (такой бродячий святой безумец на Востоке). Правильнее было бы сказать "Ман дервиш аст", но Леший таких тонкостей не знал.

– Дервиш?

– Да. Путешествую. Дервиш. Русский дервиш.

– А как по-русски дервиш?

– Блаженный, – ляпнул первое попавшееся Леший.

– Бля-же-ни

– Да, лучше называть Дервиш.

– Есть песня про дервиш. Дервиш, хучаме-хучамэ... Музыка вот про дервиш. Песня дервиш поёт.

Тут Иса встал и поставил кассету. В едущей фуре встал. Правда сразу же сел, но Лешего и это впечатлило.

Потом начал переводить текст одной песни, изобилуя жестами и используя запас всех трёх языков. В переводе одна из строчек песни означала: "Когда я иду по дороге, мои вены наполнены кровью и тело моё наполнено жизнью". Леший слушал и внимал, примеряя эту фразу на себя.

На ночёвку встали перед Воронежем, на стоянке рядом с посёлком Усмань. Там Иса купил Лешему пива, сам попросил у охранника стоянки "девушек". Ему привезли аж трёх, из Воронежа. Он выбрал одну, и оставил Лешего беседовать и пить пиво с охранником стоянки.

После уезда "девушек" отужинали странной иранской едой, подогреваемой на газовой горелке. Само приготовление выглядело очень экзотичным для Лешего: Иса подбрасывал лаваш над горячей "газовкой", так, словно на восточном базаре. Блюда были простые: долма, лаваш, чай. Все эти слова универсальны на русском и на всех восточных языках.

Леший развернул спальник и лёг поперёк сидений, Иса – на "спалке".

Утро началось с сонного "Салам Алейкум"¹⁷ и каких-то типов, разглядывающих фуру. Типы, увидев проснувшихся жителей кабины, почему-то ретировались.

Со словами "Бисмилля ирРахман ирРахим"¹⁸ тронулись в путь. Весь второй день шёл дождь. Поля становились зеленее, появились пашни, а затем и леса.

Во время тахографического обеда Леший с Исой сидели под фурой и курили сигареты.

Расстались возле развязки на "Бетонке", под дождём. Иса нагрузил Лешему полный рюкзак иранских консервов, воды, лавашей, пачку сигарет и пятьсот рублей деньгами. Со словами: "Я мало деньги потратил, тебе далеко ехать ещё". Прогудел на прощание и оставил Лешего под дождём.

"Ну что, мокренько после тёплой кабины, Леший? Зато "ништяками" нагрузились под завязку! Где ночевать будем? Уже вечер и холодно! О, ещё один!", – подумал леший, глядя вперёд; там голосовал под дождём мокрый парень в косухе. С волос капала вода, на "торбе" был надет белый "Ашановский" пакет.

– Привет коллегам! Ты откуда и куда?

¹⁷ Дословно "Мир Вам". Приветствие у мусульман.

¹⁸ "Во имя Аллаха Всемилостивого и Всемилосердного". В православии аналогичная фраза "Ну, с Богом".

– Из Ростова в Екабэ

– А я с Калуги в Нижний. Москву объезжаю.

– А ты голодный?

– Да!

Как раз к этому времени дождь закончился, и ребята отошли на обочину поужинать "чем Иса послал". Так, по мыслям Лешего, совершается "Круговорот ништяков в природе". "Тебя угощают, ты угощаешь. Ты мне, я кому-то другому. Все счастливы... Вот только в ночь в Подмосковье двоих парней кто-то вряд ли возьмёт". Но судьба была на их стороне. Взял их дядька на "пятёрке", который ехал в Егорьевск. Соответственно калужского панка увозил дальше, а Лешего десантировал возле пересечения с М-5. В вечерних сумерках на оживлённом "пятакe" Лешего было хорошо видно. Здесь ему остановился молодой парень на иномарке, рассказавший байку про мента, танцующего в ансамбле "Очаровашки" и высадивший под Коломной на развязке.

"Стрём, – думал Леший, оглядевшись, – Но есть лесополоса. Там и заночую, благо еду без палатки"

Леший предпочитал в автостопе "стелс-режим". И в отличие от походной жизни, никогда не жёг на трассе костров, и не ставил палаток. Лежать в лесополосе на пенке и в спальнике, прикрывшись кучей полиэтилена гораздо безопасней, чем корячиться с палаткой. Хотя не всегда. От бродячек не поможет, но человеческий фактор почти полностью

исключает. Рюкзак под голову, берцы – на ногах, чтоб быстрее вскочить, если что. Топор под руку. Если что.

"Конечно, твоё "если что" никогда не случилось, – думал он, – Похеру, что вокруг творится, пусть хоть смертью друга друга убивают рядом, всё равно дальше трёх метров в лесополосу не зайдут ночью, главное, чтоб на голову случайно не нассали..."

Традиционно Леший, хоть и не особо верующий в плане обрядов, прочитал короткую личную молитву и выключился. Сквозь сон слышал хлопающиеся двери машин, голоса остановившихся. Как и предсказано, в сторону Лешего даже не глядели. Вообще от машин не отходили.

Костёр на трассе Леший разводил лишь однажды, когда в мае прошлого года ехал из Новосиба в Томск с чудесной Маленькой Танюхой. Тогда последний неприятный водитель, пытавшийся приставать к Тане и получивший от Лешего вежливо-грубый приказ остановиться, высадил их в чудесном месте, рядом с посёлком Мошково, где на одной стороне трассы стояли ДПСники, а на другой, повиливая "кормой", ходила проститутка. И куда податься двум бедным стопщикам? Решено было топать в лес ночевать. Лес находился от трассы почти в полукилометре, но зато какой это оказался лес! Елово-кедровый, как любит Леший! Недале-

ко от края леса забурились за опушку, расчистили себе место под спальник и пенку, развели костёр. Первый и единственный раз на трассе. Как истинный "добрый рыцарь", Леший предложил Танюхе возлечь в спальник, а сам сел у костра курить сигареты и читать при свете фонарика книжку "сказки дервишей", прихваченную почитать с одной из вписок. Потом, правда, комары заели, и пришлось втискиваться в спальник вдвоём. Какой там приставать! Еле застегнулись в самых крепких объятиях, благо Танюхин небольшой рост послужил её кличкой – Таня Маленькая. И Маленькая хорошо влезла в спалку. Утром они отковыривали из одежды ветки, а в подвозящей до Болотного машине нашли на Танюхиной шее клеща. Эту историю крутил Леший здесь, за почти четыре тысячи километров к западу от тех мест...

Утро для Лешего началось рано. Ещё до рассвета Леший продрал глаза, выкурил сигарету, глотнул воды из бутылки и собрал рюкзак. Сначала по бокам рюкзака – пенка. Свёрнутая цилиндром, она обеспечивала форму и объем рюкзака. Потом кроссовки на дно с мыслью "эх, когда же лето, наконец?", сменную сухую одежду, спальник. Сбоку лёг топор. Потом – продукты и кусок полиэтилена. Его бы посушить, но трасса торопит. Оттряхнул от росы, да и свернул. Берцы вроде чистые, джинсы на удивление тоже. Сверху – бывалую сине-белую куртку. И вперёд, на штурм коломенской объездной.

Первая остановившаяся машина шла в Рязань. Это была медленная гружёная фура "Вольво". Водитель молчал и прогонял сон громкой утренней радиопередачей. Рассветное солнце рвало клочья тумана и сверкало в трещинах стекла.

"Утренние радиопередачи всегда такие, – думал Леший, – Навязчивый позитив, попса, реклама, новости. Одинаковые голоса ведущих, где бы ты ни ехал. Может, это просто шаблон? Водитель молчит. Дорога, как опытный киномеханик, "крутит кину"¹⁹ про дорогу и рассвет. И, как обычно, жизнь прекрасна, если живой. Что в Рязани? В Рязани грибы с глазами, кривая объездная, цепляющая город, как и в Пензе. Но всяко лучше, чем в Нижнем или в Тольятти и Челнах. И уж точно не Волгоград! Так что всё терпимо и проходимо... Надо сигарет купить".

Под Луховицами на дороге сидела сбитая и перепуганная косуля. Прямо на "островке безопасности". И никуда не бежала: видимо ноги ей перебило.

"Мда, бедная косуля, – думал Леший, – на дороге движение плотнячком, неизвестно перебежит ли, доживёт ли. Они-то здесь всегда бегали и жили, даже когда трассы не было. Интересно, чем зверёе руководствуется? Неужели гене-

¹⁹ Одна из строчек песни "Праздник" Олега Медведева "Киномеханик, крути кину".

тическая память и инстинкты гонят зверьё на оживлённые дороги, не ища путей обхода. Жалко их".

Молчаливый дальнобой высадил его, провезя через половину рязанской полуобъездной. Ясное утро располагает к тому, чтоб остановиться и позавтракать, но найти бы место. Сейчас – только пешком. С прошлогодней поездки в Москву и Питер Леший усвоил, что в Подмосковье народ почему-то не охочий до автостопщиков.

"Если у водилы морда тяпкой, и взгляд от тебя – значит ты близко к Москве, – вещало внутреннее лешевское радио, – В прошлом году в Москву получилось приехать почти от Пензы на одной ночной машине с чудесными ребятами из Самары, да ещё и под музыку с моего диска. В этом году музыка перекочевала на флэш-плеер – прогресс налицо, ага? Хотя иногда интересней послушать что у водителей играет. Среди традиционного шансона и "дискотеки восьмидесятых" подчас попадаются довольно годные вещи. А в прошлогоднюю поездку на участке от Сысертского поста до Челябины вообще вёз драйвер-бард, на стоянке спевший тебе свои песни под кружку горячего чая из термоса. Пора с собой термос возить начинать, а то по зиме было люто нынче... Так вот, Москва. Попал то легко, а уехать было тяжко. И надо было послушать совет арбатских панков и выехать "на собаке" до Твери, но ты упёрся рогом в автостоп, потому что считаешь западлом

бегать от контролёров и сидеть "на колбасе". Вот и пришлось тебе тратить кучу денег на дорогу сначала до "Речного вокзала", потом до "Икеи" в Химках. А потом на трассе полный интернационал до самого Клина. Длинноволосый молодой чеченец, узбек, таджик. И, блядь, до Клина ни одного русского водителя. И то ехали, упирались в пробки у светофоров на первой "бетонке". И пиздовать вдоль пробок, собирая бычки. А потом хуярить вдоль пробок. А потом ебошить вдоль пробок²⁰. Благо, аноним в лесопарке возле Солнечногорска тогда о тебе позаботился, оставив на поляне после пикника кучу "ништяков": что ж, хотел панковства в ту поездку – отхватил по-полной. И бычки да оставленная еда – это ещё цветочки, по сравнению с питерскими приключениями. Помойка за рестораном, на которой питались сквоттеры с Лиговки, ночной "стрит" у Казани и Елисеевского, с кучей примазавшихся нефоров. Вписка с подростками-фриками, где сибиряк Пурич выжрал десять банок яги и три флакона какого-то препарата, а как его потом откачивали. Ну и конечно "Камчатка", крыши, дворы-колодцы, парки с лужайками в обществе девочки Йомы, которой просто нравилось выгуливать всяких приезжих стопщиков и таким образом примазываться к нашему грешному племени. А обратно увезли тебя ночью из-под Клина аж в Ярославль, потом по-

²⁰ Данная нецензурная градация перемещения означает приблизительно следующее: пиздовать – топтать налегке, не напрягаясь; хуярить – напряжённо и с нагрузкой; ебошить – довести до монотонного автоматизма процесс ходьбы.

лусонный трип от Ярика до Иванова, потом такой же полусонный до Владимира. А потом попал под дождь и узнал какково ездить в трёхполосочных кедах с рынка, которые промокают и сохнут на ноге. Больше таких фокусов повторять не хочется, правда? Ну да ладно, то ли ещё уебанства было, то ли еще будет..."

Он перебирал ногами по пыли придорожной, мимо ехали загруженные предстоящим рабочим днём рязанцы, которым и дела не было до бродяги на обочине. Даже гаишники рязанские и не глянули в сторону Лешего.

Зато обнаружился по правую руку от трассы живописный овраг с кленовым лесом. "Вот тут и позавтракаем", – подумал Леший.

Внутреннее радио Лешего всегда имело двух собеседников, они назывались "Ты" и "Я". Изредка к ним присоединялся какой-то "он", когда Леший смотрел в своём сознании героически-эпические приключенческие фильмы с собой в главной роли. "Он был из тех кто...", "Он всегда...", "Он никогда...", и подобное. И Леший в глубине души думал, что это и есть шизофрения. Хотя, как говорила ему матушка-врач, люди часто придумывают себе болезни, особенно начитавшись справочников. Мужчины вообще могут у себя найти все патологии, кроме, беременности, если руководствоваться своими ощущениями.

Так вот, Леший со своим внутренним радиоэфиром спу-

стился в овраг. Было найдено правильное место с тенью, правильное брёвнышко, на которое можно сесть. Благо тут не Урал, и клещи могут попасться разве что крупные пастбищные. За учёбу в Лесохозяйственном и многолетний опыт вылазок уже успел выучить какие бывают клещи, да и вообще всякие твари. И какие из них не страшны.

"Итак, сыграем в игру "Угадай, что внутри банки", – Леший достал консерву, – Что-то вязью написанное. Только бы не рыба. Ух, овощное, тушёное, с мяском – красота! Теперь лаваш, и всё. Запиваем водичкой. Эх, счас бы чаю! Надо, надо приучать себя брать с собой термос! Отцовский тяжелый, да и отец с ним на рыбалку ездит. Купить свой. Нааскать денег и купить. Или заработать. Работа у тебя эпизодическая, водить людей в походы. Да и те ближе к сентябрю раскочегарятся. Ну да ладно, денег тебе на это хватает, а в дороге они и не нужны особо. Сигарет купить. Бросить курить. Бросить-подобрать-бросить снова... Эх"

Отзавтракав, Леший выбрался снова на дорогу. Топать стало легче и веселее на сытый желудок. Вот, город вроде кончается. А вот и придорожная кафешка. Тётушка в кафешке посмотрела на Лешего и его рюкзак мельком, продала сигарет и показала, где набрать воды. Водой из того же крана Леший умылся и почистил зубы. Теперь стало посвежее: можно стопить.

Много-много времени простоял Леший на трассе, выжидая машину.

– До Шилово, – сказал дядька на "Ниве" и повёз Лешего вперёд.

– Часто подвозите людей?

– Да бывает иногда по настроению. Один еду подвожу, поболтать и доброе дело сделать, а с женой и детьми – не. Запилят потом... О, ещё один стоит, тоже ваш?

– Нет, это местный

– Подвезём тоже!

На обочине стоял молодой парень, чуть постарше Лешего. В серых брюках, кроссовках и олимпийке.

– Куда едем? До Шилова могу подвезти.

– Я в Сасово еду, я на мели.

"Местный, о как перегаром разит!", – подумал Леший.

– Садись уже.

Сели и поехали дальше молча, благо до Шилово оказалось не так далеко.

На повороте расстались с шофёром и вылезли.

– Я Костик.

– А я Лёха.

– А ты сам откуда?

– Я с Урала, домой возвращаюсь с Ростова, третий день уже.

– Нифига ты даёшь. А я из Рязани. Мы там с ребятами мальчишник проводили, так я "дал стране угля", да так, что

без денег остался. Вот теперь и добираюсь.

– А мне домой ещё полторы тысячи километров, или больше. Ты не голодный?

– Да, голодный.

– Пошли, поедим.

Леший с местным парнем присели на лавочку возле автобусной остановки и распечатали еду.

– Ну вот, чем богаты... Дальнобойщик иранец меня до Ступино вёз, вот и угостил.

– А вода есть?

– Есть

– Спасибо, дружище, от души.

– Да не за что. Я тебе помог, ты кому-нибудь другому.

Круговорот добра в природе.

– Ага. Ну что, расходимся, а то двоих дальше вряд ли возьмут.

– Да, сам хотел предложить.

– Счастливой дороги, братишка!

– Спасибо, тебе тоже...

Леший утопал вперёд по трассе, и наблюдал, как парня из Сасово забирает ПАЗик с остановки. Видимо договорился бесплатно. "Ну и ладно, нашим легче", – подумал Леший и закурил.

Стоять пришлось долго: трасса М-5 вообще нетороплива, это Леший знал по прошлогодним поездкам. Одна только

трёхдневная дорога от Екатеринбурга до Самары тогда чего стоила. С бессонной туманной ночью у поворота на Бердяуш, с утренней поездкой на самосвале до Юрюзани по глухой дороге "потому что там гора, на которую мне грузёному не забраться", потом пропахшая потом "Копейка" до Уфы, а там негостеприимная Башкирия с "Увезите меня отсюда" и ночёвка в тёплой самарской Камышле. А потом завтрак на камышлинском "пятаке" в компании татарина Рената, хозяина одной из маленьких забегаловок, и "тебе что делать нехуй?" от гаишников на Камышлинском посту, и неторопливый КАМАЗ до Самары.

"Посадил я тебя потому, что видел ещё на уральских перевалах, – говорил ему тот водитель, пока сестрёнка-трасса несла его по холмам Самарии, – Там я два колеса оставил и чинился. Тут опять ты. Я посмотрел на тебя, а у тебя в глазах отчаяния нет. Обычно у вашего брата вид жалкий, типа все козлы и уроды не останавливаются, я тут такой один умный в белом пальто стою красивый, хнык-плак, а ты – нет..."

"Попался бы такой водитель ещё раз", – думал Леший, – Было бы шикарно. С такими хорошо ехать: ты им ничего не должен, не надо доказывать, что ты не верблюд, травить байки тоже не надо, слух напрягать не надо, сиди себе и слушай, пока не отрубись. А отрубись, так косо на тебя смотреть не будут, если конечно глюков от недосыпа не случится"

Глюки от недосыпа у Лешего были на трассе. Прошлогод-
няя дорога из Питера почти вся была "с глюками". Сначала
психоделичный ночной водила от Клина до Ярика в рассвет-
ных сумерках трассы М-8 включил тебе на маленьком экран-
чике фильм "Секрет"²¹. Бред бредовый, на который ведут-
ся всякие лопухи, по мнению Лешего. "Мысль материальна,
визуализируй желание и будет тебе Лексус". Идеи конечно
хорошие, и у Лешего в автостопе работали подобные вещи,
но создатели фильма подразумевали другое: "Занимайся се-
тевым маркетингом и ходи на тренинги за свои деньги..." А
потом ЗИЛ от Ярика до Иванова, в котором Леший уснул,
и ему снилось, что он едет с другим весёлым драйвером по
Уральским горам, оживлённо беседуют, шутят... А проснул-
ся от того, что подпрыгнули на переезде с узкоколейкой, и
молчаливый водитель кивнул, мол, спи дальше. А потом в
Иваново легковушка с грузином Илларионом до Владимира,
в которой Леший тоже отрубился, и сквозь дремоту видел на
горизонте храмы Суздаля. Потом долгая владимирская объ-
ездная с грозой, радуга над Боголюбово, умытый храм По-
кровна на Нерли и электрички рядом с ним, и Волга до Дво-
риков, и ещё Волга до Нижнего. И далее, и далее. Пожалуй,
то была самая бессонная и глючная поездка...

Тем временем, Лешему остановился небольшой низко-

²¹ Один из популярных инструментов "оболванивания" у адептов сетевого мар-
кетинга.

рамный грузовичок-"паровоз".

– До Умёта!

Интеллигентный водитель рассказал, что мордовский Умёт – это не только "деревня пятисот кафешек", но ещё и какой-то мебельный комбинат, заказы на продукцию которого приходят аж из заграницы. И вот один из таких заказов скоро повезёт наш дальнобой, как только загрузится в Умёте. Поедет он немного-немало в Польшу. Такой вот Умёт.

"Итак, Умёт, – думал Леший, оглядываясь, – Каких только названий едален и забегаловок нет! "Тормози и заходи", "Морддональдс", "У тёщи", "Ням-Ням" и даже кафе "Авто-стоп". Нет, туда точно не будем заходить. Солнышко садится, так что надо быстрее уезжать. Мало ли какой в Мордовии криминал. Наслушался баек и начитался страшилок, теперь вот на очко приседаю..."

В одной из последних кафешек Леший заказал себе чаю и завёл разговор с хозяйкой кафе. "Да кто только не приезжает, – говорила та, – мне без разницы, дальнобойщик, авто-стопщик, пассажир, местный – всё клиент, всех обслужить надо".

А Лешему хотелось уехать. Он допил чай с предложенным бутербродом, поблагодарил хозяйку кафе, взвалил на плечи рюкзак и вышел прочь, оглядываясь на слепящее вечернее солнце.

Рядом с кафе припарковались два чёрных тонированных джипа с местными номерами. Леший припомнил все рассказы про бандитов с трассы и стоял, казалось, под прицелами чужих взглядов. Пассажиры машин – хмурые короткостриженные дядьки – степенно вышли и отправились в кафе.

"На всякий случай запомню номера. Так, тринадцатый регион... А кому их переслать? И успею ли, если что со мной будет? Вдруг там кафешку прессуют, а меня завалят как свидетеля? Да ну нафиг такие мысли!"

Из паники Лешего выудил грузовик MAN с жёлтой кабиной и пензенскими номерами.

– Здравствуйте, в сторону Пензы не подбросите?

– Садись, я дальше еду, да и ты, видимо, тоже.

– Да, я в Екатеринбург.

– Ну вот, ночь вместе скоротаем, я тебя перед Самарой высажу

– А вы в Тольятти?

– Нет, в самую Самару. Там тебе как раз до Уфы будет дорога, это где Красный Яр. Да ты знаешь наверно.

– Действительно. Отлично!

В кабине фуры было, как и всегда в таких местах, уютно. Водитель, как гостеприимный хозяин, предлагает дары и лучшее место, Леший, как воспитанный гость, отказывается от даров, но предлагает разделить трапезу. Разговоры ведут-

ся о разном. О разбое на трассе: "О, так это в девяностые было, ныне давненько не слыхал такого". О музыке: "А я по молодости рок слушал, ещё на бобинах: вот то была мощь". Да и о многом другом. Дальнойбой слушал радио, и не особо заставлял говорить.

На ужин остановились на пензенских "Петухах". Водитель достал газовую горелку, Леший достал консервы и лаваш, а намутив кипятка и заварив бичпакеты, получился неплохой такой ужин. Не домашние пельмени с борщом, конечно, но и не на воде с сигаретами. Всё познаётся в сравнении.

За Пензой пришла гроза и ночь. Вокруг сверкали молнии, по трассе лились потоки воды, поток стальных машин ехал ползком, поэтому ни Леший ни водитель (Леший так и не узнал его имени), не знали качество дороги, а просто "залипали" за красные огни впереди едущей фуры и разговоры "в канале":

" – Доставки рассчитаны, не надо тут пиздеть...

– Ребята, подскажите обстановочку на Сызрань?

– Да какая обстановочка, гроза, сам видишь, в такую пору гайцы дома сидят, жён за сиськи держат...

– Обочинка рядом со стеллой Ульяновская область, на Самару... "

Возле Кузнецка водитель посигналил. "Это моя родина, опять мимо дома проезжаю", – грустно сказал он.

"Вот так и я часто мимо дома проезжаю, – думал Леший, –

чтоб не напрягать родителей и бабуку с дедом в Михайловске, знакомых, да и вообще. Не все земляки разделяют твоё увлечение автостопом и неформальством. Им бы всё разговоры про то, как тот-то и тех-то на бабки поставил, кто кому ебальник разбил на дискаче, и кто пьяный на моцыке убился... Куда там, эх..."

В утреннем тумане проезжали громадину Жигулёвской ГЭС.

"Пейзажи возле Жигулёвска до боли напоминают пейзажи родного Урала, разве только дороги на Урале получше. Хотя не, всякие бывают. До прошлого года дорога от Ёбурга до Дружининского поста ДПС была "полосой препятствий" из ям и колдоёбин. Потом правда починили, наши, михайловские... Хотя какие они тебе "наши", ты ведь уже сам почти Гражданин Мира. Эх, как гордо звучит..."

С добрым дальнобоем, так и не назвавшим своего имени, расстались на развязке перед Самарой. Развязка тут такая огромная, что до начала трассы на Уфу надо оттопать по обочине километра полтора. Лешего это не особо обламывало, и он потопал. На некурящем водителе сэкономил сигарет, и теперь радостно затягивался. Пока нет зноя, курить и стопить приятно. Надо миновать поворот на Тольятти, а там...
Первая машина – пятёрка с "шансоном" до Красного Яра.

Водитель успел задать стандартные вопросы, получить от Лешего стандартные ответы, и высадил на кольцевой развязке. Табличка "добро пожаловать в Красный Яр", равнина, поле, лесополоса и "тюленьё пастбище" во все стороны от кольца напомнило Лешему другой Красный Яр. На трассе 1Р402, "Омск – Тюмень", воспетой Сантой.

"Это вам не Питер-Москва
Это вам Омск-Тюмень,
Но если утром ты выйдешь из Омска на трассу,
Дойдешь до Тюмени за день (если повезёт).
Брось в придорожную пыль монету,
Перекрестись, да в путь.
Шестьсот шестьдесят шесть километров
Ты пройдешь как-нибудь..."²²

"Да только в том Красном Яре пахло землёй, свинофермой и вообще витал дух Дикого Запада, разве что вместо перекати-поля на дороге шуршал красный полиэтиленовый пакет. А здесь – сплошная Россия. Прощание со степями впопору устраивать именно здесь. Хотя впереди ещё целая Башкирия с нефтекачалками и коняшками, да и Самарии осталось полторы сотни километров. Со всякой экзотикой типа

²² Санта Дергачёв – 1Р-402. По легенде, протяжённость трассы 666 километров.

Серноводсков и Сургутов²³..."

Как раз до самарского Сургута и ехал следующий водитель на УАЗе-"буханке". Тряский салон с коробками, а в коробках – детали для УАЗов с Ульяновска. На небольшом повороте высадил он Лешего, и трасса практически сразу подкинула новый сюрприз.

Останавливается "Мерседес" с немецкими номерами. Обратился к водителю Леший по-русски, и не прогадал. В машине сидели советские (бывшие советские) немцы, и ехали они к оставшейся родне в Казахстан. Через Магнитогорск. Значит, хотя бы до Уфы будет дорога быстрой и приятной. В машине кондиционер, негромкое радио и разговоры о том, как тяжело живётся немцам в Казахстане после развала Союза, и "тяжело, но всё равно лучше" в Дрездене.

Мимо пролетел дальнобойский "пятак" Камышла, кольцо Бавлы, Александровка с лучшей трассовой едой, "мост два часа" между Башкирией и Татарстаном. Холмы Башкирии обычно навевают что-то психоделическое, но в этот раз состояние у Лешего было бодрое, и холмы Башкирии уже не напоминали Марс.

Ближе к вечеру Леший распрощался с водителем на Стерлитамакской развязке уфимской объездной, и приготовился к зависанию.

На этот раз зависать пришлось. Место очень скоростное, а дальше почти негде остановиться машинам: везде отбойник.

²³ Здесь имеется в виду Сургут в Самарской области.

Были выкурены все сигареты, израсходован весь запас воды, и наконец, явился добряк на "Нексии", завёзжий Лешего на Иглинский пятак за Уфой. Почему-то над Уфимской объездной почти всегда закат, когда Леший едет мимо. И этот раз исключением не стал. Из-за зависания. Ну да ладно, "Город на горе" или "Трёхшуруповск" красив в это время.

"Сейчас перебежать дорогу, набрать воды, купить сигарет, поесть и штурмовать Уральские горы. Доехать бы к ночи до Кропачёво. Или до Челябины к утру. Тогда можно и в Михайловск не заезжать... Посмотрим, как пойдёт. Мы не зависаем, мы ждём своего драйвера!"

После всех рутинных процедур по приведению себя в порядок, Леший выбрался на трассу. И первый водитель на "японке" увёз его до Аши. Здесь уже подступили стеной Уральские Горы, могучие и древние. А вечерние сумерки только усилили впечатление. О, трассы у дальнобойных пятаков в вечернее время! Низкое утробное урчание паркующихся грузовиков, запах шашлыка и сырого леса! Автостоппующие знают это чувство неизвестного перед ночью...

И вот чудо. Со стоянки вырывается "Маз". С "Шестьдесят шестыми" номерами.

– Здравствуйте, вы на Катю?

– Да, на неё родимую, только через Кропачёво поеду.

– А я в Михайловск.

– О, так нам по пути. Прыгай.

– Спасибо...

– Разговаривать со мной не обязательно, можешь поспать. Вашего брата я знаю и часто подвожу, поэтому не утруждайтесь разговорами. Хочешь курить – кури, вот пепельница. Кормить не буду

– Ну, у меня еда ещё есть.

– Тогда хорошо. На Кургазаке²⁴, даст Бог, чаю попьём. Ещё неизвестно, сколько на Симе простои́м.

– Там опять ремонт моста?

– Да блядь он у них там каждый год! Не успевают сделать и снова раскатывают.

Сначала дорога тянулась по узкой долине. Со всех сторон подступал тёмный лес и крутые скалы, отбойники на этом участке дороги вообще были в виде покрашенных в бело-чёрный цвет стальных тросов. В такие сумерки возникает ощущение "езды по приборам", когда смотришь вперёд только на огни впередиидущей фуры, а, глядя на дорогу, кажется, что едешь быстро. На самом деле, на спидометре всего 50 километров в час. Потом дорога пошла в гору, и вскоре показались огни города. Город Сим, и его живописное расположение Леший знал ещё с первых поездок по Уралу. Отсюда он уже чувствовал себя "почти дома". Великое торжище по обочинам со времён "лихих девяностых": матрасы, самогонные аппараты, рации, чеки для дальнобойщиков – чеки, кстати, рекламируют в Челябинской области диковин-

²⁴ Известный источник и одноимённая дальнобойская стоянка рядом. Расположен на севере Башкирии.

ным образом: на обочине стоят люди, размахивающие руками. В Нижегородской области чековые зазывалы просто машут белым листочком, а в Сибири вообще немногословно: рядом с кафешкой висит лампочка и подсвечивает листок с большой буквой "Ч". Здесь перед первыми кафешками поток машин и упёрся в пробку.

Дым сигарет вытягивало в открытую форточку. А оттуда сквозь урчанье грузовых и "Ш-ш-шух!" пронсящихся встречных слышно пенье дроздов. Это многоголосье майского уральского леса всегда манило Лешего в родную стихию.

"А до дома, даст бог, доберусь лишь к утру. Там в Михайловске скорее всего пробуду недолго: да и чего там делать в рабочие дни: друзья разъехались, а кто не разъехался, тот опять пьёт. Огород у бабушки посажен, они вообще обходятся без моей помощи. А вот в леса бы выбрался с удовольствием. Может быть до Полигона, а лучше до Бажукова. Интересно, как там нынче? Дадут ли поработать на экскурсиях? Да и сплавы прошли. В прошлом году майские сплавы омрачились печальным событием: на речке Демид погибла одна девушка, разбившись о мост²⁵. После этого устроили глобальное разборалово, что делать и кто виноват. Как бы не ввели новых разрешальщиков, а то на сплавах будет тяжело подработать".

²⁵ Весной 2007 года катамаран на разлившейся реке Демид затянуло под деревянный мост.

Сейчас, в трёх сотнях километров от родины, об этом думалось легче. Пробка медленно подтягивала фуру с Лешим к ремонтируемому мосту, водитель практически не разговаривал с ним, а когда мост остался позади, и начался медленный подъём в гору, вообще включил музыку. Удивительное дело, что это был не шансон, а такой транс, в духе "Буц-Буц-Буц"²⁶ конца девяностых, абсолютно без слов, но слов и не хотелось. Водитель сосредоточенно вёл свой МАЗ по прекрасной и проклятой трассе М-5 на восток, а потом далее на север.

На источнике "Кургазак" остановились. Водитель раскопегарил газовую горелку, Леший сгонял на источник и набрал воды, попутно умывшись и почистив зубы. "Всё ж таки домой надо заявиться не сильно грязным и заросшим", – решил Леший. Отужинали дальнобойским борщом из банки и лешевской фасолью в лаваше, выкурили по сигарете и отправились в дальнейший путь.

Небольшое географическое пояснение.

Самый короткий путь между Уфой и Екатеринбургом пролегает через северо-восток Башкирии. После чудесного города Сим надо повернуть в сторону посёлка Кропачёво, и далее через Месягутово и ещё десяток башкирских деревень выехать в Свердловскую область в районе Красноуфимска или посёлка Арти. Прикол в том, что на границе областей,

²⁶ Например Robert Miles – Children.

возле моста через Ай, лежит десяток километров грунтовки (лежала до 2012 года), поэтому едут там не все. Леший и его дальнобойщик проделывали этот путь ночью.

На востоке небо начало разгораться рассветными сумерками, и МАЗ притормозил перед мостом через бурную майскую реку с видом на город Михайловск.

– Спасибо большое, удачи вам!

Леший спрыгнул на сухую щебёнку, проводил глазами фуру и отправился в родной город, мимо сумеречных скал, на своих двоих.

Глава 2. Песни дроздов.

После нескольких дней, проведённых в родном городке, Леший направлялся кривым путём в Ёбург. Можно было бы поехать автостопом, но он решил навестить любимые места в окрестностях станции Бажуково, и уехать в город "цивильно".

"Кривой" путь начинался вечером. Он бодро шагал от родных пятиэтажек до выезда в сторону Станции. До Станции Михайловский Завод можно по идее доехать на автобусе, но здесь всё равно работает правило глухомани: "Идущего по дороге человека да подвезут!"

Погода правда говорила о том, что скоро придётся доставать из трассового рюкзака дождевик и зонтик: за спиной уже приближалась чёрная туча.

"Успеть бы поймать машину, да сразу до Станции", – думал Леший.

А вообще кроме этих бытовых мыслей и историй из прошлого внутреннее радио Лешего часто крутило ему музыку. Вот и сейчас он, не втыкая в уши плеер, слушал внутри себя песни барда Олега Медведева и подпевал им, иногда даже вслух:

"Чувствуешь озон, это коронный разряд – храни этот запах

Пусть он поднимет тебя, когда в больничных дверях за-
мрут твои эскулапы,

И скажет твой врач, снимая очки, мол, картина ясна:

Диагноз – весна, диагноз – весна, диагноз – весна..."²⁷

Олег Медведев во внутреннем радиоэфире сменился другой песней, и в это время Леший, дошедший до знаменующей окончание города запруды, наконец, поймал машину под уже накрапывавшим дождиком.

– Мы в Аракаево едем.

– Мне вообще на поезд, так что можно и с вами.

– Прыгай, от нас до поезда недалеко.

В "девятке" сидели муж и жена, лет сорока. Как и большинство жителей Аракаево, они были татарами. Поэтому в

²⁷ Олег Медведев – Марш континентальных электриков.

машине играла татарская эстрада, с их извечными темами про "Мин сине яратам..."²⁸, "Туган як..."²⁹ и т.д. Под бодрые звуки пролетели крутой спуск в живописное село, новый бетонный мост через Сергу и остановились у одного из деревянных домов. Гроза меж тем, пролившись коротким ливнем, ушла дальше на восток, засветило солнце, а над холмом вспыхнула радуга на синем фоне.

– Мы здесь живём, а станция – вот там по дорожке вверх.

– Зур рахмат³⁰!

– Сау бул, малай³¹!

Хлопок дверцы машины, и в мир Лешего ворвались звуки деревни: кудактанье куриц, мычанье коров, далёкий звук трактора. Леший взвалил рюкзак на спину и отправился вверх.

Покатый холм, с одиноко стоящей вековой лиственницей и поросший зелёной травой, здесь разрезался однопутной железной дорогой, которую выстроили ещё в царские времена. Да так диковинно, что с одного берега Серги на другой ведёт железный мост, начинаясь прямо с двадцатиметровой скалы. До поезда оставалось полтора часа, и можно было бы прогуляться пешочком по окрестностям, даже дойти

²⁸ "Я тебя люблю" (тат.). Встречается во многих песнях, а про что же ещё петь, как не про любовь.

²⁹ "Край родной" – популярная песня татарской эстрады, исполняет Василя Фаттахова.

³⁰ "Большое спасибо" (тат.).

³¹ "Будь здоров, парень" (тат.). Имеется в виду "До свидания".

до Бажуково, но хотелось проехаться на поезде. Двухвагонный поезд, по-бажуковски называемый "лошадью", был одним из приятных явлений для Лешего. Пока поезда не было, Леший поднялся на самую вершину холма по сырой траве. Предварительно начищенные и пропитанные берцы хорошо держали влагу. Теперь можно сесть, подложив полиэтилен под рюкзак, и даже развалиться на нём, что Леший с удовольствием и сделал. Досюда доносились звуки села, но никому и дела не было до сидящего на холме человека с рюкзаком.

Раздался низкий гудок тепловоза, и вскоре по мосту прогрохотал товарняк, везущий пустые вагоны из-под угля. Медленно и тягуче, попыхивая дымом, прошумел зелёный тепловоз, прогрохотали стальные короба, заглушая все звуки вокруг.

"Можно было бы и на товарняк прыгнуть, он тут идёт медленно. Да только у Бажуково он разгоняется, и там с него не спрыгнуть, да и вообще страшно. Вдруг не успеешь, вдруг сорвёшься...", – думал Леший.

Он подобрал рюкзак, и, неторопясь, спустился на платформу станции. Кроме Лешего на платформе уже были две девушки и маленький мальчик, говорившие меж собой потатарски с вкраплением русских слов:

"Ты будешь ханом, ае? Батыр керанбе... Хан был Губаев. Что Губаевы, что Яматовы, всё ханский порода...", – доно-

сились до Лешего обрывки фраз местных.

Через несколько минут послышался уже гудок пассажирского тепловоза. "Тональность ми, можно гитару отстраивать", – подумалось ему.

В вагоне были "самолётные" кресла, и проводница Тётя Люда, с которой успели познакомиться за время учёбы в институте. Потом Леший познал радость автостопа, а потом его и вовсе отчислили из института, но он уже и не расстраивался об этом. Вечера и утра, проведённые в этом поезде по дороге в Екатеринбург и обратно, запомнились ему. Плеер с "Арией" и "Iron Maiden", первый курс, молодые и горячие студенты, ехали домой, собравшись на соседних креслах по принципу землячества. С пивом, иногда и с гитарой. Тётя Люда обычно журила особо пьяных, грозилась высадить из поезда. Но всегда радовалась, когда эта же компания и Леший начинали петь песни под гитару. Бывало, что по знакомству и ездили бесплатно или за символические деньги.

Вот и сейчас он договорился с ней проехать одну остановку "за десять рублей без билета". Поезд начал отстукивать свой ирландский шестистопный ритм, в окнах мелькали ветви деревьев, а в голове был сумбурный набор мыслей:

"Настенька осталась в Ростове со своим ёбырем, а ты здесь, в родных землях, несёшься под стук колёс. Почти сюжет для грустной сопливой песни в духе ранних баллад "Эпидемии", или того хуже, какого-нибудь "Петлюры" или

"Ласкового мая". Много ли ещё будет таких Насть-Маш-Свет, обо всех горевать что ли? Плюнь и разотри, найди почву для вдохновения в чём-нибудь другом. Не за этим ли едешь в Ёбург столь заковыристым и длинным путём. Хотел свободы? Получай сполна!"

При подъезде к Бажуково Леший заглянул в двери Тёти Люды. На узком столике купе проводников стоял в пластиковой бутылке букетик купальниц.

– О, а я про тебя совсем забыла, Алёша! Ты сегодня не в город?

– Не, я в город, наверное, послезавтра или завтра вечером.

– Смотри, завтра я ещё работаю, а послезавтра у меня выходной. Пора и огородом заниматься, хватит кататься туда-сюда.

– Ага, спасибо Тётлюд!

– И это, если до Дружинино поедешь, билет лучше купи. Здесь-то понятно, что из лесу ревизоры не народятся, а там могут быть!

– Хорошо. Ну, мне выходить пора?

– Эх, сейчас открою... Мне вон опять народ принесло, человек десять стоит с рюкзаками. Давай удачно тебе погулять в лесу!

– Спасибо!

Поезд остановился, Тётя Люда откинула крышку лестницы, выпустив Лешего на перрон, навстречу галдящей толпе с

рюкзачками. У одного из ребят была гитара, у другого – щит. На щите приклеены, видимо вырезанные из какого-то предвыборного плаката буквы: "ЗА РОДИНУ! ЗА ОДИНА!".

– О, Леший, здорово! Мы отсюда, ты сюда!

– Привет гномам!

– Ну ты даёшь, мы не гномы, мы гобла!

– Давайте удачи!

Последние рюкзачные люди залезли, Леший пытался вспомнить как зовут этого парня. Артём? Валера? Юра? Видел Леший его на "Кельте" пару раз, ещё пару раз здесь. Здесь когда-то и познакомились, ожидая поезда. Правда, тогда он представился каким-то не то эльфийским, не то гномьим именем.

Ролевики ребята забавные. Лешего тоже часто принимали за ролевика, однако он отшучивался анекдотом: "Ты кто? Орк? Гном? – Нет, я Лесник, я с вами не играю..."

"Лесник-Леший, да какая к чёрту разница! Здесь мой дом, а там в городе пусть хоть оЛёшей зовут...", – проскрежетало злобненько его внутреннее радио.

Поезд уехал, и Леший остался на платформе один.

Теперь можно было зайти в хибарку к Анатольичу, узнать последние новости, можно было бы и к инспекторам Парка, спросить посчёт экскурсий, да только сейчас Лешему этого не очень хотелось. Хотелось скорее в лес.

Он взвалил рюкзак на спину, и пошагал в сторону красного входного аншлага с символическими "воротами в парк".

"Всё, здравствуй Бажуковка! Я долго ждал встречи. Вот и купальницы зацвели, и ветренница лютичная, а медунца уже отцветает... И клещам тоже здравствуйте!"

По штанине джинсов полз клещ. Леший стряхнул его в траву: пусть дожидается своего туриста.

В лесу всюду стрекотали дрозды. Был слышен их треск, раскатистые трели рябинников и протяжные свисты пёстро-го дрозда, будто кто-то открывает скрипучую дверь. Из земли рядом с тропой пробивались пучки чемерицы, много было купальниц. Благодать.

Подойдя через полчаса к реке, Леший остановился. Здесь на обрыве можно было посидеть, свесив ноги с края обрыва и покурить. Ещё не отошедшая от весенних разливов река Серга несла свои мутные вешние воды под серыми скалами. Над обрывом и рекой летал канюк. На заводи было слышно хлопанье крыльев уток. Леший докурил, по старой привычке положив окурок обратно в пачку, и отправился в известное ему одному место, где стояла маленькая лесная избушка.

Избушка та была построена ещё до создания Парка, когда на окрестных полянах косили сено и пасли коров. Ходя в походы со школой, Леший и одноклассники неоднократно

ночевали там. Сейчас был вечер воскресенья, поэтому на гостей рассчитывать не приходилось, и он шёл, чавкая берцами по мокрому лесу.

Дверь избушки, как обычно, была закрыта на замок. И мало кто знал, что если особым образом поддеть петлю замка, то дверь откроется. Главное – уходя, поставить всё как было.

За вписочную жизнь Лешему неоднократно приходилось ночевать и не в таких местах. Два года Леший не живёт в общежитии и год не учится в институте. За это время он оброс в Ёбурге кучей знакомых ребят, к которым мог прийти раз в неделю-две, переночевать, помыться и уйти снова. На одной из вписок сейчас он даже хранил свои "городские" вещи: двадцатилитровый городской бэг, гитару со всякими медиаторами и приблудами, блок-флейту. Там же, на время городских скитаний оставлял "трассовое" и "лесное" снаряжение. По сезону ездил домой в Михайловск и менял зимний шмот на летний. Но это сейчас, когда у него уже выработались привычки и традиции, связанные со вписочной жизнью.

А вообще у Лешего этих традиций и правил появилось предостаточно: не бухать на трассе, не водить на вписки девочек, приносить на вписки еду, не приходиться на вписки поздно-пьяным и не одному. Сколько раз он о последний пункт обжигался, со сколькими людьми испортил отношения поначалу из-за своего альтруизма. Подбирая на улице "стопщиков", он мог привести их всех на вписку к цивильной девочке-

ке с бабушкой, просто из соображений альтруизма. А они приползали бухими, иногда приносили вшей, иногда – даже воровали. Но чаще – превращались в аморфных "овощей", проседавших целыми днями в тепличных условиях вписок и потихоньку интригами выживавших с них самого Лешего. О том, чтобы снять квартиру, при непостоянстве доходов Леший даже не думал. Ну а в первое время вписок часто не находилось, и Леший подрывался за город. Пару раз он ночевал в железнодорожной казарме на одном полустанке железки Дружининского направления, причём осенью и зимой, топя там печку. Если было лето и хорошая погода, он выбирался на природу, ночуя прямо на скалах в ближайших окрестностях Ёбурга. Ну и естественно сюда, на Бажуково. Здесь он ночевал либо в этой избе, либо – в хибаре Анатоляча. Анатоляч – один из бывших "дружинников", основавших Оленьи Ручьи, бывал здесь эпизодически, стругал из дерева и бересты всякие поделки, и в общественную жизнь Парка особо не лез. В его хибарке всегда пахло жжёной древесины, смолой и лаком. Он мастерил, слушая рассказы Лешего. Леший тоже что-то мастерил, маленькие деревянные феньки, вырезал руны и потом по случаю раздаривал это в своих странствиях.

А с этой потаённой избой у Лешего связано ещё одно воспоминание. Однажды он приехал сюда не один...

"Кыш! Кыш из головы эти мысли, Леший! – думал он, – С той барышней у вас всё равно отношений не сложилось, а сейчас она вышла замуж. Хотя автостоп у вас тогда вышел замечательный: чего стоит один только драйвер-пермяк с "Арией" и "КиШом"! После кучи машин с "Ласковым маем" и всяким шансоном это было праздником. А какие она интересные истории рассказывала про автостоп, "Радуги" хипповские и трассы. Хорошая барышня была. И познакомила тебя с ещё более дивной"

Та – более дивная, Юля из Питера – тогда жила с парнем, но это не помешало Лешему влюбиться по самые уши. Потому что она очень сильно отличалась от всех встреченных автостопщиков. Такой "неформал среди неформалов", но в более хорошем смысле слова. Именно с её подачи на плеере Лешего поселилась куча автостопной и ролевой музыки, старые "ФИДОшники", к коим принадлежал её молодой человек, тогда поголовно были стопщиками и ролевиками и рассылали друг другу кучу музыки при встречах. Так на нарезанной "болванке" оказались всякие барды и рок-группы из Урала-Сибири-Украины-Беларуси-Казахстана. Последний раз Леший видел Юлю прошлым летом в Питере: та стритовала с музыкантами ночью у "Елисеевского". Где она теперь – Леший не знал. Долгое время он возил в ксивнике её фотографию, распечатанную на принтере, а потом, в припадке очередного самокопания, сжёг её.

Под такие мысли он расстилал спальник на нарах избушки и вышел под навес "крыльца", где с удовольствием закурил, запивая чаем из бутылки и слушая песни дроздов.

Ночь подкралась, и сначала пролилась ещё одним дождём, глухо стуча по рубероидной крыше избушки, а затем – высветив на небе звёзды.

Леший дремал, и в полусне иногда казалось, что кто-то ходит рядом. Усилием воли Леший заставлял себя уснуть...

Утро высветило лучом солнца в маленьком окошке избы. В окошко билась муха, а на потолке сидели изрядно потолстевшие за ночь комары. Леший на комаров уже давно не обращал внимания, чем мелкие твари регулярно пользовались.

Можно было неторопливо и ленно собраться, позавтракать сухим пайком и выходить. После всех сборов он взвалил на плечи рюкзак и отправился дальше, по памятным местам.

На другой берег реки можно было попасть по подвесному мосту. Несколько лет назад качающиеся школьники обрушили этот мост, но буквально прошлым летом его восстановили. За мостом после весеннего разлива реки было сыро, и Леший переходил лужи в обход по наваленным брёвнышкам. Там, где посуше, дорожку переползла змейка – ломкая веретенница. Леший свернул с магистральной тропы на небольшое ответвление, ведущее вдоль ручья. Это была тропа на Миткины озёра, по которой Леший и другие ребята регуляр-

но ходили, будучи школьниками в лагере. Ныне тропа подзабыта и позаброшена, поперёк неё в одном месте построена бобровая плотина, которую теперь приходится обходить по кустам.

На самих же озёрах – бывших рудниках – было очень тихо. Лишь пение птиц доносилось отовсюду. Леший приблизился к заветной стояночке, где можно было отобедать. Воду здесь все туристы берут прямо из озера, и после кипячения пьют. Сейчас на поверхности воды лежала зеленоватая плёнка сосновой пыльцы: Леший стряхнул её крышкой котелка перед тем, как зачерпывать.

Насобирав сухих сосновых веток на костёр, развёл "с одной зажигалки"³² костерок, повесил над ним бывалый армейский котелочек и поставил чай.

Когда вода закипела, Леший набросал в котелок припасённого на скалах чабреца и вдохнул аромат. Это был запах его детства – запах лета, Оленьих Ручьёв, босых ног, чернозёма и много ещё чего. Собственно, за ностальгией по прошлому он сюда и пришёл. Здесь стоял их летний палаточный лагерь несколько лет подряд, пока его не закрыли за отсутствием финансирования. Тогда в детстве это казалось несправедливостью, и готовы были уже скидываться на продукты и жить так. Но время лечит всякое, а искры, закрававшиеся тогда в души ребят, остались и даже разгорелись. Теперь многие были связаны с туризмом и продолжали ходить

³² Отсылка к популярному туристскому понту – разжечь костёр с одной спички.

в походы. Вся компания Лешего дружно шастала в походы по Уралу, пока Леший играл в переходах и ездил автостопом. Тоже, своего рода "пеший туризм".

Попив чаю, Леший уже торопливо собрал рюкзак, и приготовился к обратному переходу. Хотелось ещё до поезда зацепить взглядом Большой Провал и Пещеру, а до них ещё надо дойти. По небу бежали облака, на тропе было не топтано: только следы лосей пару раз попались по тропе до Провала.

Провал представлял собой сорокаметровой глубины яму, в которой лежал снег. Раньше снег, бывало, лежал здесь вплоть до сентября. Сейчас туристов ходит всё больше с каждым годом, и снег тает уже к концу июня. Вниз вела лестница. Леший сбросил рюкзак у начала лестницы и стал спускаться. Где-то через пятнадцать шагов по ступенькам началась полоса холодного воздуха, который, как в стакане, стоит в Провале. На стенках здесь растут весенние эфемероиды типа селезёночника, папоротники и мхи. Ниже – только мхи, и то самые холодостойкие. Зрелище завораживало взгляд. "А оказаться бы здесь утром, когда лучи солнца пробивают туман! Красота!", – думал Леший.

Теперь пора было трогаться в обратный путь. Дорога здесь уже натоптана туристами, поэтому идти сравнительно легко.

"В свой второй приезд сюда, в двенадцать лет, мне при-

шлось бежать бегом до станции, – думал Леший, – успели добежать почти за час, но нафиг такие рекорды: больно уж устал. Понедельник день тяжёлый, хотя здесь в лесу легко. Потому что все ушли в город, к своим делам городским. А мне сейчас как? Тоскливо? Или хорошо? Не понятно. Когда-нибудь и я осяду и оцивилюсь, буду также ходить на работу, заведу семью и детей, а о странствиях своих буду изредка вспоминать. Танцуй пока молодой..."

Думалось о многом, но тропинка бежала под ногами, и спустя полтора часа Леший уже сидел на бетонной платформе станции, курил сигарету и смотрел на приближающийся поезд. В Ёбурге сегодня вечером его уже ждут на вписке, где надо будет переодеться, взять городской рюкзак и гитару, да пойти на "ТЮЗ" стритовать.

Глава 3. Июль. Ещё один путь.

"Как Боженька говорил: всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем³³..."

На этой фразе оборвался сон. Странный человек, рассказывавший ему во сне о прелюбодеянии, растворился, Леший разлепил глаза, уставившись на радио на голубой стене и слушая противный писк будильника. Он лежал на диване, под тяжёлым одеялом в доме у своей марийской бабушки. Всю

³³ Цитата из Библии (Матф. 5:27-28).

ночь в соседнем доме творился "праздник жизни", и характерные звуки мешали Лешему спать. А сегодня снова надо ехать домой...

За это время Леший съездил в родной Михайловск, помогая родителям и деду с бабушкой с огородом на Уфимке³⁴, а потом на полтора месяца уехал цивильно на поезде в Марий Эл, в деревню Ошлангер, где жила другая его бабушка. Там Леший проводил дни за окучкой картошки и пастьбой деревенского стада на лугах возле маленькой речки Ошла. Здесь не было гор и скал, зато были поля, берёзовые леса и болота. На осушенных болотах теперь и располагались пастбища, потому там временами был "комариный ад". Леший курил "Приму", покупая её в магазине с надписью "КЕЧЕ ЕДА КУЧЫМТЛО САТУ"³⁵. С местными он практически не пересекался. Знакомые по детству пацаны стали непонятными гопниками, с тюрьмой головного мозга и постоянным желанием набухаться. Здоровались с Лешим без особой охоты, время от времени приходили стрельнуть сигареты и "попиздеть за жизнь" на пастбище. Леший травил местным байки про автостоп, про Урал, про юга, про свои дороги. Мог бы и прилгнуть, хотя Лешему и так постоянно казалось, что местные не верят ни слову, рассказанному Лешим...

Когда пришло время уезжать, бабушка нагрузила рюкзак

³⁴ Южная окраина города Михайловска, на берегу реки Уфа

³⁵ Товары повседневного спроса (мар.).

Лешего пирогами, домашним квасом и банкой варенья, со слезами на глазах проводила его на дорогу. До села Старокрещено, откуда ходил автобус до Йошки, топать было около трёх километров. В этом году на месте льна на поле посеяли не то ячмень, не то овёс, поэтому зрелище было не таким эпичным как в детстве.

Потом остановка в Старокрещено, исписанная всякими иероглифами местных ещё с 90-х. Тогда почему-то было модно брать три буквы из названия села или района, писать их через дефис латинскими буквами³⁶, дорисовывать "типа лучи" и "корону". В Старокрещено, соответственно, было написано:

=S-K-O=

Так же всякие местные росписи типа "Ильинка поки"³⁷, "Пуял черти", "Ошлангер зоопарк" (это признания в дружеских чувствах соседним деревням), обязательно голая баба со следами бычков и плевков на интимных местах. Но это всё сзади, за остановкой, куда приличный молодой человек обязательно заглянет перед дальней дорогой. Спереди же сохранилась с советских времен цветная керамическая мозаика, изображавшая сцену из жизни марийцев. Вот тётка в народном платье приплясывающая, вот дядька с волынкой, вот

³⁶ До сих пор внимательный глаз может увидеть на позабытых стенах Йошкар-Олы и Марий-Эл такие значки. Типа S-B-Y, T-X-O, R-Z-D, G-Z-O и т.д. Было ли такое в других регионах – автору неизвестно.

³⁷ "Пок" – это такое поволжское очень обидное ругательство в девяностые. Этимология автору неизвестна. Было ещё выражение "Пок галимый".

дядька с барабаном. Кажется, эти инструменты называются по-марийски "Шувыр" и "Тумыр"³⁸. На других остановках было нарисовано другое, в Крещено было так. А над всем этим господствовала надпись на двух языках:

СТАРОКРЕЩЕНО

ТОШТО КРЕШЫН

Дребезжащий "ЛиАЗ-скотовоз" остановился, гостеприимно распахнул двери, заманивая в своё чрево трёх бабушек, нескольких гоповатого вида сельских пацанов и Лешего с трассовым рюкзаком. Пожалуй, он больше всего диссонировал с окружением, но сейчас ему было пофиг. Он, не торопясь, разматывал проводки наушников, протянул две десятки тётушке-кондуктору и смотрел на марийские леса и поля.

В Йошкар-Оле, "городе-стройплощадке"³⁹, Леший сбросил рюкзак у брата в Сомбатхее⁴⁰, и пошёл гулять. Возле новопостроенного "Ледового дворца" местные фаерщики крутили пои, а рядом тусовались местные нефоры. Леший уже познакомился со здешними автостопщиками, и сейчас обсуждал особенности дороги. Все в один голос говорят, что

³⁸ Волынка из бычьего пузыря и марийский барабан.

³⁹ Стараниями Леонида Маркелова, президента республики Марий Эл, Йошкар-Ола преобразилась: исчезли зелёные пустыри, появились китчевые пряничные домики набережных. Про Маркелова вообще, кажется, будут потом легенды слагать.

⁴⁰ Спальный район в Йошкар-Оле, названный в честь побратима, венгерского Сомбатхея (Szombathely). В нём, кстати, есть район с названием "Yoshkarola"

уезжать из Йошки нормально.

Девочка по имени Маша играла на флейте мелодию из одной из песен "Аквариума". Мальчик Артём крутил пои. Барышня Таня демонстрировала друзьям свой новый пирсинг. Гитаристов в их тусовке не было, а Леший свою гитару оставил на Урале. Поэтому Леший просто пил пиво. Благо "Медведевское живое", оказалось пойлом получше привычного уральского "Стрельца". Сегодня последний вечер в Йошкар-Оле. Леший решил проводить его достойно. Когда брат пришёл с работы, Леший вытащил его на пляж на Кокшагу. Там они купались, и как вся окрестная толпа, пили пиво и курили сигареты. Такой уж город Йошкар-Ола.

"В детстве здесь всё казалось незыблемым, но сейчас понимаю, что тогда это была жуткая гопническая дыра. Сейчас же что-то меняется к лучшему: в Йошке появились нефоры, ходят и не боятся огрести пиздюлей. Да и сам город чище стал, культурней. Пустыри с ивняками вон застраивать начали. Может, и за дороги возьмутся. В девяностые здесь были хорошие дороги, на Урале плохие. А сейчас наоборот. А ещё здесь рано темнеет. Такие вот особенности часового пояса", – так думал Леший, топая с братом по песчаным дорожкам мимо старого парка аттракционов, слушая треск кузнециков и шум последних вечерних троллейбусов.

Снился Лешему странный человек, высокий с небольшой

бородкой и ёжиком светлых волос на голове. Что-то рассказывал, что-то про дискотеки и марийцев, но Леший толком ничего не помнил. Только внешность.

Утро было туманным и прохладным. Леший курил с кружкой чая на балконе, глядя на закутанную туманом "Сосновую Рощу". "Пора на трассу. Собран полный рюкзак еды, пирожков, кваса, да ещё вчера купил брат блок сигарет. Так что "живём""

Леший докурил, собрал рюкзак, пожал руку брату и закрыл входную дверь. Лифт, неизменный с советских времён, повёз его вниз.

"Выйти со двора, перейти проспект, сесть на маршрутку. Было бы времени побольше, прошвырнулся бы через Сосновую Рощу, но пешком тут до позиции часа полтора, не меньше. Да и дождь может начаться. Вот и она, маршрутка до "Звёздного". Раньше маршруток не было, это уже веяние двухтысячных. Как и шансон в магнитолах, мобильники, тётки эти худощавые в кореле отрисованные..."⁴¹

Маршрутка оставила Лешего на позиции. Первой машиной, к большому удивлению Лешего, оказался КАМАЗ-са-

⁴¹ Собственно, для автора книги всё это является символами той эпохи. И "Газельки" маршрутки, и "Радио Шансон", и реалити-шоу по телевизору, и моллы с однотипной блестящей рекламой, и мобильники-"пищалки" с обязательным "брибумер.amr", и многое другое.

мосвал

– Я до Силикатного, прыгай!

Леший хлопнул дверью, слушая молчание и рёв КАМА-Зовского мотора.

– Я здесь первый раз на попутке еду. В детстве часто ездил, только от Казани в основном на поезде. Там же станция Кундыш, ага?

– Всё верно.

– Что тут за народ сейчас живёт? Раньше всё страшилки про Йошку и Марийку слышал, несмотря на то что сам часто тут бывал.

– Да тут народ нормальный, залупаться не будешь, так не полезут. Про какой-то разбой на трассе давно не слышно. Да и в девяностые было не громче, чем в Казани. А ты сам откуда?

– С Урала, с Михайловска.

– Аа. Знаю. Я же раньше в дальное работал, много где поездил, и дороги ваши повидал. Как раз в девяностые. А потом у нас расформировали автоколонну, и все кто куда. Кто пошустрее, те, конечно, сами крутятся, я вот "на дядю" работаю. Вожу песок с Силикатного в Медведево. Пока. Потом куда пошлют. Вот о беспределе, это у вас там беспредел.

– Да нет, давно не было.

– А в девяностые слышал как? Фура в гору на Уреньгу⁴² поднимается, её сзади УАЗик догоняет, на ходу открывают

⁴² Известный перевал на трассе М-5 под Златоустом.

кузов, и всё перекидывают. Как только узнавали, что везут? Шальные были времена...

– Всякое слышал... Сам только раз видел на перевалах как у машины колесо загорелось. Слава богу не у моей...

– Ну вот здесь я и поворачиваю. Там пройдёшь маленько, да и голосуй...

– Спасибо, удачи вам!

– Бывай.

"Маленько" оказалось топтать минут полчаса, начинал накрапывать дождик. "Странно, что народа в посёлке почти не видно. Так, полторы бабушки прошло. Хотя дома все цивильные, кирпичные", – думал Леший.

Стоять пришлось долго. Внутреннее радио Лешего крутило ему Веню Дыркина

"Чистой водой мчится домой твоё Ладо.

Среди дорог, забитых травой, мой путь светел⁴³..."

Под стать мыслям остановилась "Восьмёрка" с дядькой за рулём.

"До Казани!", – буркнул дядька.

– А я из Йошки домой на Урал.

– Да мне пофиг. Делать вам нехуй, катаетесь...

"Фу блядь, жлоб, – думал Леший, – посадил, чтоб мозги поебать? Не буду с ним разговаривать!"

⁴³ Веня Дркин – Ладо.

Молча ехали они по трассе. Ближе к Казани погода развеялась, даже выглянуло солнце.

– Здесь тебя высажу, тут объездная. Ты извини, что так грубо, у меня сегодня день не задался. Срочно надо ехать, деталь забирать. А не хотелось, лучше б дома отсыпался. Ну хоть доброе дело сделал...

– Спасибо.

– Уралу своему привет!

"Хлопок двери, звук мотора, выдох. Занавес. Немая сцена", – вслух произнёс Леший и закурил, – "Пока топает по лепестку развязки и до удобной позиции, можно как раз успеть выкурить сигарету. О, кто это там топает? Знакомое лицо! Рома-киевлянин!"

– Приветствую, коллега!

– Добрых тебе путей, Леший!

– Ты откуда-куда?

– Да как обычно, с Алтая в Лиску, как попрёт. Может через Киев, может напрямки.

– В Екб останавливался?

– Не, проскочил транзитом в этот раз: проходняк был от Тюмени в Киров.

– Покурим постоим?

– Давай. Только у меня своё. Ты не любитель, я помню.

Поэтому не настаиваю.

– Не боишься трассой траву возить?

– Джа ведёт меня. До границы всё равно скурю. А там пусть хоть задоёбываются. Хохлам нашим пофигу, если только российская таможня...

– Ну смотри.

– Бум баринат Омнамахшивайя⁴⁴!

Леший и Рома засели в кустах с видом на холм и поля. Так, что с дороги их не видно. Рома курил траву через маленькую деревянную трубочку, Леший – "Петра". Пили квас Лешего и чай "пуэр" из термоса Ромы. Ради таких "Встреч на Эльбе", пожалуй, стоит ездить автостопом. Собственно, у автостопщиков и есть такие мероприятия – "Эльбы". Но об этом потом...

Леший познакомился с Ромой летом на Плотинке. По своей привычке выцеплять автостопщиков, Леший сразу распознал в нём "своего". Большой рюкзак, сандали, цветастые штаны, афрокосы. Лицо при этом не раздолбайское, а вполне себе интеллигентное. Завершённый образ поддерживался аккуратной бородкой и очками. Если б не рюкзак и барабан, можно было сказать, что перед нами какой-нибудь сисадмин. Леший вписал тогда Рому у "Философов", где Рома впредь и останавливался. Рома не курил табак и не пил никакой алкоголь. Зато не брезговал травой или "планом".

⁴⁴ Некоторые адепты Шивы и курения конопли произносят эту фразу. Такая короткая молитва Шиве.

– Как трасса?

– Да я вообще только начал: в Марийке у родни гостил. Поэтому автостоп у меня офигевший: с полным рюкзаком еды, сигарет, в принципе даже деньги есть.

– А у меня быстрая дорога. Ещё под Бийском поймал чувака до Тюмени. Ночь переночевал на флэту в Бийске, хотел в Новосиб заехать, но тут тормозит чёрная "Волга". За рулём такой прикольный перец: лет пятьдесят, на шее бандана, на голове ковобйская шляпа. Оказалось ландшафтнй дизайнер. И ехал с форума экостроительства, который был в Усть-Коксе. А я ж там как раз недалеко был! Представь, мог бы его прямо оттуда застопить, прикиинь! Ну, он мне говорит, поехали со мной до Тюмени, только я такой, что быстро езжу, ты не испугаешься? А я ему, та не, у меня всё нормально. Мы с ним ещё дунули остановились: ну внатуре ландшафтнй дизайнер! Ехал быстро: вечером уже под Тюменью был. Он меня почти у "Троятника" высадил. А туда, сам знаешь, можно без звонка приходить!

– Вот не поверишь, Ромыч, я ни разу там не был.

– Та и нечего на "Троятнике" делать. Ну и ночью у Троя вписался, а с утра прямо с Московского кольца прямая машина до Перми. Даже трохи за Пермь завёз. Там база какая-то, я и не упомяну. А потом перенайтовал в лесу, с утра-ка умылся, тудой-судой...

– ...И вот ты здесь.

– И ось я тут.

– А мне даже и рассказать нечего. Уже и не чувствую новизны от дороги. Как с курением. Поначалу баловался, потом втянулся, а сейчас вроде и кашляю, и все карманы с рукавами табачатиной провонял, а не могу бросить. Вот со стопом также. Сны вот диковинные снятся. Один и тот же чувак снится, и какую-то пургу гонит.

– А ты попробуй дневник снов вести. Говорят, помогает. Вон у меня в Харькове есть дружбан такой что сны видит осознанные. Ну, он много чего ещё делает. Ауру видит, прошлые жизни. Шо твои "философы". Тот ещё энергет. Вот он говорил, что дневник снов ведёт, и даже карту локаций составил. Как в "героях"⁴⁵...

– Я-то не геймер, мне "герои" ни о чем не скажут. У нас половина нефоров задроты-геймеры. Один музыкант талантливый, денег поднял, снял жильё, да и как залип за игрухи, что даже на "аск" не выходит. Давно его не видел. Говорят, вписывает людей иногда, за жратву и приборку. И "шпилит" в "героев" своих. А карта снов – это идея. Спасибо.

Посидели ещё немного, глядя на солнышко. Сидеть и разговаривать – это хорошо, но лучше это делать на вписках или "Эльбах". А на трассе поговорить, да дальше ехать.

– Когда тебя в наших краях ждать?

– Ох, и не знаю, как дорога ляжет. Так-то хочется в Незалежную, мне её уж разрекламировали. Один гитарист у нас есть, который летом в Киев ездил, вот он все уши прожуж-

⁴⁵ Герои 3 – популярная в то время компьютерная игра.

жал: "БэЖэ", "Майдан". Я с его слов уже могу сказать, что в Киеве побывал.

– Ну лучше самому один раз увидеть. Или не один. Приезжай. Меня не застанешь, так у Котов вступишь, чи ещё где. Адрес я дам, как до интернета доберушь, тебе чиркну.

– Пора ехать?

– Пора. Бывай, друже!

– Удачи, коллега! Тёплой трассы!

Ещё пять минут хода, и, наконец, удобная позиция.

Первая машина с молодым татаринцом, который под звуки татарской попсы провёз до поста ГАИ на челнинской развязке.

Гаишники даже головы не повернули несмотря на то, что высадили Лешего сразу за постом.

"Отсюда начинаются поля и холмы, – думал он, глядя на просторы Татарии, – До самых Челнов. И пост выглядит как последний оплот цивилизации перед дикой степью. Леший, степи уже давно не дикие, по крайней мере здесь, в Татарии. Минтимер-бабай⁴⁶ хорошо следит за дорогами, правда про ментов здешних много историй ходит. Хотя на кой я им? Эй, караванщик, останови своего верблюда. Русский дервиш Аль-Акси-ибн-Дерахт-аль-Джангали⁴⁷ едет на благословен-

⁴⁶ На тот момент Минтимер Шаймиев – президент Татарстана.

⁴⁷ "Алексей из леса, сын дерева", на ломанном персидско-арабском джибрише.

ный восток! Где мои гурии? Обереги меня, Всевышний, от Джиннов на пути... А Джинны нынче с золотыми зубами, наколками, в полосатых трениках, туфлях-утконосах и кепках-восьмиклинках. Эк тебя в Новосибе пронесло, Дервиш недоделанный..."

В прошлом году на выезде из Новосиба действительно был стрём. Когда остановилась пьяная "гоп-девятка", с разомлевшими телами. Сначала они сказали, мол, иди нахуй с дороги, чмо. А потом спустя минуту развернулись и начали угрожать пистолетом со словами "поехали бя!" и "Ещё раз тебя увидим – пристрелим нахуй!" Леший тогда подхватил рюкзак и бежать прочь от трассы. Сколько он сидел в тени брошенной шиномонтажки? Час-два? Выкурил пачку сигарет, потрясся как кролик в норе, и только потом вышел на трассу снова. И первая машина, увезшая тогда за пятьдесят километров, до Коченёвского поста, увозила Лешего от его страха.

Да, Леший боялся. Когда по дороге с югов в прошлом году его спросили: "А как ты ничего не боишься?", Леший честно ответил: "А я всего боюсь", и поставил точку. Двенадцатилетний паренёк, ехавший на попутках в соседнюю деревню и угостивший его арбузом, тогда сказал, что "это же не по-пацански". Лешему этих "пацанских понятий" хватило с лихвой сначала в родном Михайловске, потом в общежитии, где

Саня с Камышлова, сосед по блоку в общежитии, так и сказал, мол, не сидел – не мужик. Да и вообще много всякого. Лишь автостоп научил Лешего не кривить нос при звуках шансона или гоп-рэпа.

Следующая машина ехала в город Мамадыш. За рулём сидел молодой парень, рассказывавший о своём выборе женщины.

– Вот смотри. Есть две женщины. Одна такая вся сорвиголова, постоянно тусуется, в центре внимания, активная, ну и в постели огонь. А другая – тихая домашняя, которая тебя всегда дождётся. Ты бы какую выбрал?

– Я и не знаю. Влюбляюсь обычно в первых, а в меня влюбляются вторые.

– Вот и я выбрал первую. А потом у неё там корпоратив, там поход, тут тусовка... Я то и понял, что дело нечисто, но всё на доверии держал. Однажды встретил её с работы на машине, а она телефон так быстро-быстро в сумочку спрятала, будто виновато. Решил с ней поговорить по поводу её жизни. Ну и слово за слово... Расстались мы короче со взаимными проклятиями. Она мне наговорила гадостей, что я закончу жизнь лысеющим пузатиком в трениках с женой в бигудях и с пиздюками. Я ей сказал, что доживёшь до тридцати пяти и поговорим, что красота не вечная. Короче разосрались. Так вот, я и понял, что идеальных женщин в принципе не бывает. У всех есть недостатки. А если видишь идеал, такой

прямо Идеал с большой буквы – полюбуйся и беги дальше. Выкидывай из головы.

– У меня такое было нынче в начале лета.

– Тогда представляешь, о чём я говорю. Да у нас с тобой не сильно большая разница в возрасте, так что всё ещё будет...

– Хотелось бы.

На повороте в чудный град Мамадыш Леший зашёл в кафешку, пополнил запасы воды, использовав пустую бутылку из-под кваса. Здесь можно ориентироваться и на тех, кто отобедал и выезжает от кафе. Или с заправки. Леший кинул рублёвую монету в придорожную пыль, поднял большой палец вверх.

Как и следовало ожидать, остановилась машина, выезжавшая с заправки. Красный "Аквариум" с восемнадцатым регионом.

– Я до Ижевска.

– А я в Ёбург

– В Катю значит. Прыгай!

Залезть в "Магnum" то ещё удовольствие: лесенка и подножки находятся слева от двери, а не прямо под дверью.

– Вот, будешь слезать – не забудь про ручку справа, а то знаю я вашего брата. Двоих подвозил за этот год, оба наебнулись, когда вылазили.

В машине потянулся типичный разговор. Леший выполнял роль слушателя, кивал головой, и говори "Угу". Потом водитель будто выговорился, включил негромко радио и за-

молк. Как бы говоря Лешему, мол, не хочешь не говори. Я доброе дело делаю, а ты мне помогаешь его сделать. Сиди и молчи.

Леший же крутил в голове разговор с водителем предыдущим, о девушках, верных и неверных, тусовщицах и домашних.

"Что же я делаю не так? Почему так редко бывает взаимность? И почему так ненадолго? Может, существует какая-то неприятная и неудобная правда про меня, которую все знают, а мне не говорят? Почему мне нравятся одни девушки, а в меня влюбляются другие? И что с этим делать? И сколько лет ещё?", – вещало внутреннее лешевское радио.

Когда трасса и тусовки начинали приедаться Лешему, он часто думал о том, что тепла, спокойствия и любви ему хочется больше, чем тусовок. Тогда он прикидывавл, сколько ещё человек может прожить в таком темпе. Год? Два? Пять? Говорят, на вписках и тусовках можно жить годами. Но часто такие "олдовые тусовщики" превращались со временем в блевотину, с которой "в одном поле срать не сядешь". Думая об этом, Леший грустил.

На ночёвку встали рядом с городом Можга. Лешего гостеприимно поселили "на верхнюю полку" в кабине, а пока Леший угощает водителя "Петром" и бабушкиными пирожка-

ми.

Интересное дело – засыпать в машине, стоящей рядом с дорогой. Когда мимо проезжает фура, турбулентный поток за ней раскачивает кабину. Ощущение, как на "американских горках", только лежишь горизонтально. Заснуть с непривычки тяжело, но в дороге обычно спится хорошо. Вот и Леший заснул...

" – А правильно тебе киевлянин сказал. Через него тебе Дэжа знаки подал. Пиши то, что снится. Веди дневник снов.

– А нахера?

– Как ты ещё будешь запоминать что тебе, волосатому, рассказываю!

– Стоп, я же уже не волосатый давно.

– Да ладно! Помнишь, как у Саши Непомнящего в песне: "И даже если подстричься и одеться в цвет хаки – ауру не уберёшь"⁴⁸...

– Там про ментов.

– Какая разница? Может я сам – мент? Хи-хи-хи, нет вообще-то...

Леший потрогал себя за голову. Опаньки, волосы! Хайры!

– А всё же, я вроде не волосатый был

– Да ты просто спишь...

– Бля. Правда..."

Леший проснулся. Не было странного человека, только

⁴⁸ Непомнящий – Лимоновский блюз.

внизу похрапывал драйвер. В щёлочку между шторками виднелся кусок туманных сумерек. Пощупал голову – волос нет, всё та же короткая стрижка.

"Который раз он мне снится? Второй? Третий? Странный человек".

Фуру в очередной раз качнуло. Потом у драйвера запищал будильник. Он внизу потянулся, шумно прозевался и запустил мотор.

– Доброе утро, бродяга. Шас, кофе попьём и поедем.

Леший собрал спальник, слез с полки и зашнуровал берцы, пока водитель грел турку на газовой горелке.

Для утреннего туалета Леший просто прыгнул с высокой ступеньки "Магнума". Пасмурное утро не способствовало весёлым разговорам, поэтому до Ижевска ехали молча.

Перед Ижевском начиналась кривая ижевская объездная. Там водитель и оставил Лешего со словами "вот трасса на Воткинск пошла". Вылезая с рюкзаком, Леший всё же навернулся, забыв про ступеньку. Водитель посмеялся, Леший оттряхнул с себя пыль и полез в рюкзак за перекисью: пока падал, ссадил себе ладонь.

Возле автобусной остановки, где Леший обрабатывал себе ссадины, к нему стала приставать цыганка, невесть откуда взявшаяся здесь.

Мол, подай денег на ребёнка, а то парализован будешь...

Леший, памятуя о том, что с цыганками не надо разговаривать, молча сунул в уши плеер и отошёл от остановки метров на двести в горку. Вокруг простиралась берёзовая рощица, начинало светать, пела какая-то неведомая птица, и редко-редко проезжали машины.

Одна из машин – оранжевого цвета "москвич" – притормозила рядом с Лешим.

"Мы до Чайковского", – сказал длинноволосый парень за рулём. А сидело их там двое, причём второй был похож на гопника: кепка-восьмиклинка, олимпийка, наколки.

Пользуясь случаем, Леший начал выяснять у них что тут с дорогой. И выяснил, что Чайковский трасса цепляет краем, и что уехать будет тяжело. По словам гоповатого попутчика "придётся пиздовать очень долго".

"Москвич" высадил Лешего рядом с высоким виадуком над дорогой с видом на город. Под виадуком был молодой соснячок. В этот соснячок Леший направился, дабы пообедать. Найдя правильное место и "правильно лежащее бревно", Леший сбросил рюкзак, достал из него бутылку с водой, пирожки и свежую пачку сигарет.

"Странное место. Вроде трасса и город рядом, а так тихо. Давно я по таким ебням не ездил..."

После такого импровизированного обеда и лежания спиной на спинке рюкзака можно было трогаться. Леший взва-

лил на спину рюкзак, стал подниматься на насыпь. Вдоль дороги он шёл, просто голосуя на ходу левой рукой.

Идти пришлось долго. Ещё и дождик начал накрапывать. Благо на ногах были берцы, а не тряпичные кеды, и мокрота особо не напрягала. На рюкзак же была надета накидка.

Трасса, меж тем, не радовала наличием позиций. Точнее, показывала их полное отсутствие. Знаки "остановка запрещена", глинистая обочина, местами вообще срезанная, а ещё и ремонт.

"Блин, устал я чего-то. Если будет драйвер до Перми, то просто приеду на вокзал и возьму билет на поезд до Еката. Деньги есть, на билет должно хватить. Главное, чтоб поезда были. А вот и ремонт кончился. Всёнахуй! Отсель грозить мы будем шведу⁴⁹! Либо уезжаю отсюда, либо... Дахерзнает-что!".

Леший остановился, кинул монетку и поднял руку. В этом месте было чуть получше. Машины, из-за ремонта ползшие, здесь, наконец, выезжали на более широкую дорогу и могли остановиться.

Внезапностью для Лешего была остановка "Ауди", которая ехала в Пермь.

Водитель представился Иваном. По внешнему виду ти-

⁴⁹ Цитата из "Медного всадника" А.С. Пушкина. Леший этой фразой обозначал наконец найденную автостопную позицию.

пичный "новый русский из анекдотов": лысая голова без шеи, на месте шеи висит золотая цепь, куча перстней на пальцах, тёмные очки. Оказалось, что Иван – стоматолог.

– Знаешь, почему мощные машины – это хорошо?

– Ну хз⁵⁰, я не водитель.

– Вроде так рассуждать, куча минусов. Бензина много жрёт, налогов с нее много платить, сервис дорогой. Но есть один плюс. Безопасные обгоны...

При этих словах Ваня начал резкий манёвр обгона самарского автовоза, успев проскочить на коротком разрыве в сплошной. Двигатель при этом взревел, и машина рванула вперёд очень быстро.

– Чем мне не нравится эта трасса через Воткинск и Осу, так это сплошными. Узкая, извилистая, много мест, где обгон запрещён. А фуры всё равно тут прут. Это ещё её подлатали, а прошлый год она совсем разбитая была.

Водитель рассказывал много чего о здешней природе. Рассказывал про астроблему – след метеоритного кратера, который прячется где-то в тайге рядом с Осой. Про глубокую затопленную пещеру. Про нефть. Холмистый рельеф и ельники чуть напоминали Лешему родной Михайловск. У пермяков для такого ландшафта даже есть специальное слово – "Парма".

Рядом с берегом Камы действительно было красиво.

⁵⁰ Аббревиатура "хуй знает". В просторечье обычно говорят сокращением: "Хэээ".

Своеобразная такая суровая красота.

– А в Перми тебе куда надо?

– Я вообще в Екатеринбург еду, поэтому, наверное, на вокзал.

– Устал от автостопа?

– Есть немного. Тут пешком много прошёл, под Чайковским. Да ещё и промок.

– Ну смотри, я через Пермь-вторую⁵¹ не поеду, а на Нагорном тебя оставить смогу. Знаешь где это?

– Разберусь.

Вот и Пермь. Широкое шоссе Космонавтов, высокие дома, простор. Очень мало пешеходов на улицах. Эта странность была давно замечена Лешим, ещё во время первого приезда сюда, на фестиваль "Рок-Лайн".

"Да, тогда тебе казалось, что неформалы и рок-музыканты – это одна тусовка. Ну, благодаря этому знанию ты тогда и вписался удачно. Сначала в автобус из Кунгура до Перми с музыкантами, потом в общагу к музыкантам. Да уж, щас вспомнить, так весело. "Это ваш? – Да, это тоже наш!" А какой сейшен был. Когда брутальный дядя из Омска запел почти фальцетом. А после того, как ты взял гитару, сказал, что ты слажал всю песню? Да. Хихихи".

Леший усмехнулся вслух, и достал из кошелька полтин-

⁵¹ "Пермь II". Ныне – главный пассажирский вокзал Перми.

ник. Кондуктор в автобусе отсчитал сдачу, отсыпав Лешему гору мелочи.

На вокзале "Пермь II" предстояло разобраться с поездами. А вот билетов не было ни на что, кроме фирменного "Демидыча". А "Демидыч" проходил через Пермь только ночью. А это значило несколько часов ожидания на вокзале. Выбора особого не было, потому Леший взял билеты на "Демидовский экспресс", выстояв очередь в кассе. Теперь сидеть и ждать.

"Пермь – город с древностью, которая просвечивает через советские и современные постройки. В Перми за всем нуаром можно увидеть глубокую древность с шаманами и охотниками, попасть во времена Стефана Пермского и Золотой Бабы... Ты куришь на перроне "горнозаводского направления". Здесь на вокзале "Пермь II" три направления поездов: Западное, Восточное и Горнозаводское. Так вот, ты вышел покурить именно на этот перрон. Спешащие пассажиры бегут в поезда. Приезжают электрички, привозят припозднившихся людей. А ты куришь эту древность, этот вокзал и этих людей. Все эти образы уносятся вместе с дымом сигарет в июльские сумерки. И запахи смешиваются. Курева, семечек, креозота, каменного угля..."

В зале ожидания около одиннадцати вечера показалась

толпа агрессивного вида гопников. Человек семь. Будто кого-то искали, как коршуны мышей. Прошлись по всем пассажирам цепкими взглядами. В том числе и по Лешему. Леший заткнул уши наушниками и уставил взгляд в пол, боковым зрением глядя на гопников. Взгляды прошли мимо Лешего, зацепившись за какого-то маргинального вида мужичка. К нему от грядки гопников агрессивной походкой направился один. Леший прямо увидел страх этого мужичка...

Развязки не случилось: из-за двери вышли три упитанных мента в синей форме. Достаточно было их появления, чтоб понять, кто на вокзале хозяин. "Делегат" от гопников подошёл к мужичку, шлёпнул его по плечу и ушёл вместе со своей "бригадой" в сторону города.

Леший вышел покурить к этому выходу. Стоял рядом с ещё двумя мужиками.

"Бля. Суровый город Пермь. Мне и щас страшно, хотя и не по мою душу. Что вокруг? Вечерние запоздалые сумерки, густо-синее небо. Ларьки, переход, где-то там троллейбус. Редкие прохожие. Благо здесь не видно "Золотодолларов", как в Ёбурге. А те гопники уже нырнули в переход..."

Около полуночи подошёл "Демидыч". На удивление, очень много народа из Перми в него грузится. В вагон Лешего вместе с ним и цивильными пассажирами загрузились три бородатых мужика в тельниках, штормовках и с большими

рюкзаками.

Место Лешего – верхняя полка без белья. Проводница запретила доставать матрас. Мол, "бельё не купили, нечего!". Леший расковырял из рюкзака свой спальник, лёг в него. За окном кончились последние огни Перми и показывали ночь со светящимися оазисами деревень в глухой ночи. Поезд летел быстро.

Леший вышел в тамбур. Там стояли и курили двое "бородатых туристов", которые садились вместе с ним.

– О, а ты тоже с рюкзаком был. Откуда добираться?

– Да я автостопом вообще еду, заебался только, решил последнюю ночь поездом доехать.

– Ничё ты даёшь. А откуда сам?

– Вообще с Михайловска, из Свердловской области, а щас еду из Йошкар-Олы.

– А мы с Народной и Манараги⁵². Слыхал?

– Конечно. В детстве Рундквиста читал, "Сто дней на Урале"⁵³. Только не тянуло меня почему-то в эти горы. Мне Южный Урал милее.

– Ну, если тебе автостопом, то конечно Южный Урал проще. Мы с приключениями добираемся. Это третья пересадка! Сначала на вахтовке до Инты, потом ночь в Котласе,

⁵² Высоченные горы на Приполярном Урале.

⁵³ "Сто дней на Урале" Николая Рундквиста – это книга о пеше-VELO-водном путешествии, проделанном летом 1991 года по Уралу с юга на север. Представляет историческую ценность.

Киров и вот Пермь. Сами со Свердловска тоже.

– А чего так сложно? Билетов не было?

– Да. Ну и плюс логистика корявая. У нас же нет прямых поездов в сторону Воркуты...

– Понятно.

Леший отвернулся, протёр рукой запотевшее окно. За окном уже была темень. Лишь на фоне густо сине-чёрного неба темнели остроконечные силуэты елей. Такое сочетание густой тьмы, неба без звёзд. И редких вспышек от пантографа поезда.

"У них своя дорога. У меня – своя. Но мы и они – и есть дорога. Наверно, они интересные. Хотелось бы пожить их жизнью. Или не хотелось. Хер знает, что в прошлом этих бородатых людей. Хотя в горы бы хотелось. Да".

Леший докурил, поссал, умылся и отправился спать. Полотенце тоже не выдали, поэтому Леший обтёр руки о матрас. Воткнул в уши плеер и вырубился...

" – Кто ты чмо? Фашист?"

– Нет...

– Значит ты антифашист (удар по лицу, хруст носа, кровь)

– Привет, я тут антифашиста пизжусь.

– Я не антифа!

– Что с ним делать? Убить? Пусть живёт? Эй ты бя! Узник совести! Моя девушка по телефону говорит, чтоб ты жил тварь... (удар по голове, темнота)

...

– Лёха ты как? (шлепки по щекам)

– Голова болит. Щас блевану.

– Они ушли. Ещё Костику ввалили. И мне прилетело, я за тебя впрягся.

– Я что-то такое припоминаю. Спасибо Стас.

– Иди умойся, потом посмотрим, что с тобой можно сделать.

...

– Проблевался?

– Ага.

– Ну чё Леший, давай нос вправлять. Терпи. Больно.

– Похуй уже... Ай!

– Воот. Как было. Хотя "красивый" походишь какое-то время. И ездить придётся на собаках.

– "Девушки из Мории самые красивые, пол-ебала красное, пол-ебала синее..."⁵⁴

– Шутить изволите...

– Спасибо тебе. Ты один за меня впрягался.

...

– Сотрясение мозга. Нос тебе товарищ хорошо вправил, – матушка осматривала фингалы Лешего со всей строгостью

⁵⁴ Песня из ролевого фольклора "Мория". О ней – в следующих сносках.

врача, – Спасибо ему скажи. Жить будешь, но с твоими показателями, скорее всего, в армию не пойдёшь. Точнее пойдешь в военное время. Нам же с отцом спокойней.

– А сейчас что?

– Да ничего, поваляешься в больнице. Лучшие в Нижних Сергах.

...

– Зачем куришь? – хирург Нижнесергинской больницы Касым Каримыч был строг к Лешему

– А чего, нельзя?

– Я запрещаю тебе курить!

"Угу", – думал Леший и угрюмо курил, стоя на лестничной площадке с обшарпанной табличкой: "Мы уважаем ваши привычки – вы уважайте наши порядки"

...Сырой апрельский ветер. Леший вышел из больницы в "райцентре". Перешёл дорогу. Школа. "Сюда приезжали на олимпиаду. А ещё в военкомат сходить, справку отнести. Что за странный город, эти Серги!"

...

– Здесь и здесь распишитесь. Вот ваш военный билет. Отправляйтесь в запас...

– Спасибо..."

Леший разлепил глаза. Поезд качался на поворотах. За окном ночь. Плеер сел.

"Это всё гопники в Перми, – думал он, – Навеяли воспоминания. Так ты Леший получил пиздов и провалялся в больнице. Зато теперь более разборчив во вписках и тусовках. Не тусуешься со всяким отребьем. И в армию не идёшь. Спасибо им скажи"

"Им" – это троим скинам, которые выломали дверь вписки и начали избивать щемившихся по углам неформалов. А хозяин вписки видимо их знал, поэтому сидел с бутылкой пива, когда скины запинывали Лешего. Леший не любит об этом вспоминать.

Он сполз с полки, сунул ноги в берцы, вышлепал в тамбур и закурил. Совсем один. Весь вагон спит. Надо тоже идти спать.

" – Привет! Я тебе тут говна принёс!

– Опять ты. Опять снишься? Да?

– Пока не поговорим, не проснёшься. Этот тебя пиздил?

Странный человек достал из двери ("что? откуда дверь? где я вообще?") того скина. В прямом смысле. За шиворот.

– Говорила мне мама не бей по ебалу. Только в крови измажешься, а толку нет. Надо было сразу по шее хуярить тебе! – сказал скин

– Леший а ты чего дрожишь? Ёбни ему!

– Не могу.

– Ёбни!

Леший ударил скину по лицу. Нос хрустнул, оттуда брызнула кровь.

– Бля, меня на малолетке сильнее пиздили, – огрызнулся скин

– На ещё!

– Понравилось? А теперь скажи ему спасибо и пусть пиздует!

– Спасибо. Из-за тебя я не ушёл в армию и перестал тусоваться с этими обрыганями. А теперь пиздуй.

– Иди нахуй!

– Сам иди.

– Леший, это твой сон, делай с ним что хочешь. Блин, ну не настолько же!

В это время Скин превратился сначала в ростовского мальчика "скина"-Стасика, потом в Настю. А потом и вообще исчез.

– Кстати смотри. У тебя опять длинные волосы.

– Я уже не удивляюсь. Ты мне который раз снишься. Пора бы уж представиться.

– Волк.

– Хехе.

– Дадада, знаю, что у вас там целый зоопарк, и полна тусовка Волков-Волч-Волчён-Волчонков-Волчат, ну а хули делать! Я то и правда Волк.

По лицу Волка скользнула и исчезла звериная морда.

– Зачем ты мне снишься?

– А зачем тебе такой жизнью жить? Начинай понемногу выбираться из этого болота.

– Да мне вроде норм...

– В тридцать лет также будешь говорить, умник?

– Хуй знает.

– Да, он-то, может быть, и знает. Кстати, всезнающий хуй действительно существует. В Париже, в палате мер и весов.

– Ну вообще да, не чувствую новизны и перспектив никаких, – Леший решил, что с Волком надо быть честным.

– Лень. Лень и страх. Лень от страха, или страх от лени... Что было первое: курица или яйцо? Ладно, тебе просыпаться пора, а то Северку⁵⁵ проспшишь?

– А что мне Северка?

– А там с шаманами познакомишься, потом..."

Леший разлепил глаза. За окном было пасмурное утро. Поезд действительно проезжал Северку. Мелькнула воинская часть, переезд, Северские Палатки...

Он начал спихивать спальник в рюкзак. Теперь – обуться, выйти покурить и готовиться к выходу. Соседи уже не спали.

В тамбуре стояли те же "бородачи"

– Ну что, автостопщик, выспался? Помятый такой.

⁵⁵ Посёлок в пригородах Екатеринбурга. В окрестностях Северки много всяких скал, озёр, да и просто леса там красивые. Там проходят практику студенты Лесного ВУЗа Екатеринбурга, в том числе и Леший, куда учился в универе.

– Ну, так себе...

– Это бывает. Что куришь?

– Яву синюю.

– На, угостись. Сувенир с Кирова

Один из "бородачей" протянул Лешему пачку "Дьябло Неро".

– Круто.

– Так всю забирай! Мы дома, а у тебя ещё хер знает, какие странствия будут!

– А может, не будут?

– Будут-будут! К гадалке не ходи! Сам таким же был.

– Благодарю. А вы случайно не шаманы?

– Мы не шаманы, однако. Мы геологи, однако.

Посмеялись вместе...

Поезд замедлял ход. Верх-Исетский пруд, Таганский Ряд, рельсы-вагоны-локомотивы... Наконец перрон. Поезд остановился, качнувшись. Тётка с двумя клетчатыми баулами повалилась вперёд, прямо на рюкзак Лешего.

– Извините молодой человек...

Леший вышагнул на перрон вокзала и выдохнул: "Ну вот я и дома. Опять".

Интерлюдия. Первый стоп Лешего.

"Уфф, добежал. Давненько так не бегал, лет с двенадцати", – думал Леший, заскочив в электричку перед закрытием дверей.

"Следующая станция Компрессорный завод. Осторожно, двери закрываются", – ответил ему голос автоинформатора из динамика электрички.

За спиной осталась станция Кольцово. Электричка набирала ход.

Здесь в Кольцово у Лешего была самая, по его мнению, лучшая вписка. Лучшая – это не значит самая цивильная или часто посещаемая. Скорее наоборот: квартира Маши-Этл в Кольцово была для Лешего "Аварийным убежищем", где можно было отдохнуть, и никто не тронет. И можно делать что угодно. Или не делать ничего. Донимать расспросами и разговорами здесь всё равно не будут. Этл, конечно, сама ездит стопом, но в те моменты, когда она дома, у неё обычно кто-то гостит. Маша-Этл рисует в стиле аниме, поэтому её гости, как правило, какие-нибудь художники и художницы, которые рисуют также. Или шьют костюмы для косплея. Или делают всякий стафф для ролевиков и анимешников. В её рисунках "своя атмосфера", свой собственный мир. Она любит рассказывать, что у неё шизофрения. Леший, конечно, в этом сомневался, но не спорил.

Этл курит "Балканскую звезду", внимательно слушает истории Лешего, рассказывает эпизоды из жизни своего мира.

Леший познакомился с Этл относительно давно. Три года назад.

Как только Леший закончил школу и подал документы на

поступление в ВУЗ, у него образовалось свободное время. В детский лагерь в "Оленьих ручьях" Леший, тогда ещё просто Алёша, не проходил по статусу, мол, уже не школьник. Поэтому он оставался в Михайловске.

Однажды в магазине на улице Кирова он увидел странно одетых людей. Длинноволосый парень в джинсовой жилетке, расклёшенных штанах и сапогах, а с ним миниатюрная девушка в красно-чёрном самошитом одеянии с хвостиком разноцветных волос. Оба были с небольшими "Вековскими" рюкзаками.

В родном Михайловске Лёша считал себя странно выглядящим и одевающимся: даже не выпускной в школе он пришёл в джинсах, бандане с черепами и в футболке с "Арией". За это, и за отращиваемые волосы, его иногда обзывали "Нефором", "Металюгой", "постригисьблядь!" и прочим. Лёша не обижался. Тем более тут все были местные, не свои конечно, но и не чужие. А эта пара была здесь, как инопланетяне.

– Три бутылки "стрельца", блок "примы". И печенек вон тех.

– Двести пятьдесят рублей всё вместе.

– Спасибо.

Лёша, покупавший здесь сигареты следом за ребятами, выскочил за ними.

– Ребят, привет. А вы откуда здесь оказались?

– Мы с полигона.

– А что это и где?

– А тебе зачем знать?

– Ну как это? Я таких крайне редко вижу. Вы толкинисты что ли?

– Ну, чё сразу толкинисты? Просто ролевики. Не все же игры по Толкину.

– Я-то вообще не ролевик.

– Ну ладно. Я Маша. Представлюсь цивилильным именем, кличку всё равно не запомнишь.

– А я Рустэм. Тэм, – ответил длинноволосый парень

– Очень приятно.

– Как вас всё-таки найти?

– Мы на полигоне играем. Это от плотины идёт тропа по склону, и в лес за поворотом пруда. Только ты не ходи туда, ты же вроде как не в теме игры. Будешь "Глюком". То есть с тобой никто разговаривать не будет, пока игра идёт. А со стороны подумаешь, что мы какие-нибудь сектанты поеханные. Хотя да, "мы не психопаты, мы ролевики..."⁵⁶

– Ну, всё-таки, можно прийти посмотреть? Я с ролевиками вообще знаком. По крайней мере, Черняховского⁵⁷ знаю. Мельком. Он с друзьями к нам в лагерь приезжал, показывал, как плавить железо, делать луки и много ещё чего. В "Оленьих Ручьях". Пару лет назад.

⁵⁶ Отсылка к ролевому фольклору.

⁵⁷ Известный ролевик, реконструктор и каскадёр в 90-2000-е года в Екатеринбурге.

– Аа, это скорее реконы, а не ролевики. Мы его тоже знаем. Здесь немного про другое. Через пару дней игра закончится, там будет небольшое автерпати, приходи. Скажешь, что Бабушка Этл позвала.

– Вот, я всё же узнал твою кличку. Бабушка Этл.

– Не, я просто Этл. Это для этих упырей (Маша махнула рукой на Тэма), я бабушка.

Прошло пара дней. Лёша, заинтригованный таким предложением, отправился на полигон.

Возле плотины Михайловского пруда в Газель запикивались какие-то люди с рюкзаками, мечами из текстолита и щитами. Странные немного, часть парней с длинными волосами, парни и девушки одеты по-походному.

– Ребята, вы ролевики?

– Да, с игры.

– А там нм полигоне кто-то есть?

– Нуу, если толпу бухих вэдэвэшников не приведёшь, то есть. Хотя ты не приведёшь. Ты вроде не из наших?

– Да я местный.

– Аа. Ну удачи тебе.

Тем временем наступал вечер, и Лёша шагал по тропинке, идущей вдоль крутого склона. Закатное солнце осталось за горой, здесь уже царил тень. Закончились луга, начался ельник. Тропинка вывела на живописную скалу. А вот с неё Лёша углядел палатки и костёр. Пахло пихтовым дымом: народ торжественно жёл декорации с игры и веселился вокруг

костра. Тут уже тропа наугад и наощупь.

Разносилась странная весёлая песня на кавказский манер:

"По реке плывёт бревно,
А на нём ещё одно
Отойди и не смотри
Энты жён своих нашли
Мория, Мория,
Джинджахарья Мория,
Субарабум бабарук,
Казад Гвентур, Казад Дум⁵⁸..."

Лёша тихонько подошёл к большому костру. Увидел Этл.

– О, привет. Ну вот мы тут пионерский костёр устраиваем.

– Ага, вижу. Весело тут у вас.

– О, чувак, будешь пиво?

– Давай.

Лёша отхлебнул предложенного напитка. Странно, но с этими людьми он чувствовал себя "в своей тарелке". Тем более, ему сунули в руки гитару, которая "ходила по кругу".

Лёша заиграл "Беспечного ангела" Арии. Народ начал подпевать. Кто-то фальшивил, кто-то кричал. Но в основном все попадали в музыку. После совместных посиделок Лёша

⁵⁸ Отсылка к ролевому фольклору. Песня "Мория" имеет более 350 куплетов, собранных по городам и весям. Точное количество теряется во мраке ночи и варьируется от игры к игре.

отвёл Этл в сторону и сказал, что уходит.

– Так оставайся. Мы завтра стопом в Ёбург поедем. Можешь компанию составить.

– Я ни разу не ездил стопом. Там деньги нужны?

– Нет.

– Так бесплатно сейчас не возят уже.

– Возят, ещё как. Я вот из Кольцово, тут ребята есть из Новоура, из Че, из Уфы, вон с Магнитки и со Златика народ. И все почти стопом приехали. Самое тяжёлое из стаффа уже уехало на газельке. Так что мы налегке поедем.

– А где мне можно бухнуться спать?

– Да у меня в палатке. Я всё равно ночной житель. Там только Отаку с Тэмом дрыхнут. Но думаю они не удивятся.

– Я подумаю насчёт стопа.

– Ну, так всю жизнь продумаешь. Мама-папа потеряют что ли?

– Нет, не потеряют. Я им сказал, что к деду на пару дней ушёл. А дед меня не сдаст.

– Ну вот и не переживай. Иди спи.

– Угу, поспишь с вами. Поёте хорошо и громко.

– Я под утро приползу и тебя подвину.

Лёша задумался. Девочка. Вроде не совсем в его вкусе. Придёт и будет спать с ним в обнимку. "Ну нафиг амурные приключения. Хотя будь что будет..."

Он залез в указанную палатку. Слева спали в обнимку известный ему длинноволосый парень с какой-то мадам. Лёша

взял зелёный спальник, залез в него и задремал. Скоро пришла Этл. Острыми локтями отпинала Лёшу к стенке палатки.

"Если буду складывать на тебя руки-ноги – не пугайся. Это не значит, что я к тебе пристаю. Я этих дел не особо люблю. Да и вообще по девочкам, если ты понимаешь, о чём я...", – сказала Этл.

"Тем спокойней будет спать", – подумал Лёша.

О наступлении утра Лёша узнал по жару. В палатке было очень душно: солнце светило прямо на неё. За спиной Лёши дремала комочком Этл, Тэма и его спутницы не было видно.

– Доброе утро, чувак! Ты же вчера Арию пел?

– Ага. Доброе.

– Курить будешь? Трубка мира!

– Буду. Ой, а что это?

Лёхе протянули курительную трубку.

– Там у нас чай, не переживай. Не табак, конечно, но и не конопля. Вштыривает, но по-своему. Когда затягиваешься, прикрывай чашечку ладонью.

Лёша затянулся горьким дымом, и закашлялся...

...Лёша и Этл стояли у креста на трассе в сторону Екатеринбурга

– Не переживай, что кто-то из местных тебя увидит. Поверь, им насрать. Никто твоим родителям докладывать не побежит.

– Да я не переживаю. Переживаю только, что стоять придётся долго.

– "Не ссы Капустин, поебём – отпустим"⁵⁹

– Ну ты скажешь тоже.

– Знаешь, у дальнобоев есть такая примета: чтобы рейс был удачным, ну или если где-то накосячился в дороге, надо попутчика посадить.

– Угу.

– И еще. Пожалуй, самое главное. На свой или чей-то вопрос: "нахрена это надо?", ответ простой. Ты помогаешь человеку совершить доброе дело. Мир в-целом скорее добрый, чем злой. На трассе это понимаешь очень быстро. Как и то, что желания там имеют свойство сбываться очень быстро. В том числе и страхи. Поэтому бойся своих желаний. И формируй их правильно, как запросы картам Таро. Трасса – это, если можно так выразиться, мощная духовная практика... О, смотри, машина тормозит!

Первой машиной был КАМАЗ с надписью "Жасмин" на борту.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– Я до Емелино только. Запрыгивайте.

– А это где такое?

– Это перед Дружинино, новая подстанция. Там стройка идёт.

Слово за слово, сложилась беседа. Лёша не стал ничего

⁵⁹ Мотивирующая фраза, происхождение которой автору не известно.

говорить, он слушал разговоры Маши с водителем.

– Ну вот, скоро мне поворачивать. Ой, а что это за херня?

– Где?

– Ёбп твоюмать...

– Так это ж наши, Жасминовские. Ну упыри...

На обочине рядом с поворотом кверху колёсами лежала легковушка ИЖ-Ода. Колёса ещё крутились.

– Эй, все живы?

– Хуй знает.

– Да вы пьяные в говно!

– Зато живы все.

– Ну это начальству расскажете, уёбки! Нахуй пьяными за руль садились?

– Да это всё Саня, мы ж ему говорим, не гони, не гони!

– Чё сразу Саня-то? Кто говорил давай быстрее, пока начальники не приехали. Теперь сам и опиздюливайся...

– Ладно давайте вытаскивать. Уроды, блядь. Трос у вас есть?

Лёша и Этл стояли ошарашенные. Водитель это заметил.

– Ребятки, вы топайте лучше, мы тут без вас справимся, а то потом понаедет начальство, гайцы, разбираलोво. Вам оно надо?

– Мы вам денег может каких должны? – робко спросил Лёша.

– Я же не такси, чтоб за деньги возить. Тем более по пути, чё и не подвезти? Давайте удачи ребят?

– Спасибо!

– Вот нахрена ты про деньги спросил? – надела Этл на Лёшу

– Неловко как-то было.

– Неловко ему видите ли. Сказано же, автостопом едем. А не по-тюленьи. Приедем в Ёбург, дам тебе книжку почитать. Потом при случае вернёшь.

Следующей машиной был белый минивэн "Тойота" с священником за рулём.

– Садитесь ребята. Вам в Екатеринбурге куда?

– Нам вообще в Кольцово.

– Ну, я вас на Базовом высажу.

– Здорово!

Священник гнал свой праворукий аппарат быстро. Ещё у него была рация, к помощи которой он прибегал регулярно.

– Братишка, шварцмюллер питерский в канале?

– Да.

– Я сзади на маленьком еду, моргнёшь, где можно обогнать?

– Хорошо...

Фура моргнула правым поворотником. Батюшка рванул вперёд.

– Спасибо, удачи, с Богом...

– Взаимно...

...Лёша выходил из квартиры Этл, на третьем этаже.

– Ну что, понравилось? Не страшно стопом ездить?

– Прикольно.

– Вот. Приезжай если что.

– Я здесь учиться буду, в Лестехе. И жить в общеаге.

– Ну, быть тебе Лешим тогда.

– Давай счастливо. Рад познакомиться.

– Я тоже.

Обнялись на прощанье. Неслыханное дело в мировоззрении семнадцатилетнего Лёхи, где мальчик и девочка не обнимались, если не "мутили"

– Чё смутился? Всё гораздо проще, чем тебе кажется. И не вздумай в меня влюбиться.

– Ага. "Не думай о белом медведе"⁶⁰. У меня так-то есть девушка.

– Ну, вот её и обкатаешь.

Лёха, конечно, врал. Девушки у него тогда не было, была влюблённость. Безответная, как это часто бывает в семнадцать лет. И вряд ли бы одобрившая поездки стопом и общение со странными людьми. А может Лёша напридумывал себе? Хрен знает. А Маша-Этл с тех пор стала для Лешего эталоном дружеских отношений между парнем и девушкой...

Прошло три года. Леший поучился в универе, поездил стопом. Выпнулся из общеаги. Отчислился из универа. Не ушёл в армию. Повалялся в больнице с сотрясом. И продол-

⁶⁰ Отсылка к Марку Твену.

жает ездить до сих пор.

Сейчас Леший едет из Кольцово на "стрит".

"Следующая остановка – Шарташ. Осторожно двери закрываются", – сказал динамик над головой.

"Три года стопа? Много или мало? Не знаю ещё. Сейчас к философам за гитарой, потом от них можно сразу сесть на трамвай. И поработать по трамваям", – думал Леший.

Глава 4. Август. Шаманы.

На станции Шарташ Леший выпрыгнул из электрички. "Следующая остановка – Первомайская. Осторожно, двери закрываются", – сказал ему на прощание голос тётушки-автоинформатора.

"Интересное наблюдение, что во всех городах автоинформаторы говорят по-разному. У нас так. В Новосибе как будто интеллигентно проговаривая, по-сибирски скатывая на "е" последнюю гласную. А в Московских электричках вообще голос девочки-подростка, которая будто говорит с улыбкой", – думал Леший.

Зелёно-жёлтое тело червя-электрички меж тем уползло в сторону Первомайской, а Леший шагал по деревянным мосткам между рельсами. Отсюда до "Философов" было пятнадцать минут пешком.

"Философами" Леший называл квартиру своей препода-

вательницы по философии, Жанны Андреевны. Она жила там с дочкой. Обе ездили автостопом и вписывали народ. Когда Жанна уезжала надолго, квартира превращалась в настоящий автостопный флэт, потому как Рита, её дочка – существо компанейское. Жанна иногда зимой проводила "философские вечера", куда приходили студенты, где читали диалоги Платона, Генри Торо, учились медитировать и слушали исламские и индуистские духовные песни. О чём говорить, если в одной из комнат две стены из четырёх были заняты книжными полками.

Так вот, Леший хранил там гитару. Кто-нибудь, Жанна или Рита, были с ним на созвоне. И если даже их не было дома, в квартиру всё равно можно было попасть. Потому что там всегда кто-нибудь был.

Вот и на сей раз у "Философов" обитал Йети. Человек из Мурманска, йог и вегетарианец.

– Привет.

– Здорово, Йети. Я за гитарой.

– А тебе барабанщик не нужен?

– Сегодня нет. Я же с трамваев начну.

– Чаю хоть попей.

– А вот это не откажусь. У меня есть погрызюхи с собой.

– Вегетарианские?

– Нет блин, печенье с мясом. Специально для тебя.

– Смейся-смейся трупоед.

– Не трупоед, а труЪ-поэт.

– Стихи писал в семнадцать лет.

– И ел картошку и омлет.

– И да, и нет, и да, и нет.

– Не отказался б от котлет.

– Иди ты в жопу, трупоед...

За рифмоплётским раздувом Леший с Йети переместились сначала на тесную кухню, вскипятили чайник, заварили чаю, потом переместились на балкон. Августовский день набирал обороты. Солнце светило всюду, и белый тюль, висевший на решётках балкона, не спасал от жары. Но давал хотя бы слабую тень. Леший и Йети курили сигареты, запивая их чаем.

– Помнишь, ты рассказывал про чувака, который тебе снится?

– Про Волка.

– Да. Будь я нормальным человеком, я бы посоветовал обратиться к психиатру. Но ты же меня знаешь, я же "Малость того". Поэтому вот что скажу: послушай, что он говорит. И лучше записывай. Кто знает. Может ты новый Кастанеда. Или ещё какой пророк.

– Или вообще Макс Фрай. Или Тайлер Дерден⁶¹. Чувствую себя попаданцем и героем фэнтези.

Леший забрал гитару, обулся и поскакал вниз по ступенькам, Йети запер за ним дверь...

⁶¹ Отсылки к книгам, где сюжет строится на взаимоотношениях главгероя и трикстера.

Остановка трамвая возле "Дров". Леший расчехлил гитару, чехол повесил через плечо, гитару за ремень на шею. Теперь ждать трамвая. Одной песни – массовой современной, или просто известной – должно хватить на одну – две остановки трамвая. А до ТЮЗа, точнее до остановки "Шевченко" – два таких перегона. Плюс трамвайное кольцо у "Исети", время проезда которого – лотерея: никогда не угадаешь наверняка. Леший спрашивает у машинистов трамвая жестами разрешения сыграть. Те либо машут головой, либо ссылаются на кондуктора характерным кивком.

– Здравствуйте, разрешите у вас сыграть!

– Проходи.

– ДОБРЫЙ ДЕНЬ, УВАЖАЕМЫЕ ДАМЫ И ГОСПОДА, НЕМНОГО МУЗЫКИ В ДОРОГУ!

На сей раз Леший играл Цоя. Он, конечно, страшно не любил такие песни, но блин за неё денег дают.

"Пожелай мне удачи в бою.

Пожелай мне-э-э удачи⁶²...", – чеканил Леший слова в ритм простому "квадратному" бою.

– СПАСИБО ДАМЫ И ГОСПОДА, ХОРОШЕГО ВАМ ВЕЧЕРА!

Теперь обход вагона с распахнутым чехлом. После выхода

⁶² Виктор Цой – Группа крови.

из трамвая в чехле Лешего около сотни рублей. Больше, чем в переходе за час.

Потом подошёл другой трамвай. То же самое: здравствуйте-Цой-спасибо.

"Игра в трамвае и игра в переходе – разные вещи. В переходе можно дать волю чувствам и размышлениям, пустить через себя энергию города и спеть из глубин своей памяти именно то, что городу в этот момент надо. Никто не будет говорить, что песня неизвестная, долгая или нудная. А в трамвае надо отчеканить. Идеально настроенная гитара, громкий голос без тени лажи, чёткие аккорды, никаких переборов. И песня массовая и современная. Ты, конечно, ездил по трамваям и с Веней Дркиным, и с какими-то малоизвестными песнями новокузнецких музыкантов... Но не вкатывало. Им подавай Цоя, Браво, ну или на крайняк Высоцкого. В последнее время я не особо люблю переходы, за пристающих говнопанков и бухариков. Но, когда душа просит, еду туда"

В Тюзовском переходе Леший развернулся на полную и дал волю чувствам. Пел всё, что угодно душе. Песни ролевых менестрелей, бард-рокеров, всяких малоизвестных групп...

Вечером Леший отправился в "Мегу". Съесть хотдогов, купить в "Ашане" еды и отправляться стопом домой. Хотя последняя строчка планов могла корректироваться.

От Тюзовского перехода до Цирка Леший шёл пешком, минуя всякие тусовочные места. Потому что там в нём при-

знают аскера, позовут бухать, и придётся опять придумывать отмазки от "хвостов", которые нороят напроситься на вписку.

"Мега" конечно тоже тусовочное место, но там иначе.

На "балкончике", в икеевской курилке, сидела и сейчас толпёжка полупанков-полускинов с гоповатыми повадками. Леший, конечно, подошёл, поздоровался, но сослался на дела, и покинул курилку.

В "Хотдожной" было много народа. Город, видимо, уже совсем прочухал, что есть место с халявой.

"Видимо, транснациональная корпорация таким образом прикармливает людей. Хотя и удобно, особенно когда надо выйти на трассу", – думал Леший.

Он воткнул плеер в уши, чтобы было веселее протискиваться через давку в "Ашане". Плеер весело заиграл "Башню Роуэн":

"Любой мегаполис оккупирован семейкой богов
Передел состоялся давно и без лишних слов
Москва большая деревня, это знают повсюду
И более всего ей соответствует вуду —
Вера чёрных барабанов и красных петухов⁶³"

⁶³ Башня Rowan – Москвовуду.

После "Ашана", с полным рюкзаком еды Леший направился к автобусу. Тут его и застал телефонный звонок.

– Слушаю!

– Леший здорово, ты где есть?

– Я из "Меги" только вышел.

– Поедешь на Северку?

– Когда?

– Сегодня. А то там Космонавт собирается шашлыки жарить, а ты же знаешь, как меня высаживают⁶⁴ разговоры его про энергуйство. А у тебя иммунитет.

– Во сколько ты едешь и на чём?

– На маршрутке сейчас.

– Хорошо, я у "Меги" подсяду. Звони, как будешь ближе.

– Давай.

Это был Жека. Чудесный музыкант из перехода, с которым иногда ездили стопом во всякие диковинные места. Жека притаскивал Лешего на некоторые вписки, иногда добывал проходки на фестивали и концерты. Космонавта же Леший знал мельком, однажды встретив его на вписке в "Барбарро". После той вписки Леший сделал вывод, что Космонавт – "ебаанько из сказки маарозко", как метко сказала бы про такого новосибирская Танюха-мелкая. Конечно, они не были знакомы, но фраза подходящая.

Через двадцать минут Леший сидел на остановке на Новомосковском тракте и курил.

⁶⁴ Разговорное уральское: бесят, раздражают.

Маршрутка до Северки притормозила рядом. Леший увидел там Жеку, распахнул шумную дверь "Газели" и плюхнулся на сиденье напротив него.

"Газель" свернула на старый тракт и бодро неслась по виражам под звуки "Бутырки".

– Здорово Жека.

– Приуэт! О, да ты с гитарой!

– Ага. А то разговоры разговаривать скучно будет, зная Космонавта.

Северка встретила их закатом, звоном комаров и небольшой сыростью. Ночь, видимо, будет холодная.

Космонавт устроил вечеринку в родительском дачном домике. Во дворе жарили шашлыки, лилось рекой пиво. Гитара Лешего тут же пошла по рукам. "Только струны не изорвите, и испанский воротник не сделайте!", – предупредил Леший.

Леший поздоровался с Космонавтом.

– Привет. У нас тут сегодня грибное пати будет вечером. Так что второй этаж мы закроем.

– А зачем тогда остальных было звать? Это же вроде как одним лучше делать.

– Тусовка будет хорошим прикрытием. Да и с вами безопаснее.

– Ну вы блин даёте.

"Грибное пати значит... Вот дела. Нахуй может эту тусовку? Еда есть, выдернуть кого-нибудь да уйти в лес жечь ко-

стёр", – думал Леший.

Народа было человек двенадцать. Половину Леший видел на тусовке, половина – незнакомые. Кто-то, судя по виду, здесь тоже впервые.

Леший, благодаря практике в Лестехе, довольно хорошо ориентировался на Северке и в окрестных лесах. Поэтому он задумался.

– Жека, я наверное того, по съёбкам отсюда. Мало ли что...

– Не ссы, у них всё нормально будет

– А как тебе предложение пойти на Песчаное⁶⁵ костёр пожечь? Может ещё кого прихватим? Или на Соколиный⁶⁶?

– Ночью? Ты ёбу дался, друг Леший.

После того, как шашлыки сготовились, весь тусняк переместился на кухню на первом этаже домика. Лишь один чувак продолжал сидеть на улице, у затухающего мангала. Длинноволосый бородатый парень в камуфляжной одежде и берцах.

– Кто это, Жека?

– Аа. Это Женька Манул. Он вообще местный, с Северки. Самый благодарный слушатель Космонавтовских баек про энергуйство. Иногда даже спорит с ним. Не тусовочный, поэтому ты его не знаешь.

⁶⁵ Озеро в окрестностях Северки.

⁶⁶ Скала Соколиный Камень – живописное место недалеко от Северки.

– Ну вот и повод познакомиться.

Что-то кольнуло Лешего изнутри. Мол, вот твой попутчик в лес. Он вышел с крыльца

– Приветствую. А чего ты тут сидишь?

– Не хочу там сидеть.

– Ну вот и поговорили... Есть курить?

– Держи. Меня Манулом зовут.

– А меня Лешим.

– Знаю что ты Леший. Хотя ты не совсем человек леса. Ты человек дороги и неба. У тебя голубые крылья. Все, отмеченные трассой, как и ты, имеют голубые крылья.

– Странно. Обычно про ауру говорят.

– Аурой тоже можно назвать. Но я это вижу как крылья.

"Ну вот. Ещё один типа Космонавта, – досадно подумал Леший, – Ауровидец, блядь. Хотя мало ли. Вдруг интересный человек?"

– Я вот тут собрался в лес сейчас.

– Правильное дело. Могу составить компанию. Ещё девушек трёх выдернем отсюда, моих знакомых. Им тоже не особо нравится общество Космонавта.

– Тогда и гитару мою надо выдернуть.

– И не возвращаться сюда с утра.

– Блин, потеряют.

– Не потеряют. Им не до того будет. У Космонавта грибы

поспели, у него будет трип на три дня. За этим они всех и созвали. Чтоб было прикрытие. А на втором этаже у него космический корабль. Они завешают шторы, запрутся и включают музыку.

– А откуда он их берёт?

– Сам выращивает. Только он их по-тупому ест. Ради кайфа.

– А наркоту можно как-то иначе есть?

– Грибы не совсем наркота. Это инструмент. Как и трава. Грибы наркотой делают люди типа Космонавта.

– Хмм.

– План такой. Сейчас выдёргиваем Полинку, Лосика и Свету.

– Почему именно их? – спросил незнакомый с ними Леший.

– Потому что, – Манул подмигнул Лешему, оставив того в недоумении.

Спустя какое-то время Леший тихонько собрал свой рюкзак. Гитару пришлось оставить под Жекину ответственность, ибо Жека как раз вошёл в раж и разыгрался. Космонавт с ещё несколькими людьми ушёл по лесенке наверх, на второй этаж, и закрыл за собой люк...

– Полина, Лосик, Света, Леший, – представил Манул подошедших девушек. "Красивые", – подумал Леший.

– Очень приятно. На Песчаное?

– Не. "Илья в воду нассал"⁶⁷, купаться уже не стоит. Пошли на писаницу.

– А это где?

– Здесь недалеко. На одной из скал в лесу, на восточном склоне Медвежки.

– Я в бытность студентом Лестеха на Медвежке орхидеи считал.

– Башмачки. Цветы лесных грибов...

– Ну что. Тудуп. Тудуп. Туду-туду-тудуп... – Леший пропел мотив из "Розовой Пантеры"

– Потопали.

Бригада из пяти человек захлопнула за собой калитку и отправилась по пыльной грунтовке, мимо дворов с лающими собаками, стрекочущих кузнечиков в сырой траве и первых сосен в сторону Северной Писаницы.

Сначала шли по грунтовке. Пересекли ЛЭП, затем на развилке грунтовки повернули налево. Ночью дорогу было заметно также, как днём. Более светлый гранитный песок выделялся на фоне густой черноты леса и глубоко синего звёздного неба. Ночных животных и птиц слышно не было, только стрёкот кузнечиков.

"А вот здесь я ещё не был, – подумал Леший, – пойду здесь"

⁶⁷ Есть такая примета, запрещающая купаться после Ильина Дня (2 августа). А это – одно из простонародных объяснений.

днём – не найду места, наверное"

Манул свернул с дороги на какую-то тропинку. Теперь ветки начали хлестать по лицу, и стало совсем темно. Процессию замыкал Леший. Идти приходилось, ориентируясь на силуэт впереди идущего. Скоро показался разрыв в кроне леса, а под ногами обнаружились брёвна. Впереди чернел гранитный останец.

"У нас тут дрова припасены, так что костёр разведем. Увидишь всё сам, если впервые здесь", – сказал Манул.

Девушки тоже взяли с собой рюкзаки. Из рюкзаков они достали пледы и свечи.

Леший с Манулом стали разводить костёр. Несмотря на росистую сырость, разгорелось всё быстро. Пламя костра озарило скальную стенку четырёхметровой высоты. На ней были изображены люди в воинствующих позах и знаки, изображающие водоплавающих птиц.

– Древние плавилы здесь металл и приносили жертвы. Точнее жертвы приносили шаману. В обмен на связь с предками, колдовские обереги и орудия, которые делали мальчика мужем, а девочку – женщиной. Сюда приносили дрова из леса, и подбитых уток с озера. Зимой здесь дули сильные ветра, и шаманы сидели в уединении. Как они не замерзали сейчас сказать тяжело. Но они жгли огонь, плавилы медь и общались с духами. Некоторые из них общались и с будущими шаманами.

– Откуда это известно?

– Во-первых, я сам шаман, – посмеялся Манул, – Во-вторых, только что из археологической экспедиции приехал. Копаем мы недалеко отсюда, в Палкино.

– А здесь тогда не было леса?

– Лес был, но ниже. Здесь, на вершинах сопок, были пустоши. Там, где сейчас болота, были озёра. А ещё раньше здесь вообще была тундра. И жили мамонты, шерстистые носороги, бизоны, степные лошади и северные олени. Северный олень, кстати, сюда на зимовки приходил ещё в начале двадцатого века.

– Интересно...

...Тихонько потрескивает костёр. Девушки зажгли свечки в обрезках пластиковых бутылок и расставили их на скале. Ощущение, что "все знают своё дело", было для Лешего странным. Но ореол чуда и чувство "правильности" происходящего немного успокаивало Лешего.

– У меня ощущение, что не я вас позвал в лес, а вы меня.

– Может и так. Скорее всего, сошлось несколько факторов.

– Мне иногда снится человек, представляющийся Волком. Он говорил однажды, что на Северке я встречу шаманов.

– Волк? Опиши, как он выглядит?

– Короткие волосы, высокий, с небольшой бородой. Шрам на верхней губе. Одежда разная.

– А место? – спросила Полина

– Не помню. Всегда по-разному. А почему вы спрашиваете?

Манул вздохнул и начал.

– Волка никто из нас не видел здесь. Только во сне. Но он часть нашей "рабочей группы". Косвенно мы выяснили, что он живёт где-то на Южном Урале, в горах.

– Рабочей группы? Чем вы занимаетесь?

– Ну, так и не скажешь. Можно сказать, "энергуйством". Так будет понятнее тем, кто остался в доме у Космонавта. Храним равновесие. Помогаем Земле.

– А зачем Волк свёл меня с вами?

– Это ты у него спроси.

Полина проговорила:

– Не знаю, насколько ты знаком с видением. Кроме всяких энергуйских штук-дрючек про ауру и перетекающие энергии. Мы совсем не об этом. Умение видеть вне времени и расстояния. В разном ходе времени и разном пространственном размере. В этом ничего сложного. Просто надо рассредоточить свои пространственно-временные координаты. Так вот. Жизнь на нашей Планете – это явление, появившееся с самой планетой. Причём всё – от молний и красных спрайтов до кристаллов и шума океана есть жизнь. Она делает друг другу плохо и хорошо. Лучше, конечно, делать хорошо. Человек был создан Землёй, чтоб вернуть на поверхность планеты захороненную энергию Солнца. Земле от этого, конеч-

но, больно, но ещё больнее от ненависти и страха.

– Что-то такое я на философии читал.

– Если вам на философии рассказывали про описанные Грофом⁶⁸ трансперсональные переживания, то браво вашему преподавателю.

– И помню, что целительными для Земли являются танцы первобытных народов.

– И танцы тоже. Но важнее быть целостным и осознанным.

– Сейчас подобным занимаются разные люди. В том числе и наша "рабочая группа", – сказала Света.

– И что мне делать с этим?

– Жить как жил. Просто более осознанно. Волк даст подсказки.

– Один мой друг говорил. Точнее, Мир говорил через него, – проговорила молчавшая до этого Лосик, – что в некое время мир начал разваливаться на кусочки. На каждом из кусочков был свой маленький демон, который властвовал на этом кусочке. Все эти демоны знали друг друга и сотрудничали. Но люди, жившие в этих кусочках мира, ненавидели людей из других кусочков. Так ими было проще управлять. Им внушили, что там, за границами их маленького кусочка живут и не люди вовсе. Но потом появились штопщики⁶⁹. Те,

⁶⁸ Например, Станислав Гроф. "Путешествие в поисках себя".

⁶⁹ Тайм-парадокс. Пост про "Штопщиков" за авторством Василия Черногорова появился в автостопной группе ВКонтакте в 2016 году. Автору книги идея по-

кто штопал порванную ткань мироздания. Странники, бродячие певцы, художники, музыканты, поэты, мастера. Они стали ходить из кусочка в кусочек, стягивая их между собой невидимой нитью. Они показывали, что в других кусочках мира те же люди, что они поют те же песни. Они учили людей петь добрые песни, радоваться и любить. Естественно, это не понравилось демонам. Демоны стали отлавливать штопщиков, отбирать у них невидимые нити. А потом демоны просто создали свою паутину по образу и подобию нитей штопщиков.

– Интернет?

– Не только. Создаётся вещь или явление вроде бы для удобства, а на самом деле закабаляет людей. Штопщики всё равно продолжали ходить и штопать рвущуюся ткань мироздания. И продолжают до сих пор.

– Стопщики-штопщики.

– Часть стопщиков действительно такие.

– Поэтому я здесь?

Повисло молчание. Лишь костёр потрескивал в ночи.

– Вы что мои мысли читаете?

– Нет. Мысли мы не читаем. Их не обязательно читать, чтобы понять, о чём ты думаешь. Некоторые вещи написаны на лице, – ответил Манул

– Кто ещё в вашей "рабочей группе"?

– В нашей группе ты всех видел. Теперь здесь и ты. А во-

обще таких групп много. Иногда они пересекаются между собой. Ты сам до этого дойдёшь.

Леший призадумался.

– Что вы ещё делаете?

– Мы? Да много всего. Общаемся-поём-рисуем, – сказала Света, – да и вообще жизни радуемся. А в миру разным занимаемся.

– Все путешествуем по мере возможности, – подхватила Полина.

– Да вы прямо джедаи какие-то.

– Ага. Время доставать световые мечи!

Манул выхватил палку из костра, на другой стороне то же самое сделала Полина. Они начали меж собой "фехтовать", и горящие головни оставляли огненный след на фоне тёмного леса. Всё это сопровождалось смехом и матом, и было тяжело поверить, что несколько минут назад все сидели у костра с видом заговорщиков, обсуждающих план захвата мира.

Потом Манул взял большое бревно и выгреб часть углей из костра на полянку. Лосик расчистила сосновые иголки вокруг.

– Ну что Волосатый, давай!

– Что давать? И почему Волосатый?

– Во сне у тебя длинные волосы, как у меня, только светлые.

– Разувайся, хули. Раз считаешь нас сектой, то вот тебе обряд сектантский. Пробегись-ка по углям, – с этими слова-

ми Света проскакала босыми ногами по углям, без единого матерного слова и криков.

– А мы поддержим. Ух! Ух! Ух!

Все четверо вокруг Лешего ритмично захлопали, затопали ногами и заухали. "Бля, чувствую себя неандертальцем", – подумалось Лешему, – "А не пофигу ли?" – и скакнул ногами на угли.

Ожогов он не почувствовал. Будто скакал по горячей гальке на солнечном берегу Серги. Осознание пришло, когда Леший шагнул на мокрую хвою и почувствовал уколы сосновых игл и шишек.

– Ну что, страшно было?

– Ну, бля!

– И это всё что ты можешь сказать?

– Нормально! Хорошо! Заебись!

– А сейчас мы! Ух! Ух! Ух!

...

– Скоро рассвет. Когда пойдём обратно?

– Когда Солнце встретим. Здесь подходящее место.

Леший мёрз. Даже у костра было зябко. Лосик подошла и обняла его, закутав в плед.

"Спасибо", – пробормотал Леший. Хотелось спать. Леший облокотился на Лосика и задремал...

" – Как тебе ребята?"

– Привет, Волк. Ребята хорошие. Это всё правда? Что

они рассказывали.

– Дели на корень из двух. Они тебе даже части не рассказали. Но суть ты, вижу, уловил. Можешь спрашивать меня о чём-либо.

– Как они познакомились?

– Через меня.

– Манул шаман?

– И Манул, и Света, и Полина, и Лосик. Лосика кстати тоже Женя зовут, как и Манула.

– Почему они?

– А почему бы и нет?

– Почему я?

– Ты сохраняешь мироздание, навешиваешь переправы и сводишь мосты.

– Бля, чувствую себя избранным, как Нео из Матрицы.

– Ну ты ни один такой. И совсем не один. Так что не ссы. Можешь, кстати, психиатру показаться. Только тогда тебе не видать водительских прав и нормальной работы.

– Есть другие группы?

– До хрена и больше. Только они иногда не знают о своей миссии. Они просто есть. Делают своё дело и делают хорошо. Не только группы. Отдельные люди – подвижники, пассионарии⁷⁰ или как их там...

– Им надо знать то, что мне рассказали?

– Нет. Более того, они на тебя посмотрят, как на иди-

⁷⁰ Отсылка к Льву Гумилёву. Книга "Теория пассионарности".

ота.

Леший огляделся вокруг. Обычно в этом сне он концентрировался на самом Волке, не обращая внимания на окружение. Они стояли на подвесном мосту в "Оленьих Ручьях". Ой, нет, через секунду этот мост превратился в "Олений мост" на Тагане.

– Не концентрируйся на окружающем. Позволь ему быть и перетекать, не пытайся его ловить. Вот кстати прикольное место.

– Ой, я боюсь высоты!

Леший и Волк стояли на высоком гранитном гребне. На востоке под этим гребнем было озеро, а над озером разгорался рассвет.

– Это твой сон. А место есть в реальности. Здесь пойте песни с ребятами. Потом. Просыпайся..."

...Леший лежал на пледе, расстеленном на камне. Тело затекло. Где-то рядом зудел комар. Кроны деревьев пробивались первыми лучами солнца. Ребят не было. Леший подскочил и огляделся. Костёр и рюкзаки на месте. Сделав пару шагов, он увидел ребят. Лосик, Света, Полина и Манул сидели на верхушке скалы и смотрели на лучи солнца. Молча.

– Доброе утро, Леший, – сказал Манул, – присоединяйся. Леший залез по камням на верхушку скалы.

– У нас есть термос. Пей чай, – сказала Лосик.

– Угу. Щай пьёшь – гора идёшь⁷¹.

Лешему протянули кружку с чем-то знакомым по запаху.

Чабрец! А чай ещё и сладкий! Красота!

– У меня в рюкзаке есть еда. Будете?

– Доставай всё что есть. Сытый шаман – хороший шаман.

...

– Манул, а расскажи про Космонавта. Он что тоже шаман?

– Обьебос он, а не шаман. Я с ним давно знаком. Ещё дольше, чем с Волком и всеми вами. Он, ещё в школе учась, начал травой и "аптекой" баловаться. А потом я ему про грибы сказанул. Он за эту тему взялся плотно: выписал через интернет споры грибов, выращивает и кушает сам. И друзей угощает. Честно говоря, если бы не некоторая конспирация, он, возможно, сидел бы уже, как за изготовление.

– А что с грибами то? Ты вчера как-то интересно рассказал о них.

– Грибы это инструмент⁷². Это как ручка настройки и антенна. Приёмник всё равно ты. Употреблять ради кайфа – не дело. В лучшем случае раз в год. В худшем – хотя бы раз в жизни.

– Пропагандируешь?

– Тебе и не надо. У тебя в дороге откровения неплохие

⁷¹ Фольклорная цитата уральских туристов.

⁷² Здесь имеются в виду грибы рода *Psilocybe*. Приравнены к наркотическим веществам в 1993 году. Автор ни в коем случае не призывает читателей к противоправным действиям, просто цитирует слова Манула.

бывают.

– Как тебя потом найти?

– Через сны. Как и девчонок, и Волка. Только Волк от нас прячется, остальные все "в зоне доступа". Можно просто обмениваться телефонами. Но романтичнее и интересней будет через сны договариваться.

– Жека мне сказал, что ты с Северки сам. Правда?

– Ну, я учусь в Екатеринбурге, поэтому часто там. Отец у меня на Северке живёт.

– А остальные?

– Полина из Перми, Света из Екатеринбурга, Лосик изначально с Северов вообще. Какое это имеет значение?

– Ну, блин, я в секту попал...

– Да, щас харекришну затынем. ХАРЕКРИИШНАА-ХА-РЕКРИИШНАА-КРИШНАКРИИШНАА-ХАРЕХА-РЕЕ⁷³!! – завопил во весь голос Манул и засмеялся, – скажи "чё разорались в лесу?"

– А вчерашний разговор про крылья и ауру?

– Без некоторого понимания это всего лишь лапша для ушей. Потом как-нибудь всё увидишь и узнаешь.

...Над лесом разгорался рассвет. По росистой мокрой траве шли молчаливо пятеро ребят. Леший, и странные люди. Странные, но настолько родные, и, казалось, видящие его насквозь.

Дача Космонавта спала. Хитро отворив калитку, Манул

⁷³ Отсылка к секте кришнаитов.

впустил ребят внутрь. Домик был не заперт. Сверху доноси- лась музыка: какой-то транс, негромкий, но басовитый. Пять человек, парни и девушки, внизу спали вповалку на большом диване. Жека, с гитарой Лешего в обнимку – в гамаке на ве- ранде. Жужжала муха на окне.

– Думаю, их не надо будить. Полина сегодня уезжает в Пермь. На собаках. Хочешь проводить?

– Нет, я недавно из Перми, и мне там стрёмно было.

– Всем по первости в Перми стрёмно. Пермь испытывает на прочность. Ты себя в Екатеринбурге вспомни по перво- сти, каково?

Леший помнил. Хорошо помнил, как его принял Екате- ринбург. Помнил, что единственные родные существа для него в этом чужом городе были стопщица Этл и Марина из "Оленьеручьёвской" компании. Только с ними Леший об- щался чуть ближе, чем с остальными. Земляки по пятни- цам и субботам собирались в дорогу "по принципу земляче- ства", бывшие одноклассники из других факультетов и ВУ- Зов встречались только в электричках. Пили пиво, курили сигареты, играли песни под гитару. Весело, но не то.

В общаге у Лешего почти не было друзей. Был полугоп- ник-полусатанист Филя, учившийся на заочке, и работав- ший охранником в церкви. Были Лёха с Машей, творческие люди. Была "Сволочь Мелкая" из Богдановича, которая, ка- залось, любила Лешего. Первый год стопа Леший звал её ка-

таться с собой. Она согласилась. Но перезнакомилась с "Оленеручьёвской компанией" Лешего, и чуть её не развалила. А потом и вовсе вылетела с первого курса.

А остальные – селекционно отобранная гопота со всего Уральского региона. Наслушался тут Леший кучу историй. И посмотрелся. Гопничек Саша из города Камышлова настолько любил свой город, что рассказывал про него откровенно: "В Камышлове нет ни одного градообразующего предприятия. Зато все богато живут. Почему? Потому что воруют". Этот Саша учился на факультете Экономики и Управления, слушал русский шансон, и проповедовал "воровские ценности", ни разу в жизни не попадая ни в тюрьму, ни даже просто в ментовку. А девочки? Леший влюблялся в Верочку, старосту своей группы, написал ей кучу стихов, при этом "зажигая" с совсем другими барышнями.

И в этом вареве для Лешего самыми важными предметами были три. Бумажный дневник, который он вёл аккуратно, заполняя в читальном зале или столовой, а в общежитии не доставая его вообще. Сотовый телефон – средство связи с домом и двумя близкими друзьями в городе. Увидеться с ними он мог далеко не всегда, но поделиться мыслями с Эتل или Мариной было приятно. И третья вещь – сидюшник "блин", с нарезанными болванками с любимой музыкой: Арией, Эпидемией, КиШом, Мельницей, Алисой, и многими другими. Средство связи с "вечностью" в виде музыки.

На каждой пьянке в общежитии находились умники, желаю-

щие высказаться по поводу длинных волос Лешего. Один даже полез драться. Леший рефлекторно поймал его за ногу и ринул головой об пол. Разбирательства тогда были со старостой этажа, дело замяли. Но тот парень, его звали Егор, был злопамятным. Он пригласил в комнату Лешего "с дружеским визитом" пятикурсника Пашу – громадного детинушку с пудовыми кулаками. И когда Леший пришёл однажды весной со второй пары, его с порога начали мутузить. Из-за дверей соседних блоков в это время выглядывали довольные рожи гопников-соседей. Леший пошёл жаловаться к комендантше. Коменда – Танзиля Шарафутдиновна, встретила его "руки в боки". Ей предварительно донесли "шакалы", что, мол, там на девятом этаже волосатый пьяный пришёл и наших пацанов избил, мол, примите меры. Естественно, с версией Лешего это расходилось, но Танзиля – тумбочкообразного телосложения тётка – поверила своим "шакалам". Леший психанул, под гиканье соседей собрал вещи и сдал ключи. В тот вечер – девятнадцатого марта – он решил не возвращаться в общагу.

Леший умудрялся при этом учиться, даже относительно хорошо. Писать стихи. Учить какие-то новые песни на гитаре. Иногда выбираться "в свет", в гости к Марине на Уралмаш или к Этл в Кольцово. Там он смывал с себя общажную грязь, пил горячий чай и выдыхал. Потому что точно знал: сегодня не будет пьянки, тошнотворного шансона, гопнических раскладов и унижений. Там он был счастлив. Туда и

ушёл в ночь с девятнадцатого на двадцатое марта, прихватив рюкзак и гитару.

Спустя неделю после своего "триумфального" ухода из общаги, Леший узнал, что тот пятикурсник Паша пьяным свалился с лестницы, сломав шею, и теперь ему собирают всей общагой деньги на операцию. Почему-то Леший этому не удивился.

Живя на вписках, Леший практически перестал пить алкоголь, но привязалась другая вредная привычка – курение. Зато учёба, по крайней мере в первые полгода вписочной жизни, наладилась: летнюю сессию Леший закрыл с четырьмя "пятёрками" из шести экзаменов. Родители ещё полгода не знали, что сын не живёт в общаге. А потом Лешему стало не до института...

– Вспомнил. Не лучшее времечко.

– Судя по морде лица, испытания ты не прошёл? Хотя судя по тому, что ты до сих пор здесь, ты прошёл альтернативные испытания, – со смехом проговорил Манул.

– Хер знает...

Леший забрал гитару из рук проснувшегося Жеки, затворил калитку и отправился на электричку. Мимо сосен, мимо лестеховских пилорам, мимо домиков, мимо Северских Палаток на станцию.

– Значит до встречи?

– Пока. Рад знакомству. Со всеми вами.

"Следующая остановка – Палкино. Осторожно, двери закрываются" "ПШШШШШШ!"

Поезд уносил Лешего с Северки, от четверых "людей из сказки", предсказанных "человеком из снов".

"Кто-то из них остаётся здесь, кто-то уезжает в Пермь. Ты грустишь, Леший. Потому что только нашёл свою сказку, приходится с ней расстаться. Сам захотел. Зассал. Мог бы ехать с ними. В ночь на собаках в Пермь. Интересно, как они будут ночевать ночь на станции Шаля?", – вещало внутреннее радио Лешего.

Леший заглушил свой диалог, включив плеер. А там играли одесские девушки "Fleur":

"Как плавно перетекают
Друг в друга зыбкие формы
Похоже, ты и не заметил,
Как совершил отречение⁷⁴..."

Этим вечером в Екатеринбурге Леший направлялся к своему бывшему однокласснику Сане. Тот жил со старшим братом на Уралмаше: родители – не последние люди в Михайловске – купили сыновьям двухкомнатную квартиру, лишив

⁷⁴ Fleur – отречение. В 2008 году эту песню часто крутили по радио.

тех проблем с общагой или съёмом жилья, хотя сами продолжали жить в домике на Уфимке пососедству с лешевским дедом.

– Саня здорово!

– О, Леший, заваливайся. Мы тут пьём.

– Что за повод?

– Да просто погода такая. Присоединишься.

– Если только немного. За догоном, чур, не побегу. Мне бы постираться и за комп.

– Это всегда пожалуйста. Рассказывай чего такой измученный? "Хороша ваша хипповская жизнь?"⁷⁵

– "Хороша!", – отвечивал Леший на фразу из анекдота.

Вечером после возлияний, душа и скачивания очередной порции музыки на флэшку из пиринговой сети "Олимпуса"⁷⁶, Леший лежал на линолеумном полу, завернувшись в выданное одеяло. Думал о разном, пока не уснул.

На следующее утро Леший шагал по обочине дороги возле "Меги", чтоб уехать в родные края. Утро начиналось пасмурно и дождливо. Лешему не терпелось застопить машину.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– До Первоуральска едем.

– Хотя бы до поворота доезёте?

⁷⁵ Анекдот про хиппи и цивила, который хиппа встретил, отмыл, одел, накормил и спать уложил, с мыслями о том, что сделал приличного человека. А хиппи лежит и думает: "Хороша ты, наша хипповская жизнь, все отмывают, одевают, кормят и спать ложат".

⁷⁶ P2P-сеть, существовавшая в Екатеринбурге в 2000-е годы.

– Садись...

В машине двое парней, один из которых постоянно треплется по телефону.

"А? Чё? Ну короче я в Первик приеду, там будет мутка, приходи? Чё? Какую Настю? Куда блядь? Да ты охуел! Блядь, мы о серьёзных вещах, а ты о бабах..."

И так всю дорогу. На лешевское "Спасибо большое, удачи вам!", молча кивнул водитель. Говорливый пассажир с сотовым так и продолжил орать в трубку.

"Здесь, на водоразделе Уральских гор, их можно переехать, даже не заметив, что это горы. Под Нижними Сергами и Михайловском чуть более гористо. Первые жёлтые листья уже показались на берёзах... Не обменялся телефонами с ребятами, и теперь они для тебя то ли были, то ли нет. Может это вообще глюк? Может ты у Космонавта вырубился? Или в электричке? Но нет, от куртки до сих пор пахнет костром", – вещало внутреннее радио.

Машины на первоуральском повороте, меж тем, не стопились. Леший выкурил несколько сигарет, походил туда-сюда по "позиции", посмотрел как с неё уезжают несколько "Тюленей" на автобусах.

Это чудесное словечко "тюлени" Леший подхватил из книг "Гуру автостопа" Антона Кротова. Первую книгу – "Вольная энциклопедия", в оранжевой обложке, напечатан-

ную мелким шрифтом, Леший открыл, благодаря Маше-Этл. Она сунула её Лешему в рюкзак тогда, после первого автостопа. Это уже потом, когда у Лешего в Михайловске появился интернет, он скачал "практику вольных путешествий" и прочие кротовские книги. Именно благодаря "Вольной энциклопедии" перед Лешим распахнулся весь этот мир. Поездов с тётушками, собак-электричек, стопных позиций, трафика, утренних-вечерних волн машин, тюленей, тусовок неформалов, где можно искать вписки. Леший радостно глотал содержимое этих книг, перемешивая опыт их автора со своим опытом.

"Путешествия "тюленей", то есть стихийных автостопщиков, подчас бывает сложнее и опаснее, чем у нас. Поэтому не стоит на них гневиться. Они, так же как и мы являются частью дороги", – думал Леший.

Он воткнул в уши бусины наушников, и плеер запел ему Олега Медведева:

"Смолкли звуки сладостных песен
Сдохли в куцах все соловьи
Эй, Добрыня, что ж ты не весел
Где ж, Добрыня, други твои⁷⁷..."

В это время остановился пустой автовоз с Питерскими но-

⁷⁷ Олег Медведев – Марш Трансвааль.

мерами.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– Залезай быстрее, потом расскажешь.

Хлопок двери, трогание, вклинивание в поток машин.

– Я сейчас на Уфу иду, через Арти.

– А я в Михайловск еду.

– Значит совсем по пути.

Бжжжжж....

– Чё ты невесёлый такой?

– Да оно само получилось. Позавчера погулял с друзьями.

И встретил классных людей.

– Ну, это бывает. А на утро стыдно.

– Не, не тот случай. Наоборот, всё более загадочно. Вы в мистику верите?

– Иногда да.

– Так вот, мне снился один человек, а тут выяснилось, что им он тоже снился. И, получается, нас человек из сна свёл с теми ребятами.

– Бля. Повезло тебе. Настоящее чудо случилось. Хотя, ты знаешь, у меня тоже чудеса бывали в жизни. На трассе причём. Ты же знаешь, автовозы обычно не садят. У нас в контракте прописано, мол, попутчиков не брать. А всё почему? В девяностые мы были желанной добычей для бандюков. Поэтому и ходить старались колоннами. Едешь где один – джипами или самосвалами вообще дорогу перегородят, а потом хоть вешайся. Столько бабок – не рассчитаешься. Ну и случай

вышел как-то под Саратовом. Знаешь трасса Саратов-Воронеж? Вот, по ней я однажды ехал в девяносто девятом. И случилось так, что ёбнуло у меня колесо прямо под седлом. Естественно, ехать нельзя, надо менять, а ссыкотно. Ну давай менять быстро-быстро. А там деревушка недалеко была, и топает бабка рядом. Говорит, мол, милоч, куда спешишь как на пожар. Лучше всё качественно сделай, и падай поспи. Я ей говорю, мол, ага щас поспи, заснёшь, а тебя выхлопают. Она в ответ, мол, не выхлопают. Просто послушай совет и не торопись. Я неторопясь колесо поменял. То ещё удовольствие в одного конечно, но справился. И что-то так заебался, вот сел чай пить в машине, так с кружкой и уснул, носом в руль. Проснулся уже под вечер. Думаю бя, старая заговорила. Вдруг то сё. Вышел, поссал, посмотрел все ли машины на месте, всё ли закреплено. Всё заебись было. Тронулся и поехал. А через десять километров, это под Балашовом уже, смотрю. Ёбтвоюмать... Гаишники, пожарники. Автовоз тольяттинский сгоревший стоит, пустой уже, кабина полыхает. Тихонько мимо проехал, да про себя перекрестился. Не спал в ту ночь, пока не разгрузили в Воронеже.

– Ну дела...

Автовоз высадил Лешего после моста через Сергу, откуда Леший привычно потопал по грунтовке домой. Сегодня ему надо было сделать важные бюрократические дела, связанные с приватизацией квартиры, поэтому родители его ждали.

Леший поднялся на крыльцо пятиэтажки, выкурил сига-

рету и зашёл в подъезд...

Глава 5. Песни на скале.

Ночью Лешему снилось, что он с Манулом сидит на скале на Полигоне.

" – Ты не сказал как тебя найти. Я об этом думал всю дорогу вчера.

– Через сон договориться проще всего. Просто засыпай с намерением увидеть, и увидишь. Всё что хочешь. Сейчас ты меня позвал сам. Видишь, место-то твоё.

– Да. Ну у меня отсюда всё началось. Здесь я с Этл познакомился. А она меня на трассу вытащила.

– Молодец твоя Этл. С ней не пропадёшь.

– Я с ней, на удивление, после того раза и не ездил. Хотя она рассказывала мне, мол, по нефорской тусовке ходит слух, что два самых крутых стопника из ёбуржской тусовки – Леший и Этл.

– Ну ты пёрышки и распустил. Накормил своего дракона.

– Тоже читал Авессалома Подводного⁷⁸?

– А, было дело.

Леший встал и прошёлся вдоль края скалы.

– Ты знаешь, – сказал Манул, – что здесь парень утонул однажды? Последний день игры был, он в железе. Что его понесло на скалу – не ясно, только в воду он рухнул, а в же-

⁷⁸ Интересующихся отсылаю к книге "Тонкая семёрка" Авессалома Подводного.

*лезе плавать тяжело*⁷⁹.

– Нет, я здесь редко бываю в реальности. И не слышал об этом.

– Его надо отпустить.

– А кто его держит? Место? Он стал привидением здешним?

– Ну что-то вроде.

Леший, пожёвывая листик чабреца, развернулся к Манулу, и увидел, что он не один. С ним сидел молодой парень в тельняшке и камуфляжных штанах.

– Это Гончар.

– Привет, – сказал Леший.

– "И ночью при луне мне нет покоя..."

– Обрети уже покой, – сказал Манул, – Ступай себе. Десять лет уж минуло.

– А что так можно?

– Можно по-всякому. Ступай, тебе говорят. Или посиди с нами, пока мы здесь.

– Только мне трудно говорить. Курить хочу.

– Это к Лешему.

Леший побил себя по карманам, и действительно, в одном из них обнаружилась пачка "Петра".

– Держи, Гончар. Первый раз привидение вижу. Если бы не знал что это сон, испугался бы.

⁷⁹ Такой случай действительно был в августе 1998 года на хоббитских игрищах. В последний день игры.

– Помнишь анекдот? "А чё нас бояться?", – посмеялся Гончар. Не похож на привидение. Вполне живой человек по виду, парень младше самого Лешего, – от души. Десять лет не курил... Чёрт меня дёрнул тогда через эти ебуны пойти.

– Ну, как докуришь, так и иди. Тебя здесь не держат более, – сказал Манул.

Леший слушал этот сюрреалистичный разговор. Стопщик-бродяга, шаман и привидение. Волка не хватает для полноты картины.

– Ты звал?

За спиной стоял Волк.

– Это всё по моей воле?

– Это твой сон, – сказал Манул, а Волк лишь кивнул головой.

– Нихуя себе. Так я могу упасть и не разбиться?

– Не советую, – резко сказал Гончар, – я уже проверял.

– Хочешь поэкстремальничать – у тебя будет возможность. При следующей встрече с Манулом полазишь по скалам вдоволь, – сказал Волк.

– А где она будет встреча эта? – проговорил Леший.

– Послезавтра в переходе я подойду. На три дня поедем в лес. На Аракуль.

– Почему туда? Я на Таганай хочу!

– Ну ты же на Аракуле не был. Так что побываешь. Таганай в другой раз как-нибудь.

– Ну всё, договорились.

Леший докурил сигарету, потушив по своей привычке "бычок" о пятку берца и убрал его в пачку. Гончар-привидение тоже докурил.

– Ну я пошёл? – сказал Гончар.

– Иди. Обретай свой покой. Тебя отец ждёт, – сказал Волк.

– Удачи, – проговорил Леший.

Гончар подошёл к краю обрыва, и сиганул вниз, на туманную гладь ночного пруда.

– Мда. "Разбежавшись прыгну со скалы. Вот я был, и вот меня не стало..."⁸⁰

– Ну перестал быть привидением человек, а ты сразу "прыгну со скалы..." Просыпайся.

На востоке разгорались утренние сумерки. Леший посмотрел на своих спутников из сна, те встали и сделали руками жест, как бы раздвигая две лежащие друг на друге пластинки. Звон в ушах Лешего – и Леший проснулся.

– Лёша, поезжай на автобусе, – сказали ему родители, собираясь на работу, – Не надоело ещё стопом кататься?

– Вообще не надоело, но сегодня вас послушаю.

Леший позавтракал, собрал рюкзак, и отправился в дорогу.

Старенький ЛиАЗ с рёвом полз в гору. Вот мимо про-

⁸⁰ Отсылка к известной песне группы "Король и Шут".

мчался крест, вот родничок, вот стела "Михайловск 1805 г." Автобус набирал скорость. Всё равно ещё минут двадцать стоять в Сергах. Леший воткнул плеер в уши, а там играл "Stratovarius"

"Когда-то диск со Стратовариусом тебе подарила Наташка – одна из немногих неформалок твоей общаги. Интересно где она теперь и как? Наверное, пишет диплом. Не жалеешь ли ты? Нет, не жалею. У меня столько дорог позади, а сколько ещё..." – звучал внутренний диалог Лешего.

На въезде в город Леший спрыгнул с автобуса, чтоб быстрее добраться в центр. В голове конечно рефреном звучало: "Мистика, ёбаная мистика. Как так? Лёшенька, повёлся на персонажей из снов, может они глючат мне? Может я головой поехал?"

Забежав поссать в "Мегу" и вскоре вновь покинув чертоги потреблядства, Леший сел на бесплатный "Меговский" автобус. Сейчас на метро, забрать у одноклассника гитару, да заработать денег.

Прохладные своды метро "Геологическая" сомкнулись над головой. Пахнувшие креозотом сквозняки, спешащие люди, звуки рекламы – такое вот метро. Пустой поезд подошёл к платформе, пассажиры – уставшие тётушки, удалая молодёжь, сурового вида дядьки с наколками. Поезд ехал на Уралмаш. Леший ехал "от конечной до конечной".

– Здравоф, Леший!

– Привет, Сань.

– Как там Михайловск? Стоит ещё?

– Стоит.

– Пошли чай пить. Тут такая история приключилась. Димон расскажет.

Димон – старший брат Сани. Один из "олдовых неформалов" Михайловска, сваливший в город после окончания школы. Для Лешего Димон был знаменит обширностью связей и умением рассказывать офигительные истории.

За чаем и сигаретами под пение Дианы Арбениной на "Нашем радио" Димон рассказывал о прошедшей ночи:

"Ты же знаешь, что Толстому, чтоб напиться, надо много. Зато как напьётся, так непрошибаем. Мы сидели во дворе у нас. Я, Ванька Васин с гитарой, Машка с Оксанкой, Женя-сюрприз, Толстый, и Санька. Сюрприз, как обычно, с баяном. Купили пивка, портвешка, сидим, культурно выпиваем. А Сюрприз начал на баяне играть "Рамштайн", потом какая-то гопоть подтянулась. Ванька там Чайфов лабал, гопоть начала как обычно, мол, сыграйте про пацанов. Сюрприз включился сразу. Мол, "пацаны-пацаны, ваши тёртые хуи...", начал петь какую-то лабуду под баян. Этого мало, он давай им залечивать, что мы – модная попсовая группа, а Толстый – наш продюсер. Притравливал байками про жите поповиков, мол, там гомосятина и наркомания процве-

тает. Те такие, мол, вы чё тоже пидоры? Сюрприз обиделся, но выдал им, что мы как бы с бабами тут. Про то, что Машка с Оксанкой из "Темы", мы решили умолчать, конечно, а то бы совсем не поняли. Конфликт всё-таки случился. Толстый "высадил" всех, сказав, мол, нам пора домой, Димон дай ключи, Женя дай баян. Забрал баян и ушёл. А, надо сказать, у нас в эти дни лифт хуёво работал. Толстый про то не знал. Но не суть: гопотёлки сказали, мол, хотим продолжения банкета, Машка полезла в залупу. Там слово за слово, тёлки с нашими девками сцепились. Попутно и мне прилетело, и Ваньке, и Саньку. Сюрприз только убежал куда-то. А мы – к подъезду, дверь захлопнули перед носом у гопоты, бегом по лестнице на девятый к нам. А в это время из лифта вопли и стуки доносились. Это короче Толстый с баяном в лифте застрял. Мы пока умывались, да раны зализывали, слышим – вопли в лифте прекратились. Толстого кто-то отковырял, и тот потопал по лестнице к нам. При этом правда баян орал на весь подъезд, потому что Толстый его за одну ручку нёс. Как пришёл, не разуваясь, повалился на пол в комнате. А Сюрприз так и не нашёлся в ту ночь. Оказалось, он за водкой уходил с одним из "пацанов", а потом они там "мировую" устраивали. Ванька твою гитару брал, если что"

– Бля, а она живая? А то если что, Ваньке твоему "испанский воротник" сам сделаю!

– Живая. Ванька вообще, по-моему, только раз по ебл

схватил. Да и в падик забежал быстрее всех, за гитару пёкся.
– Ну вы даёте. Что ни пьянка, то история.

Тут Леший был прав. Вся компания Сани и Димона – Игорь Толстый, Женя-сюрприз, Женя-Сатанюга, Машка, Оксанка, Ваня Васин, покойный уже Коля – все они были "вольно тусующимися раздолбаями". Притом Сатанюга был открытым геем, а Машка с Оксанкой – лесбиянками. Сюрприз преподавал в колледже культурологию, Оксанка водителем работала в ёбургском "ЛГБТ-такси"⁸¹. Короче та ещё компашка. Эпичным зрелищем было, когда на пьянке по случаю сорокового дня Коли пьяный Толстый пошёл в "Кировский" за "догоном". Завернувшись в одно одеялко. В сентябре. Так его азер-охранник заставил одеялко в камеру хранения сдать, и Толстый по магазю расхаживал с барсеткой и в трусах. Остальные шли сзади и уссывались. Так что у Сани с Димоном в компании всё было весело. За непрерывные пьянки Леший про себя обозвал их "Дринк-команда".

Леший покинул гостеприимную квартиру с гитарой за спиной. Сел на третий троллейбус, и не торопясь поехал в ТЮЗовский переход стритовать.

⁸¹ В Екатеринбурге действительно такое есть. Ну, или было в ту пору. Водителями там работали преимущественно мужиковатого вида тётушки из "около-темы". По крайней мере именно с такими приходилось встречаться девушкам знакомым автора. По их сведениям, таких такси в городе было аж три службы, не дававшие рекламы нигде, кроме "темы". Возможно, есть и сейчас.

На "ТЮЗе" к приезду Лешего стоял Вова Хомяк – гитарист с высоким голосом, в пиджаке-брюках-туфлях и с распущенными длинными волосами. Пел он песню про "три полоски на кедах..."⁸², от которой обычно умилялись все малолетние эмо-тёлки.

Вообще же тусовка эмо и прочих подобных располагалась в отдалении от "ТЮЗа" – на "Драме". Неформалы их, в большинстве своём, не любили. Особенно девицы-скинушки, время от времени проходившие через "Трубу" и "ТЮЗ". Они вообще были довольно агрессивны к представительницам неформалии, особенно к самым юным. А уж про эмо и прочих педовок и говорить нечего. Вообще скины по старой памяти чаще тусили на "Плите", не гнушаясь соседства с лесбийский "Темой", неформалы обретались возле уличных музыкантов на Плотинке, в "Трубе" и возле "ТЮЗа", ролевики – в парке на Вознесенской горке и на "Кельте" в парке Павлика Морозова, готы облюбовали "Вечку" – вечный огонь и парк рядом с ним. Были и отдельные тусовочки по интересам – "ЗэБэ" – заброшенная больница в Зелёной Роще, заброшенный недострой за "Вечкой", "Подмост" под Макаровским мостом. Плюс последние два года местом "зимовки" для тусовок являлась "Икеевская курилка"⁸³ в "Меге". Летом

⁸² Animal Jazz – три полоски.

⁸³ Балкончик в ресторане ИКЕА-Food в ТЦ Мега. Когда-то там можно было курить.

там оставались сидеть самые маргинальные представители, которые даже неформалами то не были – какие-то скины, какие-то дембеля, какие-то гопники не всегда славянской внешности. После огребания и сотрясения мозга прошедшей зимой Леший немного чурался подобных тусовок, но иногда мимо всё же пробегал. "Работал" Леший всё чаще по трамваям, систему вписок он себе наладил, поэтому в тусовках он нуждался лишь для того, чтобы перебраться несколькими фразами, да узнать последние новости. В "ТЮЗ" и "Кино-Урал" же ходил играть для души, когда не надо было особо зарабатывать, и хотелось попеть вдоволь.

"Хорошая песня, надо тоже выучить, – думал Леший, – по крайней мере, атмосфера для неё здесь и сейчас очень подходящая".

Когда Хомяк доиграл, Леший подошёл и поздоровался.

– Тут по мою душеньку никто не приходил?

– Не, я сам недавно встал играть. Сегодня вообще тухляк.

– А то я встречи жду с человеком.

– Может, знаю?

– Манул. Или Женя. Вроде с Северки, хотя хуй знает.

– Не, впервые слышу. Интересно, почему Манул. Его гладить надо⁸⁴?

⁸⁴ Имеется в виду популярный интернет-мем той поры "погладь манула, сцуко!"

– Мне кажется, он не хочет, чтоб его кто-то гладил.

– Хер знает. Алексей, ты поиграть хотел?

– Хотел. Но ты играй пока, я покурю постою.

Хомяк затянул песню про "Любите девушки простых романтиков..."⁸⁵, а Леший вышел в сторону большого тополя и закурил.

"Столько всего связано с этим местом... В прошлом году тут с гопотой пиздились, на тех чугунных перилах Курт повеситься хотел, его тогда сняли и дали по еблу. Вот здесь мы укуренные на траве валялись, вот здесь Отмор Священнику по ебалу дал, из-за его загонов. Вот в этих кустах тогда Волчара Тагильский какую-то эмомалолетку трахал почти на глазах у почтенной публики. Под тополем на Пищалкином плаще валялись, в тот день ещё Катариса принесла "Дрыны" текстолитовые, и народ развлекался, махаясь ими. А сейчас тусовка переместилась на Плотинку. И это хорошо. Не доёбывают больше музыкантов всякие панки, типа "давай поаскаем вместе на портвейн", не прибегают гопники волосатых пиздить, менты теперь тут спокойно проходят мимо, даже документы не проверяют. А в прошлом году ментовские облавы повторялись раз в неделю. То искали каких-нибудь сбежавших малолеток, то проверяли карманы на всякое "палево", ну и всегда проверяли документы и ИМЕI-номера у со-

⁸⁵ Популярная песня группы "Браво".

товых. Было времечко...⁸⁶"

Пока Леший думал и тупил, Хомяк в переходе затих.

"Видимо, решил тактично уйти, – подумал Леший, – Или в "кулинарию" утопал".

Спешно расчехлился, бросил чехол на "течение", повесил гитару на ремень и стал играть, прикрыв глаза. Решил начать с песен Саши Непомнящего:

"Струны в кровь, вода кругами,

Голосуем всем собором

И понты кидает туса

То Егором, то хардкором.

Всюду строятся ларьки,

И горят еретики.

Место, где хоть что-то слышно,

На обрыве у реки...⁸⁷"

– Этот переход любит твои песни. И особенно, когда ты Непомнящего поёшь.

– Ты неожиданный, Манул. Я не заметил, как ты подкрался.

– Я вообще мутант, сектант и шаман в одном лице. И

⁸⁶ В этом куске воспоминания принадлежат автору книги, все имена здесь реальные.

⁸⁷ Александр Непомнящий – Разговор с небослужителем.

подкрадаюсь незаметно. Ты бы больше с закрытыми глазами стоял.

Манул был в чёрных джинсах, берцах, футболке с волком и с большим рюкзаком.

– Я тут посмотрел в карту. Аракуль – те ещё ебенья. Как мы поедем туда стопом?

– Вы с Лосиком стопом поедете. Мы с Полиной – нет. Но приедем все.

– А Света?

– Её не будет, она перебралась в Питер.

– Нифигассе. Неожиданно.

– Её родители настояли, чтоб она туда переехала. У Светы там родня есть. Так что география нашей рабочей группы ширится.

– Мне всё же интересно, как и кто выбирает, куда нужно ехать и что делать?

– Во всё врубишься по ходу. Мы обычно во снах договариваемся. Иногда Волк подсказывает. Мы, кстати, едем с ночевой, так что прихвати с собой что-нибудь.

– А как я Лосика найду? Тоже во сне?

– Зачем? Я тебе номер дам, – усмехнулся Манул.

Манул достал из клапана рюкзака записную книжку, продиктовал десять цифр Лешему.

– У меня сотового вообще нет, он теряется постоянно, и я решил, что мне незачем. Тем более, пока я на Северке, он у меня на тумбочке лежал бы без дела. А у Лосика "Вави-

лон"⁸⁸, учёба в универе и вообще. Она пока у светиной родни живёт, а потом – снова в общагу.

– "Вавилон?" это что? Как у растаманов?

– Это всякие социальные взаимодействия. Не забывай, что мы не совсем упоротые сектанты, а ещё и обычные люди и живём с обычными людьми. Более того, часто обычные люди, без всякого энергуйского загона, могут научить более эффективным практикам. Всё, я побёг. Долго не заигрывайся, звони Лосику. До встречи завтра вечером!

– Пока.

Леший не успел опомниться, как Манул с большим рюкзаком завернул за угол и исчез на лестничном подъёме. Мимопроходя тётка кинула Лешему "в кассу" пятьдесят рублей бумажкой. Он ответил: "Благодарю, да не оскудеет рука дающего!" – и снова заиграл.

Вечером на "философской вписке" Леший перебирал рюкзак, пил чай с Жанной Андреевной и разговаривал о "ребятах из снов".

Жанна сказала, что ей было бы интересно познакомиться с такими людьми, и порекомендовала не говорить особо никому.

За окном догорал ясный вечер, сменяющийся сумерками. Леший набрал номер Жени Лосика.

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, Женю могу услышать?

⁸⁸ На сленге растаманов – всякая мирская суета.

– Это я.

– Привет, это Леший. Когда и как мы завтра едем?

– Давай встретимся на остановке "Димитрова", на повороте на Химмаш, – после паузы ответила она, – Мне до туда проще будет добраться. К девяти утра.

– В девять на повороте на Химмаш.

– Договорились! До встречи.

"При первой встрече Лосик показалась мне симпатичной. Как-то странно и стрёмно сейчас. Ну да ладно, посмотрим. Вдруг что? Вдруг она именно та девушка, которую я ищу?", – думал Леший, засыпая в спальнике на балконе у "Философов".

Лешему снилась Лосик.

"Ну ты и надумал себе, Лёша, будь проще и не заморачивайся. Не ищи идеалов, не строй громоздких конструкций в голове, пусть всё просто происходит, – сказала она и, пригнув Лешего за голову к себе, смачно поцеловала его в губы, – Просто ты мне понравился тоже. Только при встрече так не делай, обижусь. Во сне можно"

Леший опешил и проснулся. Светила луна. Или фонарь? Леший прикрыл балконную дверь, достал сигарету и закурил, благо балкон продувается всеми ветрами. А после – зевнул и заснул снова, на сей раз без сновидений.

Утро, как и бывает при ночёвке на открытом месте, наступило "на голову" солнечным лучом, проникшим сквозь решётки балкона. Ярко и жарко. Леший выпутался из спальника, протёр глаза, натянул штаны с футболкой и отворил балконную дверь. Жанны не было дома, были только Рита и Йети. Они возлежали на диване, залипая за "Доктора Хауса" в компьютере.

– Доброе утро бродяга. На каком балконе ты шлялся всю ночь? – приветствовал Лешего Йети.

– Да вот на этом вот самом! У вас от просмотра Хауса волчанка не начнётся?

– Волчанка нет, а вот молчанка, благодаря твоему феерическому пробуждению, закончилась.

– Что есть в этом чудо-доме поесть? Вчерашние мои печеньки остались?

– Там ещё есть куриные трупки копчёные, которые Марго принесла.

– Сам ты трупки! – вклинулась Рита.

– А вы чего в такую рань не спите? – спросил Леший, глядя на часы. Было половина седьмого, – мне-то ладно, солнышко глаза разлепило.

– Мы и не ложились. Как пришли с концерта, так и тусим. Ты вчера рано лёг, не дождался нас, злодей.

Отшутившись, Леший отправился на кухню ставить чайник. Времени ещё хватало, поэтому можно было, не торопясь, позавтракать и собрать трассовый рюкзак. Запихал в

него содержимое рюкзака городского, плюс спальник, сменную обувь-берцы, пенку и КЛМН.

Сбоку на рюкзак приладил гитару, так что конструкция получилась достаточно громоздкой.

– Куда на сей раз ведёт тебя знак дорожной руны?

– На кудыкину гору. На озеро Аракуль и Шихан.

– Ну, езжай шиханься, только много не пей.

– Я ж не пью. Почти.

– Помним мы, помним, как ты у нас пьяный пел сантовский "Зимний Рэгги", ускоряясь и замедляясь по своему усмотрению! Доброй тебе дороги, Леший! – сказала Рита и повисла на шее у Лешего, и без того отяжелевшего от рюкзака.

– Давайте смотрите дальше своего Хауса.

В троллейбусе Лешего хотели обилетить за багаж, но Леший отвечал: "Спортивный инвентарь, у вас же написано, что оплате не подлежит. А гитара – музыкальный инструмент, тоже не подлежит оплате" Тётка кондукторша не стала спорить, тем более, что пассажиров кроме Лешего особо и не было. Время от времени в троллейбус заходили и выходили люди. Ехать через полгорода на Челябинскую трассу – то ещё удовольствие. Но к половине девятого он покинул медленный троллейбус на остановке "Димитрова". Лосик уже была тут.

– Доброе утро! Я думал, что буду раньше тебя!

– Ну так получилось. Маршрутка оказалась очень быст-

рой, да и ехать мне с "Ботаники".

– Ты мне снилась сегодня.

– Мог бы и не говорить. Про предупреждение помнишь?

– Помню. Ты сказала, что обидишься.

– Обиделась бы, если бы полез, – с этими словами она подошла к Лешему, сбросившему рюкзак на лавочку, и обняла его, – Давай я повезу твою гитару, у меня бэг небольшой.

Лосик выглядела весьма изящно для девочки-автостоппицы: тёмные волосы в косе, на голове шляпа, клетчатая рубашка и джинсы с сандалями, а за спиной небольшой "Векровский" рюкзак.

– Я, кстати, тоже на гитаре играю. Правда, немного. Вечером увидишь?

– Туда езды при хорошем раскладе три часа, почему вечером?

– Ну, пока дойдём до места, пока то-пятое-десятое.

"Я удивлён и очарован. В очередной раз. Блядь. Не влюбись, Леший! Или даже так: не спугни, Леший!", – вещало его внутреннее радио, пока они шли на позицию.

Пройдя за пост ДПС, стали голосовать. Леший бросил монетку и закурил. Лосик села на лешевский бэг, спрятавшись за Лешим от Солнца.

– Лосик, тебя не видно! Ты скрываешься за тенью. Вдруг потенциальный драйвер захочет подвезти одного человека с

большим бэгом, а нас тут двое.

– Ты не думай за драйверов. Может быть они, наоборот, думают, мол, вот какая красивая пара, надо их подвезти, сделать доброе дело.

– Или так: ох, эта симпатичная девочка с парнем, поэтому мне с ней не познакомиться, я их не посажу.

– Фи, поручик!

Повисло молчание. Не "неловкое молчание", а такое сосредоточенное.

– Смотри. Морда тяткой. Сразу видно садовод.

– А этот с кировским номером. Каждый хочет стать "Кировским"⁸⁹, как в рекламе.

– Да, вон тот точно хочет. Видишь, даже номер грязью залеплен!

Машины всё ехали и ехали плотным потоком. Сначала голосовал Леший. Потом, со словами "Всё, я заебался" он сел курить, а Лосик встала голосовать.

"Каким театральным изящным жестом она поднимает руку, боги мои! Красиво не по-трассовому! Трасса-сестрѐнка, не ревнуй меня, но, похоже, Алѐшенька опять влюбился. Хотя лучше нет, она тоже сестрѐнка", – думал Леший.

– Теперь моя очередь отдыхать в тени, – сказала Лосик.

– Солнце уже высоко, и тень стала короче! Ты так классно

⁸⁹ В 2007 году была в Екатеринбурге реклама торговой сети "Кировский" с таким слоганом.

голосуешь!

– Только не ловится ничего. Хотя это значит, как говорится, мы не зависаем, мы ждём своего драйвера, любуясь прекрасным симбиозом природы и цивилизации под названием Дорога.

Леший поднялся, поднял руку – сразу остановилась машина.

– До Кашино!

– Только мы автостопом.

– Да я понял. Прыгайте.

Бешеная "Пятёрка" под звуки утренней радиопопсы домчала их до кашинского поста ДПС, где со словами "Спасибо вам, ребята, удачи!" изрыгнула из чрева своего двух автостопщиков.

– Интересно, почему он нас поблагодарил?

– Может, мы ему кармочку подправили? Кто знает?

Гаишники заинтересовались автостопщиками.

– Молодые люди, документы предъявите! Почему по правой обочине ходите?

– Мы тут за отбойником пойдём, не будем нарушать!

– Хммм. Михайловск. Урай, ХМАО. Как вас вместе дорога свела под Сысертью?

– И не такое бывает.

– Давайте, удачи. Смотрите не нарушайте! – отпустил их с миром дядя мент.

Пока Леший с Лосиком шуршали травой по обочине за

отбойником, уже наступил день. Мимо пролетали в подъём машины, в придорожной траве стрекотали кузнечики.

– Леший! А почему ты Леший?

– О, это старая история. Когда-то меня вытаскивала на трассу девушка ролевик, Этл. После того, как мы с ней доехали до Ёбурга, я переночевал у неё в Кольцово.

– Хммм, переночевал?

– Ну, вписался. Без подтекстов. Прощаясь, сказал ей, что буду поступать на Лесохозяйственный факультет в Лестех. А она сказала: "Ну, быть тебе Лешим". А потом как-то повелось. Лёша-Леший... А ты почему Лосик?

– Тут долго рассказывать. Короче, от бывшего моего юноши. Тот почему-то считал, что это мило. И за глаза меня так называл. Оно и прилипло. Он перестал называть, а друзья продолжили; так и говорили Тим и его ручной Лосик.

– Всё, не смеюсь. Серьёзно всё так просто?

– Тебе просто, а я обижалась на него и на его друзей. А потом уехала сюда, поступила на Биофак УрГУ, здесь я для всех просто Женечка.

– Почему же мне тебя как Лосика представили, если ты обижаешься?

– Мне Волк приснился однажды. И показал моё тотемное животное. Рассказал то, что я о себе не знала: что у меня прабабушка была вогулка, из племени, у которого тотемное животное Лось. А по мансийским представлениям небесный Лось – Ялпынг-Уй – одно из божеств. В сказы Бажова он,

кстати, попал под именем "Серебрянное копытце"

– Так то косуля была, не?

– Это у Бажова косуля. А сейчас послушай из эпоса кусок: небесный лось ходит по млечному пути вслед за луной и осыпает людей благами. В иные зимние ночи небесный лось может спуститься в мир людей, но на грешную землю ступить не может: только на снег, на вершины скал и крыши домов. А чтоб он снизошёл к молитвам людей, надо ставить блюда серебряные и золотые, наполненные камнями самоцветными... Ничего не напоминает?

– Круто.

– Вот и я также тогда сказала. Про Волка я узнала уже здесь в Ёбурге. Он меня со Светой-художницей свёл. А потом нас двоих уже с Манулом и Полиной. Мы весной поехали на Аркаим автостопом, там нас с Манулом и свело. Манул бука, автостоп не любит.

– Как же он ездит? На велике? Или у него своя машина есть?

– Они с Полинкой на товарняках катаются и на зацепе.

– Ничё себе! И не подумаешь даже. Я вот тоже всё хотел проехаться, но как-то не получалось.

– Поговори, может и получится. Манул говорит, интересная практика.

– А ты с ним не ездила разве?

– Ездила, на зацепе один раз. По Ёбургу. Прошлой зимой мы со Светой проехались "на колбасе" на городской элек-

тричке. Самое забавное – если тебя видят, то спрыгивать и делать вид, мол, "не при делах". А на товарняках так и не рискнула.

За разговорами дошли до заправки.

– "Екойл" – это пародия на Лукойл? – спросила Лосик.

– Да, их много по стране. В Татарии есть "Укойл", в Сибири видел "Лукус", а самое забавное – в Воронежской области – "Лук-Ил". Не поймёшь, чем заправят: луком или илом.

– Главное, чтоб застопилось что-нибудь.

На сей раз дольше шли, чем стояли: не прошло и пяти минут, как остановилась тряская "Газель", ехавшая даже почти куда нужно – в Верхний Уфалей. Водитель, представился Дядя Толя, оказался весьма разговорчивым. Всю дорогу он поливал Лешему и Лосику байками про шофёрские дела и про местность.

"А на Аракуле был рыбзавод. Его один хитрый делец основал ещё до революции, запустил туда сигов с Чудского озера. Потом, в советское время, там был филиал Каслинского рыбозавода. А потом девяностые, сначала бандит перекупил рыбзавод, потом бандита посадили. Потом, говорят, Москва купила. И разорила предприятие. А в Аракуле сейчас какие-то бизнесмены, тоже наверно бандиты, строят что-то вроде турбазы. По дороге поедете через Вишнёвогорск. Там добывали камень вишневит, которого больше нигде в мире нет. И много ещё чего добывают до сих пор. Посёлок вроде маленький, но живой. А всё почему? Потому что там

редкозём добывают, востребованный в соседнем городе. А ещё пока Снежинск не построили, тут была узкоколейная дорога от Каслей и села Воскресенское, как раз через современный Снежинск бы и проходила. Это до революции ещё стеклозавод для своих нужд построил... ", – скакал драйвер с темы на тему, пока его "Газелька" скакала по ухабинам челябинского тракта и дороги на Касли. Вокруг начались живописные места: с одной стороны далёкая стена гор, с другой – вполне западносибирские поля с берёзами. А ещё озёра-озёра! И живописные сосновые леса!

На повороте на Вишнёвогорск Лосик и Леший расстались с гостеприимной "Газелькой", но тут же пересели на машинку до Вишнёвогорска. Пожилой водитель провёз их даже чуть дальше, чем ему самому нужно – до карьеров. Махнул рукой на одну из грунтовок: "На Аракуль пошла!" – развернулся и уехал, оставив в облаке пыли Лосика с Лешим.

– А ты была на Аракуле? – вышагивая по пыльной обочине проговорил Леший.

– Нет, ни разу. Только во сне.

– И я не был. Как мы найдёмся с Манулом?

– Там будут ещё ребята. Не только Манул. Они лагерем встанут недалеко от Шихана. Какие-то скалолазы, знакомые Полины. Но у них своя программа, у нас – своя. Найдёмся.

– Теперь можно пешком. Транспорта не предвидится, судя по всему.

– Мда. Зато сколько облепихи растёт на этом карьере! На-

до будет сюда приехать пособирать!

– Я не люблю облепиху. Меня бабушка с дедом ей перекормили в детстве.

– Ты сейчас учишься?

– Я бросил Лестех ещё в прошлом году.

– Зря. Подумай, может, поступишь к нам на Биофак? У нас много интересных людей и практика классная! Можно в лес ездить, в экспедиции разные.

– Не в этом году точно...

...Вокруг стрекотали кузнечики, пели птицы, а по пыльной грунтовой дороге так никто и не ехал. Леший с Лосиком шагали по пологому спуску под гору, и говорили обо всём подряд. О смысле жизни, о философии – Леший помянул Жанну Андреевну и её желание познакомиться. О наркотиках – Лосик рассказала про свои опыты с грибами, Леший про траву и минского растамана. О сексе и любви – Лосик сказала, что ей неловко общаться с парнями, которых она видит друзьями, а они её – объектом возжелания. Немного коснулась и своего бывшего. Леший рассказал про своих "Насть" и про первую безответную любовь свою. О музыке – Леший рассказал, как он учился играть на гитаре. О природе – Лосик делилась своими познаниями о лесе с Лешим и наоборот. Гадали, что это за птица летает: канюк или коршун? А может всё же вообще скопа? Договорились как-нибудь отдельно собраться и поискать водяной орех на челябинских

озёрах. И обязательно съездить на Михайловский Полигон и в Оленьи Ручьи.

Так, слово за слово, шаг за шагом, километр за километром, они приблизились к посёлку Аракуль. Пройдя мимо лающих собаками дворов, стройки большого коттеджа и красивных зарослей на берег озера, они увидели большую гору.

– Вот он и есть Шихан.

– А те скалы наверху, они похоже высокие...

– Найдём дорогу?

– А куда денемся.

Итак, они пошагали по берегу озера. Озеро отражало голубое небо и августовские облака. Очень хотелось занырнуть в чистую воду после трассы, но Леший стеснялся предложить. Да и Лосик не предлагала. Лишь на большой поляне, где тропа отступала от берегов озера, они остановились умыться. Дальше тропа пошла в гору. Возле ручейка Леший предложил набрать воды, достал тару – две полуторалитровые пластиковые бутылки и флягу Лосика.

По мере карабканья в гору рюкзаки, казалось, наливались свинцом, а спины – потом. Пару раз останавливались на перекур: Леший хотел даже пообещать бросить курить, но постеснялся. Тем более, что никто из "ребят из снов" его в курении не упрекал.

Недалеко от скал к запаху соснового леса примешался запах костра, и появились звуки человека: стук топора, голоса людей, треск костра, удары по барабану.

– Добрый день, ребята, вы откуда?

– Пермь! Лысьва! Чусовой! Златоуст! Челябинск! Миасс!
Екат! Первик! – раздались голоса.

– А Полину из Перми кто-нибудь знает?

– Полину из Перми? Да, они должны подъехать вечером.
Так вы с ними? Располагайтесь тогда! Чай в котле. Мы там системы развешали на скале, там пока новички висят. Сходите, если интересно. Там Ромыч, скажете ему, что друзья Полинины.

Леший и Лосик сбросили рюкзаки, и пошли на скалы. Как раз недалеко от лагеря тропа забирала полого вверх к одному из останцев. А на гранитный "матрас" двухметровой высоты залезть не сложно...

– Ух-ты! Вот это вид!

– Мне они во сне снились. Точнее, вон те скалы справа.
Волк показывал.

– Круто. Пошли, побегаем по скалам!

– Легко сказать, я высоты боюсь!

– Пойдём! Не бойся!

Лосик взяла Лешего за руку и поволокла налево и вверх. Потом она прыгала через расщелины с десятиметровыми пропастями под ними, и Леший вынужден был перебарывать свой страх. На удивление его обувь твёрдо держалась на граните, поэтому он довольно быстро осмелел. После серии прыжков Лосик уселась в каменную чашу, свесив ноги с пятидесятиметрового обрыва с видом на озеро и окрестные

горы.

– Вон оттуда мы приехали! А вот там Кыштым! А там Снежинск! А где-то воон там Ёбург. Его и не видно отсюда.

– Ну дык, больше сотни километров.

– Тут, по прямой, километров девяносто.

Ветер заглушал их крики, но ребятам это не мешало. Леший был счастлив, по крайней мере, насколько он себе представлял. Именно здесь и сейчас он был в этом состоянии: "здесь и сейчас".

Тем временем у костра скалолазов кто-то включил музыку, над лесом пронеслись набившие оскомину звуки "Москоу нэва слипс"⁹⁰. Потом вдруг музыка стихла. Лешему стало интересно, что там. Он окликнул Лосика, и вдвоём побежали к костру.

– Полина привет! Ну и вид у вас! Евгений Иванович здрафф, вы где так извалялись?

– Давайте мы отдохнём, потом отмоемся, а потом расскажем.

Манул и Полина были одеты одежду черного цвета, но рюкзаки были щедро перемазаны углём, как и их лица. "Проехались на товарняке с углём", – сразу подумал Леший, а Лосик просто кивнула. "Опять мысли мои читает?"

– О, Леший с Лосиком тут! Хорошо. Леший из Оленьих Ручьёв кстати, он не рассказывал?

⁹⁰ DJ Smash – Moscow never sleeps. По этой песне, кстати, можно датировать происходящее с точностью до года.

– А мы там как-то Провал от камней чистили, – сказал один из ребят-альпинистов, – весной, как снег сошёл.

Слово за слово, а беседа получалась интересная. Ребята, которые здесь собрались – скалолазы и альпинисты, некоторые работают промальпами или в МЧС. Леший очень далёк от этого мира, он не особо вникал в термины "Дюльфер", "Жумар", "Бухта", "Блок" и т.д. Манула тут называли не иначе как "Евгений Иванович", но при этом на "Ты". "Интересно, – думал Леший, – чем он заслужил такое к себе обращение?" Лосик с Лешим подсели поближе к Манулу, и начали выспрашивать про дорогу.

– Мы трейнхопом ехали, на угле.

– "Поездопрыгом"? – посмеялся Леший

– Ну, так за бугром называют езду на грузовых поездах.

И сели так весело на Керамике: состав с полувагонами, и не видно, что внутри. Мы полезли, типа на разведку, а там уголь, почти доверху. И поезд уже гудок даёт. Ну, решили мы, была не была. Полина поднималась, когда поезд уже ход набирал в сторону станции Сысерть⁹¹. Когда время было "палево" проезжать, мы просто в уголь закопались. Теперь уголь везде. Мне пока пофиг, Полина отмываться на озеро побежала. До Уфалея ехали почти без остановок, только в Мраморском тормознули, встречку пропустить. А в Уфалее он встал, и как-то надолго. Мы перепрыгнули в состав на Маук, с платформами. Но он такой палевный, а мы такие "красивые". На

⁹¹ Не путать с городом Сысертью.

Силаче он притормозил, на наше счастье. Мы спрыгнули на ходу на глазах у машиниста и помохи, и бегом-бегом на ручеёк, хотя бы лица отмывать. Ну и сюда дотопали пешочком.

Снова заиграл магнитофон, на сей раз какой-то рэп, который Лешему не был знаком. Леший сидел у костра рядом с Лосиком и Манулом, пожёывая предложенный шашлык и прихлёбывая чаем из трав. Наступал вечер. Тень от Шихана уже накрыла собой озеро, лишь на Вишнёвых горах лес и склоны карьера горели оранжевым огнём заката. Затих ветер. Поднялись со скал скалолазы, теперь они шли мимо ребят, увешанные верьём и снарягой. По тропинке с озера поднимались несколько девушек, среди которых шла Полина, уже отмывшаяся и переодетая. Лосик поднялась от костра и кинулась обниматься к Полине.

"Такие разные и интересные эти барышни. Одна кареглазая, с длинной косой тёмных волос и смугло-загорелой кожей, другая – водопад светлых волос, низенькое коренастое тело, светлая кожа и голубые глаза. Одна женственна до невозможности, другая – пацанка. Обе они, как две половинки одного целого, как два склона Уральских гор. Одна – склон западный, другая – восточный...", – думал Леший, глядя на Лосика и Полину, топающих в обнимку к костру.

– А можно попросить хозяина гитары поиграть? – спросил один из скалолазов

– Смотри что, – ответствовал Леший.

– У нас тут много игроков, а инструмент никто не взял.

– Тогда можно устроить круг, только аккуратней у костра, – Леший расчехлил гитару и понеслось.

Сначала инструмент достался дядьке лет сорока, который спел песню про костёр и того, кто свой огонь сберёг, но никого не согрел, а другой, напротив, всё спалил, "но в этот час стало всем теплей..."⁹²

Потом инструмент взяла Полина. Лосик сидела с ней рядом, завернувшись в спальник. Их песня была ответом на первую. Эту песню знал и Леший, в прошлом году он под неё танцевал медляк с незнакомой девушкой на концерте "Люмена" в "ПэВэ":

"Гори, но не сжигай

Иначе скучно жить.

Гори, но не сжигай —

Гори, чтобы светить"⁹³, – пели Лосик и Полина на два голоса. Многие им подпевали, Леший тоже.

После завершения песни народ помолчал полминуты, и гитару взяла Лосик. Её песня была явно из ролевого репертуара, судя по упомянутому Средиземью. Леший этой песни не знал:

⁹² Машина времени – костёр.

⁹³ Люмен – гореть.

"Он бредёт по лесам осенним,
А в глазах его вешняя зелень,
Золотом клёна его корона,
Рубины рябины в его ладонях"⁹⁴.

Гитару взял кто-то из пермяков, и запел песню одной пермской группы, которую знает Леший:

"Она возникла из дождя, из воздуха и света
Мне показалось, что её уже я видел где-то
Мокрый шёлк волос, и джинсы все в заплатках
Я спросил, куда тебе – домой, Это где-то в семидеся-
тых"⁹⁵, – пел парень из Перми.

– А ты откуда Джамахирию знаешь? – спросил Леший

– Так я много кого знаю из этой тусовки, и вообще, у нас же "Рок-лайн" проводится, на Бахаревке.

Леший перехватил гитару, и спел песню "Джа-тайна", этой же группы:

"И я плакал по ночам, и я выл на небеса,
И я Джа молитвами затрахал

⁹⁴ Иллет – король лесов. Эта песня многими менестрелями перепета.

⁹⁵ Джамахирия (Пермь) – назад в Уэмбли. Эту песню кто только не перепел, но автор указан оригинальный.

А между тем какой-то там, взял и увёл тебя,
Тем временем, пока я охал-ахал..."⁹⁶

"А эту песню я через себя пропустил. Когда у меня в жизни была Настя, и осталась в Ростове. А ты Лёшенька остался с носом! Или с рогами! – думал Леший, – забудь уже о Насте. Тут есть прекрасная Лосик!"

Меж тем гитара пришла к парню из Миасса, и он тоже пел песню, известную Лешему:

"Спи мой клевер
Сладким соком снов
Спой мой ветер
Светлым оком скрой..."⁹⁷

"А это уже привет из общаги и Лестеха, – сообщило без выражения лешевское внутреннее радио, – когда тебе Лёха в общаге скинул записи "Пуншей", он сказал, что под эту группу прикольно с утра яичницу жарить. А потом ты съездил в Челябинск на сейшен с участием "Пуншей", а во время выступления ты прыгал за сценой вместе с поклонниками этой группы. Интересно, как эта группа поживает сейчас?"

⁹⁶ Джамахирия (Пермь) – Jah-тайна.

⁹⁷ Пунш, (Миасс) – Клевер.

Спустя какое-то время гитара опять оказалась у Лешего. Он запел "Господина горных дорог" Мельницы. Ему начали подпевать Лосик и Полина, да ещё и раскладывая на голоса.

На Шихан опускалась августовская звёздная ночь. Становилось уже немного зябко. Лосик подошла к Лешему, отозвав его в сторонку.

– Пошли на скалы, только гитару бери

– Пойдём.

В лагере объявили "тихий час", поэтому Манул, Леший, Полина и Лосик взяли гитару, пенки и спальные и отправились на обрыв. Оказывается, у Манула с собой был варган, а у Полины – флейта и яйцо-шейкер.

– Теперь у нас будут песни не для людей, а для звёзд и планеты, – проговорила Полина, когда ребята расселись вокруг одной из каменных чаш с видом на озеро, звёздное небо и дальние огоньки городов, – они не предполагают громких звуков, и у костра бы не прозвучали так, как надо.

– А что петь?

– Ты по ходу сообразишь.

Гитару взяла Полина. Пела она песню, в которой призывала кого-то и что-то ждать её к полночи. Песня качала и уносила в звёздное небо:

"...Чарами осени, золотом истинным

В окна к вам влечу метким выстрелом,

Двери отопру, свет зажгу в горнице.

В царстве заоблачном ждите меня к полночи"⁹⁸

– А чья это песня?

– Это из Украины, из Полтавы. Ты, наверное, и не знаешь такого автора.

– На Украине вообще много чудесных песен пишут. Как-то они интересно с русским языком обращаются, что получается не песня, а колыбельная или заговор, – проговорил Леший.

– Так оно и есть. Думаешь, почему именно там появился Гоголь, например?

Лосик взяла гитару и затянула песню про степь:

"Степь моя чистая
Как дарила когда-то
Поцелуи-закаты..."⁹⁹

Странно слышать песню про степь здесь, посреди тайги, но зато под эту песню очень чётко в голове Лешего возникло воспоминание.

"А я ведь так и сидел ночью, на холмах под Саратовом, когда ехал с Югов в прошлом году. Я тогда курил какие-то

⁹⁸ Андрей Грейчайник (Полтава, группа Дороги Меняют Цвет) – В царстве заоблачном.

⁹⁹ Солнечный блюз – Степь.

бычки через трубку, а вокруг стрекотали кузнечики, вдали шумела трасса и на небе ковёр звёзд! И в песне ни слова про звёзды, но она такая, как августовская ночь в степи".

И Леший понял, что нужно сейчас сыграть:

"Как идёт за плугом пахарь, по ночному небосводу
Тянет борозду неспешно, от заката до восхода,
Сеет пахарь, сеет звёзды, сыплет зёрна полной горстью,
И цветут созвездья в небе, как цветущие колосья..."¹⁰⁰

Голос Лешего уносился ввысь, к ночному небу...

В лагере скалолазов уже затихли. Ребята лежали на пенках, голова к голове, и смотрели вверх.

– Видишь Большую Медведицу? – спросила Лосик, – у манси она называется созвездием Лося. Давным-давно, когда боги ещё являлись людям, лось имел шесть ног и мчался по небу так быстро, что никто не мог догнать его. Тогда на охоту отправился сын Бога отец всех манси. Охотнику удалось согнать лося с неба на землю и отрубить ему лишние две ноги, но следы охоты на небе навсегда остались там. Млечный путь – это лыжня охотника, Плеяды – женщины из его дома, Большая Медведица – сам лось. Небесный охотник с тех пор поселился на земле, а лоси ходят на четырёх ногах.¹⁰¹

– Я слышал версию, что сам Бог, создавая всех зверей,

¹⁰⁰ Иллет – Эльфийская-ушастая (Пахарь).

¹⁰¹ Вольный пересказ мансийского эпоса.

сначала по ошибке создал лося шестиногим, как жука или муху. Потом, осознав свою ошибку, он оторвал ему две ноги, но с тех пор летом в тайге мухи лосю прохода не дают, чуя в нём близкую родню, – сказал Манул.

Под такие разговоры ребята засыпали прямо там, на площадке у обрыва, завернувшись в спальники. Леший зачехлил гитару, положил её себе под голову и уснул.

Лешему снилась большая планета. Планету эту он опознал, как Землю, но во сне её называли каким-то другим словом, длинным и непонятным. Она была по виду совсем серой, как в чёрно-белых фильмах, и смотрел на неё Леший будто с космоса. Постепенно, видел Леший, как загораются разноцветные огоньки на земной поверхности, и от этих огоньков Планета приобретала цвета.

Леший продрал глаза. Над горизонтом разгоралась утренняя заря. Из рта шёл пар. "Всё же правильной идеей было закутаться в спальник получше. Надеюсь, гитара пережила?", – думалось Лешему.

Вот первый луч солнца, похожий на маленькую точку, пронизал горизонт. Теперь точка уже стала полоской, а потом – поднимающимся красным светилом...

Леший покинул спящих товарищей и направился в лагерь. Под завесой скал и деревьев ещё царил сумрак, но первые "дежурные" уже растопили костёр.

– Доброе утро! – хрипло сказал Леший.

– Доброе. Вы вчера так классно пели, и у костра, и позже на скале. Я не выпался, но ругаться на вас не буду: больно уж песни у вас хорошие были.

– Спасибо на добром слове.

– Чаю черпни, а то хриплый. Холодно, небось, на скале ночевать.

– Да мне не в первый раз.

Рюкзаки ребят так и остались ночью лежать под берёзой у костра, правда, кто-то их заботливо накрыл тентом от росы. Росы, правда, ночью так и не случилось, но Леший испытал чувство благодарности к заботливому анониму. Леший нашарил стальную кружку и пачку сигарет. Подошёл к стальному кану, где "дежурный" начерпнул ему полную кружку крепчайшего и горячего чая. – Благодарю за чай. Пошёл я остальных будить.

– Приползайте греться, певуны, – ответил "дежурный"

Леший с кружкой в одной руке и сигаретами в другой направился обратно на скалы. На краю обрыва, свесив ноги, сидел Манул. Лосик и Полина закутались в спальники и лежали одним плотным комочком, видимо, спали ещё.

– Доброе утро, Манул.

– Действительно, Леший. Вчера знатно попели. Сегодня вечером поразвлекаем наших друзей скалолазов, да и поотдыхаем, – сказал Манул, отхлёбывая горячий чай из кружки.

– Почему они тебя называют "Евгений Иванович"?

– По паспорту, – улыбнулся Манул, – а вообще, тут часть ребят с нами в экспеду ездила, а на раскопе у меня такая кличка. Ну и Полинины друзья подхватили. Просто когда мы с Полиной познакомились, выяснилось, что "Земля круглая", и у нас очень пересекающиеся круги знакомств.

Леший молча закурил. Манул извлёк из кармана курительную трубку, мешочек с табаком, и начал нехитрый ритуал забивания трубки.

– А как вы с Полиной познакомились? Тоже через Волка?

– Нет. С Полиной нас дорога свела. Я на грузовых чуть не с детства катался, до Сортяги, домой на Северку, в Первоуральск, в Пермь. И Полина однажды в Перми меня от гопников отмазала красиво. Я тогда только школу закончил, поехал в Пермь в музей на "звериный стиль" посмотреть. Посмотрел, бя. В Пермь на Бахаревку¹⁰² приехал вечером, с состава спрыгнул, пошёл по наитию. По дороге до меня какая-то гопота доебаться хотела, и тут – раз – из-за угла вот эта мелкая сволочь кидается мне на шею с объятиями и поцелуями, мол, привет дорогой, я тебя уже заждалась, и за руку тянет в переулок и во двор. Гопники как это увидели, так и отстали. Я охуел, конечно, но во дворе она мне объяснила, что гопники, мол, меня "пасли" и хотели уже ограбить. А она вообще мусор выносить ходила, и меня увидала¹⁰³. Мы с ней постояли-покурили, я, мол, спасибо дальше

¹⁰² Крупная станция на востоке Перми.

¹⁰³ Эту историю мне пересказывали разные люди в разных городах. По преда-

пойду. А она не отпустила. Говорит, иди ко мне домой, отмывайся и спи, а завтра по своим делам пойдёшь. Она тогда ещё в девятом классе училась. Родители её – мировые люди оказались, моему визиту не удивились даже. Мы с полинным батей посидели-поговорили, в том числе и про путешествия, и про эзотерику всякую. Так и познакомились. А там и до дружбы недалеко. Тем же летом вместе с ней поехали на грузовых через Чусовскую на Березники, потом ездили в Екат через Чусовой по двум разным направлениям. И всё на грузовых или на зацепе. Оказалось что Поинка – скалолаз, и это очень пригодилось. Ну, это отдельная тема вообще.

– А Волк? И с чего всё началось, зачем тебе "звериный стиль"?

– Я ж резьбой и плотництвом занимаюсь ещё со школы, вот и упоролся, копированием всяких деревяшек. Даже Шигирского идола¹⁰⁴ пытался скопировать по памяти, не получилось. А к моменту знакомства с Волком, уже занимался всяким энергуйством. Вот и я, перечитав кучу литературы, благодаря доступу к библиотеке УрГУ, ещё в школьные годы многое осилил прочитав из эзотерики. Даже бубен шаманский сам себе сделал, колотил в него, почём зря. Мухоморы ел и колотил. В итоге ничего, кроме галлюцинаций и больной головы, не заработал. Потом начал осознанными снами

ниями тех лет, гопники не нападают на влюблённые парочки. Потому что "не по понятиям".

¹⁰⁴ Самая старая деревянная скульптура в мире, хранится в областном краеведческом музее в Екатеринбурге.

заниматься. И вот в одном из них появился Волк. Я-то эгоист, его всяко прогонять пытался, бил-колотил его во снах. А потом только поговорили. Оказывается он в мой сон пришёл. И стали дружить. Он меня начал "учить", если это можно так назвать. Волка я знаю меньше, чем Полину. Я Полинку затащил в своё "пространство сновидения"¹⁰⁵, и там уже с Волком познакомил.

– Вот это да! Прямо хоть книгу пиши про ваши приключения! Я ни разу на грузовых не ездил. Да и на зацепе тоже.

– Всеу своё время, Леший. Я вот автостопом не ездил почти. Не люблю много с людьми говорить, – сказал Манул и замолчал...

...Солнце разгоралось на востоке всё ярче и ярче, и над озером внизу поплыли клочья тумана. И чем выше поднималось солнце, тем гуще становился туман внизу. Лосик и Полина со всклокоченными волосами подползли на краешек, где сидели Манул и Леший. Допили остатки чая из кружки, да отправились умываться к лагерю, где для этих целей были подвешены пятилитровые бутылки.

Леший с Манулом собрали спальники, унесли их к костру. Там же на вопрос "чем помочь хозяйству?" получили по два пустых ведра.

¹⁰⁵ Отошлю интересующихся к Кастанеде, Макс Фраю и прочему. Те, в художественной форме, достаточно популярно разъяснили что сны – не такая уж и незначительная деталь человеческой психики. Ну и вообще, что возможно всякое мистическое делать посредством осознания во снах.

Поход за водой с вершины Аракуля – испытание очень дзенское. Благо, на западном склоне горы есть родничок, и не надо спускаться до подножья Шихана. Сначала надо найти сам родник. Тут в помощь натоптанность тропы, крапива и характерная сырость. Потом с помощью полуторалитровой бутылки очень медленно и грустно надо набирать вёдра из маленькой лужицы, именуемой "родником". Затем нести наполненные вёдра обратно вверх по склону. Короче к моменту принесения вёдер лагерь скалолазов уже проснулся и завтракал. Вода же, принесённая Лешим и Манулом, пойдёт на приготовление обеда. После завтрака скалолазы начали навешивать "трассы" на скалах, и разбираться по парам-тройкам. А Леший в компании Лосика и Манула отправились на юг, смотреть на самую высокую точку Шихана. Природа здесь потрудилась на славу. Гранитная шапка горы была изгрызена ветрами и морозами, да так, что получились интересные вещи. Каменные истуканы, похожие на статуи с острова Пасхи, каменные верблюды, каменные курочки. "Курочкой" обозвал Манул огромный валун, стоящий на скале на трёх маленьких по площади точках.

"Ёб твою мать как страшно-то бля! – звучал внутренний голос Лешего, – три точки опоры! Трение и скольжение! Здесь проехать жопой, сюда поставить ногу, за этот зацеп ухватиться рукой! Ааа, высоко бля!" Последнее "Бля!" вы-

рвалось изо рта Лешего во всеуслышанье.

– Что, страшно?

– Ну есть такое дело!

– Всем страшно, но это фигня. Зато как красиво, – прокричала Лосик.

День в это время уже вступил в свои права, туман внизу совсем рассеялся, и лёгкий западный ветер покачивал листву на желтеющих уже берёзах. Манул, как истинный шаман, залез на "курочку" и сел там по-турецки. Леший, переборов страх высоты, сел, свесив ноги с обрыва. Лосик села рядом.

"Вот она, романтика. Ветер, высота, солнце-горы-лес-озеро, рядом прекрасная девушка! Рискнуть?", – думал про себя Леший.

Пока думал, Лосик взяла его за руку и что-то быстро туда положила. Леший разжал ладонь. Там лежало перо какой-то хищной птицы

– Это подарок?

– Это задел на будущее. Сплету тебе ловец снов. Повесишь его над своей кроватью.

– Ты в курсе, что у меня дом "езде"?

– Да. Когда-нибудь появится свой дом. А пока я тебе дорожный ловец сплечу. Когда захочешь интересных снов, или устанешь от кошмариков – будешь вешать там, где спишь. Или класть под голову. Пока просто поддержи его в руке.

– Спасибо! Отдариться нечем.

– Так и не надо!

– Есть вот фенька, которую так и не срезал. Память об одной девушке

– Давай поменяемся! Ты мне эту феньку, я тебе – свою. Память об одном парне.

При этих словах Лосик залезла рукой под футболку, нашарив там кожаную феньку с какой-то рунической надписью.

– Меняемся?

– Давай! – Леший стянул с руки феньку, и надел её на запястье Лосика. Она развязала узелок на кожаной верёвочке, и повязала его на шее Лешего.

– Есть только дорога!

– Что?

– Здесь написано рунами. "Есть только дорога"

– "...А всё остальное – смерть"?

– Вроде нет.

– Это цитата была из песни Саши Непомнящего. "Есть только дорога, а всё остальное – смерть". Он умер в прошлом году.

– Не приравнивай себя к нему. Кроме дороги и смерти есть много всего ещё.

– Эта фенька от моей бывшей неудачной влюблённости.

– А эта – от моей. Мы очень криво расстались с Тимом. Давай не будем об этом?

Леший отвернулся к обрыву. "Такая вот бля романтика. Вот и поговорили", – думал Леший.

– Кстати, ты тоже часть нашей "рабочей группы". Не юнец безбородый, так что можешь предлагать что-нибудь сам.

– Предлагаю. Повторить действие из сна, – Леший решил "брать быка за рога".

– Не испорти всё, Лёша, будь проще и не заморачивайся. Не ищи идеалов, не строй громоздких конструкций в голове, пусть всё просто происходит, – сказала Лосик фразу из сна, притянулась к нему и поцеловала его в губы. "Во сне это было неожиданней, но наяву приятнее", – подумалось Лешему.

– Э-э-эй, там же слюни! – крикнул Манул с высоты "Курочки"

– Иди в жопу, Евгений Иванович! – крикнула в ответ Лосик и засмеялась.

Затем Манул со словами "Я на озеро!" скарабкался со скалы и убежал вниз, а Лосик и Леший повторили поцелуй.

– Леший, стоп! Нас все видят! – быстро сказала Лосик.

Кто эти "все", и откуда должны видеть, она не уточнила. Место вроде закрыто со стороны лагеря и тропы. Но поднялась на ноги, полезла вниз со скальной площадки и побежала куда-то левее.

"А вот слезать отсюда сложнее, чем забираться! Блин, по

курумникам на Таганае и Уреньге скакать проще, здесь скалы крутые, и пугающая высота. Эх Леший, Леший! Что ж ты опять на те же грабли?" – говорило его "внутреннее радио", пока он карабкался вниз по гранитным полкам.

В одном месте ногами до полки было не достать, и Леший просто съехал на заднице по шероховатому граниту, пока его кроссовки не коснулись каменной опоры. Пара прыжков – и с глухим звуком Леший приземлился на мягкую дернистую землю у подножия скалы. Он рванул по тропинке налево, сначала бежал, осматривая все скалы. Потом пошёл. В одном месте он встал отдышаться и решил подняться повыше. Снова вскарабкался на каменные полки гранита, завернул за угол, где была естественная ниша, но вдруг что-то его дёрнуло и прижало к крупному валуну спиной. "Какого...?", – подумал Леший, но вопрос оборвался на полумысли: Лосик заткнула ему рот страстным поцелуем...

...Сердце Лешего всё ещё колотилось, как бешенное, стало зябко. Он надел футболку. Рядом, тяжело дыша, собирала распущенные волосы в хвост раскрасневшаяся Лосик. Леший достал из кармана измятую пачку сигарет, закурил. Слов не хотелось, и не было, мыслей тоже. Лосик жестом попросила у Лешего затануться.

– Ты же не куришь.

– После такого можно.

– И что ты об этом скажешь?

– Ну, тебе честно?

– Я готов уже оскорбиться.

– В плане секса – ты поторопился весьма. Зато эмоционально ты выложился на полную. Пожалуй, только ради такого выплеска эмоций стоило всё это затевать! И вообще, теперь мы немного лучше знаем друг друга, будет проще общаться. Сможешь быть собой без подсознательного желания затащить меня в постель или кусты.

– Ты это запланировала?

– Близость невозможно запланировать. Но к ней можно подготовиться, и я была готова. Мне снился сон, где показали такую картинку с точностью до места.

– Ну, шаманы блин, – посмеялся Леший.

– Ты ещё ведьмой назови! Подрасту, закончу Универ, стану ведьмой, – заключила Лосик и обнялась с Лешим.

Думать Лешему совсем не хотелось, но у Лешего появилось такое ощущение близости с Лосиком, будто он знает её всю свою жизнь.

"Вот так, – думал Леший, – сорвали дистанцию, теперь надо сохранить достигнутое состояние. Пусть всё идёт своим чередом"

Вдвоём они вылезли из ниши, поднявшись на каменную площадку. Отсюда, с южного оголовка Шихана, открывался вид на далёкий город Кыштым с его озёрами, Потанины го-

ры, Егозу и Сугомак. К западу от Шихана тоже были какие-то вершины, но все они казались зелёным волнистым морем. Оно и было – зелёным морем холмов, а Шихан – как корабль посреди этого моря. Хотелось даже повторить сцену из "Титаника", но Леший всё ещё боялся высоты.

Оказалось, пока Леший с Лосиком бегали по скалам, Полина и вернувшийся с озера Манул поставили большую дуговую палатку. Когда они подходили к лагерю, Манул как раз закидывал в разверзнутую пасть зелёного трёхместного чудища лешевскую гитару.

– О, явились, братцы-кролики! Мы решили все вещи закинуть туда, во избежание проёба. Рекомендую вам разложить спальники заранее. Палатка трёхместная, но, думаю, вы вдвоём одно место займёте, – пошутил Манул.

– Зря вы не пошли с нами лазить, мы и "подюльферяли"¹⁰⁶ потом, – сказала Полина.

– Пока я откажусь от новых ощущений, можно? – возопил Леший, снимая кроссовки и залезая внутрь "зелёного чудища".

Наверху под тентом уже билось огромное количество мошек. Палатка, хоть и стояла в тени, всё равно была душной. Леший разложил пенку и спальник возле задней стенки, которая, как выяснилось, тоже открывается и имеет "чёрный

¹⁰⁶ Насколько автор книги знаком с терминологией скалолазов, дюльфер – это контролируемый спуск на верёвке с отталкиванием ногами от скалы.

ход". "Очень удобно для тех, кто не хочет будить соседей ночными приходами-уходами", – подумалось Лешему.

Полина сегодня, оказалось, целый день скалолазничала. Ребята проложили новую трассу, заделали ещё три крюка в гранит, чем очень гордились, и, сидя у костра, бурно это обсуждали. На завтрашний день планировался отъезд, поэтому сегодня решили, что можно и вдарить по алкоголю. Для этого засылали "гонца" в посёлок за водкой, и вот "гонец" прибыл, и стали творить напиток.

У него есть разные названия: "Шара", "Дебошир", "Бурёнка". Различается рецептура и название лишь в зависимости от места приготовления и того, кто готовит. Это такой тёплый и сладкий спиртной напиток, готовящийся из водки/спирта, сгущёнки, всяких приправ, иногда кофе, иногда на травяных отварах. В этот раз его разводили в отваре трав. Важным мероприятием в приготовлении такого напитка является подкидывание и пинание бутылки, когда все компоненты окажутся внутри. По идее, это можно пить горячим, но на выходе обычно получается тёплая жидкость, очень сладкая. Много такого всё равно не выпьешь, потому пьют маленькими глотками, как сакэ. Все, кто говорят, что настоящий "дебошир" готовят только на "Эльбах" и только автостопщики, нагло врут. Также врут и те, кто утверждает одну рецептуру данного напитка, как единственно верную.

Так как небо заволакивало, решили навесить над костром

большой тент. Сидеть под ним не хотелось, поэтому поначалу веселье переместилось на полянку. Оказывается кто-то из скалолазов, вроде из Златоуста и Челябинска, привезли с собой учебные пои "из носков с гречкой" и начали "фаершоу" под звуки барабана. Полина с флейтой присоединилась к сейшену, потом Леший полез в палатку за гитарой, и тоже стал подыгрывать. Народ начал подпевать и выть "типа по-шамански", что лучше всего получалось у Манула. Под крики "Ай да Евгений Иванович, ай да Шаман!", импровизированное камлание продолжалось. Собрался круг, в центре которого парень и девушка крутили пои. По кругу пустили бутылку с "дебоширом".

"Здесь и сейчас не важно, кто из какой среды, кто что умеет. Здесь не может быть зрителей, здесь каждый – участник. Наверное, так и должны проходить праздники в идеале", – думал Леший.

– Дружище, можно попросить гитару? – спросил парень пермяк

– Бери.

Пермяк навесил на шею хитрый ремень лешевской гитары, о чём-то покивал с барабанщиком. Тот сменил ритм, и пермяк заиграл.

Эту песню Леший где-то слышал краем уха. Но она очень была в тему. Небо становилось темнее, в костёр подкинули

дров, а фаершики достали настоящие пои с керосином. Под песню начался танец огня в центре круга.

"Это больше чем я, это больше чем ты
Это вечной свободы дурманящий ток,
Это наша любовь, это наши мечты,
Это с неба тебе улыбается Бог
Это больше чем я, это больше чем ты,
Это тёплое солнце и ночью, и днём,
Это наша любовь, это наши мечты,
И поэтому мы никогда не умрём!"¹⁰⁷

Фразу "Мы никогда не умрём" проорали ещё целый проигрыш в песне. Леший вдруг посмотрел на всё это другими глазами.

"Это настоящая мантра торжества жизни. Все эти люди сейчас творят нечто, гораздо более полезное для Земли, чем наши вчерашние песни на скале. Может, смысл "рабочих групп" и "подвижников" именно в том, чтоб быть инициатором, индуцировать появление такого коллективного куража и зажигать сердца людей? Если это благодаря нам, то у нас получилось. А может просто всё совпало?" – думал Леший.

Потом запели другие песни, попел и Леший, и Полина, и

¹⁰⁷ Комаров, Арбенин, Башаков – мы никогда не умрём.

Лосик. Но именно эта песня – "Мы никогда не умрём" – всё не выходила из головы у Лешего.

Начал накрапывать дождь. Сейшен на поляне прекратился, а народ переместился поближе к костру, под защиту большого тента. Дождь лил сильнее, и под тентом скоро стало шумно и дымно. Теперь вместо "дебошира" в ход пошёл горячий чай.

Дождь затих, и Леший с Манулом почапали к палатке, стараясь не мочить обувь о сырую траву. Гитару и рюкзак оставили "в предбаннике". Леший пролез ближе к стенке и вполз в объятия Лосика. Она проснулась в темноте и положила голову Лешему на плечо.

Лешему снился товарный поезд, и он на нём. Состав с брёвнами несётся по железной дороге ночью, мелькает впереди фонарь локомотива, свищет ветер и сверкают искры токоприёмника. Ощущение сырости и свежести. А над головой – миллиарды звёзд. Поезд нёс его по ночному лесу, всё быстрее и быстрее...

Глава 6. Сентябрь. Товарняки и Таганай.

Леший стоял перед входом в пещеру и вещал своей экскурсионной группе:

– Возраст нашей планеты, по представлениям учёных, около четырёх с половиной миллиардов лет. Для наглядности попрошу представить линейку, в которой один метр равен одному миллиарду лет. То есть четыре с половиной мет-

ра. Это примерно от этой стенки пещеры, – Леший шагнул к правому краю входа, – вот до этой, – просто махнул рукой он, – Земля, по представлениям учёных сформировалась из облака пыли и газа, под действием силы гравитации более тяжёлые частицы начали слипаться, образуя шарик, вращающийся вокруг солнца. В центре этого шарика оказались более тяжёлые частицы, сверху – более лёгкие. Под действием колоссального давления и радиационного распада в центре шарика возникло тепло, и шарик раскалился. Потом корка его – поверхность земная – остыла настолько, что на ней смогла конденсироваться вода из паров в атмосфере. До этого события прошёл миллиард лет. На поверхности планеты, с бушующими грозами и ветрами, с атмосферой из метана, аммиака и углекислого газа, образовались первые моря: мелководные, слабосолёные. И где-то в этих морях, по представлениям учёных, появилась жизнь. Как она появилась – загадка до сих пор. Кто-то верит в теорию первичного бульона, кто-то в панспермию, то есть что живое вещество было занесено на Землю с метеоритом или кометой. Есть и такие, кто считает, что жизнь свойственна всему в природе, и что красные спрайты, молнии и рост кристаллов – это тоже жизнь. Но факт остаётся фактом – жизнь появилась. Считается, что первыми организмами Земли были анаэробные бактерии-бродильщики. Они живут и до сих пор, в тех местах, где горячая вода и отсутствие кислорода: на дне морей возле "чёрных курильщиков", в горячей во-

де водопровода Екатеринбурга, – Леший повернулся, улыбнулся в ответ на смешки экскурсантов-екатеринбуржцев и продолжил, – и жили бы они по всей планете долго и счастливо, выделяя в качестве побочного продукта сероводород, если бы не появилась новая группа организмов, которые в качестве побочного продукта своей жизнедеятельности стали выделять ядовитый для серных броидильщиков газ – кислород. Именно тогда, пару миллиардов лет назад, – Леший сделал ещё шаг, – произошло первое глобальное вымирание на нашей планете. Как видим, открывая кран с горячей водой, не все серные броидильщики вымерли. Но зато на земле появился новый тип организмов, которые включили в свои биохимические пути кислород, и стали называться аэробными. Такими являемся, например, мы с вами. Организмы долго оставались одноклеточными. Потом появились первые многоклеточные организмы – так называемая Эдиакарская биота, – Леший шагнул еще, так что осталось только чуть меньше метра до левого края входа, – параллельно с ними усложнялась и сама клетка: появились ядерные клетки, появились сложно организованные клетки. Эдиакарская биота просуществовала недолго и вымерла, зато на смену ей пришла кембрийская биота. Случилось это около пятисот миллионов лет назад, – Леший шагнул ещё на метр, – тогда жизнь бушевала в морях, где появились разные типы водорослей, и все типы животных. Постепенно на поверхности суши накопилось много кислорода и собрался озоновый

экран, защищающий Землю от губительного ультрафиолета. Тогда жизнь смогла выбраться на сушу. Считают, что первыми организмами, вынесшими растительные клетки на сушу, были грибы. Они питаются мёртвой органикой, разлагая её до минерального состояния. И могут входить во взаимовыгодное сожительство с другими организмами. И вот такой организм-симбионт – первые лишайники – и были первыми жителями суши. Сначала только в приливно-отливной полосе, потом выше и выше. Затем появились риниофиты и псилофиты – предки современных высших растений. Это было около четырёхсот миллионов лет назад. Тогда на месте нашей части Уральских гор бушевало море, тёплое и мелководное, омывавшее край континента и большой барьерный риф, идущий вдоль него. Именно остатками этого рифа является полоса известняков, протянувшаяся по Уралу с юга на север. По отпечаткам в известняке можно судить, что здесь жили кораллы, белемниты и криноидеи. Отпечатки последних я покажу вам в пещере. Так вот, здесь – двести восемьдесят миллионов лет назад – две литосферные плиты столкнулись, дав начало новым горам – тому, что сейчас называют Уральскими горами. Первоначально они проходили восточнее современного Урала, и были выше – как современные Альпы или Гималаи. Время неумолимо, и горы эти разрушились почти до основания. Восемьдесят миллионов лет назад было последнее поднятие Уральских гор, сформировавшее уже современный ландшафт. Вот здесь жили динозавры, здесь

первые млекопитающие, здесь первые цветковые растения, – Леший подошёл вплотную к стенке и показал отрезок в два миллиметра до стенки, – А вот здесь человек, – Леший выдержал театральную паузу.

– И это я показал первые находки приматов семейства "Люди", "Человеку разумному", как виду, всего двести тысяч лет! На шкале это пятая доля миллиметра! Теперь сравните – четыре с половиной метра и пятая доля миллиметра. А вся наша с вами история – маленькая искорка на кончике пера, готовая погаснуть. Увы, сейчас человек очень похож в своём поведении на культуру дрожжевых грибков в сахарном растворе. Которые плодятся, и неизвестно от чего умрут: либо съедят весь сахар, либо отравят себя собственным продуктом метаболизма – спиртом.¹⁰⁸

– Очень по-человечески, – заметил кто-то из экскурсантов.

– Делайте выводы, дамы и господа. На этой "оптимистичной" ноте, я поведу вас в пещеру. Попрошу включить фонарики!

Леший повёл группу вглубь пещеры.

После выхода и подъёма на Дыроватый камень, группа в свободном темпе топает к выходу из Парка, а Леший идёт позади и курит, изредка подгоняя свою группу.

¹⁰⁸ Всё выжеизложенное, между прочим, реальная цитата из текста экскурсии, которую водит по "Оленьим Ручьям" автор книги. Конечно, всё рассказывается языком попроще, и всегда по-разному, но смысл сохраняется.

"Да уж. А если исходить из теорий, которые рассказывают Шаманы, то всё на Земле создано для поддержания баланса. Такое своеобразное динамическое равновесие среды, как знак "Инь-Ян", – думал Леший, – ведь тогда и человек появился на Земле с умыслом. Интересно с каким? Если не брать в расчёт всяких существ, которых для нашей науки не существует, то возможно человек был нужен, чтобы извлечь погребённые запасы углеводов – запасённую много веков назад солнечную энергию – и вовлечь её обратно в земной круговорот. Хотя, если включить всяких "существ", "сущностей" и "энергии", то человек – это своеобразная батарейка и индикатор перемен на Земле. Есть ещё над чем поразмыслить"

После того, как Леший распрощался с группой, а водитель автобуса развернул свой неповоротливый агрегат на маленькой отсыпной стояночке, Лешему захотелось пойти и прогуляться пешком до трассы. В сторону Михайловска никто всё равно не ехал прямо из Парка, поэтому – да здравствует автостоп. Свои деньги Леший заработал, но решил приберечь, поэтому двинул в город Михайловск к родителям.

Первой же машиной на трассе, которая ему остановилась, была "зубила", в которой сидели Слесаревы – соседи Лешего по подъезду.

– Ой, Лёша, а ты чего не на автобусе?

– Да я часто так с работы езжу.

– И как оно тут работать?

– Да нормально. На хлеб хватает, иногда даже на хлеб с майонезом.

"Бля, почему всегда, когда встречаю каких-либо людей со своего города, тем более соседей, чувство такое, будто я у них что-то украл? Или будто неформальскую и стопную жизнь я взял у кого-то взаймы, а счастьем и свободой своей с ними не поделился. Ведь я знаю, что можно жить по-другому, почему я при них чувствую себя виноватым?", – думал Леший, когда машина проехала Воронино, вираж у плотины, и притормозила у родной пятиэтажки.

Сегодня за соседней стенкой кто-то опять пьянствует. Леший грустно лежал на своей кровати в родительском доме и вертел в руках маленькую кругляшку с пёрышком – дорожный "ловец снов", подарок Лосика. Сама Лосик после поездки на Аракуль уехала заселяться в общагу, и теперь запарилась с учёбой настолько, что не являлась Лешему даже во снах.

"Нет, я не чувствую свою ненужность, но, тем не менее, ожидал бы развития отношений. Мы ведь с самого начала друг другу всё сказали, что друзья, что проявляли интерес. Фраза Лосика, мол, я сделала это, чтобы ты в дружбе больше

не видел во мне сексуальный объект, почему-то зацепила за живое. На самом деле всё вроде правильно и своим чередом, и Лосика я понимаю. Так почему же мне грустно? Какое всё-таки странное чувство любовь", – думал Леший, засыпая.

– Приуныл ты, друг мой.

– Приуныл я, Волк.

Они стояли на мосту над какой-то ночной станцией. Гудел маневровый тепловоз, приходили и уходили составы, раскатывался эхом голос из "матюгальника". Пахло дождём и мокрым железом. Было сыро и холодно.

– Надо тебя вытаскивать. Ты не думал на товарняке проехаться?

– Да думал, конечно, и во сне мне снилось. Да только ссыкотно.

– Пошли!

Волк поманил Лешего и побежал вниз по ступенькам, туда, где рядом с пассажирской платформой стоял товарняк с полувагонами.

– Смотри сюда. Для начала оглядись. Если попадёшь на камеры – не страшно, их всё равно сразу никто не смотрит. Лучшее конечно не надо, но заранее не переживай. Переживай, если "рыжухи" тебя спалят. Притворяйся глюком, грибником-ягодником, долбоёбом, кем угодно. Не выказывай желания уехать. Самое важное в езде трейнхопом – и в этом отличие от автостопа и уличного "аска" – тебе не надо себя

презентовать. Наоборот, твоя задача по-максимуму не палиться. Поток стальных коробок весит тысячи тонн, при-вес ещё сотни килограммов тебя и рюкзака погоды ему не сделают.

– А сейчас они нас видят?

– Это сон, но мой. Поэтому тут мои правила.

– Эй, бля, вы кто такие? А НУ СТОЯТЬ! – гаркнул проходящий мимо путеец, увидев Лешего и Волка, идущих между товарняков.

– Мы твой глюк. Ты вчера зря пил. Нету нас, – по-джедайски сказал Волк.

– Блядь, померещится же. Нахуй завязываю, а то инфаркт схлопочу в сорок-то лет, – схватившись за сердце и присев, сказал путеец.

– Так вот, продолжусь. Смотришь, есть ли состав "под паровозом" в нужную сторону. Ищешь нужный тебе вагон, зачисляешься. Ждёшь. Много надо будет ждать. Грузовой рванёт резко, так что сразу займи безопасную позицию. Лучшие где-нибудь в середине состава или ближе к концу. Чтоб услышать характерный рывок.

Загудел локомотив, по вагонам пошла волна грохота, товарняк тронулся и медленно поехал.

– На такой зачислиться тоже можно, только опасно. Лучшие на полувагоны. Хоппер конечно удобнее, но палево. О теплушках не мечтай: они сейчас почти все запломбированные ходят, а то и с охраной. Не уедешь. А срыв пломбы –

штраф. Вон смотри, подходящая коробулька едет!

Мимо проползал полувагон тёмно-красного цвета. "Срочный возврат ст. Сан-Дonato СВРД", – промелькнула надпись.

– Поехали!

Волк рванулся бежать за свисающей лесенкой полувагона. Леший его почти догнал, но Волк, запрыгнув сам, жёстком тормознул его и крикнул: "Твой – следующий!". Леший замедлил бег, прицелился к лесенке, ухватился за неё рукой, подтянулся, поставил ноги, рывок вверх, ещё и ещё по ступенькам до самого борта вагона. В вагоне лежали белые полиэтиленовые мешки с какой-то непонятной хренью. Из соседнего вагона выглянул Волк:

– О, да у тебя vip-места! Залезай, не дрейфь! Только конташки берегись, особенно в дождь!

Леший спустился по внутренним кривым скобкам вагона, прыгнув на жёсткий мешок. Поезд раскачивался из стороны в сторону на стрелках, над головой пролетали огни станции. Волк спрыгнул рядом.

– Ну, вот как-то так. Слезать сам разберёшься. Вылези посмотри что творится.

Леший пробежал по качающемуся вагону до того места, где можно было, встав на мешок, высунуть голову за борт вагона. Распустил волосы. Опять с непривычки удивился их наличию на голове.

– Почему у меня опять волосы длинные?

– Душа у тебя волосатая, это никуда не деть. Кстати, осень – время собирать дары природы и знакомиться с людьми. Не забывай, что наши "учителя" – они повсюду. Просытайся..."

Леший разлепил глаза. Было утро воскресенья, сегодня ему надо было снова на Бажуково, где к десяти часам утра его будет ждать экскурсионная группа. Поэтому надо собраться и соображать.

Он пил кофе, пялясь в монитор компьютера, и перекидывая с "флэшки" на комп новонайденные песни.

"Это напоминает о вечере на скалах. Это песня, которую пели пермяки. Эта – "в царстве заоблачном...", её пела Полина. Группа "Дороги Меняют Цвет". Интересно было бы их живую послушать... Это ж надо на Украину ехать, хотя чем чёрт не шутит. Вдруг занесёт туда дорога?", – думал Леший за этим занятием, а затем завтракая, зашнуровывая берцы и собирая городской рюкзак.

Он вышел из дома, под крапывающий дождик и пошёл на автостанцию. Здесь он договорился о встрече с Михалычем – одним из экскурсоводов "Оленьих Ручьёв": тот подписался докинуть Лешего до Бажуково.

– Вроде всё у тебя нормально, Лёша, и рассказываешь ты интересно, и клиентам нравится. Одно плохо – куришь.

– Ну, должны же быть слабости.

– О! Смотри, лось бежит.

Возле моста через Крутоберёжку по обочине, виляя белым задом, гарцевал лось. Высокий и стройный. Михалыч притормозил: в прошлом году его машина встречалась с кабаном, и он помнил чем это грозит. Тогда Михалыч, как честный гражданин, вызвал гаишников, те составили на него протокол, вызвали ментов, охотнадзор и ещё кого-то. В итоге у него и кабана забрали, и денег он остался должен, и случай нестраховой оказался: крыло и подвеску пришлось править за свой счёт. Поэтому Михалыч просто притормозил, посигналил неторопливой скотине. От звука Сохатый прибавил шагу и завернул в ближайший кустарник.

– Вот повезло. Успел притормозить.

– Они осенью вроде не особо агрессивны.

– Лучше перестраховаться, перебдеть, чем недобдеть.

– И то верно.

Сегодня у Лешего была группа из Верхней Пышмы – города спутника Екатеринбурга. Леший вёл их, шагая по грязной грунтовке и лужам с опалой сосновой хвоей. Сегодня народа в лесу было предостаточно, и Леший прикидывал, успеет ли он на поезд в Екатеринбург.

Под вечер погода разгулялась, даже солнышко выглянуло. Группа, выходя, решила осесть у Герхарда¹⁰⁹ в кафе. Там как

¹⁰⁹ Кафе Biergarten (или просто "Немецкое кафе") существовало в Бажуково с 2003 по 2015 годы. Хозяином его был настоящий немец, Герхард Фогт. Потом

всегда уютно и не по-бажуковски цивилизно. Светлана – жена Герхарда – налила Лешему чай с немецкими сосисками "за счёт заведения", Леший ведь привёл им клиентов!

"Ништяк, – думал Леший, – полчаса до поезда. Когда-нибудь здесь появится цивилизация, и много-много кафешек, сувенирных ларьков. С каждым годом всё больше и больше. Думаю, что скоро уже надо будет парк "закрывать" от излишнего посещения. Но пока есть люди, есть заказы и работа – жизнь идёт"

На платформе уже сидело человек двадцать. Работники парка из Нижних Серёг, рыбаки, туристы. Сан Саныч, Дима, Гоша, Женька. Многих Леший знал тут, хотя бы в лицо.

– Здорово, Лёха. Ты чего же не "гопстопом" своим? – спросил Гоша, один из инспекторов Парка.

– Автостопом, ты хотел сказать?

– Ну да.

– Так получилось.

Послышался гудок поезда, затем на осенне-пёстром лесном горизонте показался огонёк поезда, и вот он сам. Вальяжно тормозит у платформы. Открывает дверь Тётя Люда. Со словами "Здрасьте Тетьлюд" Леший вломился в поезд, бухнулся на "самолётное" кресло по ходу движения поезда и стал разматывать наушники плеера, как бы говоря всем его

знакомым, что не расположен к беседам и хочет подремать.

– Мне до Дружинино!

– Сегодня только с билетом, ревизоры ходят.

– Я и не спорю, – сказал Леший, отсчитывая сорок рублей мелочью.

За окном пролетали деревья в осенней раскраске на фоне ярко-голубого неба. Поезд набирал ход и мерно отстукивал свои ритмы.

В Дружинино Леший купил в ларьке сигареты и "Сникерс". Народ выстраивался в очередь в окошко кассы, очередь гудела и шумела, активно переговариваясь. Потом подошла электричка, и народ, кто порасторопнее, поспешил туда.

"Зачем спешить, – думал Леший, – ведь ей стоять здесь ещё сорок минут до отправления", и успел подняться на мост. Стоя на мосту и глядя на проносящиеся в вечерних сумерках товарняки, Леший думал, похожа ли станция Дружинино на ту станцию из сна. "Нет, не похожа", – был его вердикт.

К моменту отправления электрички Леший докурил, и нашёл себе свободное местечко у открытого окна.

"Следующая остановка – Ильмовка. Осторожно, двери закрываются!", – раздался голос из динамиков. Леший сунул в уши бусины наушников и высунул голову в окно. Поезд на-

бирал ход.

За окном показывали вечерние сумерки, в вагоне включился свет.

"Чем хороши поздние электрички, так это пренебрежением контролёров. До самой Ревды их может не быть, – думал Леший, – и в вагоне не так много народа, можно поехать, высунувшись из окна. Или курить в тамбуре".

Постепенно народу таки прибывало. Садись бабушки-садоводы с тележками. Одна наворчала на Лешего, мол, ей дует. Он не расстроился и вышел в тамбур курить.

На станции "Спортивная" кроме традиционных рыбаков оказались ещё странные пассажиры. Трое парней, один длинноволосый с тоннелями в ушах, двое других просто в капюшонах и со скейтерскими рюкзаками. Вокруг них была будто "полоса отчуждения", они сели на свободную лавку и смотрели в окно, на ночные законные кусты и огоньки.

"Наркоманы-объебосы, – решил Леший, – вся остановка Спортивная изрисована характерными граффити, изображающими псилоцибиновые грибы, подробности их сбора, вплоть до перерисовки участков карт. Что там Манул говорил про них? Грибы это инструмент? Чего же они тогда такие неприятные, эти люди?"

Леший вынул из ушей плеер и попытался услышать, что говорят эти парни, стоя в тамбуре за полуоткрытой дверкой. Один из парней, как раз тот, что с тоннелями в ушах, вышел к Лешему

- Дружище, есть закурить?
- Угощайся. Вы со Спортивной?
- Ага. Грибосы собирали.
- Не боишься мне так просто об этом говорить?
- Ты ж не Гээнка¹¹⁰?
- Из лесу в вечерней электричке гээнка не появятся.

"Вроде самый адекватный, – подумал Леший, – но на всякий случай буду держаться аккуратней. Мало ли"

- Чё ссышь то нас? Мы вроде не кусаемся. По крайней мере я, за этих обхуженных не поручусь.
- Мало ли что у вас в головах, – честно ответил Леший.
- Меня уже попустило. А вот ребята до сих пор за ночь залипают. Думаю как бы контролёров не было, а то проблем с ними не оберусь. Если что – я не я, и не с ними вообще.

Леший, имевший опыт общения с людьми, перевозящими и употребляющими наркоту, напрягся ещё. Вдруг у них есть с собой, а "пассажир" хочет примазаться, чтоб не попасть вместе с товарищами?

- Ну, дела. Я вот даже не знаю, как они выглядят, эти гри-

¹¹⁰ ГНК – госнаркоконтроль.

бы.

– Хочешь, покажу? – попутчик сунул руку в карман, и достал оттуда горсть смятых сероватых грибов на тонких ножках, – во!

– Убери от греха подальше.

– Да я счас ещё закинусь.

– Оно тебе надо?

– Оно интересно.

– Ну давай, аккуратней всё равно.

Леший развернулся и пошёл в другой вагон. А потом ещё и ещё, и так до первого вагона, где сел, отвернувшись в окно.

"Правду ли говорил Манул про то, что грибы могут быть полезными? Почему они такие напряжные тогда, эти люди? Не хочу дел иметь ни с ними, ни с грибами!", – думал Леший.

Контролёры всё же сели – на "Липовой". Леший купил билет "от Чусоводстроя до города", и две тётушки с дядькой-охранником удалились далее по вагонам.

"Интересно чем дело кончится у этих странных ребят?"

"Остановка Перегон. Следующая остановка – Палкино", – протрубил глас из матюгальника, распахнулись двери с шипением. В вагон кто-то с шумом забежал, Леший обернулся и увидел всю троицу наркоманов. К радости и облегчению Лешего, они его не признали и сели в другом углу вагона.

"Перебегают, хаха! Мы тоже перебежали часто раньше", – думал он.

В былую пору Леший с друзьями студентами частенько экономили "двадцатку", перебегая от контролёров толпой. Даже высчитали время, которое поезд стоит на полустанках, если никто не садится – семнадцать секунд. За семнадцать секунд надо было успеть перебежать мимо вагона с контролёрами, забежать в соседний вагон, а лучше ещё подальше. Ну и дальше идти на принцип: не пойман – не заяц. Сейчас Леший просто предпочитал покупать билет с той станции, где нет кассы, но при этом сидеть, слушая плеер, и не париться. А по рассказам Лосика, Манула и Полины выходило, что народ успешно ездит на электричках и снаружи. Перед мысленным взором Лешего пронеслись отрезанные ноги и поджаренные электрическим током "зайцы", и приключений расхотелось. Надолго ли, если даже Лосик – и та умудрялась кататься "на зацепе"? Приличная девушка, студент Биофака.

По прибытии на "Свердловск-Пассажирский" Леший вышел из вагона в переднюю дверь, чтобы не встречаться глазами с троицей наркоманов.

Вечером, сидя на вписке у "Философов" за чаем, Леший рассказал о наркоманах, встреченных им в собаке, Рите и Йети.

– Ну и угостился бы? Или нас угостил. Чего же ты так?

– Надо сами езжайте и собирайте. Грибы всё же не трава.

Хотя некоторые и с травы ведут себя не совсем адекватно.

– Ишь, Ройзман нашёлся.

– Ну а хули?

Сам Леший однажды даже курил "траву" с Ритой и её друзьями, правда действия она не возымела. Леший любил в этом случае говорить, мол, трава на меня действует, "как яблочный сидр на боцмана речфлота¹¹¹", подхваченную из книжек про путешествия. И советовал не расходовать на себя драгоценного продукта. Этим же методом часто пользовался, чтоб отмазаться от назойливых предложений выпить.

Снился Лешему чудный город в горах, в котором он безошибочно распознал Златоуст. Золотая осень сияла палой листвой на неподметённых городских улицах, заброшенных дорожках и окрестных горах. Леший шагал, шуриша тополиной листвой, а рядом с ним шёл Волк.

– Привет, Волк. Сегодня замечательный день.

– Да. Воздух прозрачен.

– Но ведь сейчас день и светло?

– Это застывшее время. Мне тут нравится, когда осень и солнце. Ты про Таганай как-то говорил, Леший. Приезжай сюда, всё равно в рабочие дни у тебя экскурсий нет, насколько я знаю. А тут важно твоё присутствие.

– А ребята? Манул? Они здесь будут?

– Ну, ты, Волосатый и даёшь. Тебе же говорят не приез-

¹¹¹ Цитата из книг Владимира Динца.

жайте, а приезжай.

– А зачем я тут нужен?

– Ну, помнишь, что я рассказывал про трейнхоп?

– Мне ехать сюда на товарняках?

– Ехать. По твоей любимой железной дороге, проходящей через Оленьи Ручьи. Так будет ближе. Обратнo можешь стопом. Но здесь сходишь на Таганай, познакомишься с хорошим человеком. Про сны ему не рассказывай, не все же хорошие люди и подвижники становятся сновидцами, это ему особо не надо. Зато обратнo поедешь с ним. Не обязательно на грузовых, как хотите.

– Я опять чувствую себя героем какого-то фэнтези.

– Попаданцем. Считай, что просто удачно стекаются обстоятельства, чтоб приобрести пару навыков и не бояться.

– А если я не захочу? – спросил Леший вдруг.

– Дело твоё. Просто когда-нибудь тебе станет скучно, и ты будешь морить себя во дни раздумий, думая, мол, не поехал я тогда на грузовых поездах, не познакомился с интересным человеком. Боишься – не делай. Не заставляю.

– Ну, слишком много в жизни за последний месяц произошло. Так что склонен тебе верить, Волк, – Леший инстинктивно тряхнул головой, убрав со лба распущенные волосы, – опять отросли.

– В жизни тоже можешь отрастить. Никакая тварь тебе больше пиздюлей за волосы не даст.

– Обнадёжил. А ты живёшь где-то в горах на Южном Урале? Может я с тобой встречу?

– Тебе со мной тяжело будет встретиться, по ряду причин. А живу я в горах, да.

Волк назвал какое-то место. Леший задумался

– Не карте не ищи, не найдёшь, это название, известное только мне. Всё, давай помолчим, – оборвал Волк.

Шуршание листьев под ногами, лёгкие порывы ветра шевелят листву берёз. Людей на улицах вообще нет.

– Тут никого нет? Или это специально задумано?

– Ну, это же сон. Тут один из тихих уголков, тут нет угроз и страха. Это специально, чтоб беседа лучше текла. Смотри, красота вокруг! Как бы человек не пытался изжить красоту, она всё равно отовсюду будет переть. Человек тоже подвержен красоте. Красота – это вообще движущая сила в природе. Даже если что-то кажется нам некрасивым, то с другого ракурса и в другом ходе времени оно прекрасно. Просто надо видеть и беречь красоту. Прощайся, Леший...

Леший подскочил на диване "Философов". Рядом дрыхли Марго и Йети. Телефон Лешего, лежащий на столе "Сони Эриксон", показывал половину восьмого утра. Йети сегодня собирался на очередное собеседование, которое по счёту – Леший уже и забыл. Слишком быстро закрутилась жизнь в последний месяц.

На телефоне была СМСка от Лосика:

"PrivetLeshy!DobroyTebeDorogi!

UMenyaPo4vovedeiyeNa4alos"¹¹²

"Немногословно. К тому времени, когда у меня началось почвоведение, я уже готовился к отчислению из универа. Даже конспектами ей не помогу. Откуда она знает про мою дорогу? Или ей Волк тоже рассказал?", – думал Леший, но написал ответ: "Spasibo!Otkuda ty znaesh pro dorogu?"

"А vot))", – был ему ответ.

"Заехать ли в Михайловск перед дорогой? Что вообще нужно из вещей с собой? Нет, не буду заезжать. Деньги у меня есть, что ещё будет нужно? У кого бы узнать, что мне понадобится?"

В раздумьях Леший тихонько погрел себе чай, сварганил три бутера со сгущёнкой и решил направиться в сторону Шарташского Рынка.

– Йети, закройся за мной

– Бля, Леший, восемь ночи, куда тебя понесло?

– На рынок.

– купишь сигарет?

– Хорошо. Я сегодня ближе к вечеру уезжаю.

¹¹² Было когда-то верование, что СМС, написанные латинскими буквами, вмещают больше символов в одно сообщение. Потому экономили, как могли.

– Надолго?

– Как получится.

Захлопнулась дверь. Леший бегом сбежал по лестнице вниз и выскочил в сентябрьское погожее утро. Понедельник в Екатеринбурге касался многих: переполненные трамваи, машины. Лешему, в отличие от многих, никуда не было нужно спешить. План покупок он набросал в голове:

"Так, – вещало лешевское внутреннее радио, – тебе будет холодно, поэтому из турснаряги с собой возьми поджопник, тёплую куртку, котелок. На товарняк с большим рюкзаком не залезешь, пенку и спальник придётся оставить. Но тёплую куртку всё равно надо будет взять. Из покупок – давно пора приобрести термос. Лишним он не будет. И вот плёнку от дождя надо бы взять..."

На рынке Леший присмотрел себе литровый термос с железной колбой за сто рублей, в том же "рыбацком киоске" купил дождевик из чёрной клеёнки.

"Теперь добежать до киоска с сигаретами, батарейки для фонарика, да и всё, можно в путь-дорогу", – думал Леший.

К возвращению его на "Философов", там уже проснулась Марго.

– Куда тебя хоть понесло, Леший? Я вчера Лосика твою видела, она оказывается рядом с нами учится.

– Я знаю, у биофака корпус на Куйбышева. Повидать бы её, да у ней завалы на учёбе.

– Ты, Леший, всё про фрилав говоришь, а у тебя постоянно влюблённости. Это не фрилав.

– Про фрилав я уже ничего не говорю. Лосик не влюблённость. Она как сестра.

– Вот не хватает тебе в жизни, Лёша, родной сестры, не говорил бы так.

– Ну, тебе, единственной дочери, виднее...

– Лёша ты зануда.

– Нет, – Леший сделал паузу и сменил тему, – Если потеряете меня, ищите в районе Златоуста. Я на Таганай поеду, кривым путём правда.

– Возьми меня уже с собой как-нибудь?

– Посмотрим, как вести себя будешь, – Леший обнял Марго на прощанье и вышел в подъезд.

Пройдя задворками до корпуса Университета, Леший приостановился. Где-то здесь учится Лосик. Он тяжело вздохнул, воткнул себе в уши плеер и пошагал дальше в сторону метро.

Не успел он включить песню, стоя на светофоре, как кто-то закрыл ему глаза руками.

– Угадай кто? – услышал Леший голос Лосика.

– Млекопитающее отряда Парнокопытных. Обычно большое, но в твоём случае маленькое и милое, – развернулся Леший и заключил Лосика в объятия.

– Я тебя издали зову, а ты в наушниках не слышишь. Ты сейчас топаешь на электричку?

– Откуда ты знаешь? Мысли читаешь?

– Если я опять скажу, что мне сон приснился, не удивишь-ся? – засмеялась Лосик.

– Нет, не удивлюсь. Рассказывай. Тебе интересное снится, а мне – только Волк иногда.

– Тебе надо ехать до Дружинино сегодня, оттуда на гру-зовой сядешь.

– Я так и собирался, хаха.

– Ну я знаю то, чего ты не знаешь?

– Заинтригован.

– В Бердяуше тоже на электричку сядешь. От греха по-дальше. Послушаешь меня?

– Постараюсь. Я побежал.

– Береги себя, человек дороги.

– Я бы сказал, что я тебя люблю, но мы же...

– ...договаривались, Леший, – закончила Лосик, – хотя это не отменяет тёплых чувств к тебе. Я помню о твоём при-глашении на Оленьи.

– И на том спасибо, Женечка!

– Доброго тебе пути, Лёша! Буду ждать. Возвращайся.

Обнявшись, они простояли ещё пару смен сигналов свето-фора. Когда в очередной раз загорелся зелёный, Леший рас-цепил объятия Лосика, и, развернувшись, перешёл дорогу.

На метро за десять минут он домчался до "Уральской". Здесь, как и всегда, время до электрички лучше всего было скоротать, сидя в пригородном зале ожидания за чтением книжки. По дороге от метро до пригородных касс всё было, как обычно: стояли "золотники", приставая к прохожим с однотипной фразой-скороговоркой "Золотосотовыепокупаюпродаю", бегали какие-то цыганистые детишки, спешащие прохожие старались пробежать тут побыстрей.

В пригородном зале Леший достал из рюкзака прихваченную для прочтения со вписки книжку в мягкой обложке. "Уолден, или Жизнь в Лесу" Генри Торо. Читиво зацепило его настолько, что он постепенно, с открытой книгой в руках, переместился в прибывшую в час электричку, сел на сиденье у окна и читал-читал-читал:

"Я не более одинок, чем мельничный ручей, Полярная Звезда, или флюгер, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская капель, или первый паук в новом доме..."¹¹³

"Уважаемые пассажиры! Мы прибываем на конечную станцию, – автоинформатор запнулся и продолжил другой интонацией, – Дружинино. При выходе из вагонов не забывайте свои вещи. О вещах, оставленных другими пассажирами, сообщайте машинисту электропоезда. Желаем вам всего

¹¹³ Цитата из Генри Торо.

доброто"

Леший воткнул в зубы сигарету, подправил куртку, завязанную на поясе, и ждал открытия двери. С шипением дверь поезда отъехала, и Леший выпрыгнул на вечернюю платформу станции Дружинино.

"А может всё же поехать на обычном поезде? Но нет, Волк говорил про удачное стечение обстоятельств. Попробуем ему довериться. А если сорвусь? Да не похуй ли тебе?", – метался внутренний диалог Лешего. Он живо вообразил себе могильный камень, памятную табличку на родной пятиэтажке. Или вот ещё: лежащего себя в больнице в райцентре, где хирург Касым Каримыч пытается пришить ему ногу. "Фу! Ну нахуй!", – откинул дурные мысли Леший и направился через пешеходный мост к баракам, лающим собакам, лопухам и крапиве.

"Привычная всероссийская среда: бараки, пустыри с крапивой, собаки... Есть ли что-то другое? Я-то знаю, что есть. А большинство людей вокруг не видит дальше этой крапивы. Грустно... Вот, пошла дорога на Лазоревый, вот мои пути, выходная горловина станции. Волк говорил, что ловить можно здесь, на ходу. А пока что? Сидеть и курить в траве? Сидим и курим!"

На удивление мимо Лешего и кустов, в которых он ожидал свой поезд, никто не прошёл и даже не проехал. Такой вот понедельник, будний день. Светило солнце, по-летнему стрекотали кузнечики, на поле шумел трактор, от станции доносились гудки поездов и раскаты эха "матюгальников".

Искомый поезд, запряжённый в зелёный "Кресейер", оказался уже ближе к вечеру. Прошёл на малом ходу стрелку. Леший оценил состав – полувагоны, скорее всего пустые, едут, скорее всего, до "Нижнесергинской".

"Надо цеплять. Эх, была не была!", – подумал Леший, натягивая белые рабочие перчатки и чёрную бандану на голову. Локомотив миновал изгиб пути и скрылся "за кривой". Мимо медленно ползли лесенки полувагонов. Действовать надо было быстро, пока поезд не разогнался. Леший рванул, как спринтер, из своего куста, уцепился за одну лесенку руками, подтянулся и встал ногой на ступеньку. Следующим шагом быстро рванул в проём между вагонами, скрывшись с боковой стены поезда от обзора машинистов. Поднялся наверх – слава всем Богам, что на Западно-Уральской нет "конташки" – заглянул в пустой вагон и быстро перевалился через борт, зацепив ногой внутреннюю скобку и повиснув на краю вагона. Вагон качало из стороны в сторону. Леший приземлился на холодное железное дно вагона, достал дождевик и завернул в него рюкзак. Теперь – только сидеть и не палиться. А вылезти Лешему ой как хотелось, потому что обзора толкового не было. Он подтягивался на дугообразных внут-

ренных скобках, слегка высунув голову над бортом, вдыхал запах недалёкой дизельной топки локомотива и слушал шум ветра.

"Вот, сейчас бы привязаться к борту и освободить две руки! Интересно, этим ли пригодилось Полине скалолазание? Возможностью освобождать руки? Ой, станция!"

Поезд проезжал переезд в "Черёмушках", качался на стрелках и малым ходом проходил станцию Атиг. Леший затаился на дне вагона, когда поезд остановился.

Сколько он будет стоять – неизвестно, но, по-хорошему, должен ехать дальше. Видимо пропускать было некого, и после длинного гудка поезд с грохотом тронулся. Дальше можно было высовываться, ибо до самых Нижних Серёг остановок не предвиделось. Леший воткнул в уши плеер и подкурил сигарету, а затем снова залез на борт.

Вокруг были горы с густым тёмным ельником. Вот прогрохотал первый мост через Сергу, и справа за лесом показался Нижнесергинский пруд. Солнце скрылось совсем, поезд нырнул в тень горы и сумрак хвойного леса. Леший думал... Да о чём он только не думал, хотя основные мысли его были три: "Бррр, свежо", "Как бы не спалиться?" и "Идёт ли поезд дальше Нижнесергинской?". Второй мост через Сергу прошумел под вагоном уже совсем в сумерках. "Значит, есть шанс вылезти без палева", – подумал Леший. Поезд замедлялся, притормаживая перед входной горловиной станции и на малом ходу, почти торжественно, проследовал под яркие

фонари, а затем с грохотом остановился.

"Сколько тут сидеть? Десять минут? Час? Больше? Хрен знает...", – Леший высунулся за борт вагона минут через десять – как раз вовремя, чтоб увидеть, как "Крейсер" собираются отцеплять. Справа от вагонов, не заметив Лешего, прошагал дядька в оранжевом жилете. Леший дождался прохода дядьки, собрал рюкзак, взвалил его на плечи и перелез через борт.

"Зябко тут", – подумалось Лешему, когда его берцы коснулись неприветливой грохотливой щебёнки. Леший зашагал прочь от товарняка, прыгая через пути. Под ногами вскоре появилась тропинка. На небе светила полная луна, ярче всех станционных фонарей "Нижнесергинской". Впереди показался ещё один мост через Сергу – пешеходный.

Леший, по любимой привычке, встал на мост и закурил.

"И что теперь? Сейчас я смотрю, как отцепляют локомотив, и он уезжает в сторону Дружинино. Пойдёт ли что-нибудь дальше? Или имеет смысл сесть на "вечернюю лошадь"? Что же делать? Зачем же я в это ввязался?", – думал Леший.

Время, между тем, подходило к прибытию "вечерней лошади". Здесь, у Нижних Серёг, железная дорога делает петлю, и поезд слышно издалека. Вот и сейчас гудок пассажирского тепловоза прозвучал из-за леса слева от Лешего. А это

означало пять минут на раздумья: забежать в кассу, если она работает, купить билет до "Михайловского завода", и прыгнуть в поезд. Но что-то Лешему помешало: он смотрел на приближающуюся "вечернюю лошадь", слышал ещё три её гудка на низких частотах. Потом – секундный свисток к отправлению, и тепловоз с двумя вагонами покинул станцию.

"Всё, альтернативы нет, – подумал Леший, – теперь или товарняк, или я уйду отсюда пешком на Бажуково, ночую там и унылюсь. Да и зябко стало, блин. Благо, термос заготовил. Надо теперь сделать чай. Где бы замутить кипяток? Или костёр развести? Где бы это сделать? На реке, возле бетонного моста, была поляна. И ниже, возле устья Бардыма. Можно развести костёр там. Откуда только брать воду?"

Решение пришло незамедлительно. Леший пошагал обратно через пути станции, в обход состава и вверх по дороге. Нижние Серги – не такой город, где нельзя добыть воды. Страдания Лешего оказались вознаграждены: совсем недалеко он обнаружил колонку. Радостно кинулся к ней, набрал полную бутылку и полный котелок воды.

Вечер понедельника изгнал всех и без того редких гуляк из окрестностей Лешего. Сама станция в Нижних Сергах расположена очень хорошо – вдали от пивных ларьков и прочих тусовок удалой молодёжи, ищущей драк. Так что все звуки, которые звучали вокруг Лешего сейчас – это гудки ма-

неврового тепловоза, шорох листвы, да лай собак из дворов.

Леший спустился обратно к реке. Насобирав в темноте каких-то щепок и мусора, наложил их между найденными здесь же кирпичами и развёл огонь. Сверху на шаткую конструкцию он водрузил армейский котелок, наполненный водой. Сам сел на "поджопник" и закурил трубку, благо торопиться было некуда, и можно было позволить себе ритуальное действие.

Трубку и табак Леший возил с собой часто, но забивал трубку только по особому настроению, называя её курение "ритуальным", в противовес "бытовому курению" – сигаретам. Раскуривал её Леший головёшкой от еловой ветки, выхваченной из костра.

"Теперь я совсем как хобо из Америки. Не про таких ли писал Керуак¹¹⁴? А ну щас как явится кто-нибудь на огонёк, а я тут такой красивый сажу...", – думал мысли Леший, а вслух сказал: "Красиво. Романтика".

На "огонёк" никто не явился. Леший спокойно вскипятил котелок воды, напился чаю сам, залил термос, съел "сникерс" и пару кусков батона с майонезом. И, незаметно для себя, стал задрёмывать у чахлого костерка.

¹¹⁴ О путешествиях на товарняках по США в середине 20 века отсылаю вас к Джеку Керуаку и его книге "Бродяги Дхармы".

"Леший! Волосатый! – звучал голос Волка, – Ты вообще тыкал пальцем в небо, а угодил в сердце солнца!". Рядом с Лешим сидел у тлеющих угольков Волк.

– Я уснул?

– Угу. Тебе надо будет скоро просыпаться. Ты знаешь, что скоро на третий путь пожалует грузовой с "бурати-нами", идущий аж до Бердяуша? А он уже на подходе! И пойдёт почти без остановок! На этой линии подобные "экспрессы" раз в год случаются. А теперь не просни!

– И как мне его не проспать?

– Щас проснёшься. Едь давай, на брёвнах подремаешь, будет возможность!

Леший вздрогнул и открыл глаза. Он по-прежнему сидел у чахлах угольков. Над лесом, горами, домиками и под Луной раздался низкий гудок грузового тепловоза.

Леший закинул в рюкзак термос, дождевик, застегнулся, взвалил ставший "колобком" рюкзачок на плечи и потоптался берцами по уголькам.

В матюгальник раздался голос "по третьему пути проследует грузовой..." Здесь эха почти не было, голос принадлежал заспанной женщине, и прозвучал даже немного уютно.

Леший стоял в тени "своего" состава, стоявшего на четвёртом пути, и караулил, высовывая голову в свет фонарей.

Из-за поворота показался головной фонарь локомотива. Огромный зелёный "Крейсер" тянул за собой вагоны с лесом

на малом ходу.

Леший отсчитал десяток вагонов, пробежал под прикрытие тени от состава и почти шагом догнал одну удобную лесенку. Схватился за неё рукой, осторожно подтянулся и спрятался в междвагонье. Тут была не "коробка", а платформа-контейнеровоз, закрытая с торцов железными стенками с решёткой по бокам и местами без пола. Но как раз возле стенки было место, где можно было поставить рюкзак и сесть самому так, что не будет видно. Поезд набирал ход, и, когда мимо пронеслась будка стрелочника, прожектор высветил контур Лешего. Мгновенный испуг – и Леший вжался в стенку. Но нет, всё спокойно. Поезд разгоняется и едет дальше, качаясь на поворотах. В проём между брёвнами и железом стены показывали кусок звёздного неба, а слева и справа стояла темень леса с просветами лугов и полян. Тут ни будок, ни переездов вплоть до "Михайловского завода". Спать Лешему не хотелось совсем, но на всякий случай он достал один из ремешков рюкзака и притянул его к железной раме стены. Сам же решил попробовать вскарабкаться наверх, на брёвна.

"Страшно конечно! Но самый главный страх – быть замеченным, а не раздавленным брёвнами. Тело своё, как оказалось, я весьма хорошо контролирую", – думал Леший, взбираясь наверх по выступам брёвен, как по ступенькам и упираясь в торец вагона.

Наверху вид открывался гораздо интересней. Спереди – луч прожектора локомотива выхватывал ключья тумана и осенний лес. Назад светило лишь освещение задней кабины "крейсера". При всём желании Лешего ночью никто не смог бы увидеть, чем он и пользовался. Устроившись поудобней, Леший достал сигарету и подкурился "по-партизански", прикрыв огонёк зажигалки от ветра. А над головой сияли яркие сентябрьские звёзды, миллиарды звёзд, как бывает только в сентябре.

"Жалко, что нет с собой фотоаппарата. Хотя ни одна камера не снимет то, что я сейчас вижу и чувствую. Лучшая фото и видеокамера – собственные глаза. На них снимается лучшее кино"

В ночи мелькнули огоньки Бажуково. Леший махнул рукой любимым местам. Дальше поезд сначала разогнался, а потом, замедлившись почти до пешеходной скорости, стал входить в поворот. Здесь на железной дороге сделана огромная трёхкилометровая петля, с помощью которой железная дорога опускается с высоты около семидесяти метров к деревне Аракаево. Замелькали справа огоньки старинного села, сразу повеяло влагой с реки и пруда. Потом прогрохотал под вагоном высокий аракаевский мост – третий мост, по которому железка пересекает Сергу. Затем со всех сторон во-

круг железки возникла каменная стена выемки – поезд подъезжал к станции "Михайловский завод" и убавлял ход снова.

Тут Леший уже решил слезть с брёвен, потому что неизвестно было, сколько поезд простоит здесь. Промелькнул прожектор. Он вжался в железную стенку, накрыв рюкзак и светлые части своей одежды чёрной клеёнкой дождевика. Поезд встал. Толчок, грохот – и резко повисшая тишина, сквозь которую спустя полминуты стало слышно урчание локомотива и лай деревенских собак. И ни одного человеческого голоса. Лешему хотелось поссать. Он тихонько спрыгнул в межвагонку на свой страх и риск, облегчился и запрыгнул обратно. Как раз вовремя, потому что спустя пару минут мимо прошла тётка в оранжевой жилетке. У тётки шипела рация, что-то говорила. Лешего опять не заметили, тётка миновала лешевский вагон, отвернувшись.

"Опять повезло. Будто "ведёт" меня что-то. Или кто-то. Разбудил же Волк меня у моего уёбищного костерка. Видели бы этот костерок мои друзья-туристы – посмеялись бы, как я его развёл. Хотя мне не перед кем понтоваться сейчас. Да и впредь", – думал Леший.

"Со второго пути три тысячи сто пятьдесят третий на Бердяуш отправляем!", – раздалось над станцией. Леший приготовился. Сел "по-турецки", опёршись о стенку вагона.

Гудок. Рывок с грохотом! Состав тронулся и покатился

мимо жёлто-коричневого здания станции, мимо старинной водонапорной башни и дальше. Когда протряслись на последних стрелках, и грохот сменился монотонным стуком колёс, Леший слегка подсветил телефоном рюкзак, достав из него термос.

"Да, в этих краях я ещё не бывал вообще. Что там по порядку: Сказ, Арасланово, Табуска, Нязепетровск, Ураим, Ункурда, Ургала, Злоказово, Движенец, Куса, Чеславка, Жукатау, Бердяуш, – вспоминал, задрёмывая, Леший заученные наизусть названия маленьких глухих полустанков, разъездов и городов, – это сколько ж мне ехать предстоит?"

Станции Сказ и Арасланово поезд проехал, не останавливаясь вообще. Лишь мелькнули огоньки посёлков, прожекторы станций, покачался вагон на стрелках разъездов, а поезд снова нырнул в объятия сырого холодного ветра.

Леший дремал, подложив под спину рюкзак. Временами вздрагивал и просыпался, спасаясь от холода чаем из термоса и кусками батона.

Меж тем звёздное небо заволокло облаками, луна с небосвода пропала, и начались предутренние сумерки. Поезд мчал по берегу Уфы, подъезжая к Нязепетровску. Прогрел мост через Уфу.

"Здесь надо тихариться, – думал Леший, – стоянка тут

должна быть долгой"

Поезд проходил стрелку за стрелкой "малым ходом", толкнулся и остановился. Леший сидел очень тихо, боясь чихнуть или шевельнуться. Мимо вагона прошагали два железнодорожника, но опять какая-то невидимая сила отвернула их глаза от Лешего. Они были слишком заняты возвышенной беседой меж собой:

– Даже если это барахло продержит, нахуй, блядь, нихуя, блядь...

После прохода железнодорожников Леший высунулся сбоку вагона и осмотрелся. Людей вокруг не было. Зелёный "Крейсер" по-прежнему был во главе состава. Низких мостов и нависающих проводов над путями видно не было.

Через путь от Лешего, к пассажирской платформе подъехал двухвагонный "пассажирский"

"О! Вот и девятьсот пятьдесят первый подъехал! – подумал Леший, – сейчас тут аншлаг будет"

Тут дали гудок, и поезд тронулся, а Леший не успел посмотреть на пассажиров маленького поезда.

"Никаких объявлений в матюгальнике не было, интересно", – думал Леший, когда волна трогания дошла до его вагона.

Вагон качало на стрелках, но потом кончились и они. Поезд переехал ещё один мост, несколько домиков с огородами, и вокруг снова поднялся лес. Здесь это был сосняк, так похожий на растущие в Оленьих.

"Интересно чем отличаются сосняки? Вроде лес один и тот же, на Северке и в Оленьих. Может, влияет горная порода. Достану-ка книжку почитать, – думал Леший, – всё же езда на грузовых сильно отличается от автостопа. Здесь по крайней мере не надо разговаривать с водителем. Сидишь себе и сидишь. На моё счастье, нет дождя или снега".

Временами Лешему надоедало сидеть снизу, и он поднимался по брёвнам наверх, озирая окрестности. Теперь приходилось делать это осторожней, чтоб машинисты из зеркал и задней кабины не заметили ещё одного пассажира на поезде.

"Три У", станции Ураим, Ункурда и Ургала, поезд проехал вообще не останавливаясь, лишь качался на стрелках, станций, проходимых малым ходом, мелькали будки стрелочников, возле которых Леший прятался за железный угол вагона. Звенели сигналы переездов, мимо мелькали леса и горы, неизвестные реки, деревни со своей деревенской пасторальной жизнью. Леший наполнился размышлениями чуть менее насущными, чем обычно.

"Наблюдать со стороны всегда интересно. Но как они на самом деле живут? Не сходят ли с ума от скуки, не воют ли волком от безысходности? Или, напротив, довольны своей автономностью и маленьким счастьем подвести часы в маленьком своём домишке по гудку тепловоза? Может, напрасно пропускаю я их жизни через горнило собственного сознания?"

В Злоказово поезд остановился ещё минут на десять. Теперь пропускали "девятьсот пятьдесят второй" уже в сторону Нязепетровска. Леший сидел, как мышь в углу вагона, но никто даже не взглянул в его сторону.

Следующая остановка была лишь в Кусе, и то ненадолго. Пропустили встречно идущий локомотив. Леший, выключив телефон, не ориентировался во времени, тем более что день стоял пасмурный. Но по ощущениям была уже вторая половина дня. По одному из путей промчал одинокий локомотив "Чмуха", дали гудок, поезд дёрнулся и поехал.

"Живописные тут места, – думалось Лешему, – вот мост через Ай. Так похоже на мой родной Михайловск! Хотя горы здесь повыше, да Ай-река течёт более мутная, чем Уфа у Михайловска"

Поезд набирал ход.

В вечерние сумерки уже Леший почувствовал приближение к крупной станции. Слева приближалась ещё одна железная дорога, уже электрифицированная, по ней тянулся длинный состав с контейнерами. Поезд Лешего же замедлялся, и, казалось, ехал, крадучись. Начались качания на стрелках.

Промелькнула табличка станции "Жукатау", несколько двухэтажек и снова вечерние сумерки.

Впереди Леший увидел огромную станцию с уже светящимися огнями.

"Что-то боязно мне туда приезжать на товарняке, тем более Лосик предупреждала. Если получится, спрыгну где-нибудь, не доезжая", – подумал Леший и стал присматривать место для десантирования. Скорость, тем более, уже позволяла это сделать.

На склоне холма поезд замедлился почти до скорости пешехода. Леший, собравший рюкзак и взваливший его на спину, приготовился прыгать. Здесь ему уже было пофигу, видят его машинисты или нет. Он перелез через край платформы, шагнул на подножку и повис, держась одной рукой за состав. Найдя удобное место, Леший сделал глубокий вдох и спрыгнул...

...В сумерках шагал Леший по траве к светящейся вдали станции. Позади остались огни известкового карьера и ав-

томобильный мост. Леший перебирал ногами по тропинке вдоль путей, а когда справа показалась дорожка, вышел на неё.

"Как тут с гопотью местной? – думал Леший, – может, безопаснее будет идти вдоль путей? Пойду, как идётся"

На вокзале Леший оглядел себя в отражение в стекле: вроде ещё не сильно похож на бомжа, можно заходить.

"Здание снаружи выглядит явно больше, чем внутри, – думал Леший, – не примут ли меня менты, что по путям ходил? Хотя, что там – я ж сюда на грузовых приехал!"

– Здравствуйте. До Златоуста ближайшая электричка во сколько?

– В пол-одиннадцатого.

– Один билет, пожалуйста!

Леший протянул "полтинник" в окошко кассы, получил билет со сдачей и сел ждать, уже не таясь железнодорожников и слушая эхо "матюгальников" на станции.

"Электропоезд шесть тысяч сто тридцать шестой, следующий до станции Златоуст, прибывает к первой платформе!", – раздалось в зале. Леший и ещё десяток человек подорвались со своих мест и выскочили на платформу. Здесь начинал накрапывать мелкий дождь.

"И всё-таки Лосик меня вовремя предупредила, чтоб не ехал здесь на товарняке. Мок бы сейчас под холодным дождём, – благодарил Леший свою дальновидную подругу, заходя в широкий проём дверей электрички, – какие широкие двери! Можно мотоцикл закатить при желании!"

Леший бухнулся на тёплое сидение электрички и продолжил чтение Генри Торо:

"Железный конь громовым фырканием будит эхо в холмах, сотрясает своей поступью землю и пышет из ноздрей огнем и дымом (хотел бы я знать, какой крылатый конь или огненный дракон попадет в нашу новую мифологию), – мне кажется, что явилось, наконец, племя, достойное населять землю..."¹¹⁵

"Мудрый дядька был, однако. Может, мне стоит так же в лесу пожить, откопаю в себе чего-нибудь? Перестану быть путешествующим овощем. Хотя не ради этого ли Волк и Шаманы?", – задавал себе вопросы Леший, засыпая в электричке, глядя на блики редких огней по дождливой диагонали окна.

Лешему снился Волк.

¹¹⁵ Опять цитирую Генри Торо. "Уолден или жизнь в лесу".

– С почином тебя, Леший!

– Ну, приеду я в Златоуст, а дальше-то что?

– Иди на Таганай. Большие я тебе ничего подсказать не смею по этому поводу.

– Ты ж провидец.

– Я просто Волк.

– Кого я должен буду встретить, и как? Ночь на дворе! Гопники не дремлют!

– Может самый страшный гопник – ты сам для себя? Никогда не думал, что все твои страхи – не твои? А навязанные тебе извне. Та же боязнь гопников. Они ведь тоже люди. Просто очень ревностно сохраняющие свои ценности

– Курить, бухать, материться, жрать семки – это ценности?

– Жить на своей земле и защищать её, растить детей, работать в радость, беречь свои традиции – вот ценности. Общечеловеческие! Те, кого ты называешь гопниками, просто имеют такой способ выживания! Большая их часть – простые работяги! Действительно вредных людей среди них мало, ты с ними сталкивался. Это, как раз, пропагандирующие "воровские идеалы". Но тут, ты уж извини, неформалы из тусовки не сильно далеко ушли: просто в том районе ценностей, где у гопников воровство, у неформалов – попрошайничество!

– Ты хочешь сказать, что гопники и неформы – это две стороны одной монеты?

– Это не монета, а целый тетраэдр. Там ещё есть мошенники и власть. Но вообще, времена меняются быстро. Скоро не будет ни классических гонников, ни классических неформалов. Будет другое, не очень пока понятное. Но со временем разберёшься. Пока же разберись со своими страхами...

– Молодой человек! Ваш билет можно? – Леший поднял глаза и упёрся взглядом в громоподобную тётушку-кондуктора и шкафообразного дяденьку в спецовке охраны, который поигрывал дубинкой.

– Что? А, да, пожалуйста! – Леший протянул внезапной ночной "контре" билет.

– Златоуст? Не спите, скоро уже приедете!

– Хорошо...

Лешего знобило и тошнило. Такое бывает от внезапного пробуждения, когда телу надо срочно мобилизоваться, а сознание ещё хочет спать. Он пошлёпал себя по карманам и груди – сотовый и ксивник на месте, рюкзак под боком. Достал из рюкзака термос, налил себе в крышечку термоса ещё тёплого чая, и выпил залпом. Оглядевшись, Леший увидел в вагоне лишь несколько сонных пассажиров. Кто-то "клевал носом", кто-то устремлял осоловелый взгляд в законье. Когда "контра" покинула вагон, Леший взвалил бэг за спину, вышагнул в тамбур и закурил.

"Тошнотное такое, это состояние! И от сигареты только хуже стало! – думал Леший, но сигарету не бросал, – когда-нибудь я всё же брошу курить"

"Заводская платформа, следующая станция Златоуст", – проскрежетал в динамике сонный голос машиниста. За окнами уже показывали огни завода и карабкающиеся в гору домики Города в Горах.

Лешему нравился Златоуст, по крайней мере, снаружи. Город, раскинувшийся в долине Ая и разделённый лесом-горами на несколько отдельных районов, был очень живописен. Чем-то похож и на его родной Михайловск. Было здесь что-то и от Екатеринбурга. Но почему-то гораздо меньше – от Челябинска. Но ночью надо быть готовым ко всему.

Пока у Лешего был такой план: потусоваться до раннего утра на Вокзале, "с первыми комарами" тронуться на Таганай, а там дойти докуда получится. С собой он прихватил деньги, но не прихватил спальник, так что ночевать ему, видимо, предстоит где-то на приютах. С этим, по мнению Лешего, в рабочие дни проблем быть не должно. Непогодой Лешего не испугать.

Единственное, что Лешего напрягало – это сам момент встречи с "Интересным человеком". Где его надо искать? Что он из себя представляет? Волк не дал никаких зацепок, кроме речей о гопниках. "Неужели предсказанный интерес-

ный человек – гопник?", – сокрушался Леший, глядя на мокрую и холодную ночную панораму осеннего Златоуста.

Поезд замедлял ход перед платформой, вот показалось здание вокзала, знакомое Лешему по истории с беларусом Андреем и его "планом"¹¹⁶. Двери с шипением открылись, и Леший, вместе с другими немногочисленными пассажирами, вышел из тёплого чрева электрички в зябкую златоустовскую ночь.

"Бррр, холодища, – думал Леший, – потусуюсь до утра на вокзале, если менты не прогонят"

Леший уселся на лавочку в тёплом здании вокзала. Рюкзак навалил на сидение рядом с собой, достал чай из термоса и книгу.

Звуков на вокзале было мало: гудели какие-то кондиционеры, лампы, время от времени хлопала дверь. Людей на станции было немного, все разные. Была цивильная публика, были спящие бомжи, сурового вида бывшие "зэки". Но всё это не диссонировало с окружением, а лишь дополняло его.

"Все ночные вокзалы созданы с одной целью: доставить тебе максимум дискомфорта, чтобы ты не чувствовал себя в уюте и безопасности, – думал Леший, – для этого холодный

¹¹⁶ Об этой истории – в "предисловии".

свет, высушивающее тепло кондиционеров, лавочки с перилами "антибомж", дотошные менты и обязательные сквозняки"

Менты почтили Лешего своим визитом. Подошли, посмотрели паспорт и сохранившийся билет на электричку, и, вежливо пожелав, во избежание краж, Лешему не задремать, удалились восвояси.

"Вот, всегда бы так. А вообще менты ментам рознь, я думаю", – сказала лешевское внутреннее радио.

О приближении утра на вокзале можно узнать и без часов: начинается наплыв людей с небольшим багажом, или вовсе без него. Эта публика всегда ездит в соседний крупный город на самых ранних электричках. В данном случае, народ ждал первой электрички, чтобы добраться до места работы, например, в Миасс или Челябинск.

Леший, бодрясь, шагал по выстуженной привокзальной площади, мимо сизых ёлок, через трамвайные пути и через улицу напрямую, к огоньку круглосуточного магазина, типа "товары в дорогу". Здесь Леший позавтракал пирожком с томатным соком, прикупил себе сигарет, пару "сникерсов", батон, банку тушёнки и четыре "бич-пакета". Потом подумал, и взял "на развес" мешок шоколадных конфет.

"Теперь дожидаться маршрутки. Тут совсем недалеко. А

вот и она!"

Тёмно-жёлтый зверь марки "Газель" с надписью "ПУШКИНСКИЙ" распахнул двери перед Лешим.

Леший протянул водителю пятнадцать рублей и сел смотреть в окно. Небо начинало светлеть, но всё равно оставалось пасмурным. Вершины Таганая прятались в облачном "молоке" почти от подножия.

"Интересно, как здесь сейчас? Куда я могу сходить? Не сделали ли платным вход? Пожалуй, надо зайти и поспрашивать на КПП парка", – думал Леший, задвигая дверку "Газели".

Непогожий холодный рассвет творился вокруг Лешего. Маршрутка набилась хмурыми людьми, которым надо было на работу или на учёбу. Леший же держал путь в сторону КПП "Таганая", или, как его здесь называют, "центральной усадьбы". Шагал он по мокрой грунтовке, затем свернул на натоптанную тропу, ведущую в низинку.

"В прошлый раз я как-то по-другому на Таганай заходил, – думал Леший. Ну да ладно, здесь родничок есть! Можно умыться, да черпнуть водички на дорогу. А может вообще погреть чаю? Где-нибудь намутить кипятка? Может, у парковцев?"

За родничком находились пара домов и парковка. Леший увидел табличку "Национальный парк Таганай. Регистрация туристов", и решил зайти туда.

– Здравствуйте! Вы откуда к нам? – девушка в зелёной флисовой кофте осмотрела Лешего, казалось, с ног до головы.

– Доброе утро. Я из Екатеринбурга. Скажите, что вообще тут нужно сделать?

– Скажите куда и на сколько вы пойдёте, сколько вас и как вас зовут.

Леший назвался. Девушка записала всё в толстую тетрадку и выдала Лешему распечатанную на листе карту с тропами, горами и приютами.

– И всё?

– Да. Можете идти. Сейчас не так много народа на Таганай. Вчера у нас вообще в горах снег с утра был, растаял, правда. Остановиться в принципе на всех приютах можете, в будни народа мало.

– Спасибо. Всего доброго... Ой. Ещё вопросик можно?

Пауза.

– У вас кипятком термос заправить можно?

– Да, сейчас вскипячу.

После пяти минут ожидания в термосе у Лешего бултыхался свежий горячий чай. Леший, повеселев, угостил девушку конфетой, надел на спину рюкзак и вышел за порог...

...Бодро шагало по пахнущему пихтовой хвоей таганайскому лесу! Под ногами желтели листья вперемешку с местными жёлтоватыми камнями кремнистой породы.

Таганайские леса Леший также считал очень родными. Впервые он оказался здесь пару лет назад, когда решил потратить "майские праздники" на поездку сюда. Ездил Леший тогда в компании с "дринк-командой" – друзьями бывшего одноклассника Лешего, Сани, а попутчиком Лешего был Коля – старый хиппарь, умерший в прошлом году от лёгочной недостаточности. Неделимой мужской двойкой получилось тогда уехать весьма успешно: сначала быстрая машинка до Кыштыма, а затем – Камаз, гружёный пивом, прямо в Златоуст. Тогда Леший вместе с Колей договорились встретиться ещё с колиными друзьями-туристами из Миасса, поэтому выпрыгнули прямо на въезде в Миасс, у троллейбусного кольца. На миасском вокзале встретились с колиными друзьями, купили пивка и поехали в Златоуст на электричке.

Именно тогда Леший впервые увидел его: Город в Горах. Он понравился Лешему сам по себе, показавшись родным местом. А уж когда в правом окне электрички промелькнула вершина Двуглавой сопки, подсвеченная закатным солнцем – сердце Лешего было покорено... Таганай проник тогда в лешевское сознание и сны. Леший в своём бумажном дневнике рисовал по памяти тот контур Двуглавой сопки, который увидел в тот майский вечер... С "Дринк-командой" они

встретились тогда уже на первом приюте по тропе, который называется "Белый Ключ". Там были возлияния, распевания песен у костра, всякие приколы-подколы и всё, что любая молодёжная удалая компания может себе позволить на природе. Потом он бывал здесь и один, но всё равно, приезжая сюда, Леший вспоминал старого хиппаря Колю.¹¹⁷

С этими воспоминаниями Леший и спускался к мостику через горную речку Тесьму, или, как её ласково обзывал покойный Коля – Тесёмку.

Перейдя мост, он сбросил рюкзак на пенёк, а сам наклонился к воде, засучил рукава куртки и ритуально омыл лицо.

Лешевские ритуалы были загадкой даже для самого Лешего: откуда что взялось? Леший иногда верил в приметы, здоровался с одной берёзой по пути в школу, трогал её рукой и мысленно говорил "привет". Леший кидал монетку на трассу, чтобы уехать. Леший втыкал в уши плеер, чтоб вызвать автобус. Это, конечно, странно, но, по мнению Лешего, не следует пренебрегать тем, от чего зависит удача. Так и сейчас, умываясь, он как бы смывал с себя "дорожную маску", чтобы остаться совсем настоящим.

Позавтракать Леший решил на "Белом Ключе".

Здесь гавкала собака, и на её голос из приюта вышел смотритель Вова, знакомый Лешему по его первому визиту сюда.

¹¹⁷ О "дринк-команде" и немного о Коле я писал ранее, но в качестве истории Сани, лешевского одноклассника и его брата Димона.

– Приветствую!

– Доброе утро! Ты откуда и куда?

– Пока передохну, а после – двину дальше. На Откликной, Круглицу, Метеостанцию – как попрёт.

– Ну, тебе повезло с погодой. Сегодня хоть сверху не сыплет. Вчера красиво было: жёлтые листья, тут внизу трава зелёная, и всё это белым покрыто.

– Представляю, ага.

– Заходи, чаю попей хоть, не на холоде.

Леший воспользовался приглашением и проследовал в натопленную избу.

Пока на маленькой газовой плитке кипятился чайник, Леший разглядывал интерьер.

На приступке лежал кристалл тёмно-вишнёвого цвета размером с небольшое яблоко.

– А это что у вас?

– Это гранат. Пару недель назад у Железного моста¹¹⁸ один турист его нашёл.

– Прикольно. Я даже не знал, что тут они есть.

– Есть. И не только гранаты. Много чего вообще. Ты водку пьёшь?

– На дорогу и с утра-то не хотелось бы, – сказал Леший, прихлёбывая горячий чай из кружки.

– Ну, было бы предложено...

Через полчаса Леший покинул молчаливого Вовку, на-

¹¹⁸ Мост через Тесьму на "Нижней тропе".

правившись по тропе в сторону Гремучего ключа. На Двуглавую в этот визит он решил не подниматься вообще: затратно по времени и силам, а дальше всё равно идёт подъём, где предстоит скакать по курумникам.

Редки были люди в этот день. Лишь на первом курумнике встретились ему спускающиеся люди – супружеская пара, лет сорока. По определению Лешего – "матёрые туристы". Больше, до самого Гремучего Ключа, он людей не видел: только тревожные перелёты соек, да стайки синичек-гаичек сопровождали его шаги и прыжки с камня на камень.

На подъёме у Гремучего Ключа Леший приостановился и сел перекурить. В кроне ели по соседству было слышно звериную или птичью возню. Леший присмотрелся, разглядывая обитателя ветвей. Этот невидимый зверёк сбросил на мох рядом с Лешим еловую шишку.

– Ээй, зверюга! – проговорил вслух Леший, – а ну покажись!

Естественно, зверюга не ответила. Но Леший рассмотрел мелькнувший пушистый хвост, а затем – всего маленького рыжего хозяина ветвей.

– Цъ! Цъ! Цъ!¹¹⁹ А ну-ка, что у меня есть для тебя? – Леший полез в рюкзак, доставать невесть откуда оставшиеся семечки, – кушай!

Белка таганайская выгодно отличалась от своих городских

¹¹⁹ Тут Леший имитировал цоканье-щёлканье белочки, автор попытался изобразить эти звуки русскими буквами.

сородичей, она осмотрела Лешего с его семечками, щёлкнула – и усвистала прочь.

– Ну вот, хотел доброе дело сделать. И куда мне теперь семки девать? Гопникам скормить?

Ответом на вопрос Лешего стал невесть откуда прилетевший "пухляк" – маленькая синица-гаичка.

– Ну, хоть кто-то. Кушай. Не тащить же мне семки обратно! Что у вас тут в лесу: будний день и птичье царство? Зови ещё кого-нибудь! – сказал Леший, когда пухляк слетел с его руки высоко на соседнюю берёзу.

Следом спустился на руку поползень – изящная птичка, размером с воробья с чёткими полосами по бокам.

– Ишь ты, какой модный! – проговорил Леший, когда придиричивая птица выбрала семечку без кожуры на его ладони, – как машинка тюнингованная!

– Странное сравнение, – прозвучал незнакомый женский голос.

Леший напрягся и развернулся.

– Не каждый день видишь в лесу человека, на полном серьёзе разговаривающего с птицами! – проговорила с улыбкой незнакомка, полноватая невысокая девушка в сапожках, джинсах, в синей вязаной шапке и синей куртке, – вот я и удивилась.

– Добрый день!

– Добрый. Мне Вовка с Белого Ключа говорил, что тут один парень поднимается в горы, вот и решила догнать. А

тут ты с белками и птицами разговариваешь увлечённо. Я уж минут пять смотрю!

– А зачем догнать?

– Да мне одной страшновато. Вот и думаю, вдвоём веселей будет идти.

– Догонять человека, да ещё и незнакомого, потому что одной идти страшно? Это странно! – удивился Леший, – ну, тогда пошли до приюта Гремучего, а дальше как пойдёт.

– Там сегодня Стас дежурит. Он мужик хороший.

– А ты здесь работаешь что ли?

– Нет. Но хожу сюда частенько, – с улыбкой ответила незнакомка.

"Как она легко перемещается по такому подъёму? Я вот заебся уже", – думал Леший.

– Меня Алексей зовут. Можно Леший. Я вообще стопщик из Екатеринбурга, автостопом сюда приехал, – Леший решил чуть прилгнуть о путях своего попадания сюда.

– Круто. Я вот не ездила так никогда. Я Оля. Просто. Без кличек.

– Ты местная? – Леший уже слегка запыхался от ходьбы в чужом ритме.

– Ну, почти. Я из Миасса, это здесь рядом. Ты, небось, проезжал.

– Я другой дорогой сейчас ехал, с запада. А вообще бывал. Товарищ из общаги мне про злых миасских гопников рассказывал. И записи одной миасской группы у меня на плеере

есть.

– Ну, не знаю, где он гопников увидел. Если по круглосучным ларькам, да залам игровых автоматов не ходить, так их и не увидишь вовсе.

В это время показалась поляна, а на ней – "приют Гремучий Ключ". На самом деле это такой глобальный "самострой", издали похожий на лежащий скворечник, но, по слухам, весьма уютный внутри. Обычно Леший всегда проходил мимо, шуруя на Откликной или Круглицу. А в прошлые приезды так и вовсе ночевали на Белом Ключе.

– Зайдём чайку попить? – предложила Оля.

– Ты тут всех знаешь?

– Ну, просто можно зайти поздороваться. Таганай маленький. Из тех, кто сюда ходит часто, как мне кажется, все всех знают.

Тем временем из-за дома на полянку вышла пожилая тётушка.

– О! И Баба-Валя¹²⁰ здесь! Здравствуйте! Тут сегодня Стас дежурит?

– Привет, привет! – сказала названная Бабой Валеё тётушка, достала сигарету и закурила, – а не ты ли в прошлый раз тут так здорово под гитару пела?

– Может и я! Я в начале августа с вами последний раз ви-

¹²⁰ Реально существующий человек, легендарная туристка Таганая, прокладательница троп.

делась здесь. Мы с толпой миассцев были.

– А я говорю Стасу, кто-то идёт, услышала издали. Он там за домом, дрова колет.

Они прошагали за дом, Леший пошёл за ними.

Возле небольшого навеса-дровяника орудовал колуном дядька, чем-то напоминающий Манула.

– Баба Валя мне гостей привела! Добрый день. Заходите в дом, не стойте. Ставьте чай, да рассказывайте, чё-каво. Ну или "что кого".

– Стас, я так скоро за тебя буду гостей регистрировать и деньги за постой брать, – с улыбкой сказала Баба Валя.

– А что? Я не против. Здесь мне с деньгами делать особо нечего, знай только начальству сдавай, чтоб дебет с кредитом сходились. Проходите, садитесь там, в ногах правды нет.

Леший распахнул дверь, пригнулся и зашёл в пахнущие банными вениками сенки, а Оля распахнула ещё одну, обитую войлоком, дверку. За ней скрывалась уютная комнатушка, с нарами по две стороны, столиком и окном.

– Здесь разуться надо, – сказала Оля оторопевшему Лешему.

Леший снял берцы и присел на нары. За дверью обнаружилась кухонька, небольшая железная печка, обложенная кирпичами, полочка со всяким разным, пожелтевшая фотография Откликного Гребня и гвозди с кучей курток. На столе у окна стояли кружки и рация. На плитке забулькал чайник, и вскоре перед носом Лешего стояла кружка горячего

чаю.

– А у меня сладости есть, – Леший достал мешок конфеток

– Это хорошо, – сказала Оля.

– Щай не пил какая сила! – крикнул с порога зашедший Стас.

– Щай попил совсем ослаб¹²¹, – отвечивал в той же манере Леший.

Леший разглядывал людей вокруг себя.

"Оля, Баба Валя, смотритель Стас. Кто же из них тот человек, о котором говорил Волк?", – думал он.

Стас снял шапку, под которой обнаружились светлые волосы, стриженные "кругом". "Как у некоторых ролевиков Ёбургских", – подумал Леший.

– Вы к нам с ночёвкой?

– Да, я бы поспал, – сказал Леший.

– Мне лень будет топить отдельно, если тут поживёшь – ничего?

– Настоящему индейцу...

– ...завсегда везде ништяк¹²², – подхватил Стас, – отлично. Об оплате и всём прочем давай попозже. Сейчас у меня

¹²¹ Уральский туристский фольклор. Обычно говорится с карикатурным татарским или марийским акцентом.

¹²² Отсылка к одной из песен группы "Ноль".

дрова. У тебя, честно говоря, такой видок, что я бы тебя сейчас спать положил. Не надо с такой рожей в горы ходить.

– А чем моя рожа плоха?

– Горы испугаешь! – пошутила Оля, – послушай-ка умного человека, ляг, поспи.

– А чё, можно?

– Нет, нельзя, – теперь уже Баба Валя. Завтра сходишь в горы. Ты же не на один день сюда. Хотя я бы не удивилась, если б некоторые приходили на приюты поспать.

Леший воспользовался предложением, залез на верхнюю полку нар и тихонько вырубился под негромкие разговоры Бабы Вали с Олей.

Леший стоял на горе, на невысоком скальном выступе, откуда открывался вид на Откликной Гребень, Двуглавую и Мальй Таганай.

"Наверно это и есть Митькины Скалы. Интересно, а они Митькины, или как озёра в Оленьих Ручьях – Миткины, без мягкого знака?", – думал Леший.

– От имени Митя, – сказал Волк.

– Привет, Волк. А можно мне без сновидений поспать?

– Можно. Как тебе люди?

– Кого ты имел в виду, как интересного человека? Олю? Бабу Валу? Стаса?

– Да не важно. Того, кто принесёт большую пользу.

– Ядрить, освоил искусство осознанного сновидения, те-

перь спать без этого не могу.

– Так пользуйся, – Волк махнул рукой, а Леший переместился ("как? зачем? почему?") в парк Морозова в Екатеринбурге. Он увидел бегущих девушек, и, среди них, Лосика в спортивном костюме.

– Мда, непривычно. Это типа я сейчас вижу, чем она занимается.

Волк, улыбнувшись, кивнул.

– А ей можно что-нибудь сказать?

Волк нахмурился и покачал головой.

– Женя! Женя! Лосик! – закричал Леший, но Лосик не обратила внимания. Более того, сам Леший оказался вдруг неизмеримо далеко.

– Леший, ты пытаешься залезть в дебри энергуйства. Сейчас лучшее, что ты можешь сделать, это проспать, умыться, помочь Стасу с дровами, да сходить вечером в баню. Иногда обычные люди бывают круче всяких шаманов. Не стоит тратить энергию на то, чтоб из сна докричаться до бодрствующих. И так на тебя косо смотрели...

Он разлепил глаза. На окне жужжала муха. Позвякивало дерево под колуном. Булькало какое-то варево на плите. Рядом с плитой стояла Оля

– О, Алёша проснулся. Ты во сне кричал.

– Что я кричал?

– Звал Женю какого-то. Говорил: "Женя Лосик". Мы уж

тебя разбудить хотели, вдруг тебе кошмар снится.

– Нет, не кошмар. Я, пожалуй, ещё дремну.

– Ты же договорился со Стасом. Так что хоть все сутки тут проспи – не прогонят.

Леший зевнул и погрузился в дремоту. На сей раз сон пришёл красочный, но без Волка, Лосика и Манула. Просто "сон-фильм", где события смотришь от первого и от третьего лица одновременно. Такие сны – самая лучшая разгрузка для сознания. Об этом знал и Леший. Хотя во сне, как правило, предпочитаешь не думать и знать, а ощущать и вникать.

Проснулся окончательно Леший уже под вечер. В печке потрескивали горящие поленья, отсветы пламени из поддувала плясали на полу. На столе стояла тарелка с лешевскими конфетами, рядом сидели Оля, Баба Валя и Стас.

– О, проснулся. Слезай давай. Да надо в баню воды натаскать.

Леший потянулся до хруста суставов и сполз с верхней полки нар.

– Тебе, Стас, с дровами помощь нужна?

– Вот, я только хотел предложить. Все бы такими были постояльцы. А то обычно невкусную еду и рассыпанную крупу мне оставляют в дырявых мешках, потом мыши плодятся, – посмеялся Стас.

Леший вышел на улицу и закурил. Рядом курила Баба Ва-

ля.

– У вас тут такая среда интересная, все, выясняется, друг друга знают.

– Таганай вообще маленький. Но если один раз в сердце поселился, то бросить невозможно, – сказала Баба Валя, – я сама с Кургана вообще. Сейчас, слава Богу, на пенсии. И сюда стараюсь выбираться при первой же возможности. На меня тут, конечно, ругаются начальники всякие, мол, Баба Валя новые тропы прокладывает без ведома Парка и размечает, а я что? Я думаю, раз люди ходят, почему бы и нет? Тем более, на Тагане две тропы – Верхняя и Нижняя, а между ними срезки не хватало. Вот, я такую срезку и проделала. За это тропу называют иногда "Тропа Бабы Вали". Я противница. Так сразу директору Парка и сказала. Именууйте как угодно, но не так. А то получается памятник при жизни. Вот, они когда буклет рисовали и выкрутились: обозвали её "Курганская тропа". Ну, хоть так.

– Интересно. А Олю откуда знаете?

– Оля почти местная. Часто сюда ходит, насколько я понимаю. Чем она в миру занимается – это ты у неё сам спрашивай. Здесь же на прошлой встрече она на гитаре здорово играла. Причём песни все такие хорошие, не то, что сейчас этот "рок".

Леший ухмыльнулся над словом "рок", но ничего не сказал: бабушка же. У Лешего про "рок" было своё мнение.

"В семнадцать-восемнадцать лет все хотят играть в рок-группе, – думал Леший, – все пытаются писать стихи разной степени паршивости. Моя тетрадка дряных стихов, распечатанных на принтере, осела у Наташки из одиннадцатой группы, от неё я получил в подарок поцелуй в щёку, диск "Стратовариуса", да сборник её собственных виршей. И, надо сказать, из её стихов был один, действительно зацепивший. Про двух зверей, которые сбежали от браконьеров. А ещё – рассказ про двух ангелов и девушку. Господи, какие же сложные конструкции гордились в наших еще подростковых головах тогда!"

Он направился к дровянику. Следом уже вышел Стас.

– Хозяин, показывай фронт работ!

– Ну вот это всё надо сколоть, по-хорошему. Они сучковатые, посему ты с ними наупражняешься. Так что возьми пока попроще, это вот пихтовые. Тут у курумника сухара стояла, свалилась нынче летом. Дюжая!

– И-и Эх!, И-и-ыч! – замахал колуном Леший.

Такая работа лучше всего приводит много думающую голову в порядок. Особенно на свежем воздухе и в тишине. Поэтому Леший постепенно приходил в состояние, называемое им "уставше-отдохнувший".

Потом он натаскал с хитро сделанного желоба на ручье воду для бани. Руки Лешего гудели, спина ныла, но душа определённо радовалась.

"Вот оно, наверное, счастье мужика. Трудиться – и видеть результаты своих трудов, – думал Леший, закуривая сигарету под навесом крыльца бани, – мы в городе от этого оторваны. Потому здесь, в лесу, это познаётся легче и радостнее. Хотя представил бы я себя сейчас без этой тёплой бани, этих тёплых людей здесь, посреди мокрого осеннего леса и облачного "молока" – аж жуть берёт"

Медленно наступали сумерки. Хотя, в осеннем горном "молоке" это, скорее, было сгущением мглы. Гудела печка в бане у журчащего ручья, шумели ветки над головой. Вокруг была мгла, лишь по шуму ветра можно было понять, что сейчас большое облако с западных приступов штурмует вершины Таганая, кутая его склоны в сырое холодное "молоко".

Леший шёл, светя фонариком себе под ноги, на тропку. Только собственные ноги и было видно в осенней сумеречной мгле.

Огонёк свечи в окне Приюта Леший увидел только шагов за десять. Луч фонаря выхватил из "молока" угол дома.

– Обалдеть, – сказал Леший, войдя в тёплый дом, – как ты здесь не блудишь, Стас?

– Я-то что, здесь в такую погоду туристы, бывает, ко мне приходят. Ну сейчас, благо, навигаторы есть у многих. Айда в баню.

Баня, да с пихтовым веником, лечит душу и тело. Размо-

рѐнный Леший вышел покурить голым, прямо под "молоко". Каждой клеточкой тела он чувствовал, как с него поднимается пар. "Вот, когда ещё можно такую дичь исполнить? У нас-то голым не постоишь. Либо углядит кто, либо комары в гнездо уташат", – думал Леший.

В натопленной бане при свете плавящейся от жары свечи он стал расспрашивать Стаса.

– Как тебя вообще привело на Таганай работать? Ты сам златоустовский?

– Угу. Мы в школе ещё сюда в походы ходили. Сами классом собирались и топали. Даже на спор бегали до Метеостанции и обратно за день. Зимой, правда, по Нижней тропе. Там, как все болота и лужи перемерзают, ровненько становится. А, если снегоход пройдёт, так вообще "хайвей". Так вот, я же на художника учился. По крайней мере, пытался учиться в Златоусте в колледже на худграфе¹²³. Оттуда меня попёрли. Ну, сам понимаешь, молодые, драки-пьянки-гулянки. Потом в армию ушёл, служил на Дальнем Востоке два года. А после армии пришёл, а друзья, с кем пили и гуляли, все почти плохо кончили. Кто спился, кто "присел". Одногруппники уже кончили учагу давно, и разъехались кто куда. Взял рюкзак, да и отправился сюда. Зашёл со стороны Тесьминского пруда, сел на берегу. И, знаешь, так хорошо

¹²³ Отделение художественной графики ("Рисования") в Златоустовском педколледже. Кузница художников.

и спокойно стало. Походил-побродил. На Монблан поднялся, до Гремучего дошёл. А потом спустился с гор и сразу к Мальцеву, хозяину Гремучего, на работу проситься. Работаю здесь, по сути, вахтой. Две недели через две. Сменщик – Миша-альпинист – только через три дня появится. Ну, кроме этих "двух недель" ещё летом-осенью нас лесники на заготовку дров вытягивают.

– А как тут с дровами?

– Нам лесники указывают, какие деревья надо свалить. Сухары, гнилухи, всё тут рядом. Теплее было, так мы в рабочие дни занимались заготовкой. А колоть – здесь в свободном темпе.

Леший, меж тем, рассказал про себя. Про то, как отчислили его из Лестеха, как не ушёл он в армию, как водит экскурсии в "Оленьих Ручьях". Про неформальство и автостоп тоже рассказал.

– А я вот не ездил стопом, – сказал Стас, – хотя здесь часто автостопщики появляются. В прошлом году летом у меня один жил, из Питера. С барабаном. Ходил на горы медитировать. Всё моё дежурство тут и прожил. А я и не против. Здесь действительно в голове что-то меняется. Я вот, как сюда устроился, пить и курить бросил. Даже матом ругаться перестал почти. Места-то чудные. Люди, конечно, разные приходят. Хороших больше. Но вот когда совсем один, особенно зимой, тут тропы переметает, и сидишь, по рации переключиваешься – вот там бывает тоскливо. Скоро, кстати, связь,

так что я потороплюсь. И как раз баня остынет, можно тёток звать.

– Что про Олю расскажешь?

– Часто ко мне приходит. Чудная она, вот что. Но приятно. Приходит, пообщается, приберётся, если туристов нет. Песни под гитару поёт.

– По сути, она меня сюда привела.

– Ну, тут чужие не ходят в межсезонье. Если привела, значит хорошо. Всё, закругляемся. Пора выходить на связь, – Стас стал вытираться и одеваться, – я фонарик тебе оставлю, а то после бани блудить нехорошо.

Леший поспешил тоже одеться. Легко конечно и свежо, но дюже зябко было, потому Леший чуть не вприпрыжку побегал до Приюта.

В доме Лешего ждало тепло и горячий чай. Стас держал в руке рацию и слушал что говорят.

"Киалим, ответь Метео. Метео, ответь центральной усадьбе..." – трещала чёрная коробочка радиостанции.

– У нас все, частники и парковские приюты, связь поддерживают меж собой. Про тебя, кстати, сказали, что ты заходил регистрироваться. Так что вот. По утрам мы тут погодой обмениваемся. Вечером, обычно, говорим кто и сколько у нас ночует. Хорошая штука рация¹²⁴.

¹²⁴ Тут "тайм-парадокс". Большая часть приютов до 2013 года были частными, а Метеостанция "Таганай-Гора" была именно метеостанцией, а не приютом.

Оля, на радость Бабе Вале, расчехлила гитару Стаса и начала играть песни. Леший слушал молча, не решаясь поначалу взять инструмент.

"Это сердце стучит, как стучало тогда
Когда мы убегали вдвоём,
А быть может, в соседнем вагоне сейчас
Ты любишься этим дождём...¹²⁵", – пела Оля песню своего земляка Митяева про Таганай.

– А ведь много лет назад, тринадцатилетним пацаном, я именно из этой песни узнал о существовании Таганая, – сказал Леший, когда Оля доиграла, – у нас в Оленьих Ручьях её играл один товарищ. Он тут тоже бывал.

– Ты ведь тоже играешь на гитаре, Лёша? – спросил Стас.
– Ну да, если можно, – Леший взял гитару, – эх, что бы, что бы спеть?

"Сквозь какой-то там тыщу лохматый год,
Протоптав тропинку в судьбе,
Полосатый, как тигр, корабельный кот,
Научился сниться тебе,
И ползли по норам ночные крысы твоих невзгод,

Связь была, но экстренная, как раз через Метео.

¹²⁵ Олег Митяев – Таганай.

Если в лунный луч выходил корабельный кот... ¹²⁶"

Песня понравилась. Леший продолжил играть Олега Медведева. Оказалось, Оля знала некоторые его песни и даже подпевала. Леший спокойно наслаждался атмосферой вечерних посиделок. Голова была пустая, как колокол: хотя ради этого состояния, возможно, всё и затевалось.

"Интересная барышня, хотя совсем не в моём вкусе, – думал Леший, – надо и её пообщать будет. Наверное, завтра"

– Оля, а ты завтра куда собираешься?

– На Круглицу, если получится. У меня там есть задумка одна.

– Странная ты! То одна боишься ходить, то на Круглицу собираешься, да ещё и с "задумкой".

– Ну, я думаю тебя прихватить.

– О как!

Попели ещё песен. Послушали истории Бабы Вали и Ста-са, да и легли спать. Благо, места было достаточно для четверых человек.

Лешему снилась Лосик. В кои-то веки. Они стояли на балконе её "четвёртой общаги", Леший курил и смотрел на ночной город с последними троллейбусами.

¹²⁶ Олег Медведев – Корабельный кот.

– Всё-таки в тебе, друг мой, есть какая-то черта, на которую слабый пол западает. Я вот тоже, – Лосик поцеловала Лешего в ухо.

– Ты всё знаешь и видишь, что вокруг меня происходит?

– Не всё. Ощущения понимаю. Тяжело это объяснить. Показали мне барышню, которая к тебе "прилипла". Доверься ей. Она вроде не плохой человек. Тем более, до её чувства красоты даже тебе, друг мой Леший, надо расти и расти.

– А что у неё за "дело" в горах? Вдруг ты знаешь?

– Она за кореньями на Таганай пришла.

– Родиола?

– Родиола и Калган¹²⁷. Могут по-латыни их назвать, да ты и сам знаешь. Калгана она вчера накопала, покуда ты дрых, да на мою "физру" смотрел, – посмеялась Лосик.

– Да ты моя провидица!

– Провидица, но не очень твоя... Отвыкай от чувства собственности к другому человеку, легче жить будет.

– Что же мне с любовью не везёт...

– Ой, не ной. Всё у тебя хорошо с любовью. Вот у Оли плохо. Она, правда, научилась и без этого жить. Думаю, у тебя появится очередной хороший учитель и проводник.

– Иди сюда, Сохатая¹²⁸, – Леший притянул Лосика к себе

¹²⁷ Лапчатка прямостоячая. По легенде, медицинское действие аналогично латинскому названию (Potentilla Erecta).

¹²⁸ Сохатый – синоним слова "Лось". Отчего-то Леший решил, что это комплимент.

и прижал, обняв за талию.

– Странное название, – Лосик улыбнулась и поцеловала Лешего в губы.

А потом всё куда-то исчезло, пропало "осознание сна", и сон потёк, как фильм от первого лица. Красочно и интересно, но не особо информативно. Ну а что, если всё самое важное Лосик Лешему уже сказала, и в лешевской голове оно отложилось...

Утро началось для Лешего с прогноза погоды, передаваемого по рации.

– У нас на Метео тоже облако, – трещала рация, – тундру не видно, однако.

– А на Киалиме пасмурно.

– Ничего, вечером по прогнозу солнышко ожидается.

– Значит подморозит. Надо с бани воду сливать тогда, – вставил своё слово Стас в утренний сеанс связи зрителей

Леший разлепил глаза, посмотрел на догорающий огарок свечи и белый прямоугольник окна, и загрустил, глядя в "молоко".

– "А мы идём на Лориэн"¹²⁹, – продекламовала какую-то неизвестную Лешему песню Оля, – накладывай гречку с тушёнкой и пошли!

– Вот это я понимаю, сервис и забота! С утра, понимаешь, в туалет сходить не успел, а тут уже "вау-гречка!", – скопи-

¹²⁹ Перепевка какой-то бардовской песни ролевиками. Авторство неизвестно.

ровал Леший фразу из бородатого анекдота.

– Я хочу пораньше выйти. Готовлюсь.

Леший выскочил на улицу. На его счастье, утром совсем густого "молока" не было, туман лишь цеплял верхушки деревьев. Туалет в одном углу поляны, зубы почистить и умыться – в другом, возле бани. В тумане стояла тишина, лишь крики ворона доносились откуда-то со стороны вершин.

– Мы же сегодня здесь ночуем?

– Ага, так что можешь из рюкзака лишнее выложить.

– К этому и спрашиваю. Не хочу с собой котелок тащить и кучу всякого шмота.

– Вот как раз котелок, да бутылку под воду можно с собой взять, – сказала Оля, – сегодня вроде дождя не должно быть, по крайней мере до полудня.

– Ты хочешь сказать, что мы успеем на Круглицу до полудня.

– Угу. Ещё можешь с собой тару прихватить, под "дары тундры".

– Это мысль...

...За разговорами и сборами прошло полчаса. Меж тем, туман вообще пропал, облака поднялись выше, да в просветах меж облаками замелькали кусочки голубого неба.

Оля бодро вышагивала впереди, Леший шёл чуть поодаль.

"Классно. При всей своей полноте Оля скачет по камням и взбирается в гору гораздо быстрее меня. Ещё один стимул бросить курить, – думал Леший, – а что это под ногами?"

– А это что, гранаты?

– Да. Здесь горная порода попадаетеся со вкраплениями гранатов... Лёха, не будешь же ты кверху пуждуком до самого Откликного идти, – сказала Оля со смехом, а Леший в это время действительно уже шёл, согнувшись и высматривая под ногами малиновые "окатыши" гранатов.

– Ты, значит, по-орочьи разговариваешь?

– Угук.

– У Откликного тормознётся, надо будет "дым палка тыгыдым".

Дальше поднимались молча. Леший слушал звуки осеннего леса. Здесь, перед Откликным Гребнем, уже начинался "реликтовый ельник". Ёлки тут растут очень медленно и очень низкие, эффектно выглядящие зимой. Но сейчас была осень, и в густую зелень ёлок вкраплялись алые листья рябин и жёлтые – берёз и лип. А под ногами всё также шла мокрая тропа, лишь на подходах к Откликному ставшая посуше. По бокам тропы пышным разноцветьем лежали осенние травы – изумрудно-зелёные злаки типа вейника, оранжево-красные листья "кислицы" – горца альпийского, бледная зелень василистника и володушки и рыже-коричневого цвета хвойный опад. Над всем этим великолепием быстро неслись серо-си-

неватые облака с редкими просветами голубого неба.

Оля шла, время от времени останавливаясь и срывая что-то с веток.

Лешему стало интересно, он догнал Олю и пристал с вопросами.

– А зачем тебе уснея и эверния?

– А ты откуда знаешь названия лишайников?

– Я учился на лесном хозяйстве. Нам довольно хорошо рассказывали там про мхи и лишайники.

– А не рассказывали, для чего их применяют?

– Ну так маленько. Сказали, что вот гипогимния, – Леший показал на сизые "лепестки" на развилках еловых ветвей, – съедобна. Я однажды попробовал, сварил гипогимнию. Гадость редкостная.

Оля засмеялась.

– Смотри! – показала она на свой шерстяной шарф в зелёную и коричневую полосу, – вот эта шерсть крашена вручную. А краска сделана из Уснеи и Эвернии как раз. И зелёная, и коричневая. Есть ещё ксантория, она красит тоже в коричневатый цвет, хотя сама оранжевая.

– Круто. Сама вязала?

– А то ж! Сейчас ещё собираюсь красить. У меня сегодня, на самом деле, поход "за лесным урожаем". А завтра – домой в Миасс.

– Что за "урожай"? И почему сюда?

– Есть мнение у травников, что наилучшим действием об-

ладают травы, выросшие в родных или в любимых местах человека. Вот я и собираю здесь. Что-то, конечно, у себя под Миассом, или ещё где. На Таганае я себе собираю коренья. Мне много не нужно, но на восемь-десять "чаёв" Калгана и пузырёк настойки Родиолы я тут всегда нахожу. Остальное – попутно. Голубика, брусника, шикша, летом черника.

– Тут же парк. Не боишься, что тебя поймают?

– Во-первых, я не промышленно травы собираю, и не у тропы. Во-вторых, знаешь анекдот про "Неуловимого Джо?"

– Нет, я только из песни Медведева помню строчку, про "Неуловимый Джо отбегался по прериям"¹³⁰.

– Чтож, придётся тебя просвещать. Итак, анекдот.

"Дикий Запад. Салун. В салуне сидят ковбои и шериф. Заходит недавно приехавший из Нью-Йорка чиновник, садится за стойку напротив бармена, заказывает виски. В этот момент мимо дверей салуна что-то пролетает со свистом. Потом – ещё раз. Чиновник спрашивает бармена, мол, кто это? Тот отвечает:

– Это неуловимый Джо.

– И почему он неуловимый?

– Потому что его никто не ловит

– А почему его никто не ловит, даже шериф тут сидит спокойно и пьёт?

– Да потому что он нафиг никому не нужен"

Вот и я также.

¹³⁰ Отсылка к "Маршу континентальных электриков" Олега Медведева.

– И ты, получается, травница?

– Можно и так сказать. Я в медколледже вообще-то училась. А сейчас пока без работы торчу. Травы собираю только для себя. А здесь – впитываю красоту.

– А откуда ролевые словечки знаешь?

– У меня брат играет. Он сейчас в Че живёт. Приезжает – иногда с целой ватагой "орков". Вот я и нахваталась.

Под такие разговоры вышли на поляну перед Откликным. Облака уже шли гораздо выше, поэтому вся высь скал была перед взором Лешего и Оли. В прошлые приезды Леший немного пытался забираться по курумнику "в лоб" и по правой стороне гребня. Но каждый раз недалеко. Разворачивался из-за боязни высоты.

Ну а сейчас Леший достал сигарету, помял её в руках и закурил, прикрывая зажигалку от ветра.

– Докуришь – рванём далее. В "долине сказок" приостановимся, – констатировала Оля. Сама достала из кармана куртки цифровую "мыльницу" и кинулась фотографировать капельки смолы на еловой коре.

Рванули далее. Оля шагала впереди, Леший – чуть отставал. Тропинка петляла по ельнику, затем вышла на скалы, где петляла песчаными дорожками мимо естественного "сада камней". Потом – крутой спуск по камням из крупнозернистого гранита, и ребята очутились в той самой "долине сказок" – седловине между Откликным и Круглицей. Здесь

росли низкорослые ёлочки, между которыми много тропинок крупного зернистого песка серого цвета и зелёных пятен ягодников – брусники и, шикши. Леший прямо тут сбросил рюкзак и "залип" на кусте с брусникой.

– Лучше подальше от тропы! И ещё, тут "хозяин" может ходить?

– Какой такой "хозяин"?

– Дядя-Миша. Косолапый.

– Бля, – Леший вздрогнул.

– Если он есть, он нас видит. И вряд ли пойдёт знакомиться. Долина сказок велика, хватит места нам и ему. Знакомиться он точно не пойдёт.

Последующие полчаса Леший ползал на животе над брусничником, собирая ягоды прямо в рот, а Оля – чуть более дисциплинированно – использовала для ягод пустую кофейную банку.

– Пойдём дальше. На обратной дороге добавим, если не в лом будет.

– Почапали.

– "По пустыне раскалённой динозавр шёл огромный..." – процитировала Оля какую-то песню, – А за ним маленький динозямбрик, чап-чап-чап!"¹³¹

"Прыг-скок по камням. Подниматься по курумнику – зна-

¹³¹ Народно-детсколагерная песенка кричалка с приблизительно таким текстом.

чит совершать акробатический трюк раз в полсекунды, в уме просчитывая шаткость каждого валуна, цепкость подошвы и равновесие тела. Если бы я всё это делал разумом – уже свихнулся бы. А так – после первых десяти шагов движение по куруму превращается в своеобразный танец со сбитым ритмом. Перемещение полностью контролируется телом и инстинктами, а не головой, – думал Леший, прыгая с камня на камень, – ну, иногда голова включается, на маркировку тропы посмотреть"

Близ вершины Круглицы, отмеченной символическим крестом и кучей надписей, жёлто-розовые камни Круглицы высветило солнышко, просунувшееся через проплешину в облаке. Крупинки кварца на камне заиграли и заблестели на солнце.

– Ну что, Лёха! – крикнула в ветре Оля, – с вершиной тебя!

– Спасибо, взаимно! Вон наше поле чудес? – Леший махнул рукой на "плато автографов"

– Угу! Самая высокая тундра на Таганае. Выше, чем на "Метео"!

К северу от вершины Круглицы лежало относительно пологое плато, покрытое горной тундрой. По олиным словам советских времён повелась дурная традиция у некоторых туристов выкладывать там из камней имена, названия своих

факультетов, всякие значки. Сейчас с вершины виднелись буквы "ВАЛЯ" и ещё какие-то меньших размеров.

Леший с Олей стали карабкаться вниз. Точнее, не карабкаться, а прыгать, двухметровыми прыжками перелетая над разломами камней, надеясь на цепкость обуви.

На плато приостановились.

– Вот и оно, – сказала Оля, показав на чахнувший мясистый стебелёк, – золотой корень. Мне только это растение будет нужно.

С этими словами она достала из рюкзака лопатку, бутылку с водой и пакетик, а спустя пару минут у неё в руках оказался желтоватого цвета корешок.

– Круто. А мне можно такой же найти? – сказал Леший.

– Тебе оно зачем? Бездумно травы лучше не собирать, тем более такие сильнодействующие, как родиола.

– Как Родиола действует?

– Сильный тонизатор. Его нарезаешь колёсиками, настаиваешь на спирту и пьёшь по пол-ложечки только в тёмное время года.

– Про тёмное время года интересная фраза. Однажды слышал, что в тёмное время года пьют тёмное пиво, а в светлое время – светлое.

– И гипертоникам она вообще противопоказана. Ты, Лёша, с риском гипертонии.

– Это так заметно?

– Ты кури ещё побольше.

– Бля, надо бросать.

– Вот тебе и "бля". Хотя есть мнение, что курение вредит только телу, но душе помогает расслабиться. Иногда заведу курящим. Можно законно помедитировать и сделать перерыв.

Спускались с Круглицы такими же прыжками, как горные козлы. По дороге Леший завёл разговор.

– Мне человек из сна подсказал, что я тут на Тагане встречу одного из учителей.

– Интересно. То ты во сне Женю Лосика зовёшь, то "человек из сна". Готова побыть твоим личным психотерапевтом, – шутила Оля, – по крайней мере, сегодня и завтра.

– Человека из сна зовут Волк. И я склонен ему верить. Он меня свёл с людьми, которым тоже снился.

– Типа "осознанные сновидения"

– Не "типа".

– Люди интересные существа, – сказала Ольга, – Видят осознанные сновидения, не пытаюсь жить осознанно наяву. Мне кажется, это важнее.

– Хочешь сказать, я не осознанный?

– Не могу знать точно. Для меня осознанность – это жить "здесь и сейчас", а не в мечтах, снах и воспоминаниях. Я лично материалистка. До некоторых пределов. Пределы моего материализма я обычно раз в год познаю. Уже третий год подряд.

– Ходишь сюда?

– Нет, там другое. Не знаю даже, стоит ли тебе рассказывать. Грибы.

– Псилоцибы?

Оля кивнула.

– Они здесь тоже растут?

– Местами.

– Я никогда не пробовал. Один из моих друзей говорит, что грибы – инструмент для познания реальности.

– В чём-то твой друг прав. Когда становится совсем тоскливо, то помогает. Понимаешь, что мир огромный и всё в нём подчинено красоте и соразмерности. В таком восприятии просто нет места депрессии.

– Говоришь, материалистка. А сама рассуждаешь, как наши "энергуи".

– Ну, я объясняю это медицински. Псилоцибин – он как серотонин, нейромедиатор. Просто из-за схожести на серотонин, он может встраиваться в нервные связи. И связи начинают по-другому работать. С точки зрения исследователя интересно.

До Откликного шли в молчании. Леший "переваривал" информацию про нейромедиаторы.

На поляне же у Откликного присели на привал. Оля достала "газовку", Леший расковырял котелок, вскипятили чай, всё это почти молча, переговариваясь лишь дежурными фразами. Каждый думал своё, будто вынашивал какой-то

вопрос или предложение. Неизвестно о чём думала Оля, но Леший всё же решился попробовать грибы. Он хотел напроситься к Оле в гости, чтоб она показала, как выглядят "те самые" грибы и побыла с ним, пока он их пробует. Но будет ли это вежливо?

– Лёха, – сказала Оля уже, когда домик "Гремучего" стал виден, – а покажешь, как это автостопом ездить? Тебе же в Екатеринбург потом? Довезёшь меня до Миасса стопом?

– Без проблем.

– Если у тебя есть время, оставайся у меня. Завтра, как приедем, попробуешь. У меня запас есть. Это, так сказать, услуга за услугу.

"Блин, Алёшенька опять подписался в какую-то блуду. Хотя отчего бы не попробовать. А если эта Оля будет ко мне клеиться? Как быть?", – думал Леший.

– Баба Валя сегодня утопала ночевать на приют Таганай. Как вы разминулись с ней? – с порога вместо приветствия сказал Стас, – завтра с утра начальник приезжает, так что вы будьте готовы свинтить пораньше. До десяти утра их тут всё равно не будет.

– Мне же с тобой рассчитаться надо, Стас? – спросил Леший.

– Да. Я бы не стал брать за постой, ты мне с дровами хорошо помог, но про тебя сказали по рации, так что извини.

– Чего извиняться. Я сам немного к туризму причастен же. И даже к охране природы, – Леший отсчитал положенную сумму за ночёвку.

Вечер был тихий и живописный. Сначала Леший с Олей сидели и смотрели на подсвеченные вечерним солнцем хребты Малого Таганая, рассуждали про "золотые часы фотографирования". Леший с цифровыми фотоаппаратами знаком мало, но поразвлекался с олиной "мыльницей", выставляя там ручные настройки. Наверное, в этом что-то есть, чтобы сидеть и пить чай в тишине, глядя на закатные горные вершины.

"Здесь Урал не похож на гладкие очертания холмов вокруг Михайловска. Тут он суровый и величавый, – думал Леший, – у нас всё же помягче выглядит природа. Хотя Оля говорит, что климат мягче здесь в Златоусте, чем даже в Миассе. Хотя расстояние тут километров сорок. Видно, хребты создают здесь заметный барьер"

После сеанса связи даже не тренькали на гитаре, просто тихонько побеседовали и улеглись спать.

Лешему снился Волк. Они с волком стояли на лугу. По соседству с ними паслись коровы.

– Оля тысячи раз права про нейромедиаторы. Теперь, друг мой Волосатый, ты для неё побудешь учителем.

– Ну, в свете последних событий, это радует. А то все такие умные вокруг, что сам у всех учусь.

– Когда вы будете есть грибы, расскажи ей про красоту. Про Землю. Про все стечения обстоятельств, что тебя ведут. Оле не хватает веры, в том числе в себя. Она это прячет, замещая своим "учительским" талантом. Вон как она тебя в оборот взяла.

– Надеюсь, она в меня не влюбится?

– Ей незачем. Повторю, она разочаровалась в любви одинажды сильно. Но Оля не злопамятна, переварила всё это и обратила себе на пользу.

– Эх, уметь бы также.

– Тут нет ничего сложного. Знаешь, некоторые гуру и прочие группидеры советуют избавляться от своих негативных переживаний. Я не советую. Избавляться от переживаний, значит вытеснять их, вылизывая свой дом дочиста. Но мусор твоих переживаний где-то лежит несортированный и отравляет окружающих. Ты сам его не видишь, он на помойке за домом твоего сознания. А надо этот мусор обратить в дело. Превратить помойную кучу в ухоженную "компостную яму". Помнишь, у русских раньше считалось очень зазорным выносить сор из избы. Сор тогда уничтожался в печке, выделяя тепло. Я о похожем толкую. Все наши переживания и негативный опыт складывай на задворках дома своего сознания в компостную яму. Только пусть яма будет ухоженная, то, что горит, должно сго-

реть. Говно должно перегнить, железо – поржавеет... На выходе, буквально через несколько лет, на перегное с этой компостной кучи ты сможешь вырастить великолепнейшие цветы и пожинать сочные плоды. Я не слишком высокопарно выражаюсь?

– Нет, Волк, ты выражаешься, как экологический активист.

– Это и есть экология. Экология сознания. Не вытеснять, но и не пестовать посреди дома. Если оставлять всё говно и мусор прямо в доме, то будет вонять похуже, чем помойка. Тут "компостная куча" – это есть золотая середина. Блюсти середину всегда самое сложное.

– А почему это место?

– Грибы сюда привели, им тут хорошо, – сказал Волк, – Смотри. Здесь срут коровы. На коровьем говне живут жучки и особая плесень. Они превращают коровье говно в питательную среду для растений буквально за недели. А усвоить луговым травам эти вещества помогают, – тут Волк наклонился к кочке какого-то злака и выдернул прямо из неё маленький гриб на тонкой ножке, – те самые грибы. По поводу грибов можно рассуждать много, но, думаю, они сами тебе расскажут завтра. Советую с утра поесть немного, и пить только воду, а не чай.

– Да будет исполнено, гуру, – с сарказмом сказал Леший.

– Ну, не придуривайся, Волосатый! Посмотри-ка какое-нибудь кино. Будить тебя сейчас не собираюсь...

Дальше всё смазалось опять. Леший потерял "нить осознания", и сон потёк по сценарию какого-то фильма. Сначала коровы побежали бегом, будто от льва или тигра, потом по полю проехал джип, потом Леший в этом джипе за рулём, и он уже мчит по железной дороге, и не джип вовсе, а локомотив...

Утро порадовало солнечным лучом в окно избушки. Показывали погожий рассвет, с хлопьями тумана на склонах "Монблана"¹³² и солнцем. Леший выскочил на улицу, потянулся, пробежался до бани, где умылся холодной водой.

"Попробуем по завету Волка, сегодня только на воде. Даже без сигарет, для пущих ощущений", – думал Леший, вытирая лицо полотенцем.

Стас рассказал, когда он ещё работает, порекомендовал заходить напрямую, не спрашивая разрешений, да и просто приходить в гости. Олю Стас вообще обнял, как родную.

"Видимо, – думал Леший, – такими и должны быть нормальные человеческие отношения. В следующий раз, если будет дорога в горы, свяжусь со Стасом и спрошу что ему нужно привезти. Так будет по-человечески. Правильно и хорошо"

¹³² Смотровая площадка на одной из вершин Среднего Таганая.

Под гору бежалось, даже с рюкзаками, немного проще. Немного притормозили только, переходя курумники, да набрали вкуснейшей родниковой воды на "Белом Ключе". После него снова начались прыжки по камням и корням деревьев, но здесь причина была другая – тропа за многие годы настолько въелась в склон горы, что под тропой почти не осталось почвы. В дожди тропа превращается в каменистый и порожистый ручей. А сейчас – просто перескакивать с корня на корень, с камня на камень. Здесь, на спуске, встретились большая тургруппа с большими рюкзаками. Со словами "Здравствуйте!" и "Добрый День!" прошагали Леший с Олей и эта группа мимо друг друга. "Вот, поздоровался человек, – думал Леший, – вроде мелочь, а приятно. Почему-то в Оленьих, как народу стало прибывать, так здороваться перестали меж собой". И дальше скакать.

И так вплоть до "Оленьего моста" на Тесьме.

– А знаешь, почему его назвали Оленьим? – спросила Оля, – Его когда-то строили рабочие из "Оленьих Ручьёв". Как и лестницу от Белого Ключа вверх.¹³³

– Круто. Я и не знал.

– Я была свидетелем строительства, так получилось. С братом сюда ездили, когда я ещё в школе училась.

Короткий краеведческий очерк сменился затяжным подъёмом по скользкой широкой тропе. После этого подъёма уже

¹³³ Действительно так. Строительство проводилось в 2001 году.

шёл плавный спуск, и впереди показалась "цивилизация" – прогал в стене леса, через который виднелись гаражи и дома Пушкинского посёлка – окраины Златоуста.

– Сейчас как? – спросила Оля Лешего.

– На маршрутку на Уржумку¹³⁴. Оттуда – стопом.

– Охохо, ехать через весь город!

– Ну а что поделать.

Леший распахнул дверку "Газели" с номером "39" и вместе с Олей сел на заднее сиденье, к окнам. "Ехать "от конечной до конечной", любуясь погожим утром в Златоусте – это хорошо", – подумал Леший, затыкая уши наушниками.

Маршрутка постепенно наполнялась людьми, ползла мимо обрывистых скал Косотура¹³⁵, через заводскую плотину и взбиралась на гору, с которой открывался вид на пруд, окаймлённый горами-отрогами Таганая и Александровской Сопкой. Потом снова – дома, дома. Затем долгий прогон через лесополосу, на перегонки с летящим рядом угловатым трамваем-КТМом, и снова дома. Уже поновее, панельные, с супермаркетами.

Долго ли, коротко ли, а дорога привела Лешего и Олю на разворотное кольцо у станции "Уржумка". По словам Оли, между станцией "Уржумка" и станцией "Хребет" находится самое высоко расположенное место исторического Трансси-

¹³⁴ Восточная окраина Златоуста, рядом с одноимённой станцией.

¹³⁵ Гора в центре Златоуста.

ба, оно же – водораздел Ая и Миасса, Европы и Азии. С до-революционных времён рядом с путями стоит стела, отмечающая оную символическую границу, и хорошо видна из окна поезда.

Нынче же они топали, громяхая эхом шагов, по пешеходному тоннелю, проложенному под путями станции. Вышли почти на станционную платформу, пошагали вдоль малоезжей улицы до самой дороги.

– Оля, ты в горах летишь быстро-быстро, а здесь отстаёшь. Почему?

– Одно дело – в горах. Другое – в цивилизации. Тут немного по-другому расстояния измеряются. И ощущения от расстояний немного другие.

– Ну да ладно, – сказал Леший, высунувшись на узкую обочину трассы, – "Отсель грозить мы будем шведу".

Леший встал, бросил рублёвую монетку в придорожную пыль. Монетка отскочила и покатилась по асфальту. Машины ехали довольно плотным потоком, поэтому Леший не держал руку поднятой, а "фильтровал" поток.

– Если идёт такой плотняк, надо голосовать так, чтоб видела последняя машина в колонне. Потому что только она сможет безопасно остановиться на таком участке дороги, – вещал Леший, – здесь нас видно хорошо, но мешает узость обочины и эти чудесные кусты справа.

– Ну, ещё может на Александровскую Сопку народ засматривается, – предположила Оля.

– Местные вряд ли. Они этот Таганай и эту Сопку из окна каждый день видят, что им смотреть. Приезжие – да.

Тут рука Лешего, казалось, живущая своей жизнью, соответственно ритму дороги, вдруг поднялась. И рядом с ребятами затормозила праворукая "иномарка".

– Добрый день, по трассе....

– Прыгайте быстрее, потом поговорим! – поторопил их водитель – мужичок лет сорока, одетый в камуфляж. Сказано – сделано, и Оля с Лешим запрыгнули в машину. Оба – на заднее сиденье. Спереди у мужика на "Штурманском месте" сидела, высунув язык, собака.

– Я в Миасс еду, на Машград. А вы стопом?

– Да, тоже в Миасс. Хотя я со Свердловской области сам, – отвечивал Леший.

– Я отсюда частенько туристов забираю. У меня работа в Миассе. А это Макар, – водитель махнул рукой на собаку. Если бы Макар не был собакой, Леший бы поклялся, что он улыбнулся, когда назвали по имени. Хотя, говорят, у собак вполне человеческие эмоции встречаются, – мы на работу мчим.

– В заповедник? – предположил Леший.

– Нет. В маленький свечной заводик в Миассе, – водитель отшутился, а Леший понял, что речь идёт об одном заводе "среднего машиностроения".

– Понятно.

– А вы, небось, с Таганая?

– Да, так точно.

– Там хорошо. Мы когда-то общественное движение устраивали, чтоб рубки прекратить и парк образовать. Ходили по заводу собирали подписи. Народ действительно обрадовался. А потом девяностые, зарплату задерживают, заводы закрывают. Народу не до парка уже стало, лишь бы выжить. Мне вот подфартило. Предложили поработать тут, на охране. Мне на хлеб хватает, да Макару на корм.

За такими разговорами машина быстро несла Лешего и Олю по уральским горам и перевалам, со спецэффектами в виде слепых обгонов, закладывания ушей на спусках и проносащихся мимо встречных машин. Сосредоточенно и спокойно вёл водитель свой праворукий аппарат, а Макар сидел, радостно глядя вперёд. Вот показались домики Тургояка, вот впереди Машград и мост через Миасс.

– Здесь я направо ухожу. Вас тут и высадить?

– Ага, нормально.

– Спасибо за компанию, ребята.

– Удачи вам! Спасибо большое! – сказала Оля.

Ребята покинули машину, и "японка" рванула "с места в карьер", подняв облачко пыли.

– Ну как тебе?

– Интересно. Только мне кажется, что приходится много говорить.

– Это ещё не много. Бывает, приходится прямо болтать.

А хуже того – отвечать на всякие глупые вопросы.

И они пошагали вдоль дороги.

– Сейчас к тебе?

– Нет, сначала покажу тебе ещё одно красивое место.

Здесь рядышком, – Оля повлекла за собой Лешего.

Около заправки свернули на пыльный просёлок, ведущий по окраине сосново-берёзового леса. Через некоторое время, когда шум дороги перестал быть слышен среди красивого осеннего леса, Оля повлекла Лешего по тропинке. Здесь уже был чистый молодой сосняк. Через какое-то время они очутились на краю обрыва.

– Самое подходящее место для какой-нибудь романтической сцены, – сказал Леший.

– Я здесь чабрец собираю обычно, а там внизу – таволгу.

– Не шибко близко к городу?

– Нормально. По розе ветров нормально. Да и просто люблю это место. Посидим?

Леший достал "ритуальную" трубку, забил туда вишнёвый табак и закурил. Дело очень неторопливое, но, насколько он понимал, торопиться особо не надо было. "Волк ничего не говорил про курение трубки, может и зря закурил? – думал Леший, но курить продолжал, – Вид тут хороший"

– Там внизу есть родник. Я иногда из него воду беру для настоев и отваров. В это раз, думаю, тоже надо взять из него. Пойдём?

– Веди меня, куда хочешь. Тут ты хозяйка, я тут гость.

Они спустились вниз, по круто сбегаящей тропке. В низинке, под тенью сосен, действительно прятался родник, убранный в деревянный "колодец".

– Говорят, что здесь есть радон в воде. Не боишься?

– У нас пол-Екатеринбурга на гранитах стоит, там везде радон, – бравировал Леший. Сам он слабо себе представлял действие радона. Но верил, что в малых дозах он полезен.

Леший набрал полную бутылку воды, потом умылся сам и попил студёной, ломящей зубы, воды, грея её во рту.

Пока шли обратно, Леший порасспрашивал Олю про всякое. Про жизнь в Миассе, про "знаменитых Миасских гопников", про концерты. Все Лешевские познания о Миассе составляли, в основном, рассказы Лёхи из общаги. И про "две рок-тусовки", и про гопников, и про разогнанные сейшены – всё это было миром музыкантов и околomuзыкантов. Здесь же совсем другой взгляд на Миасс – через призму красоты. Оля рассказала про самые лучшие точки для фотографирования. Про обходы кордонов, про дыры в заборах у озёр, сами заповедные озёра, с лежащими на берегах рулонами колючей проволоки. Про рассветы и закаты на скалах, про камни в Ильменском заповеднике. Леший слушал и впитывал всё это, как губка.

"Приятно встретить человека, который любит свой край. Любит его, пожалуй, так же как я люблю Оленьи Ручьи и окрестности Михайловска. Может, предложить ей туда съез-

дить?", – думал Леший.

– Слушаю тебя, и думаю. Может, свозить тебя к нам?

– В другой раз свозишь. Я пока хочу побыть в уединении. С тобой-то случайно заобщалась о своей жизни. Ты доверие вызываешь. Но за приглашение спасибо.

Леший в ответ рассказал Оле и про трейнхоп, и про авто-стоп, и про все свои влюблённости. И про встречу с шаманами, и про Волка.

– Видимо, я действительно столкнулась с чем-то большим, чем перестроение связи нейронов, – сказала Оля, – ты ещё не передумал есть грибы?

Леший помотал головой.

Спустя час, они дошагали до панельной девятиэтажки. Типичный подъезд, как в любом относительно крупном городе России. Домофон, подпаленные кнопки в лифте, надписи про "Рэп это кал" и "Хуй".

"Это, наверное, вечно и непроходяще. Молодёжь всегда будет тусоваться в подъездах, потому что тепло и светло, и никто не гонит. Это плохо, на самом деле", – думал Леший, проходя мимо грядки молодёжи, помладше самого Лешего, которые курили на площадке между этажами.

Оля открыла железную дверь, и впустила Лешего в квартиру.

"Вот уж не скажешь, что этот человек – медик по обра-

зованию! – удивлялся Леший, глядя по сторонам, – картины, фотографии, книги, сушащиеся травы на нитках, поделки всякие!"

Под ноги бросилась рыжая кошка с требованием "накорми меня и погладь".

– Триша, кыш! Это Триша, она добрая, только немного своенравная¹³⁶.

Леший протянул руку, и пушистая рыжая скотина ткнулась Лешему в ладонь, потёршись клыком, усами и щекой. Обряд знакомства, стало быть, пройден.

Интерлюдия. О грибах.

– А сейчас рассказываю, как я всё это делаю. Для начала вырубаю всё. Сотовые, домофон, все звуки. Потом ставлю чайник. Завариваю крепкий чёрный чай. Это обязательно, чтоб "сняться" в экстренном случае¹³⁷. В голове постоянно держу, что если что-то пойдёт не так, то можно пойти на кухню и попить чай. Правда в прошлом году получилось, что чай я шла пить целую вечность, но зато когда дошла, сразу так хорошо стало! Ой, всё! Дальше. Обязательно перед приёмом ничего не кушать и сходить в туалет. Очистить организм, в том числе и голову. Лучше всего принять душ, – Лешего передёрнуло от представленной картинке принятия

¹³⁶ Вполне возможно, что Оля назвала свою кошку в честь девушки из "Кофейной гущи" из рассказов Макса Фрая, которая раньше была пёстрой кошкой. Но это не точно. Оставим это, как совпадение.

¹³⁷ Это, кстати, верное наблюдение. Чёрный чай – самый простой "антидот" в случае многих пищевых отравлений. Только чай должен быть без сахара.

совместного душа с Олей, – по отдельности, естественно. Грибы с сексом не сочетаются вообще. Я увидела, как ты отреагировал. Будь спокоен, как стадо Бэтээров¹³⁸, у меня иммунитет на прекрасных выюношей со смазливym лицом.

– Я рад, – огрызнулся Леший.

– Проехали. Давай дальше. Если хочешь, я за тобой буду записывать. У меня в этом году уже второй сеанс будет, так что я поменьше съем. Чтоб за тобой последить.

Оля поставила кипятиться воду, принесённую Лешим из родника, и приготовила два чайника.

– В одном будет чай. В другом чайнике – настой на грибах. Настоем будешь запивать.

– Что так сложно? Я слышал, что их просто едят.

– Тут такое дело, где ритуал важнее всего. Лучше зажечь благовоние и включить ненавязчивую музыку. У меня как раз есть диск инструменталок кельтской музыки¹³⁹, я обычно его включаю. Сейчас выдыхай, можешь на балкон выйти покурить, курево не влияет на эффект. Хотя после грибов тебе и курить и пить перестанет нравиться. Сейчас тебе надо успокоиться и настроить голову.

Леший решил про себя, что на всё воля Джа, и если уж он свёл Лешего с Олей, то пусть будет, как будет. Эта мысль

¹³⁸ Такая поговорочка из ролевой и неформальной среды той эпохи. Был ещё вариант: "Спокоен, как удав в стекловате".

¹³⁹ Конкретно у Оли играл Грег Джой (Greg Joy).

была правильной, как свидетельство тому, оказался внезапный крик "Да-а-а-а!" откуда-то издали.

"Спасибо за знак!", – подумал Леший и запустил потухший бычок прицельно в урну у подъезда. И даже попал, чему несказанно поразился. Попасты в урну с балкона третьего этажа всё же не так просто. За окнами показывали закат, солнышко падало куда-то за Тургойк и лесистые горы, видневшиеся из окна. Оттуда, из-за этих гор, сегодня утром Леший с Олей приехали автостопом.

Леший развернулся, зашёл обратно в комнату, затворив за собой пластиковую дверь балкона. Он достал из рюкзака полотенце и направился в душ.

"А вода здесь пахнет так же, как и в Екатеринбурге. А я-то думал, что хуже, чем в Ёбурге, воды нет, – думал Леший, омываемый тёплыми струями душа, – может, поэтому она заваривает чай на родниковой воде? Как обычно, вопросов больше, чем ответов".

По выходу Лешего из душа, Оля задвинула шторы на окнах, включила кельтскую музыку и зажгла благовония.

– Твой грибковый чай готов. Сначала вот это скушай, – она выловила с помощью сита из тёплой водички горсть грибов и протянула сито Лешему, – готов?

– Как парашютист перед первым прыжком.

– В конце концов, помни про чай, который можно пойти пить. Из любых галлюцинаций есть выход – чёрный чай в чайничке.

– Оптимистично, – сказал Леший, взял комочек грибов в рот и стал жевать, – по вкусу, как обычные грибы. Ничего примечательного.

– Не забывай запивать.

– Что должно произойти дальше?

– Дальше сам увидишь. Пока подумай, что ты хочешь откопать в себе? Какие глубины подсознания и двери восприятия хочешь открыть?

Леший сидел, слушая звуки гитары, арфы и флейты. Играло "Приветствие Кароллана"¹⁴⁰.

– Я с этой мелодии обычно начинаю свой сет в переходе, когда играю на флейте.

– А заканчиваешь чем?

– "Сонным рыцарем"¹⁴¹.

– Это интересно. Ничего не чувствуешь?

– Непонятно. Мутит немного, может.

Лешего действительно мутило. То самое ощущение, которое бывает, когда выпьешь много алкогольных напитков в разных смесях и пропорциях, и хочется принять горизонтальное положение. У людей пьющих есть такой термин –

¹⁴⁰ Greg Joy – Carollan's welcome.

¹⁴¹ Рустем Якупов – Сонный рыцарь. Как ни странно, песня более известна в перепевке Мельницы ("В тумане странный образ...").

"вертолёты". Когда восприятие начинает "съезжать", и субъект ловит его взглядом. Так вот и Леший сказал.

– Это на "вертолёты" похоже.

– Ну, главное не блуй сейчас. Организм твой молодец, не пускает всяку бяку без спросу. А конкретно счас и происходит тот самый "спрос". Поэтому так. Тут надо подождать.

– Это да. И долго ждать?

– Ты почувствуешь.

"Вертолёты" у Лешего действительно скоро прошли, но предсказываемых изменений восприятия пока не последовало. Через некоторое время у Лешего защекотало в горле. Так бывает в детстве, когда поливаешь подмышки из душа, становится щекотно под корнем языка. Вот и Леший испытал что-то подобное, и невольно захотелось посмеяться.

– Ахахаха! – вырвалось у Лешего.

– О, "смешинка" началась, – улыбнулась Оля.

– Ахахаха, смешинка! – у Лешего уже была почти истерика.

– Это псилоцибин заменяет серотонин в синапсах.

– В синапсах, бляяя-а-ха-ха-ха-ха! – Леший уже "уссывался", катаясь по полу. Самому ему в этот момент было странно и страшно. Он себя не контролировал. Смех продолжался, а Леший не мог его остановить. Слезы брызгали из глаз от смеха, но он продолжал кататься по дивану и бить кулаком в доски дивана...

Это произошло резко, и было сравнимо с прыжком в хо-

лодную воду без предварительной подготовки. Леший уловил, что его восприятие изменилось, очень быстро, и непредсказуемо. Он смотрел на волосы на своей руке. А каждый волосок светился изнутри. Все они были закручены по огромной суперспирали вокруг руки, а под золотистыми волосками сияла каждой клеточкой загорелая кожа рук. Это не гипербола, Леший действительно видел детали вплоть до клеток, даже мельчайшие чешуйки на волосах рук – и те светились золотистым светом. Вообще восприятие цветов съехало в два – густо-красный и хвойно-зелёный¹⁴². Музыка стала не особо важным фоном, но била каждым ударом по струнам, отдаваясь переливами в узорах восприятия.

– Ой, какие у меня охуительные волосы... – проговорил Леший не своим голосом.

– Началось? Вижу что да – услышал Леший голос Ольги. Очень отчётливый, будто усиленный небольшим "дил-эем"¹⁴³.

– Крутота! Может, напрягусь и увижу ауру, – вслух сказал Леший, – ай, почему эзотерики это не так представляют?

"Аура" была похожа скорее на ореолы, остающиеся на HDR-фотографиях¹⁴⁴, хотя тогда Леший и слова-то такого не

¹⁴² На самом деле преобладающие цвета просто становятся красочней и гуще. Леший сидел в квартире, смотря на зелёную скатерть стола и тёмно-красные шторы – и вот результат.

¹⁴³ Delay – звуковой эффект, эхо.

¹⁴⁴ High Digital Range – эффект, получаемый от соединения с помощью компьютера трёх и более фотографий с разной выдержкой. Технические подробности

знал. С промелькивающими искрами разных цветов. Он явно увидел "дым", исходящий из пальцев, огненное продолжение ушей и хвоста невозмутимо спящей кошки Триши, спиральные водовороты в глазах Ольги.

– А ты прикольная, – всё, что на тот момент мог сказать Леший, – у тебя в глазах крутятся вихри.

– Попробуй пройдишь.

Леший послушно встал и прошёлся, глядя в восторге на цветной плотный шлейф, остающийся за ним в пространстве. Шагая мимо зеркала, он невольно взглянул на себя – и увидел там зверя. Точнее, человека, сквозь которого проглядывал облик зверя – дикого кота, льва, или, может, рыси.

– А я оказывается что-то из семейства кошачьих. Классно!

Рука Лешего в этот момент перед его взором превратилась в львиную лапу с золотистыми волосами и втянутыми когтями. Леший, точнее его внутренний кот, поигрался с выпусканьем этих когтей, радостно заурчав при этом утробным голосом.

– А что? Не так уж я и страшен.

– А я как?

– А ты хорошая. Только ведьма.

– Вот так меня ещё никто не называл.

– Я назову. Мне можно. Ты не знаешь, но в тебе есть огромный потенциал. Его просто надо раскрыть, – Леший тронул Олю между глаз, – вот тут, – он опять отвлёкся и про-

сти упущу, но получается "вырвиглазно" и иногда красиво.

говорил медленнее, – какие же у меня охуительные волосы...

– Я сейчас тоже приму. Ты, Лёша, со своим состоянием уже разобрался. Сейчас мой черёд.

Оля прошагала к чайнику, скушала все оставшиеся грибы и запила тёпленьким взваром.

– Теперь ты ситтер и сказочник, Леший.

– Круто! Правда я буду отвлекаться на свои... Какие же всё-таки они охуенные, мои волосы! – Леший опять "залип" вниманием на своей руке.

– Отвлекайся. Можешь взять что-нибудь полистать, если сможешь читать.

– У меня в рюкзаке есть книга, Генри Торо. Уо-хо-хо-хо-хо... – Лешего опять накрыло смехом, но уже более "приземлённым", – У-Уолден или жизнь в лесу. Или в лису В лесу несу лису и не ссу, – начал "гнать" Леший, но плавным движением рванул к рюкзаку. Именно "рванул", потому что густой наполненный благовониями воздух стал тягучий, как мёд. В рюкзаке он нашёл мягкую книжку в зелёной обложке, открыл её на случайной странице и стал читать:

"Я встречаю утренние поезда с тем же чувством, что и восход солнца, – они появляются почти так же точно"¹⁴⁵

– Дудух-тудух, дудух-тудух...

С последней строчки Леший так и представил несущийся

¹⁴⁵ Опять из Генри Торо – "Уолден или Жизнь в лесу".

поезд, и загрохотал губами, в такт стуку колёс поезда. Развлекаясь таким образом, он глянул на Ольгу – в её глазах уже были чёрные омуты вместо зелёных водоворотов.

"Говори, говори, юноша бледный со взором горящим!", – подумала она. Леший прямо услышал звук её голоса у себя в голове.

– Говорю-говорю-горем-не-горю-не-голем-голень-голова, – пропел Леший что-то, лезущее изнутри.

– Ты мои мысли подслушал? – взвизгнула Оля.

– Ты громко думаешь, думай тише! Ох, какие же волосы у меня на руках!

...Леший и Ольга подошли к окну, распахнув шторы. За окном показывали силуэт гор и огоньки Тургояка. Над этими огоньками Леший видел вихри аур всех деревьев, видел нити всех грибниц, опоясывающих все травы и деревья, видел красоту всего, что не затронул человек. Области человеческого застройки нож лешевского восприятия вырезал из рассказа, как опытный грибник вырезает ножом червивые куски подберёзовика, и не говорил о них Ольге. Обращал внимания на всё красивое, обходя стороной всякие депрессивные темы:

– Даже если на земле лежит помойка, всё равно в другом измерении пространства и времени мир станет прекрасным. Быть прекрасным и красивым – изначально свойство этого мира, и всего, из чего мир состоит! – Леший был красноре-

чив, будто на экскурсии в "Оленьих". Но тут Лешего откровенно "несло", он это чувствовал, но поток сознания лился и лился, Леший говорил не свойственным ему низким утробным голосом, похожим на мурчание кота. Леший рассказывал всё, что ощущал сам, и прекрасно понимал всё, что рассказывал.

Про то, что грибы – это лесной "интернет", что деревья и травы разговаривают между собой в другом ходе времени, что самое приятное время для разговоров деревьев – зима. Что потенциал луговых однолетних трав лежит в семенах и грибнице. Что мириады бактерий на самом деле не злые, они просто "машинки". Что в системе "цветок-насекомое" человек – лишнее звено. Что насекомое создано для цветка, а цветок – для насекомого. Леший рассказывал и понимал сам, чем человек должен быть благодарен лесу: питаюсь лесными ягодами, человек должен жить как медведь, и срать в новых местах, разнося семена ягод в новые уголья. В природе человек идёт "в ногу" с плодовыми деревьями и ягодами. Что грибы формируют человека косвенно – через лес. Что в конечном итоге лес – единый организм, не разделяющийся на животных, букашек, травы, деревья и грибы с бактериями – всё это просто живёт вместе. Даже огонь, жгущий лес, даже паразиты, грызущие его – всё поддерживает динамическое равновесие системы. Паразиты и огонь помогают расчистить пространство от слабых и старых деревьев, либо для деревьев новых, либо чтоб образовать опушечную линию и

дать дорогу луговым травам. Что деревья могут проявлять альтруизм, отдавая свои сахара другим деревьям, погибая и освобождая место для новых. А могут быть патриархами в лесу, вокруг которых строится вся система...

Леший говорил, говорил и говорил. Ольга стояла молча, глядя на колыхание вечернего законного пейзажа и впитывая красоту вперемешку со словами Лешего. По щекам текли слёзы, но на губах была полуулыбка.

– Я знала. Я всегда это знала, – повторяла Оля шёпотом.

Леший же заметил в один момент, что картинки и законные пейзажи перестают раскрываться гиперссылками и эманировать¹⁴⁶ узорами и стоял рядом, держа Олю за плечо.

– У меня, видимо, всё.

– Спасибо тебе, Леший! Это всё правда! – Ольга зарыдала, обняв Лешего.

Он стоял, не в силах ни о чём думать, гладил Олю по голове, успокаивая, казалось, целую вечность. Потом Оля отстранилась, вытерла руками слёзы и улыбнулась, глядя на Лешего.

– У меня, видимо, тоже всё. Пойдём чай пить.

Оля поставила греться чайник, достала пакет с пряниками и начала делиться впечатлениями.

– Ты знаешь, обычно я просто стояла и залипала за предметы, за их узоры. Потом перерисовывала их по памяти. А

¹⁴⁶ Эманация – излучение, истечение.

сегодня, благодаря твоим словам, передо мной развернулись целые слои мироздания. Короче, ты меня понял.

– Самое интересное, что грибы мне показали – себя уверенным и спокойным, – Леший искренне выкладывал всё, что на душе лежит, – что я на самом деле не только неформал-автостопщик или экскурсовод-музыкант. Что я, да и всё вокруг – часть одного вселенского гармоничного рисунка, одной гаммы звуков, рождающей аккорд, а не какофонию.

– Да. Офигеть.

– И не говори.

Короткие фразы, за которыми было видно, что взаимопонимание достигнуто.

– Дрыхни в комнате брата сегодня, это за стеклянной дверкой. Он, когда приезжает, там живёт.

– Идёт. Наверное, завтра я прямо от тебя в Ёбург стартану. Плодотворная была неделька...

– Спокойной ночи, товарищ, – Ольга подошла и крепко обняла опешившего Лешего, – спасибо тебе ещё раз за совместную прогулку.

Леший прошёл в указанную комнату. Кровать, на стене плакат с Blind Guardian и текстолитовый клинок в вышитом чехле, стол-верстак с инструментами и небрежно заваленный вещами угол.

Он бухнулся на кровать и заснул.

– Леший привёл нового человека в нашу рабочую группу? –

перед ним стояли Волк и Ольга. Вокруг – сосняк с гранитной скалой. Место очень похожее на верховья Исети, но не оно. Ощущения какие-то другие.

– Что это за место?

– Чашковка¹⁴⁷, скалы рядом с Миассом. Это одно из моих любимых мест, – сказала Ольга.

– Ты знаешь, что спишь? – проговорил Леший

– А? Разве вы не пришли сюда со мной? – проговорила Ольга и исчезла. В буквальном смысле слова, растворилась в окружающем пейзаже.

– Тяжело удержать её, неопытную в таких делах. Хотя тебя удержать во сне было ещё тяжелей. Тем паче, это её собственный сон. Проснись, успокой девушку, – сказал Волк, резанув руками.

Леший проснулся. Он лежал на кровати и пытался прислушаться к звукам, доносящимся из-за двери комнаты. А там Ольга прошлёпала босыми ногами по линолеумному полу и со скрипом прикрыла за собой дверь в ванную. Леший выждал какое-то время и вышел на кухню, типа пивнуть воды.

– О, ты и во сне, и наяву, – улыбнулась Оля, – ты мне снился сейчас.

– Я знаю. Если заснёшь в следующий раз, не теряй осознание. Ты Волка видела?

¹⁴⁷ Небольшой, но живописный горный хребет, к югу от Миасса.

– Этого симпатичного высокого парня? Это и есть твой Волк?

– Да, и я знаю его только по снам.

– Ты прямо заинтриговал. Я-то думала, что это всё грибы. Я оказалась на Чашковке, и там было хорошо-хорошо. Бродила среди сосен и скал, босиком по сосновым иголкам. Встретила там прекрасного юношу, он взял меня под руку и повёл, как оказалось, к тебе. А ты сказал, что я сплю.

– Да, всё так и было.

– Я же сейчас не усну...

– Уснёшь, – отрезал Леший. Только я покурить выйду и присоединюсь.

– Значит, осознанные и коллективные сновидения – это правда?

Леший промолчал, затворив за собой балконную дверь.

"Значит, не только я. Значит, ещё и Ольга. Жизнь, ты такая интересная становишься временами", – думал Леший, глядя на ночной Миасс и слушая шум пролетающих машин. Стоял долго, выкурив две сигареты подряд, затем поднялся и вышел с балкона.

– Привет ещё раз, Оля. Прости, что так оборвал твой сон. Это Волк – опешивший Леший представил Волка Оле. Хотя они уже стояли рядом, под руки.

– Мы уже познакомились, пока ты засыпал, – проговори-

ла Оля.

– Пошли гулять по Чашиковке, метафизической Чашиковке души твоей, – сказал весело Волк.

"А во сне Оля выглядит не так, как в жизни. Что-то в ней меняется", – подумал Леший.

– Видимо мы выгядим так, как нам хотелось бы. Ты ведь тоже длиноволосяй здесь, Леший, – Оля, казалось, подслушала мысли.

– А ведь и правда.

Волк развёл костёр из сосновых веточек в каменной чаше, на вершине одной из скал. С неё открывался вид на дальние хребты и немного на город.

– Леший тебе всё рассказал, и даже больше. Наверное, он сам ещё не понял половины вопросов, ответы на которые он уже дал для себя, – Волк говорил о Лешем так, будто его не было рядом.

– А мы с тобой сможем видеться здесь, во сне? – спросила Оля Волка.

– Да, я буду тебя учить. И ты меня. Потом увидишья с ребятами остальными. Но с ребятами лучше собраться наяву. По понятным причинам, без меня.

– Понятные причины для тебя, а не для меня. Объясни! – настаивала Оля.

– Я живу слишком далеко, чтоб явиться к вам иначе, чем во сне.

Леший произнёс название, названное Волком когда-то и

сказал:

– Я смотрел по карте, такого места нет на Урале.

– Когда-нибудь вы получите весть обо мне, обещаю. А пока только во снах.

Они смотрели на дальние горы и зелёное море леса. Оно начало переливаться и истекать узорами, как под грибами. Лешему казалось, что сейчас опять вся земля радовалась их присутствию здесь. Что-то звучало, как тибетская поющая чаша, то тише, то громче. Постепенно Леший переставал сидеть у костерка на вершине скалы – он становился Чашиковкой, этой горой, этим серым небом, этим разноцветным лесом с пышными всполохами узоров, этим звуком...

Леший проснулся от кошачьего мурчания: кошка Триша пробралась к нему в комнату и тёрлась о лешевский нос.

– Да, привет, привет! Я тоже тебе рад. Я проснулся, перестань!

Леший отстранил Тришу, потянулся и встал. За окном накрапывал дождик.

"А ведь сейчас стопом ехать... В воскресенье уже работа в "Оленьих". Пора мне, пора, – грустно подумал он, – почему Олю не слышно?"

Леший открыл дверь и вышел на кухню. Там, с кружкой чая, сидела Оля и плакала. Лицо её было каменное, но по щекам катились слёзы.

– Привет, Леший. Прости за мою слабость духа, – Оля вытерла слёзы платком, – всё так странно складывается в жизни, с тех пор как тебя встретила. Я чай заварила, наливай.

– Так о чём плачешь, девица хорошая?

– Всё хорошее когда-нибудь кончается. Ты уезжаешь, я просыпаюсь тут. Надо снова искать работу. Волк мне, конечно, намекнул чем заняться, но подробности я пока разгласить не могу. Просто всем нам надо жить осознанно не только во снах, но и в реальности.

Леший грустно смотрел на Олю, на недоумевающую Тришу, на кружку травяного чая.

– Всё к лучшему, – это были все слова, которые Леший смог найти. Оля улыбнулась.

– Да. В конце концов, я смогу уснуть, и мне приснится Волк...

– Уж не думаешь ли ты о суициде? – Леший нахмурился.

– Я так грустно отзываюсь о реальности сейчас? Нет, тебе кажется.

Леший почистил зубы, умылся и собрал рюкзак.

– Ну я пошёл. Думаю, о встрече мы сможем договориться и в реальности, и во сне.

– Да. Топай, человек дороги.

Уже на пороге Оля подбежала к Лешему, сунув ему в руку что-то. Он развернул ладонь – там лежал цвета кровавой капли камень гранат. Необработанный, с красивыми гранями.

– Это привет с Таганая. Можешь подарить кому-нибудь.

Пусть кусочек Таганая попутешествует.

– Спасибо.

– Спасибо, что ты появился здесь.

Леший закрыл дверь, сунул в рот сигарету и стал мрачно спускаться по лестнице.

"Опять в путь. Может, мне стоит обрести дом? Или ещё попутешествую? Сколько ещё дорог у меня впереди? Сколько ещё?", – думал он, засовывая в уши плеер.

Он вышел на мокрый песок обочины, кинул монетку, поднял руку...

Первая же машина – навороченный джип с молчаливым дядькой за рулём – оказалась до Екатеринбурга. Дядька очень бандитского вида, но вместо музыки в магнитоле женский голос тихо читал стихи о природе под лёгкую ненавязчивую мелодию. Лешему это нравилось, и он ехал, глядя на полосы дождя на лобовом стекле и осенние горы. Быстрая машина мчала его в Екатеринбург.

Глава 7. Октябрь

За окном пропархивали первые октябрьские снежинки. Леший сидел дома у родителей, глядел на фотографии Лосика, которые она выложила себе на страничку "Вконтакте".

"Вот оно, веяние времени. Теперь можно кидать друг дру-

гу песни прямо здесь, через "Вконтакт". Правда, все будут видеть, как ты делишься песней. Странная эта штука, соцсети, но думаю я разберусь, – думал Леший, ковыряясь в настройках "Вконтакта" и параллельно печатая в привычной "аське" сообщения Лосику.

Сейчас они делились своими стихотворными творениями.

Лосик писала странные стихи про любовь, которая в её понимании была связана с болью и боем, в котором нужно обязательно одержать победу. Ну и конечно рифма "любовь-кровь" была на месте. Потом был стих про пары, которые прощались на улицах и писали друг другу номера на ладонях с обещанием позвонить, но что-то пошло не так, и номера телефонные стёрлись с их ладоней. Леший же отправил своё стихотворение про Шаманов. Почти песню. Собственно, заготовкой к песне оно и было. А в ответ от Лосика пришло: "Надеюсь, когда-нибудь это станет песней. Я буду в первых рядах твоих фанатов"

Леший закрыл диалоговое окно "Аськи" и сделал "дисконнект", чтоб не разорять родителей "диалапным интернетом"¹⁴⁸, в котором плата осуществляется за время.

¹⁴⁸ В те времена быстрый безлимитный инет был часто роскошью, а в провинции вообще был только диалап.

В начале октября Леший был свидетелем очередного шага цивилизации в его любимых местах. В "Оленьи Ручьи" привезли губернатора области. Он что-то наговорил местным бонзам, и те приказали проложить асфальт по посёлку Бажуково. Буквально неделя прошла, как Леший не был в "Оленьих", и вот он топал по новенькому асфальту, про себя тихонько матерясь, да радуясь, что тропы не заасфальтировали.¹⁴⁹

"Скоро закончится сезон, – думал Леший, – надо оцивливаться и устраиваться на работу. Кем и куда? Кому я нужен без образования и армии? Может вообще поехать зимовать в тёплые края?"

С наступлением тёмного времени года вольному человеку всегда нужен тёплый уголок, откуда не погонят, и где он будет нужен. Здесь, на Урале, Леший мог рассчитывать на безвозмездный приют только у Этл, но совесть бы его загрызала. Слишком многим он ей был обязан, а она терпела его, как терпят выходки любимого домашнего питомца. По "сновидениям" он узнал, что Манул перевёлся на "заочку", подался на заработки промальпом в Пермь и обитает пока у Полинки. Лосик учится, а Света живёт в Питере. Оля, недавно присоединившаяся к "рабочей группе", тоже в поисках работы, но у себя в Миассе. В общем, у Лешего наступило то самое

¹⁴⁹ Такое событие произошло на самом деле в октябре 2008 года.

время, когда "тепла и любви хочется больше, чем песен"¹⁵⁰.

За сентябрь и октябрь Леший накопил достаточно денег, а, чтобы они не тратились по городским пустыкам, отложил их дома у родителей. В городе долю заработка Лешему давала игра в переходах и трамваях, но деньги, легко появляющиеся, тратятся так же легко: пища, транспорт, сигареты...

Вечером Леший уже традиционно, положил под подушку подаренный Лосиком дорожный "ловец снов", выключил свет и закрыл глаза.

Сон был странный. Снилось безумное чаепитие в мансарде, выкрашенной в белый цвет. За окнами было "туманное молоко". За столом рядом с Лешим колдовали с чаем Волк и Манул. Кроме Манула и Волка, в уголке сидела Этл, как и в жизни, держа в руках ручку и блокнот, делая зарисовки. Леший про себя удивился наличию здесь Этл.

Волк разливал чай по кружкам и рассказывал, как он был на войне. О какой войне шла речь, Волк так и не сказал, но внутренним взором своим видел единственного человека, в ком слова Волка отдаются и резонируют: Манула. Манул никогда не говорил о своём отношении к армии и войне. "Надо будет спросить", – подумал Леший. На него подняли глаза Волк и Манул.

– Повезло, что всё так сложилось, и ты с нами. А, что

¹⁵⁰ Цитата из песни Медведя-шатуна "Приду и останусь".

касается войны... Не знаешь – не знай, – сказал Волк и сделал "жест разрыва связи"¹⁵¹.

Леший раскрыл глаза. За окном ветер колыхал ветви то-полей, тени отбрасывались на шторы.

"Надо бы попробовать вернуться в тот сон. Посмотреть что и как. И причём там Этл?" – подумал он и перевалился на другой бок.

– Этл просто "телезритель", как и ты в том сне, – сказал Волк, – к Этл я присматриваюсь, но, думаю, ей лучше считать, что мы ей снялся. Она черпает вдохновение в разных мирах и местах, в том числе и в пространствах нашей "рабочей группы".

Леший и Волк стояли на сырой спутанной траве. Место Лешему было незнакомо, но что-то родное в нём было. Может, тоже Северка или Исеть? Или что-то похожее, типа Аракуля или Чашиковки?

– Мы недалеко от Аяти¹⁵². Ты же знаешь где это. Вот будет повод сюда съездить. Можно на товарняках. Устройте сбор с ребятами на "Ночь всех святых". А потом видно будет, что тебе делать дальше. Ты, вижу, сомневаешься.

¹⁵¹ Автор упоминал его ранее, но повторится: представьте, что вы стоите по грудь в бочке с водой, а вокруг вас плавают шарики, и вам их надо разгрести руками перед собой. Вот, именно такой жест.

¹⁵² Станция Аять в 60 километрах к северу от Екатеринбурга.

– Хмм. Спасибо конечно. Но неужели ты определяешь, чем мне заниматься?

– Определяешь в любом случае ты сам. Просто ты сейчас влип в паутину неосознанности. Это интересное состояние, но если в него впадать, как "в аттракцион". Постоянно жить – не. И вот я тебе помогаю в такие моменты "затыков".

– А кажется, что ты меняешь реальность.

– Конечно меняю. Реальность своего сна и немного – вашу.

– А какой тебе в этом прок?

– Ну, так просто и не скажешь. Возможно, вы поддерживаете моё существование.

– Почему ты не показываешься нам в жизни?

– А ты, Волосатый, считаешь, что сны – не часть жизни? Тогда почему треть жизни люди спят?

– Не могу просто так сказать. А вы про войну разговаривали. Почему?

– Это мануля тема. Он, как сказал герой одного фильма, "всегда на своей войне"¹⁵³.

– Он воевал где-то?

– Нет, просто служил на Кавказе, недалеко от Чечни. Ему впечатлений хватило.

– Манул не похож на "служилого". Те обычно очень примечательно выглядят.

– Не обязательно кичиться своей службой в армии. Сам

¹⁵³ Цитата, ЕМНИП, из фильма "Брат-2".

эже понимаешь.

Волк и Леший замолчали. Стал накрапывать мелкий дождик. Леший почувствовал уколы холода у себя на лбу и щеках.

– А что за "ночь всех святых"? "Хэллоуин" ты имеешь в виду?

– Ну, кельты этот день называют "Сауинь", "самайн" или "самхейн". Мне нравится задумка нынешних просветленцев с восьмиточечным колесом года. Просто на Урале это очень чёткая граница. Разделяет бесснежную половину года и снежную.

– И у Лосика скорее всего выходные будут!

– Ну, вы можете ещё народу понабрать. Этл пригласи. Пусть она тоже кого-нибудь пригласит. Если не откажутся из-за погоды.

– А будет непогода? С трейнхопом мне везло, что же теперь?

– Ну, не обещаю вам погоду. А удачные стечения обстоятельств и правильные условия вы вполне способны производить сами. Просытайся...

Леший раскрыл глаза. За окном накрапывал дождь. Родители уже ушли на работу, оставив Лешему завтрак на плите и записку с пожеланием скушать и помыть посуду.

"Насколько мои родители всё же обо мне заботятся. Не

потому ли, приезжая домой, так хочется быть примерным сыном? Хотя долго жить в одной локации с ними я бы не выдержал теперь. А чем я отличаюсь от себя в детстве? Ну, вот принципиально? Научился самостоятельно ездить по стране. Денег мал-мал забаратываю. Себя, правда, ещё не полностью содержу. Увы...", – говорил Леший сам с собой в голове.

Позавтракав, Леший наполнил термос свежим кипятком, собрал рюкзак и отправился в путь.

На сей раз он ездил домой ради "сезонной смены одежды", и потому надел на себя "Гром" – куртку, выручавшую его не раз во время зимних странствий прошлой зимой.

"Пожалуй, жителя Ёбурга можно распознать по "Грому". Чёткий признак ёбуржского нефора", – думал Леший, топая по сырой грунтовке в сторону трассы под мелкой моросью, да обходя особо грязные места.

На трассе Леший, сообразно своему ритуалу, кинул монетку.

"А тут с прошлого раза ещё мои лежат", – ухмыльнулся он и поднял руку. В пасмурный понедельник машин на трассе было немного, да и те ехали мимо с "мордой тяпкой".

Леший смотрел на трассу и на осенних ворон, которые клевали что-то на обочине.

Спустя пятнадцать минут такой медитации Лешему остановилась "лада-калина" с "ноль-вторым" номером. В машине сидел дедок-башкир, да играла башкирская эстрада.

- Я в Первоуральск еду. А тебе-то куда?
- Мне в Екатеринбург вообще-то
- Ну, я у поста тебя оставлю тогда.
- Идёт...

...За окнами промелькивали уже почти опавшие берёзы, золотистые лиственницы да зелёные сосны. Всё это на светло-коричневой с зелёными пятнами траве и венчается серой мглой сверху.

У Дружининского поста трафик был пооживлённей, на стороне Лешего мент как раз затормозил какой-то КАМАЗ, а на другой – такой же мент ходил и лениво крутил жезл на верёвочке.

Леший прошёл за последнюю из машин и поднял руку...

И практически сразу же остановился маленький грузовичок с правым рулём.

- Здравствуйте, в сторону Екатеринбурга не подбросите?
- Садись, бродяга.

За рулём сидел дядька лет сорока. В волосах его уже была заметная проседь. Обычно Леший не особо разглядывал драйверов во время поездки, но тут он был удивлён, играющей в машине музыкой. А играл какой-то ранний альбом группы "Ноль", о чём Леший узнал, глядя на экранчик магнитолы. Причём не одиозная "человек и кошка", а что-то другое. С текстами про жопы.

"Бля, вроде серьёзный взрослый дядька. Ну чтож, прият-

но встретить "вечно молодого", – думал Леший, пока машина летела в сторону города.

Водитель провёз Лешего довольно далеко в город, и высадил на улице Восточной. Отсюда Леший хотел заехать к "философам", чтобы забрать гитару, но что-то в его голове перещёлкнуло, и он направился на платформу "Первомайскую", попутно набирая на память номер Этл.

– Да, я слушаю, – традиционно ответила Этл серьёзным голосом, кто бы её ни беспокоил.

– Привет, это Леший. Сегодня у тебя можно вписаться?

– Да, конечно, приезжай. Есть что тебе рассказать.

Поднявшись на платформу, Леший обнаружил с радостью, что до нужной электрички пять минут.

"Как раз можно успеть выкурить сигарету. Теперь и Этл попала в дебри мистики. Хотя Этл сама в своё время рассказывала много всякого интересного. Человек, носящий в голове собственные миры, вполне может оказаться гостем и моего мира. Кто ж его знает? Я прямо уже догадываюсь, что она хочет мне рассказать".

Подъехала электричка, и Леший, забравшись в вагон и сев на местечко у окна, воткнул в уши плеер. Голос Иллет пропел пророчеством в наушниках:

"Говорят, что наметни предвидится сфер сопряженье,

На здоровье! Пускай сопрягаются! Только б не завтра!"¹⁵⁴

Леший выскочил из электрички в Кольцово и потопал знакомым маршрутом через ларёк к знакомой пятиэтажке.

– Пачку "Балканской звезды", два "Мельника светлого" и печенек! – скомандовал Леший в ларьке.

– Леший, ты явно ко мне собираешься, – окликнул его голос Этл из-за спины, когда продавщица послушно выставила означенное на кассу, – пошли гулять!

– А в честь чего в такую мерзкую погоду? – Леший обнял Этл

– На улице ждёт "в честь чего".

Они вышли на улицу, где за углом ларька стояла девушка в "тяжеляках" и чёрном драповом пальто. Чуть поодаль забивал трубку здоровенный детинушка с длинными русыми волосами в берцах и косухе.

– Это мои сибиряки: Юки и Малыш, – при последнем слове руку поднял детинушка, а Этл продолжила, – Они из Новосибирска

– Ну, тоже скажешь, – огрызнулась Юки, – Я из Кузни. Новокузнецк, по-вашему.

– Ну живёшь-то в Сибире?

– Уела, Этуру-сама¹⁵⁵, – потупилась Юки.

– А это блудный Леший. Я его в лесу подобрала. Он стоп-

¹⁵⁴ Иллет – Сопряжение сфер.

¹⁵⁵ Японизированное имя Этл. Японцы не говорят букву Л.

щик, так что вам будет, о чём поговорить пожизнёвом.

– Куда ты ведёшь нас, о, великомудрая Этл? – спросил Леший.

– На кудыкину гору естественно. Сначала посмотрим, как взлетают самолётики, а потом на одну кавайную заброшку.

– При слове "кавайная заброшка" я содрогнулся, – сказал Малыш, попыхивая трубкой на ходу и улыбаясь беззубым ртом.

– Тебе кто зуб выщелкнул? – спросил Леший у двухметрового Малыша.

– Да гопники на Первомайке¹⁵⁶. Там есть такое место, разъезд "Иня". Так там совсем не "Ня". Правда, одного гопника я там всё же сунул башкой в мусорку. Ибо нечего к моим неко-ушкам доёбываться. И пусть радуется, что я тентакли не выпускаю, – гордо проговорил Малыш.

– Да-да, так всё и было. Только гопников было всего два. Я свидетель, – Юки решила испортить героическую историю своего друга.

– Ты же тогда от Ниорки ехала, и я тебя встречал с электрички?

– Не, я с Никиткой на "Факел" ходила...

Понёсся разговор с названиями каких-то незнакомых мест и имён, не сильно касающийся Лешего...

...За разговорами они уже шагали по мокрой обочине узенькой асфальтовой дороги, по которой раз в минуту про-

¹⁵⁶ Один из правобережных районов Новосибирска.

летала мимо какая-нибудь машинка. В один момент над головой что-то зашумело, и из-за деревьев показалось огромное белое туловище взлетающего самолёта.

– Вот, это "взлётка". Сейчас тут пусто. Видите знаки стоят "остановка запрещена"? Это потому что ночью здесь сотни быдл на машинах стоят и на самолётики пыряются, – декламировала Этл с манерой заправского экскурсовода, перекрикивая шум взлетающего самолёта.

– Суге... – проговорила Юки.

– Ну ты, Юки-тян, не ругайся при невинных жертвах, – косясь на Лешего, проговорил Малыш.

– Это кто-то жертва? – отозвался Леший, принявший "правила игры",

– Да вон бежит! – дурачился Малыш.

– "...но она же красивая!", – помянул Леший анекдот.

– "Ладно-ладно, уболтали. Но потом сжечь!"¹⁵⁷, – продолжил Малыш.

Под такие дурачества, пыхая трубкой, шагали они по дороге, а затем и по просёлку через поле. Туда, где показалась бетонная платформа.

– Обрато отсюда уедем собачным путём, – прокомандовала Этл, переходя пути по шаткой щебёнке.

– "А я ебу соба-а-ак! Всегда готов..."¹⁵⁸ – пропел Малыш, а Юки его одёрнула:

¹⁵⁷ Популярный похабный анекдот, про "сжечь ведьму".

¹⁵⁸ Пародийная песня, ставшая популярной на анонимных форумах в те годы.

– Фу, с кем я связалась! Курит идёт, матерится, всех съесть грозит, тентаклями размахивает, да ещё и песни похабные поёт...

После перехода путей, пошагали вдоль пашни.

"Сюрреализм какой-то, – думал Леший, глядя немного со стороны, – Топают четыре нефора по полю. Как начало анекдота. Или страшной истории". Но вслух ничего не сказал.

По пашне бродили припозднившиеся галки, да вороны. Между тем, дорога завернула в небольшую сосновую рощу, и пропала из-под ног. Теперь Этл шагала впереди, а Леший замыкал "колонну". Показались развалины.

– Видел значок "Радиация" у меня дома? Вот, я его отсюда и спиздила.

– Ты так спокойно про радиацию говоришь, не боишься? – спросил Леший

– Тут-то очистные бывшие. Тут уже давно ничего не светится, если даже и светилось. Может, кто для прикола повесил. У меня приезжал Тэм с дозиметром. Я водила его сюда, но "пищалка" его пищала не более, чем обычно.

– Ну мало ли... – Леший поёжился, а Юки и Малыш кинулись лазить по замшелым остаткам стен.

Этл открыла пиво, достала из сумки блокнот и начала опять что-то зарисовывать. Леший глядел через плечо с завистью.

"Завидую людям, которые умеют рисовать. Этл рисует

что-то для своих комиксов, видимо. Но в качестве "натуры" использует друзей"

Действительно, под карандашом Этл возникали контуры стен развалин. Основное внимание она уделяла прорисовке поз и мимики. Три-четыре быстрых линии, будто случайных, а потом остальное дорисовывала сверху. Лица, казалось, были тоже в стиле "аниме", но при этом каждое сохраняло индивидуальные особенности прообразов: характерная горбинка на носу Малыша и курносость Юки. Даже родинка и посадка глаз была передана с чёткостью.

Пока Этл рисовала, гости из Новосиба дурачились, фоткали всякие мелкие детальки и текстуры на "мыльницу".

– Ты мне что-то рассказать хотела? – спросил Леший.

– Это про сны. Ты рассказывал свои интересные сны, я тебе – свои расскажу. Мне давеча снилось, что я рисовала бой двух шаманов, а после боя с ними сидела в "респауне", а там ты появился. Они ещё тебе что-то сказанули, дёрнули руками вот так, – Этл показала жест, используемый Волком для "разрыва связи", – и ты будто растаял и исчез. И вот что странно, я не могу лиц вспомнить у тех двух шаманов. Только тебя отразила. Попробовала зарисовать, вот, накидала.

С этими словами Этл развернула альбом, и Леший увидел – стол с чаем, Волка с Манулом и себя. Однако, у Волка с Манулом была пустота на месте лиц.

– Тут только ты узнаваемый, выглядишь, правда, совсем

как в год нашего знакомства. А парней – хоть убей, не вспомню...

– Я во сне обычно так и выгляжу. Ты не поверишь, но мне тоже это снилось. И людей я этих знаю. Волк и Манул. С одним из них, при желании, даже познакомить могу.

– А нужна ли я им? Хотя нет, познакомь.

– Ну, если они тебе снятся, значит уже нужна, – утешил боевую подругу Леший.

Обратно возвращались ближе к вечеру. Небо становилось чуть темней, на взлетающих над головой самолётах загорелись огоньки. На платформе кроме ребят и не было никого.

– Тут иногда поезд вообще не останавливается, насколько я помню. Нас увидит – остановится. Я не первый раз отсюда уезжаю.

Как раз при этих словах раздался далёкий гудок, и из-за поворота показались огни электрички. Далеко по прямой ехала электричка до ребят на остановке, потом жёлто-зелёное чудище остановилось, с шипением разверзло двери и выпустила в своё чрево Лешего, Этл и новосибирских гостей.

Леший по старой привычке "палил контру", стоя в дверях межвагонья. Но до Кольцово за одну остановку никого не узрел.

На платформе в Кольцово уже моросил мелкий дождь. А возле конечной маршрутки какой-то гопник к ним привязался.

– Эй, уважаемые, а вы кто? Панки или готы? – без тени

злости спрашивало это существо в кепке-восьмиклинке, – А что вы слушаете? Какую музыку? А как зовут девушку?

Иногда тупой игнор действует лучше, чем всякие ответы. Подействовал и в этот раз. Гопничек не стал уходить далеко от конечной, видимо, ждал свою маршрутку, а ребята проследовали восвояси.

По пути зарулили ещё в магазин за пачкой "пиликов" – так Этл называла пельмени.

А дома у Этл всё было, как всегда. Накурено, хоть топор вешай. Тепло и уютно, при всём хаосе вещей и предметов. Этл запустила компьютер, включила музыку – какой-то японский рок с женским вокалом – и уткнулась в электронный планшет для рисования.

Юки поставила вариться пельмени, а Малыш – разлил пиво.

На кухне потёк разговор.

– Так вот, мы к Красноярску подъезжаем, – вещала Юки, – и чувак такой, типа, ты не хочешь искупаться? Я же думаю, внатуре жарко было весь день, чего бы и нет. Сейчас понимаю, что сам себе бака, тогда сильно рисковала. Но согласилась. Заехали мы на какое-то озеро, там благо комаров не было. Я ему говорю, мол, купаться буду, только если он отвернётся, потому что купальника нет. Он такой, типа, идёт, я разделась за машиной, залезла в воду, искупалась, вылезла, сижу, закутавшись в полотенце у машины. Он, мол, чего не садишься? А я думаю, как объяснить, чтоб он ко мне не

начал приставать, говорю, мол, я вам там сиденье испачкаю, если сяду. Ну, мужик понятливый оказался, ладно говорит, сохни. Только извини, говорит, но я не могу сдержаться и подрочу посижу в машине. Я тихонько охуела, а он внатуре дверь закрыл изнутри, что-то там делает, а мне в сумерках не видно. Я стою голая, как есть, в одних только сандалях, да с сигаретой в руке. Ну, в итоге, он там подрочил, а потом ещё спасибо мне сказал, извинился, довёз в Красе прямо до адреса, да ещё и денег дал. А я тогда у Нави вписывалась, представляешь, он же меня через весь город к нему ещё провёз! Телефон пытался узнать, я не дала. Пришла к Наву, первым делом залезла под душ, захотелось кожу с себя содрать. Потому как мерзко стало, симатта¹⁵⁹...

– Это меня не было. Я бы его съел там, – проговорил Малыш, – хотя у меня тоже прикольная история случилась однажды. Мы топали с панками с "Речника" ночью через Коммунальный мост. Там ещё у нас отличенец нашёлся, захотел по метромосту прогуляться, потом его с ментами оттуда снимали, ну да ладно, это не та история! Дальше! Идём мы, короче, а трубки у меня тогда не было ещё, курить всем охота. А шли мы к Тошику на Затулинку тогда. Ну Жук берёт и стопит машину прямо на мосту. Там водила такой, мол, вам куда. Жук ему, да не ехать нам надо, а сигой угоститься!¹⁶⁰

¹⁵⁹ История подслушана автором от одной сибирской стопщицы и вписана с некоторыми изменениями.

¹⁶⁰ Эту историю автору поведал один сибирский панк. Здесь её рассказывает

Что уж про Затулинку говорить.

– Я про эту Затулинку и Тошика неоднократно уже слышал от сибиряков, – вставил Леший своё слово, – расскажите подробней что за место.

– Леший, тебе там не понравится. Панковский притон в гоп-районе. Это Тошик однажды проехался на электричках, потом стопом, и превратил свою квартиру в стопное логово. Они там потом от гопоты отбивались несколько раз, так что теперь там дверь наглухо забаррикадирована, а вход и выход только через окно¹⁶¹.

– А так чем в миру занимаетесь?

– Юки – в фотосалоне работает, наверное ещё... Я – дисками торгую на "Маркса"¹⁶².

– Работаю. Не думаю, что меня уволят, пока я катаюсь, я ж там сменщика посадила, – ответила Юки.

– Рядом с "Хотдожной"? – спросил Малыша Леший.

– Недалеко, ага. А ты в Сибире бывал, получается?

– Да, было дело. Вписывался на "Золотой Ниве"

– А у нас там знакомая живёт, – сказала Юки.

За такими разговорами Леший провёл остаток вечера, а потом переместился на безразмерный диван Этл, зная, что его сон никто не побеспокоит. Малыш с Юки дрыхли на кух-

один сибирский ролевик.

¹⁶¹ Легендарное место. Было когда-то действительно, правда, автор знаком с ним лишь понаслышке.

¹⁶² Станция метро "Площадь Маркса" в Новосибирске.

не, а Этл, по своей традиции, включила тихо музыку и терроризировала графический планшет.

На сей раз Леший спал совсем без снов.

Первое время после грибного трипа ему перестали сниться сны. Потом, понемногу, начали сниться разные приятные сюжеты, и "сонфильмы". И лишь недавно снова "ребята из снов" и Волк. А вот сегодня – никого и ничего. Просто туманное тёмное небытие, поглотившее Лешего.

Он проснулся, когда Этл завалилась рядом, со словами: "Леший двигайся-двигайся..." Автоматически глянул на экранчик сотового. "Половина девятого утра. Пора вставать..." Встал, потянулся, достал из кармана рюкзака отложенные "сиги на завтра"¹⁶³, да и поплёлся на кухню.

– ...А потом я ему такой говорю, мол, чувак, всё решают дайсы. И он такой озадаченный ушёл. А на следующий день смотрю, прошёл мимо к себе в каморку, да и сидел там весь день, не отсвечивая. О, Леший проснулся! – Малыш прервал какую-то свою байку

– Охайё, Леший-кун¹⁶⁴.

¹⁶³ Это, кстати, важное правило для любого курильщика. Отложить сигарету-другую на утро.

¹⁶⁴ Доброе утро, Леший. -кун – это суффикс, обозначающий обращение к равному, или к парню; -тян – обычно к младшему или девушке; -сама – почитаемая старая женщина (Бабушка Этл).

– Воистину охайё. Вы тоже ночь не спали?

– Спали. Мы ж сибиряки. Проснулись раньше. Чайник горячий, в холодильнике фасолевый суп есть, дес, – ответила Юки.

– Как ты интересно говоришь, дес, – передразнил Леший.

– Скажи "Грёбанные быдлоанимешники понаехали тут!", – встрял Малыш.

– Не скажу. На природу хотите ещё съездить?

– У нас тёплых вещей толком нету. А какие есть предложения?

– Да у меня тут товарищи на Аять собираются, – без конкретики сказал Леший, потому как сам ещё не знал, что и как.

– Мы с Этуру-сама поговорим, если она поедет, то и мы.

– Хорошо ты, сестрёнка, за меня решила! – сказал Малыш. "Сестрёнка, значит?", – подумал Леший, а вслух произнёс

– Чёт вы не похожи...

– Да это по нашей панкобарбаре, не вникай.

– Ну, я вам идею выдал. Так сказать, камень в удочку... или камень в огород забросил... или не, удочку закинул. Во! – смеясь, сказал Леший, – туплю ещё с утра.

Теперь надо умыться под струёй воды в ванной, собрать рюкзак, ехать за гитарой к "философам" и стритовать.

Леший проделал первые действия, растолкал спящую Этл, которая на автомате ответила своё "покедова" и покинул её

дом.

Для быстреешего попадания к "философам" Леший решил поехать на городском автобусе, тем более на остановке как раз разворачивался бело-синий "Икарус-гармошка".

Леший забрался на его переднее сиденье, протянул кондукторше денег, воткнул в уши плеер и уставился в окна, на очередное пасмурное утро.

"Интересно, кому-нибудь в этот день будет интересно меня послушать? И когда же состоится сбор на Аяти? По логике вещей, и календарю, он должен быть в пятницу. Но ведь у Лосика учёба? Как она сможет?" – думал Леший, а в ушах ему пела какие-то странные песни группа "Слот", свежеутращенная на плеер от ЭТЛ.

"Вот и моя остановка. Пройти через парк, потом через дворы. Позвонить "философам". Взять гитару и на "стрит". Как-то так. А с Аятью, думаю, решим. Ещё ведь три дня, – крутились мысли у Лешего, пока он шуршал берцами по палой тополиной листве в "парке Морозова", – А на "Кельте" народа ещё нет".

Действительно, окрестности газона, оформленного в виде круга, крестообразно пересекаемого тропинками, пустовали.

Леший набирал номер "философов".

- Рита привет, ты или мама дома?
- Я дома. Вчера Йети уехал на юга.
- Замечательно. Наверное. Я найду?
- Огась.

Леший позвонил в домофон и поднялся по лестнице к заветной "философской" двери.

– Лееший! – кинулась на него Рита с объятиями, – а ты знаешь, что у нас есть?

– Удиви меня, – ответил Леший.

– Ключ! От крыши!

– Круто же. Слазили?

– Тебя ждём. Можно сегодня вечером слазить. Вчера хотела ещё, но погода была козёл, да и ты не приехал.

Леший разулся, прошёл в комнату, где за шторкой дожидалась его гитара, да и побрёл обратно к выходу.

– Даже чаю не попьёшь?

– Боюсь, что если буду пить чай, то зависну. А так не.

– Удачного "аска"! Мну тоже скоро на учёбу потопает. –

Рита употребила странное словечко "Мну" из сленга "педовок", и Леший решил ответствовать тем же образом.

– Спасибки! Тьмафки-лафки¹⁶⁵!

– Издеваешься, Лёша! Иди уже!

На остановке у "Дров" Леший расчехлил гитару, быстро

¹⁶⁵ Все эти "Мну", "Лафки" и прочие – веяние эпохи. Там ещё было "ЗаБоР-ЧикОпИсАнИе", "!!!ЮДИНОДИН" и прочие извращения.

поднастроился. Гитару повесил на ремень, чехол от неё в полураскрытом виде – на плечо. Готовность номер один...

Из первого же трамвая вывалился Миша-гибсон – старый трамвайный "аскер", когда-то работавший машинистом.

– Леший, здорова!

– Привет коллегам, как оно?

– Какано¹⁶⁶, как обычно, – сострил Миша, – как сейчас поедем?

– Я только по "Лунке" до Шевченко, а там в "ТЮЗ"

– Аа. Тогда может двухвагонника дождёмся, да поедем вместе.

– Попробуем, – ответил Леший.

Действительно, машинист пригрохотавшей "Четырки" поприветствовал Гибсона, зазвав его жестом в свой вагон. Леший же проследовал во второй вагон. Быстрый кивок кондуктору, проход "на сцену" – на переднюю площадку вагона.

"Сидячие заняты почти все. Идеальный вагон", – думал Леший.

– Добрый день, уважаемые пассажиры! Немного солнечной музыки в этот осенний день!

И начал играть песню, подхваченную от Вовы-хомяка:

"Как же произошло

Жизнь опять, словно белый лист,

Мажет красками холст,

¹⁶⁶ Популярный универсальный ответ, если не хочется делиться радостями.

Красно-жёлтым её каприз.
Ночь всё перевернёт
И оставит боль на потом.
Точно ещё повезёт
С те-пло-о-ом..."¹⁶⁷

Доиграл песню Леший как раз, когда вагон проезжал кольцо "Исети". Быстро пробежался по вагону, "сняв" с него пару сотен рублей.

"Не так уж и плохо, – подумал Леший, спрыгивая на проезжую часть на остановке, – ещё один трамвай, и можно будет сегодня играть расслабленно. Ужин есть"

Следующим трамваем была "Тройка". Оказалось, Гибсон прыгнул с трамвая раньше Лешего, на "Доме кино", но Леший об этом не знал и не задумывался. А вот в "Тройке" Лешего уже помнил его машинист – Володя-Маяк. Тут был обратный случай: трамвайный "аскер" выучился на машиниста, и теперь часто катает у себя "аскеров". "Маяком" его прозвали за короткую стрижку и выражение лица, похожее на Маяковского. Ну и, наверное, за высокий рост. Так вот, Маяк позвал Лешего к себе, поздоровался за руку на глазах у пассажиров.

В этом трамвае Леший сыграл песню Новокузнецкой

¹⁶⁷ Уже упомянутая мной песня Animal Jazz – три полоски.

группы "План Эвакуации" про зиму, которая пришла в город, а, выходя из трамвая, пожелал всем пассажирам скорейшего наступления зимы и чистоты.

– Ну, ты скажешь тоже! – смеясь, попрощался с ним Маяк. Леший зачехлил гитару и пошагал к переходу.

Посреди дня в переходе никого ещё не было, лишь ветер осенний гонял обрывок какого-то плаката.

Леший расчехлился и заиграл.

В какой-то момент он, по своей привычке, закрыл глаза, а закончив петь, обнаружил, что в переходе он не один.

– Ты всегда появляешься неожиданно, и ровно в тот момент, когда я закрываю глаза. Может ты, как Волк, мне снишься или глючишь?

– Я же мутант и сектант. А ещё шаман. Я умею приходить, когда оно надо, хотя получается спонтанно. Мы тут с Полиной приехали из Перми, – ответил Лешему Манул.

– Что про сбор скажешь? Правда это или мои глюки?

– В пятницу вечером на Аяти. Если не возражаешь, можешь составить нам компанию на трейнхоп.

– Заманчиво...

– Тогда звони Лосику в четверг вечером. Она знает что и куда. А вообще – пойдём попьём чаю.

– У меня с собой термос.

– Так и мы не в ресторан, – ухмыльнулся Манул, – Полюха на Воснесенке сидит.

Леший собрал некоторое количество "людяги" и десяток с

чехла гитары, зачехлился и отправился вслед за Манулом.

"Вознесенка", или по официальному "Парк Дворца Пионеров" встретил их карканьем ворон и хрустом листвы под ногами. Полина сидела, свесив ноги, на парапете, где обычно собираются ролевики "с полторашками"¹⁶⁸. Сейчас кроме Полины и её "дамской сумочки" на семьдесят литров тут никого не было. Сама же странница была одета в чёрную тёплую штуку, типа комбинезона, конструкции которой Леший поразился.

– О, Манул, да ты с добычей! Здравствуй, Леший! – Полина встала со своего рюкзака и обняла Лешего.

– Что это за костюм у тебя?

– Это самопошив. Типа военной "горки", но наружка – чёрный авизент¹⁶⁹. От "горки" отличается разве что "сантехническим отверстием"¹⁷⁰. Вот видишь, – Полина кивнула Манулу, – как Леший оценил. Цени и ты.

Манул был одет более "традиционно" что ли. Тёмно-синие джинсы, трекинговые боты и "Гром", как у самого Лешего.

– Вот, сейчас чаю зробим... – Полина стала шарить в своей "дамской сумочке", и вскоре на свет были извлечены га-

¹⁶⁸ В противовес "ролевикам с полторашками", то есть тренирующимся, "ролевики с полторашками" собирались бухать.

¹⁶⁹ Это описание комбинезона и материала.

¹⁷⁰ Поперечная молния внизу спины, обычно прикрытая клапаном. Удобно, дабы справлять нужды, не снимая весь комбез.

зовый баллон, горелка и хитрая кружка, приделываемая к горелке, – Махмуд, паджигай!

– Нэ магу, слюций, Саид всё спычки обассал, джяляб¹⁷¹...
– Леший вспомнил эту присказку и улыбнулся. Тем временем, в странную конструкцию была налита вода из бутылки, что-то с чем-то сцепили, щёлкнули искрой, и под железной решёткой загорелся синий огонёк¹⁷².

– Крутая штука, – с завистью посмотрел Леший.

– Это мой личный понт. У меня много чего газового с собой есть. Фонарь на Аяти оценишь, – сказала Полина.

"Ну, вообще пацанка", – подумал Леший.

– Что же там будет за мероприятие?

– Ночь всех святых. В смысле, вообще по "Колесу года" в эту ночь засыпают все лесные добрые духи, и приходят злые. Их надо ублажить вкусной няжкой, а самим остерегаться. Но, это у друидов и прочих. В нашей традиции Ночь всех святых – это закрытие летнего сезона. Мы собираемся и решаем, что будет зимой. Ха-ха, я только что это придумала! Но идея хороша. Пусть так и будет. В целом полный импровиз.

– Обожраться грибов, например? Я, кстати, попробовал.

– Мы в курсе. Тебе грибов больше не надо. А то будешь похож на Космонавта или объебосов со "Спортивной", – за-

¹⁷¹ Отсылка к анекдоту. "Джяляб" – что-то очень ругательное на восточных языках, типа проститутки.

¹⁷² Так Леший впервые узрел вундервафлю под названием "Джетбойл".

ключил Манул.

Тем временем, поспел чай. Леший достал чабрец из своего рюкзака, насыпал в кружку, и через пять минут наслаждался горячим варевом, вприкуску с хачапури из "Смака"¹⁷³, принесённых Манулом.

– В четверг созвонись с Лосиком. Стартовать будем с Сортяги. Там – как попрёт.

– А сегодня вы куда? – спросил Леший.

– На "Айзенгард", – Полина махнула рукой в направлении центра города.

– То есть?

– Ну, башня у Цирка, знаешь?

– Туда разве попасть можно?

– Туда попасть нужно. Тяжело правда, но вариант есть. Мы тебя не зовём, помня о твоём отношении к высоте. Хотя, знаешь, страхи нужно перебарывать, – сказал Манул.

– Не в этот раз. А вы хоть расскажете, как слазили?

– Обязательно, потом, на Аяти. Мы сны смотреть полезем туда.

– Да вы мутанты...

– Мы тебя тоже любим, Леший, – сказала за двоих Полина.

Тишина в голове Лешего смешалась с фоновым городским звучанием, карканьем ворон и звуком шагов по листве.

– Хорошо с вами, но пора бы мне пойти постритовать...

– А мне можно с тобой? – спросила Полина.

¹⁷³ Хлебокомбинат рядом с ТюЗом в Екатеринбурге.

– Почему нет? Пойдёмте, я только рад буду.

Вся троица направилась обратно к переходу. Увы, в переходе уже встал какой-то бомж с шапкой. Он ничего не делал, просто стоял. Но стоял на том самом месте, где Леший обычно играл. "Бля, обидно", – подумал Леший. Манул же сделал невозмутимый вид, подошёл вплотную к бомжу, наклонился, заглянул в его глаза...

"А НУ УЁБЫВАЙ НАХУЙ ОТСЮДА, ПИДОР ЕБА-НЬИЙ!", – вдруг воскликнул Манул.

Бомж, как ужаленный, подскочил и побежал.

– Простите, господа. Но когда человеку за нихуя деньги дают, тем более работающему, у меня срабатывают армейские рефлексy, – уже гораздо тише сказал Манул.

– Ты никогда не рассказывал о своей службе в армии, расскажи, – попросил Леший.

– Ну-у, что я могу сказать. Как говорили в духовной семинарии, не служил – не мужик, – попытался пошутить Манул, но, заметив обиду Лешего, остановился, – да ладно, не будем об этом, Лёха. Про твои отношения с призраками прошлого я тоже знаю. Волк рассказывал, как ты во сне скина уебал. Тот скин, кстати, "присел" недавно. Надолго. Так что выдохни.

– И всё-таки? Волк говорил, что ты где-то на Кавказе служил. Правда?

– Да. В штабе писарем, – отмазался Манул.

Леший, меж тем, расчехлился, навесив себе на плечи ги-

тару:

"В твоём парадном темно
Резкий запах привычно бьёт в нос
Твой дом был под самой крышей,
В нём немного ближе до звёзд..."¹⁷⁴

После "Чайфов" курящий трубку Манул поаплодировал Лешему в пустом переходе. Эхо хлопков разнеслось вокруг.

После пары песен гитару перехватила Полина, и её высокий голос почти перекрикивал гитару – ровно настолько, насколько это вообще уместно. Потому как Леший видывал и "крикунов" в переходе, и гундосых "выплюньхуев", которые толком не поют, а бубнят себе под нос. А у Полины всё получалось гармонично и как-то само собой:

"Скажи мне, добрый человек,
Где град Иерусалим?
Нет-нет, про ужин и ночлег
Потом поговорим.
Земную жизнь оставил я,
И дал обет идти.
Идти в далёкие края,
Да спрашивать в пути..."¹⁷⁵

¹⁷⁴ Чайф – С войны.

¹⁷⁵ Сёстры Вотинцевы – Иерусалим.

Через переход в это время как раз пошёл вал народа. Леший решил для улучшения процесса побегать со "шляпой". Делать этого он не особо умел, поэтому просто встал посреди перехода, и вполголоса говорил проходящим: "Принимаем гуманитарную помощь, наличность, еда, сигареты..."

В "Шляпе" у Лешего скоро оказались двести рублей в виде двух сотен, гора мелочи, пирожок с луком-яйцом и полпачки "Альянса". А потом ещё.

Леший менялся гитарой с Полиной, которая радостно скакала по переходу, пританцовывая, пока Леший пел песни Вени Дркина и Башни Rowan. Манул же стоял в нижнем "горле" перехода и пыхал трубкой...

... Через два часа такого джем-сейшена Манул зашёл в переход, положил руку на плечо Лешего и сказал:

– Стоп. Пошли-ка отсюда. Мелочь зачехляй, потом посчитаемся.

– Понял, – Леший решил не спорить, быстро повесил зачехлённую гитару на плечо и пошагал в сторону тополя и по лестнице вверх.

– А щас быстро прыгаем в ближайший транспорт, – командовал Манул.

Как раз к остановке подъезжал троллейбус. Леший, Манул и Полина заскочили внутрь, и через закрывающиеся двери и окна увидел, как к переходу бежала толпа в спортивных

костюмах, причём явно не похожая на спортсменов.

– В нашем деле главное вовремя сделать съёбушки, – ре-
зюмировал Манул.

– Ага, – сказал Леший, а про себя подумал: "А чего им
надо-то? Может, они и не сюда?"

– Это идейное фанатё. Они сюда уже который раз при-
бегают панков пиздить. Мне про них рассказывали, гостив-
шие у Космонавта. Просто не хотелось бы, чтоб нормальные
музыканты вроде тебя под раздачу попали. Они же всех под
одну лысину чешут. Выпрыгиваем.

Троллейбус подъехал к "Архитектурной академии" где
так и не обилеченные ребята покинули его.

– Пойдем нас провожать?

– Угу, – теперь Лешего, как всегда бывает после всяких
"экстримов", пробрал озноб.

– А чего ты сейчас затрясся-то? Всё прошло уже, – Манул
ободряюще хлопнул по плечу, – а вот если б тот псевдобомж
там ещё простоял, то ему бы мало не показалось. А сейчас
всё, отпусти ситуацию. У меня просто чуйка на опасность,
так что прими как данное.

Спустя какое-то время они сели у "Клавы" и раскладыва-
ли мелочь стопками.

– Ну вот, по четыреста рублей на брата. Мне не нужно, –
благородно отмахнулся Манул, – Полухе только.

– Я, наверное, отсюда пошкандыбаю до вписки, мне тут
ближе. Расскажите что там и как?

– Обязательно. Может, даже во сне приснимся. Четверг!

Послезавтра! – Полина обняла Лешего

Леший обнял Полину, пожал руку Манулу, да и двинул в сторону "Философов".

Жанна Андреевна открыла дверь Лешему.

– Ты чего трясёшься весь?

– Да чуть не огрёб случайно. Пронесло, благодаря моим "друзьям из снов".

– И не огрёб же. Так что успокойся, хорошие у тебя "друзья из снов". Ты уже сколько их обещаешь к нам привести? Скоро я начну думать, что они – плод твоего воображения.

В разговор вклинилась Рита.

– Не. Мну видель одну из них, Лосика. Хороший такой плод, вах, пэрсик! – Рита сделала жест "воздушного поцелуя", изобразив акцент торговца с рынка, – так что, Лёша, успокойся, они существуют. Я тоже их вижу...

После воспитания чая Рита оттащила Лешего в коридор, показав ему ключи.

– Помнишь?

– Угу.

– Полезли?

– Когда?

– Да хоть щас. Только термос наверно надо взять и тепло одеться.

– Мама тебя не заругает?

– Мама! Мы с Лешим на крышу слазим! – закричала Рита

Леший наполнил термос чаем, Рита прихватила пакет, в который пихнула флисовый плед, термос, фотоаппарат и печенек. Поход, конечно, недолгий, но хотелось там посидеть подольше, не отвлекаясь на ветер и холод.

Рита с Лешим оделись, вышли на лестничную площадку. Рита полезла по лесенке первая, открывая старый замок.

– Леший, – сказала она, когда замок оказался у неё в руках, – залазь, толкни люк, а то сил моих дамских нет.

– Сексизм и эксплуатация мужского труда! – отозвался Леший, но залез и оттолкнул крышку люка, покрашенную когда-то давно в оранжевую краску. Сразу потянул сквозняк и стал подгонять в спины карабкающихся по лесенке Лешего и Риту.

На чердаке было темно, потому Леший достал из кармана "Грома" фонарик. Здесь пахло лежалым деревом и гулили голуби. Видимо, они были не сильно рады гостям. Сделав ещё пять крадучих шагов по крытому стекловатой полу чердака, Леший узрел проём крыши. Подошёл, откинул крючок и распахнул створку. Сразу стало чуть светлей, проник в чердак сумеречный свет вечернего Ёбурга.

– Иди сюда, дама прекрасная. Подсажу, – Леший подставил сложенные замком руки, и Рита вскарабкалась по ним на грохочущий шифер крыши. Подал Рите пакет, а следом выскочил и сам, просто сделав рывок вверх.

Перед ними открывался вид на соседние пятиэтажки, вер-

хушки деревьев и вышки. Действующую – ажурно-железную, подсвеченную красными фонарями. И – подальше – заброшенную бетонную громаду. Лишь на самой вершине её светились два красных огонька. Леший помалкивал о том, что сейчас на эту башню, на "Айзенгард", "Башню смерти" или "Кису" – лезут его друзья из снов: Полина и Манул.

Леший задумался: "Интересные у них всё же взаимоотношения. Вроде как парень и девушка, но относятся друг к другу, как брат к сестре скорее. Как те "два зверя" из стихотворения твоей бывшей сокурсницы, да, Леший? Может, так и правильно относиться к девушкам? Не строить себе замков из иллюзий, не придумывать влюблённость? Спросить Марго об этом?"

– Рита, а как ты думаешь, что является идеалом отношений девушки и парня?

– Вот мы сидим на крыше, тут такая романтика, – сказала затягивающаяся "дамской" сигаретой Рита, – а ты про отношения! И не стыдно?

– Чёйта мне стыдно должно быть? Не с тобой же? Или, стоп-стоп. У тебя парень появился?

– Леший, ты так часто бываешь в разъездах, что и не в курсе! Давно уже.

– Я всё думал, что Йети за тобой приударяет!

– Ну, он-то приударял. А толку? Представь как бы мы с ним "отношались"? На расстоянии, да в стопе. С ним я бы всё равно не рванула.

– Вот вы какие, женщины. Коварные.

– Не коварные, а рассчётливые. Представь, что нам детей рожать и воспитывать, а папаша, как Папакарло, детку на-стругал, но свалил в стоп. Как его назовёшь?

– Козёл. Вы же сами утверждаете, что "все мужики – козлы".

– А вы – что "все бабы – бляди". Мы квиты!

– За это надо выпить. Чаю!

Рита извлекла из пакета термос и налила полную кружку горячего "улуна"¹⁷⁶.

– Держи, человек дороги! Бррр вообще! – Рита развернула плед и укуталась в него.

– Так вот, я о чём. У меня есть друзья, парень и девушка. Они так интересно друг к другу относятся, что я даже не знаю, как классифицировать их отношения. Вроде не сюсюкаются друг с другом, не няшатся, а при этом друг друга всячески поддерживают. И постоянно в каких-то экстремальных условиях оказываются вдвоём. Скалы, товарняки, ночёвки в странных местах, ползки всякие...

– Может, для тебя странно и экстремально, а для них – норма. Помнишь, Жека тебе рассказывал при мне, как он в рекламном щите ночевал? Мне, домашней, про твои-то странствия слушать бывает дивно.

– И я о чём толкую-то? Отношения между полами самые правильные строятся в детском саду. По принципу "одобря-

¹⁷⁶ Ферментированный зелёный чай.

ешь мои игрушки – мы играем; не одобряешь – не играем". Плюс, в детском саду и начальной школе мальчики и девочки – это "вражеские лагеря".

– Мне не с чем сравнивать, Леший. Меня бабушка воспитывала, вместо садика. И в школе я училась недолго, потом на экстерн перешла. Я же рассказывала, или нет?

– Тогда да, – удручённо сказал Леший.

– Но ход твоих мыслей похож на правду.

– Одну из правд.

– За философствованием, пожалуйста, к моей маме...

...За подобными разговорами чай начал кончаться, а Леший – подмерзать даже в "Громе". Леший расстегнул куртку, накинул полу куртки на плечо Риты, а сверху закутались пледом. В таком виде они сидели и курили свои "последние сиги на день".

"Да уж. А как наши с Марго отношения назвать? Дружеские? "Братско-сестринские"? Изъезженные штампы всё это. Наверное, сейчас мы с Марго – как солдаты на окопах Первой Мировой, командиры которых не знают, когда пойдут в атаку. Поэтому можно и побрататься, и в картишки порезаться на патроны, и сигареткой перекинуться с "потенциальным противником", и увидеть, что там, во вражеском окопе – тоже человек сидит, такой же, как и ты. Как там пела Кошка Сашка, враг всегда остаётся врагом, не дели с ним

хлеб, не зови его в дом... Странно, песня стала гимном у скинов и всяких "околоправых", хотя она и не о вражде. Она – о вынужденной вражде. Когда там, за линией фронта – твой брат-близнец по привычкам, а при других раскладах – лучший друг. И не о войне песня, а о мире¹⁷⁷. Пора вниз, холодать стало...", – думал Леший, а последнее предложение произнёс вслух.

– Агась.

Леший помог Марго спуститься и спрыгнул сам, притворив ставни и аккуратно задвинув люк.

Вечером он расчехлил гитару и таки сыграл эту песню про врага.

Следом Рита, в меру своих скромных возможностей, сыграла "Поезд в огне" у "Аквариума". Да и легли спать. Лешему достался большой диван в большой комнате, который он занял один, развалившись звёздочкой.

Снился ему сон, в котором Леший не был неосознавшимся участником, скорее "телезрителем". Такие сны он про себя называл "сонфильмы". Показывали два моста, уходящих в ледяной туман. "Новосиб", – подумало лешевское сознание. Но было зябко и не по себе. Леший, памятуя о том, что Новосибир предстал ему светлым и просторным городом, решил, что в следующий приезд будет немного по-другому. Но

¹⁷⁷ Кошка Сашка – Враг.

тут мгла развеялась, над туманом выглянуло солнце, и деревья набережной окрасились в иней. Всё было в сверкающем инее: провода, деревья, литые детальки Коммунального моста, вентиляция Метромоста. Всё стало сверкать, хотя по-прежнему было зябко. Вспомнился разговор, который когда-то в прошлый приезд сюда Леший вёл с Ваней-тогу-чинцем: "Новосиб потому тебе показался просторным, что тут нет людей. Одни "иные". Имей в виду при взаимодействии с этим городом". Тогда Леший с Ваней шагали по Красному Проспекту и делились наблюдениями от города. Собственно, Ваня и притащил тогда Лешего в Новосибирск, и на эту вписку на "Золотой Ниве", где разворачивали троллейбусы и строили метро...

Леший раскрыл глаза, глядя на спину Риты, сидевшей у компьютера за "Торрентами"

– Доброе утро, – продрав глаза, сказал Леший.

– Доброе. Тебе сообщение на телефон пришло, пока ты спал. Буквально минут десять назад "бжикнул"

Леший наклонился к телефону, лежавшему рядом с ксивником под диваном. На экране было сообщение от Лосика.

"LeshySegodn9PosleDvuh9SvobodnaVOb6ageVstretimsaIPo

Сонный мозг поначалу пытался собрать содержимое сообщения в русскоязычное предложение, а потом Леший стал печатать ответ.

"PrivetV14-00uOb6agi)))"

"Мда, такие сообщения надо читать с предварительной подготовкой. Иначе тяжело", – подумал Леший, натянул штаны и футболку, да прокрался в ванную.

– Мама уже на работе?

– Ага, ещё с утра утопала.

– Иногда я думаю, что она у тебя сверхчеловек. Цени её, Рита.

– Может быть. Хотя, это не она сверхчеловек, а мы с тобой ленивые жопы. Ты сегодня уезжаешь, насколько я поняла?

– Да, с большим бэгом и, наверное, с гитарой.

– Может ну его нафиг гитару таскать в лес? Она у тебя и так уже, как шлюха, повсюду таскается.

– Не шлюха, а вернейшая спутница и боевая подруга. Это, возвращаясь ко вчерашнему разговору. Хотя да, гитару я, пожалуй, оставлю.

Леший отправился перебирать рюкзак. Ближе к обеду он набрал номер Лосика.

– Слушаю тебя, Лёша.

– Привет. Что с собой по еде брать? Индивидуально или групповое?

– Вкусного бери. Остальное Манул с Полинкой надыбают, да гости.

– Гости ожидаются?

– Да. Ты ещё подбивал кого-то, вроде.

– Не. Не подбил. Что за гости?

– Неформалы из тусовки. Света-света, Чертёна, Рыжий, Макс, Коля-конь, Ангел и Демон¹⁷⁸

– Последнее мне особенно нравится сочетание. Палатка будет?

– Да. На нас точно.

– Хорошо. До встречи?

– До встречи.

Леший положил трубку, а про себя подумал: "Вот те на. И весь этот "гей-парад" на товарняке поедет? Хотя нет, скорее всего, на собаке. Надо попробовать Этл позвать, а то ведь запаматовал".

Леший набрал номер Этл.

– Да, я слушаю, – серьёзным тоном ответила Этл, как обычно

– Маш, привет, помнишь, я про вылазку на Аять говорил.

Приезжайте в пятницу.

– Хммм. Подумаю. Какой электричкой?

– Ближе к вечеру, думаю. Уточню у своих. Там знакомые тебе с "трубы" будут.

– Тогда я ещё сибиряков-анимешников прихвачу. Вы же

¹⁷⁸ Всё это типично тусовочные имена в разное время и в разных пространствах. К реальным людям с такими именами/никами это не имеет отношения. Напоминаю на всякий случай, чтоб не искали совпадений.

не против.

– Отнюдь. Там и так "гей-парад" собирается. Я подробно-сти все вечером сообщу сегодня. Идёт?

– Добро. Ну, я ещё не обещаю. Подумаю. Бухло будет там?

– Будут неформалы, будет и бухло. Берите, если надо.

– Довай, – сказала Эгл, выделив букву "О" и положила трубку.

Леший запарил термос, пересобрал большой рюкзак, закинул туда котелок, спальник и пенку, сбоку приторочил топор, да и направился к выходу.

– Не замёрзни там, Леший. Я бы с тобой поехала, но мне на пары надо хоть иногда ходить. Тем более, полсеместра¹⁷⁹ близится...

– Пока, чудище! – Леший обнял Риту и чмокнул её в нос, – маме привет и благодарность.

По дороге к общагам, где обитала Лосик, Леший зарулил в "кировский", закупить всяких вкусняшек, после чего сел в троллейбус, благо, ехать было три остановки без пробок. Здесь он пошагал к красно-кирпичному зданию лосиковой общаги.

"Может, стоит задуматься о поступлении на Биофак? Поинтересоваться у Лосика что туда надо, какие экзамены сда-

¹⁷⁹ Некоторые зачётные мероприятия проводятся в универах сразу по окончанию дисциплины – обычно в половину семестра. Аналог "четверти" в школе.

вать? Тогда буду жить здесь и видеть её чаще...", – думал Леший, поглядывая на часы. Было без четверти два.

Тут с балкона пятого этажа раздался крик: "Лееший!". Он поднял голову, и увидел Лосика, она махала рукой.

– Спускайся!

– Нет, ты поднимись, пройди на вахту... – Лосик назвала номер блока и комнаты.

На вахте сидели трое "Скифов". Леший назвал номер комнаты и протянул свой паспорт. Те покосились на рюкзак Лешего:

– Бомбу везёшь?

– Не, кучу бухла и проституток. Можно у вас оставить?

– Не надо. Топай, лифт там.

"Охуеть: тут ещё и лифты. Всё-таки УрГУшные общаги отличаются от лестеховских, как небо и земля. У них ещё, небось, душ в каждом блоке есть, – думал Леший, – и чё я сразу в УрГУ не поступал..."

Вот и дверь искомого блока. Леший потянул за ручку и сразу попал в мир женского общежития: на стене плакаты с пандами, висящие на верёвке полотенца...

– Вот и ты! Привет! Барышни, это Леший, прошу любить и жаловать, – Лосик, в махровом халате и тапочках, торопливо обняла Лешего и затащила в комнату, – здесь у нас чай-

ник есть. Курить на балконе только, лучше потерпи.

– Женьк, ты безумная! Куда ты собралась, там же дубак в лесу! – одна из соседок, осмотрев Лешего, заключила, – Хотя с таким горячим мужчиной. Ммммм!

– Катя, задолбала. Хотя придумка хорошая, об него и буду греться, – Лосик подошла и обняла Лешего.

– Девчонки, тише, а! У меня коллоквиум по Иванову¹⁸⁰ завтра, я пиздец волнуюсь! – возмутилась девушка с верхнего яруса кровати, возлежавшая там в обществе тетради и учебника "Зоология Беспозвоночных"

– Сочувствую... – сказала та самая Катя ещё одной соседке, – это вон Евгения Батьковна у нас на первом курсе отстрелялась быстрее всех...

И прочие общажные разговоры. Пока Лосик бегала по комнате, собирая вещи в рюкзак, Лешему налили чаю и сунули в руки бутерброд с маслом и домашним малиновым вареньем. Леший, проглатывая кусок за куском, терпеливо ждал.

– Мда, у вас тут прямо рай, по сравнению с моей бывшей общагой.

– А ты где учился?

– В Лестехе на лесном хозяйстве. У вас всё чисто и аккуратно, а у нас... – Леший принялся сравнивать, пугая девчонок рассказами про гопников из самой общаги, про прихо-

¹⁸⁰ Преподаватель зоологии беспозвоночных в УрГУ. По легендам, треть первокурсников отчисляется с биофака из-за несдачи этой дисциплины.

дящих с соседних улиц пьяных "искателей женского общества", про то, как избивали вахтёров, про выломанную дверь в свою комнату.

Попутно Леший разглядывал уголок Лосика. На столике рядом с кроватью стопка тетрадей, ноутбук, фигурка "серебрянного копытца" из Бажовских сказов; на подоконнике растёт маленький кактус и какое-то растение с округлыми зубчатыми листиками. Над кроватью у Лосика висел ловец снов, сплетённый на большой ивовой ветке, с кучей перьев, камушков и косточек.

В это время Лосик подхватила со стула ворох одежды, а через пару минут вошла уже совсем другим человеком: чёрные брюки, свитер с горлом и рукавами с прорезями под пальцы. Тут уже надела тёмно-синюю флиску и жилет. Пуховик запихала вслед за спальником в рюкзак, буквально, запинав его туда ногами под восхищёнными взглядами соседок.

– Всё, мы готовы. Пока-пока! Полейте мою калею!¹⁸¹ Кактус не надо!

– Обязательно. Не мёрзните там!

Они захлопнули дверь комнаты и блока, да направились к лестнице

– Тут быстрее будет. Что как "скифы"?

¹⁸¹ Имеется в виду *Calea Zacathechichi* – "трава сновидцев". Наркотиком никаким она не является, но из-за спорного положения (не включённого в реестры энтеогена), выращивать её – дело рискованное. Ну, опять-таки, время было другое.

– Да вроде люди как люди. А что не так?

– Они от случая к случаю докапываются и сумки проверяют.

– Попробуй-ка до моей косметички докопайся, – сказал Леший, когда спустились на первый этаж.

Лосик подбежала к одному из "Скифов", тот вернул Лешему паспорт и сделал запись в журнале.

– Как у вас сложно-то всё.

– Ну такое. Ты, кстати, знаешь, что под этой улицей идёт подземная река?

– Да ладно?

– Монастырка. И Улица Большакова раньше называлась "Монастырская". Речку упаковали в коллектор в шестидесятые годы. Пойдём, поглядим на портал.

– Далеко отсюда?

– Нет. Время у нас есть, не переживай.

На улице, между тем, выглянуло солнышко. Леший с Лосиком перешли Большакова и потопали через запущенный сад, с палой листвой и грибами-навозниками.

"Они, говорят, съедобны. Только если не бухать перед и после приёма", – думал Леший.

В это время тропинка из сада вела их через какие-то по-мойки на земляной вал, в котором виднелись провалы, дующие сыростью.

– Вот там речка и течёт. А вон и устье!

Лосик вывела Лешего на берег Исети, где в тени клёна и тополей прятался величественный бетонный портал. С него изливалась широким языком вода реки Монастырки, порождая водопад с брызгами. Рядышком, крикая, плавали утки.

– Давай покормим зверьё!

– Это не звери, а птицы!

– Да какая разница! – сказала Лосик, достав из рюкзака хлеб.

– Так какие у нас планы?

– Сначала на вокзал, потом – на Сортыгу. Там встречаемся с нашими ребятами, затем Манул ведёт нас на товарняк. Пока всё, что я знаю. Говорят, ехать будем в ночь, так что времени у нас вагон сейчас.

– Не проще ли на электричке сразу на Аять уехать?

– На грузовом интересней. Опасней, и интересней. Ты же сам знаешь.

Леший забил и закурил трубку, Лосик бросала камушки-блинчики в воду Исети.

– Лёша, у тебя прошла влюблённость?

– Наверное, да, хотя со стороны может выглядеть по-другому.

– Просто ты мне дорог, и не хотелось бы, чтоб ты расстраивался, если в моей жизни кто-то появится. Чтоб ты меня принимал и не огорчался. Это странно звучит сейчас, когда у меня никого нет. Мне, честно говоря, сейчас спокойнее од-

ной. Но вдруг?

– Может, просто будем встречаться с тобой?

– Если будем встречаться, то рано или поздно придётся расставаться. Подумай, каково это. Я ведь не хочу просто так про кого-то говорить "мой парень". Для меня это муж и отец моих детей. Я смотрю чуть дальше во времени.

– Это считать вызовом?

– Нет. Просто я знаю, когда его найду. И, увы, это не ты. Тяжело быть ведьмой: слишком много знаешь о себе. И всё, что можешь позволить себе, находится в пределах сухих цифр: встретила жениха во столько-то, вышла замуж тако-го-то, родила столько-то детей, умерла тогда-то. Когда я получила эти сухие цифры, жизнь, которая могла бы заиграть новыми красками, посерела. Понимаешь, что ничего страшного не случится в обозримых пределах, но выше обозначенных цифр мне не прыгнуть. А у тебя – чистая случайность. Твоей судьбы не знаю ни я, ни Волк. Возможно, её знает Джа, Бог, Аллах, Провидение, Случай, Вселенная... Но не я, – слёзы выступили на глазах Лосика.

"Вот и поговорили..." – грустно подумал Леший и зата-нулся.

– Поэтому я готова перепробовать практически всё в жиз-ни, чтоб наполнить её новыми смыслами. Быть ведьмой – это как быть смертельно больным. Каждый день жизни ста-новится ценным. Поэтому я не отказываюсь от твоего обще-ства. Ты хороший, Леший. С тобой классно находиться ря-

дом. Но любовь и судьба – штуки не очень дружащие меж собой

– Обнимемся?

Они стояли, обнявшись и целуясь. Рядом падали последние листья с клёнов. Солнце то скрывалось, то появлялось снова из-за быстро бегущих низких облаков. Шумел водопад портал подземной реки, шумела Исеть, шумел город. И никому не было дела до разницы между любовью и судьбой...

– Всё, хорош грустить! – Леший отстранил Лосика от себя, тем более, что поцелуи грусти стали переходить в поцелуи страсти, а предаваться страсти на берегу Исети, даже в таком пустынном месте, было бы моветон.

"Бля, Леший, тут такой романтичный момент, а ты о ебле. Почти кадр из фильма: "Он Любил Её, но Она Знала Свою Судьбу...", бла-бла-бла, тонна пафоса. Выдохни. Фрилав же! Вот и расслабляйся, чёртов романтик!", – за Лешего подумали его внутренние собеседники.

– Ага. Пора идти, – Лосик тоже взяла себя в руки, одёрнула одежду, подошла к "водопаду" Монастырки и умылась, – никогда не умывалась в городских речках. Надеюсь, не растворюсь от воды, собранной с города.

– Не растворишься.

– Стоит отдать должное, я чуть тебя раздевать не стала прямо тут, – Лосик, наконец, улыбнулась.

– Я о том же подумал. Но решил, что неэстетично было бы... – Леший запнулся.

– ...трахаться на берегах Исети, чтоб стать приятным зрелищем для случайно забредшего сюда бомжа, или охранников со стройки на том берегу, – закончила Лосик мысль за Лешего.

– Фи, поручик!

– Нет, ты фи, поручик! Пойдём уже! – Лосик взвалила рюкзак на спину, её примеру последовал и Леший.

На "Большакова" они сели на пустой троллейбус, который неспешно вёз их на Вокзал.

На привокзальной площади, минуя всех цыган-попрошак и гоповатых "золотодолларов", Леший с Лосиком за руку проследовали к табло станции, чтоб увидеть очередное событие обстоятельств: городская электричка до Сортировки отправлялась через три минуты, а билет на неё можно купить внутри. Логичнее, конечно, ехать без билета, но тут уже поторапливало время. Да и была у Лешего примета: какой-то из участков пути лучше проехать "за денежку", отдавая "десятину" мирозданию, допускавшему бесплатный проезд. Следуя этой точке зрения, Леший кидал на обочину рублёвые монеты, подавал "аскерам" сам и помогал находить вписки страждущим. А Лосик, влекомая за руку, просто не спори-

ла: душевные терзания у берегов Исети выжали её эмоции, и она решила довериться Лешему, хотя бы сейчас.

"Станция Свердловск-сортировочный, конечная!", – возопил глас из матюгальника над головой. Двери, шипя, раскрылись, и Леший с Лосиком прыгнули на станционную платформу.

В тени здания стоял, попыхивая трубку, Манул – Как и всегда, нашлось правильное место и правильное время, чтоб встать и покурить. Привет, Лосик! Привет, Леший! – сказал Манул.

Лосик сбросила рюкзак и бросилась Манулу на шею. Прошло полминуты, и кто-то свалил Лешего с ног, прямо на бетон платформы: на Лешего кинулась Полина, и, смеясь, помогла Лешему подняться с земли. После чего Леший уже сбросил рюкзак и подхватил Полину на руки.

Со стороны это выглядело мило: встреча старых друзей, все обнимаются и, видимо, ждут какой-то электрички. Если не прислушиваться к беседам.

– Я разузнал, – сказал Манул, что подходящий нам состав с трубами на Тагил будет отправляться через час, уже в темноте. Пока можно, не спеша и поодиночке забить в нём место. Запоминайте.

Манул популярно изложил на каком пути стоит тот самый товарняк, как не спалиться железнодорожникам и камерам и в какой вагон "зачисляться". Идти договорились парами:

Манул с Полиной, Леший с Лосиком.

Между тем, накатили сумерки, с ними налетели облака.

В один момент Манул сказал: "Пора", и отправил Лешего с Лосиком подниматься на мост.

Леший, глядя с моста, отсчитывал пути, а, найдя нужный товарняк, отсчитал вагоны с трубами, начиная от моста. Теперь важно всё делать быстро и без палева: Леший и Лосик бегом сбежали по лестнице и спрятались под ней. Затем, оглядевшись на наличие путейцев, рванули, отсчитывая три вагона от лестницы, забрались в межвагонное пространство, Лосик залезла в трубу, Леший подал ей рюкзаки и забрался следом.

Теперь – расстелить пару "пенки", лечь и ждать.

Леший слышал шаги. Это обходчик вышагивал вдоль состава. Естественно, в трубы полутораметрового диаметра он не заглядывал, тем более что таких труб здесь минимум восемь вагонов.

Потом – снова шаги. На сей раз – перебежки со звуком дыхания в тишине. И вот в межвагонке показался Манул. Он ловко посадил Полину на платформу, она забрала его рюкзак, свою "косметичку" и самого Манула. Теперь в трубе сидели четвером.

– Отсчитывайте время, – сказал Манул, – сейчас девятнадцать ноль одна. Через тридцать шесть минут наш поезд номер три тысячи четыреста семьдесят первый, следующий

до станции Сан-Дonato, тронется со всеми остановками. То есть, стоять мы будем долго, пропуская пассажирские и грузовые, в Шувакише и в Исети. А потом – быстро-быстро, но глубокой ночью, надо будет спрыгнуть на Аяти. Там поезд будет стоять четыре минуты.

– Откуда такие познания? Волк подсказал?

– На Волка надейся, а сам не плошай, – сказал Манул и достал цифровую "мыльницу" Полины из кармана, – отфоткал служебное расписание в бригаднике¹⁸².

– Да ты шпион! – восхитился Леший.

– Это не я шпион, это они распиздяи. Но, в данном случае, это не вина, а похвала. Благодаря им мы едем. С комфортом.

– Сейчас тронемся и чаю попьём, – сказала Полина, извлекая свою хитрую горелку из недр рюкзака.

Раздался гудок локомотива, через секунду волна рывка, и вот поезд покатился. Вопреки ожиданию Лешего, состав покатился в сторону "Свердловска-пассажирского"

– Всё, теперь можно шуметь! – закричал Манул, – правда, в Аяти придётся привыкать к тишине снова.

– А почему состав поехал на город?

– Он пойдёт через контейнерную станцию, – сказал Манул, – я эту кухню давно знаю. Тут грузы на Тагил ходят.

Полина налила воду в свою хитрую кружку, включила газ, а поезд тем временем проезжал стрелки, одну за другой, по-

¹⁸² Как туда попал длинноволосый и бородатый Манул, совсем не похожий на машиниста или помоху – тайна великая есть.

кидая сортировочную станцию. У выходной горловины, где пути заворачивали на Тагил, поезд снова встал у светофора. Как раз в это время чай на газовке Полины изволил закипать. Но тут же снова рывок, поезд проехал последние стрелки и медленно покатился мимо промзон Екатеринбургa.

Леший, написал Этл СМС о том, что общий сбор на электричку будет в семнадцать сорок завтра. А на Аяти всех встретят.

Поезд, меж тем, набирал ход. Леший рискнул высунуться из трубы, как раз вовремя, ему в лицо вдарил луч прожектора с контейнерного терминала. Полина передавала чай "по длине трубы" при свете фонариков. Манул жестом показал Лешему "спать". Леший достал спальник, закутался сам и закутал Лосика, прижав её к себе спиной, лёжа на расстеленной пенке.

– Ехать-то недолго, стоять будем много. Если что – я вас разбужу по прибытию, – крикнул Манул. Полина последовала примеру Лешего и Лосика, также достала спальник и улеглась на своей пенке, "головой к голове" с Лешим и Лосиком. Манул же не спал. Он курил трубку, пыхая ароматным дымом вишнёвого табака внутрь трубы и что-то тихонько бормотал, не слышное из-за грохота поезда. В отсветах приближающейся станции силуэт Манула в трубе выглядел очень специфически...

"Вот тебе и романтика. Лежать, прижавшись к любимой девушке, с риском быть обнаруженными – то ещё удовольствие! А как покачивает на стрелках. Эротика, да и только. Тесно, неудобно, холодно...", – думал Леший, прижимаясь к Лосику.

Поезд прошёл несколько стрелок, заскрипел тормозами и встал. Резко стало тихо. Тихо так, что Леший слышал, как сопит Полина и Манул у неё в ногах. За этим звуком было слышно эхо станционных матюгальников и звук локомотива.

Лосик развернулась к Лешему и поцеловала его в губы. Леший раскрыл глаза, глянул на красноватый отсвет трубки Манула и снова провалился в сон. "Манул не спит, Манул рядом и охраняет сон...", – последнее, что подумал Леший перед тем, как вырубиться окончательно.

– Леший! Лосик! Просыпайтесь! Скоро будет Аять, а нам ещё собраться надо, – выдернула из сна Полина.

Всё тело ломило от ночёвки в неудобной позе, Лосик, по видимому, испытывала те же трудности неудобного сна. Переборов себя, Леший стал собираться, естественно долбанувшись головой о трубу.

– Проехали выходную горловину Исети! Теперь у нас двадцать минут на сборы! – крикнул Манул.

Тут они увидели ещё одну штуку из арсенала Полины. Она разожгла газ – и вмиг серое, с рыжеватыми потёками

ржавчины пространство трубы возникло вокруг: так ярко светил газовый фонарь.

– Ощущаешь себя Пророком Ионой? – спросил Лешего Манул

– А кто это? Я хреново Ветхий Завет знаю!

– Это пророк, который поклялся служить Богу, тому, суровому, ветхозаветному. Но передумал в своём решении, за что в шторм попал в море. А в море он угодил во чрево кита! Вот, представь, плыл он в этом чреве три дня и три ночи, радовался, что остался жив, претерпевал лишения, но молился непрерывно.

– А причём тут мы и товарняк?

– А притом! Чрево кита – это наша с вами труба и весь поезд. В отличие от автостопа здесь с водителем не побеседуешь. Более того, кит не знает, да и вообще не догадывается, что у него внутри что-то разумное сидит и молится. У него в принципе мотивации немного другие. Вот и наш грузовой так же. Так что я, когда езжу на грузовых в стрёмную погоду, часто себя представляю Пророком Ионой. И так и хочется сказать, мол, каюсь, Господи, накосячил я перед тобой. Хотя сам на всю голову агностик...

– А что с Ионой было?

– Его Бог послал проповедовать в какой-то нееврейский город, а Иона воспротивился. Мол, там же гои живут, чё мы им будем проповедовать, если они мерзостные язычники и

погрязли во грехе? И решил избавиться от задания, събавшись на чьём-то корабле. Корабль по пути попал в шторм. Думали-гадали, кто же крайний? Выбрали Иону, выкинули его за борт, а там его кит подхватил. Ну и вот, он молился там и каялся. Бог уговорил кита доставить Иону на берег, тот пошёл в город к неверным язычникам, и как давай им проповедовать. Те такие, мол, нихерассе, пророк нарисовался, а Иона и говорит, мол Бог мой вас покарает и испепелит, если не покаетесь. Ну, короче, представь, весь город покаялся, а Иона вышел из города, став ждать кары небесной. Но не дождался. Там ещё что-то было. Но мне вспоминается из этой истории именно кит¹⁸³.

– Обычно ты цитируешь почти дословно. В этот раз ты рассказывал, как автостопную байку у костра.

– Такие вещи надо воспринимать проще. Они изначально и были "автостопными байками у костра". Гораздо позже обросли ненужными подробностями и традициями, – отмахнулся Манул.

Лешему хотелось спать. Он попросил трубку у Манула, так как свою доставать и забивать не хотелось. Ребята спихали всё снаряжение по своим рюкзакам, Полина притушила газовый фонарь, вновь погрузив трубу в гулкую тьму, пере-

¹⁸³ Вольно пересказанное "Житие пророка Ионы". Воткнуть сюда эти размышления автор надоумился после прочтения статьи "По следам пророка Ионы" писателя-путешественника-экопоселенца Александра Иванова. Он, правда, писал явно не о товарняке.

межающуюся редкими вспышками по краям трубы. Манул сказал:

– Трёхминутная готовность. Сейчас будем стрелку проходить.

Действительно, поезд уже шёл "малым ходом" и качнулся на стрелке. Заскрипели тормоза. Леший застегнул все карманы и молнии на "Громе", оправился и приготовился прыгать. Поезд встал.

По сигналу Манула первой спрыгнула Полина. Поезд стоял в очень неудобном месте, на среднем пути. Вокруг светили фонари, за которыми была платформа и спасительный сосновый лесок. Манул кинул Полине её рюкзак, она подхватила на ходу. Потом – Лосик. Затем – Леший. Последним спрыгнул под свет фонарей сам Манул. Здесь в междугонье они были ещё не сильно заметны, но, выбежав под самые фонари, поскакали через пути до платформы, где останавливаются поезда, спрятавшись в тень будки. Как только нога Манула коснулась платформы, прозвучал гудок, и по ближайшему к ним пути просвистел пассажирский поезд, сияя окнами.

– Теперь – по тропинке и в лес, – скомандовал Манул, – тропу на наши скалы я знаю наугад и наощупь.

Первым делом Леший закурил сигарету, девушки убежали в кусты, а Манул продолжал излучать уверенность и спокойствие. Прогрохотал под ногами деревянный мостик, за-

шуршал песок дорожки через дачный посёлок, остались позади лающие собаками дворы, пруд с чёрной водой, и вот под ногами появились первые грязные лужи. Леший шёл замыкающим, стараясь идти след в след, даже не пытаясь запомнить дорогу.

"Это похоже на автоматизм. Вдох-выдох, правая-левая... На самом деле, Манул излучает сейчас какое-то спокойствие, и я ему доверяю...", – думал Леший, глядя на силуэты своих друзей.

Перед ним шла Лосик. Все молчали, слушая шорохи осеннего леса. В одном месте Манул свернул на лесную тропку, сразу ветви захлестали по бокам, и стал чувствоваться подъём в гору. На фоне звёздного неба вырисовался силуэт гранитного "лба" над лесом.

– Мы пришли. Впереди – стоянка, на которой поставимся лагерем.

– Это ж хорошо. Костёр ещё надо будет разводить?

– Утром. Пока надо поставить палатку и рухнуть спать.

Манул достал своё "зелёное чудище", и при свете газовой лампы начал её распечатывать.

Девушки расчистили место от камней, веток и шишек, Леший помог Манулу возиться с дугами, и вот спустя пять минут, палатка была установлена, а вещи закинуты внутрь.

Леший делал всё на автомате, засыпая на ходу. Он разло-

жил спальник, рядом со спальником Лосика, возле задней стенки, поставил берцы в "тамбуре", положил "Гром" под голову. Лосик улеглась рядом, обняв Лешего. Следом юркнула в свой спальник Полина. Последним улёгся Манул, ибо даже сверхлюдям и шаманам надо отдыхать. Он закрыл молнию на палатке, и внутри сразу образовалось подобие уюта. "Зелёное чудище" стояло островком тепла посреди холодного осеннего леса у суровых скал. Леший засыпал, глядя Лосика по голове...

Снилось Лешему, что вся их компания стоит на Башне в Екатеринбурге. И Волк рядом. Дул сырой холодный ветер, на высоте над головами маяком сверкали красные фонари. Волк с Манулом и Полиной говорили о смертях на Башне, считали какие-то цифры. Леший, даже здесь чувствуя усталость, не вмешивался в разговор, текший, казалось, без его участия, а просто смотрел на город. Рядом стояла, облокотившись на остатки железных перил, Лосик.

– На самом деле, я тоже боюсь высоты, – проговорила она, – понимаю, что можно не бояться, и иногда перебарываю себя.

– Ты устала сегодня?

– Не очень. После учёбы своей я отдыхаю с вами, как бы не было мокро, грязно и холодно...

Волк повернулся к Лешему и Лосику:

– Здесь много смертей было, все на площадке не поме-

стоятся. Ребята вчера здесь поговорили с хранителем Башни, и он разрешил отпустить одного человека. Кирюха, покажись!

Между Манулом и Полиной сидел мальчик. Пацан лет двенадцати-тринадцати, невысокого роста, в балахоне, джинсах и кепке-бейсболке с надписью "USA"¹⁸⁴.

– Эй, тебе не холодно так? – сказала Лосик.

– По-разному. Сегодня зябко. А вообще я привык, – парень проговорил хриплым голосом, показав в свете красных ламп рот с трещиной на зубе.

– Иди, обниму, – Лосик раскинула руки, приглашая к себе.

– Ох, какая тёлочка, – Леший поморщился, но парень проговорил с сожалением дальше, – Я не успел ничего. Мои пацаны уже переженились, кто не сдох. Я один тут болтаюсь между небом и землёй. Хоть пообжимаюсь.

– Чего тебя сюда понесло? – спросил Леший

– Потому что могу. А упал потому что дурак. Спорим, залезу? Спорим, пройду? Прошёл, блядь, выебнулся перед пацанами. Всё равно никто из них гроб не нёс.

– Грустно. Смелый, бедняга, – Лосик гладила по голове прижмававшегося к ней Кирюху, – ничего, переродишься и всё-всё успеешь. Обещаю!

– Прямо успею всё попробовать?

– Ну, кое-что надо попробовать не пробовать, – сострил Леший.

¹⁸⁴ Такие кепки были популярны в девяностые годы.

– Нахуй тогда жить, если не пробовать?

– Можно же не вступать в споры. А то получается, что тебя вызывают на спор, а ты ведёшься...

– Ты ссыкло, – пацан решительно поглядел Лешему в глаза, – когда ты последний раз делал поступок на спор? Когда бросал вызов?

– Лучшие быть ссыклом, чем малолетним долбоёбом, сорвавшимся с Башни, – обиделся Леший.

– Нам трудно говорить с тобой, но у каждого своя правда. Я своё долбоёбство признал. Признай и ты свою трусость. И начни её изживать.

– Ты таких умных слов здесь понабрался?

– Такие, как ты, сюда не ходят. Раз ты здесь и видишь меня, значит, можешь всё исправить в своей жизни. Просто попробуй не ссать.

Леший задумался: "Привидение меня жизни учит. Привидение малолетнего разбившегося пацана. При Лосике и всех-всех. Что же творится вокруг?" Он резко вскипел, набрался злобы и сказал:

– Слышь ты, ебанат! Твои-то подвиги ограничиваются тем, что ты свалился с двухсотметровой высоты, а сейчас учишь жить меня, не то, что не будучи мной, но даже не достигнув моего возраста! – Леший взял Кирюху за ухо, оторвав его от Лосика, и дал ему ногой под жопу. Да так, что тот чуть не свалился с Башни. Кирюха удержался, зацепившись за железный "уголок" обломанного перила.

– А-а-а, гандон ебанный! – заорал Кирюха-привидение, метнув в прыжке ногу в Лешего. Леший, как однажды случилось в общаге, поймал Кирюху за ногу, завернул его "маваши в прыжке" в сторону ночного города. Каким-то немислимым образом он подхватил висящего Кирюху за шиворот.

– Ты уже мёртв, уёбок! Что тебе ещё от меня надо? Леший был в ярости и панике одновременно, по глазам текли слёзы.

– Отпусти меня, как пацана прошу!

Леший оглянулся на Волка и ребят. Лосик обнимала Полину и плакала, Манул курил трубку и смотрел на ночной город. Лишь Волк, с бесстрастным выражением лица, кивнул, мол, отпускай.

– Я уже перерос пацана, Кирюха! Ты свободен. Передавай приветы всем, кого увидишь там... – с этими словами Леший разжал пальцы на его балахоне. Почувствовал в долю секунды, как плотная ткань врезалась к нему в пальцы и не хотела в полёт.

– Ура-а-а-а-а! – закричал Кирюха, падая вниз. Леший, сквозь слёзы, попытался присмотреться, но так и не увидел ни места падения, ни тела Кирюхи. Сил не было вообще.

– Почему? – спросил Леший, доставая сигарету из пачки и подкуриваясь, – почему всё именно так?

– Тебе надо перебарывать свои страхи, друг мой Волосатый, – ответил Волк. Они все только у тебя в голове.

– И что мне сейчас прыгнуть отсюда? – Леший сидел,

свесья ноги в двухсотметровую пустоту.

– Можешь прыгнуть. Только выдержит ли сердце? Мне будет жаль, если Лосик проснётся в объятиях холодного трупа с аневризмой аорты¹⁸⁵. Лучше просто ступай с Лосиком. Она у нас, как Валькирия¹⁸⁶, отпускает души чересчур смелых.

– Я никуда не пойду с вами, отпускатели душ, блядь...

Лосик подошла к Лешему сзади, положила руку на плечо.

– Лёша, ты всё сделал так, как надо. Пойдём со мной.

– Куда ты хочешь меня увести?

– К себе. Закрой глаза.

Леший не ощущал больше холода и ветра. Теперь было тепло, пахло хвоей и костром.

– Можешь открывать.

Вокруг Лешего был пасмурный летний день, сосны и берег реки. Рядом горел костёр, у которого сидела Лосик – в длинном платье и с хитрым украшением на груди.

– Где это я? Уже ничему не удивляюсь...

– Ты в моём пространстве.

– Это и было причиной, что ты не можешь назвать меня своим парнем? Потому что я ссыкло?

– Нет. Ты всё не так понял! У всех у нас были подобные травмирующие испытания. Ты ещё не видел моего! Хо-

¹⁸⁵ Один из вариантов, так называемого "разрыва сердца".

¹⁸⁶ В скандинавской мифологии – дева-воительница, подбирающая павших воинов и отправляющая их в Вальхаллу.

тя сейчас я уже не боюсь его показать тебе.

– Оставь при себе, не надо. Не хочу видеть твоей боли.

– Просто знай, что у каждого из нас есть такие скелеты в шкафу, которые мы не хотим доставать. Лучшие проработать их во сне, чем в жизни. Во сне цена ошибки – проснуться. В жизни – умереть. Что глупей, а что лучше?

– Ты чертовски права. Спасибо тебе...

– Отдыхай, Леший. Тебе надо сейчас отдохнуть, – Лосик откинула Лешего на траву, а сама улеглась рядом с ним.

– С тобой так удобно валяться. Ты всегда будто обволакиваешь в объятиях, – сказал Леший.

– Далеко не всех. Тебе повезло потому что ты мне самой нравишься, – улыбнулась Лосик, – закрывай глаза, а когда проснёшься, я буду рядом. И ты наберёшься сил. Всё хорошо. Всё уже хорошо.

Лосик шептала что-то на ухо, но одуревший от событий сна Леший, ничего не отображал, и, казалось, проваливался в сон прямо в сновидении...

Леший разлепил глаза, посмотрел на зелёный потолок палатки, почувствовал тёплое дыхание Лосика возле своего уха и привстал. Где-то снаружи слышался треск костра и далёкие звуки варгана. Они с Лосиком были здесь вдвоём.

Лосик открыла глаза, потянулась и обняла Лешего снова.

– Ты мне снилась...

– Ты тоже. Ты молодец... – она стала целовать Лешего в

ухо, горячо дыша.

"Ну вот тебе и доброе утро...", – проговорило внутреннее радио Лешего, в то время, как руки Лешего уже начали раздевать Лосика, в кровь впрыснули гормоны, а сознание превратилось в наблюдателя...

...Они лежали, смотря в потолок палатки и держа друг друга за руки.

– Теперь всё было без спешки и по-настоящему.

– И утро действительно доброе.

– Спасибо тебе.

– Не за что.

– Есть за что.

– Тогда и тебе спасибо, – Лосик уткнулась носом в грудь Лешего и снова задремала.

Леший же лежал, смотря на капельки конденсата, стекающие по палатке и ни о чём не думал.

Бубух! – в палатку прилетел какой-то предмет, и Леший с Лосиком подскочили.

– Просыпайтесь уже. Пора готовить поляну, да и чай остынет, – раздался полинин голос.

– Сейчас! Мне в кои-то веки выпала возможность понежиться в объятиях тёплого Лешего и никуда не торопиться! – сказала Лосик.

– Я сейчас к вам залезу вытаскивать вас! – шутила Полина.

Леший с Лосиком начали торопливо одеваться, собирая свою одежду по вороху спальников, а затем открыли вход в палатку.

– Утро доброе! – крикнул Манул откуда-то с вышины

– Воистину так! – ответил ему Леший.

– Там умывальники на дереве. В качестве полезной нагрузки – сходи на речку. Вчера по мосту переходили, помнишь? – сказала Полина, протянув две "пятилитровки"

– Нет, всё заспал. Но найдусь.

"И правда. Не помню мостика совсем", – подумал Леший.

Он пошагал в указанном направлении, вниз и направо, и действительно, через несколько сотен шагов обнаружилась кофейного цвета речка с покрытыми торфом травинками в воде. Леший выбрал место поглубже, зачерпнул там бутылки, и понёс. Вода, конечно, была мутновата, но всё равно лучше, чем из-под крана в Екатеринбурге.

Полина с Манулом дурачились среди сосен, бегая по камням и хвое босиком с палками, изображая фехтование.

"Странно. При первой встрече Манул показался таким суровым и неприветливым. Теперь я вижу его другим. Ночью в товарняке – он был третьим. Кто он на самом деле?", – думал Леший.

День прошёл в странном залипании и хлопотах. Леший с Манулом сходили на соседнюю лесосеку, приволокли оттуда гору валежных жердей, напилили и накололи. Леший радовался, орудуя топором на глазах Лосика. Лосик с Полиной ползали по скале без страховки, поддерживая друг друга, фоткали осенние листики и травинки. Лосик собирала какие-то папоротнички себе в блокнот, как объяснила она, для гербария¹⁸⁷. Сварили ведро гречки, нажарили мяса, маринованного красным вином, которое прихватила Полинка.

Так наступил вечер. Стемнело рано, но скоро прибывает электричка из Екатеринбурга. Её надо кому-то идти встречать...

– Леший, сходи ты. Полинка с тобой пойдёт, она дорогу знает, не переживай. А мы с Лосиком сделаем тут "красиво".

– Хорошо, – отозвался Леший, ползавший в то время на скале с Лосиком.

Леший взял с собой пачку сигарет и фонарик. Полина – газовый баллончик и бутылку с водой. И пошагали по лесной дороге, экономя фонарики, пока есть сумерки.

– А зачем тебе баллончик?

– Мы потопаем мимо дач, там могут собачки погулять вы-

¹⁸⁷ Автор осмелится предположить, что собирать Лосик могла папоротники рода *Polypodium* и *Physarum*, растущие на гранитных останцах. Они зелёные даже под снегом.

ходить. Ну и плюс в лесу спокойней. Места тут глухие, Манул говорит. С ним не боюсь и ночью. Без него – страшно-вато...

– Расскажи про Манула. Кто он? Он показался мне неприступным при первой встрече. Умником при второй. И сейчас, как бы это сказать...

– ...Лидером?

– Да. Вожаком таким. С которым всё хорошо, и у которого всё всегда под контролем. Где он этому научился. Не думаю, что только трейнхоп, археология и мистика этому поспособствовали...

– Это у ЕвгенийИваныча после армии. Он служил в Дагестане.

– Охуеть. Он, значит, воевал?

– Мне не рассказывал подробностей. Но однажды я посмотрела его сны. Было страшно... До армии он был просто поехавшим художником. А после дембеля первым делом приехал ко мне в Пермь, и прошёлся ночью по моим окрестным дворам. Мне о его "подвигах" потом рассказали со смесью страха и уважения. Самый эпичный момент, которому я была случайным свидетелем – он подвалил к трём пацкам с пивасом, пинанул одного под говно, другого подбросил о дверь, а третьего запихал в помойку головой. И всё это за то, что его окликнули: "Слышь, вояка, где служил?". А он тогда приехал в простой "зелёнке" без знаков отличий. И какие-то "яслужилы" до него решили доебаться.

– А почему он нас тогда от фанатъя увёл?

– Знаешь, мой друг, лучший поединок – это тот, которого удалось избежать. Этому учат во многих боевых искусствах. Вот, после армии у него появился такой "стержень" внутри. Он временами, как скала. Либо угрюмый утёс. Либо солнечный увал, на котором растут цветы. Либо крепостная стена, за которую можно спрятаться.

– Я не понимаю тонкостей ваших отношений? Вы вроде пара?

– Ключевое слово "пара". Как два сапога. Для всех мы – два воина, стоящие спиной к спине. Просто никому не показываем особо своих отношений и чувств. Хотя тогда, до армии, это его спасло от гопоты. Он тебе рассказывал, как мы познакомились? Я его от гопоты спасла, подбежала и увела с собой.

– Как в песне, да, – Леший процитировал казанскую Екатерину Болдыреву:

"Здесь ежечасно производят облавы,
С топором или дубинкой вырастая за спиной,
А ты здесь бродишь одинокий и славный,
Такой нездешний, безоружный, но всё же живой"¹⁸⁸

– Типа того. А потом... Ты знаешь, каково быть за каменной стеной. Особенно когда ты скалолаз, и всё время стену

¹⁸⁸ Екатерина Болдырева – Друг.

штурмуешь. Когда он познакомился с Волком, первым делом они подрались во сне. Волк поддерживал его всю службу в армии. Он приходил к Манулу во сны как раз там. Так что при встрече во снах они часто дерутся. Просто потому, что им нравится. Там Манул выпускает когти и зубы...

– Ты его любишь. Это круто.

– А ты Лосика.

– Я не знаю. Она говорит, что знает, когда случатся в её жизни все события. И что мне отведена не главная роль. Кажется, она меня просто "отшивает". Казалось до сегодня.

– Ну, вроде вы себя прилично вели. По крайней мере, нас с ЕвгенийИванычем не смутили, – посмеялась Полина, – мы же не детки малые!

– И славно. Сон был тяжёлый...

– Я видела. Мы же все там были, на Башне.

– Как вы слазили, кстати?

– Тяжело. Выматывает. Там в одном месте надо вообще по арматуре лезть. Мы-то со снарягой. Но навешиваться в темноте на ржавые железяки – то ещё приключение. Хотя, мне на промальпе что только не доводилось делать...

– Расскажи про "Хранителя Башни".

– Его зовут Генка Курбаши¹⁸⁹. В миру его звали иначе, но Дух Башни проник в человека, и человек взял его имя.

¹⁸⁹ Герой легенд о Башне. По легендам, бывший "афганец", на спор лазил на башню на одних руках, не используя ног. В 1998 году он разбился. А призрак его так и остался на Башне. И, пока Башня была цела, иногда в ненастную ночь видели наверху силуэт человека с огоньком сигареты.

Потом человек упал, а дух остался. Курбаши знает всех, кто там убился.

– Много?

– Не один десяток. Курбаши на нас злился, что мы явились. Манулу дал пиздюлей во сне. Потом – Манул ему. Так и поговорили. Но потом решил, что надо отпустить кого-нибудь. Взамен на негативную эмоцию. Он вообще не очень добрый, этот Курбаши. До Манула, можно сказать, "снизошёл".

– Зачем вы отпускаете призраков?

– Потому что можем. Потому что знаем, как тяжело быть в разлуке. Не живым и не мёртвым. Таким надо указывать путь.

– Здесь призраки есть?

– Человечков тут нет, только ближе к посёлку. А зверей и птиц прибирает лес.

– Как всё интересно... Мне под грибами много видно было.

– Ты и без грибов хорошо "прозреваешь". А Кирюху нам выдали, потому что он самый маленький из призраков был.

– Пиздюк двенадцатилетний... Он правда свободен?

– Спроси у него сам во сне. Хотя не спросишь, он уже в другом мире.

За разговорами ноги уже несли через бетонную гать по тропинке на станцию. По часам Полины до электрички осталось пять минут, поэтому Леший сел на платформу и за-

курил.

– Почему именно Аять? Почему подобное мероприятие нельзя было где-нибудь в более камерных условиях провести? И зачем звать нефоров?

– Аять – потому что здесь не испорчено цивилизацией. По словам Манула здесь много мест, где время течёт медленней, чем везде, и потому больше успеваешь. Нефоров звать затем же, зачем Космонавт созывал к себе на дачу, а мои скалолазы – на Аракуль. Чтоб был фон и прикрытие. У нас будет вечер сказок и снов. У неформалов "Хэллоуин". Тут вообще выходит, что это не мы их позвали, а, как бы, они – нас.

– Как всё сложно-то.

Тем временем показался огонёк справа. Он приближался, затем в свете фонарей показалось светящееся огнями зелёное туловище электрички. Звон тормозов, шипение открывающихся дверей, голос тётки из матюгальника, провозглашающей "Следующая остановка – Таватуй. Осторожно, двери закрываются!", снова шипение и звук разгона уносящейся вдаль электрички. На платформе, кроме немногочисленных жителей Аяти, выгрузилась кучка шумных пиплов с рюкзаками, гитарой и прикинутых по-нефорски.

Леший увидел знакомые лица Этл, Юки и Малыша, а также нефоров из тусовки: Чертёну, Рыжего, Макса, Колю-Коня. Гитара болталась на плече Рыжего. За руку дер-

жались Ангел и Демон. В сознании Лешего именно эта пара была синонимом безумных отношений. Во-первых, звали их в миру Аня и Дима. Соответственно, Ангел и Демон. Цимес был в том, что у девочки Ани день рождения был двадцать третьего февраля, а у Димы – восьмого марта, поэтому по странной традиции, о которой донесла молва, Ангелу на день рождения Демон дарил бритву и носки, а на восьмое марта Ангел дарила Демону бутылку вина и коробку "рафаэлок". Плюс жили они на странной квартире рядом с цирком, принадлежавшей ангельской бабушке. Леший не однажды там вписывался. Бабушка девяноста лет от роду плохо видела и слышала, поэтому визиты вписчиков начинались с крика: "Баба, ко мне подружки пришли!", а потом шёпотом: "Леший прячь бороду и распусти волосы!". Он бывал там часто в прошлом году, между странствиями. Потом ангельская бабушка умерла, Ангел вписывать перестала, но нашла себе на голову тагильца Демона. И они поняли, что прекрасная пара. Воровали на улицах дорожные знаки по ночам, выгуливали вечером компьютерную мышку вокруг дома. Короче, та ещё парочка.

А поодаль стояла, одетая в чёрный плащ и с большущим рюкзаком, Ольга из Миасса. Леший радостно улыбнулся и помахал рукой. К Ольге бегом рванула Полина и повисла у неё на шее. Они быстро о чём-то переговорили и направились в сторону Лешего.

– Леший! – раздался крик Этл.

– Конбанва! – кричала Юки-тян.

Вся туса подошла и начала радостно здороваться. Бодро и восхищённо матерился во тьму Макс, хлебал из горла пива РЫЖИЙ, передавая его Коле, Чертёне и Малышу. Леший подбежал к Ольге...

– Привет! Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты же с нами?

– Видимо да. Мы такой толпой в лес?

– Агась. Там в нас уже всё готово к приёму гостей.

– Меня Волк предупреждал, – сказала Ольга, что будет толпа. Я увидела тут тебя, Полину и ещё девочку, которая во сне рисовала Волка.

– Это Этл. Или Маша. Она не из "наших", но очень талантлива.

– Я знаю, она представилась во сне "межмировиком".

– Бабушка Этл, иди сюда, – Леший подозвал затягивающуюся "Балканкой" Этл, – Вы с Ольгой не знакомы?

– Хммм, лицо вроде знакомое, а откуда – не могу сказать.

– А я тебя знаю. Ты мне нарисовала мой портрет во сне. Я только автограф запомнила. Твою лигатуру, написанную арабскими буквами, – Оля вывела носком ботинка на песке дорожки эти буквы.

Этл слегка заволновалась, это было заметно даже в ночи при свете фонарей садоводства.

– Да, такое. Охуеть. Леший, ты мне не врал, получается.

– Какой был резон? – Леший даже обиделся, – Там, в лагере есть один из Шаманов, бой которых ты рисовала.

– Можно я тебя обниму? – вдруг сказала Ольга Этл, – за последний месяц в моей жизни начались чудеса. И вы – их зримое проявление.

– Иди сюда, – Этл с Ольгой шли и о чём-то друг другу рассказывали. Ольга пересказывала сюжеты снов. Этл – про рисунки и межмировые свои приключения...

...Они шагали по тропе между забором садоводства и тёмным прудом, под звёздным небом. Вскоре дорожка завернула и превратилась в тропку через уютный сосновый лес.

– Песню! Запе-ВАЙ! – прокричал Рыжий, – "В Средиземье есть гора самая высокая, а под нею есть нора самая глубокая..."¹⁹⁰

Народ радостно подхватил "Морию", благо, знали её почти все присутствующие. Полина пила пиво наравне со всеми. Леший тоже решил не протестовать, когда двушка "Стрельца" дошла до его уст, глотнул ледяного пива, заломившего зубы, и тут же закурил.

Меж тем, народ начал горланить другую песню:

"Лес вдоль дороги зелёный и хмурый,

¹⁹⁰ На эту песню автор уже ссылался неоднократно.

На ветках развешаны ороczy шкуры,
Зря ты нагнулся – в жопе стрела —
К эльфам дорожка тебя завела..."¹⁹¹

Леший знал и эту песню, но удивился, как дружно Рыжий вывел трёхстопную вальсовую песню в четырёхстопную маршевую.

Когда допели все известные куплеты "Зеленолесья", запел уже Леший, под ритм шагов:

"Знаешь ли ты, вдоль ночных дорог..."¹⁹²

"Попса, конечно, страшная и заебавшая, но отчего-то все её знают и подхватили, однако", – весело подумал Леший.

Идея с перепевками попсы понравилась. Да так, что к лагерю подходили под бодрый марш с песней "Белые Розы".

Перевалив гребень, толпа узрела живописную картинку. Яркий газовый фонарь выхватывал поверхность скалы, от фонаря веером расходились тени сосен, а чуть поодаль горел большой костёр. Оказалось, Манул подготовил даже лавочки из расщеплённого вдоль бревна, а над костром высоко подвесил тент. "И когда только успел?" – подумал Леший.

¹⁹¹ Ещё одна весёлая песня из ролевого фольклора "Зеленолесье", неизвестного автора.

¹⁹² Максим – знаешь ли ты.

Все дружно начали здороваться меж собой, раскладывать рюкзаки, швыряться шишками, выбирая себе места для палаток. Когда закончилась возня, и было разлито пиво, Полина потушила газовый фонарь, а туса переместилась к костру, где Рыжий и Леший устроили "Джем-сейшен".

Рыжий был худощавый, высокий, с тёмно-рыжим хаером на голове и в "Громе". Изредка он играл в переходе у "ТЮ-За", где и познакомился с Лешим. С ним на "шляпе" обычно бегала Чертёна – маленькая девочка с большими зелёными глазами и длинной косой волос. Вот и сейчас она сидела рядом с ним, собрав волосы под банданой и вороша головёшки в костре.

Как раз Рыжий и был "законодателем мод" на распевание в переходах околоролевых песен. Вот и сейчас он горланил куплеты про "Морию".

Тесным кругом сидели неформалы, с ними примазавшиеся Малыш и Юки. "Шаманов" и Этл не было у костра.

Леший поиграл тоже, затем вернул гитару Рыжему, а сам пошёл бродить вокруг. Для начала заглянул в палатку, но, развернув "зелёное чудище", Леший увидел лишь ворох спальников.

"Куда они ушли, и, главное, без меня. Почему?", – тревожные мысли закопошились в голове Лешего. Он потушил фонарь и стал всматриваться в темноту, чтоб настроить своё

"ночное зрение".

Видеть в осенней темноте – не такое уж простое дело. Но, освоив его один раз, потерять навык уже невозможно. Просто надо "проморгаться" в тёмном помещении, в темноте вообще минут пять. И не смотреть на костёр. У сидящих подле костра обычно взгляд направлен к костру, а никак не вокруг. Манул же ещё советовал Лешему вообще иногда "выключать" зрение, передвигаясь наощупь и по запаху. Для Лешего это казалось чем-то выше потолка, и он даже не пробовал. Сейчас, сидя в палатке, Леший "проморгался", и отправился в сторону скал, куда повела его интуиция.

Обойдя при отблесках далёкого костра скалу, он увидел и услышал ребят. "Прав был Манул, про нахождение по запаху, – думал Леший, – благовония зажгли, так ещё не так будет пахнуть. Холодной ночью сидеть не у костра – извращенцы".

Интерлюдия. Сказки шаманов.

– А вот и Леший, – проговорила вполголоса Лосик, – прости, что не позвали сразу, ты был увлечён гитарой.

– Что у вас тут за действо?

– Вечер сказок. Присоединяйся, – Манул подвинулся на расстеленной пенке. В нише в скале сидели два человека: Ольга и Этл, прижавшись спинами друг к другу. Перед ними стоял термос, из которого доносился характерный грибной

запах.

– Сегодня мы рассказываем сказки для Оли и Этл. Ложка говорящего, – Манул протянул вверх чайную ложку, привязанную к палке, – этой ложкой я помешивал грибы в термосе, так что она не грязная. Первым буду я.

"Военкомат, май. "Эй, чучела, равняйся! Смирно! Абабков – Я – Боровиков – Я – Бусыгин – Я... – Мануйлов – Прозвучало звонкое "Я" Манула. Пути назад ему уже не было. Как он проживёт два года неизвестно где, без своего бубна, резака и главное – без Полины, он не представлял...

После "Учебки" Манула направили в Дагестан. Три беспмятных дня в поезде позади. Были мысли о побеге, Манул даже вылезал на крышу через "зефир" и смотрел на осенние степи. Но проплакался, проблевался прямо там, на крыше вагона, и "зазефирился" обратно. В Хасавюрте их выгрузили...

...Ночью после того обстрела ему впервые приснился Волк. Он со своей нерусской внешностью и бородкой походил во сне на самых светловолосых "Чехов". И когда он сказал Манулу, что снится ему, Манул рассвирепел, достал автомат и пристрелил Волка, а затем проснулся в холодном поту за час до подъёма. Потом Волк снился ему ещё пару раз, но во снах они дрались с Волком на ножах возле горного аула. Потом в одном из снов замирились, а после этого каждую ночь ему снился Волк, водя эзотерика-любителя младшего

сержанта Мануйлова по просторам подсознания, выуживая оттуда эзотерические знания, описания духовных практик и прочую странную информацию. После демобилизации, когда весь вагон "гудел" на хасавюртовской "палёнке", Манул "прозефиривался" на крышу и курил сигареты там, глядя на цветущие маками плоские степи. Ему было наплевать, что его кто-то увидит, за всю дорогу никто ничего Манулу так и не сказал... А потом была "халтурка" на Северке, устройство маляром в ДК Железнодорожников, поездка к Полине с раздачей пизды гопникам в её и соседних дворах. После этого Манул уже понял, что почти ничего не боится в этом мире..."

Леший сидел, глядя в одну точку, на красный уголёк благовония. Во время рассказа Манула Полина затянула какую-то мелодию пением, похожим на горловое.

В голове Лешего заиграла ненавистная ему по общажным временам армейская песня, под расстроенную гитару и гнусавым голосом ирбитского гопничка Ромы:

"Мать не знает, как мы ходим по горам,
Мать не знает, как бывает трудно нам,
Как проходят нашей юности года,
В Дагистане идёт война..."¹⁹³, – пел голос, акцентировав

¹⁹³ Армейская песня, неизвестного авторства: "под шум и взрыв гранат..."

по-кавказски букву "и".

Леший потряс головой и протёр глаза. Манул, со словами: "Твоя очередь", протянул ложку Полине.

" – Полина, куда ты попрёшься на ночь глядя мусор выносить, – закричал из комнаты отец, – останься!

– Нет, пап, мне надо. Не знаю почему, но лучше мусор сегодня не оставлять.

– Смотри. Наши-то не обидят, но вдруг "красновские" или "бахаревские"¹⁹⁴ залётчики. Ты девка-то видная у меня!

– Не волнуйся.

Полина вышла на пахнувший сиренью двор, доковыляла до "помойки", выбросив пакет. Потом что-то понесло её на улицу через подворотню, где она услышала разговор двух гопырей со своего двора:

– Глянь-ка, что за гусь пернатый там топает бес сука ебаный.

– Давай загасим его, да спросим за волосы, охуели пидоры блядь...

Полина подорвалась "с места в карьер" мимо гопырей, кинувшись на шею незнакомцу с хвостиком тёмных волос, торчащим из-под банданы:

– Привет, мой хороший, я тебя заждаюсь уже! Пойдём

¹⁹⁴ Названия жилмассивов в Перми, и, соответственно, их боевых представителей.

скорей, там чай согрелся! – она обняла и поцеловала в губы ошарашенного парня. Тот, отходя от шока, даже не сопротивлялся, когда она провела его мимо гопырей к себе в подъезд.

– Плюха, этот кекс с тобой чтоли?

– Да, чтоли.

– Ну ты, мать, даёшь. Где таких находишь только?

– Где нахожусь, там больше таких нет, – отшутилась Полина.

– Плюха, значит... – сказал парень, когда закрылась подъездная дверь, – что это было? То есть, какого хуя вообще произошло сейчас?

– Парень, я не знаю, откуда ты на мою голову взялся, но учти. Если б не я, тебя бы тут обстригли, ограбили и дали бы пизды. А зовут меня Полина.

– Ты смелая. Спасибо. Я Женя Манул. Я из Екатеринбурга.

– По тебе видно, что ты не местный. И куда же ты, майским пятничным вечером, направлялся?

– Завтра хотел в музей. Пермский звериный стиль посмотреть.

Полина достала "кисс-ментол"¹⁹⁵, щёлкнула зажигалкой и закурила.

– Посмотришь. А не я – посмотрел бы нашу травму, сегодня вечером. Пошли ко мне в гости?

¹⁹⁵ Марка дамских сигарет.

– Нет. Я уж как-нибудь сам.

– А потом тебя те же два гопника выхлопают, только ты во двор выйдешь.

– Ладно, уговорила.

– Чем ты занимаешься? Зачем тебе в музей и почему ты здесь?

– Я на грузовом поезде на Бахаревку приехал. А тут – дорога просто по Куйбышева¹⁹⁶ лежала, да и приехал поздно-вато.

– А я ещё в школе учусь. Ну да ладно, пойдём ко мне всё же. Надо же узнать получше, кого я поцеловала. Пошли с отцом познакомлю.

– И что ты ему скажешь? Папа, вот я тут чучело волосатое от гопников спасла, калику перехожего.

– Папа у меня нормальный, вот увидишь...

... – И тебе не страшно на товарных ездить? – Василий Геннадьевич, бородатый дядька в очках и свитере, казался весел и расположен к разговору

– Страшно ночью по незнакомым местам ходить. Дочери вашей спасибо.

– Поля может. Она у меня скалолаз, и на гитаре играет. Девятый класс кончила нынче. Так что ты это смотри у меня!

– Смотрю-смотрю. Я вообще к вам не планировал.

¹⁹⁶ Улица в Перми, ведущая от Бахаревки в сторону Центра. Длинная, как и большинство пермских улиц.

– Ну и хорошо, что зашёл. Чего вечером шляться путешественнику по незнакомому городу. Я ж сам по молодости на товарных ездил, бывало. На практику в Губаху¹⁹⁷ мы как только не добирались студентами. А сейчас – сижу себе научником в угольном, в отпуска только и выбираюсь...

Тем вечером Манул ночевал в комнате Полины в разложенном на полу спальнике. А на следующий день Полина сводила его в музей, показала пермские странные достопримечательности, погуляла с гостем по набережной Камы и своим любимым пустырям в долине Егошихи и Стикса¹⁹⁸...

Леший, слушая рассказ Полины, представил себе совсем другую Пермь. Не пустой суровый город с гопниками и потаённой древностью. А милые пахнущие сиренью дворы, поющие соловьями черёмуховые рощи между дорогами и жил-массивами, ярко-зелёную траву... Леший посмотрел на Эту и Ольгу. Эту что-то рисовала прямо впотьмах. Ольга шептала что-то про себя. Видно было, что грибы уже действуют на них, и то, что Леший себе представлял, для них становилось реальным видением.

– Теперь твоя очередь, – Полина протянула "ложку говорящего" Лосику.

"Женечка и Тимофей сидели на протяжённой песчаной

¹⁹⁷ Город в Пермском крае, центр Кизеловского угольного бассейна.

¹⁹⁸ Маленькие речки, теряющиеся среди пустырей Перми.

косе у берега Конды¹⁹⁹. Здесь дует ветер, поэтому раздувает летнюю мошкарку, и можно спокойно погулять.

– Тим, я обижаюсь, что меня Лосиком называют.

– Ну а я что поделаю? Пизды им выписать? Так они за глаза также будут говорить. Да и ты скоро уедешь в Екатеринбург поступать, хули тебе про то, о чём здесь говорят.

Женя думала о том, хочет ли она таких отношений. Если даже парень не может повлиять на ход событий. Предвидеть бы, знать бы всё заранее, где подсыпать стекла, а где – соломки?

В Междуреченском на станции "Устье-Аха"²⁰⁰, где Женя садилась на ночной поезд в Свердловск, бродили цыганки и докапывались до возвращавшихся домой вахтовиков. Её же будто не замечали, хотя семнадцатилетняя Женя очень хотела задать вопрос. Готова была даже дать денег.

– Погадайте мне, пожалуйста, – окликнула она цыганок, – я вам денег дам!

Глупое было решение и импульсивное. И сама не поняла, зачем она их позвала. Одна из них – самая старшая по возрасту – направилась к ней.

– Дочка, а ты точно хочешь знать судьбу? Не боишься, что потом будет тяжело жить? – старая гадалка взяла Женю за руку, – о, да у тебя свой дар есть.

¹⁹⁹ Река, на берегу которой стоит город Урай – малая родина Лосика.

²⁰⁰ Ближайшая к Ураю железнодорожная станция, сотня километров к востоку.

– Не боюсь. И что за дар?

– Смелая ты, дитя колдовского рода. Прабабка тебя бережёт с того света. Жить тебе от рождения шестьдесят восемь лет, мужа встретить в двадцать два, детей двое будет, сыновья. Один дар переймёт. До этого живи, как хочешь. Только от судьбы не уйдёшь, даже с твоим даром.

– А что за дар? – голос у Жени надломился

– Мёртвых на тот свет провожать, – цыганка развернулась и торопливо пошла к своим.

– А деньги?

– Не надо мне ничего, себе оставь! – не оборачиваясь, крикнула гадалка.

Садясь в поезд, Женя – Лосик – плакала, глядя в окно. Онаехала в неизвестность, но теперь знала главные цифры; мужа встретит в двадцать два, детей двое, умрёт в шестьдесят восемь...

На время поступления родители сняли для Жени комнату в квартире в "свечке" у Дворца Спорта. Она ездила в УрГУ на трамвае, сдавала вступительные экзамены, потом возвращалась в комнату одна. Соседка – бабушка-хозяйка – не особо докучала Жене, да и Женя была аккуратным квартирантом: за собой прибирала, не водила гостей, не приходила поздно.

Однажды Жене приснился странный сон. Её Тимофей, в этом сне пригласил Женечку на день рождения, или ещё куда. Там все подпили, подпоили Женьку, а потом начали при-

ставать. Тимофей же приговаривал, мол, объездите все моего Лосика, да весело так, задорно... Женька вырвывалась, кричала, но ребята просто прибавили музыку погромче.

А потом всё исчезло, стало тихо, а Женечка оказалась на берегу реки в светлом сосновом лесу. Рядом горел костёр, а на ней было красивое платье, со странным вышитым узором и монетками на груди. Напротив сидел высокий парень с короткой стрижкой и шрамом на губе.

– Мир вообще скорее добрый, чем злой, Лосик, – сказал парень.

– Не называй меня так!

– К тебе, Женечка, вернулось твоё родовое имя.

– Что за дерьмо ты мне в уши вкручиваешь? Кто ты такой вообще? – разозлилась Женечка

– Твоя прабабка-вогулка гордилась бы тобой. Твоей смелостью.

– О какой смелости идёт речь? – спросила Лосик, но увидела рядом ещё одного человека. Молодую девушку, чем-то похожую на Лосика, но имеющую чуть более "нерусские" черты лица. В таком же платье, как и у самой Женечки.

– Ам люльсынъ росъ лавегум. Нанъ лави, Хайтнунт-ка-сюм²⁰¹, – сказала эта женщина.

– Знакомься, это твоя прабабка. Она шаманка из рода Лося. Лось – Ялпынг-Уй – священный зверь твоего рода

– Охуеть теперь. Что мне делать с этим знанием?

²⁰¹ "Я плохо говорю по-русски. Говори ты, братец-Волк" (манс.).

– Жить более осознанно. Тебе за последний месяц достаточно свалилось всякого.

– А ты-то сам кто таков?

– Я Волк.

– А я китайский лётчик. Что за цирк-то блядь?

– Тебе вообще-то это снится...

Женечка проснулась, подскочив на кровати.

"Волк? Прабабка? Какой-то язык. Мансийский что ли? Блин..." – думала она. Лосик встала, дошла до туалета, попила воды и легла снова.

Они опять сидели у костра на берегу реки: Волк, красивая мансийская женщина и Женечка.

– Ну, что? Проснулась? Вот тебе и осознанное сновидение.

– Нань хуринг аги, Няпкве²⁰², Лосик. – сказала женщина.

– Она говорит, что ты хорошая девушка. На тебе её защита впредь. Она гордится тем, что ты не побоялась жить, зная свой срок. Она сделала также когда-то

– Докопалась до цыганки?

– По-другому, но суть та же. Тебе надо будет помогать сохранять мир, успокаивать павших и помогать неуспокоенным уйти.

– Как всё запутано. Не было бы сном, я б матом послала.

– Меня посылай, сколько хочешь, я не переломлюсь. Прабабушку уважай.

²⁰² "Ты хорошая девочка, Лосёнок" (манс.).

– Как её хоть зовут?

– В миру её Марьей звали. Сама поспрашивай маму про её бабушку.

– Спасибо тебе, прабабушка Марья. Не могу называть прабабушкой девушку, которая выглядит как я.

– Всякое бывает. О Тимофее своём я бы тоже порекомендовал забыть. Не пара он тебе.

– А кто – пара?

– Тебе же цыганка русским языком сказала, в двадцать два года.

– А до этого?

– Друзей никто не отменял.

– Ты где-то есть? Или ты, как моя прабабушка?

– Я где-то есть, но вам не покажусь.

– Кому "Вам"? – Лосик решила задать сразу все вопросы.

– Тебе и другим хорошим людям, которые видят меня во снах.

– Интересно, а много ли таких?

– Пока трое вас. Скоро будет больше...

– Заинтриговал. А мой выбор профессии и института вообще правильный?

– Это твой выбор, значит он в любом случае правильный. Просыпайся. Где-то по улицам города ходит девушка, которая тоже видит меня во снах. Вам надо познакомиться...

Лосик проснулась от звука собственного будильника. С мыслями о том что наконец случилось в её жизни что-то

необычное. Это необычное она пыталась поймать за хвост, читая всякую эзотерику, Кастанеду вперемешку с Паюсом. "Вот и довыёбывалась", – подумала она.

А потом в её жизни случилась Света и Манул с Полиной. Но это уже совсем другая история..."

Леший был удивлен историей Лосика, и понимал, что каждого из них привело сюда какое-то чудо. Так или иначе, связанное с Волком. Теперь была его очередь высказаться. "Вот уж точно необычное и мистика, – думал он, – когда к тебе является твой предок и говорит о защите. Правда, в рассказе своём Лосик материлась изрядно. Чего в жизни она практически не делает".

Лосик уже протянула Лешему "ложку говорящего". Этл залипала на огонёк свечи, Оля разглядывала Манула и Полину. Манул тихонько брякал на варгане. Где-то на той стороне скалы сидели неформалы. У них была "своя атмосфера", и они не удосуживались обойти скалу холодной ночью.

Леший начал рассказывать историю про знакомство с Этл и свой первый стоп, плавно перейдя на учёбу в универе. Рассказ сам собой отмечал ключевые моменты в жизни Лешего за последние три года. Первый автостоп с Этл, ссоры и пьянки в общаге, первый выход на "стрит" в переход, где пермская Крис играла "Ночных снайперов" и Башлачёва, и

по доброте дала свою гитару поиграть Лешему. Потом Леший уже пришёл со своей гитарой. Вспомнил он и выселение из общаги, и девятнадцатое марта, и концерт "Мельницы", на который он в обществе Марины ходил на следующий день после выселения из общаги. И отчисление из института вспомнил, и знакомство с Ваней-тогучинцем, и лето автостопа. И осенне-зимние поездки до Челябины и Новосибира. Тогда у него случилось первое в стопной жизни чудо, после которого он остался жив²⁰³. Потом была вписка, на которую вломились скины, сотрясение, две недели в больнице. Праздник девятого мая, "подмост", знакомство с Настей и дорога в Ростов. Леший поражался, насколько его жизнь, казавшаяся бесцельной, ложится в канву рассказа. Закончил рассказ он комариной ночью в Ошлангере, где он сидел на крыльце бабушкиного дома, глядел на ночных насекомых, вьющихся вокруг фонаря и слушал ночные звуки деревни: далёкий лай собак, жужжание комаров, стрёкот сверчков и ахи-вздохи из соседнего дома. Леший тогда вспоминал Настю и завидовал чужому "празднику жизни". Той ночью впервые приснился Волк. Пересказал Леший и его первые монологи про прелюбодейния, про сельские дискотеки. Сама собой вспомнилась фраза Волка: *"Это не уныние, а праздник. Такой оголтелый праздник жизни, когда можно позволить себе не думать о хлебе насущном хоть один вечер – вот что такое дискотека!"*

²⁰³ Об этом Леший расскажет позже. Всеу своё время.

Леший поднял "ложку говорящего" над головой: "У меня всё. Я не знаю, что ещё вам рассказать".

– У нас тут в термосе нормальный чай есть, пивни, Леший. Сегодня грибничают только Ольга и Этл, – сказал Манул.

– Ты правда служил в Дагестане?

– А ты правда учился в Лестехе? – усмехнулся Манул.

– А ты, Лосик, общалась после этого с бабушкой и мамой?

– Мама мне рассказывала, что прабабушку действительно звали Марья. И что её муж – русский комиссар, пришедший устанавливать советскую власть на берега Конды – влюбился до безумия. А потом родилась моя бабушка. Потом война... Прадед ушёл на фронт в сорок первом. А на прабабку в это время кто-то донёс, что она антисоветчиной занимается и людей травами, да заговорами лечит. Разбираться тогда особо не стали. Бабушке восемь лет было. Её – в детдом, а прабабушку Марью – на "десять лет без права переписки"²⁰⁴. Прадед, вернувшись с войны, узнал что да как. С ума чуть не сошёл от горя. Но справился, бабушку из детдома забрать умудрился, один её воспитывал. А потом бабушка выросла, да вышла замуж за геолога, приехавшего на север нефть искать. Так моя мама родилась...

Наступила тишина, нарушаемая отзвуками песен из-за скалы.

– Мы посидим с Этл и Олей, – сказал Манул, – идите

²⁰⁴ Скорее всего – смерть в лагере или расстрел. Время было страшное.

спать.

Лосик кивнула, Леший допил чай из протянутой кружки. Из рта шёл пар, а над головами и соснами сияло тысячами звёзд безлунное ясное осеннее небо.

Лосик предложила Лешему не обходить скалу, а пролезть через вершину. Днём эти скалы порядочно исходили и излазили, поэтому путь наверх нашли почти наощупь. В одном месте надо было схватиться за дерево и подтянуться, держась за камень. Подъёмы здесь гораздо меньше, чем на Аракуле и Таганае, горы Уральские здесь настолько покаты, что скалы остались только на самых вершинах небольших гранитных сопок. Да и те – выглаженные ветрами и морозами, похожие на исполинские каменные матрасы. На Аракульском Шихане они, конечно, более впечатляющие, но здесь, к северу от Екатеринбурга, они маленькие и уютные. И почти на каждой сопке есть свои маленькие скалы, так что легко найти "своё", не затоптанное туристами и скалолазами местечко.

Первой на скалу забралась Лосик, за ней следом вскарабкался Леший. Отсюда уже было видно костёр и лагерь, хорошо слышно шум голосов и распеваемую Рыжим песню про старый замок в горах²⁰⁵. Вершина скалы едва-едва возвышается над деревьями, но этого достаточно, чтоб оглядеться во-

²⁰⁵ Тэм Гринхилл – Посвящение Каэр Морхену.

круг, на пейзажи. Над головой огромное количество звёзд, вокруг – тёмное море осеннего леса. Лишь вдали виднелось зарево "Города-крепости"²⁰⁶ и огоньки аятских дачек. Саму станцию Аять от скалы скрывал лес.

– Знаю! – громко сказала Лосик.

– Что знаешь? – спросил Леший.

– Звезда упала. Надо сказать "Знаю" и желание загадать...

– Двадцать первый век, студент-биолог смотрит на звёзды и загадывает желания, – сострил Леший.

– А ещё этот человек ведьма, только что поведавшая свою историю. А рядом с ней стоит человек, бросивший институт, ездящий автостопом и верящий в коллективные сны, – сказала Лосик, – не сумасшедшие ли мы с тобой?

– Может и так, – Леший закурил сигарету, расстелил "Гром" на скале, в свитере сразу стало зябко. И сел спина к спине с Лосиком, глядя на небо.

– Благодаря вам, я делаю жизнь интересней и осознанней. Учёба в универе тоже интересна, но не так. Иногда теряется цель жизни, делаешь всё, будто на автомате. А здесь с вами. С тобой. Всё такое... Острое, что ли? Искреннее.

– Спасибо, буду считать это похвалой, – сказал Леший, – я бы ещё сам знал, что мне делать дальше?

– Тебе негде жить?

– Там, где мне всегда рады, мне нечем заняться. Либо ид-

²⁰⁶ Здесь имеется в виду город Новоуральск.

ти тупо на завод, охранником в магазин или ещё куда. Либо сидеть на шее у родителей и деградировать.

– Затворничество не всегда деградация. На Манула посмотри.

– Манул волевой человек. Я, по сравнению с ним, так себе шаман.

– Тебе нужно общение и другие люди. Расскажи, какие есть идеи у тебя?

– Ну-у, так сразу? Для начала, пережить зиму. Весной появляется работа, связанная с экскурсиями и сплавами; параллельно – автостоп и "аск". А зимой надо найти тёплый уголок. Я бы устроился на какую-нибудь работу. Может даже поменял бы город. С тобой, правда, реже бы виделись. Снял бы жильё вскладчину с распиздяями типа себя, да и сидел на попе ровно до весны.

– А работа над собой? Преодоление своих страхов?

– Параллельно занимался бы этим.

– Мда. Жизненное планирование у тебя ни к чёрту. Да и у меня, пожалуй, тоже.

Лосик замолчала. У костра тем временем запели "Агату Кристи", пьяные голоса вопили про звёзды, которые падают в дебри сказочной тайги.

Эту песню Леший впервые услышал очень давно, ещё лет в шесть, когда он, в компании старшего брата и его друзей, лазили по заброшенной стройке возле самого леса. Поэто-

му слова "Ночью по лесу идёт Сатана и собирает свежие души..."²⁰⁷ долго были для маленького Алёши источником страха перед ночным лесом. Пока Леший не попал в Оленьи и не узнал, как это здорово ходить в лесу по ночам, если знаешь тропинки.

– Моя прабабушка знала, как за ней придёт смерть, – сказала Лосик, глядя на отсветы костра, – Это она рассказала мне во снах. Поэтому она подготовилась хорошо и заранее. Правда, бабушку не предупреждала. Но, как могла, "подстелила соломы", чтоб челюсти того страшного времени не пережевали её мужа – моего прадеда Семёна и маленькую мою бабушку Галину. Я вот думаю, если будет такое страшное время, когда придёт мой черёд, смогу ли я сделать так же, как прабабка Марья?

– Не могу судить за тебя и твоих родных. Мне всё же жаль, что твой "суженый" не я, – сменил тему Леший.

– Мы молоды. Тебе – двадцать, мне – восемнадцать. Дружить нам судьба не помешает. Да и у тебя, Леший, всё будет хорошо.

– Ты оптимистка, – улыбнулся Леший, – пойдём спать?

– Давай.

Леший накинул "Гром" на плечи, размял затёкшие ноги и вприпрыжку, в несколько шагов спустился со скалы к костру. А следом за ним и Лосик.

²⁰⁷ Агата Кристи – Сказочная тайга.

– Ой, Леший пришёл! – Рыжий обрадовался, – спойте что-нибудь!

– Мы подмёрзли, – сказала Лосик.

– А мы нальём! – Лешему и Лосику протянули кружку с горячим ароматным глинтвейном, – грейтесь! И бутерброды берите!

– Спасибо!

Лосик отпила, передала кружку Лешему и взяла в руки гитару:

"Далеко по реке уходила ладья,
За тобою ветер мою песню нёс.
Я ждала-ждала, проглядела очи я,
Но покрылся льдом да широкий плёс..."²⁰⁸

После этой грустной песни она сунула гитару в руки Лешему, который тоже вспомнил "Мельницу":

"Над болотом туман
Волчий вой замечает следы
Я бы думал, что пьян,
Так испил лишь студёной воды..."²⁰⁹

Леший допел, да и снова сунул гитару Рыжему. Тот, со

²⁰⁸ Мельница – Зима.

²⁰⁹ Мельница – Воин вереска.

словами: "Ну, от лирики перейдём к кричалкам", затаил "Выйду ночью в поле с конём..."²¹⁰. Коля-Конь поморщился, а народ начал над ним потешаться. Но запели все.

Под звуки "Коня" Леший с Лосиком потихоньку покинули костёр и залезли в "зелёное чудище".

– Как ты думаешь, мы сможем увидеться во сне? – шёпотом спросил Леший

– Надо попробовать, – ответила Лосик, поцеловав Лешего в небритую щёку.

Леший обнял Лосика, уткнувшись в его плечо, и действительно быстро уснул.

Снился Лешему зимний город с яркими рыжими фонарями на мостах, блестящим и хрустящим снегом под ногами и чувством простора. Леший сразу узнал свои ощущения от Новосибирска. Он стоял на "Плахе" у памятника Ленину вместе с Чумой, стопицицей из Ёбурга. Она рассказывала ему про автостоп и характер города Новосиба.

"Я приехала сюда первый раз летом, причём так ехала – аж летела. Купила хотдог, пива и пошла искать дворик поуютней, чтоб покушать. Нашла. Села на скамейку и думаю, мол, город, скажи что делать дальше. А потом поднимаю глаза. А там гараж стоит. И на гараже надпись: "Пошёл вон". Я такая, мол, поняла. Развернулась, на собаку в сто-

²¹⁰ Эта песня известна неформалам, и поётся в апогей пьянки.

рону "Аэрофлота"²¹¹, и на трассу обратно в Ёбург. А во второй раз приезжала, так по дороге машина сломалась одна, у другой – колесо лопнуло. Но всё же доехала, я с Дусей ездила, ты её знаешь вроде. И мы всё же доехали. Нас на "Троллейке"²¹² высадили ночью, мы с какими-то гонниками затусили. Ага-ага, две девчонки с гитарой и пирсой! Ну нормально посидели. Парни-гонники нас подогрели едой и деньгами, а с утра проводили на электричку в город. А там, на Вокзальной магистрали надпись: "Опять вы? Ну ладно, будь по-вашему" Такой вот он, Новосибирск". Леший развернулся вокруг, посмотрел на яркие фары машин, новогодние растяжки, автобусы, едущие по Красному Проспекту. Обернулся – Чумы уже не было рядом. Усмехнулся, да и пошагал в сторону Вокзала. По дороге ему встретилась Лосик.

– Привет, Леший. Ты помнишь, что это сон?

– Да, – Леший "осознался", – И мы договаривались с тобой встретиться. Внезапно я в Новосибе.

– Ага. Тут круто зимой. Я тут однажды была зимой, ещё в школе училась. Нас сюда на "Олимпиаду" по биологии привозили, в Академгородок²¹³.

– А мои сибирские друзья поразъехались кто куда, –

²¹¹ Станция электрички в пригородах Новосиба, рядом с которой удобная автостопная позиция на запад.

²¹² Район на окраине Новосибирска.

²¹³ Отдалённый, но очень приятный район в Новосибирске. Возможно, его главная достопримечательность вообще.

грустно сказал Леший.

– Есть же Юки и Мальши! Пообщайся с ними! Будет и ещё кто-то!

– Ты говоришь так, будто что-то знаешь про меня

– Я же ведьма, – в своей манере ответила Лосик.

Они шагали по тротуару, заметённому снегом. Рядом ехали машины, под ногами шуриал снег, и тихо играла какая-то американская рождественская музыка из какого-то магазинчика рядом.

На привокзальной площади ("Площадь Гарина-Михайловского", – вспомнилось Лешему) висел большой баннер с надписью "ПРИЕЗЖАЙ!"

– И это тоже знак? – спросил Леший.

– Да. Новосибирск говорит понятным языком. Не намёками. Поезжай сюда зимовать. Посветлеешь, – Лосик улыбнулась в свете огней площади. Леший обернулся вокруг, посмотрел на тёмное небо, роняющее снежинки, и закружился на месте, раскинув руки. А затем – проснулся.

Глава 8. Дороги ноября.

В палатке было тесно и ещё темно. Виден был отсвет от костра, но голосов не слышно. Леший выкарабкался из объятий Лосика, аккуратно перелез через Полину и Ольгу, кляня себя, что ботинки лежали не у чёрного входа "зелёного чудища", да и выбрался в холодный тамбур. Палатка сверху была покрыта инеем.

У костра сидел Манул, разогревая заледеневшую гречу в котелке.

– Доброе утро, Леший. Ты сегодня ранний птыц.

– Воистину.

– Народы вчера даже не поели гречки, сразу на синьку накинулись. Гречка, блин, пристыла. Зато тут есть глинтвейн. Можешь угощаться.

– Отлично, но лучше уж чаю, – Леший глянул на ледяную корочку в котелке с бывшим глинтвейном и решил его вылить.

– В умывальнике вода тоже подмёрзла, но сверху, – напутствовал его Манул.

Действительно, Лешему пришлось рукой отогреть крышку "умывальника", сымпровизированного из пятилитровой пластиковой бутылки. Он вылил глинтвейн под ближайший куст шиповника, отскрёб ледок и ополоснул его, как мог, из-под умывальника. Потом набрал воды со льдом и поставил на огонь.

– Ништяк погодка! – сказал Леший, закуривая сигарету.

– Надо приготовить чаю на всех. А то проснутся, нить будут.

– Я думал, вы не из тех, кто ноет.

– Мы может и не из тех. Но вот неформал – существо городское преимущественно, и ему будет печально при пробуждении.

– Это верно, – согласился Леший.

Он достал из карманов "Грома" строительные перчатки. Надел их на руки с мыслью, что всяко теплее, и повесил котелок над огнём.

Сначала из палатки вывалились Юки с Малышом. Малыш забил трубку молча.

– Ну вот, с ноябрём вас, дес.

– Охаё, Леший-кун! – сказала Юки, мы тут печенек припасли!

– И вам не хворать, – отозвался за Лешего Манул, – Чай готов!

Леший лопал печенюхи, запивая чаем, да слушал разговоры Юки с Малышом.

– На поезд у нас сейчас денег не хватит. Где мы можем вписаться по дороге. В Тюмени у нас есть Надя Филин, ну на самый крайняк – "Троятник". В Омске – только если в "Нефты" ехать, к Анечке, а это далеко от трассы. Нон-стопом мы с тобой рехнёмся. Особенно если снег выпадет.

– Ну смотри, они-чан, можно доехать до Омска, а там на "Ласточку" в Энск.

– Ну, если в три часа будем на вокзале, дес.

Леший прислушивался к разговору, а потом подсел поближе, да спросил:

– А можно с вами в Энск?

– Ну приезжай, у нас круто. Можно стритовать на "Маркса" или в "Кишке".

– Знаю ваши стритовые места, бывал у вас. Меня другое интересует, как бы там зиму перезимовать.

– Можешь с нами, либо ещё куда тебя определим.

– Чувствую себя напрашивающимся нахлебником, – сказал Леший.

– Да что ты, дес.

– Меня умиляет это ваше анимешное "дес" всё же, – Леший улыбнулся.

– А меня вот умиляют ваши чудные словечки уральские, – сказал Малыш, – "падик", этловские "пилики", "своротка"...

– Да ты прямо филолог.

– Ага-ага. Два гамбургера и диетическую колу, как в анекдоте²¹⁴, – отшутился Малыш.

Постепенно к костру стали подтягиваться ещё люди, вылезла Лосик, красиво потянулась, Леший залюбовался. Следом из "зелёного чудища" появилась собирающая волосы в хвост Ольга. А над лесом восходило солнце, уже не очень тёплое, но всё же. Редкие блики ночного инея быстро превращались в капельки воды...

...День прошёл в лазании по скалам и сборах в обратную дорогу. Ольга не могла наговориться с Этл, всё выпрашивала её о каких-то художественных делах, в которых Леший был не силён. Да и вообще, он не особо прислушивался к их

²¹⁴ Популярная шутка про студентов-филологов и их последующее трудоустройство.

разговору.

"Что мне нужно для дороги? – думал он, – Спальник, пенка, термос. Тёплое. Надеюсь, ночевать нигде не придётся. А может плюнуть на всё, купить билет и приехать спокойно на поезде? Делов-то на двадцать два часа, да штуку денег. Но Юки с Малышом едут стопом. Может и мне удастся".

Ближе к вечеру собрались в обратную дорогу в город. Манул торжественно сжёг в костре весь мусор, который пособирали Чертёна, Полина и Лосик, – бутылки, пакеты, банки, даже чьи-то носки. Присели на дорогу. Потом отправили девушек вперёд, да и дружно затушили костёр самым неуважительным образом.

К станции подходили уже в вечерних сумерках. За спинами в тёмно-синие облака садилось красное солнце, как предвестник холодов. Подкатила электричка, и все присутствующие погрузились в тёплый вагон, заняв собою и рюкзаками целых две "секции".

Рыжий, как всегда, расчехлил гитару, начав лабать какой-то "типа рок-н-ролл", а Леший вместе с Манулом вышел курить в тамбур.

– Айда сегодня ко мне. Отец по субботам баню делает, – внезапно озвучил приглашение Манул.

– Можно и так.

– Ты решил в Энск ехать, я слышал?

– Агась. Только пересоберусь в Михайловске ещё.

– Смотри. Туда можешь и стопом, пока погода позволяет без снега и метели. А обратно – как потянет, так и едь. Ты хорошо дружишь с интуицией, но не прицепляйся к Вавилону, по крайней мере, этой зимой.

– Спасибо. Еды же какой-нибудь надо будет тебе?

– Не беспокойся. У меня всё есть, да и на вас найдётся. На Сортировке мы покинем состав. Там посмотрим по расписанию, на чём можно ко мне доехать.

Манул, не торопясь и обстоятельно, забил трубку, хотя Леший был напряжён и высматривал контролёров.

За всё время до "Сортировки", оные так и не появились.

После "Огородной" в электричке на глазах у пассажиров началось шумное прощание. Основной состав неформалов выходил на Вокзале. Эгл, Юки и Малыш собрались ехать дальше – в Кольцово. Тем более, что эта электричка, возможно, поедет как раз на Каменское направление.

Леший в обществе Ольги и "Шаманов" покинул электричку, прыгнув на платформу "Сортировки" под светом фонарей.

Манул забежал на станцию, глянул в расписание и вышел, почёсывая затылок.

– Дамы и господа, – сказал он вполголоса, – предлагаю вам небольшую, но приятную прогулку до "пермской горло-

вины".

– А палево? – спросила Полина.

– Хочешь что-то спрятать – положи на видное место, – ответил Манул, – будем атаковать наглостью.

Леший, после поездки до Аяти полностью доверяющий в вопросах трейнхопа Манулу, не сомневался и в этот раз. Они взвалили рюкзаки на плечи, перепрыгнули заборчик за платформой и шумным табором почапали по тропинке вдоль путей, выведившей на просёлок.

Через полчаса быстрого шага показался тот самый "последний светофор", в кустах у которого нужно было прятаться, выжидая товарняк.

– Здесь даже "лавочки" есть, – Манул показал на поваленное бревно и мангал в близлежащей сосновой рощице, – сейчас мы разведём костерок и "типа мы грибники".

С этими словами Манул начал собирать шишки вокруг, складывая их в мангал. Потом где-то нашёл бумагу и поджёл. Выглядело довольно натурально – пять человек сидят субботним вечером у мангала, типа что-то жарят, поглядывают на поезда. На всякий случай, Леший обезопасил место вокруг мангала, чтобы тот, прогорев, не выпустил из себя ни одной искры на хвойный опад. В это время Полина тренькала на варгане а Ольга и Лосик просто протягивали руки к мангальному небольшому костерку из шишек.

Мимо промчал один товарняк с контейнерами, без остановки. Потом второй – малым ходом – в сторону Екатеринбурга. Потом ещё один. И наконец, через сорок минут ожидания, на путях перед "красным" затормозил со скрипом грузовой с хопперами. Светящийся огнями локомотив проехал мимо импровизированного "пикника" и остановился возле самой стрелки.

– Идеально! – воскликнул Манул, – на старт, внимание, поехали!

Ребята подхватили рюкзаки и подорвались по тропиночке, потом по гранитным окатышам насыпи на лесенки хоппера. Леший с Лосиком забрались на одну площадку, Манул, Полина и Ольга – на другую. По пассажирской однопутке пронёсся, сияя окнами, "скорый". Манул всё выглядывал в сторону кабины: не увидят ли машинисты? Не выглянут ли посмотреть на подозрительное движение? Но нет: проехал "скорый", сигнал светофора сменился на "зелёный", локомотив дал длинный гудок. Леший с Лосиком ухватились поудобнее, чтоб рывок не был таким чувствительным. Волна грохота прокатилась по составу, вагоны тронулись и поехали.

– Леший! Это круто на самом деле! – крикнула ему в свисте ледяного ветра Лосик.

– Только холодно, аж пиздец!

– Главное, чтоб на Северке остановился.

– Там, даже если не остановится, спрыгнем на малом ходу,

было бы куда!

Леший обнял Лосика, усадил её к себе на колени, согревая своим теплом. Благо, мёрзнуть было недолго. Всего через пятнадцать минут состав начал притормаживать, а затем – качнулся на первой стрелке Северки, сбавив ход.

– Как мы поймём, когда нам прыгивать?

– Мы увидим ребят.

Проходили ещё стрелки, слева и справа потянулись ещё два товарняка, над головой мелькали синеватые лампы станции. Справа стоял состав с думпкарами, за которым виднелись уже Северские Палатки, но состав шёл малым ходом и не думал останавливаться. Сзади высунулся Манул, показав жестами необходимость прыжка.

Лосик надела перчатки, повисла на лесенке и, отпрыгнув от неё на полметра, покинула состав. Следом изготовился Леший. Он надел рюкзак, завязал все лямки на нём, взялся за поручень, спустился ногой на последнюю лесенку и повис. Теперь – шаг в сторону – Леший, полуприсев, раскорячился на щёбёнке. Живой и невредимый. Сзади к нему подбегали Лосик и Ольга. Затем чуть впереди прыгнули Полина с Манулом.

Ещё пару минут состав слева медленно катился мимо. Оказалось, в хвосте поезда ехали и вагоны-"теплушки", запломбированные и опечатанные.

Дождавшись, когда проедет последний вагон, Леший и ребята начали перелезать под думпкарами справа. Делать это

надо было быстро, а то не дай Бог состав тронется. Но вот рюкзаки и вся компания в сборе, позади мир железнодорожный, а ночная Северка встречает запахом топящихся печек и лаем собак.

Манул остановился у небольшого деревянного домика со сварными воротами. Постучался в угол дома.

– Ладно. Придётся опять армию вспоминать, – с этими словами Манул запрыгнул на трубу забора-палисадника, с неё – на крышу ворот и исчез из поля зрения остальных.

– Добро пожаловать, дамы и господа! – Манул отворил дверь на воротах изнутри.

– О, вот и Женька приехал. Да ты не один сегодня! Здравствуйте, гости дорогие!

– Ребята, это Иван Васильевич, мой батя, – представил Манул короткостриженного усатого дядьку с седыми волосами.

– Очень приятно. Баня как раз поспела. Я тебя дожидаясь. Гостей у себя на чердаке поселишь?

– А то. Проходите пока в дом, тут разувайтесь!

Леший смотрел на дом. Небольшой крытый двор, сенки-прихожая, циркулярка, мотоцикл "Урал" с коляской. Такие же дома в его родном Михайловске, отличаются только мелкими детальками. После холода на улице тепло дома было, как удар мешком по голове. Сразу на Лешего навалилась

усталость, и идти уже никуда не хотелось. Да и не требовалось: Иван Васильевич затащил гостей за стол, стал доставать соленья и поставил вариться картошку в чугушке. Леший озирался по сторонам.

"И не скажешь, что тут живёт шаман. Если не считать обилия резных вещей, то всё как у всех. Русская печка, печка-"галанка", иконы в уголке, телевизор с очередной поюще-блюющей "фабрикой звёзд", уютный диван. Но кажется, что тут всё холостячки, без "женской руки". Где же мама Манула? А где его собственный уголок?", – думал Леший.

– Дамы, попрошу в баню – Иван Васильевич выдал резиновые "сланцы" и большие полотенца на троих. Девицы стали собираться, Ольга и Полина прихватили с собой свои мешочки из рюкзаков, Лосик – только зубную щётку, да сменный шмот.

– Ну что, мужики, давайте по одной. Рассказывайте, куда вас дорога водила? – Иван Васильевич выставил перед Манулом и Лешим два стакана и бутылку с чем-то жидким красного цвета, – это клюквенная наливка, она легко пьётся. Будем?

Леший и Манул налили себе, манулов отец – себе. Глоток – сладко-спиртовая смесь провалилась в желудки, оставив приятное тепло в горле.

Манул принялся рассказывать про поход на Аять, причём

предельно реалистично, без мистики и упоминания всех исповедей и сказок. Отец лишь кивал головой, да поддакивал, как настоящий благодарный слушатель.

Спустя минут сорок пришли разгорячённые девушки, завёрнутые в полотенца. Им Иван Васильевич тоже предложил наливку, но ещё и налил в чашки горячего чая с мёдом.

А Леший с Манулом направились в баню.

Горячая парилка и выпитая наливка располагает к вопросам и разговорам.

– А где твоя мать, Манул?

– Они с отцом в разводе. Мать живёт в городе. Работала одно время в УрГУ. Потом уволилась, как раз, когда я туда поступил. Сейчас – стыдно сказать – в "Кировском".

– А с отцом они как разбежались?

– Отец у меня – бродяга и художник, как и я. А мама – эзотерик. Я, видимо, в обоих сразу удался. А вот они друг друга уже не терпят. Ну да ладно, замнём эту тему?

– Ты здесь постоянно живёшь?

– Нет, набегами. У меня наверху моя каморка. Заберёмся спать туда, всё сам увидишь. Там даже тепло должно быть.

– Да и здесь неплохо...

– А то! Сам отцу помогал баню строить! Сам конопатил!

– Ты, Манул, мастер. А мне вот кажется временами, что я ничего тяжелей трассового рюкзака и не таскал.

– Каждому своё. Я вот петь не умею, и на гитаре играть.

Завидую тебе в чём-то. Ты не носишь в себе звуки ночного обстрела. Мне до сих пор снится. Часто, когда не снится Волк.

– Вы с Волком дерётесь во сне.

– Да. Поддерживаю себя в форме. Чтоб в жизни никому пизды не дать. Особенно у нас в промальповой бригаде, с Полюхой, есть пара ебанатиков. Им-то ой как хочется навалить временами.

– Сколько платят промальпу?

– Да по-разному. Скоро сезон сосулек – это урожайно. Весной – окна мыть. Летом – ветки убирать. Хотя меня вот в дорогу и мистику иногда срывает. Мог бы уже, наверно, богатым стать, если б не был шаманом-мутантом-сектантом. И если бы каждое лето в экспеды не ездил.

– Да уж, – Леший сказал и замолчал. Только шум горячей воды в баке, да гул в печной трубе нарушали тишину.

После бани Манул и Леший удостоились по порции отварной картохи с мясом и огурцами.

А потом Манул повёл в свою "каморку". Он открыл хитрую деревянную дверцу в прихожей. Дверца оказалась настоящей спрятанной лестницей. Поднявшись по ней, открыл ключом люк в потолке.

– Вилькоммен, так сказать, – сказал Манул и нырнул во тьму. Через полминуты там зажётся свет. Первыми поднялись девушки, а за ними – Леший.

Перед взором Лешего открылась просторная мансарда с гамаком поперёк, большим надувным тёмно-синим матрасом и низенький столик с компьютерным монитором-клавой-мышкой. Сам же комп в разобранном виде висел на стене. То есть, натурально. Материнская плата, блок питания, "винты", дисководы – всё висело на стене и было соединено меж собой проводами.

– Это я ебанулся однажды и сделал такую конструкцию. Ещё тут радиосканер мощный есть, – Манул достал из шкафчика серенькую коробку с кнопками. Эта китайская поделочка ловит реально всё, была бы антенна хорошая.

– А тут у меня библиотека – Манул показал на задний торец мансарды, всю стену которого занимала книжная полка.

– Всё же я сведу тебя с "философами", – сказал Леший.

Наклонные потолки мансарды были изрисованы разноцветными узорами, типа восточных мандал, листвы и деревьев. И, конечно, грибов.

– Это Света рисовала, которая в Питер перебралась. Надо рисунки так показывать, – сказала Полина и щёлкнула двумя выключателями.

Сразу стало темно, лишь засветились яркими кислотными цветами рисунки.

– Мягкий ультрафиолет. Так называемая "лампа чёрного цвета", – откомментировал восторг Лешего Манул, – я иногда тут залипаю сию.

– Да, атмосфера тут шикарная, – сказала Ольга.

– Здесь у меня одеяла есть чистые. Как раз для вас держу – Манул открыл ещё одну полку, достав оттуда пледы и одеяла, – разбирайте. И давайте спать. Я спущусь посижу с отцом.

Потекла беседа Ольги и Лосика о травах. Иногда Полина вставляла комментарии, иногда – Манул. Леший превратился в слушателя и внимал-внимал-внимал.

– Леший, мы сегодня поспим на матрасе втроём девичьим составом. Ты не обидишься? – сказала шёпотом Лосик.

– Мне же скоро уезжать. Пора привыкать к твоему отсутствию рядом.

– Ещё пообнимаемся – она обняла Лешего и потрепала волосы на его голове, – доброй ночи!

– И тебе, Сохатая!

– Не называй так. Лучше просто Лосик. Или Женечка.

– Хорошо, Лосик-Женечка.

Леший завернулся в одеяло и закрыл глаза, чтоб провалиться в длинный "сонфильм"...

...Через пару дней Леший, съездивший в Михайловск и всё для себя решивший, сидел на вписке у Этл, в компании Юки и Малыша, перебирая нужные для автостопа и "зимовки" вещи.

На дно рюкзака Леший положил денежную записку – десять тысяч рублей, отложенных с сентябрьских экскурсий.

Сумма, хоть и не космическая, но этих денег хватило бы, чтоб не голодать в Новосибирске первое время.

Родители отнеслись к его предстоящей поездке сдержанно и спокойно, мол, ты уже сам хозяин своей жизни, главное, докладывай, где ты и как. Помимо классического "стопного" набора, Леший положил в рюкзак ещё и туго свёрнутый рюкзак городской, с некоторым "набором цивила", ведь ему предстояла дорога почти в неизвестность.

Из новосибирских знакомых осталась только Танюха Маленькая, её Леший решил не оповещать о своём приезде вообще. Остальные – поразъехались и жили теперь в Ёбурге и в Питере. С Юки и Малышом он договорился так: они, как гостеприимные хозяева, должны были встретить Лешего уже в Новосибе, а для этого требовалось выехать и приехать в Сибу раньше самого Лешего. Так что они выходили на трассу с самого утра, а Леший планировал выезд на завтра.

Он захлопнул дверь у Этл и, пока хозяйка спала, сел за компьютер изучать карты местности, где предстояло бы поехать.

– А, ты проводил сибирячков? – продрав глаза, спросила Этл.

– Ага. Сам думаю, как лучше поехать.

– Пойти на "Хуторята"²¹⁵ и усобачиться до Богдановича,

²¹⁵ Остановочный пункт в окрестностях Екатеринбурга на тюменском направ-

или дальше. Там дохрена рано идёт электричек, так что можно и дальше попробовать. Тут уже всё от твоего желания зависит

– Я тут посмотрел, первая собака оттуда в шесть утра.

– Ну вот на неё и топай. К рассвету быть в Багдаде – это ценно.

– Слушай, а ведь и правда. Не пиздовать пешком вдоль населёнки и переездов.

В прошлые поездки в Новосибирск самой большой проблемой для Лешего был именно выезд из Ёбурга. Следовало много "локалов" до Белоярки или Богдановича. А через них приходилось долго и уныло ходить пешком. Сейчас же, когда световой день короткий, для Лешего имело смысл любое ускорение.

Вечером он сходил до ближайшего магазина, затарился продуктами себе на трассу и пивом для вечерних посиделок с Этл.

– После ваших историй я по-другому на сны стала смотреть, – сказала она, когда пиво было распечатано и стояло, разлитое по кружкам на столике перед компьютером.

– А грибы подействовали?

– На меня они не действуют, я уже проверяла. Вот такая я странная. Вот Ольгу плющило хорошо, а я сосредоточилась

на ваших рассказах, да и слушала-вникала. А ты, мой друг, не так уж и прост, оказывается, – улыбнулась она.

– "Но дяденька, вы меня извините, я ещё не настоящий сварщик", – процитировал Леший похабный анекдот.

– Нет уж, не так много народа умеет смотреть коллективные сновидения. Да ещё и быть собранными одной сущностью.

– Это ты так Волка обозвала?

– А ты думаешь, что он человек? В смысле, что он реальный человек, а не какой-нибудь уральский дух или, чем чёрт не шутит, коллективная галлюцинация всех вас и нас?

– Ну, я спрошу его.

Этл, как обычно, включила на ночь музыку. На сей раз какого-то мрачного певца, который пел про еретиков и вампиров тягучим голосом.

– Я бы посоветовала тебе вырубиться и уснуть, – сказала она.

– Боюсь проспать утреннюю собаку.

– Я буду рисовать ночью, и тебя разбуду в пять утра.

– Договорились, – сказал Леший и рухнул на диван.

Снился ему Волк.

– Я вполне человек. По крайней мере, для вас. Для зверей я Волк, для леса я Ель, для горы я Камень.

– Можно без философии сегодня? – Леший огляделся вокруг Волка. Они стояли на песчаном берегу холодного водо-

ёма. За спиной был сосновый лес, у ног бились волны, ледяные брызги с пронизывающим ветром трогали лицо, – что это за место?

– Обское море. Ты здесь обязательно побываешь, правда уже, когда снег выпадет.

– Замечательная перспектива, – Леший пнул ногой невесть откуда взявшуюся шишку.

– В Омске садись на "ласточку" до Сибы. И будет хорошо.

– В чём это выражается?

– В удачном стечении обстоятельств. Не хочешь же ты пешком ходить по зимним степям, как прошлой зимой?

– Не хочу.

Леший замолчал, а Волк, казалось, принохивался и прислушивался, пытаясь в шуме Волн услышать что-то.

– Гафур тоже ведь не простой человек был. Его Джа послал тебя выручать, чтоб ты не замёрз посреди степи...

Лешего "потащило" в очень живую картинку с воспоминанием...

Звёздное небо над головой и метель-позёмка по трассе. Леший, в чёрной одежде, шагает по обочине пустынной ночной трассы. Раз в пять-десять минут вдали показывался свет фар. пока он приближался, Леший успевал постоять и попрыгать, чтоб согреться. А потом – вытянуть руку, злобно махнуть ей и идти дальше. И так – восемь часов подряд, с того самого места, где у поворота на Частоозёрье его

высадил в вечерние февральские сумерки ЗИЛок с коровами и свиньями, драйвер в котором угостил Лешего двумя сигаретами. Одну он берёт теперь. Большие "ништяков" не было. Ни денег, ни еды, ни сигарет, ни тёплого чая в термосе. Одна отрада – наушники и плеер, поющий песни группы "Эпидемия", пока не сел. Под эпичные былины про эльфов и гномов и лиричные сопли про любовные страдания вышагивал Леший по обочине, видя перед собой лишь балансирующую внутреннюю стрелку: устать или замёрзнуть. Когда он начинал уставать, замедлял шаг до той поры, пока не подмерзал. Когда подмерзал – ускорялся, чуть не бегом бежал, тем более что машин всё равно не было. Он чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Один на этой трассе – было для него равносильно в тот момент бытию в одиночестве во всей Вселенной. Он шёл на автомате, слушая песни из плеера, перебирая ногами и попинывая ледьшики.

В два часа ночи он дошёл до вагончика с надписью "Кафе", где горел свет. Но там никто не выглянул даже к стучащему Лешему, а вламываться было не в его правила, увы. Леший прошагал ещё пару часов до следующего "огонька" – маленькой заправочки под Татарском²¹⁶, где ему и встретился Гафур.

Леший в неё ломился, и ему никто так и не открыл. Он подумал, что тут хотя бы есть фонарь, и его замёрзшую тушку хоть кто-то, да увидит. И решил лечь костями, но

²¹⁶ Городок и станция на западе Новосибирской области, в Барабинской Степи.

уехать отсюда.

Сначала тёмно-зелёный джип, за рулём которого ехал Гафур, заехал на заправку. На заправке никого не обнаружив, джип подрулил к Лешему

– Здравствуй! Чем я могу тебе помочь?

Рядом с водителем на переднем сидении сидел пассажир – немолодой мужичок.

– Доброй ночи! Подвезите в сторону Омска. Только я без денег совсем.

– Садись... Ой, да ты весь дрожишь, садись-ка вперёд. Водитель пересадил своего пассажира с переднего сиденья назад.

– Спасибо.

– Тут у меня горячий чай есть, бутерброды с сыром. Куришь? Какие сигареты куришь?

"Наверно, я умер и попал в хипповский рай"²¹⁷, – подумал Леший.

– Ты не переживай. Мне вчера знак был, что я на дороге человеку помогать буду ночью, я и подготовился...

Доброго водителя звали Гафур. Родом он был из одной маленькой деревеньки на севере Новосибирской области. Занимался каким-то бизнесом, Леший не стал уточнять каким. Но, судя по всему, дела у Гафура шли неплохо, если он

²¹⁷ Эта фраза – своеобразный автостопно-хипповский мем. Описывающий состояние, когда на тебя, после всех мучений, сваливаются всяческие блага цивилизации.

накормил Лешего в придорожном кафе, угостил его целой пачкой сигарет, довёз в Омске до вокзала и посадил на поезд, предварительно купив билет и тепло попрощавшись. После того случая Леший верил в чудеса...

– Леший, просыпайся, на трассу пора!

– Бабушка Этл, ты немилосердна. Я только увидел ещё раз сон про то как я умер и в хипповый рай попал.

– Чайник там горячий. Запаривай термос и проваливай. Чтоб к полудню ближе Тюмени и духу твоего не было!

– Какое хорошее пожелание! – Леший закурил и залил термос кипятком.

На прощание Этл обняла Лешего, а потом, уже в дверях, пожелала традиционно стопное пожелание: "Тёплой трассы!"

...Он шагал по пустынным предутренним улочкам, лишь редкие машины попадались по дороге. Грязные лужи оказались прихвачены ночным морозцем, что очень радовало Лешего, стремящегося сохранить более-менее приличный вид для автостопа.

"А здесь я ещё, на удивление, ни разу не был", – подумал Леший, глядя на переезд и платформу за ним. Этл рассказывала, что здесь однажды автобус попытался зимой в гололёд проскочить переезд под закрывающимся шлагбаумом, да и

застрял посреди переезда. В итоге в него врезалась электричка и товарняк, а все пассажиры и водитель погибли. Было это, по словам Эгл, ещё в советское время. Но с этих пор за переездом следят, а рейсовые автобусы здесь не пускают²¹⁸.

Послышался гудок электрички. Светящийся железный червь распахнул свои двери перед Лешим, впуская его вовнутрь со словами "Хуторята. Следующая остановка – Глубокое. Осторожно, двери закрываются". Леший рухнул на лавку в пустом вагоне электрички, облокотившись на свой рюкзак, да так и уснул без сновидений...

– Дружище, конечная! – трепал его мужик в оранжевой жилетке!

– А? Чё?... Ага, спасибо! – помятый от сна Леший встряхнулся, проверил содержимое карманов и рюкзак, накинул его на плечи и покинул гостеприимную собаку в утренних сумерках Богдановича.

"В Багдаде всё спокойно, – пропел про себя Леший, вышагивая по тротуарчику вдоль вытянувшейся пробки, – восемь утра, а переезд уже закрыт. Хорошо, что я здесь, а не перед ним".

²¹⁸ На этом переезде действительно 10 ноября 1990 года произошла описанная катастрофа.

Леший бодрым шагом шёл к выезду из Богдановича мимо праздничного утра маленького уральского городка. Народа на улицах почти не было. Он прошёл мимо автостанции, и буквально через полчаса дотопал до переезда, от которого обычно ловил машины. В чудном городе Богдановиче трассу пересекают два железнодорожных переезда. Один – на каменной ветке, и по нему поезда ходят очень часто. Обычно этот переезд является причиной пробок. И второй, на малодеятельной ведомственной линии, ведущей на какие-то карьеры. Машины перед ним всё равно притормаживают, чего и требовалось Лешему. Он бросил монетку в ближайшую лужу, нашёл на обочине место почище, закурил сигарету и поднял руку...

Первая машина не заставила себя долго ждать: буквально через пятнадцать минут затормозила серебристая "десятка", едущая до Камышлова. Водитель её – Олег Иванович – представился машинистом поезда, а сейчас ехал к себе на дачу.

"Вот он, минус езды в праздничные дни, – думал Леший, – многие едут на пикник-шашлык, а далеко вряд ли кто поедет. Но ничего, прорвёмся".

Слово за слово, а Олег Иванович оставил Лешего у поворота на Елань посреди камышловской объездной. Леший смотрел на окрестности.

"Да. Запоздывает в этом году зима. Обычно в начале ноября уже снега белые лежат, а нынче ещё совсем осень. Вон, вода на озерке чернеет".

Вокруг трассы простирались грязно-жёлтого цвета осенние луга и небольшие озёра-старицы с высоченными сухими тростниками. Вода отражала тёмное густое небо. По дороге ехали машины, в основном легковые. Редки были дальнобойщики в праздничный день. Но, тем не менее, Лешему остановилась машина. На сей раз – "пятёрка" с двумя дядьками самого деревенского вида, которые ехали в Ощепково. Говорили они только между собой, о каких-то строительных делах, и Леший, пользуясь случаем, молчал и смотрел в окна. Здесь уже начинались почти западносибирские поля с берёзками, правда, ландшафт ещё был вполне зауральский: пологие невысокие гряды и овраги. В посёлке Пышма "пятёрка" заворачивала, оставив Лешего перед мостом над ЖД путями. Леший сказал "Спасибо", вскинул на спину рюкзак, да и пошагал дальше через мост. Недалеко от моста был небольшой перекрёсток, который приглянулся Лешему в качестве позиции. Здесь он сбросил рюкзак, поставив его, чтоб не пачкать, себе на берцы.

"Пусть все сразу видят, какой у меня баул. Что я тут не обычный "тюлень", а как-никак стопщик. И еду далеко", – так думал об этом Леший.

На сей раз машины пришлось ждать довольно долго. Леший успел достать и послушать плеер. Написать СМС-сообщение Лосику: "9 на polputi k tymeni, edu", получить в ответ "a 9 prosnulas,dobroy tebe dorogi**", да порадоваться за Лосика. Скурить несколько сигарет. Попить чаю из термоса. Но машины всё не останавливались, проносясь мимо. И вот, спустя полтора часа активного махания оттопыренным пальцем, перед Лешим затормозила фура – оранжевого цвета "Фредлайнер" с тюменскими номерами.

– Здравствуйте, я автостопом в Новосибирск еду, можно с вами в сторону Тюмени?

– Привет. С праздником тебя, я в Тюмень. Только рюкзак поставь к себе в ноги, а то он грязный поди.

Леший уселся на сиденье "Фреда" и поставил свой бэг между ног.

– А я сегодня с утра выспался, – рассказывал водитель, – Хорошо работать в праздники: пробок нет, загрузили на удивление быстро. Дорога не загружена.

– Завидую. Встал сегодня в пять утра.

– И куда же тебя несёт?

– В Новосиб, на "зимовку".

– Эх, странный ты человек. Обычно зимовать на юга едут. А не в Сибирь.

– Ну, у меня там друзья есть, так что я найду, куда деться.

– Дело твоё. Я вот не завидую даже вашей романтике. Хо-

лодно, бля, грязно. Мне бы вот, баню, бабу, да рыбалку. Вот это я понимаю – отдых.

– Так и автостоп не совсем отдых. Это просто способ перемещения.

– Каждому своё.

Водитель начал рассказывать про свои поездки, про то, как на посту в Абатском его "обули" гаишники, как в Новосибире приставали бандиты, куда самые "золотые" рейсы...

...Дорога тянулась под колёсами подпрыгивающей фуры. Закончились все увалы и склоны, горизонт распрямылся, а дорога лежала чёрной полоской посреди желтоватых полей и тёмно-серого с синевой неба, плотно затянутого облаками.

Предвестником приближения к Тюмени стало резкое улучшение качества дорожного покрытия и расширение дороги до двух полос в каждую сторону. И обилие рекламы на щитах.

С гостеприимным "фредом" Леший расстался на "московском кольце". Он заблаговременно попросил водителя притормозить перед кольцом, чтоб не перебегать вечно оживлённую тюменскую объездную. Часы Лешего, настроенные по уральскому времени, показывали без четверти два.

"Интересно, что пожелание Эгл не сработало, – думал Леший, – про полдень и "за Тюменью". Уж два часа близится,

а я только приехал к Тюмени"

Но ждать долго не пришлось, и, не успев выкурить сигарету, Леший уже нёсся в машине до Борового. То есть слегка за Тюмень.

Здесь его оставили возле стрёмного забора из профлиста, забрызганного грязью.

"Вообще, пригороды Тюмени стрёмные места, – думал Леший, – хотя сама Тюмень растёт и оцивливается". Часто слышал он рассказы о тюменской гопоте, но сам никогда не сталкивался. Даже когда проезжал Тюмень транзитом, глядя на цивильную улицу Республики²¹⁹, пешеходный мост и ища автобус до выезда на тобольскую трассу, он ни разу не столкнулся с агрессией. Напротив, жители были довольно приветливы.

Здесь же, особенно прошлой зимой, Лешему "везло" на жлобов и хамов. Началось всё со мерзотного водителя-мента, который вечером нагрузил Лешего чернушными рассказами о трупах, найденных в лесу, ночного прохода пешком от Боганды²²⁰ до Ялуторовска, когда Лешему в грубой форме отказали в придорожной кафешке пустить его погреться. Потом в Ялуторовске менты докопались до него и содержи-

²¹⁹ Одна из центральных улиц Тюмени.

²²⁰ Посёлок Богандинский, за Тюменью.

мого его рюкзака, думая, что он беглый зэк. Тогда он с превеликим трудом проехал трассу до Новосибира за три дня, и впредь не хотел бы это повторять.

"Ну, да хватит грустных мыслей. Я же еду, можно сказать, к новой жизни. Надо быть веселей", – так рассуждал Леший.

Это возымело действие. Лешему остановилась гремящая динамиками "гоподевятка" до Заводоуковска. За рулём сидел молодой парнишка и слушал какую-то рэпчину. Быстро несла его машина по ржавым полям мимо скрюченных безлистных деревьев, проехали мост через Тобол, узкую дорогу с глубокой колеёй, и наконец, остановились напротив кафешек, где водитель свернул в город, а совершенно оглохший от музыки Леший прозёвывался и слушал тишину.

Прошлой весной, направляясь в Новосибирск, Леший добрался до Заводоуковска только к вечеру. Ночевал он тогда, расстелив пенку и плёнку, в молодом сосновом леске, как оказалось, рядом с кладбищем. Соседство кладбища тогда никак не сказалось на его снах.

А сейчас Леший глядел на часы и думал, успеет ли он кого-нибудь поймать до наступления темноты.

"Солнце нынче садится в пять. Здесь – и того раньше. Как бы уехать дотемна", – думал Леший, подкуривая сигарету...

...О приближении вечера Лешему свидетельствовало по-

темнение облаков над головой и включившиеся над соседней кафешкой фонари. Леший голосовал и голосовал, но никто не хотел брать его к себе на борт. Он попил чаю из термоса, съел несколько конфет, но всё равно стоял. Наконец, стемнело настолько, что небо из серо-синего стало тёмно-синим, и Леший со словами: "Была не была", направился к кафешке.

Внутри, в деревянных интерьерах, ужинали несколько водителей, а хозяйка протирала стол.

– Здравствуйте! – с ходу начал Леший, – можно у вас кипятка попросить или купить?

– Вам в термос?

– Ага.

– Давайте сюда, – ловкие жилистые пальцы хозяйки прилавка схватили термос, и через минуту отдали его, наполненный кипятком.

За это время Леший посмотрел в меню и заказал ещё чаю, суп-харчо и пюре с котлеткой, дабы нормально поесть перед ночной трассой.

Присел за столик в углу и стал вдумчиво поедать принесённый горячий ужин.

– Парень, а ты куда направляешься? – спросил один из водителей, оглядывая лешевский рюкзак и самого Лешего.

– Я вообще в Новосиб автостопом.

– Да мы поняли, что не пешком. Доедай быстрее, со мной поедешь.

– Спасибо, – опешил Леший.

– Потом спасибо скажешь, как доедем. Лучше кофейка ёбни, в ночь едем как-никак.

– Угу.

Леший, обрадовавшись, заказал кофе, выпил его залпом и вышел, вслед за водителем.

– Я Лёха.

– Я тоже Лёха, – улыбнулся Леший.

– Тёзка, значит. Вот и мой транспорт – водитель Лёха указал на зелёную кабину МАЗа с самарскими номерами, – я двери везу, и у меня разгрузка в полдень завтра. Надо успеть.

– Постараемся.

– Ты, главное, сам не спи.

Они залезли в тёплую кабину МАЗа, Леший по велению водителя кинул рюкзак на "спалку", достав из рюкзака термос с чаем. МАЗ вырулил на трассу и помчал, под звуки радиопопсы из приёмника.

– Я тебя знаешь почему взял? Ты спокойный и не прибедняющийся. Обычно автостопщики как-то все халявы просят. И все такие бедные-несчастливые, мол, налейте водички, подвезите, а то так кушать хочется, что переночевать негде. А ты зашёл, еды сам себе купил. Я и решил, что лучше пусть мне компанию составит человек самодостаточный, чем какой-то нахлебник.

– Да я еды купил, потому что проторчал тут дотемна. В прошлые годы мне по зиме пешком приходилось ходить, как стемнеет. Вот я и готовился, чтоб усталости меньше было.

– Ну, это правильно. Мы ещё поужинать тормознёмся, даст Бог, в Абатском²²¹.

– В "пельменной"?

– В ней, родимой, – водитель Лёха улыбнулся, – когда-то тут от Тюмени до Омска только в "пельмешке" можно было поесть по дороге. Это в девяностые понастроили...

– Давно за рулём?

– Как из армии пришёл. А было это в семьдесят девятом. Как раз на Афган не успел попасть. Попробовал конечно в институт поступить, но что-то не так пошло, и я как крутил баранку, так и кручу. Оно, как наркотик, ебать. Женился, да с женой, можно сказать, не пожил. Жена в роддоме, а я в рейсе. Сын в школу пошёл, а я в рейсе. Что она там навоспитывала, без меня. Сам виноват, ебать. Развёлся, конечно. Алименты присылал. А сын вырос и на программиста теперь учится.

– А сами откуда?

– Самарский я, ебать.

– У меня есть друг, который диалекты всякие собирает. Вот он про Самару говорил, что там самое распространённое слово-паразит, это "ебать". Мол, ты, ебать, то, ебать, сё, ебать...

– Верно подмечено, ебать, – засмеялся водитель.

²²¹ Посёлок, примечательный тем, что является половиной пути от Екатеринбурга до Новосибирска. И знаменитый своей "пельменной".

"Вот чудеса. Какая у нас разница в возрасте? Лет тридцать? А разговариваем на равных, шутки шутим. Вот она какая, дорога", – думал про себя Леший.

Разговор в дальней машине вообще нетороплив. И перемежается звуками радио и урчанием мотора. Рации у Лёхи в машине почему-то не было.

– А как вы без рации?

– Сгорела она у меня, ещё в прошлый рейс. Никак не могу купить или починить. А обычно да, можно по рации потрепаться. Особенно тут, в Сибири, это выручает. Я вот на Севера ездил, так там, когда по зимнику едешь, реально автопилот, и от скуки можно взвыть. Так там по рации анекдоты травят, друг друга матом кроют, лишь бы не спать.

Радиостанции, меж тем, начали ловить с помехами, и водитель включил диск с музыкой. У него играли бардовские песни, которые нравились даже Лешему:

"Виноградную косточку в тёплую землю зарюю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей собираю, на любовь своё сердце настрою,
А иначе зачем на земле этой вечной живу.
Собирайтесь-ка, гости мои, на моё угощенье,
Говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву.
Царь небесный пошлёт мне прощение за пригрешенья,

А иначе зачем на земле этой вечной живу..."²²²

Леший призадумался.

"А ведь наш вечер сказок – это и есть описываемое в песне. Рассказать о себе, ни тая ничего за душой. Людям, которые не пожелают зла. Наверное, жизнь действительно стала интересней. И всё благодаря сновидениям с Волком. Как сказать спасибо, – думал он, глядя на далёкие огни деревень, разбросанных в степях, – Что это за места? Вагай, Омутнинское, Гольшманово? Да какая, собственно, разница. После Тюмени один и тот же пейзаж до самого Коченёва под Новосибиром. С небольшими горками лишь возле Абатского. Ночью всё равно сидишь и залипаешь... БЛЯДЬ!"

Водитель вдарил по тормозам, и слово "БЛЯДЬ!" крикнули оба. МАЗ вылетел на встречку и чудом обошёл бегущую через дорогу косулю.

– Ффух, еба-ать, – сказал водитель, – пронесло. Щас точно не задремаем. Ладно бы зайца или лису раскатать, те сами виноваты. Но вот копытных не стоит. Передок по пизде после таких ударов.

– У меня земляк однажды кабана сбил, – Леший рассказал историю про Михалыча и кабана.

– Да уж. А представь, легковушка с лосём. Это ли не пиз-

²²² Песня Булата Окуджавы. Кем только не перепетая, и не теряющая актуальности доныне, ибо о вечном.

дец?

– Воистину, – сказал Леший и замолчал.

В машине тихо играла песня про то, как люди идут по свету. Леший замедитировал, но не уснул.

– Эй, Лёха, ты чего такой невесёлый? Уснул что ли? – водитель вывел Лешего из транса.

– Да не, просто залип, – отозвался Леший.

– Мы к Ишиму подъезжаем.

– "Там, где лежит чуть в стороне зачудительный град Ишим, мы идём по лучшей трассе в стране, мы идём, но мы не спешим..."²²³ – процитировал Леший творение омского Санты, незнакомого ему лично.

– Ну, сейчас точно не надо спешить. Тут до Абатского будет пиздец с дорогой, – МАЗ снизил скорость и упёрся в хвост ещё одной фуры, – вот такие у нас дороги. Вот такая, блядь, романтика.

– Когда я ехал здесь первый раз, меня вёз здесь Урал-вахтовка. Водитель которой рассказывал про здешние названия, – мимо МАЗа как раз промелькнула табличка, указатель на деревню Тушнолобово, – что эту деревню назвали потому, что здесь отловленным каторжникам на лоб тушью наколки делали.

– Ну, скорей, не тушью наколки, а, зная то время, – тушили об лоб горячую железяку, – сказал водитель.

К Абатскому подъезжали уже полночь. Напротив леген-

²²³ Санта Дергачёв – 1Р402.

дарной "Пельменной" всё было заставлено фурами, которые на ночь, словно от холода, жмутся поближе друг к другу. МАЗ, вёзший Лешего, просто зарулил в карман, не паркуясь плотно.

– Ну вот, пошли ужинать. Лучшие пельмени на трассе один эр четыреста два именно здесь, – продекламировал водитель.

– Отличная идея, – согласился Леший, – заодно заправлю термос на дальнейшую поездку.

В "Пельменной" было довольнолюдно. Леший с водителем взяли по подносу, заказали пельменей и компот. Очень по-советски, но качественно и дёшево. После сытного ужина, туалета и заправки термоса Леший вышел на крыльцо, закурил сигарету.

"На некурящем водителе хоть сигарет сэкономлю, пока до Омска еду, – подумал Леший, выпуская вместе с паром изо рта сигаретный дым, – хотя надо бы отвыкать от курения. Мало ли куда занесёт"

– Ну что, никотиновый маньяк, поехали дальше?

– Ага. Щас продышусь, чтоб в машине табачатиной не вонять.

– Да не обязательно. Я печки включу и окна приоткрою – всё и вытянет.

МАЗ разогнался, пересёк мост через Ишим. По сторонам замелькал чёрно-белый отбойник.

– А у нас на Урале на отбойнике ещё и красно-белые отражатели стоят.

– Это по ГОСТу. До здешней глухомани цивилизация, даст Бог, через десяток лет доберётся.

Леший всматривался в ночь, слушал водителя и поддакивал, а сам вспоминал прошлые дороги сюда. В первый свой приезд в Новосибирск Леший проезжал границу Тюменской и Омской областей ранним утром, на быстрой легковушке, спешившей в Томск. И по майским пашням вокруг трассы скакали сотни сусликов, поднимаясь столбиками при проезжающих машинах. Вторая сибирская трасса Лешего была зимняя, на японской праворукой "полуторке" от Ишима до Омска. Тогда под Тюкалинском от скачки по омским колдобинам у "полуторки" порвало железную трубку топливопровода, и, если б не заметили вовремя, могли бы взлететь на воздух. Хотя, говорят, соляра не настолько легко детонирует, как бензин...

Сейчас же ночной МАЗ нёс его по осенней дороге. Постепенно началось предутреннее "тупление". Леший стал замечать моргание глаз и вырубание, но как мог себя держал, прислушиваясь к песням.

"Леший! Тебя посадили, чтоб ты не спал, а ты спишь! Просытайся, иначе пробуждение будет менее приятным", –

голос Волка в голове прозвучал, как хлыст, и Леший встрепенулся, открыв глаза и смотря на дорогу.

Водитель ехал, борясь со сном из последних сил, подпирая подбородок локтем. Сзади светились и моргали фары ещё одной фуры. В одном месте, уже после Тюкалинска, та фура пошла на обгон, сигнала. Водитель опустил стекло, чтоб увидеть активную жестикуляцию коллеги и крик: "У тебя колесо горит!"

– Ёб твою мать, – сказал Леший, глядя в зеркало со своей стороны, – дым валит.

– Ебать, этого ещё не хватало, – сказал водитель, тормозя у обочины.

Фура, обгонявшая МАЗ, тоже встала. Леший и водитель надели куртки и выскочили в осеннюю холодную ночь.

– А я вам по рации шумлю-ору, у тебя чё, на рации деньги кончились?²²⁴ – сказал дальнобой остановившегося "Глобика".

– Да погорела она у меня в прошлый рейс... Ох, ебать... Ступицу заклинило. Щас мы как ебанёмся тут с тобой, Лёха.

Ошмётки резины дымились и источали тепло. Леший светил фонарём, а два дальнобоя рассматривали колесо.

– Чё, надо снимать ступицу. Колесо приклинило, Лёха, посвети, надо воздух отрубить. Там у меня хомута лежат в коробке. Найдёшь? Ай, ладно, сам!

²²⁴ Популярная шутка, когда оправдывают молчание в канале.

Водитель полез отцеплять какие-то трубки на оси. Тут роль Лешего сводилась лишь к "принеси-подай и посвети", с чем он успешно справлялся.

"Вот, Леший, не везёт тебе на дороге между Тюменью и Омском, – думал Леший, – В прошлый раз бензопровод. Сейчас колесо. Я вот совсем не умею с этим обращаться. Ну ладно. Надеюсь, что Лёха-дальнобой знает что делать"

Тем временем остановившийся "Глобик" на аварийке протянул назад, за МАЗ, включил фары и светил. Водитель его – могучий пузатый дядька в камуфляжном ватнике – выскочил и стал помогать, будто сговорившись.

– Щас надо ломиком поддеть и сдёрнуть.

– Ага. Я с полным прицепом дверей куда его положу?

– Наверх закинем. Нас же тут трое, хули.

– Лёха, – обратился Лёха-дальнобой к Лешему, – ты тут самый лёгкий, полезешь в фургон. Будешь там ловить "на дверях". Куртку только сними, чтоб не извозиться в говнах.

Он открыл замок на прицепе, дверцы открылись, и в свете фонаря показались наставленные вертикально дверные коробки.

– А выдержат они вес колеса-то со ступицей? – с сомнением сказал Леший.

– А хули нет? Колесо сорок, плюс ступица сколько, ну ещё тридцачик. Ты, главное, сам не ёбнись оттуда, когда будешь

принимать. И пупок не развяжи.

– Вот я и очкую.

– Не очкуй. Всё случается в первый раз, и колесо отваливается, и пупок развязывается, – пошутил Лёха-дальнобой, – радуйся, что там ошмётки от колеса. А то "с атмосферами" оно бы все сто кэгэ весило.

Леший стал карабкаться на двери. Наконец, забравшись наверх, где ему пришлось пригнуться под потолком фуры, светя налобником, Леший изготовился принимать колесо.

Снизу Лёха кинул ему ленту.

– Впрягайся, как бурлак на Волге, ебать! А лучше через перекладину "блоком" кинь, да хватай.

– Толку-то? Тереться будет о перекладину! – крикнул Леший.

– Ну, наше дело предложить. Впрягаемся? – Лёха и водитель "Глобика" стали поднимать диск и ступицу, – и Эх-бля, И-и-Эх!

Леший перехватил лямку через плечи, свесив свободный конец, и упёрся ногами в дверные коробки. Тяжело, но, перехватывая верёвку, они затягивали остатки колеса. Край упрямой железяки показался уже, когда Лёха-дальнобой крикнул:

– Чё я сразу не подумал? Лёха, привяжись там к чему-нибудь, и нехай висит! Надо же что-нибудь подложить, а то двери изнахратит мне! Привязывай, мы держим!

Леший почувствовал ослабление ленты, обвязал её ко-

нец вокруг трубки-перекладины под потолком фуры, завязав "калмыцкий узел"²²⁵.

"Вот, навыки-то от бабушки из деревни. Пригождаются в неожиданных местах, – думал Леший, – думал ли я, привязывая корову к столбу таким узлом, где мне понадобится это умение?"

– Готово! – крикнул Леший.

– А щас поищи у передней стенки картон от коробок. Там должен быть!

– Ага, есть!

– Клади его на угол под ленту и под колесо подсовывай!

Колесо в очередной раз приподняли, Леший просунул под ленту кусок картонной коробки, а другой кусок постелил под ноги.

– Ща я повисну на тросе, оно само вспрыгнет сюда, – сказал Леший.

– Ты нормально подвязался?

– Уверен!

Леший повис на тросе, упрямую железку подтолкнули ещё раз, и она вскочила прямо на картон.

– Фух, заебись! – сказал Леший.

²²⁵ Узел с петлёй. Легко вяжется и развязывается, если знать, за какую верёвку потянуть.

– И всё заеблось²²⁶, как в анекдоте! – пошутил снизу Лёха-дальнобой, – Теперь надо её привязать той же лентой, чтоб она не скакала, как ошпаренная, на колдобинах.

Леший, как мог, зафиксировал остатки колеса лентой-стяжкой с трёх сторон. Получилось вроде красиво и надёжно.

– Спрыгивай, мастер каботажно-такелажных работ.

– Так меня ещё никто не называл, – сказал спустившийся и отряхивающийся Леший.

– Спасибо, братишка, помог, – обратился Лёха-дальнобой к водителю "Глобика", – как звать-то хоть?

– Серёга.

– Может я тебе должен чего?

– Да ну ты брось, – отмахнулся представившийся Серёгой водитель, – кому-нибудь другому поможешь в дороге. Дорога-то на всех одна.

– Удачки тебе.

– Взаимно, дружище.

Два дальнобоя хлопнули руками, попрощался он и с Лешим, да и разбрелись по машинам.

– Ну что, рушатся мои планы подремать, – сказал Лёха, – такими темпами мы в Омске будем часам к десяти.

– Да мне что-то спать расхотелось вообще, – ответил Леший.

²²⁶ Анекдот такой: "А на шестой день творения Господь сказал: "Заебись". И всё заеблось".

– Ну вот, щас доедем до "Ермака", да бахнем кофейка, – сказал Лёха, заводя машину.

– А ось ничего что не подвязали?

– У меня на этот случай тросы под фурой натянуты. Бывало уже такое, один раз привязывал лентой-стяжкой ось. Больше не хочу, решил перестраховаться. Так что шкрябать не будет.

Ночь начала сменяться серыми сумерками. В свете фар пропархивали снежинки.

– Хорошо хоть асфальт сухой. Было бы мокро, был бы гололёд, и мы бы к вечеру только доползли до Омска, – сказал Лёха.

– Вы так спокойно про всё говорите. Поражаюсь.

– А ты поезди с моё. Первое лопнувшее колесо, вот да. Первый полетевший ТНВД. Первый оборванный ремень. Первое ДТП. Вот то воспоминания. Лучше не повторять, конечно.

Лёха замолчал, включив радио. Здесь ловилась какая-то утренняя попса.

Кемпинг "Ермак" стоял чуть в отдалении от трассы, поэтому МАЗ просто притормозил на обочине. Водитель и Леший выскочили из машины, направившись мимо просыпающихся дальнобоев к краснокирпичному зданию кафешки.

Здесь кофе был заварной. Леший предложил угостить Лёху кофе за свой счёт, мотивировав это тем, что, в конце кон-

цов, Лёха его везёт.

Помимо кофе, навернул Леший ещё горку салата оливье, пюре с сосисками, да суп. Всё это, к лешевскому удивлению, вышло немногим больше сотни рублей.

Народ ехал в Омск на работу. После Красного Яра трасса стала чуть шире, а движение – плотнее. Вокруг простирались поля и берёзовые колки с облетевшей листвой. На редких полях трактора пахали пашню под озимые. Из окон пахло коровьим навозом и чернозёмом.

Потом показались трубы омских ТЭЦ, первые троллейбусы и светофоры.

– Ну что, бродяга, тебя где посадить?

– Я бы дальше трассой поехал. Но что-то холодно. Так что мне к вокзалу.

– Ох, ещё б я знал, где вокзал в Омске.

– На правом берегу.

– А у меня разгрузка в районе аэропорта.

– Оттуда автобус ходит, так что мне подойдёт.

Теперь МАЗ ехал по городу. Вокруг творился сплошной Омск: промзоны перемежались жилмассивами и частным сектором, пустыри – промзонами. Всё это было настолько непривычно для Лешего, что он озирался по сторонам. Ведь, по сути, в Омске он бывал только один раз до этого. Когда добрый Гафур закинул его на машине на вокзал.

– Спасибо большое, что довезли меня!

– Это тебе спасибо, дружище. Выручил ты меня с колесом, ох выручил!

– Давайте, удачи, ни гвоздя, ни жезла! – сказал Леший, спрыгивая на очередном светофоре.

"Ну вот я и в Омске. Последовать совету Волка и поехать дальше поездом? Время позволяет. На моих – одиннадцать. Это по-местному получается полдень. А поезд, говорил Малыш, в три часа", – думал Леший, шагая на остановку.

Он быстро допытался у местных о том, какой автобус ему нужен, дождался жёлтого "икаруса" с номером 60 и помчал, глядя на незнакомый ему Омск, большой мост и холодные воды Иртыша под ним. От остановки, пройдя мимо каких-то переходов и киосков, Леший добрался-таки до светло-зелёного здания вокзала.

"Так, поезд номер восемьсот двадцать шесть, в двенадцать по Москве..." – думал Леший, подходя к кассе. Купив самый дешёвый билет, он вышел покурить на перрон, глядя на встречи и провожания поездов. И тут что-то кинулось ему на шею с криком "КОНИЧИВА!"

Леший от неожиданности чуть не грохнулся, но развернулся, узрев перед собой Юки с Малышом.

– И вам не хворать.

– Леший друг, как ты нас догнал, сознавайся. Может ты скукожился и ехал у меня в рюкзаке? Или тебя скукожил Дэвид Блэйн?²²⁷

– Не, я просто удачного "ночника" до Омска поймал.

– Понятно, все шесть часов дороги мы будем слушать храп Лешего. Пошли отсюда, Юки-тян.

– Нет, онии-чан, ты не оставишь маленького Лешего в беде, запихай к себе в рюкзак! – пошутила Юки, – надо еды купить.

Леший бросил рюкзак у Малыша, а сам в компании Юки налегке побежал в магазин.

Он достал "сотенную", купив газировки, печенья, бомж-пакеты и кипяток в термос.

– В чём ты будешь рамен заваривать?

– В кружке. Кипяток же взял. А может и в собаке будет.

– Это "Ласточка", а не собака. Там разные классы есть. Есть вообще мягкий салон, вот там наверняка кипяток есть.

– Ну вот и повод разузнать, – сказал Леший, – может вообще не буду готовить, спать буду.

Тем временем, близилось время посадки. Билеты на чудо-поезд выглядели, как на поезд дальнего следования – оранжево-розовые прямоугольнички. Объявили посадку, и Леший в компании Юки и Малыша прошагали к электричке бело-синей расцветки. Леший протянул билет тётушке-кон-

²²⁷ Отсылка к популярному в то время интернет-видео про Дэвида Блейна.

тролёру, прошёл в вагон, да занял удобное местечко возле окна. Юки и Малыш уселись рядом с ним. Со словами "Следующая станция Калачинск", "ласточка" тронулась. Леший, как не бодрили его Юки с Малышом, вырубился возле окна, залипая на бескрайние сибирские равнины.

Снился Лешему Волк, усевшийся напротив него в электричке. Было это настолько реалистично, что непонятно, где явь, а где сон. Вокруг в вагоне сидели пассажиры, за окном проносилась жёлтая степь, серые березняки и свинцовые облака. Стука колёс слышно не было, поезд шёл по "бархатному" пути, лишь время от времени колёса отстукивали короткую дробь на стыках "плетей" рельс. Юки с Малышом дремали, навалившись друг на друга, заткнув уши плеером. И лишь по наличию Волка Леший догадался, что это сон.

– Твоя жизнь в Новосибирске – это не затворничество, а подвижничество, друг мой волосатый.

– Что хоть меня ждёт? К чему мне готовиться?

– Всё-то тебе расскажи. Смотри, не останься там. От Юки с Малышом скоро отпочковывайся. У них свои дороги. У тебя – свои. Помнишь, Ваня говорил тебе, что в Новосибире нет людей, лишь "иные".

– Ага, и мэр у них Городецкий²²⁸, – вспомнил ванину шутку Леший.

²²⁸ Отсылка к "Ночному Дозору" Сергея Лукьяненко. Одно время у неформалов "энергуев" было чуть ли не принято делиться на тёмных и светлых "Иных".

– Так вот, "иных" там действительно много. Но не упоротых колдунов-долбоёбов, видящих ауру и память прошлых жизней. А подвижников и тех, кого Лосик назвала "штонщиками". Некоторые верят, что "иные" построили Новосибирск и живут в нём долго, с самого его основания. На самом деле в Новосибирске они обычно не "долго", и не "живут". А "добиваются". Это город-подвижник.

– Охуеть теперь. А Ваня? Он тоже "иной", "Штонщик-подвижник", или как там?

– Ваня своего добился и перебрался в Питер. Там другая история. В Питере важно не сломаться, а Новосиб помогает вырасти. Представь лес, Леший. Есть сосновый подрост на опушке, и есть внезапно вырубленный высокоствольник. Что будет ломаться быстрее: сосна, окружённая "опушечной линией", или сосна в "высокоствольнике", оказавшаяся внезапно открытой всем ветрам. Вот тебе и сравнение.

– Ты говоришь, прямо как Луганский²²⁹, на лесоведении, Волк. Ты в лестехе точно не учился?

– Я из твоей головы это говорю. Вспомни, как ты с Ваней познакомился?

Лешего потащило от диалога с Волком в сон-воспоминание.

Он подходил к переходу "кино-Урал", когда услышал там гитару. В переходе какой-то незнакомый высокий парень в

²²⁹ Преподаватель по Лесоведению из Лестеха в Екатеринбурге.

плаще и с короткими чёрными волосами играл незнакомые песни. Что-то мистическое. Каждая песня звучала, как магический заговор. Да все про лес, болота и всякую нечисть. Будто парень этот притащил с собой в город весь сонм лесной нечисти от ночного лесного костра.

На "шляпе" с ним бегала стройная девушка, в белой льняной рубашке-вышиванке и расшитых широких джинсах. Лешему вспомнился её пронзительный голубоглазый взгляд. Рядом с гитаристом стояло два рюкзака. Один – большой туристский, с висящим обрезком автомобильного номера "54RUS", другой – маленький, похожий на старинные "колобки", но с висящими феньками.

Леший приостановился, хотя спешил в универ подписывать обходной лист.

– Ребят, а вы откуда? – спросил Леший после того, как парень закончил петь про волчью тропу и луну.

– Я из Новосибирска сам. Я Ваня.

– А я Олеся, можно просто Лесь, – представилась девочка-шляпница, – я харьковчанка.

– И мы стопом сейчас в Сибу едем с Харькова.

– Вы крутые, – признался тогда Леший, – я сам играю часто, но редко вижу музыкантов, которые прямо "цепляют".

– А у вас есть где вписаться? – спросил сразу парень, назвавшийся Ваней.

– Поищем. Вы тут долго будете?

Ваня и Олеся простояли в переходе до вечера. Леший, за-

вершив все дела и распрощавшись со своим университетом, шагал к переходу.

– А мы уже думали, что тебя не увидим, – сказал Ваня, – рады тебе.

Леший проникся тогда расположением к этой паре. Они не курили сигарет и пили только чай, разговаривали тихими вкрадчивыми голосами, а пели, наоборот, громко и с надрывом. И самое главное – они будто светились изнутри, при всей мистичности и кажущейся мрачности ваниных песен. Такое переполняло их спокойствие и уверенность. Сейчас Леший сравнил бы эту пару с Манулом и Полиной. Хотя скорее Манула и Полину надо было бы сравнивать с ними...

Леший притащил их тогда на флэт к Ангелу с Демоном. Ангел вообще тогда неохотно пускала вписчиков, но по старой дружбе с Лешим пустила и его, и стопщиков. Тем вечером они традиционно ходили выгуливать вокруг дома компьютерную мышь, а Ваня с Олесей охотно присоединились к ним. Леший тогда уезжал в Михайловск, а Ваня и Олеся настолько понравились Ангелу, что она оставила их у себя.

А потом Ваня пригласил Лешего в Новосибирск. В середине мая Лешему было в кайф ехать по зелёным степям и окунуться в незнакомый огромный город. Тогда он испытал на себе всё гостеприимство Вани. Ваня с ребятами из Кузни снимал квартиру на "Золотой Ниве", а сам был родом из маленького городка в сотне километров к востоку от Новосибира, чем-то неуловимо похожим на лешевский родной горо-

док. Он таскал Лешего по всему Новосибиру, свозил его в Академгородок, потом на Маркса к самым вкусным хотдогам. Показал стритовые места на Маркса и у "Красного проспекта". Потом свёл с Танюхой, которую надо было доставить в Томск. Свозил Лешего на Буготакские Сопки²³⁰, где цвели синие прострелы. А на прощанье, когда Леший уезжал домой в Ёбург, подарил ему настоящий алтайский варган в деревянном чехле. Последний раз Леший видел Ваню зимой в Новосибире, он уже "сидел на чемоданах" перед отъездом в Питер...

Леший открыл глаза, когда Юки пихала его в бок.

– Леший-кун! Смотри, это называется, удачно едем, дес. Глянь, что за окном творится!

Он поднял глаза. В заоконных сумерках показывали белые полосы. Поезд быстро мчал по просторам Барабинской лесостепи через настоящую метель.

– Получается, в Новосиб приедем, а там зима.

– Ой, не факт, – сказал Малыш, – может там ещё осень будет. Хотя кто нашу сибирскую погоду знает...

В общем вагоне "ласточки" один из тамбуров был "официально" отведён под курение, даже был специальный ящик из нержавеющей стали, под окурки. "Вот она, забота о пассажирах, –

²³⁰ Живописные места в сотне километров к востоку от Новосибира. Самый северо-западный отрог Салаирского Кряжа.

подумал Леший, выйдя покурить, – а у нас попробуй закурить, так ещё и наорут". В Барабинске народ бегал у электрички, скользя по свежевывапавшему на платформу снегу в свете ярких станционных ламп. Леший тоже вышел во время стоянки электрички, успев за несколько минут выкурить сигарету на продуваемой ветрами платформе, занеся на капюшоне "Грома" в тёплый вагон целый ком мокрого снега, который радостно запустил в Малыша. Под возмущения бабушек-соседей, электричка тронулась, а Леший снова погрузился в сон, на сей раз без сновидений. Будто кто-то невидимый щёлкнул тумблером и выключил Лешего....

– Завидую я ему, – услышал он голос Малыша, – может уснуть почти в любом месте и в любой позе.

– Да уж. Я так не умею. О, да Леший не спит! – Юки улыбнулась, – подъезжаем, дес.

Под колёсами электрички уже грохотал мост через Обь, а за окнами чернела вода и показывали огни сибирской столицы. Поезд подъезжал к вокзалу.

– Леший, мы там недалече живём, на Гоголя. Всего две станции метро. И не пугайся, мамик предупреждена о твоём визите.

– Я не отягощу вас там?

– Нет, не переживай. Мамик у меня всё равно уезжает на Алтай послезавтра, на два месяца. Так что всё норм. Главное, следи, чтоб мы квартиру не превратили в нору хикико-

мори. Хотя Юки постарается.

– Юки будет хикковать ещё больше, чем ты, онии-чан.

– Что значит "хикковать", – спросил Леший уже на выходе из электрички, – и кто такие "хикки"?

– Ну, это от японского "хикикомори", типа, затворники, которые ничего не делают и не выходят из дома, – объяснила Юки.

– Ага, – посмеялся Малыш, – суровые сибирские хикки ходят на работу и ездят автостопом.

– Вы больше на хиппи похожи, чем на хикки, – сказал Леший.

– Где ты тут хиппи увидел, дес? Мерзкий цивил!

Под такие разговоры шагали по привокзальной площади. Здесь действительно снега ещё не было. Была холодная мелкая морось, а на подсвеченном городом небе летели с огромной скоростью низкие облака, имевшие оранжевый оттенок от городских отражений. Леший для себя подметил надпись на гостиннице "Новосибирск" – огромный баннер с надписью "ПРИЕЗЖАЙ!".

"Всё, как во сне, – подумал Леший, – значит, я на верном пути. Ну что ж, здравствуй, Сибушка!"

Глава 9. Новосибирск

"Чудесная привычка отличать города по голосам дикторов в транспорте, – думал Леший, поднимаясь по лестнице

из вестибюля метро, – здесь голос говорит мягко, не меняя громкости в предложении, будто, экономя силы".

Леший приехал на "стрит" в "тёплый переход" на станции "Площадь Маркса", где он стритовал в первой половине дня последние несколько недель.

Иногда он делил переход с местным баянистом Колей, иногда приходил играть знакомый ещё по ёбуржской тусовке Хэн, а в остальном грязно-пьяной панкоты тут не было: она предпочитала тусоваться на "Речнике" или у "Красного"

По сравнению с Ёбургом, "стрит" в Новосибе не приносил большого дохода. Самый максимум, перепадавший Лешему за день, составлял три сотни рублей мелочью. Обычно Леший, поиграв часа три, шёл за хот-догами, а затем в киоск к Малышу, пить чай и слушать его офигительные истории про игры и аниме, да глядеть, как он цинично общается с некоторыми покупателями.

Родная лешевская гитара была увезена Лешим в Михайловск. А, дабы зарабатывать на новом месте, Лешему надо было отыскать гитару. Тут ему подфартило: матушка Малыша, "туристка советской закалки", отыскала на антресоли старую и раздолбанную гитару марки "бобровдрова", оставшуюся наследством от отца Малыша.

У этого деревообразного инструмента был импровизированный ремень из синей тесёмки, и даже – о, чудо – самоши-

тый тёплый чехол!

Леший быстро привёл гитару в божеский вид, подклеил задний порожек, подрегулировал натяжение винта и купил новые струны. Удивительное дело, на что способна гитара марки "бобровдрова" в умелых руках! Затраты на гитару, даже при всём мизерном заработке на "стриту" в Новосибе, окупались за полдня.

Матушка Малыша, Наталья Владимировна, вообще оказалась матёрой тёткой: овдовев в тридцать пять, она, с десятилетним сыном, устроилась на работу в какую-то частную контору, занимающуюся сбором лекарственных трав, да так плотно на этом зарабатывала, что смогла перевести себя и сына из общаги на Первомайке в двухкомнатную квартиру, расположенную почти в центре. А в последнее время сдружилась с какими-то алтайскими коммерсами, организующими массовый матрасный туризм, да и ездила к ним в какой-то посёлок работать "вахтой". Иногда на неделю, иногда – на месяц или больше.

Естественно, на воспитании Малыша это отразилось: Малыш увлёкся сначала неформальством и ролевыми играми, а затем погрузился в чудесный мир аниме. На энских аниме-сходочках он, харизматичный кун, и познакомился с Юки. Юки же "понапоступала" в НГТУ, но не доучилась там, бросив учёбу как только познакомилась с Малышом. Для Малыша Юки была идеалом тьян: самого невинного вида ле-

ди, с курносым носиком, большими глазками и круглым личиком, обутая в тяжеляки и обожающая всякое "милитари" – короче, Малыш тоже был очарован.

А потом оказалось, что хорошо всем троим: Малышу, потому что он нашёл "идеальную тятю". Его матушке, потому что за сынулей кто-то приглядывает, а там – того и гляди – до внуков недалеко. Ну и Юки, разом обретшая крышу над головой и надёжное "мужское плечо". Все вздохнули с облегчением, да только на взгляд Лешего идиллия, мягко говоря, была странновата. Малыш и Юки тратили деньги на покупку всякого околоанимешного стаффа, все свободные дни проводили за просмотром тайтлов с субтитрами, лёжа на продавленном диване перед монитором. Готовила им обычно матушка, но после того, как матушка уехала, бремя кулинара свалилось на Лешего. Тем паче, Леший, как и подобает хорошему вписчику, кормил хозяев вписки. В отсутствии же Лешего, Малыш и Юки обычно просто заказывали суши или покупали бич-пакеты.

Леший поначалу спал в спальнике на полу в комнате вместе с Юки и Малышом. Они не особо заморачивались наличием ещё одного человека в комнате. Трахались ли они, Леший так и не узнал: он засыпал раньше, чем Юки с Малышом, под звуки аниме. А потом, чтобы ему не снилось во сне японские вопли анимешных девочек, он перебрался спать в комнату малышовой матушки.

Леший любопытствовал интерьерами. Здесь каждый угол

говорил об "успешном успехе" малышейковой матушки, всякие грамоты и кубки на полках, сертификаты об окончании каких-то там курсов бизнеса и личного роста. И при всём этом – интерьер человека, везде соблюдающего уют. Фотография с видом на Белуху и Аккемское озеро, книжная полка с советскими ещё книгами о путешествиях и туризме – всё это соседствовало под тёплым светом люстры с символами "успешной бизнес-леди". Является ли таким же символом пузырьрёк "новопассита" и пачка "тенатена"²³¹ на двери холодильника? Об этом Леший тоже задумывался, глядя в холодильник.

В один прекрасный момент Леший вдруг понял, что "ему и так норм", и он никуда не двигается. Волк и "шаманы" ему не снились очень долго, а к компьютеру, вечно занятому и показывающему аниме, Леший даже не подходил. И он решил, что надо что-то менять в жизни. Тем более, что близился новый год, время перемен. А перемен не происходило.

Вот и на сей раз, Леший встал в переходе с гитарой, распевая песни ёбургского Минтона:

"... Там далеко, там далеко, там далеко
Есть край, где слышен мой голос,
Там, где земля, куда летят
Все наши песни, когда умирают без звука.

²³¹ Седативные и успокаивающие средства.

Там далеко, там далеко, там далеко
Мелодии ломаной флейты,
Место, где свет, место, где снег,
Место, куда нам с тобой уже не добраться..."²³²

Мимо Лешего прошагали ППСники. Обычно спокойные, сейчас они решили притормозить.

– Молодой человек, пройдёмте-ка с нами.

Они провели Лешего в маленькую каморку за кассами станции метро, где начали его обыскивать, пробивать сотовый и паспорт Лешего по каким-то там "базам", попутно вынося ему мозг:

"Мало нам своих тут обрыганов, так к нам ещё и из Екатеринбурга с гастролями приезжают! За что задержали? Жалуются тут на вас, на музыкантов. Водку пьёте, песни похабные поёте, к людям пристаёте, попрошайничаете! Ну и что, что ты без побирušки, один хрен! Если ты такой талант-самоучка, так играй, блядь, в консерваториях или на концертах! На работу устройся, в конце концов! Всё, вот твой паспорт, чтоб больше тебя тут играющим не видели. Усёк? Всё, уёбывай!"

За Лешим закрылась дверь ментовской каморки, выведившая за линию турникетов. Леший, который рассчитывал пойти кушать хотдоги и попить чаю в киоске у Малыша, не

²³² Ухти-Тухти – Там Далеко.

обломался, и просто перепрыгнул через железную оградку, покинув вестибюль станции.

"Благо, что эти менты более адекватные, чем их кубанские коллеги, – думал Леший, – не стали отбирать заработанное. Но со "стритом" действительно надо завязывать и искать работу"

С этими мыслями Леший, выпуская пар изо рта, поднялся к "Хот-догам", затарился горячим деликатесом в двух экземплярах, да и отправился в ближайший "торговик" в киоск к Малышу.

У его киоска, как часто бывает, стояло двое пиплов с чёлками и торбами.

– О, а на ловца и зверь бежит, – сказал Малыш, – а я только про тебя вспоминал, думаю, Леший не придёт, буду этими двумя питаться.

– И тебе привет, Малыш-кун, – подхватив манеру Юки, поздоровался Леший.

Двое пиплов обсуждали с Малышом какие-то задротско-геймерские вопросы, которыми Леший особо не интересовался.

– Чего-то ты невесёлый, Леший. Обидел кто?

– Да, менты в "тёплом" доебались. Мол, ещё раз увидим, атата...

– А-а, да не бери в голову. Это "Годзильча" смена, а он не особо музыкантов любит. Но мои знакомые говорят, что с ним можно материально договориться и играть спокойно.

– Вот ещё, – скривился Леший, – "договариваться" с ментами.

Когда пиплы, потолкавшись у Малыша, ушли от окошка киоска, Малыш открыл дверку киоска Лешему.

– Вот что значит идеальный вписчик: приходит кормить даже на работу, – сказал Малыш, разливая чай по странным кружкам, на одной из которых была надпись "Самой обаятельной и привлекательной", а на другой – реклама фотосалона, – кружки эти мне Юки-тян со своей работы прихвати- зировала.

Малыш слушал на маленьких компьютерных колоночках что-то из группы "Флёр" и прихлёбывал чай, отложив в сторону своё чтение: какую-то очередную книжицу про сталкеров и Чернобыль.

– Надо мне, Малыш, работу искать, вот что я думаю. А то стритовать мне не хочется больше, а зиму зимовать как-то надо, – прикусывая хот-дог, проговорил Леший.

– Да смотри, Леший, ты нам совсем не в тягость. Хочешь, тебя к себе сменщиком определяю?

– Я же не шарю в этом нихера, только продажи тебе испорчу.

– Я тебе идею выдал. Дальше сам.

После нехитрого перекуса Малыш протянул Лешему клю-

чи от квартиры, со словами: "Чмокни там от меня сестрёнку-Юки, у неё сегодня выходной". Леший попрощался и покинул тёплую обитель дисков и Малыша.

Спускаться в метро, проходя вновь мимо ментов, не хотелось, или было боязно, поэтому Леший решил поехать домой на троллейбусе. Долго и печально, зато с живописным видом.

"Сибирская зима похожа на уральскую зиму, – думал Леший, когда троллейбус переползал Коммунальный мост, – кроме одного обстоятельства – ледяного тумана. Вот это жуть".

Действительно, над не замёрзшей толком Обью клубился туман, казавшийся облаком света в лучах уже закатывающегося солнышка. В таком тумане, как в высокогорном "молоке", все предметы, и даже одежда, быстро покрываются инеем. Вот и сейчас Леший глядел на белый от снега и инея метромост, и думал горькую думу о том, куда ему себя деть. Не зря же он приехал в Новосибирск? Хотя, даже если и зря, то нужно лишь дождаться весны, и пережить сибирскую зиму в режиме экономии ресурсов.

Возле "барахолки" Леший тормознулся, взяв газету с объявлениями у бабушки.

"Если "по знакомству" устроиться не получается, – думал

Леший, – то попробую крайний вариант устройства – "по объявлениям", а там чем чёрт не шутит. Странно, что не снится Волк или ещё кто. Может, сегодня попробовать их дозваться во сне?"

Он шагал, похрустывая снегом, по вечернему Новосибиру, мимо быстро едущих машин, редких пешеходов и голых берёз, обвешанных у некоторых магазинов гирляндами.

Юки, как это часто и бывало, заседала за компом, коротая выходной поеданием "бич-пакета" и просмотром "Евангелиона".

Леший махнул, сказав "Коничива", поставил на стол пакет с хлебом, майонезом и пельменями, а сам прошагал в комнату малышовой матушки.

Там он развернул газету, и начал искать объявления.

"С чего бы начать? – думал он, – менеджеры, продавцы, курьеры, сторожа, упаковщики. О, вакансия "курьер в издательство", и контора у них рядышком, на Гоголя. Надо попробовать туда сходить завтра".

Он набрал номер этой вакансии "курьера в издательство". Ему сухо сказали подходить на следующий день к восьми утра по означенному адресу.

Вечером вернулся Малыш, принеся с собой бутылку ви-

нища. Под всякие взаимные приколы, пыхтя трубками на кухне, Леший, Юки и Малыш проводили этот вечер.

Запомнились Лешему отдельные фразы:

– Ты не думай, что мы такие скучные, дес. Это зима, и её надо пересидеть в тёплом месте. Летом мы выбираемся в горы, так же, как и ты сам. И стопом путешествуем...

– Мамик настаивает, чтоб мы расписались. А нам зачем, нам и так норм...

– У меня в Кузне, конечно, тоже няши есть, но здесь тусовочка интересней. Главное, её не развалить. А то в Кузне аниме-сходочки развалились почти...

Леший докурил трубку, допил из красивого бокала красного вина, да и отправился спать.

Снился Лешему Манул. Они стояли на крыше какого-то заснеженного здания, курили трубки и смотрели на ночной город.

– Леший явился в мой сон, в кои-то веки. А я даже во сне на крыше. У нас весь ноябрь прошёл под знаком борьбы с сосульками, так что крыши мне теперь, как родные.

– Как у вас дела? Мне даже Волк не снится в последнее время.

– У нас сам видишь как. Полюха со мной в бригаде, тоже на крыше. Лосик учится, у неё зачёты скоро. Света в Питере теперь, дизайном занимается, а по ночам рисует на стенах. Ольга в "скоряк" пошла работать. А Волк? Он о своих

делах нам не говорит. Мы вчера с ним "мортал комбат" во сне устроили, да он меня в снегу извозил мордой. Так что Волк наш тот ещё Волчара.

– Не хватает мне его совета, Евгений Иванович.

– Любая последовательность событий – правильна, – раздался внезапно голос Волка из-за спины.

– Привет, Волк. Скажи мне, а овощевать в обществе ани-мешников – правильно?

– Это лишь звено цепи. Скоро всё будет чуточку интересней, насколько я могу судить.

– Знать бы, в чём твоё "интересно" выражается?

– Удача, фарт, как угодно назови. Короче, сходи завтра на свою странную работу по объявлению. Ты там не удержишься, но интересное знакомство день тебе принесёт, это я обещаю.

Леший проснулся, лёжа в темноте и слушая неожиданные для этого дома звуки: за соседней стенкой Юки и Малыш предавались плотским утехам.

"Наконец-то и на их улице праздник", – подумал Леший, тихонько прокрался на кухню, прихватив пачку сигарет.

Там он хлебнул воды, выкурил две сигареты и тихонько лёг спать обратно. На сей раз – уже без сновидений.

С утра Леший оделся поопрятней, побрил физиономию и отправился по означенному адресу.

"ДубльГис"²³³ на малышовском компе сказал, что это буквально в трёх домах от места жительства Малыша, что было Лешему очень на руку.

Он бодро шагал по утреннему морозцу, слушая "Шмелей" в плеере.

"Странно, но когда хочется спать, или когда только встал, музыка воспринимается с совсем другой скоростью. Сейчас она звучит очень быстро, – думал Леший, переходя внутридворовой проезд, – а вечером, уверен, тот же трек будет звучать гораздо медленнее. Ёбтвоюмать, это сюда что ли? Это издательство?"

Перед взором Лешего был спуск в подвал, возле которого толпилось человек десять. Все разного вида, кто-то шутил, кто-то курил, но в целом какие-то подавленные.

Кто-то открыл дверь, и толпа ломанула внутрь. Леший проследовал указанию людей на дверку с надписью "Директор по персоналу".

– Здравствуйте, я по объявлению о работе курьером.

– Замечательно. Вот здесь у нас перевалочная база, сейчас заполните анкету, а мы подыщем вам наставника, – сказал коротко стриженный парень в сером пиджаке и брюках со

²³³ Программа для ориентирования в городе с указанием организаций, в 2GIS самые подробные карты всегда были для Новосиба, так как изначально разрабатывалась программа именно там.

стрелочками, – Эй, Коля, топай-ка сюда.

К Лешему и этому дядьке подошёл гоповатого вида парень, одетый в цивильные брюки, туфли и дублёнку. Вид его портило два фактора: гоп-причёчка, с мелированной чёлкой. "Ёбтыть, в девяностые так гопники в Поволжье выглядели", – подумал Леший. И два баула из плетёного полиэтилена, доверху наполненных книгами.

– Вот, это Николай, он сегодня будет твоим наставником. А это...

– Алексей, – отозвался Леший, протягивая руку.

– Да, Алексей. Он наш стажёр. Николай, расскажи ему всё, что да как в нашей работе.

– Ага, пойдём. Держи баул.

Они вышли из подвала. Леший краем глаза подметил ещё одного неформальского вида парня, который проследовал в кабинет "серого пиджака".

– Значит так, – начал Коля, – основное правило – не торгуем "вразвал", не воруем "товар" и не крысим выручку. От выручки стандартно пятьсот рублей отдаём "в кассу", остальное – себе на карман. Сколько за день набегаешь, столько и получишь. Плюсы в работе – безлимитный проездной.

– Бля, я думал, это будет немного другая работа. Ну да ладно, посмотрим, – с досадой сказал Леший, но подхватил баул и пошёл вслед за Колей на остановку.

Первая точка работы находилась на левом берегу, в районе "Станиславского". Коля с уверенностью опытного коммивояжера пробивался и стучался во все двери в учреждениях. С одной, различающейся незначительными деталями, телегой:

"Здравствуйте, я представитель издательства..., сегодня у вас есть уникальная возможность, в честь предстоящих новогодних праздников по специальной акции приобрести различные детские книги, раскраски, альбомы..."²³⁴

Часто такая телега обрывалась фразой: "Всё, до свидания!", или "Кто вас сюда пустил, ну-ка вызовите охрану!".

– Ну и что, что тебя нахуй пошлют. Десять раз нахуй пошлют, на одиннадцатый раз купят! А одна проданная книга – это половина сданного в "Кассу".

– А сколько в день получается продать?

– По-разному. Это вопрос везухи.

"Бля, ну и вписался же я в блуду, – думал про себя Леший, вываливаясь из очередного учреждения, – за сегодня я денег не заработаю, так, может, хоть посмотрю, как это делается. Но всё же, ноги моей здесь не будет завтра же!"

Такая беготня по свежему морозцу с баулами определённо идёт голове на пользу. Леший успел пропесочить Волка,

²³⁴ Типичная работа коммивояжера. Такую работу в городе найти бывает проще всего.

за рекомендацию идти на эту работу. "Серого пиджака" из их офиса. Колю-гопыря, который на деле оказался не таким уж гопником, а скорее пофигистичным раздолбаем. Себя самого, за неумение говорить "НЕТ" сразу же, при попытке втянуться в блуду.

Ближе к вечеру, когда начало темнеть, Леший и Коля вернулись в "офис". Там Коля сдал Лешего с рук на руки "серому пиджаку", приговаривая всякие дифирамбы в лешевский адрес.

– Алексей показал себя надёжным и ответственным сотрудником, и, я уверен, займёт достойное место среди нашей команды.

– Здорово. Алексей, вы приняты! Поздравляем! Завтра к восьми часам мы вам выдадим "товар", подходите.

– Спасибо, до свидания, – сказал Леший, выходя из подвала, и добавив про себя, – идите вы нахуй с такой работой.

В свете фонаря на лавочке неподалёку сидел тот неформальского вида парень. Увидев закурившего Лешего, он обратился к нему.

– Чувак, извини, сигаретой не угостишь?

– Держи. Коллега? Я тебя с утра видел на собеседовании.

– Не знаю... Не хочу ходить, как сраное ебанько и торговать никому нахуй не нужным барахлом. Ещё и на бабки попасть можно. Типа, матответственность за книги, плюс обя-

зательная сдача выручки... Ну её нахуй, такую работу.

– Я также думаю. Меня Лёхой зовут, – Леший протянул руку незнакомцу.

– А я Паша. Паша-эльф. Я из Кемерово.

– Чёт ты приунывший такой.

– За квартиру платить нечем. Мы на Владимирской флэт снимаем. Скоро новый год, а бабок нет. И работы тоже не предвидится.

– Сколько платите. И сколько вас там живёт? – Леший решил "закинуть удочку" на предмет переселения к ним.

– Нас трое. Каждый платит раз в три месяца за всё. Типа, дежурство. "Складчины" у нас всё равно не получается. Там со мной ещё два томича живут. Ну, иногда ещё бабцо приходит потусоваться. Платим двенашку плюс коммуналку. За двухкомнатную квартиру, почти в центре, это более чем нормально.

– Но сейчас тебе платить нечем.

– Ага. Сейчас нечем.

– А я вообще стопом из Ёбурга приехал сюда, типа, перезимовать.

– Зимовать в Сибири – это пять, – успехнулся Паша.

– А чё, у вас хорошо тут.

– Сам-то где живёшь?

– Да пока тоже на вписке. Вот думаю с кем снимать...

Пока шли, выяснили, что Паша-Эльф был знаком с ле-

шевскими сибиряками: с Ваней, да и с Танюхой-мелкой.

– А Танюха иногда у нас появляется. Приходят с "блондинками" к нам потусоваться.

Под конец, уже возле "барахолки", Паша предложил Лешему посетить их обитель прямо сейчас.

Леший, предварительно отзвонившись Малышу, закупил пива, пельменей и сигарет, и отправился в обществе Паши осматривать его обителище.

От вокзала надо было нырнуть под пути, чтоб завернуть на тихую улочку за вокзалом, потом прошагать по тропинке до краснокирпичной "свечки", подняться на четвёртый этаж...

– О, менеджер самых активных продаж пришёл, – приветствовали его двое "волосатых", открывшие дверь, – да ещё и привёл кого-то.

– Это Леший, он из Ёбурга. Сегодня он тут вписывается.

– Круто чё-каво. А я Лёха Кот. А там мой брат – Саня, – махнул рукой ещё один "волосатый" из-за компа.

– Вы томичи значит?

– Агась.

– Бывал я у вас, на "Нижнем стриту" в мае прошлого года.

– Круто.

– Мне тогда Муха Кемеровский гитару дал.

– Муха? Так он и ныне там, в "Зелёном домике" вписывался. Дивный такой товарищ...

Персоне Лешего никто из присутствующих даже не удивился. "Ну стопщик, ну вписчик, и что с того? – думал Леший, – Жрать принёс, пиво налил, разговоры интересные – а ощущение уже, будто я тут всегда с ними был. С ними интересней и приятнее, чем с Юки и Малышом. Уж по крайней мере, им я ничем не обязан сейчас"

Леший и вправду чувствовал себя почти "в своей тарелке" с этими ребятами. Вечером, засыпая на "пенке" на полу, он думал о том, как было бы классно к ним переехать.

А на следующий день Леший уже перетаскивал свой большой рюкзак от Малыша на Владимировскую. Малыш и Юки, немного подулись, но скорее уход Лешего для них был облегчением: никто больше не будет вмешиваться в их уютный мирок. По крайней мере, пока не приедет мама Малыша.

На чудесную работу "курьера-консультанта" он, как и Паша-эльф, торжественно забил. Несколько дней он обитал на Владимировской, присматриваясь и общаясь с людьми. Они пили пиво, рассказывали истории, играли в компе. Теперь Леший не стритовал, а решил продолжать поиск работы. Пока же ему рады на этом флэту. Спал он обычно на полу возле батареи, разложив пенку и спальник.

Снился Лешему зал игровых автоматов и Волк за одним из них. Леший стоял за его спиной.

– Все эти штуки настроены так, чтоб побуждать ещё больший азарт. Раз в день кому-то везёт по-крупному. Остальные смотрят, верят в удачу, проигрывают, пытаются отыгаться. В итоге оставляют здесь немереные количества денег.

– А зачем мне это?

– Ты проигрывал в автоматах.

– Скажем так, мои деньги проигрывали.

– Скоро возникнет возможность отыгаться. В конце концов, отложи сумму, которую не жалко проиграть. У тебя же есть деньги?

– Есть. Но если проиграю не будет долго.

– Заработаешь новые. Сейчас надо пользоваться возможностью. Твоя роль будет сводиться к тому, чтоб притормозить человека, когда он захочет проиграть всё.

– Замечательно. И речь о моих деньгах?

– Деньги – социальный договор. Есть множество вещей в мире, которые можно получить без денег. Но, живя в "вавилоне", без них не обойтись. И обращаться с ними надо уметь. Предлагаемое мной – рискованное действие, повторять которое не стоит. Но один раз надо попробовать.

Леший проснулся от звука звонка в квартире. Он раскрыл глаза, но, поняв, что никуда не нужно торопиться, закрыл их снова. Рядом с кровати встал Паша-эльф и прошлёпал босыми ногами по липкому линолеумному полу. Он впустил в

спящую квартиру полосу морозного воздуха по полу и двух девушек: в плаще и пуховике.

Леший узнал голос одной из них и чуть не подпрыгнул. В квартиру вошла Танюха-мелкая.

– А сегодня у нас, кстати, дрыхнет твой знакомый из Ёбурга, который тебя в Томск возил год назад.

– Что?

– Посмотри сама.

Леший старательно прикинулся спящим, дабы посмотреть, что Танюха будет делать.

Она подошла к Лешему, постояла над ним, а потом, присев, протянула руку и погладила Лешего по голове.

– Привет! – Леший раскрыл глаза и улыбнулся, – Почему ты не сообщил, что ты в Сибе?

– Не хотел тебя беспокоить.

– Вылезай обниматься

Леший выкарабкался из спалки и, как был, раздетый и тёплый, обнял пришедшую с мороза Танюху.

– Бррр, какая холодная женщина.

– Ага, заморожу. Мы тут "ништяков" принесли.

С Танюхой пришла ещё одна барышня, представившаяся Настей – с косой чёлкой и тяжёлым взглядом изподлобья.

– Настя-Томми, – представилась она.

– А я Леший из Ёбурга.

– Ставьте чай.

Под пассивами Паши включилась электроплита, и был по-

ставлен греться чайник.

Проснулся Лёха Кот. Потянулся, пожелал доброго утра Лешему, а потом, как был, взял в охапку Настю и повалил её на диван, начав беситься. Леший созерцал "Брачное поведение котов в дикой новосибирской природе", курил сигарету за кухонным столом перед вращающейся пепельницей, да думал об отношениях и влюблённостях, пусть даже мимолётных, но оставшихся в прошлом.

"Вот Танюха. Она мне понравилась в первый приезд. Коса длинных волос, невысокое точёное тельце, нос с небольшой горбинкой и серые глаза... Тогда я никаких действий не предпринял. Надо ли предпринимать сейчас?", – думал он.

Из всей троицы вписчиков на работу ушёл только один – брат Лёхи-Кота Саня. Он трудился каким-то сисадмином в университете. Денег немного, но зато обилие халявного интернета.

Паша и Леший переглянулись, когда Кот утащил Настю за руку в ванную.

– Блядь. Настоящему коту и в декабре март, – сказал Паша, – это не Кот, а ёборь-террорист.

– И часто у вас такое? – спросил Леший.

– Настя девушка Кота, – прокомментировала Танюха, – нет у них иной возможности. Не выгонять же Лёхе всех вас со флэта. Взрослые все люди.

Леший прихлёбывал чай, закуривая его сигаретой. Паша врубил на компе музыку – какой-то бодрый пауэр-метал, объяснив это тем, что под него Коту будет веселее трахаться.

– Странно ты о нём заботишься, – сказал Леший, – будет ли он рад?

Как раз в это время из ванной донеслись звуки ругательства Кота в адрес Паши. Дверь открылась, высунулся полуголый Кот со словами: "Паша ты сука!", и закрыл её обратно.

– Весело тут у вас, – проговорил Леший.

Пока Танюха беседовала с Лешим о Ване, о его дорогах, о разъехавшихся общих знакомых, он прислушивался к Паше. Паша тихо разговаривал по сотовому, будто что-то выпрашивал.

После того, как Паша отключил связь, Леший тихонько подошёл к нему.

– Чё у тебя за хуйня? Опять работа не нашлась?

– Я хочу у родителей денег попросить, тыщи две-три. А они не хотят присылать.

– А тебе нахуя? За хату заплатить не хватит.

– Я попробую их превратить в двенадцать тысяч. Срочно и быстро.

– Как? Убьёшь барыгу или продашь почку?

– Ни то и ни другое. Пойду попытать счастья в игровые автоматы.

– Я могу тебе занять пару тысяч. Или дать просто так, если вдруг проебёшь. Но при условии, что вы меня оставляете жить с вами. И что если выиграешь больше, то какую-то сумму мне отложишь.

– А ты рискованый.

– Да мне сегодня сон хороший приснился, – вполголоса сказал Леший, – так что – почему бы и нет. Тем более, я игровые автоматы не люблю. И буду сдерживать тебя от проёба. Ну, ежели совсем проебёшь – продам тебя в рабство. Знаешь заведение, куда можно пойти?

– Лучше в заведение поцивильней, на Кыр-Пыр.

– Это вы так Красный Проспект называете?

– Ага.

Сборы были недолги. Танюха решила выйти с ребятами, хотя Паша и Леший не озвучивали цели своего похода. Просто в один момент она пошла на трамвай, а Леший с Пашей пошагали по морозному проспекту к зданию с большой вывеской "Казино".

– Ну, а теперь твоя задача – держать меня, чтоб я последнюю пятисотку не просадил. Было дело, я у себя в Кемерово оставил в автоматах тысяч сто.

– И не боишься?

– У тебя того же надо спросить?

– Я же сказал, что если вдруг проебёшь – пойдёшь со мной "шляпником", долг отрабатывать, – сказал Леший, и вслед за Пашей шагнул в широкие двери с сияющей входной груп-

пой...

...Внутри было накурено, неярко светились разноцветные лампочки, красного и синего цветов в основном, из динамиков играла какая-то бодрая музыка.

– Всё тут сделано, чтобы заманить и подольше продержат человека, чтоб человек больше бабок просадил, – прокомментировал Паша, – и музычка эта, и огоньки, и все свистелки-перделки. Очень влияет на психику. Достает из подсознания любого взрослого дядьки того младенца, которому протянули блестящую игрушку. А безлимитный чай и бесплатное пиво для постоянных клиентов – это тоже якорь.

– Охуеть, я и не задумывался, что всё хитро устроено, – Леший закурил сигарету.

– Ну вот, теперь держи меня, если я начну проёбывать по-крупному.

Леший и Паша заняли место у аппарата.

Вопреки названию "однорукий бандит", здесь не надо было дёргать за ручку. Вместо этого требовалось давить на кнопку. После того, как закинул деньги, надо было нажимать кнопку и следить, как уменьшается или увеличивается баланс. На экране крутились "лимончики" и "вишенки", но Леший их не видел. Перед его глазами были цифры, означающие "баланс". Болтаясь в пределах тысячи рублей, незначительно поднимаясь и опускаясь, циферки на экране держали

на себе внимание Лешего и Паши в течение двух часов. Леший, волнуясь, курил одну за одной, запивая халявным чаем из белой фарфоровой кружки. После того, как в ход пошла предпоследняя "пятихатка", Леший напрягся. Паша же принял облик типичного игромана, даже выразиться начал соответственно. Типа "блядь, проёбываюсь", "ща отыграемся", "пять бонусов же было" и т.д.

Когда цифры на счётчике домотались до сотни, началось движение "в плюс". Автомат стал выдавать один за одним "бонусы". Раз за разом сумма на экранчике прибавлялась. Бонусы накладывались друг на друга, продолжая и продолжая игру. Вокруг уже начали толпиться любопытные, считая вместе с Лешим и Пашей выпавшие "бонусы". Леший решил, мол, "была не была", и заказал несколько бутылок пива для любопытствующих соседей. Когда сумма дошла до цифры 45155, Леший сказал Паше: "Стоп, хорош". Паша послушался. Теперь – надо было технично сваливать, забрав выигрыш. Паша подошёл к кассе, где ему отсчитали целую кучу "ярославчиков"²³⁵. На пять тысяч Леший заказал в баре "всем посетителям пива за наш счёт", а, чтобы безопасно уехать с деньгами, заказали машину от заведения.

Через три минуты и выкуренную сигарету к выходу из казино подъехал чёрный "мерседес" с тонированными стёклами. Леший и Паша погрузились в него, косясь по сторонам.

²³⁵ Купюры 1000 рублей, с изображением Ярославля.

Но всё было нормально, машина, запросив пятьсот рублей, оставила Пашу и Лешего возле их дома на Владимировской. В небе над ними кружили снежинки в свете синего фонаря, где-то шумели троллейбусы и машины, гудели поезда.

Уже в подъезде Паша отсчитал Лешему десять тысяч. Эти деньги Леший быстро сунул к себе в ксивник, а с Пашей порешили никому не распространяться о том, где взяли деньги. Но к двадцать восьмому декабря перевод на счёт хозяев квартиры делал именно Паша.

Леший, окончательно переселившись на Владимировскую от Малыша и Юки, теперь спал на притащенном от соседей диване. Теперь поиск работы перешёл в более ленивую фазу, и Леший наслаждался обществом Лёхи-кота, Сани и Паши. С Пашей они съездили в Академ, на сейшен каких-то металлистов, где Леший натрясся головой, прыгал в слэм и радовался жизни. Иногда к ребятам приходила Танюха-маленькая и ещё несколько девушек. Леший же придерживался воздержания, даже не смотря на еженедельное превращение квартиры в настоящую "подростковую вписку" с сексом в туалете-ванной и алкоугаром. В такие дни Леший мирно брал себе бутылку пива, садился за компьютер и выступал в роли диджея, включая там музыку на свой вкус.

Вечерами он заходил в интернет, переписываясь в "аське" с Лосиком. У Лосика в это же время наступала сессия, поэтому она была немногословна. Да и сны оставались пустынь-

ными: в них не было ни Волка, ни "шаманов".

Между тем, в Новосибирске с каждым днём чувствовалось приближение нового года: на набережной вырос ледовый городок, город увешали гирляндами и праздничной иллюминацией.

Перед новым годом флэт на Владимировской начал пустеть: томичи всем скопом решили уехать к себе в Томск на все праздники, Паша собрался ехать к одной из своих барышень в Заельцовку. Леший, никому ничего не объясняя, решил остаться на флэту и никуда не ходить. А в момент наступления нового года вообще лечь спать.

Ключи, уезжая, Лешему оставил Паша:

– Будешь гулять, не пробухай компьютер.

– Я не особо любитель. Даже вписчиков обещаю не подбирать, – сказал Леший.

– Не сезон вписчиков-то собирать,

– Ага. "Не сезон, подумал Штирлиц и сел в сугроб"²³⁶, – отшутился Леший, закрывая дверь за Пашей, – удачно вам отпраздновать новый год.

Леший остался один в квартире, а в это время за окном показывали метель утра тридцать первого декабря.

²³⁶ Отсылка к известному анекдоту про собиравшего грибы Штирлица.

"Ну вот, в моём распоряжении пустая квартира, комп, пустой холодильник и уйма времени, – думал Леший, – такая зимовка конечно хороша. Тепло и уютно. Но иногда накатывает простая мысль. Зачем я здесь? Просто зимую? выжидаю? Или, как говорил Волк, прохожу какое-то "подвижничество"? Ссылку отбываю ли? Надо купить продуктов, ведь Лёха-Кот приезжает только пятого числа, а до этого нам тут с Пашей куковать. Этот пахарь-трахарь завтра явится, если нигде не пропадёт. Может, плюнуть, да пойти на новый год у Юки и Малышу? Хотя нет, они по-любому отправились на какую-нибудь новогоднюю вписку-сходочку"

Через час после ухода Паши на Лешего накатила тоска. Он решил пойти прогуляться, чтобы почувствовать новогоднее настроение в городе. Дорога вела его через туннель под путями, мимо привокзальной площади, с той самой надписью "ПРИЕЗЖАЙ" на гостиннице "Новосибирск". Потом в сторону "Плахи", да по Красному Проспекту.

"Зимним днём этот город серый. Возможно, даже более серый, чем Екатеринбург. Но вот вечером в его атмосфере что-то неуловимо меняется, – думал Леший, – хорошая всё-таки штука, новогодняя иллюминация".

С наступлением темноты город действительно преобразился. словно всё волшебство, попрятавшееся днём, решило вылезти и показаться. Именно за такую сибирскую зиму

Лешему и приглянулся Новосибир – с кучей ярких огней, хрустом снега под ногами и простором.

Он зашёл в продуктовый магазин, не торопясь закупились едой, даже без капли алкоголя и направился обратно на Владимировскую. Шагая через гулкий туннель под путями, продуваемый насквозь, Леший грустил и вспоминал свою великолепную осень. В голове была мысль, навеянная Волком во сне: "Не затворничество, а подвижничество".

Знакомый подъезд с гроыхающей железной дверью. Лифт, четвёртый этаж, звон ключей, пустая тёмная квартира.

Леший врубил свет и компьютер, поставил на медленную электроплиту кастрюлю под пельмени и приготовился встречать Новый год.

"Лучше всего в самую ночь попробую лечь спать, – думал Леший, протыкая вилкой очередной пельмень, – сейчас наемся, нахлебаюсь сока, напишу поздравления родителям в Михайловск, Мальшу, Этл и "Шаманам" с телефонами. Подумать только – я за полторы тысячи километров от родного Урала в пустой квартире унылюсь. С новым годом всех, счастья-здоровья-сбычи-мечт..."

За два часа до нового года Леший разложил спальник на диване, закрыл поплотнее окна, задвинул шторы и выключил телефон, чтоб никто и ничто не смогло нарушить ему сон.

– Итак, у тебя куча вопросов. Я готов ответить на них немедленно, – Волк был прямолинеен, – спрашивай, мой везучий друг! Не каждый умудряется обыграть игровые автоматы, вам удалось!

– Что мне делать дальше?

– Для начала – снять штаны и побегать, тем более ты в квартире один и можешь это сделать законно. Потом – работать над собой.

– В чём это выражается? – Леишй осмотрелся вокруг, увидев незнакомое небольшое помещение с кучей книжных полок, большими комнатными растениями в кадках и мягкими креслами, – что это за место?

– Это твоя будущая работа. Ненадолго, но продуктивно.

– Библиотекарем?

– Увидишь сам, – Волк приподнял одну из книг в стопке, на которой было написано "Владислав Крапивин", – его почитай, проникнись атмосферой. У него, правда, фетиши на мальчишеские забавы всякие, но эзотерическую суть сможешь уловить и здесь²³⁷.

– Читать книги?

– Отжимайся по утрам по двадцать раз. Приседай. Стой в "планке". Качай пресс и спину. Тянись. Не сутулься. Найди книжку про йогу, почитай несколько примитивных упражнений. Тебе сбалансироваться надо.

²³⁷ Тут автор отсылает к творчеству Владислава Петровича Крапивина, а конкретней – к его циклу "В глубине великого кристалла".

– Это и есть работа над собой?

– А то чё как лох-то? – усмехнулся Волк.

– Это аргумент, – усмехнулся в ответ Леший.

– В здоровом теле здоровый дух. Курить бросай. Сигареты. Трубку не бросай, пусть будет ритуалом.

– И что мне за это будет?

– Ты задаёшь интересный вопрос, друг мой. Научишься сам деятельно планировать свою жизнь. Точнее, сделаешь первые шаги к этому.

– А какие книги читать? Крапивина с йогой?

– Какие понравятся, те и читай. Готовься поступать на Биофак. Ты же хочешь с Лосиком в одном универе учиться?

– Каждый день её видеть?

– Хорошая перспектива же. Всё пройдёт. Ты ещё не знаешь, что будет скоро. Так что не печалься раньше времени.

– Что-то печальное будет?

– Скорее, наоборот. Пока начни с отжиманий и чтения. Твои знания и впечатления надо сложить в систему.

– Какая чудесная инструкция. Спасибо! – огрызнулся Леший, сам не зная почему.

– Радуйся, что я не применял к тебе воздействий, которыми строю Манула

– Ты его пиздишь во сне?

– И это тоже, – по лицу Волка скользнуло незнакомое лицо, похожее на кавказское, с чёрной бородой и ухмыляю-

*щесся по-гопнишки, – Есьэжи, братуха!*²³⁸

– Этого пугается Манул?

– У каждого есть лица, которых мы боимся, – при этих словах на лице Волка промелькнули черты бившего Лешего в детстве Дениса, затем сменились глазастым лицом Егора соседа по общежитию, тупым взглядом пятикурсника Паши. Потом проявились черты того скина, которого Леший с волковской же подачи избил во сне, – не стоит над этим смеяться.

Леший вздрогнул.

– Есть лица, которых мы стыдимся, – сказал Волк, – показывать тебе не буду.

– Я уж хотел отвернуться и просыпаться.

– Просыпаться не надо пока. Скоро остальные заснут, у вас будет свой новый год. Во сне.

Библиотека и Волк превратились в фотографию на рабочем столе компьютера. Леший сидел, тупо пялясь в монитор и не понимая, проснулся он или нет.

За окном гроыхали фейерверки, даже сквозь закрытые рамки и шторы были слышны глухие хлопки.

Леший встал, прошёлся по комнате и распахнул шторы. Долго смотрел он на салюты над Обью и дворами. Пока кто-то не закрыл ему глаза тёплыми руками с запахом сандала.

– Угадай, кто? – услышал он голос Лосика.

²³⁸ Слова-паразиты кавказцев, произнесены были с кавказским акцентом.

– Лосик?

– Нет, я твоя белая горячка, – Лосик, смеясь, убирала руки с глаз Лешего, развернула его к себе и заключила в крепкие объятия.

– Это сон? Или ты постигла тайны материализации?

– Сон конечно – тихо донеслось из двери ванной голосом Манула, – иначе как бы мы все из разных городов смогли вместе собраться.

Леший улыбался широко.

– А ну, покажитесь все!

Из-за перегородки, отделяющей комнату от кухни, вышла Ольга и курносая Света-художница, из-за двери ванной вышли Манул с Полиной под руку.

– Кого-то не хватает! – сказал Леший.

– Волк с тобой уже беседовал? – Манул достал, как и наяву, курительную трубку и начал забивать, – давай курить будем.

– Давно не виделись, ёпт, – сказала Света, – я единственная, кто сейчас в Ёбурге торчит. Все остальные разъехались! Лосик в Урае, Манул с Полюхой в Перми, Ольга в Миссе, ты, Леший, в Новосибире.

– Ты же в Питер уезжала?

– На новый год уехала домой.

Все голоса были радостные, рассказывали о своём житье. Леший поставил чайник на медленную электроплитку, на что Полина извлекла из-за двери ванной свой "джетбойл",

со словами "у меня уже готово", разлила чай из своей термокружки. Всё это напоминало бы "чаепитие безумного шляпника" из Кэрролловской "Алисы", если бы не реальность ощущений и интерьеров. Леший намеренно пытался исказить сон, осознаться. Но выглядело всё очень реалистично – Леший даже разбил руку об дверной косяк, проверяя пространство сна на прочность.

Все делились новостями и впечатлениями.

Света рассказывала про своего нового ухажёра, какого-то Ивана. Лосик – про почти досрочно закрытую сессию и встречу с компанией бывшего молодого человека. Полина и Манул – о верёвках и крышах. Ольга – про перепивших на праздники, которых доблестная миасская "скорая" катала до больниц и травмпунктов.

Леший рассказал о своём выигрыше. Под бодрое "О-о-о!", озвучил сумму, но оговорился, что из этой суммы он взял совсем немного.

Потом Полина достала гитару из-за той же дверки ванной – точь-в-точь лешевская, оставшаяся в Михайловске! – и начала тренькать и напевать какую-то импровизацию.

Лешему было приятно и весело, настолько, что он позабыл, что это сон...

Он проснулся от невыключенного будильника, который привычно запикал на полке над компом в семь утра.

Разлепил глаза и огляделся.

"Нет никого из Шаманов. И Волка нет. Неужели всё снилось? Тогда... Почему так рука болит и опухла? Чертовщина..."

На руке у Лешего действительно набухал синяк. И шторка на окне в комнате раздёрнута. Леший, как ошпаренный, подскочил, обходя всю квартиру и обшаривая каждый угол в поисках следов и намёков на присутствие "Шаманов".

"Бля. Алексей, вы едете кукухой, – сказал Леший сам себе, – вы встаёте в новогоднюю ночь, галлюцинируете себе друзей, бьёте кулаком стены, раздвигаете шторы. Как это называется, Алексей?"

Собравшись с мыслями, Леший поставил чайник и закурил сигарету... Поперхнулся сигаретой, будто дым не захотел идти в лёгкие, а кругами заворачивался в горле, обжигая его.

– Эй, ну нахуй мне такие чудеса! – во весь голос закричал Леший в пустой квартире.

А потом вспомнил сон, в котором Волк говорил ему о трубке, пошарил по карманам рюкзака в её поисках, нашёл трубку, забил в неё вишнёвый табачок, поджёг, попыхал, раскуривая, затянулся... "Вот теперь хорошо, – подумал Леший, улыбаясь, – хоть трубку разрешили, и то отрада. Надо

заниматься"

Леший заставил себя собраться и отжаться от пола десять раз. После чего рухнул отдыхать прямо на ковёр, глядя в белый потолок пустой квартиры...

Глава 10. Ди.

Вечером второго января заявился Паша-эльф.

– С новым годом, уральский пельмень! – прокричал он с порога, протягивая Лешему бутылку пива.

– Воистину воскрес! – ответил засыпающий на ходу Леший.

Первое января Лешего прошло очень лениво. После фееричного пробуждения он отжался, подремал прямо на полу комнаты, а вечером собрался и дотопал до Малыша, предварительно созвонившись. Этому товарищу сегодня очень "повезло", как оказалось. Начальник его киоска не захотел закрываться на праздники, поэтому поставил Малышу смену первого и второго января. И Малыш, угрюмый и невыспавшийся, утром первого января отправился на "площадь Маркса". Ближе к окончанию работы Малыша навещил Леший. Оказывается, Юки на новый год утопала на сходко-вписку к новокузнецким анимешникам, а Малыша с собой не прихватила. Малыш провёл новогоднюю ночь столь же плодотворно, как и Леший – попросту проспал её. Правда, снилось ли Малышу что-то интересное, Лешему узнать

не хотелось.

После работы Малыш с Лешим взяли по хот-догу, да и направились на пустом троллейбусе в сторону малышейовского дома, распевая по дороге похабные песни на весь троллейбус, развлекая водителя и кондуктора. Водитель новогоднего троллейбуса тоже оказался не промах: молодой парень включил "Гражданскую Оборону" на кассетной магнитоле в троллейбусе. Редкие пассажиры только дивились. У водителя из двери несло:

"Всего два выхода для честных ребят:
Схватить автомат и убивать всех подряд
Или покончить с собой
Если всерьёз воспринимать этот мир"²³⁹

А двое пиплов на переднем сидении подпевали, нарочно хрипя голосом по-летовски.

Вечером того дня Леший решил заночевать у Малыша. Они выскочили из троллейбуса и бодрым шагом понеслись через метель к малышейовскому дому, распевая "Мою оборону".

Прямо у подъезда Малыш и Леший встретили Юки с ещё одной девицей, в "тяжелых", пуховике и шапке с нашивкой

²³⁹ ГрОб – Харакири.

в виде дракона, с сумкой через плечо. Довершали картинку её внешности изящные черты лица и очки в тонкой оправе.

– Комбанва, Леший-кун! – закричала Юки, бросаясь на шею сразу обоим.

– С новым годом, Юки-тян! – ответил Леший.

– Где ты Ди подобрала? – спросил Малыш.

"Видимо, это неформальское существо зовут Ди, – подумал Леший, – Интересно, почему? Диана что ли?"

– Этот ёжик будет жить с нами сегодня, дес. Леший же всё равно нас покинул.

– Леший тоже сегодня с нами.

– Ня-я! – завопила Юки, – сегодня гитара и джем-сейшен, Ди тоже гитарист!

– Ди, это Леший, – представил его Малыш, – он автостопщик из Катера.

– Звучит почти, как из Питера, – сказала она.

"Приятная девочка, с относительно симпатичной мордашкой", – оценил про себя Леший.

– А почему Ди?

– Вообще я Катя. Ди – это давняя история, мы как-нибудь к ней вернёмся. Я из Красноярска вообще.

– Не бывал, – потупился Леший, входя в малышовскую

дверь и расшнуровывая берцы.

– Не многое потерял. На вокзале лев с лопатой, на правом берегу дымы столбом и столбы без дыма. На левом – десять рублей.²⁴⁰ Так что – приезжай, – улыбнулась Ди.

"Какие милые ямочки на щеках, когда она улыбается", – думал Леший, глядя на Ди.

Малыш открыл холодильник, достав оттуда бутылку "Киндзмараули".

– Это нам от мамика подгон на новый год.

– А мы с собой ещё принесли. Прихватили, так сказать, останки с барского стола со вписки. Плодово-выгодное, – сказала Ди, открывая сумочку и извлекая оттуда пару бумажных коробок с каким-то "плодово-ягодным" напитком, – и закусь есть.

Народ разлил вино, в это время Леший настраивал гитару, наигрывая Костюшкина:

"От Москвы неблизко
До Новосибирска
Мы живём, с судьбой не споря,
Переживаем за страну,

²⁴⁰ Краткое описание достопримечательностей Красноярска: герб, заводы, заповедник "Столбы" и часовня, изображённая на десятирублёвой банкноте.

По зубам орехи, по колено море,
Водка по карману... "241

У Лешего почему-то получалось очень рэггийно. Так что он стихийно перешёл на пение сантовского "Зимнего Рэгги":

"Зимой растаману в Сибири не в кайф,
Где сансемилья, где солнце и рэггей,
Боб Марли жил на Джамайке и в этом был прав,
А я отчего-то в Сибири пускаю побеги..."242

– Подай-ка гитару, – попросила Ди, – сыграю тебе настоящий рэггей...

К удивлению Лешего, заиграла она песню екатеринбургской группы "Алаи Оли":

"Город ловит облаками дым из труб
Город зажигает огнями волны снежные,
А мы дельфины, мы такие нежные..."243

– Так это ж мои земляки, я был на фестивале, где они выступали, – радостно сказал Леший.

Правда, он умолчал о том, что в ожидании выступления

²⁴¹ Коридор – Новосибирск.

²⁴² Санта Дергачёв – Зимний Рэгги.

²⁴³ Alai Oli – Сибирская рагга.

"Пилота" и "Арии" во все разогревающие группы летели пивные банки из окружавшей Лешего толпы.²⁴⁴

Потом Леший взял гитару и сыграл что-то из "Собак Качалова", отрекомендовав их.

– Ну, раз уж речь о земляках, давай я тебе красноярское сыграю, – сказала Ди, – правда, оно не рэггийное и не особо весёлое...

Начала она перебор с ре-минора. Песня, поначалу монотонная, заставляла покачиваться, вводя в своеобразный транс и баюкая:

"Кап-кап, кап-кап-кап,
Кап-кап-кап. Динь-Дон,
Наш дом – растущее дерево,
На берегу дождя-а.
Слышишь, как топают лапки,
Тех, кто готов дождаться
Утра-а..."²⁴⁵

– Чьё это?

– Сойки из Дивногорска. Из старой хипповской тусовки.

²⁴⁴ Фестиваль "Старый Мельник-2007" проходивший в Екатеринбурге, выглядел именно так.

²⁴⁵ Терембор (Сойка) – День земляники.

Зацепило?

– Ну так. Закачало и понесло.

– Значит, хорошо...

...Передавая гитару, слово за слово, Леший рисовал портрет Ди у себя в голове.

"Светлые волосы, небольшой рост. Чем-то похожа на Полину, но у Ди черты лица не "пермские", как у Полины. А какие-то сибирские. И очки, – думал Леший, – смотри, Алексей, не влюбись. Хотя, почему нет? Выслеживай себя..."

"Выслеживание себя" обнаружило, что Ди начинает Лешему нравиться. А значит, Леший включил генератора историй и песен.

– А почему ты Ди? Всё-таки?

– Ох, это с детских времён повелось. У нас был летний лагерь на "Столбах". Знаешь же что это такое?

– Ага. Главная достопримечательность ваша.

– Так вот, мне было лет одиннадцать, и у меня была футболка с надписью "Титаник"²⁴⁶, и нарисованным Ди Каприо. Подружки меня так и прозвали, Катя Дикаприо. Потом сократилось до "Ди". Так что теперь можно придумывать дружную историю.

– Давай придумаем? Пусть у тебя была футболка

²⁴⁶ Был такой популярный фильм году в 1998-99.

"RAMONES", и назвали тебя в честь Ди Ди Рамона?

– Ага. Или, например, на уроке английского, где добрый "Тичер" раздал каждому по букве аглицкого алфавита, и мне досталась буква "Ди"?

– Или ты хотела зваться Дианой или Диметрой, и даже завела себе страничку на сайте знакомств с таким именем...

...Под такие разговоры наступала ночь. Леший вместе с Малышом вышел на балкон забить трубки и покурить.

– А почему не в кухне сегодня?

– Ди не курит, не хочу её вытравить, – ответил Малыш.

– Кто она?

– Она – талантливая барышня из Красноярска, делает всякий стафф. Типа твоей Этл, только Ди больше музыкант, чем художник. Тоже стопщица, кстати. Вы с ней за стоп беседовали же?

Когда подошло время спать, Леший решил уступить диван в комнате малышовской мамы Ди, а сам поспать на кухне. Озвучив это предложение, Леший слегка взгрустнул.

"Где-то на Северах тоскует Лосик, а ты здесь в Сибири, с незнакомой красноярской леди. Она, конечно, симпатичная, да и Лосику ты вроде как ничем не обязан. Что же и как? – думал про себя Леший, – ладно, война план покажет".

– А зачем тебе ночевать на полу, без одеяла?

– В "Гром" свой завернусь. Не впервой, – ответил Леший.

– Кровать большая, уместимся.

– Не боишься ночевать на одной кровати с незнакомым мужчиной?

– Напугал ежа голой задницей. Теплей будет.

Они погасили свет в комнате и легли по разным углам кровати со словами "Спокойной ночи". Леший невольно стал прислушиваться к дыханию Ди, затаивая своё.

– Эй, Леший! Ты спишь? – шёпотом спросила Ди

– Нет ещё, – ответил Леший.

– Ты чего не дышишь?

– Просто затаил дыхание.

– Я уж испугалась. Ползи обниматься.

– Не боишься, что приставать начну?

– Не боюсь. Боялась бы, не согласилась бы разделить с тобой кровать – она подползла к Лешему и прижалась, приобняв...

Леший, как не боролся за свою нравственность, но всё пошло "коту под хвост", когда он взял её руку в свою, дотронулся до её спины пальцами, а Ди коснулась его губ своими. Тишина и таинственность движений были потревожены только её фразой: "Погоди. У меня в сумке есть...", после которой она дотянулась рукой до сумки, нашла там пачку презервативов и протянула Лешему.

"Вот это поворот судьбы, – думал Леший, – чудесный город подкидывает мне сюрпризы. Пока – приятные" ...

...Они лежали на пушистом одеяле, два голых разгорячённых тела в чужой квартире и смотрели в потолок.

– Леший, а у тебя девушка есть?

– Влюблённость – была. До сегодняшнего дня. Там, скорее, дружеское.

– А как ты к произошедшему относишься?

Леший услышал в вопросе типично женскую подковырку, и решил ответить честно.

– Как к проявлению взаимного интереса.

– И я также, – улыбнулась Ди, – и ты талантливый парень.

Во многих отношениях!

– Спокойной ночи, – сказал Леший, целуя Ди в ушко.

– И тебе. Теперь уж точно, – ответила Ди.

Снилась Лешему Лосик.

– Леший нашёл прекрасную девушку и новый роман, – говорила она.

– Ты всё знаешь?

– Я же ведьма – заговорищицким шёпотом произнесла Лосик.

– И что, проклянёшь?

– Нет. Порадуюсь! Наконец ты перестал на меня запа-

дать, и я смогу спокойно выдохнуть, не грызя себя за поправившихся мне мальчиков.

– Не знаю, что и сказать. Спасибо за поддержку, – Леший обнял Лосика за плечо.

Изо рта Лосика валил пар, они стояли под снегом в основном морозном лесу. Даже во сне Лешему было зябко.

– Что это за место? – спросил Леший.

– Это моя родина, Урай. Тут, недалеко отсюда, родовые места рода моей прабабки начинаются. Род уже размылся, но на это место меня до сих пор тянет во снах, – сказала Лосик.

– Круто быть тобой. Я вот о себе дальше прабабок-прадедов не знаю.

– Почему же мы здесь?

– Не знаю. Может, родина потянула меня...

Леший проснулся, оглядывая обстановку. Рядом тихо спала Ди. Он провёл по её спине рукой, накрыл её одеялом, а сам потихоньку оделся и выполз на кухню.

– Доброе утро, Леший-кун, – сказала Юки, внезапно жарящая яичницу рано утром.

– Чего тебя так рано подняло сегодня?

– Гостью обиходить надо. Ты-то привычный вписчик, а Ди-тян у меня редкий гость.

– Передавай ей привет, – сказал Леший, – и вот ещё что.

Он достал бумажку, начеркал на ней свой номер телефона

и протянул Юки.

– Юки-тян. Ты скажешь ей, как со мной связаться. Только не потеряй.

– Кawaii! – пропищала Юки, увидев написанное на бу-мажке:

"Спасибо тебе. Есть смысл остаться в Сибире ещё. Леший. Телефон: +7913...."

Леший шагнул домой пешком, через метель по улицам пу-стого города. Закрыв входную дверь, и раздевшись, он пер-вым делом забил трубку и снова ощупал весь флэт на пред-мет "проверки реальности".

Потом Леший просто рухнул спать на диван, быстро и без сновидений. А когда проснулся, в дверь уже ворвался Па-ша-эльф с пивом.

– О, ты так вовремя! С наступившим! – сонный Леший ставил чайник и с завистью смотрел, как Паша закуривает сигарету на кухне.

– ...Так вот, значит, а после бара мы отправились на мет-ро, – вещал Паша, – уже там подгулявших много было. А к нам ещё компания примазалась большая. Там короче один панк из Кузни был, на голову вообще убитый. Мы-то ладно, со Светкой заперлись в комнате, романтика-свечи-энигма, чё-каво, об этом заранее договорились, и никто к нам не ло-мился. А за стеной у нас трэш творился. Короче, сначала там

все подписали изрядно, две девы в ванной заперлись, сначала думали – вены режут, а потом оказалось, они там в лесбиянок играют. Так этот панк к ним вломился, там ванна с туалетом вместе просто, сел срать прям при них. И заснул на унитазе так, что упал с него! Девки не нашли ничего лучше, чем полить его из душа. Он поднялся, отряхнулся, развешал одежду по змеевуку, да и выволоч за волосы эту девку, Таня её вроде зовут...

– Маленькая?

– Не-е. Маленькая со своими родаками вообще в Черепаново уехала до десятого числа, там другая Таня была! И я поражаюсь спокойствию Светки. Уже мы "кончили и закурили", она вышла в коридор, откуда вопли избиваемой голдой доносились. Прикинь, голый панк, пинающий голую герлу... Светка прошла мимо и залезла в ванную к той герле! А панк потом, на глазах у всей вписки с Танькой этой замирялся, устроив траходром прямо в прихожей, опёршись на гардероб. А когда гопники заельцовские и ботанские²⁴⁷ стали фейерверки пускать в новогоднюю ночь, тот панк вышел на балкон, открыл окно, встал на табуретку, и начал с балкона ссать! Честно, даже я испугался, что он ёбнется. Он давай орать "Панки хой, остальным – хуй!", его Макс с Солнцем обратно затащили и пизды дали профилактической. Под конец ночи мы со Светкой улеглись, распахав все пьяные тела по углам. Панка этого, то ли Штемпель зовут, то ли Шом-

²⁴⁷ Названия обитателей жилмассивов: "Заельцовка" и "Ботаника".

пол... Не упомяну. Короче, он возле электроплиты свернулся калачиком, да и уснул. Первого до вечера народ выпинывали, я ещё Светке помогал флэт отпидорить. Вот там точно романтика... А у тебя как?

– У меня норм. Ночь поспал. Представляешь, снился сон реалистичный, я во сне решил здесь окно открыть и реальность на прочность проверял, стены бил. А проснулся – и правда, окно открыто, и рука вон опухла и болит.

– Может ты лунатик?

– Не замечал раньше. Да и сегодня ночью никто не слова не сказал, значит хорошо всё.

– Ты приводил кого?

– Во сне в новогоднюю ночь у меня толпа друзей Ёбургских была. А так нет. Сам я первого к Малышу и Юки ходил, на Гоголя. Там ещё одна тьян с Кырска была.

– Тьян-петян. Ты в анимешника не превратись, а то скоро "някать" начнёшь.

– Ну это так, вырвалось. Цепляю я слова-паразиты всякие. А ещё я сигареты не курю больше.

– Отчего так?

– После сна в новогоднюю ночь мне как отшибло. Затянуться даже не могу: в рот дыма набираю, а дальше – кашляю.

– Не завидую тебе, – Паша выпустил колечко дыма в потолок, – а что с кырской "тян"? Согрешил с ней хоть?

Леший кивнул, задрав футболку, продемонстрировал сле-

ды от ногтей.

– Ни-хе-ра-ссе, – проговорил Паша, – да ты ёборь похлеще Кота! Вот и говорят, что в тихом омуте...

– Я думаю, это разовая акция. Мы с ней даже не попрощались. Она спала, когда я уходил.

Паша уселся за компьютер, а Леший не придумал ничего лучше, чем пойти прогуляться.

– Ты опять приключения искать пошёл, сновидец? – крикнул Паша из-за компа.

– Посмотрим. Может, просто пельменей куплю, – сказал Леший, закрывая входную дверь.

Леший побрёл по "направлению" в сторону "Речника" и набережной.

Здесь прохожих вообще не было, лишь проносились вдоль бетонного забора промзон редкие машины.

Леший вспоминал, как он первый раз оказался здесь:

"Мда, нас в том мае высадили в ебенях под Юргой²⁴⁸", – думал Леший, вспоминая майскую поездку с Танюхой в Томск.

Короткая радость от быстрого уезда с Юргинской объездной тогда сменилась чувством облома. Танюха тоже упала

²⁴⁸ Город на севере Кемеровской области.

настроением, и их кислые рожи отражались в стеклах пролетавших машин. Высадившая Лешего с Танюхой легковушка уже скрылась за изгибом холма на грунтовке, уходящей в степь. Впереди, а точнее, за спинами у Лешего и Тани, был прямой асфальтовый спуск, и степи с неизменными опорами ЛЭП вокруг только где-то на горизонте переходили в полоску леса. Мимо проезжали праворульные легковушки 17го и 19го регионов, навевая в голове Лешего что-то вроде варганной мелодии, сопровождающейся идиотским текстом и горловым пением:

"...По степям Хакасии мчится Дырдынбай...

На Тойоте на своей едет далеко...

Дырдын-дырдын-дырдынбай...

Дырдын-дырдын-дырдынбай...

Дырдын-дырдын-дырдынбай...

Дырдын-дырдын-дырдынбай...

Уо-о-о-о-о-о-о-уль-ь-ь-ь-ь-ь-ь-ь..."

Минут пять подобный бред вертелся в голове, но изливать его в варганно-словесную форму Лешему показалось неуместным. Но бред этот заставил улыбнуться.

Результат не заставил ожидать: на обочине, подняв облако пыли, затормозил какой-то локальный грузовичок. Говорит что едет недолго и взять может только одного. Леший, переглянувшись с Таней, отказался.

Ни прошло и пяти минут, как затормозил МАЗ 42го региона

– До Новосибирска!

– Садитесь, девушку назад на полку. Ремень пристегивай.

Танюха, от переизбытка впечатлений, сразу заснула, а Леший превратился во внимательного слушателя историй кузбасского водилы. Он курил, стряхивая пепел в модную пепельницу с крутящейся самовытряхайкой, с чёртиком на боку. Мимо проносились поля и леса Кузбасса, а затем – Новосибирской области.

В сам Энск тогда въехали лишь за полночь.

Водитель высадил их как раз на Владимировской, сам же он ехал на Левый Берег, по Димитровскому мосту. Танюха тогда предложила дотопать до "Речника", мол, оттуда можно и до "Золотой Нивы" дойти. Леший, слабо ориентировавшийся тогда в незнакомом городе, доверился танюхиному "топографическому кретинизму", и, вместо того, чтоб перейти под туннелем напрямиком на Красный и по Гоголя уйти на "Золотую Ниву", они потопали по Владимировской. Спрашивая у редких прохожих дорогу

– До "Речника" как пройти?

– Да всё прямо-прямо и прямо, по этой дороге...

Так ответили раза два. На третий раз мужик, выезжавший с заправки, вообще предложил подвезти, и Леший с Танюхой "с ветерком" домчали до "Восхода". Там, правда, долго пробирались пешком через какие-то гоподебри, где возле круглосуточного магазина местная фауна распознала в ребятах автостопщиков, угостила сигаретами, да сказала что-то типа:

"пиздуйте, пока мы хорошие, гыгыгы..."

Леший уже проходил под путями "правой Оби", когда его воспоминания оборвал звонок с незнакомого номера:

– Слушаю, – ответил Леший в манере Этл.

– Привет, это Ди. Ты ушел, не попрощавшись. Давай погуляем сегодня?

– Давай. Я в начале Кыр-пыра сейчас.

– Встретимся на Плахе.

– Да. До встречи.

У Лешего заколотилось сердце. Все мысли обратились в сторону Ди.

"Как не оплошать, когда не получается быть самим собой? – думал он, – Как не прослыть дураком?"

Он шагал под падающим снегом, и крутил в голове только образ Ди. Хотя нет, на минутку он вспомнил и Чуму, которая рассказывала ему во сне про Новосиб. И Лосика, которая водила его в том же сне по городу. Небо было такое же тёмное, как во сне, над городскими крышами и над фонарями. Лишь, отражая свет серыми брюхами, пролетели какие-то запозднившиеся птицы над заревом городского неба.

"Всё, как во сне, – подумал Леший, и добавил про себя, – Да будет так, как идёт"

Катя Ди стояла, навалившись на статую красноармейца с ружьём.

– Привет! Ты прямо вовремя. Я только пришла.

– Волшебники всегда появляются вовремя, – ответил Леший фразой из какого-то фильма, подошёл и робко обнял Ди.

Она с радостью приняла объятия Лешего, уткнувшись носом в его небритую щёку.

Они направились гулять по Красному Проспекту, взявшись за руки.

– Лишь в этом месте Новосибир похож на Ёбург.

– И на Кырск тоже. У нас немного по-другому всё. Весной у нас классно, когда всё цветёт. А летом вообще весь наш город в пальмах и фонтанах, как на Югах.

– Отчего так?

– У нас мэр – большой любитель фонтанов и пальм. Нелепо, но, чёрт возьми, красиво, – сказал Ди, – и по весне вся набережная Енисея обсажена художниками с мольбертами.

– Не бывал у вас в Красноярске. У нас тоже весной красиво в Ёбурге. Яблони цветут когда. Весь город преобразается.

– Смотри, как дорога ляжет. Может, ты к нам приедешь. Может, я к вам.

– Ты так грустно говоришь?

– Я уезжаю седьмого вечером. Билет только купила. Пока живу у Малыша с Юки.

– Значит, успеем нагуляться, – улыбнулся Леший.

Действительно. Последующие дни Леший и Ди прошлись по многим достопримечательным местам Новосибира.

С подачи Ди сходили в Зоопарк, где Ди рассказала, как нелегко летом бедняге белому медведю: по её рассказам, в бассейн с холодной водой, где летом содержится мишка, мимопроходящее быдло умудряется кидать бутылки и всякую пластиковую шелуху. После посещения Зоопарка фраза "не думай о белом медведе" заиграла новыми красками для Лешего.

Свозила она Лешего в Академ, в "музей Солнца", где были всяческие изображения Солнца и описания его культов. Леший проникся и поведал Ди историю про ацтеков, у которых изначально курение, или "обряд питья дыма" был частью ритуала поклонения Солнцу. Рассказывал об этом Леший, попыхивая трубкой на мосту через пути на "Сеятеле" с видом на старинные поезда.

Леший приводил Ди к себе на Владимировскую, где познакомил с Пашей. Паша тогда поступил, как истинный джентльмен, ретировавшись через полчаса после прихода Ди.

В рождественскую ночь Леший гостил у Юки с Малышом, где они Ди опять играли на гитарах. Лешего одолевала лёгкая грусть от скорого расставания с Ди.

– Катя, может мне рвануть в Кырск с тобой?

– Эх, Лёша, было бы всё так просто? Мои родители не поймут, если я приведу в свою берлогу на "Взлётке" парня-автостопщика и скажу предкам, что он поживёт у нас.

– Тогда ты приезжай. Погуляем.

– Понимаешь, Леший, ты же тоже не хочешь себя отягощать отношениями. И я не хочу.

– Да уж. Фрилав, все дела, – грустно вздыхал Леший.

– Я буду тебе писать и звонить, если хочешь. Хоть в Сибирь, хоть в Ёбург. А весной и летом планирую ехать в стоп через твой край. Так что ещё увидимся.

Было сказано много слов. Леший искал оправдания своей влюблённости, понимая, что бурный роман и долгие выстраиваемые отношения – это, как говорится, "две большие разницы". Ди рассказывала про себя, свои опыты отношений, переживания. Когда-то поучившаяся на психолога, она бросила универ, также как и Леший. Правда, теперь она, в отличие от Лешего, сидела на шее у родителей, время от времени делая всякий стафф для косплееров и ролевиков, пошивая тряпки на заказ и расписывая выжигателем музыкальные инструменты. Это было её страстью – рисовать пейзажи на гитарах. Ди нравилось, когда гитара, помимо волшебного звука, начинала радовать глаз.

Леший говорил про автостоп, про уличный "аск", про вписки, про "Оленьи Ручьи", про Таганай, рассказал и про

трейнхоп.

Единственное, о чём молчал Леший – о своих снах. О Волке, Лосике, Мануле с Полиной и Ольге. Ему казалось, что он предаст Волка и "шаманов" если расскажет о них Ди.

Часы пробили полночь, и за окнами Малыша начали запускать фейерверки.

"Ладно, хоть не колядуют", – подумал Леший.

На Урале, в маленьких городках, в том числе и в Михайловске, существовала неофициальная традиция, когда самые отвязного вида юные бухие раздолбаи разоряли косметички своих девушек и чуланы своих бабушек, превращаясь в разящих перегаром "колядовщиков", ходящих по дворам и квартирам, распевая песни. Здесь, в Новосибире, такой традиции не было. Были другие, например, по рассказам Малыша, здесь на Купалу народ поливает друг друга водой, особенно каких-нибудь мажоров с сотовыми.

– Спокойной ночи, Катя.

– Спокойной, Лёша...

Естественно, половину ночи ни Леший, ни Ди не спали, радуясь высшей форме тактильного контакта.

А когда, уже под утро, разгорячённые и изнеможённые, они разлеглись на "траходроме", раскинув руки, Леший уснул.

Они с Волком стояли в том же зале "библиотеки", где были в новогоднюю ночь.

– Волк! А, Волк! Об этом ты мне говорил, когда предрекал удачные стечения обстоятельств?

– Личная жизнь – это твой выбор. Ди барышня талантливая, и у вас выпадет возможность увидеться ещё, причем довольно скоро. Но прими, что у неё свой путь и свои "тараканы в голове".

– Отчего же так грустно сейчас?

– Пореви.

У Лешего на глазах появились слёзы. По остававшемуся каменным лицу потекла предательская тёплая капелька.

– Может, хватит себя жалеть? – сменил тон Волк, – распустил, блядь, нюни. Ты сейчас, как онанист Иван Залупа²⁴⁹, дрочишь себе мозг, мол, ах, какой я несчастный влюблённый, это мой крест, и нести мне его до конца жизни. Прекращай! Получай уже кайф от жизни, от каждого её момента. Потрахались – хорошо, погулял с умной и красивой девушкой по не родному вам обоим городу – ещё лучше. Чё реветь-то?

– Волк, а Волк? Ты меня заебал своими нравоучениями, – Леший, рассердившись, ударил кулаком в грудак Волку. Точнее, в то место, где Волк только что стоял...

– А ты заебал нитьём, – в чертах лица Волка появились

²⁴⁹ Онанист Иван Залупа – персонаж одной из песен "Красной Плесени".

линии зверя, даже обозначились клыки.

*Волк бросился на Лешего, ударив ему по голове своим пу-
довым кулачищем.*

*– Ах ты собака! – заорал Леший, махнул рукой в то ме-
сто, где стоял Волк. На сей раз задел его по плечу, да так,
что Волк пошатнулся.*

*– Я обижусь, – на месте Волка оказался действитель-
но Волк – матёрый зверь с жёлтыми глазами и бело-серой
шкурой, и, рыча, прыгнул на Лешего...*

*Леший проснулся, упав на пол и ударившись о тумбочку
головой.*

*– Лёша! Ты в порядке? – Ди подскочила с кровати и по-
могла подняться Лешему с пола.*

У Лешего сильно болела голова.

– Да, только я больше спать сегодня не буду. Наверное.

*– Там в морозилке у Малыша "перумени" есть, надо при-
ложить, – Ди накинула футболку и, закрыв дверь, прокра-
лась на кухню.*

Леший в это время снова закрыл глаза...

*– Я не могу тебя покинуть сейчас. И убивать тебя я не
хочу, Леший, – Волк стоял перед ним в "библиотеке" в своём
привычном человеческом облики.*

– Прости, я погорячился.

– Это ещё ничего. Малая доля того, что мы с Манулом

продельваем. Небо простит.

Вообще-то Волк произнёс какое-то другое слово, но Леший услышал это слово, как "Небо". От этого диссонанса у него зародился вопрос, он уже хотел открыть рот, но получил ответ.

– Бог, Аллах, Великий случай, Вселенная, Мироздание, как угодно назови. И не спрашивай, – сказал Волк, – Я так называю, мне привычней.

– Спасибо.

Леший замолчал и оглянулся. По-прежнему, вокруг "библиотека" – ряды книжных полок, кадки с цветами, советские кресла.

Волк подошёл к Лешему, и, к его удивлению, обнял.

– После драки, даже такой, как у нас, надо помириться, – сказал Волк и улыбнулся, выпустив Лешего, – тебе надо выпускать гнев иногда. И слёзы. Принимай себя со всеми слабостями, так будет легче их изжить. Помнишь, я говорил про "компостную кучу". Вот. Слабости – это "компост", которому нужно время и несколько условий, чтоб превратиться в питательный субстрат.

– Опять экология.

– Экология сознания не менее важна. Просыпайся. Красивая девушка уже сидит над тобой, – Волк сделал жест "разрыва связи".

– Лёша, ты всё же уснул? – волновалась Ди.

Леший почувствовал мокрый холод на своих волосах: Ди прижимала к его голове мешок с замороженными пельменями.

– Охуенно, – улыбнулся Леший, – стопщик из Ёбурга и девушка из Кырска сидят на полу спальни в Новосибирске в рождественскую ночь и держат вдвоём мешок с пельменями.

Ди и Леший посмеялись.

После этого, не смотря на глубокую ночь, сна у Ди и Лешего не было "ни в одном глазу". Они стали общаться на разные темы. Леший "задвигал" про лекарственные растения, свои наблюдения за диалектами в автостопе и немного – об эзотерике. Ди рассказывала про людей, занимающихся "энергуйством" в Красноярске. Про парня, ставящего на ручьях фигуры из балансирующих камней. Про дедушку, лазающего на "Столбы" в одних плавках. Про Торгашинские Горы с пещерами, малопосещаемые Мининские Столбы и Дивные Горы²⁵⁰ на левом берегу Енисея, где собираются её знакомые "Энергуи".

Леший слушал, пытаясь проникнуться из рассказов Ди атмосферой города Красноярска. Но почему-то Красноярск в её рассказах сильно перекликался с лешевскими впечатлениями от Ёбурга, и он никак не мог отделаться от этого сравнения.

Под утро в спальню заглянула Юки.

²⁵⁰ Всякие диковинные места недалеко от Красноярска.

– С рождеством, дес.

– Домо аригато, – отозвалась Ди, – мы давно не спим.

– Мы слышали, – посмеялась Юки, – там кофе готов.

За замёрзшим окном кухни светило яркое солнце. Леший сидел и любовался фигуркой Ди, севшей на подоконник, подбрав ноги под себя. Утренний свет играл на её распущенных волосах, и бликовал на стёклах очков, чёрная футболка свисала на одном плече. "Ди с кружкой горячего кофе на фоне морозного утра прекрасна", – думал Леший.

После завтрака из кофе и самодельного тортика из печенья со сгущёнкой, который состряпала на скорую руку Юки, вся компания переместилась к компьютеру в комнату Малыша, где оставшиеся полдня до поезда Леший, вместе со всеми сегодняшними обитателями малышейовского дома, смотрел "День радио" и "День выборов".

Уже в вечерних сумерках Леший, вместе с Юки и Малышом вышли провожать Ди. На метро добрались до Вокзала. Леший опять обернулся на надпись "Приезжай" на гостинице, пока обнимался с Ди.

– Приезжай – это приглашение?

– Это предложение приехать, – сказал Леший, – Приезжай в Ёбург.

– Всё может быть, – сказала Катя Ди, – трасса одна. Мы с

тобой, даже если и не родня, и не пара, но уж точно коллеги.

– Знаешь, одна хорошая девушка рассказала мне легенду про "штопщиков". Это такие люди, которые своими путешествиями и творчеством соединяют рвущуюся ткань мироздания. Вот, мне кажется, что ты – одна из них, – сказал Леший, – И недаром это слово перекликается со "стопщиками".

– Когда я буду делать очередную заплату на заднице своих хипповых джинс, я буду вспоминать эту историю. И штопать-штопать-штопать, – посмеялась Ди.

Возле поезда Юки, Малыш и Леший облепили невысокую Ди, изображая "пингвинов", и стояли так, пока проводница не загнала Ди в вагон. Уже за закрывшейся дверью Ди поставила ладонь на замёрзшее стекло, протаяв в нём след своей руки. К этому следу приложили свои руки Леший и Юки, и от их тепла белая изморозь с обратной стороны стекла тоже начала таять. Так и стояли, пока не дали гудок, и поезд не покатился, всё быстрее и быстрее...

Глава 11. Библиотека.

Неделю после отъезда Ди, Леший либо сидел на Владимирской, либо бродил по городу, как неприкаянный.

Как только проводили Ди, Леший вместе с Юки и Малышом направились наводить порядок в малышовской обители, готовя квартиру к приезду матушки Малыша. Леший,

вызвавшийся добровольным помощником, отдраил полы и ковёр в комнате малышовской матушки, помог Малышу вынести гору коробок из-под пицца-роллов, и оглядывал всё сторонним взглядом. Ближе к полуночи приборку закончили, Леший осмотрел комнату Малыша и сказал: "Сойдёт. Матушка твоя будет довольна".

После, бесчувственным мешком рухнул спать.

– Леший, не забывай о себе! Помнишь, что я говорил про балансировку. Ты должен быть таким, как балансирующий столбик из ручейной гальки, – Волк опять читал наставления Лешему во сне

– Про который Ди рассказывала?

– Да. В Красе есть парень, освоивший баланс камней. Но дело не в этом. Тебе важно перестать овощевать.

– Почему мы здесь? – Леший спросил, оглядевшись по сторонам. А сидели они в комнате матери Малыша.

– А чего заморачиваться? Завтра придет мамик у Малыша, она принесёт тебе хорошие вести.

– Причём тут я?

– Ну, ты ей понравился. Она тоже, своего рода "итопщик"-подвижник. Только в другом пространстве-времени. Такие люди остро чувствуют своих.

– А Ди из этой же породы?

– У Ди всё ещё впереди, – срифмовал Волк, – для неё ты – своеобразный маяк сейчас. Она тоже будет над собой ра-

ботать.

– Она будет со мной вместе?

– Не зацикливайся на ней. Да, встретитесь. Да, попоёте вместе. Да, даже потрахаетесь. Даже проедете часть ваших путей вместе. Но не более того, – цинично резюмировал Волк.

Леший потупил взор, уставившись в пол. Во сне, даже в осознанном, по краям восприятия начинались колебания: на полу возникали и пропадали узоры.

– Ты прости, что я на тебя бросился. И что собакой обозвал, – сказал Леший.

– Ну вот послушай меня и делай свою жизнь интересной. Становись уже лучшим вариантом себя самого.

– Есть, становиться лучшим вариантом себя, – отчеканил Леший, после чего сон потерял осознанность и поплыл в "сонфильм".

Леший проснулся раньше всех, закурил на кухне трубку и приготовил для Малыша и Юки немудрёный завтрак из хлеба и яиц. После чего, позавтракав сам, разбудил Малыша, и с пожеланием "удачно тебе порадовать мамика", покинул малышовскую обитель, направившись пешком до Владимировской...

В то утро он проснулся от звонка незнакомого номера.

– Да, я слушаю...

– Алёша здравствуй, это Наталья Владимировна, мама Гоши, – сказал женский голос, – Ну, Малыша.

– Ой, здравствуйте.

– Гоша сказал, что ты всё ещё работу ищешь.

– Ну, – замялся Леший, – да.

– Приезжай к нам, я тебя введу в курс дела.

– Надеюсь, торговать и рекламировать ничего не будет нужно?

– Нет. А вот незримо присутствовать надо. Приезжай, я всё расскажу.

– Хорошо, – положил трубку Леший.

– Чего у тебя стряслось, сновидец? – Паша был озадачен не менее Лешего, – кого тебе надо рекламировать и торговать?

– Да так, тётка знакомая работу предложила. Съезжу, раз узнаю что там, да как.

– Будет интересно, так зови меня тоже, – оживился Паша.

Леший степенно и обстоятельно привёл себя в цивильный вид, даже рубашку свою погладил. Хотел брызнуться духами Кота, но подумал, что это перебор и отставил их обратно.

– Ну что, я похож на цивила?

– В своей "терминаторской" куртке и берцах ты похож на охранника, – резюмировал Паша.

– Ну, хоть не на неформала, и то вперёд, – сказал Леший, после чего Паша закрыл за ним дверь.

Путь от дома на Владимировской до дома Малыша Леший

проделал на метро, для быстроты процесса. Новосиб в этот день радовал совсем не сибирской погодой: светило солнце, под ногами чавкала снежная "каша", а термометр у Вокзала показывал "+1". Леший весь взмок, пока шёл до метро.

Малышовская мама встретила его радостно, пригласила попить чаю. Неловкий был момент для Лешего: пить чай на кухне, где столько времени полновластным хозяином был он сам.

– Так вот, Лёша. У меня подруга работает директором одной небольшой библиотеки. И у них беда: после нового года уволились оба сторожа. Пока они, на свой страх и риск, запирают библиотеку на ночь без людей.

– Странно, а сигналка, не?

– Да толку от неё, пока сработает, пока менты приедут. Да и кому нужно грабить библиотеку в наше-то время? – зада-ла риторический вопрос малышовская мама, Наталья Владимировна.

– Ладно, и что там надо делать?

– Это больше для успокоения Нади. Ой, то есть Надежды Борисовны, директора библиотеки. Нужен сторож с восьми вечера до восьми утра. Каждый день. Делать ничего не надо, можно спать. Просто забрать ключи у библиотечарши вечером и открыть ей дверь с утра. Там есть раскладное кресло, микроволновка и чайник. Туалет там тоже есть. Днём можешь чем угодно заниматься, главное – в полвосьмого вечера там оказываться.

Леший не ответил, ожидая продолжения.

– Естественно, не бесплатно. Она готова платить по четыреста рублей за ночь. Это двенадцать тысяч в месяц. Платить будет каждую неделю. согласишься?

– Да. С радостью. Когда приступить?

– Ну ты разогнался. Давай сначала тебя познакомлю. Поехали, я тебя свожу к Наде, Надежде Борисовне.

Леший вместе с малышовской мамой оделись и вышли во двор. Пропищала сигналка у серой "Тойоты", Наталья Владимировна села за руль, ловко подобрав полы пальто.

– Вот, на этой бодренькой машинке я и езжу, – сказала Наталья Владимировна, – недавно с Алтая приехала. Заводится в любой мороз. Сегодня, правда, каша во дворах.

Машина чуть-чуть пробуксовала, выжая на колею двора, но затем ловко вклинилась в ряд машин и вскоре мчала Лешего по Каменской Магистрале.

– Я бы Гоше предложила, да он днём на дисках работает. А Даше не подойдёт работать сторожем, я ей даже не предлагаю. А у тебя вон вид грозный, как у охранника.

– Вот, я от вас узнал, что Юки Дашей зовут.

– Да дома я её обычно Юки называю, так им обоим больше нравится, – Наталья Владимировна улыбнулась, – Люблю я всё-таки Гошку, не смотря на то, что оболтус он. И Даша классная у него!

– А почему они называют друг друга "братиком" и "сестрёнкой" даже при вас?

– Да это прикалываются они. Такие у них отношения интересные. Уж не знаю, порадуют ли они меня внуками когда-нибудь?

Леший тоже улыбался. Ему в принципе нравилось, что матушка Малыша была благосклонна к Малышу и Юки. Ну и пытается разговаривать на одном языке и с ним, и с Малышом. Серая "Тойота" ползла через Коммунальный мост в медленном потоке машин.

"Пожалуй, тут самое пробочное место во всём Энске", – думал Леший, глядя на промоины Оби, метромост и яркое солнышко.

Вот машина зарулила в проулок и остановилась у зелёного крыльца с надписью "Библиотека".

– Сейчас узнаем что тут да как, пошли со мной.

– Ага, – Леший легонько прихлопнул дверцу "Тойоты", после чего она сказала "бяк-бяк" и щёлкнула замками.

Открыв двери и пройдя тёмную прихожку с тряпкой на полу, они оказались в зале библиотеки.

"Блин, оно мне и снилось, – думал Леший, – даже кадка с монстерой на том же месте"

– Наташа, привет! Ты про этого юношу говорила? – незнакомая худощавая женщина с проседью в убранных волосах осмотрела одетого в "Гром" Лешего, казалось, с головы до ног. А после – коротко кивнула малышовой матушке.

– Да. Это Алексей. Он из Екатеринбурга, и ему бы хотелось здесь работать.

– Здравствуйте, Алексей. Специфику работы представляете?

– Охранять книги и здание от грабителей и хулиганов, – отрапортовал Леший.

– Ну вот и хорошо. В ваши обязанности будет входить ночное присутствие здесь, – Надежда Борисовна решила сходу "нагрузить" готового ко всему Лешего, – вечером приходите, вам библиотекарь сдаёт ключи. Где-то за полчаса до заступления на смену приходите лучше. Закрываете жалюзи на окнах, здесь и с той стороны дома, надо обойти. Потом – не выходим. В помещении не курим. Пьёте?

– По праздникам немного, – приукрасил Леший. Хотя пил он действительно редко.

– Хорошо. У нас прошлые два сторожа из-за пьянки ушли.

– Не вернутся?

– Вряд ли. Если кто будет ломиться сильно настойчиво – вот тревожная кнопка. Охрана приезжает... Как быстро – мы не проверяли, но должна. Книги брать можно, только ставить на те же места и не выносить. В подсобке есть чайник и микроволновка. Спать можно на сдвинутых лавках. Обычно так делали предыдущие сторожа, вы можете что-то другое придумать.

– У меня есть коврик и спальный мешок.

– Можете так. Теперь по оплате. Мы вам будем оставлять

по четвергам заработок за неделю, библиотекари вам передавать будут. Ну и мой телефон запишите на всякий случай.

– А официально это всё?

– Естественно... Не совсем. Договор подряда составим. Пока неделю посмотрим как вы справляетесь. Вы же не судимы и не в розыске?

– Слава Богу, нет, – честно сказал Леший.

– Ну вот и славно. Не передумали?

– Нет. Хотя, если есть какие-то подводные камни, о которых не сообщили.

– Ага, у меня тут привидение, и ровно в полночь компьютер превращается в тыкву. Кстати, да. Компьютером, если аккуратно, пользоваться можно. Антивирус стоит нормальный. Интернет у нас безлимитный, так что не переживайте.

Леший обменялся номерами телефонов с Надеждой Борисовной.

– И да, мойщица у нас приходит по утрам, часов в семь. Ей так удобней. Вот её телефон, если что. Там приятная такая старушка, баба-Маша. Называть её прямо так можно, она только порадуется.

– Хорошо, – Леший не знал что и сказать. Он был рад. Он нашёл работу, на которой ему будут платить за то, что он здесь спит.

Матушка Малыша довезла его на машине до самого дома на Владимирской, где Леший пересобрал свой рюкзак и

вкратце поведал, что ему предлагают "каторгу", с которой он будет приходить и отдыхать...

– Интересно, что же это за место? – Паша заинтересовался не на шутку.

– Я тебе потом всё расскажу с максимальными подробностями, – вежливо отмахнулся Леший.

– Ну хоть не гей-шлюхой?

– Нет. И не торгашом-коммивояжером, самое главное, – отвечивал Леший.

Этим вечером Леший собрался, как будто в поход. Он взял с собой свой спальник и термос.

– Около семи часов вечера он уже переступал порог библиотеки.

– О, Алексей, как хорошо, что вы пришли пораньше, – Надежда Борисовна встретила его суетой и вознёй, не совсем уместной в тишине библиотеки, и повела чуть не под руку в подсобное помещение, – вот тут у нас курить можно, если что. Только вытяжку включайте. Мне Наталья вас откомендовала ещё чуть-чуть, поэтому можно небольшое "ослабление режима".

– Я не курю сигареты, у меня трубка, – сказал Леший, глядя, как Борисовна достаёт из сумочки пачку "Гламура" и подкуривается.

"А Борисовна-то боевая, – подумал Леший, – вон как лихо подкуривает спичкой".

– Тем лучше. Бывшие сторожа "Приму" курили, у нас пару раз датчики срабатывали даже.

– Вот сейчас проверим, – Леший приступил к забиванию трубки вишнёвым табачком.

Для этих целей он имел специальную лопаточку с "ножкой" для утрамбовывания табака в стакане трубки. Достал зажигалку, сделал пару "пыхов", выпустив в спёртый воздух подсобки пару колец дыма, лишь потом, смакуя, затянулся.

– На самом деле спасибо Наталье и вам, что согласились. Эти книги мне очень дороги. Народа ходит в библиотеку мало, приходится делать всякие встречи-концерты, чтоб сымитировать бурную деятельность и не допустить закрытия и сокращения. У нас сторожа обычно по договору подряда работают. Там сумма правда написана меньше, чем мы вам на руки выдаём. Так что смотрите, нужно ли вам составлять договор.

– Главное, чтоб не бесплатно работать, – сказал Леший.

Вечером он вышел с Борисовной, поорудовал телескопической вертушкой для закрытия жалюзи, убедился в том, что с хитрыми механизмами справляться он ещё не разучился. Потом закрыл дверь за тётушкой-библиотекаршей и Борисовной, и, наконец, остался один среди книг. Комп, к ожиданию Лешего, оказался запаролен, и пароль ему никто не сообщил, конечно.

Он прошёлся по книжным полкам. И, как во сне, нашёл в углу стопку книг Владислава Крапивина.

Этот вечер пронёсся незаметно, Леший ушёл с головой в "Выстрел с Монитора", думая о судьбе героя-мальчика, и о том, насколько это страшно – быть героем. Спасать свой родной город, даже, будучи изгнанным из него. Тем более, делать это так по-панковски. Последнее Леший даже проговорил вслух, посмеялся сам с себя в ночной тишине Библиотеки.

Первое время он просто наслаждался тишиной. Слушал доносящиеся с улицы звуки редкопроезжающих машин, да гудение вытяжки.

Потом ему вдруг стало страшно. Леший побоялся даже смотреть в сторону книжных полок. Потом включил большой свет, но ему всё равно мерещились шаги, да скрип линолеумного пола.

– Эйблядь! – крикнул Леший, – привидения заебали ходить! Покажитесь!

Никто не откликнулся. Леший попенял на свою трусость, заварил себе в тарелке "Бич-пакет", поужинал, сдвинул лавки и расстелил спальник. Выключил везде свет, закинул руки за спину и закрыл глаза.

Леший снова шёл по коридорам библиотеки. На сей раз

он слышал неразборчивый шёпот, не понимая, сон это или явь. Проверить это можно было, поглядев на отражение в зеркале. А старое советское зеркало-трюмо стояло как раз возле книжных полок. Он развернул зеркала, и увидел в них себя с длинными волосами. Моргнул, поняв, что это лишь сон, а из зеркала на него посмотрел седой мужчина с морщинами под глазами. Потом – дядька с ёжиком коротких волос и длинной бородой. Все эти люди, как понимал Леший, были им самим.

– У-у-у! – донеслось из-за полок с книгами.

– Я всё слышу! – сказал Леший и обернулся на звук.

Обосраться, конечно, было с чего. Перед ним стояла мертвецки бледная Ди, с какими-то очень правильными чертами лица, без очков и с овальными зрачками в глазах.

"Ладно, хоть не пустые глазницы", – подумал он, но испугался страшно.

– А-а-а, – из глаз её брызнула кровь, забрызгав Лешего, челюсть неестественно вывернулась, а глазницы действительно стали чёрными провалами...

– Кто ты? Зачем сюда явилась? Проваливай! – закричал Леший

Тем временем страшное существо вновь превратилось в бледную Ди.

– Я это я, – сказала оно голосом Ди. Леший напрягся, не смотря на осознание во сне.

– А ну брысь! – прозвучал откуда-то голос Волка.

Леший обернулся, существо в облике Ди исчезло. Просто растворилось, будто и не было.

– Ты хорошо подкормил свой страх, – Волк стоял, облокотившись на торец книжной полки, – Пусть страх будет твоим ресурсом, а не тратой энергии. Надо было подойти и поцеловать.

– Труп поцеловать?

– Ну это же был образ твоей зазнобы Ди?

– Труп моей зазнобы Ди. Надо ей позвонить, – задумался

Леший

– Лучшие приснись. Смотри, вон на полке в ряду с буквой "Д", – показал пальцем Волк, – Ди – значит Дивная. Здесь все твои дивные. Ищи на букве Д.

Леший проследовал к стеллажу, нашёл букву "Д", и взял первую попавшуюся книгу, открыв на случайной странице, зачитал вслух:

"Она шла по проспекту Мира²⁵¹, видя перед собой лишь образ дракона, которого очень хотела бы увидеть наяву на гитаре Дэна. А он – хотел лишь играть в игры и терять связь с реальностью. Ему дракон бы только мешал..."

– Что это за хрень? – спросил Леший.

– Это то, что она сейчас видит во сне.

– А можно ей присниться?

– Можно. Думай об этом и читай книгу дальше, – командовал Волк.

²⁵¹ Центр Красноярска.

– Хорошо... Она кинула взгляд на краснокирпичный старинный особняк. В свете фонарей он выглядел, как готический замок, невесть откуда оказавшийся в Красноярске. Из-за поворота её дорогу перегородил парень с глазами цвета осенней тайги, в чёрной бандане с торчащими из-под неё длинными русыми волосами. Парень, который встретился ей в зимнем Новосибирске, и принёсший с собой уральскую весну с цветением белых яблонь. Принёс шлейф дорог, намотанных серыми асфальтового цвета лентами на молодые руки... Это она меня так видит?

– Да, да. Продолжай читать.

"Он сказал ей: "Я рад что ты жива и цела. Спасибо тебе, что явилась на моём пути. Прости, что так бесцеремонен и являюсь в твой сон без спроса". Подойдя поближе, вдохнув запах солнечного леса с банданы парня, она сказала: "Я бы сказала, что влюбилась в тебя. Но скорей, я прошу одного: научи меня любить всё, что меня окружает. Научи быть такой, как ты сам!" Парень потупился и нахмурился..."

Леший нахмурился и сказал

– Волшебное место, эта ваша библиотека.

– Осторожней, она это слышит, – предупредил Волк

"Волшебное место, эта ваша библиотека, – проговорил парень, – прости, чудесное создание, это мысли вслух. Мы ещё увидимся, встретимся". Она прикрыла глаза, позволив парню дотронуться до своих светлых волос со стороны шеи. Он подтянул её к себе и поцеловал в носик, улыбаясь. А за-

тем – растаял в красноярской ночи. "Что это было? – думала она, – неужели он мне снится?" Подумала, да и проснулась, оставив во сне дракона, проспект Мира и парня с глазами цвета осенней черневой тайги..."

Леший дочитал и захлопнул книгу.

– Бля. А как-нибудь более внятно можно с ней поговорить?

– Наяву поговорите. Номер у тебя остался, – Волк улыбнулся, – утром с тебя зарядка, пока бабушка моет пол. Бабуля – божий одуванчик!²⁵²

– Ты тоже смотрел этот фильм?

– Я из твоей головы этот фильм смотрел, – засмеялся Волк, – погружайся дальше в чужие сны, правда телезрителем...

Лешего потащило в какой-то сон про чтение газеты, потом увидел себя от третьего лица, потом – компьютерную игру. Короче, осознание сна пропало, но сон стал "сонфильмом".

В дверь стучали. Леший раскрыл глаза, автоматически глянул на будильник, увидев там цифры "7:07", оделся и подошёл к двери.

– Здравствуйте, – сказал он завернувшейся в платок высокой бабушке в чёрном пальто, – я Алексей, новый сторож
– Глухня ты, Алёша, – сказала бабка, но сменила гнев

²⁵² Цитата из "приключений Шурика".

на милость, – Ладно, не слушай старую. Я Марья Сергевна. Можно просто Баба-Маша.

– Договорились.

– Чайник-то ставь, свердловчанин!

Пока Леший возился с чайником, Баба-Маша уже набрала ведро воды с дезсредством и натирала тряпкой линолеум между полками...

Леший в это время последовал совету Волка, закинул ноги на кресло, руками встал на кулаки и стал отжиматься от пола. Когда уставал, он не падал, а продолжал стоять. И стоял так до тех пор, пока Баба-Маша не пинанула его шваброй.

– Ну, сядь в кресло, отдохни, бабка домоеет, потом будешь дальше зарядку делать свою...

Через полчаса, за кружкой чая, Леший слушал бабушкины рассказы про поликлинику и соседей. Потом в дверь снова позвонили – это пришла Елена Анатольевна, библиотекарьша.

– Доброе утро, Алексей. Как вам дежурство?

– Сны интересные снятся, – ответил Леший.

– Хорошо же, – сказала та.

Леший вышел из зелёной двери, закутавшись в "Гром". Резкое похолодание заставило Лешего ехать на Владимирскую на метро. Правда, отогреться получилось лишь после

прохода по "Кишке", ибо между "Студенческой" и "Речником" поезд промораживается, пока едет по метромосту через Обь. Леший заткнул уши плеером, переслушивая красноярских музыкантов, песни которых скинула ему Ди.

"Значит, библиотеки не надо бояться, – думал Леший, – все мои страхи лишь внутри меня. А теперь надо привыкнуть к этой чудесной мысли. А это – самое тяжёлое..."

На Владимировой за время его отсутствия произошли какие-то перемены: Паша, открывший ему дверь, был взмылен.

– Что у вас тут приключилось? – спросил Леший, оглядев пейзаж беспорядка в квартире, Кота с большим бланжем под глазом, Саню, выметающего осколки стекла и пластмассы с пола.

– Да ночью за Настей приехали какие-то её "Друзья". Не буду вдаваться в подробности, но больше она не "девушка" ему.

– Весело.

– Эти пидоры монитор у компа разьебали! – чуть не плача, сказал Кот.

– А мой рюкзак?

– В шкафу, где и стоял.

– Бля. Вот она мне сразу не понравилась, – сказал Леший, – а Танюха в курсе?

– Я с ней не говорил ещё, – ответил Паша, – мы тут решили, что будем переезжать отсюда.

– Куда?

– Хуй знает, Леший. Тебе же есть куда деться на время переезда?

– Надеюсь что да, – сказал он.

"Вот дела... Интересно, чем Кот насолил этой Насте?", – думал Леший, ставя чайник на медленную электроплиту.

– Сегодня до вечера нам надо отсюда съехать, – сказал Саша, – соседи вызвали ментов. Естественно, те приехали через полчаса после ухода беспредельщиков, да начали доёбываться до нас, мол, не оформлен факт съёма квартиры, дозвонились до хозяйки и пригрозили ей штрафом, если она нас не выставит.

– Да уж, называется, "выкинь Васю на Мороз". Вам есть куда пойти-то?

– Я к Светке на "Ботанику"²⁵³, парни пока в Томск, а вещи попридержат у своих знакомых, – сказал Паша, – так что Леший переезжай сегодня, от греха подальше.

– Ну охуеть...

"Ничего не поделаешь, – подумал Леший, – пиздец надо

²⁵³ Тут имеется в виду новосибирская «Ботаника», недалеко от станции метро "Заельцовская".

разруливать, надо собираться" Руки его уже набирали на телефоне номер Малыша.

– Внематочно, – сказал голос Малыша из трубки.

– Малыш, у меня тут локальный пиздец с жильём. У тебя можно рюкзак подержать?

– Пригоняй на работу ко мне, разберёмся.

Леший похлопал по потайным местам рюкзака: денежная записка была на месте. Потом взвалил себе на плечи оба рюкзака: городской и большой "Трассовый", и покинул флэт на Владимировской. Теперь уже навсегда...

– Значит тебе повезло с устройством в Библиотеку, – режюмировал Малыш после краткого пересказа Лешего.

Леший пил чай из большой белой кружки, сидя на своём "трассовом" рюкзаке в киоске Малыша.

– Давай, я захвачу рюкзак к себе, ты ж сегодня тоже в библиотеку?

– Ага. Я вот думаю где мне сейчас днём пропадать.

– Мало ли приятных мест... Холодно везде только. Я с мамиком поговорю, можешь и у нас потусоваться днём.

– Было бы неплохо. А то совсем одичаю такими темпами....

Этим вечером Лешего в библиотеке снова дожидалось чтение. На сей раз, продолжая чтение Крапивина, Леший проглотил рассказ-антиутопию, которая по непонятной причине

не оказалась в детской книге²⁵⁴. Хотя, именно из-за того, что книга детская, главгерой её смог увести детей, спасая их от страшного "Вавилона". Более того, в страшном "Вавилоне", тогда отменили всю эту "гуманность".

"А в нашем Вавилоне всё идет к тому, что каждому будет выдан свой номер, – думал Леший, – и своё место, которое не изменить. Хотя, может ещё поживём..."

Он снова расстелил спальник на лавках, закрыл глаза и закинул руки за голову, а в уши – плеер.

В этом сне Леший оказался на поляне у костра. Под босыми ногами Лешего лежали мокрые сосновые иголки, а рядом текла речка.

"Лосик! Я в её пространстве", – вспомнил Леший и осмотрелся. Лосика вокруг не было.

– Лосик! Женя! Ты где?

Под ноги Лешему упала сосновая шишка, сброшенная явно не ветром. Он поднял голову и услышал смех.

– Испугался? – Лосик, в клетчатой рубашке и шортах, прыгнула с сосновой ветки прямо на руки Лешему.

Леший легко поймал и подхватил Лосика, плавно поставив на землю.

– Быть бы мне в жизни таким ловким, – сказал он.

²⁵⁴ Автор имел в виду повесть "Гуси-Гуси, га-га-га". Повесть совсем не детская.

– Всё впереди, друг мой. Как у тебя с биологией?

– Ботанику знаю хорошо, аве Лестех, – сказал Леший, – палеонтологию, по книгам Еськова.

– Уже хорошо. Готовься к экзаменам. Будешь к нам поступать.

– За меня уже решено?

– Да, – Лосик сказала это, сменив тон на серьёзный, – Учи зоологию и анатомию. Повторяй всё, что знал в школе по биологии.

– А что мне за это будет?

– Жизнь. Только с биологами можно по-настоящему поговорить за жизнь, – Лосик снова улыбнулась, – у тебя есть целая библиотека, и вагон времени, насколько я понимаю. Проводи время с пользой.

– Ты знаешь что-нибудь про Ди? Как она?

– Спит, как и ты, – Лосик повернула взгляд к костру, – хочешь, позовём её сюда?

– Не знаю, – Леший смутился от перспективы сидеть между двумя девушками, которые ему были симпатичны, – просто расскажи про неё.

– У неё впереди другая жизнь, – Лосик будто бы читала в языках огня и узорах золы на горящих головнях, – Весной она будет в Екатеринбурге, и вы снова встретитесь. Потом – расстанетесь, просто из-за смены приоритетов. Будь к этому готов. Для Кати ты сам – светоч на её дороге. Её путь приведёт в Москву, где она найдёт себя. Москва – это

тоже город для того, чтобы развиваться. Правда, Столица злая, в отличие от Новосиба. Катя справится с этим. Больше не могу ничего сказать.

– Откуда ты это знаешь?

– Я же ведьма, – заговорищицким шёпотом произнесла Лосик, – а вот кто к нам идёт, смотри-ка.

Леший обернулся, увидев среди сосен Ди. Леший, привыкший видеть Ди в зимнем наряде, сначала её не узнал: на ней был белый балахон и расклёшенные "хипповские" джинсы с кучей надписей, рисунков и автографов.

– Ди!

– Алёшка, как ты здесь оказался? Ты мне вчера снился? И у тебя опять длинные волосы, как в том сне!

– Я тебе и сейчас снюсь... Только стой! Не просыпайся! Я хочу вот что сказать! Мы с тобой ещё увидимся! Обязательно! Пусть у тебя всё всегда будет хорошо! Вот, это Лосик, знакомься, – Леший обернулся, – Ой...

На месте Лосика сидела маленькая девочка, лет семи, с чертами Лосика.

– Тётя Катя, давай поиграем.

– Привет, Лосик! – Ди улыбнулась и присела рядом с Лосиком, погладив её по тёмноволосой головке, – я прервала ваш серьёзный разговор?

– Нет, – Лосик тоже улыбалась и рассматривала джинсы Ди, – мы говорили о жизни и немного о будущем.

– Всё же это серьёзный разговор, маленький Лосик. Пого-

вори об этом и со мной, мне тоже интересно про жизнь и про будущее!

– Надо ли, Катя? – сказала Лосик, скача вокруг Ди на одной ноге, – Не бросай гитары и своих драконов! Они здесь!

Тут Леший офигел сам, увидев, как над соснами с шумом промелькнула тень, будто бы от низколетящего самолёта. Лосик, точнее маленькая девочка, которой она стала, крикнула "Эгегей, драко-он!"

– Катя. То есть Ди, – спросил Леший, – А Ди – от Дивной, или от Дракона?

– Я уже отвечала на этот вопрос тебе, – Ди расстегнула молнию на белом балахоне под которым пряталась футболка с картинкой из фильма "Титаник". И тут Лешего потащило в "сонфильм": он с Ди на палубе корабля, потом он смотрит на себя со стороны, потом – трасса, позиция у "Меги" в Ёбурге, товарняк, ползущий вдоль скал, куница, перебегающая грунтовую дорогу...

Малыш не обманул. Вещи он действительно увёз к себе. Тем утром Леший направился к Малышу, где отмывался и отстирывался, смотрел с Малышом аниме и читал книги Натальи Владимировны.

Последующие дни понеслись как один.

Леший приходил в библиотеку, читал книги и засыпал, видя какие-то "сонфильмы" с собой и своими друзьями в

главных ролях. Потом просыпался, ехал гулять по городу или к Малышу. А потом – снова в библиотеку. Иногда – оставался здесь на целый день, запираясь в подсобке с книгами. У библиотекаря он выпросил пособие для поступающих в вузы по биологии, и готовился по нему. Иногда Леший ездил в "Мегу" на бесплатном автобусе от "Маркса", по полдня бродя среди магазинов, размышляя о жизни, иногда – на электричке на берег Обского моря, погулять по льду, глядя на небо и метущую позёмку. У Малыша он приводил себя в божеский вид, отмывался и отстирывался. А потом – снова библиотека. Раз в неделю ему оставляли в ящике стола под компьютером две тысячи восемьсот рублей. Он откладывал эти деньги прямо тут, в библиотеке, завернув в свой спальник. С частью денег он сходил в банк, да и отправил их родителям в Михайловск почтовым переводом, мол, пусть порадуются, что сынок зарабатывает сам. Не игрой на инструментах! Так проходила его жизнь в Новосибирске.

В марте, когда сырой южный ветер и солнце стали топить снег на проталинах, а в берёзах возле Библиотеки зазвенел колокольчик синицы, Леший решил съездить на берег Обского Моря. Он привычно сел в электричку, заткнув уши плеером.

На "Новосибирске-Южном"²⁵⁵ в вагон зашёл какой-то гитарист, Леший увидел его краем глаза.

²⁵⁵ Станция электрички Бердского направления в Новосибе.

"Играть в электричках – это ещё сложнее, чем в трамваях, – думал он, – тут надо дипломатию с ментами, контрой и всякой гопотой околотовкзальной. Вдруг ещё и какие-нибудь мафиози музыкантские есть?"

В Ёбурге среди неформалов в ту пору ходили истории про смельчаков, решавших поиграть в электричках что-то своё, не поделившись с "Бригадой". Электричные музыканты Ёбурга были всегда отдельной тусовкой: мрачной, околотопопнического вида, поющими всякое попсово-бардовское, всяких Розенбаумов... Поэтому Леший с ними дел не имел, и по именам их не знал.

Но всё равно, Леший высунул из ушей наушник...

– Добрый день, уважаемые дамы и господа, – сказал знакомый мужской голос, – пусть светел будет этот весенний день! Да-да! Грядёт весна!

Леший обернулся, чтобы увидеть Ваню, стоящего в конце вагона с гитарой на плече.

На сей раз Ваня пел под перебор на двенадцатиструнной гитаре, что-то про рисунок на асфальте и первый весенний гром, размывший этот рисунок. И про первую радугу.²⁵⁶

²⁵⁶ Песня "Рисовала солнце мелом", автор Евгений Новошековский из Луганска. Известна в исполнении Братьев Золотухиных из того же Луганска.

"Настолько это не похоже на его обычный репертуар про мрачные леса, пещеры и болота, – думал Леший, – хотя весной хочется песен про весну, это да".

Когда на фразе "Босиком гурьбой бежали дети по траве весенней..." песня закончилась, Ваня пошёл по вагону, раскрыв чехол гитары.

Леший, молниеносным порывом души, достал из кармана тысячную купюру – для дивного человека трёхдневного заработка не жалко – и уже после этого встретился глазами с Ваней.

– Спасибо! Да не оскудеет рука дающего!

– Ты меня не узнал, Ваня?

– Леший? Из Ёбурга? – на лице Вани появилась улыбка, –

Пойдём в тамбур!

Леший протиснулся мимо сидящих на лавке студентов и проследовал за Ваней.

В тамбуре Ваня заключил Лешего в объятия, приподняв над полом.

– Рад тебе!

– Ты не представляешь, как я тебе рад!

– Что тебя сподвигло приехать в Новосиб?

– Давай выйдем где-нибудь и поговорим! Я на Обское Море поехал вообще-то

– Вот там и выйдем. Я зачехлюсь. Сегодня, видимо, уже не поиграю, – сказал Ваня, пряча гитару.

На "Обском море" они спрыгнули на платформу, с которой весь народ устремился через пути в сторону Универа, а Леший с Ваней потопали через сосняк к берегу Обского моря.

В дороге Леший кратко пересказал свои основные события в Новосибе. И всё, что сподвигло его приехать сюда. Они шагали по льду пруда по дорожке, прокатанной снегоходом, сняв шапки и подставив лица весеннему солнышку.

– Мне про тебя, Лёха, рассказывала моя девушка.

– Олеся?

– Нет, мою девушку Света зовут. Она, кстати, из Екабэ, – Ваня потупился немного, – а Олеся? Олеся моя двоюродная сестра. Она сейчас в Харькове

– Света-художница? Конечно я её знаю! – Леший в очередной раз восхитился перекрёсткам судеб, – а про Олеся я всегда думал, что она твоя девушка.

– Ну, мы хорошо прикидываемся, – улыбнулся Ваня.

– Круто. Вы казались всем вокруг парой. Странноватой и дивной, но всё же, – сказал Леший, стоя под весенним солнцем без шапки.

– Мы росли вместе, так получилось. Я же детство в Харькове провёл, – Ваня начал рассказывать о себе, – Мне было шесть лет, и мои родители решили перебраться в Харьков в бабушке, где нас кормил огород. Отец в это время работал на вахте на Северах: в Тогучине тогда было плохо с работой.

А в Харькове мы жили с двоюродной сестрой. Обратно в Тогучин вернулись, когда мне было шестнадцать лет. И там так тоскливо было. Никого из местных не знаю, у всех воровские понятия, для всех одноклассников я "белая ворона" и "хохол". Тогда, в десятом классе, я впервые сбежал из дома бродяжить. На электричках уехал на восток тогда. Хотел на Байкал попасть, но меня в Тулуне²⁵⁷ с поезда сняли с ментами. Родители тогда подали в розыск. Возвращали меня домой с отцом и ментами, до самого Новосибирска на поезде. После этого я и начал свои песни писать... А автостоп у меня начался уже когда в Новосибе перехал. Я тут поступил в НГУ, жил в общежитии в Академе. И к нам в Академ приезжал однажды Кротов с лекцией. Многие тогда загорелись идеей стопа, мы с друзьями из Кузни даже что-то типа "автостопного клуба" сотворили. И катались летом повсюду: на Алтай, в Питер, на Байкал. Так и я до Харькова доехал, хватить Олеся, и с ней на Карпаты. В универе такими темпами долго я не протянул: отчислили меня с четвёртого курса, когда уже преддипломная практика начаться должна была. Я вместо неё уехал стопом в Незалэжную и Синявокую²⁵⁸ в тот год. Всё Полесье излазил тогда, даже в "Зону" чернобыльскую ходил, и не раз...

— Эх, послушаешь тебя, так окажется, что скучно я живу, —

²⁵⁷ Станция на Транссибе и город в Иркутской области. До Байкала Ваня не доехал тогда километров пятьсот.

²⁵⁸ Украина и Беларусь.

сказал Леший, когда они вышли вновь на берег и пошагали через светлый сосняк, хрустя обледеневшей тропкой.

– А сейчас я в Питере, как ты знаешь. Тяжело там, одиноко. Выбираюсь иногда в леса окрестные, вот там со Светой и познакомился. Она, правда, не такая бродяга, как я, – тут Ваня приостановился, пиная ногой проталины и черничный кустик под ними, – Её дорога – это стрит-арт. Как мы с ней сошлись – уму не постижимо вообще. Сибирско-Харьковский менестрель-раздолбай и Уральско-Питерская девочка-художница... Мой мир ты знаешь. А её мир – это ночные товарняки, станции и баллоны с краской...

– Я ведь её почти не знаю, – честно сказал Леший. Знаю, что она художница. Знаю, что она из Ёбурга. Она слишком быстро переехала в Питер, не успели пообщаться. Она дружила с моей почти девушкой. С "объектом дыхания". Сказочная такая девочка, её подруга.

– Света сама мне иногда кажется волшебницей, – Ваня налил ароматный чай из своего термоса, – всё у неё такое сказочное. Она будто тоже таскает с собой в голове целый мир.

– Все мы таскаем свои миры у себя в головах, – сказал Леший.

Они шли по тропинке через сосновый лес обратно к станции.

– Где ты сейчас живёшь? – спросил Леший

– Вписываюсь там же, на "Золотой Ниве" у кузнечан сво-

их. Но это недолго. Я планирую, как будет потеплей, сорваться обратно в Питер и в Харьков. Свете обещал его показать... Не знаю как у неё со временем будет, правда.

– А мне, видимо, пора домой, на Урал, – вдруг сказал Леший.

– Ну да. Зима перезимована.

На обратной дороге Леший с Ваней выскочили из электрички на "Речном вокзале", где разошлись в разные стороны. Ваня по "Восходу"²⁵⁹ вверх, а Леший – на метро и в библиотеку.

"Сейчас как-то надо подготовить Борисовну, – думал Леший, – что я буду покидать библиотеку. Кого бы вместо себя оставить? Оставил бы Ваню, но он тоже "перелётная птица", как и я"

Вечером Леший, как это обычно было в библиотеке, конспектировал с "пособия для поступающих в ВУЗы".

"Хватит ли моих знаний, чтоб поступить? – думал он, – Вступительные экзамены в июне, сейчас – конец марта. Время ещё есть... А что если Пашу-эльфа сюда посадить работать? Всё равно же распиздяйничает. Надо и с ним поговорить... "

²⁵⁹ Улица Восход в Новосибирске – идёт от Речного вокзала в сторону ГПНТБ.

Этой ночью Лешему снился Волк. Он сидел напротив него на "боковушке" плацкартного вагона, за окном которого пролетали столбы на фоне яркого снега и синего неба.

– Поздравляю с законченной зимовкой, – сказал Волк, – Ваня-тогушинец тебе коридор открыл, поезжай смело. Здесь на Урале тебе ещё нужно будет кое-что с собой сотворить.

– Я уже боюсь, – Леший поёжился, – что мне с собой сотворить придётся?

– Ничего сложного. Просто научиться выключать своё внутреннее радио.

– Как у сновидцев "остановка внутреннего диалога"? Или просто медитация?

– Всё увидишь по ходу пьесы. Сейчас – бери своего непутёвого друга из Кемерово, тащи его за уши в библиотеку. Ему библиотека тоже пойдёт на пользу.

– А мне пошла?

– Определённо. Ответь, какой системы органов нет у плоских червей...

Волк перешёл на своеобразный блиц-опрос Лешего по курсу школьной биологии. Леший даже потерял нить осознания, в какой-то момент почувствовав себя на экзамене в школе.

В их родной второй школе Леший биологию вообще не сдавал. Готовясь к Лестеху, он учил математику и химию. А чтобы облегчить себе выпускные экзамены, он по совету

классной руководительницы, Анны Григорьевны, выбрал в качестве дополнительных предметов на сдаче "алгебра устно" и "русский устно", которые были перезачтены по результатам пробного ЕГЭ²⁶⁰. В итоге из дополнительных экзаменов Леший тогда сдавал только геометрию, в которой ощущал себя знатоком. Это-то его и подвело: математичка засыпала его, да так, что вкатила за экзамен тройку. В аттестат, вместо пятёрки по геометрии полетела четвёрка. Леший тогда выдохнул с облегчением, и не обиделся на математичку.

А сейчас ему казалось, что он стоит перед биологичкой и рассказывает ей перед всем классом строение и типы человеческих кровяных клеток, фотосинтез со всеми этими тилакоидами гран и стромы, типы соцветий, законы Менделя и прочее-прочее.

Леший проснулся среди ночи, налил себе кипятка из чайника, закинул туда пакетик и открыл дверь библиотеки, сев прямо на порог с кружкой чая и сигаретами, глядя на пустую улочку и слушая капель.

"Вот и весна приходит, – думал он, – капель даже ночью".
Глава 12. Дороги апреля.

Леший набирал номер Паши, бредя мимо спешащих на

²⁶⁰ В год, когда Леший заканчивал школу, единый госэкзамен в России был пробный и не обязательный. Алгебру и русский язык сдавали тогда письменно.

работу сибиряков и любуюсь солнечным утром.

– У аппарата, – услышал Леший крик Паши в трубку.

– Привет, извини, что рано звоню. Ты всё ещё в работе нуждаешься?

– Да, а что? Есть что предложить? Или хочешь к себе в библиотеку меня заманить?

– Хочу. Я скоро домой усвистаю, хотелось бы сменщика найти.

– А я возьму и заманюсь к тебе в Библиотеку.

"Ну вот, вопрос вроде решён, – думал Леший, – сегодня надо привести Пашу к Борисовне и купить билет на поезд. Ещё бы позвонить Ди..."

На удивление Лешего, Борисовна сказала что-то вроде: "Наконец-то ты отдохнёшь", и к увольнению Лешего отнеслась спокойно. Просто попросила показать: "Человека из Кемерово", помянув ту самую песню БГ²⁶¹.

А пока Леший поднимался в квартиру Мальша.

– Охаё, Леший-кун! – открыла дверь Юки

– И вам не хворать, Юки-тян. Я уезжать собрался.

– Когда и как?

– Цивилом, на поезде. Сегодня вечером билет покупать иду. Сейчас ещё с Пашей Эльфом разберусь, пристрою его на место себя.

²⁶¹ Имеется в виду песня "Аквариума" – Человек из Кемерово.

– Малыш расстроится, наверное.

– Не расстроится, – подумав, сказал Леший, – Мне кажется, я поддостал вас уже своим дневным овощеванием.

– Нисколько, не достал, дес. Я приготовлю посылочку для ЭТЛ тогда...

Леший уселся за компьютер, чтоб прикинуть расписание поездов и написать Ди во "Вконтакте".

"Интернет – это пожиратель времени, – думал Леший, глядя на часы, – вроде только сел, а уже два часа дня. Договорились с Пашей на "Покрышкина" встретиться, надо уже бежать..."

Леший быстро обулся и накинул "Гром", выскакивая в подъезд.

У ближайшего входа в метро уже поджидал Паша с сигаретой в руках.

– Задерживаешься, сновидец! Рассказывай, что и как.

– Здорово. Поехали на метре до "Маркса", там подробней, – сказал Леший, утягивая за собой в переход Пашу.

На входе в Библиотеку сегодня было на удивление многолюдно: видимо, Борисовна проводила очередное отчётное мероприятие. Толпились какие-то школьники-старшеклассники, критично поглядывавшие на Пашу. Леший же, в своём "Громе" и с небритой физиономией, произвёл на местных

школьников скорее впечатление охранника.

– Здравствуйте, как и обещал, привожу своего подменщика. Поручаюсь за него.

– Павел Викторович, очень приятно, пройдёмте..., – Борисовна увлекла Пашу в подсобку, а Леший вышел покурить у крыльца.

Он уселся прямо на перила зелёного крыльца и на глазах у школьников и школьниц начал забивать трубку.

– Ой, а это у вас конопля? – спросил кто-то особо "одарённый" из детишек, с видом гопника.

– Нет, просто трубочный табак, – Леший углядел у "одарённого" за ухом сигарету, – я сигареты бросил. И вам не советую.

– А можно трубку попробовать?

– Пробуй, только смотри, чтоб никто меня не спалил. А то скажут, что я тут взрослый дядька непотребства чиню...

– Не скажут, – парень затянулся трубочным табаком, прокашлялся и сунул меж зубов свою папиросину "Бонда", – а вы здесь работаете?

– Я сторож тут. Был, до сегодня.

– А чо увольняться решили? – окнув в слове "чо", спросил парень.

– Домой надо ехать, – Леший выпускал клубы дыма и смотрел на окна дома напротив, отражавшие весеннее солнышко.

Как раз в это время из двери вышел Паша.

– Ну что, Леший, мне подходит.

– Заебись. Бывай, отец! – крикнул Леший стоящему парню, уволакивая за собой Пашу.

– Чего так быстро?

– Ты хочешь, чтоб к тебе знакомиться сегодня пришла местная фауна? Думаешь, чего он тут выспрашивал стоял?

– Да кому надо библиотеку грабить?

– Грабить-то да, а вот над тобой, волосатым сторожем, побалдеть пришли бы всем соседним двором, – Леший решил "постращать" Пашу.

– А к тебе приходили?

– Нет, – Леший отвечал честно, вспоминая, как ночами он даже выходил курить и пить чай на крыльцо, поглядывая вполглаза на редких ночных прохожих.

В компании Паши Леший вновь нырнул в переходы метро, чтоб дышать холодом перегона между "Студягой" и "Речником", быстро и в ногу шагать по "кишке" мимо тётушки, поющей под гитару песню про какое-то старое кафе... На "Сибирской", пока поезд не подошёл, Леший взгляделся в рисунки станции. Взгляд его зацепился за панно, изображающее идолов, древние рисунки и орла на голове одного из идолов.

"Вот она, магия. Настоящая, – думал Леший, разглядывая его, – здесь в Новосибирске на ровном месте сделали

квинтэссенцию всей огромной Сибирской земли, собрав самую суть. Город – просторный и пустой, с быстрыми машинами, быстрыми деньгами – вбирает в себя, как губка всю Сибирь, вынимает самую суть. Суть Сибири – простор и богатство. Богатство, правда, нынче достать могут не все... Новосибир – это город-памятник той эпохе, когда строили Великую Сибирскую Железку и пришивали железной нитью Сибирь к России. И чего обвинять этот светлый город в пустоте и просторе. Ведь чуть больше ста лет назад на этом месте не было ни-че-го... А эти идолы недаром спрятали под землю, в самой глубокой станции Новосибирской подземки, чтоб никто не догадывался о древней магии среди современного города..."

За мыслями о магии, Леший не заметил, как подъехал поезд, и вот уже Паша поволок Лешего в вагон.

На вокзале Лешего ожидал сюрприз.

Отстояв очередь в кассе, он обнаружил, что самый лучший вариант – уехать прямо сегодня вечером, через пять часов, на брестском поезде. Недолго думая, Леший купил билет до Екатеринбурга.

– Ну как?

– Я через пять часов вас покину, – Леший показал Паше билет.

– Охуеть. Давай тогда мы компанию соберём. Сейчас ребят обзвоню.

– Мне сначала бы вещи собрать.

Через четыре часа Леший, в компании Юки и Малыша покидал их гостеприимное обиталище, глядя в засвеченное фонарями тёмное небо и на фары машин...

Попутно он отписался несколькими СМС на Урал: родителям, Лосику, Жанне Андреевне, Этл, – тем, кого Леший считал наиболее "своими".

Выйдя из метро, Леший опять посмотрел на гостиницу. Надпись "ПРИЕЗЖАЙ!" была на месте.

"Спасибо, Сибушка, я постараюсь", – подумал Леший, когда перед ним открывались двери вокзала.

Провожать Лешего пришла целая делегация: Паша привёл с собой Лёху-кота, его брата Саню, Танюху-мелкую и, внезапно, Ваню-тогучинца.

Все они облепили Лешего, каждый норовил что-то сказать.

– А помнишь ты мне струны поставил на гитару, ещё в прошлом году? – говорила Танюха, – у меня как раз сегодня утром первая порвалась. И я подумала, что ты уедешь...

– Новую натянешь, в музтоварах пятнадцать рублей "эмузин-девятка"²⁶² стоит, – ответил Леший

– Передай эту штуку Этуру-сама, – Юки протягивала за-

²⁶² Марка струн EMUZIN и диаметр струны.

вёрнутый в полиэтилен железный треугольник, – мы это в нашем "Кольцово"²⁶³ нашли. Так сказать, от нашего "Кольцова" вашему.

– Да, Бабушка Этл такие штуки любит, – говорил Леший, глядя на жёлтый треугольник знака "биологической угрозы" в руках Юки.

– Я на свой страх и риск с первой смены в Библиотеке сбежал. Просто на ключ закрыл, – Паша явно смущался.

– Смотри, чтоб не спалили: меня подведёшь, – Леший был строг, – поезд поедет, ты не рассусоливай, уёбывай сразу в Библиотеку.

– Я тебя догонять буду, послезавтра собрался на трассу выходить, – Ваня наотрез отказался от предложения поехать поездом, – завтра ещё съезжу в Тогучин, а потом – на Запад.

– Доброй тебе трассы тогда

– Я вот что хотел спросить, – продолжил Ваня, – хочу по твоим местам погулять. Прошлогоднее приглашение ведь в силе?

– В силе конечно, – ответил Леший, – но у нас до мая в лесу распутица будет.

– Тем интересней.

Все дружно обнялись и пожали руку Лешему, он прошагал вдоль состава с синими вагонами до своего четвёртого вагона, протянул билет кудрявой тётушке-проводнице, да и

²⁶³ Ещё один "наукоград" Новосибирска, чуть более военный, чем Академгородок.

сел на свою нижнюю полку.

"Охереть, у меня в кои-то веки не верхняя боковушка. Видимо, мне так повезло с билетом потому, что кто-то внезапно решил не ехать, – думал Леший, сидя за столом и глядя на шторы с надписью "БЕЛЧЫГУНКА"²⁶⁴, – уж не энергуйское ли вмешательство это моих друзей?"

За окном Юки села на шею к Малышу и махала Лешему. На обоих были надеты пластиковые неко-ушки. Леший улыбнулся, когда поезд тронулся, оставляя в Новосибирске ребят – Юки с Малышом, Пашу с Танюхой, Кота с Саней, Ваню... Леший, глядя на ночной город, думал, что оставляет здесь свою необычайно светлую зиму, любовь к Ди, Библиотеку.

"Буду ли я скучать по этому всему? – думал Леший, – наверное, буду скучать по Ди. Благодарю тебя, Сибушка, за встречу с дивной Ди, за выигрыш в автоматах, за Библиотеку, за то, что я пережил зиму!"

Поезд набрал скорость, огни города закончились, а вокруг поезда была лишь снежная степь с берёзовыми колками, да звёздное безлунное небо.

Леший курил трубку в пустом тамбуре вагона, наполняя

²⁶⁴ Название Беларускай железной дороги.

тамбур ароматным дымом вишнёвого табака...

На следующий день, когда за окнами мелькали столбы на фоне яркого весеннего снега, Леший коротал время в поедании "бич-пакетов" из кружки и беседах с соседями по плацкарту. Соседями Лешего были бандитского вида водители-перегонщики, направлявшиеся в Польшу и похожая на мультяшную сову азербайджанская тётушка-учительница. Леший беседовал с перегонщиками про дорогу на Владивосток, заучивая на будущее названия мест. Нижний Ингаш, где кончается асфальт первый раз. Тайшет, где асфальт ненадолго появляется, а затем исчезает. Тулун, откуда асфальт разной степени паршивости тянется до самого Нерчинска. А потом какие-то невнятные грунтовки, Ксеньевка, Зилово, Могоча, Сковородино. И нормальный асфальт снова уже перед Биробиджаном. "Как же велика Россия", – думал Леший, слушая рассказы перегонщиков. Похожая на сову тётка-азербайджанка рассказывала Лешему про разницу между суннитами и шиитами. Несколько раз выходили курить трубку с водителями-перегонщиками. Где те делились дальневосточными рецептами приготовления бодрящей "химки", выкурив которую, по их словам, перегонщики не спали несколько суток, проезжая нон-стопом самые стрёмные места. Но при этом оба курили "винстон", а от предложенной Лешим трубки отказывались.

Екатеринбург встречал Лешего ярко-розовым закатом и воронами на тополях возле "теперь уже не родной" лестеховской общаги.

"Сколько раз я слушал стук колёс и гудки поездов, живя там? – думал Леший, – а вот теперь еду мимо издалека. И мой путь продолжается"

Промелькнул "Калиновый Мост", станция Шарташ, Проспект Ленина с фонарями и трамваями, поезд закачался на стрелках, медленно подкрадываясь к пассажирским платформам.

"Кто меня встретит, интересно?" – думал Леший, вглядываясь в окошко тамбура на платформу.

Поезд зашипел и остановился, слегка дёрнувшись.

Леший, с большим рюкзаком на плечах, шагнул на заплёванную платформу...

"Здесь можно перебежать, пока на первых путях никого нет, – вещало внутреннее радио Лешего, – О, кто это бежит ко мне вприпрыжку!"

С лестницы на первую платформу, в пальто нараспашку, выбежала Лосик. Леший, вскочив на брусчатку платформы, заключил её в объятия.

– Здравствуй, – улыбнулся Леший.

– Здравствуй, – сказала светящаяся радостью Лосик.

Леший и Лосик смотрели друг на друга, улыбаясь, а потом Леший взял Лосика за руку и бегом побежал вниз по ступенькам через арку в город. Быстро прошагали мимо кучи цыган и "золотодолларов", на одном ритме запрыгнули в подошедший трамвай, а уже там Лешего прорвало. Он рассказывал всё, что с ним приключалось в Новосибирске, ничего не стесняясь. Лосик выпрашивала Лешего про Ди и, похоже, искренне радовалась за Лешего.

На остановке возле "Дров" они покинули гроыхающий красно-жёлтый трамвай. Сегодня, с благословения Жанны и Риты, Леший шёл на вписку с гостьей.

К приходу Лешего, в квартире у "Философов" было собрание жанниных студентов, так что двери ему открывала Рита.

– Папка! – писклявым голосом крикнула Рита, повиснув в Лешего на шее.

– Это когда ты успел отцом стать? – засмеялась Лосик

– Сам не знаю

– Это мы зимой придумали, – сказала Рита. По нашей истории, Леший – это мой блудный папа, Крендель – моя мама, Дашка – сестра²⁶⁵, – Рита называла своих друзей, с которыми Леший был мало знаком.

– Круто придумали, дочка, – сказал Леший, сбрасывая рюкзак и проходя в ванную.

²⁶⁵ Пример упоминавшейся ранее "панкобарбары".

Когда студенты стали расходиться, Леший познакомил Жанну с Лосиком, к общему удовольствию обоих. Они ещё долго общались на кухне, после того как Леший удалился в гостинную и рухнул на диван...

...Через пару дней Леший уезжал автостопом к себе на родину, в Михайловск.

За понедельник и вторник, проведённые в городе, Леший успел съездить к Этл, передать ей подарок от Юки. Теперь значок "Biohazard" красовался у неё рядом со значком "радиация".

Успел съездить на "стрит", правда во вторник днём встретил он только бомжа Петровича, которому купил сигарет. А Петрович порассказывал Лешему последние новости тусовки. Он вообще был весьма харизматичен. Слишком автономный для бомжа, но при этом в тусовке нефоров являлся своеобразной "лакмусовой бумажкой": иные покривят лицо, а иные не побоятся с ним пообщаться. А взамен можно услышать кучу историй. Кроме Петровича на "Плотинке" были только старый баянист с поехавшим сыном: как обычно баянист сосредоточенно играл, а сынок его хохотал, глядя на прохожих.

Леший проследовал мимо "Плотинки", через Вайнера. А

там днём было немногочисленно. Лишь редким прохожим раздавали бесплатно майонез какие-то девушки-промоутеры. А за их спинами какой-то шутник написал майонезом надпись: "Я люблю майонез". Леший взял одну пачку себе, да прошёл мимо.

На бесплатном автобусе он выбрался на трассу, а теперь поднял руку.

– До Ревды – крикнул ему водитель "Газели".

– Идёт, – сказал Леший, – только я автостопом еду, без денег.

– Мне без разницы, главное – доброе дело сделать, – водитель вдарил по газам, и двигатель с характерным "газельским" звоном взревел.

– Я в Михайловск еду вообще.

– Бывал там. А откуда?

– Я сам михайловский. А зиму зимовал в Новосибирске, вот оттуда возвращаюсь.

– Странные люди, зимовать в Сибири, – водитель усмехнулся, – и как оно?

– Да так же, как и здесь, наверное. Просто мало знакомых, и нет привязок.

– Круто, когда молодой. Надо всё успевать.

Слово за слово, а водитель поворачивает на Ревду на первом повороте, под Волчихой²⁶⁶. Леший, глядя на покрытую

²⁶⁶ Первый поворот на Ревду от Екатеринбургa – очень стрёмное место: затяж-

грязью обочину, решает не ходить никуда и стопить прямо отсюда.

"Позиция здесь ни к чёрту, – думал Леший, – на затяжном спуске, все летят быстро. Только лучше стопить тут, как долбоёб, чем быть автостопным мудрецом с грязными говнодавами..."

Самокритичные мысли привели к нему очередную машину – светло-серую "Нексию" с пермскими номерами, водитель которой выносил мозг Лешему своим абстрактным нытьём. Что-то вроде "до чего страну довели, дороги разьебали, цены подняли, а ещё халявщики всякие катаются..." Леший пытался сохранить внутреннее спокойствие, даже невзирая на ноющего водителя. На сергинском повороте Леший с облегчением покинул "Нексию" и решил закурить трубку. Пока забивал и раскуривал, случился "самостоп".

– Привет, Лёха! Домой?

– Ренат, здорово! Ага. Только закурил!

– В машине докуришь, прыгай!

В "девятке" ехал его одноклассник Ренат. Машина у него появилась сразу после школы. Сначала он ездил на ней без прав, неоднократно ловясь гаишниками. Но всегда везло: по

ной спуск, одна полоса движения, узкая обочина и мост впереди. В 2015 году поворот налево там убрали, и позиция потеряла актуальность.

дружбе его родителей с гаишниками его отпускали и возвращали машину. А потом он сдал на права и радостно показывал "фак", проезжая гаишников на трассе. Вот и сейчас он, проезжая мимо "анюткиной горки" после Сергинской объездной, намеренно притормозил до пятидесяти километров перед ментом, а проехав его, втопил по газам.

– А ты, значит, всё ещё автостопом едешь. Когда уже повзрослеешь?

– Хер его знает, Ренат. Я вот из Новосибирска сейчас. У меня за эти полгода столько всего произошло, что рассказывать долго. Так что не считаю, что плохо живу. Книг вот почитал, в универ снова поступать хочу.

– Значит, уже повзрослеешь. Я вот не знаю. После армейки как-то всё было просто и понятно. Казалось так. А сейчас – одно дело сложнее другого.

Под такие разговоры, которые Леший очень не любил, доехали они до Михайловска, пронеслись через Воронино, круто вошли в поворот у Плотины, и вот Ренат высаживает Лешего прямо за переездом.

– Рад тебя видеть. Мы тут встречаться классом хотим, пригоняй.

– Посмотрим. Если меня никуда опять не унесёт, – ответил Леший, – счастливо тебе, Ренат!

Леший хлопнул дверью, взвалил рюкзак и вдохнул сырой воздух.

"А воздух у нас уже апрельский, хотя апрель только завтра", – подумал он, взбираясь по протаявшей скальной осыпи на гору, посмотреть на родной город и пруд...

И спустя полчаса, он спускается вниз, топает по улице, потом во двор и открывает дверь в родительской квартире своим ключом...

Вечером Леший написал в "аське" Ди, о своих приключениях по дороге. Она отвечала немногословно, будто не хотела общаться с Лешим.

"Может у неё парень появился? – грустно думал Леший, – хотя мы друг другу вроде ничего не обещали, а обидно немного"

Этой ночью Леший засыпал, положив под подушку "ловец снов" Лосика.

Они с Волком шагали по глубокому тяжёлому снегу. Вокруг был туманный сырой лес, а где-то вдали шумела река.

– Волк? Зачем мы тут?

– Скоро тебе также ходить. Хотя, если включишь голову и руки, то ходить будет попроще.

– А зачем мне тут ходить?

– Ты – проводник. Причём тебе руководить походом. Хо-

тя у друга твоего навыки лесохозяйства тоже неплохие.

– Какого друга? О чём речь?

– О Ване-тогушине. Он, кстати, "проводник наоборот"

– "Полупроводник", – посмеялся Леший.

– Ты проводишь городских существ в лес, – Волк был вполне серьёзен, – Ваня водит лесных существ в город.

– Круто. И поэтому он со Светой-художницей?

– Ну ты ведь не завидуешь. Кстати, она тут.

Леший обернулся, чтобы увидеть Свету в горнолыжном ярком костюме.

– И тебе привет, Леший. Погоняешь Ванюху по лесам?

– Обязательно.

– Только не утоните. Ему надо голову развеять, а лучше всего это у Ванюхи получается в лесу. В Питере ему скучно, а в Энске – уныло.

– Как же так, Новосиб ведь такой светлый город?

– Для Вани Новосиб не хороший и не плохой. Он привычный, как для тебя Ёбург.

– Ладно. Расскажите мне про Ди. Как она? Почему не хочет со мной общаться?

– Смотри сам...

Леший стоял у берега реки с горами напротив. Волны бились у ног, а над головой нависали мокрые ивовые ветки.

"Это Енисей?" – задал он мысленный вопрос?

– Это и есть Енисей, – сказал знакомый голос за спиной.

– Что с тобой происходит, Ди?

– За последние пару лет я замкнулась в свою раковину. Раньше все тусовки – анимешники, ролевики, автостопщики-хиппи, панки всякие – все знали меня. Сейчас мне неловко мимо них проходить. Я целенаправленно рублю нитки связи с людьми. Человек, который мне дорог, не хочет быть со мной...

– Есть же другие люди. Есть я, например.

– Леша ты далеко.

– Для автостопщика нет такого места – "далеко".

– И ты слишком светлый человек. Я не уверена, что могу быть такой как ты, – на милом лице Ди сложилась грустная гримаса, – и ты меня совсем не знаешь. Я отстраняюсь от всех, это моя защита сейчас.

– Помнишь, как у Калугина: "Ты видишь свет во мне, но это есть твой собственный свет..."²⁶⁷?

– Можно я просто тебя обниму?

Ди прильнула к Лешему, повиснув на нём.

– Если я скажу, что влюбился в тебя, это что-то поменяет?

– Увы, ты не сможешь быть со мной. Ты хороший друг и любовник, Лёша. Возможно, хороший попутчик. Надеюсь, мне доведётся покататься стопом и с тобой, как предсказала маленькая девочка из сна...

– Ты и сейчас спишь... Стой, не просыпайся!

²⁶⁷ Сергей Калугин – Чжуань-Чжоу.

– Я и сейчас сплю... – Ди отринула от Лешего и начала становиться словно чёрно-белой.

– Леший, держись за то, что тебе дорого, – услышал он голос Лосика позади.

Леший поймал полупрозрачную руку Ди, прижав к себе. Она стала прежней, яркой, с русыми волосами, с разукрашенными джинсами, в оранжевых кедах и белом балахоне...

– А в том сне ты была маленькой девочкой, – сказала Ди, глядя за спину Лешего.

– Могу изобразить из себя старую ведьму, но мне больше нравится мой реальный облик сейчас.

– Ты девушка Лешего?

– Нет, я тоже его друг. Как ты, – Лосик протянула руку, положив на плечо Ди, – и твой друг тоже. Помнишь про драконов своих?

Над головами опять что-то бесшумно пролетело, но обдало воздушной волной так, что брызги воды с Енисея оказались на всех троих.

– Твои драконы ещё верят в тебя, – Лосик держала Ди за вторую руку, – и мы с Лешим тоже.

– Я хочу обнять вас обоих, – сказал Леший.

Так они и стояли втроем, обнявшись, мокрая ива капала на них крупными каплями после утреннего тумана, а Енисей хлестал холодными волнами у ног...

Леший проснулся от родительского будильника: родите-

лям пора было собираться на работу.

Вчерашний вечерний разговор внушил оптимизм. Родители наконец вздохнули, что Леший решил браться за ум, и собрался поступать в институт. Леший в свою очередь обрадовался облегчению своих родителей.

Через пару дней, проведённых дома в Михайловске, Лешему прилетело СМС-сообщение от Вани, в одну строку сообщающее, что он в Ёбурге, вписка у него есть, и он ждёт Лешего. Леший упал на телефон, став звонить Ангелу.

– Привет, это Леший, там Ваня из Сибы у тебя рядом?

– И тебе доброе утро. Он на "стрит" уехал.

– Передай, что я звонил. Может, сам его увижу.

Леший быстро собрал рюкзак, коротко отзвонился родителям, сказав, что уезжает опять и вышел из дома в сторону трассы.

По дороге, среди снежных промоин текли первые весенние ручейки, стекая в грязные лужи.

"Волк предлагает прогуляться с Ваней по Уралу. И куда бы мне его сводить, – думал Леший, выйдя на оттаявшую обочину, – скорее всего в Оленьи и сходим. Хотя тропы сейчас развезёт, так что надо продумывать маршрут"

Леший бросил очередную монетку на свою "позицию", поднял руку.

– Здравствуйте, в сторону Города не подбросите?

– Я только до Серёг, – ответил дядька на белой "пятёрке", – садись.

– Спасибо, – Леший захлопнул дверь, положил себе на колени "городской" рюкзак и пристегнулся.

– Путешествуешь, значит?

– Можно и так сказать, – ответил Леший, и продолжил, – Вот недавно из Сибири вернулся, зиму там зимовал.

– Работал?

– Ага.

– Немного, видно, заработал, раз стопом едешь.

– Стопом же не только от безденежья ездят: мир посмотреть, с людьми пообщаться.

– Ну и как, посмотрел?

– Немного...

– А я вот с работы мчу: тружусь вахтой на "Жасмине". Сам сергинский, да у нас по моей специальности работы не найти. А по поводу путешествий, – водитель вдруг сделался очень умиротворённым, будто вспомнил что-то приятное, – да, места тут у нас знатные. Одно Бажуково чего стоит. А вот пионерлагерь заброшенный. А мы в детстве в него ездили. Каждое лето. Пионербол, купалка в Демиде... Да и покос у нас тут раньше был рядышком, через пути. Так что мы пацанами тут всё излазили.

– А вот смотрите, если бы к вам гость приехал, совсем из других краёв, вы бы его куда повели? – Леший решил задать

вопрос, мучавший его самого.

– Ну, на Бажуково бы сводил. На курорт к нам, водицы солёной испить. Может, на Шунут. Хотя Шунут далеко, и не в эту пору. А если вообще на Урале – ну, это смотря откуда гость.

– Из Новосибирска гость будет.

– У них Сибирь большая, а до гор далеко. Я бы в горы сводил. Опять-таки в другой сезон, – водитель прервался, – ой, тебя где высадить-то?

– Где сами поворачиваете, там и выскочу.

– Я мимо Атэпэ²⁶⁸. Это вторая своротка.

– Знаю такую. Там нормально.

"Пятёрка" уже неслась в гору после первого поворота на Серги. Вокруг пестрела оттаявшая выемка в горе. Ручьи тут промыли сланцевые породы светло-серого и красно-коричневого оттенков.

– Вот, тут на нашу помойку дорога пошла, – показал водитель, – а там гора Шолм, можешь туда сводить, мы на лыжах часто туда ездили.

– Спасибо вам большое, удачи вам.

– Будь здоров, путешественник.

Леший хлопнул дверью, "пятёрка" рванула с места, оставив Лешего на пустой трассе. Рядом белела автобусная остановка, вокруг была выемка в вершине холма, поросшего елями.

²⁶⁸ АТП – автотранспортное предприятие.

"Значит, Бажуково и Курорт в Сергах, – подумал Леший, – а что горного показать гостю?"

Следующей машиной был белый праворукий "Ниссан", за рулём которого сидел парень в яркой горнолыжной куртке.

– Прыгай быстрее!

– Вы в Город?

– А куда ещё-то? Обойди машину, да садись. Штурманом будешь, – сказал водитель.

– Что значит "штурманом"? Дорога тут вроде одна...

– Дорога-то одна, а я права недавно получил, побаиваюсь обгонять с правым рулём. Будешь мне говорить, когда можно обогнать, когда нельзя.

– А, понял, – сказал Леший, – буду "глазами".

– Да "ушами" тоже можешь. Хотя тебе, поди, самому есть что рассказать, – водитель подталкивал Лешего на разговоры.

Лешего понесло. Он рассказывал про свои автостопные приключения, про трейнхоп, немного про "шаманов", про зимовку в Новосибирске. Почти не утаивая подробностей. И время от времени прерываясь, чтоб сообщить водителю обстановку впереди.

Слова "Чистенько", "Давай" или "Погоди" звучали довольно часто.

В одном месте водитель прервал рассказ Лешего:

– Видишь во-от этот поворот?

– Ага, и что там?

– Там, если километров десять проехать по грунтовке, будет дачный посёлок Дидино

– Знаю такой, проезжал.

– А про туннель заброшенный знаешь?

– Нет, – Леший был заинтригован, – что за туннель?

– Длина чуть больше километра, – вещал водитель, как заправский краевед, – открыт в восемнадцатом году, закрыт в девяносто пятом, тогда пустили обход через выемку.

– А вы железнодорожник?

– Ну, что-то в этом роде, – водитель сделал паузу и продолжил, – я в метрострое работаю.

– И когда же "Бажовскую" откроют?²⁶⁹

– Секрет, – водитель улыбнулся, – а в туннель этот проще всего сходить от электрички. Только не с Дидино, а с тыща пятьсот девяностого километра. Там под гору чуть спустишься, вот и вход в туннель. Там льда намораживает порядочно, но полазить прикольно. Параллельно основному туннелю идут ещё дренажные туннели, сбойки и вентиляционные шахты. Атмосферное местечко на самом деле.

– Не бывал, но надо бы сходить. Как раз скоро повод будет.

Слово за слово, а машина мчала Лешего всё ближе к Екатеринбург. Вот уж взобрались на Волчиху вслед за тяжело-

²⁶⁹ "Бажовскую", кстати, так и не открыли, её законсервировали. Открыли "Чкаловскую" и "Ботаническую" в 2011 году.

возным КАМАЗом, вот – расширение дороги после поворота на Первик, тут водитель сразу словно дал машине пинка и разогнался.

– Тебя в Городе где высадить?

– А вы сами куда?

– Я на Первомайскую, прямо за Домом Офицеров.

– Мне бы в районе Московской выскочить.

– Высажу, – кивнул водитель.

"Замечательно, – подумал Леший, пока "Ниссан" полз между светофорами, – почти к дому Ангела, там и с Ваней увижусь, надеюсь. Надо бы ещё к "Философам" нагряться, вещей для похода приготовить"

Водитель высадил Лешего напротив здания завода ОЦМ²⁷⁰, чему оголодавший Леший несказанно обрадовался: в нём располагалась весьма неплохая столовая.

Леший прошёл мимо вахтёров, поднялся по лестнице через широкое прокуренное фойе на второй этаж, взял себе поднос и набрал еды: всё вместе обошлось ему в девяносто рублей.

"Чудесная столовка, – думал Леший, поедая пюре с котлетой, и прихлёбывая компотом, – сколько раз она меня выручала в странных обстоятельствах?"

²⁷⁰ Теперь – бывшего завода. Здание на Ленина 8 в Екатеринбурге.

Действительно, в былую пору Леший иногда водил сюда кушать неформалов с тусовки. Даже однажды, назначив встречу с Надей Мухой, водил её сюда, типа "в рэсторан". На улице тогда стоял лютый мороз, Леший в Вайнеровском переходе чуть не отморозил пальцы, но деньги свои тогда заработал. Ровно столько, чтоб сводить понравившуюся ему Муху в столовую, напоить её пивом и напроситься к ней на "Пионерку". Чтоб утром, после бессонных ночей, провожать её на пары, а самому идти снова на "стрит".

"Да уж, – думал Леший, – а где сейчас Муха? Давно не выходила на связь? Может, оцивилилась и решила забить на тусовку? Кто ж её знает. Возможно, правильно сделала. Может, она также обожглась о какое-нибудь тусовочное говно и бросила всё?"

Леший поставил поднос в специальное окошко, вышел из здания через тяжёлые массивные двери, да потопал в сторону Цирка.

Набрал на домофоне номер квартиры:

– Кто там?

– Леший.

– Пароль?

– Пароль.

– Открываем, – веселый голос Демона раздавался из до-

мофона.

– Давненько тебя не было у нас видно, – сказал он, встретив Лешего, – Ангел в "Кировский" ушла, туда же Ваня должен подойти.

– У тебя же курить по-прежнему можно?

– Можно, только не траву.

– А трубку?

Леший забил трубку и ритуально задымил в потолок Ангельской квартиры.

После смерти бабушки Ангел модернизировала свою обитель: теперь на стенах были нарисованы маркером всякие разные сцены. Над кухонным столом громоздилась женщина, прикрывающая наготу шторой, из-под которой торчит грудь; в прихожей была нарисована дорога и автостопщик на ней, на двери ванной – мокрый котёнок, а на туалете – чувак в противогазе и ОЗК²⁷¹. Кроме этого, на кухне была прибита к стене гитара, из которой торчали провода динамика, подсоединённые хитрым образом к компу в гостиной. Плюс на кухонном шкафу стояла коллекция пивных банок до потолка, а в гостиной висел настоящий светофор. Откуда его стащили Ангел с Демоном – Лешему не было ведомо.

– А как у вас светофор появился?

– Да это гость из Новоура припёр. В смысле не светофор из Новоура, а гость. Где-то шлялся. Мы в декабре ещё вы-

²⁷¹ Общевойсковой защитный комплект.

шли, как обычно, мыша выгуливать, а Толик навстречу шурует со светофором наперевес. Говорит, отвалился где-то на Челюскинцев, а он подобрал, потому как плохо лежит. Я его перебрал, теперь у меня он вместо светомузыки.

– А это что за книжица? С таким почётом лежит, на отдельной салфетке, – Леший смотрел на серого цвета блокнотик, лежащий в серванте среди бабушкиных сервизов.

Демон погрустнел.

– Это у Ангела уже давно лежит. Пантеркин рингушник.

Погрустнел и Леший. Он вспомнил эту светловолосую и светлоглазую девчушку в юбке и берцах, которая расхаживала по парапету памятника Ленину с лешевской флейтой в руках... Тогда она навела его на вписку у Ангела, притащила юного пионеристого Лешего за руку к высокой барышне с короткими каштановыми волосами, представившейся Ангелом... А потом Леший узнал, что Пантерку жестоко убили: её нашли где-то в гаражах. Узнав об этом, он, вместе с Ангелом, Пермьяком и зареченским Вороном выхлебали большой пузырь водки, причём Леший единственный раз в жизни пил из горла. Ребята тогда плакали...²⁷²

– Понятно. Пусть лежит, – грустно сказал он и пустил дым в потолок.

²⁷² История с Пантеркой имела место быть в 2007 году. Правда, автор с ней был почти не знаком.

Через полчаса пришли Ангел и Ваня-тогучинец. Леший выкинул из головы грустные мысли и воспоминания, памятуя, что жизнь продолжается, и радостно заключил в объятия обоих.

Поздно вечером, на традиционном выгуле компьютерной мышки, Леший выспрашивал Ваню про трассу и дальнейшие планы:

– У меня трасса получилась очень бодренькая. Я первого апреля утром как раз выехал из Сибы. Сначала – быстрая легковуха до Чикаго, потом – до Коченёвского поста, а оттуда – до Барабинска. Там в "Ланте"²⁷³ переобедал, и вписался к дальнебою-автовозу прямо до Катера. Он пустую "раскладушку" вёз. Мы с ним ночевали на "Ермаке" и в "Айвенго"²⁷⁴, уже под Катером. Там, прикинь, к водителю давай проститутка набиваться. Девушка лет пятнадцати, чёрные крашенные волосы, размалёванная вся, страшная, как атомная война... Водитель меня выставил тогда погулять, а сам – шторы задёрнул и на полчаса пропал. А я, с его позволения, залез на "Раскладушку", и на звёзды залипал. Луна молодая, звёзды яркие, машины мимо по трассе проносятся, красиво...

– А я сегодня тоже ехал классно. Два драйвера, оба подсказали мне приблизительный маршрут, по которому мы с тобой гулять будем.

– Ты уже прямо придумал?

²⁷³ Кафе под Барабинском.

²⁷⁴ Кафе под Белояркой, 60 км не доезжая Екатеринбурга.

– С некоторой долей импровизации. Дидинский туннель, Оленьи Ручьи мои. Потом у меня в Михайловске можно вписаться, да прямо оттуда и стартануть можешь на Питер.

– Не, я часть вещей тут оставлю. Гитару, например, с собой не потащу точно. Я бы ещё снарягу прикупил некоторую, и тебе советую, если деньги есть.

– Тогда послезавтра и тронемся, идёт?

– Идёт, – Ваня взял гитару и запел какую-то тягучую песню на украинском языке:

"У прэричных хашах
Дэ нэ тлие свит болота
Дэ лягла Батыя
Чорно-золота киннота
Часом в билий свыти
Зачарованный гуляе
Лисовик-Чугайстар, и тыхо промовляе..."²⁷⁵

– Я не все обороты речи понял, – сказал Леший, когда Ваня допел, – вроде про лес песня, да?

– Это песня чернобыльского лешего. Которого покинули и звери, и люди. Эдакий плач одиночества во внезапно опустевших лесах. Я бывал там, в "Зоне". Там не так уж мрачно, как спето.

Леший завалился спать на диване в гостиной, закинув

²⁷⁵ Тінь Сонця – Пісня Чугайстра.

руки за плечо и смотря на зелёные светящиеся звёздочки на потолке.

Во сне Леший с Волком оказались в одном культовом месте ёбуржских туристов: в подвальчике магазина "Век", среди свисающей с потолка турснаряги.

– Возьми резиновые бахилы-Озэка на рынке. Остальное тут. Ещё пригодится топорик, пила и гамачок с тентом. Спальник тоже обнови, – Волк будто читал инструкцию что брать с собой.

– Гамачок-то зачем?

– Апрель месяц мокрый. И Ване тоже посоветуй. Ему тоже пригодится. Деньги же у вас обоих есть. Ваня готов к походу чуть меньше, чем ты. Я же порекомендую тебе ещё одну практику, её можно сделать вместе с Ваней, Ваня радостно поможет тебе в этом. Проведи сутки, или чуть больше в темноте и тишине. Это надо, чтоб вырубить все внутренние радиостанции и "обрезать провода". Увидишь, скорость мышления снизится, зато останется место для действий. По передвижению – ты сам командуешь как и на чём ездить. Ещё возьми пару карабинов и метров десять верёвки. И шнур полиэтиленовый на рынке, целый моток.

– Ладно. А как у ребят дела?

– Света рисует. Этл тоже рисует сейчас. У художников ночь – время творчества. Ольга на смене. Манул с Полиной смотрят сонфильм про любовь и жаркую дорогу на Запад...

Лосик тут...

Леший обернулся – и вместо магазина в подвале увидел лес и костёр у речки.

– Завидую тебе, друг мой, – Лосик повисла на шее у Лешего, – я тоже хочу в лес, но мне нельзя. Сессия на носу.

Тут Лосик прервалась и оглянулась. За спиной был Волк.

– Ам минасум, Хайтнут-каньк?²⁷⁶

– Иди. Выучила-таки?

– Мосься²⁷⁷, – улыбнулась Лосик, произнеся это.

– Вы так выражаетесь?

– Ничего секретного, Леший, это язык моей прабабки. И я спросила, могу ли я пойти.

– Вам есть что обсудить меж собой, – сказал Волк и исчез.

Лосик потянулась к Лешему.

– Хочешь, покажу тебе кое-что?

– Удиви меня, – улыбнулся Леший.

Лосик взяла его за руку и повела вглубь леса. Вскоре они вышли на полянку, где лежали деревянные снегоступы, похожие на теннисные ракетки.

– Это, конечно, не мансийское изобретение, но может пригодиться. Поразглядывай как они сделаны.

Леший взял в руки снегоступ. Гнутая ивовая или рябиновая палка, перевязанная ивовой же веткой. Две палки-побе-

²⁷⁶ "Я пойду, брат-Волк?" (манс.).

²⁷⁷ "Немножко" (манс.).

речины. Между ними – плетёнка из берестяной полоски и ремешок из кожи.

– Это вообще-то индейцы придумали, – сказала Лосик, – но штука полезная.

– Круто. Мне надо будет это мастерить?

– Не знаю... Ой, ам сайкаланум²⁷⁸, просыпаюсь...

Лосик исчезла, а Лешего потащило в "сонфильм".

Он проснулся, почуяв сквозь сон запах жареной картошки, разлепил глаза, потянулся и отправился по утренним делам в туалет и ванную.

– Доброе утро, Леший, – Ваня, колдовавший над плитой, был бодр и весел.

– Истинно так, – зевнул Леший в ответ и затворил за собой дверь с изображением чувака в противогазе.

Леший в обществе Вани действительно съездил в "Век", обновив себе часть снаряги; приборохлив в числе прочего фонарик, "газовку", гамак и новый спальник. А затем – на Шарташский рынок, где Леший приборохлил себе бахилы ОЗК и туристский топорик на "развале" у какого-то дедка. Здесь же по ваниному совету затарились продуктами для похода: сухофруктами и орехами на развес, крупами разными, консервами.

К приятному удивлению Лешего, для него открылась ещё

²⁷⁸ "Я просыпаюсь" (манс.).

одна неизвестная доселе грань Вани-тогучинца: умение составлять и подбирать походный рацион. Сам Леший мог взять в автостоп тяжеленные консервы или бичпакеты и жрать их почти всухомятку. Ваня же подходил к набору продуктов основательней, но при всём этом вышло не так дорого, как могло бы быть. Более того, Ваня заглянул по пути с рынка ещё и в "Секонд", где приобрёл себе флисовую кофту и штаны. Леший последовал его примеру.

Поэтому обратно к Ангелу шли в два этапа. Сначала Леший с Ваней забрели к "Философам", где Леший перебрал рюкзак, сменив его на "трассовый", захватив с собой тент и новый спальник. Под причитания Риты о том, что Леший опять недолго в городе, ребята покинули "философов".

Этим вечером у Ангела был великий "сбор рюкзаков".

Ваня не суетился и обстоятельно собирал свою ношу. Леший, хоть и опытный на ниве автостопа, на всякий случай следовал примеру Вани. Рассыпали все сыпучие продукты по высушенным поллитровым бутылочкам из-под минералки, предварительно накупленной и выпитой Демоном. Все эти бутылки равномерно распихали по рюкзакам. Потом Леший сел за "атлас области" и начал прокидывать нитку маршрута.

– Для начала, – говорил он, – мы с тобой сходим в заброшенный туннель недалеко от станции Дидино. Где-нибудь там затусим. Дотуда на собаке доедем. Дальше – собач-

ным путём до Дружинино. Оттуда – пригородным поездом, стопом, на крайняк товарняком – до "Нижнесергинской". И начнём наш трип по "Оленьим Ручьям", с заходом в пещеры и на скалы. Чтоб не месить снег, большую часть переходов привяжем к "Железке". Таким макаром дотопаем до "Михайловского завода". А оттуда – стопом до моей родины. Там отдохнём и оцивилимся. Дальше будет видно. Во времени – неделя у меня в запасе точно есть. Посмотрим, на сколько нас хватит.

– У нас в запасе вечность, – улыбнувшись, сказал Ваня.

Когда Демон с Ангелом ушли с кухни спать, Леший проговорил Ване ещё один "пунктик программы".

– Знаешь, Вань. Мы с тобой говорили про энергуйство однажды.

– Ага. Ты хочешь совместить приятное с полезным, да?

– Так вот, я хочу попробовать побыть один в тишине и темноте сутки.

– Сенсорная депривация. Слышал про такое, но не пробовал, – сказал задумчиво Ваня, – я бы тоже так хотел.

– Вдвоём не то... Сможешь ли ты мне обеспечить сутки одиночества? Насколько я узнал, в Дидино можно переночевать у каких-нибудь дачников или в заброшке. А я-то в туннеле заночевать хочу.

– Хмм. А почему не в пещере какой-нибудь?

– Можно так: один из нас проводит сутки в туннеле, дру-

гой – в пещере в "Оленьих", а в это время один караулит...

– Опасно, но интересно.

– Я тебе доверяю.

– А если б я не доверял, то не отправился бы с тобой в поход.

Замолчали и разлили чай.

– Термосы надо заполнить, кстати, – сказал Ваня, – лишним не будет точно.

Обсудили ещё некоторые детали предстоящего похода. По прогнозам, погода обещала быть "около нуля", даже с дождями. Леший и Ваня готовились и к худшей погоде. А сейчас надо выспаться перед походом, и Леший растянулся в полный рост на диване, закинув руки за голову, чтоб уснуть без сновидений.

Утро пришло с писком будильника, по которому встал только Ваня. Леший же ещё несколько минут блаженно валялся и смотрел в потолок. После чего встал, совершил утренние ритуалы туалета-умывания и курения трубки на кухне, под звуки шкворчащей яичницы и демоновских "Героев третьих".

Короткое прощание – и Леший с Ваней и большими рюкзаками покинули гостеприимную квартиру Ангела.

По совету Лешего, решили даже купить билет на собаку. После недолгого стояния в очереди "холодной кассы", ребя-

та прошагали в переход и загрузились на коричневые дермантиновые сиденья дружининской электрички. За окном отъезжающей электрички показывали пасмурное небо и снегопад. Было ощутимо холодно по сравнению со вчерашним днём.

"Видимо, мы ещё застанем зиму", – думал Леший, глядя в окно в полудрёме...

"Тысяча пятьсот девяносто девятый километр. Следующая остановка – Дидино", – провозгласил женский голос из "матюгальника", когда Леший вышел с трубкой в тамбур.

– Вань, я вот что думаю, – кричал Леший через полуоткрытую дверь в вагон, – давай-ка на Дидино выскочим. Заодно разведаем, где одному из нас ночевать сегодня.

– Тебе виднее, я за любой кипиш.

Леший выдохнул, выпуская дым в приоткрытую дверь межвагонья. Электричка быстро-быстро неслась по уральским горам, всё ближе к первой точке похода.

На "Дидино" ребята выскочили из распахнувшихся дверей на обледеневшую платформу, электричка зашипела дверями и рванула с места. Когда затих шум электрички, воцарилась тишина. Буквально минут пять было слышно в тишине перестукиванье дятлов и пищание синиц-гаичек. А затем – снова нарастающий гул, и по встречному пути пролетел на бешеной скорости товарняк со свистом и долбежом "квадратного колеса" на одном из вагонов.

Леший повёл Ваню по тропинке через пихтовник к старой станции Дидино. Здесь уже была совсем тишина, лишь гудели трансформаторы за забором тяговой подстанции.

Вокруг было ощущение полной покинутости. Людей видно не было. Даже типичного дачного лая собак было не слышно. Зато Леший присмотрел заброшенную водонапорную башню из красного кирпича.

– Заглянем?

– Давай.

В башне было относительно чисто. Обнаружился бьющий прямо здесь родник, квадратный пропил на потолке. Видимо когда-то здесь была лестница. А наверху тоже было какое-то пространство.

– Попробуем залезть?

– Что для этого надо?

– Спилим жердину, да сымпровизируем лестницу.

– Местные услышат, взъебут.

– Ты хоть одного местного слышал?

– Тропа к Башне натоптана. Тут родник. Следовательно, сюда ходят.

– Посмотрим.

Идти в лес не пришлось: буквально за стеной Башни с задней стороны обнаружилась самодельная лёгкая лестница из двух пихтовых жердей.

Затащить её внутрь башни было не сложно: вскоре импровизированная лестница была установлена внутри, а Леший

вскарабкался по ней наверх. Там обнаружилось бомж-стойбище с импровизированными нарами из досок с лапником, тазик на кирпичках, видимо, исполнявший роль очага. Ветер сюда задувал только снизу, а свет проникал через проём выставленного окна четырьмя метрами выше.

– Вот тут будет хорошо заночевать, – сказал Ваня, оглядев интерьер, – и даже пожить.

– Так ты принимаешь моё предложение побыть "снаружи", пока я живу в туннеле?

– Я ещё не был в туннеле, – отчего-то шёпотом сказал Ваня, – но здесь мне пока нравится.

– Ну так пошли и побываем.

Ребята слезли вниз, поставили конструкцию из жердей обратно, взвалили рюкзаки и направились к туннелю.

Дорожка до туннеля, по-видимому, не пользовалась популярностью у местных. Кто-то по ней проехал ещё зимой, оставив две колеи, которые сейчас торчали двумя гребнями над осевшим весенним снегом. Вокруг лишь летали с короткими посвистываниями синицы-гаички, от ветки к ветке. Рос молодой осиново-берёзовый лесок.

Вот впереди показалась похожая на исполинский замок тёмная конструкция восточного портала туннеля и его чёрное чрево, откуда дул поток холодного ветра. На замшелых тёмно-серого цвета камнях кладки были ледяные потоки.

– Впечатляет, – сказал Ваня.

Леший включил фонарик.

– Тут есть, ну или должны быть ещё дренажные туннели²⁷⁹, сбойки²⁸⁰, ниши безопасности²⁸¹ и вентиляция. Вот где-то там я и хочу заночевать. Надо бросить где-нибудь рюкзаки.

Стенки туннеля были выложены кладкой, а в некоторых местах – бетонированы. С потолка во многих местах свисали метровые сосулины, пол был обледеневшим, а в районе первой сбойки на стене вообще был след обвала, и торчал скальник коренной породы.

Леший залез по обледенелому желобу в уходящую вниз сбойку. Туннельчик сбойки и дренажа был выложен каменной кладкой в рост человека и шириной метр в основании. На дне был толстый слой льда. Это место для ночёвки точно не подходило, и Леший с великим трудом вылез обратно. Ваня в это время прошагал дальше, обнаружив в нише безопасности ход в комнатку. Комнатка была с обледенелым полом и такой же обледенелой деревянной лестницей, уходящей наверх.

– Надо попробовать туда залезть, – сказал Леший.

– Я поторчу тут, – Ваня открыл термос и налил в него горячего чая. Леший сделал глоток и отправился на штурм

²⁷⁹ Идут параллельно основному, должны отводить воды от основного туннеля.

²⁸⁰ "Поперечины" между туннелями.

²⁸¹ В любом туннеле такие есть. Чтоб рабочие могли спрятаться при проходе поезда.

лестницы.

"Интересное наблюдение за самим собой, – думал Леший, карабкаясь по лесенкам наверх, – сначала было страшно, а теперь у меня появилось любопытство, как у киплингковского Рикки-Тикки-Тави, который хочет всё разнюхать и исследовать"

Над головой вскоре показалась большая квадратная шахта, в которой ярко светился квадрат белого неба. В сторону шли туннельчики. Здесь также был дренажный туннель в человеческий рост, но пол его был уже сухой. Из этого туннеля шли боковые ответвления. Леший заглянул в них, и увидел, что это не ответвления, а тупиковые ниши, каждая из которых весьма пригодна для ночёвки.

"Отсель грозить мы будем шведу, – думал Леший, глядя на две сухих доски, кем-то заботливо постеленных в одной из ниш, – сейчас бы затащить сюда рюкзак. Или сначала прогуляться с Ваней до западного портала?"

– Ваня, я нашёл место, где буду ночевать.

– Круто, а тут чай в кружке остыл уже, пока ты лазил.

– Пойдём до западного портала, тут где-то полпути.

Ребята взвалили рюкзаки на спины и пошагали дальше.

Через десять минут неторопливого шага они вышли к яр-

ко светящемуся западному portalу, выглянули из него и решили делать здесь "обед". Сели "по-сталкерски" на кирпичи, распечатали "газовку" и натопили снега в котелке, закидывая туда сухое молоко, сгущу, пшёнку и горстку сухофруктов.

Спустя полчаса сытный обед был готов, и под неторопливые разговоры был съеден.

– Ну что, я тебя оставляю? – Ваня уже был готов трогаться обратно в Башню, оставив Лешего тут.

– Ага. Когда контрольное время?

– Давай через сутки. У восточного портала в четыре часа.

– Идёт, – сказал Леший, хлопнув Ваню по плечу и пожав руку.

– Да будет энергуйская практика, – улыбнулся Ваня, – Надеюсь, ты не съедешь крышей.

– И не начну сам себе отвечать...

Ваня подхватил рюкзак и пошагал вглубь туннеля, оставив Лешего в одиночестве.

"Ну, а теперь надо обустроить свой быт", – подумал Леший

Для начала он поднялся вдоль портала наверх, чтоб поискать пихтового лапника. Увы, вокруг рос только мелколистственный лес с голыми ветками и редкие молодые сосенки. До ближайшей пихты без рюкзака Лешему шагать было стрёмно, и он вернулся обратно. Заныкал рюкзак за стенкой портала, прикопал его тяжёлым снегом, и пошагал по своим

же следам. Наконец, Леший нашёл целую пихтовую поросль, достал ножик и нарезал большую охапку пихтовой "лапы" с нижних веток.

"Прости меня, пихта, – мысленно просил он, – И спасибо тебе! Ты поможешь мне ночевать. Ты восстановишься, заживишь раны, и наградой тебе будет благодарность за тёплый ночлег"

Сначала Леший затащил в комнатку перед лестницей охапку пихтовых веток, потом поднял наверх рюкзак, расставил в обрезки бутылки пару "икеевских" свечек. Потом понемногу натаскал в нишу пихтовых лап, последний раз покурил, поссал в соседней нише ("Видимо, не я первый, тут ещё и срали", – думал он) и стал готовить себе лежбище.

Спустя примерно полчаса Леший закончил приготовления, разложил спальник и потушил свечи. Фонарь, во избежание разрядки, он сложил к себе в спальник. Пространство между спальником, пенкой, полом и стенами он заполнил пихтовыми лапами, поэтому единственное ощущение, сопровождавшее Лешего сейчас – смолистый запах пихты.

Поначалу было даже интересно. Потом начались всякие мысли. Голос школьного учителя по ОБЖ, рассказывающий про землетрясения на Урале. Словосочетание: "сезонные подвижки почвы". Леший начал вспоминать всех барабашек

и чупакабр, которых можно встретить в подземельях. Натурально, Леший лежал, боясь шевельнуться...

– Леший, перестань дрожать, – голос Волка прозвучал хлыстом в темноте. Леший раскрыл глаза, чтоб увидеть свет из коридора, – приготовься встретиться с собой

– Волк, я догадывался, что встречу тут тебя... Что ты делаешь? Бля!!! – Леший закричал, увидев действия Волка.

Волк сунул горящий факел из смолы и бересты прямо в нишу Лешему, отчего лапник загорелся.

– А-а-а-а, бля!

– Просыпайся! – крикнул Волк, когда Леший уже стал задышаться и чувствовать, как жар подбирается к нему...

Он очнулся и резко встал, раскрыв глаза. Естественно, долбанувшись о потолок. Вокруг не было Волка, и ничего не горело.

– Блядь, ну и сон приснился...

– Хреново ты проснулся, – сказал ему знакомый голос, – проснулся, да не туда...

– Что ты собираешься сделать, Волк?

– Подготовить твою встречу с самим собой, – Волк дёрнул какой-то булыжник из потолка устья ниши, отчего оно засыпалось, оставив Лешего в каменном мешке. Леший был уже в панике. Он кричал, звал Волка на помощь, пытался разгрести камни сам, ничего ему не помогало. Он почувство-

вал, что задыхается...

Он открыл глаза ещё раз. Вокруг не было туннеля, ниши и холода. Он сидел на парапете плотины в Михайловске, глядя на холодную воду небольшой промоины и тяжёлый тёмно-серый лёд вдалеке.

– Что чувствует лес, когда умирает его Леший? – проговорил рядом с ним голос Насти. Той девушки, которая прошлой весной позвала с собой влюблённого Лешего в Ростов.

– Это ты к чему? – Леший обернулся, увидев знакомые черты лица, знакомые родинки.

– Когда умирает Леший, лес превращается из Леса в "элемент географического ландшафта, состоящий из совокупности древесных и кустарниковых растений, бла-бла-бла..."²⁸²

– Погоди-погоди. По новым нормам там слово "земля" должно присутствовать.

– Может быть, – усмехнулась Настя, – но Лешего-то там уже не будет. Будет лесник, будет мастер леса, будет директор лесхоза, будут лесорубы, люди из кадастровой службы... Лешего не будет...

– Но я же есть.

– Сейчас не будет, – Настя резко толкнула сидящего Лешего, и он полетел в холодную воду, прямо под заслонки пло-

²⁸² Официальное определение слова "Лес", согласно учебнику по лесоведению. Оно длинное, здесь только первые слова.

тины...

Леший раскрыл глаза ещё раз. Было тепло, стоял летний вечер. Он сидел на склоне горы в Аракаево, смотря на проежающий внизу товарняк. Рядом с ним сидел ещё человек. Леший чувствовал его спиной, но страх сковал его, и он боялся обернуться...

– Лесу нужен леший. Без лешего лес – это как ручей без шёпотов воды, – проговорил незнакомец его же голосом, – Леший и шёпоты воды – это то, что должно происходить с лесом и ручьём, когда неважно, есть зритель или нет.

Леший обернулся и обмер: перед ним сидел он сам. Та же горбинка от сломанного скинами носа, та же небритость. Та же обрастающая волосами голова с чёрной банданой, те же берцы и джинсы...

– Спасибо тебе... Мне...

– Давай помолчим, Леший. Смотри, какая красота вокруг, – его "альтер эго" приблизилось, село рядом, обняло за плечо, повернув голову Лешего к Серге и железному мосту. Мыслей не осталось, и стало сразу так хорошо и спокойно, будто после исповеди, Леший будто вращался в землю, становясь самым местом, и запахами летних трав, и полётом коршуна в небе, и шумом реки под скалой.

Леший почувствовал затёкшие ноги и раскрыл глаза. Было темно, относительно тепло и свежо. Не было пожаров. Не

было завала. Не было холодной воды и двойника. На ощупь вокруг всё было так же, как и перед сном. Леший наконец успокоился, потянулся и зевнул, произнеся: "Охуеть..." Собственный голос показался ему тяжёлым и непонятным. Думать не хотелось. Хотелось просто смотреть в темноту...

Окончательно вернул в реальность Лешего будильник, поставленный на сотовом телефоне. У него слепяще ярко загорелся экран и заорала монофонная пищущая мелодия из "беспечного ангела" Арии.

Леший зажмурился и включил фонарик. Часы на телефоне показывали три часа дня.

"Я ж тут почти сутки. Надеюсь, не наделал в штаны от страха? – думал он, – нет, вроде всё сухо и чисто. Мистика конечно... Чтоб я ещё раз..."

Леший неторопливо собрал вещи. Лапник решил оставить прямо тут, вдруг он пригодится будущим поколениям ночёвщиков. Перед самым уходом, он решил похулиганить. Достал маркер из кармашка рюкзака, и оставил на стене надпись: "Лесу нужен леший".

У восточного портала горел костерок, дым от которого даже не волокно в туннель. Рядом сидел Ваня, а на снегу лежали те самые снегоступы, которые Леший видел во сне.

– С возвращением из Тьмы! – весело сказал Ваня, – Рад тебе.

– А это откуда?

– Снегоступы смастерил сегодня утром. Это мне лениво было просто так сидеть, – сказал Ваня, – зря что ли бечёвку с собой прихватил. Тут, кстати, чай и каша гречневая с колбаской.

– Это хорошо, – Леший достал из рюкзака ложку, начал хлебать кашу прямо из котелочка.

– А теперь – потопали на поезд, – сказал Леший, – как ни странно, через туннель будет чуть ближе пройти.

Они взвалили рюкзаки и пошагали через тёмное чрево горы...

На платформе, в окружении заборов и старых домиков дач, они увидели человека. Первого за сутки. Это был дедок с лопатой, пешнёй и веником, в оранжевой жилетке. В его работу, видимо, входила чистка платформы.

– Добрый вечер

– И вам не хворать, – ответил он, – вы откуда такие?

– Из туннеля.

– Мда... А мы в нём когда-то контактную сеть снимали, я тогда в ЭЧ работал... – дед погрузился в воспоминания, но в это время подъехала электричка, гостеприимно распахнула двери и вобрала в себя Лешего, Ваню и деда, экс-электрика.

На Дружинино Леший бросил рюкзаки со снарягой и Ваню в зале ожидания, а сам пошёл смотреть на товарняки.

"Вечерняя лошадь будет только через четыре часа, её ждать мы замаемся, – думал он, – и можно попробовать утварничаться, если получится. Видок у нас, правда, диковатый, как с таким будем по Дружинино расхаживать: тут все менты вокзальные нами заинтересуются. Пока сидим в зале ожидания, мы не более чем туристы. Если ничего в нашу сторону не поедет, то наш путь продолжится на вечерней лошади".

Леший поднялся на скользкую лестницу пешеходного моста, и стал с неё осматривать окрестности: нет ли состава под тепловозом в нужную сторону.

Смотрел он долго, и от этого привлёк не очень нужное внимание местного работника.

– Чего тут стоишь? – спросил усатый дядька в оранжевой жилетке, проходивший мимо.

– Просто поездами люблюсь. Вроде же не секрет.

– Вдруг ты террорист или шпион?

– Я так похож на террориста или шпиона? – Леший даже чуть обиделся, – Турист я.

– Повидали мы таких туристов, понял тебя сразу, – дядька заинтриговал Лешего, отчего тот посмотрел на дядьку с удивлением, – так и скажи, хочу совершить административное правонарушение и проехать на грузовом поезде...

Лешего немного передёрнуло.

– С чего такие выводы?

– Я тебя помню, ты в сентябре со мной ехал, – улыбнувшись, сказал дядька, – у Лазоревого запрыгнул, а в Сергах вылез. Мы с помощником тебя увидели. Передавать никому ничего не стали тогда, гнали мы порожняк.

– Это не я был, – Леший отвернулся от назойливого дядьки.

– А. Ну извини, просто похож значит. Я тебя тогда запомнил просто, а сегодня гляжу, вы двое с рюкзаками выходите, вроде для туристов-то не время, день рабочий.

Леший задумался.

– А допустим это я был? Что с того? – спросил он.

– Ну ты уж определись, а то, как целка, я, не я...

– Я это был. Потом на груз с брёвнами до Бердяуша пересел.

– Бердяушская ТЧ, мы с ними не особо общаемся. Эк тебе повезло тогда, да? – усатый дядька уже улыбался.

– А вы машинист?

– Нет, просто тут хожу и хуи пинаю, – сказал дядька, – смотри. Видишь, там тепловоз стоит под колонкой? Вот это мы. Мы на "Нижнесергинскую" порожняк под метизы повезём, у нас отправление через сорок минут. В Сергах будем немногим раньше пассажирского. Если ты такой экстремал, и хочешь жопу поморозить на грузовом – подвезём. Я у Лазоревого малым ходом пойду. Вагоны все пустые коробки.

Здесь не шастайте, и даже не пытайтесь загрузиться на станции: мусора выпалят, огребёте. В восемнадцать сорок два отправление.

– Идёт, – сказал Леший, – Спасибо.

– Ещё вот что: я после моста в Сергах малым ходом пойду, спрыгивайте там, если получится. Чтоб вас на станции не выпалили.

– Мы потом всё равно за станцию пройти собираемся. В "Оленьи ручьи" путь держим.

– Да вы ебанутые, – машинист сделал паузу, – но ты не обижайся, это я с завистью. Пока молодые, надо всякое повидать. Всё понял и запомнил?

– Ага.

– Бывай. Смотрите под колёса мне не завалитесь, – сказал машинист и ушёл дальше по мосту.

Леший развернулся и быстрым шагом пошёл вниз по лестнице к вокзалу.

– Ваня, бери рюкзак, пойдём-ка в магазин.

– Что? Чё-каво вообще?

Леший подмигнул.

– Не спрашивай. Пошли в магазин за печенюхами.

– Лады, – Ваня поднял рюкзак на спину и пошагал за Лешим. Сначала вверх по лестнице, через мост и вниз. Прошли мимо ларька, мимо лающих собаками дворов, мимо заборов.

– Куда ты так гонишь, Леший? – спросил Ваня.

– На поезд. Смотри, тут проедет товарняк малым ходом, нам надо будет на него запрыгнуть вот в этом месте – Леший показал рукой на изгиб перед переездом, где вдоль путей протяял кусок насыпи с прошлогодней травой.

– Как это делается?

– Бежишь за подножкой, ловишь поручень рукой на бегу, подпрыгиваешь, подтягиваешься и полез в межвагонку. С той стороны есть лестницы, там можно спуститься. Вагоны порожняком пойдут.

– Инфа проверенная?

– Процентом на шестьдесят, – "с потолка" сказал Леший. Ну а что мы теряем. Если не получится, считай что совершили вечернюю прогулку.

– Доверюсь тебе. Ты тут местный, – кивнул головой Ваня.

Подошли к насыпи.

– Эх, жалко, что светло, видно нас, – сказал Леший, оглядевшись, – надеюсь, местные не выпалят. Осенью я тут просто в густой траве лежал и смотрел.

Леший с Ваней бросили рюкзаки прямо у дороги в бровку тяжёлого весеннего снега. Леший стал забивать трубку, Ваня же открыл термос и налил себе чай.

На их счастье, мимо никто не проехал за это время по дороге. Они сидели на рюкзаках рядом с бровкой и слушали звуки станции.

Вот раздался очередной гудок, и нарастающий гул тепло-

воза заставил ребят подорваться с места. К изгибу железки с протаявшей насыпью малым ходом тянулся товарняк, вёзший зелёного цвета "коробки". В правом стекле тепловоза Леший разглядел знакомое усатое лицо: машинист улыбался. Слева стоял молодой поммаш, также разглядывая двух рюкзачных людей, стоящих у путей.

Грузовой поезд шёл со скоростью меньше, чем у пешехода, и, когда локомотив скрылся за изгибом, Леший вскочил на проезжавшую мимо подножку, быстро взбираясь наверх и освобождая место для Вани.

"Одна-другая-третья-в межвагон-вверх, – отбивался алгоритм в голове Лешего, – а тогучинец-то прыткий, уже догоняет..."

Забравшись на стенку вагона, Леший быстро перевалил её, спустившись по внутренним скобам. Он сбросил рюкзак, подхватил бэг Вани, который не рискнул перелазить с рюкзаком за плечами.

Они вдвоём оказались в гулком и тряском пространстве вагона. Промелькнули провода ЛЭП над головой, и поезд стал набирать ход.

Леший тихонько взобрался по скобкам и озирает окрестности.

"Вот, здесь уже проталины виднеются, – думал Леший,

держа белыми строительными перчатками ледяной борт вагона, – Только вот пропархивающие снежинки не внушают оптимизма. Хотя наст появится, да и по льду можно будет без лишней опаски ходить. Во всём свои плюсы..."

Ваня также торчал на борту вагона, но с другой его стороны. Перед "Черёмушками" Леший жестом показал Ване сныкаться в вагон и сесть тихо, а после спрыгнул сам.

Как и говорил машинист, поезд остановился в Атиге, пропуская "вечернюю дружининскую лошадь". Леший слушал объявления на станции, и когда сказали, что "пригородный поезд шесть пятьсот девяносто четвёртый отправляется до Дружинино", стал ожидать рывка.

Длинный гудок пассажирского, ускоряющийся и затихающий стук его колёс, и снова тишина, нарушаемая лаем атигских собак и молотящим "дизелем" локомотива.

Рывка пришлось ждать довольно долго. За это время можно было бы успеть поспать, но Леший с Ваней сидели, даже не переговариваясь друг с другом, и начали подмерзать, глядя на быстро наступающие сумерки, сменяющиеся пасмурной ночью...

Когда уже захотелось задрожать от холода, объявили отбытие грузового поезда, прозвучал длинный гудок, и с грохотом рванули вагоны. Через минуты три, когда поезд порядочно отъехал от Атига, Леший с Ваней наперегонки носи-

лись по полу вагона, прыгали, и таким нехитрым образом согревались. Делать это при свете маленького "налобника" брошенного в угол вагона было забавно, по мнению обоих. Леший же краем глаза поглядывал на зарево от города, и его расположение относительно поезда.

Вот стали видны отсветы Нижних Серёг слева от вагона. Леший тихонько высунулся, глядя на то, где едет поезд. Слева была "населёнка", а справа стоял стеной густой ельник.

– Ваня, приготовься десантироваться справа. Я полез, – с этими словами Леший подхватил свой рюкзак, накинул его на плечи и полез на борт вагона.

На подножке он встал, определяя скорость товарняка, и глядя на Ваню, который осторожно пятился вниз по лесенке.

Мимо шла выемка с ельником и глубоким тяжёлым снегом, а товарняк ехал ещё достаточно быстро, чтоб прыгать с него. Вот справа засияли огни сергинской горнолыжки, прогрохотал мост с тёмной водой, и потянулась насыпь. Если Лешего кто и видел, то только водитель "Урала" с коляской, стоящего на переезде. Благо, перед самым переездом Леший сховался в межвагонье, и не был настолько замечен. После переезда товарняк снизил скорость, а затем – вообще остановился. В это время Леший спрыгнул с него, дождался Вани. Они размялись, да и снова надели на спины рюкзаки.

"Сейчас бы только палева никакого не было, – думал Леший, перебирая ногами по подмерзшей тропинке вдоль со-

става.

– Если вдруг какое палево, мы с тобой идём из Серёг, приехали на автобусе и топаем в сторону провала на Орловой горе, – ляпнул Леший, – ну или на курорт водицы испить.

– А такое может быть?

– Всяко может быть, но вряд ли ради нас будут останавливать товарняк.

Как раз в это время состав с грохотом тронулся и покатился мимо Лешего. Они прошли мимо старого переезда, стрелки и пошагали в сторону от путей – на протявшуюся дорогу с лужами.

– Сейчас какие планы? – Ваня выглядел уставшим, и, видимо, не очень уже верил в авантюрное мероприятие с походом.

– Что-то ты невесёлый, Ваню, – Леший попытался подбодрить Ваню, – поднимемся на Курорт, там есть, где палатку поставить. Или, по крайней мере, гамаки развесить. А утром спустимся, да потопчем дальше.

– Дельно, – согласился Ваня, – только я чего-то подустал.

– Вот и отдохнём. Отогреться не обещаю, но посидеть позалипать можем.

После станционной платформы снова пришлось идти вдоль путей и низеньких синих светофоров на станции. Леший приблизительно помнил, где начинается тропа на Курорт, и сейчас высматривал уходящую к скалам тропку. Бла-

го, не доходя будки стрелочника, эта тропка вправо обнаружилась.

Они подошли по проваливающейся тропке к забору у насосной станции. Слева от него начиналась круто уходящая вверх тропинка, меж двух известняковых утёсов. Когда, с превеликим трудом они взобрались на вершину скалы, перед ними открылась ночная панорама.

Вдали слева сияли огоньки Нижних Серёг, прямо под ними лежала полутёмная станция, а за ней – райончик "Шанхай", или Леспромхоз, из которого доносился лай собак. Напротив – находились корпуса курорта, танцплощадка и какая-то заброшка

– Заночуем в заброшке? – предложил Леший, – там, по крайней мере, палева не будет.

– А как пробраться туда?

– Полагаю, лучше напрямую, а не через курорт, – предложил Леший. Решение было не из умных: пришлось надевать снегоступы и осторожно идти вдоль склона и под деревьями. Снегоступы действительно держали на осевшем апрельском снегу, но при этом надо было сильно менять походку. Идти "вразвалочку", шаг за шагом непривычно нагружать ноги. И спустя несколько минут Ваня, а за ним и Леший, достигли красного кирпичного здания с заколоченным круглым окном и островерхими скатами крыши.

Пройдя под козырёк подъезда, Леший осмотрелся. Свежих следов со стороны Курорта к этой заброшке не было,

что радовало. Значит можно пойти и разведать.

Ваня поднялся наверх, и оттуда кричал:

– Леший, Леший! Смотри что я нашёл! Тут и впишемся!

Леший поднялся к Ване. Он стоял на чердаке перед квадратным проёмом окна с видом на станцию, "шанхай" и горы за ними.

– Охуенно. Заночуем с видом. Тут можно и газовку зажечь спокойно, никто не увидит.

Леший распаковал рюкзак, достав оттуда пенку и тёплый спальник.

В это время Ваня возился с газовой горелкой, кипяча воду.

– Надо завтра будет воды намутить ещё. Эта – с дидинского родника – скоро кончится.

– Придумаем что-нибудь.

После небольшого ужина из макарон с колбасой, Леший раскуривал трубку, сидя в спальнике.

– Не передумал ещё по лесам ходить со мной?

– Если б я передумал, уехал бы прямо с Дидино, – сказал Ваня, – Сейчас поспать хорошенько, а завтра буду огурцом.

– Трейнхоп тебя вымотал так?

– Да уж. Там голова болит сильно от шума. И замёрз. Сейчас-то ладно, согрелся пока шёл.

– То ли ещё будет...

Леший пробежался по помещению, натаскав сухих досок, подложил их под пенки, соорудив таким образом сносные

лежаки. Рюкзаки со снарягой накрыли костровым тентом. После чего Ваня начал выпытывать у Лешего подробности его суточного сидения в туннеле.

– Сначала там было моё, – Леший запнулся, – альтер-эго. Персонаж из снов, который меня ведёт по жизни последний год. Он всякие испытания мне устраивал. А потом – последний эпизод сна. Там я встретился вот натурально с самим собой. А потом уже проснулся...

– Как ты думаешь, я выдержу.

– Мне кажется, что да. Ты собраннее меня во многом. В любом случае это интересная практика.

Леший свернулся калачиком, положив "Гром" на себя сверху, а ноги сунув в рюкзак...

– А ты молодец, друг мой Волосатый, – Волк сидел рядом с Лешим в проёме бывшего окна, свесив ноги в сторону города, – нашёл хорошее место для ночёвки, проехал на товарняке без моей помощи.

– А я-то думал, что ты постарался.

– Я не всемогущий бог, – Волк ухмыльнулся, – это твоя харизма и хорошее настроение машиниста. Сейчас тебе надо отдохнуть, поэтому отдыхай...

Лешего, не успевшего ничего ответить, утащило в "Сон-фильм"...

Утро наступило для Лешего лучом солнца на потолке за-

брошки. Он снял с головы шапку и колпак спальника, вылез и огляделся.

"Мда, – думал он, – здесь хотя бы не бомжатник, а просто заброшка. Вода замёрзла. Ваня, подъём". Последнее он сказал вслух.

Ваня, свернувшийся в своём спальнике криветкой, высушил голову.

– Доброе утро. Мне Света снилась, не хотелось просыпаться.

– Понимаю, – Леший показал бутылку со льдом, – Чего делаем?

– Будем греть, – сказал Ваня, – У меня есть, на завтрак хватит.

Он извлёк из спальника бутылку с водой.

– А ты запасливый.

– Это я вчера себе грелку сделал вечером, горячей налил.

Она себя окупила.

– Правда сейчас там куча растворённого пластика плавает, хотя хули нам, кабанам?

После нескольких минут колдовства с газовой горелкой, был вскипячён чай, согрета заледеневшая бутылка и замучен бесподобный завтрак: похлёбка из булгура, очищенных семечек и риса с "куриным кубиком" и сервелатом вприкуску.

Ваня, из соображений практичности, оставил немного ки-

пятка в кружке, подогрел его и обмыл всю посуду, чтоб после протереть туалетной бумагой. Леший глядел с некоторым восхищением: он на таких вылазках посуду, в лучшем случае, бумагой протирал перед упаковкой. После сборов рюкзаков Леший решает сходить за водой, попутно набрав минералки, в курортский бювет.

В это время Ваня сидел на рюкзаке и смотрел на вид Орловой горы, на промоины в реке Серге и на маневровый тепловозик, тащащий вагоны.

Леший прокрался под ёлочками до панельно-пятиэтажного корпуса курорта, держа в руке две бутылки. У первых попавшихся бабушек он спросил как пройти к бювету, ему показали на небольшое крыльцо.

Потянув тяжёлую дверь, Леший оказался в тёплом просторном помещении с пальмами в кадках и несколькими кранами у стены. Всё было подписано, так что из одноразового стаканчика Леший напился местной "солёнки"²⁸³, наполнил такой же стакан для Вани, а две бутылки набрал пресной водой.

Обратно шёл, держа в одной руке пластиковый стаканчик, а особенно весело он скакал с ним по сугробам перед входом в заброшку.

– Ваня, я тебе на пробу принёс местной "солёнки".

²⁸³ Минеральная вода "Нижнесергинская".

– Ух, какая, – сказал Ваня, осушив стакашек, – идём?

– Пора. Только теперь по официальной тропинке пойдём.

Леший с Ваней прибрали весь мусор в пакетик, нацепили рюкзаки и отправились в сторону жилых корпусов курорта.

На аллее с редкими бабушками, кормящими птиц, двое путешественников с рюкзаками и снегоступами смотрелись, мягко сказать, неуместно. Леший метким движением запустил пакет с мусором в ближайшее ведро, а потом последовал вниз по тропке, вьющейся среди кустов высаженной здесь жёлтой акации.

Быстро преодолели спуск, да пошагали по тропинке к протаявшим путям. Благо, шагать по шпалам здесь было не сложно. Леший шёл по шпалам в пустоте собственных мыслей и молчании. Молчал и Ваня, будто обдумывая что-то.

Быстрым темпом они преодолели трёхчасовой путь до Половинки. Возле ЖД казармы решено было сделать привал. Ваня раскопегарил "газовку", а Леший стал забивать трубку.

– Скоро придём, – сказал Леший, – Здесь имеет смысл надеть снегоступы, потому что иначе парковцы нас выпалят.

Ваня принялся привязывать снегоступы к своим ботинкам. После перекуса тронулись в путь. Идти в снегоступах было всё же тяжело, поэтому буквально через пару сотен шагов Леший остановился, достал топор, и соорудил себе "посох" из вырванной кем-то осинки.

День радовал хорошей погодой. Было тепло, так что мож-

но было снять пуховик и приторочить его к рюкзаку. Над лесом раздавались похожие на звон колокольчика голоса синиц-гаичек и короткие трели дятлов, обозначающие брачные территории. Леший вёл напрямую вниз к реке.

"Карстовый мост²⁸⁴, – думал он, – вполне подходящее место для ваниного уединения. Там как раз есть подходящая нора с одним выходом, в которой можно укрыться одному. А рядышком – потаённая избушка, целых две. В одной из них, скорее всего, я и заночую. Вопрос только в переходе реки..."

Когда дошли до реки, Леший аж присвистнул. На вроде бы прочном льду были наледи почти по колено глубиной.

– Рискнём?

– Хер знает. Надо переобуться.

Пока развязывали снегоступы, надевали бахилы ОЗК, подтягивая их с помощью ремешков, а потом снова навязывали снегоступы, прошло полчаса. В это время Леший успел забить трубку, и теперь пускал дым, как капитан "Титаника". Он осторожно ступил на лёд...

– А держит! – крикнул он, – почапали?

– На снегоходный след надо, там плотнее, – сказал Ваня и тоже шагнул на лёд.

Действительно, по льду реки шёл снегоходный след, аккуратно объезжавший промоины. Теперь шагалось легко,

²⁸⁴ Скала в природном парке "Оленьи Ручьи".

не смотря на временами появляющуюся наледь и промывы льда.

Леший шёл впереди, выдыхая в пахнувший озоном и ивовой корой воздух вишнёво-табачный дым.

Спустя несколько поворотов и известковых утёсов, показался именно тот, к которому жаждал выйти Леший. По левую руку появилась массивная скала, прогрызенная пещерами в нескольких местах. А напротив – стояла непонятная железная конструкция.

– Это Карстовый мост.

– Почему мост?

– Он, во-первых, сам по себе мост: если на гребень подняться, то с одной стороны река, а с другой – карстовая воронка, горло которой – эти три отверстия. А во-вторых – тут до конца девяностых мост висел. Правда, висел низко, и в паводок воду цеплял. Однажды он подмолотил под себя целый плот с кучей молодых пацанов сергинских²⁸⁵. После этого решили его разобрать: много тут народу на сплавах погибло в те годы, не только на мосту.

– Мраченько. А что там?

– Есть пещера сквозная, есть пара ниш и норок. Там я тебя и хочу оставить на сутки.

– А сам куда?

– Тут избушка рядом есть, – сказал Леший, подходя к

²⁸⁵ Эта история произошла в 1998 году.

скальной стенке Карстового Моста, – на левом берегу тоже.

– Покажешь нору?

– Туда и идём.

Леший снял снегоступы, поднялся по осыпи внутри воронки осторожно, чтобы нечаянно не сбросить камень на Ваню, а только потом остановился, поманив его.

– Вот эта нора. Слазь, посмотри.

Ваня сбросил рюкзак и надел налобник, занырявая внутрь.

Через минуту он показался.

– Там по крайней мере сухо. Идёт.

– Только сначала сходим до избушки, сбросим вещи. В такую пору вряд ли кто-то кроме мышей на наши рюкзаки позарится, – сказал Леший, взваливая на себя рюкзак и продолжая подъём, – поверху пойдём до избушки.

В это время солнце уже шло к закату, завершая свой апрельский путь по небосводу. Стайки синичек продолжали преследовать путников, пока те пробирались к избушке. Леший помнил направление, поэтому уверенно шагал между ёлками и берёзками без всякой тропы. Ваня же решил просто довериться, как Леший когда-то доверялся самому Ване, бродя с ним на Буготакских Сопках под Новосибиром.

Вот впереди показалась низенькая, занесённая снегом, избушка, стоявшая под прикрытием высоких деревьев.

"Мда, видимо здесь зимой никто не был, – думал Леший, – как бы крышу не продавило"

– Надо будет разгрести снег с крыши

– И намотить дров.

– С последним проблем нет. Видел валежину сто метров до сюда?

– Ага. На сутки точно хватит, если не напрягаться.

Леший с Ваней сбросили рюкзаки и принялись расчищать пространство перед домиком, чтобы хотя бы открыть дверь. Спустя полчаса упрямая дверь поддалась, и Леший с силой дёрнул её. Внутри пахло сеном и берёзовой копотью. На низеньких нарах было навалено тряпьё, а по полу шерудели мыши. Одна из них пыталась залезть в нору в полу, но, видимо, в суете не получалось, и она отчаянно пищала.

– Продукты надо сразу подвесить на потолок. Тут гвозди специально висят.

Пока Ваня сбрасывал железным листом снег с крыши, Леший сходил за дровами. Наломав с еловой сухары толстых ветвей, он связал их верёвкой и взвалил на спину.

– На ночь охапки точно хватит, если только печку топить.

Ваня сунул замёрзшие пальцы к подождённой Лешим полоске бересты, которая разгоралась в железной печурке, разогревая и разжигая мелко наломанные еловые ветки.

Когда в избушке стало более-менее тепло, Ваня встал,

подхватил свой рюкзак и сказал:

– Пора.

– Найдёшься по следам?

– Куда я денусь. Контрольное время завтра в пять вечера.

– Береги себя, Ваня, – Леший пожал руку Ване, – Встретаться с собой неприятно. Аккуратней вылезай, проверь реальность происходящего.

– Знать бы как её проверять...

– Спроси Свету как-нибудь. Она подскажет. Может, даже во сне, если хорошо позовёшь.

– Всё-таки вы все немного психи, – сказал Ваня.

– Не "вы", а "мы", – улыбнулся Леший, – удачи!

Ваня хлопнул дверью избушки, и Леший остался один.

Сначала он слушал шорох уходящих шагов Вани, писк мышей и гул печки. Потом – вышел из избушки.

Там догорали вечерние сумерки, небо вызвездилось. Из рта шёл пар. Леший добавил ещё дров в печку, так что её поверхность начала светиться в темноте, разделся догола и выбежал на снег.

С криком: "Ох, блядь! Ах, сука!" он обтирался колючим снегом, зная, что его никто не видит. После пары минут такого самобичевания, он забежал обратно в избу, где на красной печке булькал котелок с отваром чабреца.

Перед сном он закинул ещё дровишек и положил под нары кусочек хлеба для местных грызунов, чтобы те не пыта-

лись исполнять акробатические трюки над спящим Лешим, пытаясь добраться до завязанного мешка с продуктами, висящего на потолке²⁸⁶.

Стояла тишина, нарушаемая лишь звуком сердцебиения Лешего и гулом печки. Леший лежал на развёрнутом спальнике, закинув руки за голову, и смотрел в темноту потолка. Он, наконец, наслаждался блаженной пустотой в голове и плавно погружался в сон.

Лешему снилась Ди. Они вдвоём сидели на крутом склоне холма с белоснежными скалами. Под холмом проходила железная дорога, а за ней простиралось русло небольшой речки. На склоне цвели дикие степные тюльпаны, колыхаемые тёплым ветерком.

– Здесь красиво.

– Что это за место? – спросил Леший.

– Я не знаю. Да важно ли это? Ты опять мне спишься?

– Да. Только ты не просыпайся пока, – Леший схватил Ди за руку.

– Я скоро хочу ехать в сторону Питера, – сказала Ди, – Сначала просто стопом, посмотреть что-куда. И может быть осесть там.

– И будешь через нас проезжать?

²⁸⁶ Тем, кто ни разу не видел, как мыши пытаются забраться в мешок с едой, висящий на крючке на потолке, рекомендую посмотреть. Занимательное зрелище.

– Да. Составь мне компанию на какую-то часть маршрута?

– Я хочу поступать в университет. Это в июне. А если в мае – с радостью.

– Я хочу проехать часть пути с тобой. Это важно. Ты любишь мир, и всё вокруг тебя, а мне надо научиться это делать.

– Ты так откровенно говоришь сейчас.

– Это же сон, как иначе говорить во сне?

Они замолчали, смотря на пейзаж. Откуда-то в голове Лешего промелькнуло название реки: "Тихая Сосна"²⁸⁷.

"Интересно, где это?", – подумал Леший и проснулся.

Тихо потрескивали уголья в печке. Леший подбросил дровишек и снова провалился в сон.

– Леший! Волосатый! – голос Волка опять звучал хлыстом, – слушай меня внимательно сейчас.

– Волк, я же сплю...

– Сейчас проснёшься. Короче, твоему другу уединение на пользу не пошло. Иди, выручай товарища.

– Что делать? И в чём выражается?

– Здоровье у него не такое, как у тебя. Он подпростыл и устал, а сейчас, на холоде, ему вообще херово может быть. Так что ноги в руки, берёшь снегоступы, фонарик, и прямо

²⁸⁷ Приток Дона в Воронежской области.

сейчас подрываешься к его норе. И печку получише растопи!

Леший проснулся, быстро оделся, закинул дров в печку и выскочил на улицу. Небо над головой заволокло рваными низкими облаками, сквозь которые проглядывали звёзды. Сыпал редкий снег. Леший привязал снегоступы, подхватил палку и на ходу запахнул "Гром".

На подъёме к Карстовому мосту Леший увидел снегоступы Вани, прислонённые к дереву. Он разулся сам, и с тревогой начал спускаться по осыпи воронки.

У норы Вани он услышал тихие стоны, и посветил туда фонариком.

– Ваня, просыпайся!

– Леший?

– Глючу тебе, блядь! – Леший шлёпнул Ваню по щеке, – Ох, да ты бледный весь. Вставай и пошли!

– Куда? Зачем?

– В тепло.

– Там... Рюкзак... – голос у Вани был охрипший и вялый.

– Щас достану, блядь, ты сейчас бегом побежишь! – Ваню била крупная дрожь, – Спальник свой возьми и укутайся!

Леший достал ванин рюкзак, спихал в него торопливо все вещи, и выбрался из норы.

– Поднимайся наверх, шнуруйся. Закончилось твоё затворничество.

Леший понял, что дело плохо, когда Ваня упал, пытаясь

зашнуровать снегоступ на ноге.

"Бля. Чего делать? – думал Леший, – Бежать за помощью сейчас не реально: самому не хватало в промоину провалиться, да и помощь подоспеет только к утру... Только в избу"

– Ваню, давай свой рюкзак, и опирайся на плечо... Бля. Плохая идея.

Под ногами Лешего поперёк сломался снегоступ. Он выругался про себя, и стал его сматывать.

– Ваня, ты говорил, верёвка есть у тебя?

– Да. В рюкзаке лежит.

– Садись-ка на куртку мою, – Леший сбросил "Гром" с плеч, – прямо завёрнутый в спальник и садись!

Он полез в ванин рюкзак, накопав там десятиметровый отрез троса. Потом обул ванины снегоступы. Протянул трос в рукава куртки...

– Я хуй знаю, выдержит ли. Ты сиди, держись за верёвку. Но кутайся в спалку!

С этими словами Леший впрягся в концы верёвки, обмотав их вокруг пояса и груди.

Налобник высвечивал лешевские следы, чёрные стволы деревьев и падающие белые снежинки. Вокруг звенела тишина, нарушаемая шумным дыханием Лешего и тяжёлым хрустом импровизированных волокуш на прихватившемся снегу. Стоит сказать, что куртка с достоинством выдержала все издевательства над собой.

"Раз-два-раз-два, – отсчитывал про себя Леший шаги, – надеюсь, всё хорошо. Только бы дотащиться. Чё ж я не догадался термос с собой взять? И почему Ваня, при всей его расчётливости, с собой термос не взял, и горелку?"

– Оставь меня тут, я полежу и дойду.

– Этого ещё блядь не хватало! Сиди, не мороси! – рявкнул Леший.

Через какое-то время показались искорки из трубы, а в свете тусклого фонаря высветилась избушка. Леший бросил ванин рюкзак – идти стало чуть легче. Дотащил Ваню до входа, скомандовал ему раздеваться и ложиться на спальник, а сам бегом побежал за рюкзаком, прыгая по снегу и проваливаясь в него.

Вернувшись обратно, Леший застал Ваню в той же позе, сидящим на "Громе", закутанным в спальник.

– Тебе жить надоело? – Леший был суров, – Вставай сейчас же и марш в избу!

– Тяжело... Блядь! – Ваня шатнулся и опёрся на столб. В это время Леший размотал снегоступы, достал верёвку из "Грома", и за шкирку затащил Ваню в жаркую избу, раздев того до трусов и уложив на свой спальник. Спальник же Вани и свой "Гром" он развесил под потолком на перекладинку у печки. Подкинул дров в печь и поставил греться чай.

– Щас ебани чаю, – скомандовал Леший Ване, – потом

обоссись и падай, спи. Если чё зови, я рядом.

– Хуёво мне, Леший. Как там Света без меня?

– Не бредь тут, оптимист. Рассказывай чё видел, чё было?

– Тяжело рассказывать...

Из сбивчивых объяснений Вани за кружкой горячего чая, Леший понял, что Ваня, вымотавшийся до этого, предпочёл спокойному отдыху в теплой избе ночлег в холодной и тёмной пещере. А там на него навалились всякие страхи, потом озноб. Да такой был сильный страх, что Ване еле хватило духу на всё. Апофеозом стало явление Лешего...

Потом Ваня слез с нар и, шатаясь, проследовал в туалет. Леший, на всякий случай, подсветил ему путь до двери и придержал Ваню, чтоб тот не грохнулся. После чего запихнул его в спальник, наполнив бутылку горячей водой и положила её Ване за спину.

Перед рассветом Леший сам провалился в сон, тяжёлый и без сновидений. Он спал в одежде рядом с закутанным в спальник Ваней.

Проснулся он от холода, подкинул в печку ещё дров и выглянул на улицу.

"Однако, – подумал Леший, глядя на свежавыпавший снег, – главное вовремя схвататься в тёплую избу. Надо за

дровами ползти, если сегодня тут днёвку устраивать"

Леший снял свой подсохший "Гром", забил трубку и посидел на "пенке" перед избой, глядя на молодые сосенки бывшего покоса и падающий апрельский снег...

В тот день Леший трогал ванин лоб, поил его чабречным чаем, помогал при выходах в туалет. Попутно таскал дрова от сухостойной ёлки. Ваня кашлял, с мокротой. Леший опасался, что у Вани воспаление лёгких, но вслух не говорил. Понимал в глубине души, что надо искать переход через реку без промоин, дабы вернуться в цивилизацию кратчайшим путём. Ибо экстрима хапнули они оба.

– Спасибо тебе, Лёха, что вытащил меня из норы, – завернувшийся в спальник Ваня сел на откопанный Лешим пенёк, – я ведь решил, что мне уже совсем пиздец и приуныл...

– Оклёмывайся. Завтра в цивилизацию выходим. Пока в себя не придёшь, никаких тебе дальше дорог. Поедем ко мне в Михайловск, там ещё потупишь день-два...

– Мне Света снилась. Она сказала, что тебя привёл Волк ко мне ночью.

Леший напрягся.

– Что ещё она рассказывала?

– Про то, кто такой Волк. Это, по её словам, колдун, который вас всех познакомил.

– Ну, в общих чертах, да.

Они беседовали неторопливо. Леший рассказал Ване про Волка, про Манула, Лосика, Полину и всех, кто был с ним за эти полгода...

– Как мне иногда не хватает такого друга из снов, – грустно сказал Ваня.

– У тебя есть, как минимум, Света и я. С остальными могу познакомить.

– А они тоже путешествуют стопом, как и ты?

– Не все стопом, но путешествуют.

– Хочу Свету в конце апреля дёрнуть к родне в Харьков.

– Круто тебе. Я не был в Харькове.

– Приезжайте. Хоть все. Ты тут меня тащил на себе, значит буду проявлять гостеприимство там, где провёл своё детство...

– Я предложу ребятам.

Этой ночью Лешему снился чердак Манула. Светились на стенах узоры в свете ультрафиолета, шёл пар от кружечек с чаем... По кругу сидели Манул с Полиной, Света с Ваней, Лосик и Ди. Леший сидел как раз между Ди и Лосиком.

– Я с вами поехать не смогу, – сказала Лосик, – у меня сессия.

– А я в Питер еду, – сказала Ди.

– Нет, ты сначала в Харьков, а потом в Питер, – сказал Манул

– Со мной в паре, – вклинился Леший в разговор.

– С тобой хоть на край света, – сказала Ди, а Лосик улыбнулась

Манул разложил карту.

– Вот тут поедем вместе, – сказал он, проведя пальцем по железной дороге от Уфы до Самары.

– А затем встретитесь здесь, – Точка на карте, в которую упёрся палец Манула, называлась "Дивногорье"²⁸⁸.

– Что тут? – спросил Леший.

– Дивногорье. Святое место у многих древних и нынешних, – ответил Манул, – Сотня километров от Воронежа, плюс-минус. Туда нужно мне самому. А оттуда уже в Харьков.

Дальше Леший слушал, чуть отстранясь. Он смотрел на Ди. И понимал, что Ди надо свозить именно туда. И что прошлый сон с ней, меловые скалы, речка "Тихая Сосна" и степь с тюльпанами – это и есть мистическое Дивногорье.

Из речи Манула выходило, что Харьков – это один из мистических и "Энергуйских" городов бывшего СССР. Лешего тащило в "сонфильм" про Харьков, куда вплелись фэнтезийные рассказы Олди и Лукьяненко²⁸⁹, где упоминался этот город...

²⁸⁸ Музей-заповедник "Дивногорье", в Воронежской области. Меловые скалы "Дивы", пещерные монастыри и степь.

²⁸⁹ У этих писателей-фантастов Харьков вообще часто упоминается. Кто-то однажды даже назвал Харьков родиной советского фэнтези.

Утро наступило тихо и неслышно. Леший проснулся в тепле, заботливо укрытый собственным спальником. Где-то за стеной избы время от времени было слышно ванины вздохи, покашливание, шорохи и щелчки.

– Доброе утро, – сказал Леший, – Ваню, ты ожил?

– Я решил починить снегоступ. Выбираться – так с комфортом. И ещё сходил на разведку. Там ниже по течению, километр отсюда, можно реку перейти.

– Это хорошая новость, однако, – Леший высунулся с трубкой, пожал руку Ване и сел рядом с ним на пенёк, раскуривая трубку.

– Ты мне сегодня снился.

– И что там я делал?

– Сидел в кругу. Там же была Света, и ещё какие-то люди. А помещение было такое, со всякими узорами на стенах...

– Крутота... – Леший многозначительно замолчал, а потом вовсе сменил тему, – Тогда надо собираться.

Грустно это, покидать обжитое место. Даже такое, как маленькая избушка в лесу. Леший аккуратно затушил печку снегом, сложил запас сухих дров под нары и прикрыл дверь.

Они с Ваней навязали снегоступы на ноги, взвалили рюкзаки на спины и пошагали по следам разведавшего Вани.

Реку в указанном Ваней месте действительно можно было перейти: через Сергу здесь даже шёл снегоходный след. По-

сле перехода, по следу шагать было уже проще. Леший даже взмок, пока поднимался от реки, но зато скоро пожал плоды всего: и снегоступов, и этой тропы. След вывел Лешего и Ваню напрямиком к скале Утопленник, от которой шла широкая и натоптанная пешеходная тропа. Теперь можно было идти даже без снегоступов.

– Оставим их здесь? – предложил Ваня

– Не, донесём до одного моего знакомого, – ответил Леший.

В Бажуково Леший повернул с натоптанной тропы к хибарке Анатолича. Вежливо постучался в окошко рядом с окованной серебристой жёстью дверки.

– Кого там принесло? О, Алёха, здорово. Заходите оба.

За чаем у Анатолича Леший вкратце поведал их приключения в апрельском лесу, Ваня похвастался снегоступами.

Леший решил нагло воспользоваться "связями", вечером их с Ваней "с ветерком" увезли в Михайловск на парковской праворукой "тойоте"-минивэне.

– Спасибо большое, удачи вам! – крикнул Леший.

Ваня же был молчалив и разглядывал апрельский Михайловск.

– Ну, а теперь пошли ко мне, – скомандовал Леший, – я же ещё руководитель похода?

– Ага. Недолго тебе осталось быть руководителем, – улыбнулся Ваня, – а вообще – здорово погуляли.

– А то...

"Вот я и дома, – думал он, – И это, на сей раз, хорошо".

...

А через два дня, отъевшийся и отоспавшийся Ваня покинул квартиру Лешего. Сегодня Ване надо было ехать на Уфу и далее на запад, а Лешему – в Ёбург. Его родители и сердобольные дедушка с бабушкой нагрузили "сибирского гостя" едой, так что Ванин рюкзак весьма отяжелел.

Они шагали по протаявшей грунтовке от "Уфимки", где возле моста через Уфу Леший показал Ване позицию для автостопа на юг и запад.

– Здесь дальнобой ходит на Уфу весь, – сказал Леший, – но можно и дальше словить спокойно. Как повезёт, короче.

– Моё предложение про Харьков в силе, кстати. Приезжайте. Все-все.

– Я передам друзьям, – сказал Леший, – Доброй тебе дороги, Ваню!

Они пожали руки, обнялись и разошлись. Ваня пошагал через мост, а Леший, пиная оттаявший камешек, пошагал обратно, на позицию в сторону Ёбурга.

Глава 13. Горы, ручьи и реки.

Леший встретил Манула в переходе. В это время Леший играл "Бесимся" Вени Дркина, и опять закрыл глаза.

– Переход по тебе сучал, – сказал Манул.

– И тебе привет, Манул. Ты чего один?

– Полюха в Перми пока. Готовишься к поездке? А к поступлению в ВУЗ?

– К ВУЗу да. А про поездку – сам хотел спросить.

– Пора бы привыкнуть, что коллективные осознанные сны – это не просто бред больного воображения, а решения, принятые и обсуждаемые там, равноценны решениям из яви.

– Я выдохнул.

– Волк говорил, что ты работаешь с собой. И у меня есть предложение, пока мы не тронулись в дальнюю дорогу.

– Заинтересовал. Просто дашь мне пиздюлей, или устроишь мне маленький Шаолинь? – съязвил Леший.

– Ни то, ни другое. Да и пиздюлей тебе дать не за что. А вот идея насчёт "маленького Шаолиня" близка. Но тоже не то.

Леший зачехлил гитару и в компании Манула пошёл к выходу из перехода.

– Что ты знаешь о мире слепых?

– Нормальных слепых?

– А что, ненормальные бывают? Тех, кто не имеет зрения.

Как они ходят и ориентируются в пространстве?

– Слухом. Осязанием. На запах.

– Ещё чутьём собственного тела. На языке медицины это называется "проприорецепция", кстати. Знанием положения своего тела относительно местности.

– Круто. Что ты предлагаешь?

– Походить с завязанными глазами. Я повожу тебя по местности. Будешь ходить на звук шагов. Ты под Полевским бывал?

– Нет, ни разу. Хотя хотелось.

– Завтра поедешь со мной? Походим у Азов-горы²⁹⁰. Там как раз тропы просохли уже.

– Трейнхопом?

– Нет. Автостопом поедем, неделимой двойкой, – Манул забил трубку и затянулся, – Мне тоже надо учиться у тебя. Всякое может быть в большом пути, и автостоп будет хорошей практикой для меня.

– Хммм. Ладно. Я ни разу не ездил в Полевской. И на Азов-гору.

– Ну, язык до Киева доведёт, – улыбнулся Манул и выпустил струю дыма.

Город в апреле всегда пыльный. Апрель в Екатеринбурге – то время, когда вроде уже и солнце, и сухо, и тепло может быть. Но при этом ощущение пробуждающейся жизни, случающееся апрельским днём в лесу, в городе сведено на нет. Разве что на неприбранных пустырях зацветут мать-и-мачехи, да выползут гопники жарить шашлык. Но город будто замирает в ожидании. В ожидании первых гроз и массово лезу-

²⁹⁰ Невысокая, но овечья легендами гора в окрестностях города Полевского. Подъём туда несложный, на вершине несколько живописных скал из кристаллических пород.

щей из всех газонов зелёной травы. Первые грозы с ливнями смывают всю пыль и грязь. А трава скроет изъяны городских изнанок. Вот и этот вечер в городе был таким: тёплым, пыльным. На Плотинке толкались неформалы с пивом, один из них вынес комбик с микрофоном и пел "Тыкидал-тыки-тыки-тыки-дал..." Пыль была кругом: от строителей, перекладывавших плитку возле ротонд²⁹¹, от дороги, просто вытаявшая из сугробов за зиму.

Леший, вызволив Лосика, предложил ей встретиться и прогуляться с термосом. Лосик, в балахоне с "Пилотом", джинсах и кедах, с курткой через плечо, шла с ним под руку.

– А давай в какое-нибудь странное место заберёмся, да поговорим там. Я вот очень люблю такие локации в городе, когда все "где-нибудь там", а ты всех видишь, но тебя не видит никто.

– Даже на "Плотинке" такие места есть, – сказал Леший, – Можно просто сесть на "мыс" над сливом Плотины. Можно залезть на кедры. Или на "Флаги".

– Ох ты! А давай на "Флаги" залезем?

"Флагами" Леший называл красные железные конструкции "Ордена Ленина", который некогда был присуждён го-

²⁹¹ В городе тогда шла подготовка к саммиту шишек окружающих стран (или просто ШОСу), поэтому весь центр глобально ремонтировали. Построили ротонды на Плотинке, переложили плитку.

роду Свердловску, и с тех пор стоял на Плотинке²⁹².

Леший осторожно обогнул тусовку неформалов, игравших и пивших пиво прямо под "Флагами", забрался внутрь железной конструкции сам и подал руку Лосику. Лосик, ловко взобралась туда. Они сидели на корточках, между железных стяжек и передавали друг другу чай в крышке термоса.

– Интересно, здесь кто-нибудь уже вписывался?

– Я вот тоже смотрю. Можно развесить здесь гамак, например. Только вот сверху капать будет. Зато никто не увидит, – улыбнулась Лосик.

Они говорили о многом: о сессии Лосика, о лешевской подготовке к поступлению. Плавно разговор сместился и на предстоящую большую дорогу.

– Интересно, кто решает куда и как поехать?

– Все вместе. И Волк иногда, в меру своего колдунства, способствует, – сказала Лосик.

– Жаль, что ты не поедешь.

– Леший, с тобой поедет Ди.

– Она мне не звонила и не писала ничего ещё. Так что это "вилами по воде".

– Вы же во сне договорились! И мы все это слышали.

– Наверное, Манул сказал правду, и я до сих пор перепроверяю всё, что снится.

– Ди приедет. Я тебе обещаю, – Лосик взяла Лешего за руку и добавила шёпотом, – Я же ведьма, я знаю.

²⁹² Снесён в 2013 году.

Леший улыбнулся.

Он проводил Лосика до троллейбуса на "Куйбышева".

– Завтра Манул обещает мне какую-то встряску.

– Если уж Манул за тебя взялся, то "встрясёт" обязательно. Меня когда-то Света хорошо встрясла.

– Ты не рассказывала...

– Потом пусть она сама расскажет. Насколько понимаю, вы увидите.

Лосик обняла Лешего и поцеловала его в щёку. Он, со смятением чувств, смотрел вслед уезжавшему троллейбусу, а затем развернулся и пошагал к "Философам" на вписку.

А на следующий день Леший в компании с Манулом сели на "городскую электричку" на Вокзале. Леший, рассудив, что так будет быстрее добраться до выезда на Полевской, решил ехать до "Керамика" на собаке. В дороге Манул разложил содержимое своего рюкзака, в числе которого была чёрная повязка и штурмовая маска из мелкоячеистой железной сетки, чёрного цвета.

– Это твои аксессуары. Остальное – приложится.

Сойдя с электрички, Леший с Манулом долго и молча топтали вдоль дороги, пока не вышли на окраину, где кончались дачки и пересекали дорогу провода линии электропередач с ажурными трёхногими мачтами. Леший бросил монетку и поднял руку. Манул же просто стоял, глядя на дорогу и ма-

шины.

– Манул, сделай лицо попроще. Ты слишком суров для этого дня и этой трассы.

– Я попытаюсь, – сказал он и улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное.

В этот же момент остановилась машина: серая "Тойота" с дядькой в наколках.

– Здравствуйте, мы в сторону Полевского автостопом едем.

– Садитесь, пацаны. Я сам по жизни бродяга, и вашего брата знаю.

Манул сел на заднее сиденье, а Леший – вперёд. Водитель вдарил по газам и включил какой-то шансон.

– Вам в Полевском-то куда надо? Я в Зюзелку вообще еду, – спросил водитель, когда справа от дороги потянулись первые девятиэтажки Северского²⁹³.

– Нам подходит. Мы на Азов-гору.

– Так я вас подкину до подножья даже.

– Идёт.

После этого машина какими-то буераками и промзонами выбралась на дорогу в Зюзелку. Водитель, имени которого Леший так и не узнал, действительно довёз их прямо до начала дорожки на Азов-гору. Здесь уже "рулил" Манул, под-

²⁹³ Город Полевской, состоит из двух частей: собственно Полевского и Северского. Раньше это было два завода и два разных города, но в середине 20 века их объединили в один.

сказавший где надо остановиться и куда идти.

– Спасибо огромное, удачи вам!

– Удача у дачников. У нас, бродяг – фарт!

– Тогда фарту вам!

– Взаимно, – сказал водитель, лихо развернувшись в пыли и умчав в сторону Зюзелки.

Вокруг была почти звенящая тишина, среди которой Леший начал слышать трескотню дроздов, стуки дятлов и журчание ручьёв вдали. Снег по лесу ещё встречался, обдавая прохладным ветром среди солнечного дня...

...Леший молча шёл по тропе, слушая шаги Манула. Повязка на глазах плотно скрывала взор Лешего. А по словам Манула, одна из лучших тренировок для тела – выключить какой-либо орган чувств. Особенно зрение.

– Идти просто. А теперь побежали!

– Ты смерти моей хочешь, Манул?

– Никто не обещал, что будет легко... Камень впереди, на счёт десять...

"Девять-восемь... – Леший отсчитывал ритм бега, понимая, что скоро надо будет поднять ногу выше, чем при обычном беге, – три-два-один..., Ффух, перепрыгнул"

Леший лишь чуть задел ботинком валун, вскочил на него и изящно приземлился дальше. "Изящно" настолько, на-

сколько это может сделать человек в повязке на голове и защитной маске на лице.

– Дерево на счёт шесть! – Манул бежал впереди...

– Блядь! – упрямая лесина подставила Лешему подножку, и он свалился вперёд лицом на тропу. Если бы на лице не было маски из стальной сетки, он бы разбил лицо. А так – только ушиб руки и вдохнул пыли с тропинки.

– Прозревай, отдохни, – Манул помог Лешему встать и развязал повязку.

Леший осмотрел тропу и сосновое полешко, лежащее поперёк неё.

"Хорошо, что не на острый камень приземлился, – подумал Леший, – в этих местах горные породы очень острые"...

...После всех прогулок вслепую и похода на вершину Азов-горы, где Манул рассказал о бронзе и древних металлургах, Леший начал его выспрашивать.

– Как ты оказался здесь в первый раз?

– Нас с Полюхой сюда Света вытянула. У неё родня в Полевском, поэтому она тут все леса исходила в детстве. Мы приехали, как обычно, на грузовом. И Свету тогда впервые выкатали таким образом. Она нас тут и водила. На Азов, на Думную, на Глубоченский пруд. Тут тоже сказочные места.

Обратно выбираться было сложнее. Сначала шли пешком.

Поймали машину с надписью "Такси", и попросили за пятьдесят рублей докинуть их до Северского и чуть дальше по трассе. Таксист высадил Лешего с Манулом у поворота на Красную Горку. Оттуда, в вечернем холоде и сумерках, они уехали на КАМАЗе с молчаливым водителем до самого Екатеринбурга. Камаз с пустой "шаландой" позади подпрыгивал на ухабах дороги и звучал радиопопсой. Манул даже задремал в дороге, но просыпался, подскакивая на кочках вместе с кабиной Камаза. Леший попросил высадить у электрички, на "Керамике". Тут Леший с Манулом разбежались, пожав друг другу руки и договорившись поведать подробности через сны. Манул отправился на электричку, а Леший поспешил на вечерний трамвай, дабы быстрее оказаться на вписке.

А на следующий день, когда Леший собирался ехать на "стрит", позвонила Лосик, сообщив, что у неё образовался свободный день, и она может поехать куда угодно.

– Леший, твоё предложение съездить в "Оленьи Ручьи" ещё в силе?

– Конечно.

– Ну вот и здорово! – сказала она по телефону, – где и как встретимся?

Леший задумался на несколько секунд, и выпалил:

– Давай на Цирке через час.

Леший спешно пересобрал вещи, наполнил термос чаем, а затем покинул обиталище Ангела и Демона. По дороге он

заскочил в магазин за продуктами в дорогу, и вскоре уже забивал трубку на остановке "бесплатного".

Через пятнадцать минут, как раз к приезду следующего жёлтого автобуса, пришла Лосик, в штормовке, камуфляжного цвета штанах и берцах.

– Рада тебя видеть, Леший, – сказала она, обнимая его, – мне сегодня Ди снилась.

– И что говорит? И почему не снится мне?

– Поедет она скоро к тебе, – с этими словами они залезли в пустой поутру автобус, бухнувшись на сиденья.

Автобус набирал ход, несясь в сторону Московской горки.

– На её голову свалился какой-то странный парень, – говорила Лосик, – который очень хочет ехать в Питер. Прямо-таки привязался к Ди, как банный таз. И, судя по всему, до Ёбурга она поедет с ним. И тебе, я так понимаю, такой пассажир нафиг не нужен.

– Что ты предлагаешь? Ебало ему набить и на пиздюлях до Питера отправить? – в голосе Лешего разыгралась ревность.

– Нет, – сказала Лосик, – всё сложится лучшим образом. По крайней мере, я постараюсь. А мало пишет Ди тебе именно из-за этого парня.

Слово за слово, а автобус уже вырвался из плена городских светофоров, и мчался по улице Metallургов в сторону "Меги".

Здесь Леший проследовал на позицию, держа Лосика за руку.

"Мы могли бы быть красивой парой, – думал Леший, – если бы не законы Лосика насчёт судьбы. Или это не законы?"

Леший поднял руку и стал ждать. Лосик, предусмотрительно прихватившая с собой "пенку", теперь сидела на ней, рядом с Лешим.

Не прошло и десяти минут, как Лешему с Лосиком оставилась белая "пятёрка" с кавказцем за рулём.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– А вам куда ехать надо?

– Нам в сторону Михайловска, до поворота на Оленьи Ручьи.

– Вай, нам совсэм па пути, – с акцентом сказал водитель, – садитэсь

"По правилам хорошего тона с восточными водителями, нужно садиться первому, а Лосику, соответственно, первой выходить", – мелькнуло в голове Лешего заученное до автоматизма, пока он сел на переднее сиденье и открывал изнутри дверку сидения заднего, для Лосика.

– Рассказывайте, куда путь дэржите?

– В "Оленьи Ручьи".

– А что там? Знак видэл, а так – ни разу не заезжал.

– Там красота. Скалы, пещеры, природа.

– А дэвушку как зовут? Чего молчаливая такая?

– Женя, – сказала Лосик, – я его двоюродная сестра.

– Что же вас вдвоём панэсло среди нэдэли?

– Выпало свободное время у обоих.

Водитель замолчал, и включил радио.

"Въезжая на очередную гору, жалею, что не взял с собой фотоаппарат. Смотрю на тебя через зеркало, – думал Леший, мысленно обращаясь к Лосику, – Ты красивая, я знаю это уже давно, но в очередной раз про себя это отмечаю. Кожа твоя любит солнце, а глаза твои любят смотреть вдаль. У меня dalej впереди ещё предостаточно, а у тебя?"

По радио песня, водитель прибавил громкость:

Вдох-выдох, и мы опять играем в любимых
Пропadaем и тонем в нежности заливах,
Не боясь и не таясь этих чувств сильных,
Ловим сладкие грезы на сказочных склонах...²⁹⁴

"Играем и еще как, – думал Леший, слушая текст, – Ты была не со мной и будешь не со мной. Но сейчас ты рядом. И ближайшиe сутки тоже. Мне не сестра и увy не жена. Но пока мы в пути, мы с тобой вместе. А склоны вокруг действительно сказочные".

Водитель-кавказец высадил их прямо на повороте на "Оленьи". Леший с Лосиком, бодро перебежав через доро-

²⁹⁴ Т9 – Вдох-выдох. Популярная песня того времени.

гу, пошагали по асфальтовой дорожке в сторону Бажуково. Дабы избежать регистрации гости, Леший предложил свернуть с тропки прямо в апрельский лес. Благо, снега в лесу уже почти не было. Он лежал лишь под тенистыми елями и на северных склонах логов. А просыхающие быстро проталины уже поросли ветреницами²⁹⁵: на Урале их обычно величают "Подснежники". Пели дрозды, перелетала меж кустами стайка птичек, похожих на воробьёв, но с красной точкой на головке.

– Ох ты! – сказала Лосик, глядя на них, – чечётки²⁹⁶!

– А почему ох ты? Я их часто по весне вижу у нас.

– В том и дело. Они зимуют на юге, в лесостепях. А гнездятся в тундре. У нас только пролётами бывают. Повезло вам!

– Это вас на биофаке учат?

– Ага, – гордо сказала Лосик, когда путь вывел их на рельсы Западно-Уральской, – летом будет практика на "Биосе", там будет зачёт, где надо всех слышимых птиц по голосам разобрать и назвать.

Теперь шагали уже в сторону посёлка, Леший поздоровался с работниками "немецкого" кафе, махнув рукой, прошагал по асфальтированной дорожке до выхода в парк...

²⁹⁵ Ветреничка алтайская (*Anemoneoides altaica*). Или похожая на них Ветреница дубравная (*Anemone nemorosa*).

²⁹⁶ *Carduelis flammea*, птичка семейства Вьюрковых.

...Они стояли на "балкончике" на обрыве. Внизу бурлил весенний разлив Серги, над мутными водами летала стая уток. У воды стояла лёгкая дымка, с неба сыпала мелкая морось. Лосик с кружкой чая стояла, обопёршись на перило "балкончика".

– Я здесь в начале месяца Ваню-тогучинца тащил на себе, – показывал пальцем Леший, – тут напротив как раз избушка, где мы ночевали.

– Что с ним приключилось?

– Он захотел заночевать в пещере, но не рассчитал свои силы, ибо был умаявшийся после дороги. Меня Волк выдернул из сна в тёплой избушке. Я как подорвался! Ну Ваня зато теперь нас в Харьков пригласил.

– Света говорила, что у него родня где-то под Харьковом. Кто-то в самом городе, а дача, или типа того – в пригородах.

– Света с ним из Питера поедет?

– Агась.

Над головами Лешего и Лосика пролетел коршун. Чай в кружке начал остывать, и теперь его хлебал, не любящий кипяток, Леший.

– А расскажи, как ты со Светой познакомилась. И что она за человек?

– Через Волка. Волк меня с ней свёл. Однажды в сентябре я пошла прогуляться от общаги до корпуса. А она там рисовала на стене. Какой-то затейливый растительный орнамент, но маленький-маленький. Я остановилась, а она обернулась

ко мне со словами: "Это ты от Волка?"

– То есть поначалу холодно вато встретила?

– Ну так. А я и не знала, что ей сказать, застеснялась страшно. Да и живы были в голове слова Волка и цыганок. И прабабки.

– А потом?

– Потом она потащила меня в алкомаркет, мы купили бутылку красного вина и пошли на "Метеогорку". Две женщины с проблемами в личной жизни. Она поначалу меня к Волку приревновала!

– С ума сойти. Приревновать к человеку, который снится.

– Ну, это у неё сам выспросишь. Она, короче, думала, что Волк – это её идеал. И что она обязана его в жизни отыскать. Ездил стопом, и на Южный Урал. Излазила высокогорья под Иремелем, но не нашла.

– Почему Иремель?

– Какие-то светины личные догадки. А потом – слово за слово – выспросила она меня и про Тима, и про цыганку, и про прабабку, и про то, как с Волком познакомилась я. На том и сдружились.

– А как ты стопом начала ездить?

– Света меня на трассу вытащила, позапрошлой осенью. Сначала – к её бабушке в Полевской, да на Азовку, на Глубоченский пруд. По первому снегу с ней ездили до буддийского монастыря на горе Качканар²⁹⁷. Тагил, Челябинск, Пермь...

²⁹⁷ Такой действительно есть. "Шад Тчуп Линг" на горе Качканар. Его основали

В Полевской вот часто гоняли по зиме. На Аркаим ездили весной. А там познакомились с Манулом и Полиной. А потом – ты знаешь.

– А как прошло ваше знакомство с Манулом и Полиной? – не унимался Леший.

– Ну, мы в тот автостоп подвисли знатно возле города Пласт. Уехать ну никак не могли. Ночь переночевали, сидя за столиком какой-то стрёмной кафешки. А с утра нас дядька на легковой посадил прямо оттуда. Он вообще в Бреды²⁹⁸ ехал, а нам объяснил как на Аркаим пройти. А время было – конец апреля, дождь с холодным ветром промозглым. До того мы умаялись, что когда на Аркаим наконец добрались, то вписались в вагончик тёплый. А там уже Манул с Полиной жили. Мы, как пришли туда, так сразу бухнулись спать, никого сначала не было. А проснулись под вечер, рядом с нами волосатый детинушка сидит и деревяшку строгает. Но такое от него спокойствие исходило, что мы со Светой переглянулись и поздоровались. А он сразу Полину позвал. Она ворвалась, как метеор, потащила нас сначала в баню, потом к костру, там рядом с навесом. А ночью мы все вчетвером уже на Шаманку²⁹⁹ ходили. Там Манул и рассказал о Волке. И мы ему тоже... А ночью Волк нам всем приснился... Как-то так.

– И как же Манул с Полиной добирались туда?

в 1995 году.

²⁹⁸ Райцентр на юге Челябинской области.

²⁹⁹ Небольшой холм рядом с древним городищем Аркаим.

– До Челябинска – на собаке, оттуда до Карталов и потом до Бредов – товарняком. Дальше запарили такси, – сказала Лосик, – говорю же, не любит Манул автостоп. Но видимо для него это тоже новая практика, и он хочет её освоить...

Под этот разговор время подходило к обратной дороге. Леший не стал предлагать заночевать здесь, в потаённой избушке. Они шагали, шлёпая по грязной тропе берцами, в сторону поезда.

Благо на Бажуково в канаве возле путей ещё лежал большой снежный сугроб, так что Лешему и Лосику удалось счистить комья грязи со своих ботинок перед погрузкой в вагон – обитель Тёти Люды.

Лосик навалилась на Лешего, сунув ему наушник своего плеера в одно ухо. За окном мелькали весенние деревья, нарастающий местами снег, прошлогодняя грязно-жёлтая трава, тёмные ели на фоне прозрачных ажурных берёз...

В плеере Лосика играла группа из Швейцарии, рубившая "метал" с волынкой и колёсной лирой. И с женским вокалом. Лешему музыка понравилась, он даже переписал себе название группы в блокнотик: "ELUVEITIE"³⁰⁰, с намерением позже найти и скачать.

Уже на подъездах к Екатеринбург у Лешего зазвонил телефон. На экране высветился сибирский номер.

– Да, я слушаю.

³⁰⁰ По-русски это можно прочитать, как "Элвэйти".

– Лёша, привет, это Ди, – услышал Леший голос, заставивший забиться сердце.

– И тебе привет.

– Я собираюсь выезжать из Краса послезавтра. Встретишь меня в Екатеринбурге?

– Да, встречу.

– Я не одна. Со мной едет Саня-Крот из Красноярска.

– И что мне с ним делать?

– Если он меня достанет раньше, чем я доберусь до Катера, то я его сброшу с хвоста, а сама сяду на поезд. Тем более, ты мне снился и предлагал ехать в Харьков, а не сразу в Питер. И я вдруг захотела.

– Да, так и хотел. Приезжай, я тебя жду.

– Доброй ночи, Леший. Передавай привет Лосику, если знаешь её.

– Знаю и передам, – положил Леший трубку.

Лосик улыбалась, глядя на Лешего

– Ну что? Что? Не томи!

– Ди тебе привет передаёт. Вы уже через сны общаетесь?

– Есть немного, – виновато улыбнулась Лосик.

– Она скоро выезжает из Красноярска. С ней какой-то Саня-Крот. Судя по нику – неформал.

– Я Крота этого беру на себя, – отрекомендовалась Лосик. Поезд тем временем подъезжал к "Свердловску-пассажирскому", в вагоне горели жёлто-белые лампы, а за окнами показывали околотовзалье.

Леший выпрыгнул первый, подав руку Лосику.

"До Щорса в Парк", – донесся усталый женский голос из троллейбуса.

– Нам с тобой подходит, – сказала Лосик, – пойдём?

В троллейбусе Леший растянул наушники уже от своего плеера:

"Гуляй распутницей-весной,

Гуляй по радуге летом,

Лети свободной стрелой,

Лети облаком света..."³⁰¹

Леший поцеловал Лосика в щёку и спрыгнул на "Куйбышева", направив стопы свои в сторону "Философов".

Во сне Леший оказался на чердаке Манула. Рядом сидели Манул и Ваня-тогучинец.

– Мы со Светой сегодня выезжаем на юг, – сказал Ваня, – автостопом. Так что два-три дня, и мы там. Будем дожидаться вашего приезда. Моя родня всех разместит, не переживайте.

– Нам с Полюхой, возможно, нужны будут удачные стечения обстоятельств, – сказал Манул, – там всё-таки граница, а я не совсем опытный автостопщик, как Леший.

³⁰¹ Возвращение – Веснянка.

Кстати, он уже тут.

– Привет. У вас тут совет по поводу дороги?

– Помнишь про обязательные места? – спросил Манул, – что нам надо проехать на грузовом вместе кусок пути, и остановиться на Дивногорье?

Леший кивнул.

– Проблема в том, что до Уфы мне с Северки ехать придётся стопом, и видимо одному: Полина с пермяками на Ирмель ушла, и присоединится только в Уфе.

– Ничего страшного не случится, если проедешь кусок пути цивильно, – сказал Леший, – Или пересечёмся по дороге раньше Уфы.

– Время обдумать ещё есть, – сказал Манул, – а у тебя вопрос про девушку-попутчицу.

– Она не одна хочет ехать.

– Не расстраивайся, всё решится, – сказал Манул, – тебе ещё скоро работка подвалит, насколько я знаю

– Что за работка?

– По твоей теме. Оленьи Ручьи о тебе вспомнят.

Леший кивнул, внутри себя обрадовавшись.

– Почему мы здесь только один раз собирались? Клёвое же место, – огляделся Леший на обитель Манула.

– Соберёмся тут перед дорогой.

Разбудил Лешего телефонный звонок.

– Слушаю вас.

– Алексей, здравствуйте, меня зовут Алёна, я менеджер турфирмы, – женский голос назвал какую-то контору, которую Леший так и не запомнил, – нам ваш номер дали в Оленьих Ручьях, как опытного проводника.

– Так, – Леший заинтересовался, от того "Так" прозвучало слегка вопросительно, как бы требуя продолжения.

– У нас намечается сплав завтра, и нам нужен проводник по Оленьим Ручьям. Извините, что так поздно вам позвонили, просто у нас в последний момент сорвался местный проводник, а парк порекомендовал вас.

– Расскажите подробней.

– Итак, у нас будет три катамарана, двухдневный сплав по Серге. Нам бы хотелось сделать остановку на Карстовом мосту, у ангела доброй надежды³⁰², – женский голос переврал название, и Лешего покорило, – посмотреть Дружбу и Большой Провал и посетить Аракаевскую Пещеру.

– Где планируете ночевать?

– Это, мне сказали, от вас зависит. Где вы скажете. Хотелось бы, чтоб от места ночлега можно было совершить радиальную вылазку к пещерам.

– Понял. Что по снаряжению нужно брать мне?

– Спальный мешок, коврик, КЛМН, остальное будет. Кормить вас будем, и место в палатке тоже найдём. Выезд сегодня вечером на реку. Вы в принципе можете и на поезде подтянуться, мы будем стоять возле устья Бардыма.

³⁰² Вообще-то он называется "Ангел Единой Надежды".

- Так, а что по оплате?
- Две тысячи в день вас устроит?
- Да, – не думая, ответил Леший.
- Договорились.
- Спасибо, Алексей, до вечера!

"Мда, – думал Леший, – Перед дальней дорогой выпала возможность размяться. Не об этом ли говорил Манул во сне? Сейчас надо встать и собраться... Жанна с Ритой офи-геют, скажут, что я только из "Оленьих", и уже снова туда. А ещё погода козёл. Надо снова "Гром" доставать".

Леший глянул за окно, на серое дождливое небо в предвкушении.

- Я сегодня опять в путь.
- Ты же через несколько дней только собирался в Харьков? – Рита спрашивала Лешего, наливая чай.
- У меня работа подвернулась. Сплав по Серге.
- Кто же в такую погоду будет сплавливать?
- Ну нашлись же экстремалы, тем более деньги у них уже "уплочены"

Леший выгрузил кучу вещей из "трассового" рюкзака и отправился домой в Михайловск.

Путь от "Философов" до Михайловска всегда начинался от остановки "меговского" бесплатного автобуса возле Цир-

ка. Вот и сейчас, среди проснувшихся шоппингоманов Леший выделялся своим большим рюкзаком и туристским видом. Автобус набирал ход, и Леший заткнул уши плеером, где играла музыка, найденная Лешим по советам Лосика – рубили кельтский металл с колёсной лирой и флейтами.

В "Меге" Леший первым делом сдал рюкзак вместе с тележкой в "гардероб для тележек"³⁰³, и направился за покупками в "Ашан".

"Оплот потреблядства, – думал он, обходя ряды с товарами, – главное не встретить тут никаких загулявших неформалов. А то они очень любят сюда ходить за покупками между заседаниями в курилке".

Но, благо, Леший никого не встретил и, закупившись всем необходимым, отправился на эскалатор вниз. Теперь несли его ноги на трассу, по подземному переходу, мимо бомбил на остановке, с их бормотанием: "Ревда-Первоуральск-едем", по подсохшей обочине метров сто "вниз по течению".

Первая машина остановилась сразу, как только Леший поднял руку. На "девятке" была надпись "Такси" и шашечки.

– Я до Бисерти еду, – сказал ему водитель.

– А я в Михайловск. Только я автостопом еду, без денег.

– Я про деньги разговоров и не заводил. Тебе что нужно,

³⁰³ Была в ту пору такая услуга: можно было оставить тележку и всё её содержимое на специальной "парковке", в залог документа.

шашечки или ехать, как в анекдоте³⁰⁴?

– Ехать, – согласился Леший, не знавший этот анекдот.

– Да у тебя на лице написано, что ты автостопщик. Садись!

– Спасибо, – Леший привычным движением зажал рюкзак между коленей и втиснулся на переднее сиденье "девятки".

У водителя играло что-то из попсы восьмидесятых.

"Пожалуй, эти песни можно смело назвать музыкой наших дорог, – думал Леший, слушая голоса С.С.Catch, Modern Talking и Sandra, доносящиеся из дребезжащей магнитолы.

– А я клиента отвозил в город, – перекрикивая музыку, сказал таксист, – Нерусский, мне весь мозг выебал.

– Мда. Бывает.

– А сколько нынче стоит от Бисерти до города скататься?

– Ну, с этим маймуном мы на рубль двести договорились, да ну его – таксист махнул рукой, – а у меня примета есть такая, если дальний рейс, то порожняком обратно не ехать. Вот и взял тебя.

– Это хорошо, что есть такая примета, – сказал Леший, – а я в "Оленьи Ручьи" поехал. У меня завтра и послезавтра там сплав.

³⁰⁴ В том анекдоте девушка никак не могла обнаружить на такси шашечки, которые указывали бы, что перед ней автомобиль таксиста. И вот она, собрав за собой очередь жаждущих уехать, ищет эти самые шашечки. На что таксист ей и предлагает определиться в том, что ей больше нужно: ехать в пункт назначения или чтобы на машине были "шашечки" такси.

– Это находятся экстремалы, готовые в такую погоду за свои деньги жопы морозить? Тебе-то ладно, заплатят. А им?

– Видимо, находятся.

– Не понимаю такого отдыха. Вот с банькой бы, да на озере, да с рыбалкой, м-м-м, – водитель мечтательно закатил глаза, а потом резко нырнул в правый ряд, перестроившись, – ну вот чего он сигналил, да моргает, нервный, блядь!

Мимо просвистел чёрный "Лексус", обходя вёзшую Лешего "Девятку".

– Торопится, видимо.

– Эти-то да. Хозяева жизни, мать их. Ещё злятся. Ну ничего... Ничего...

Водитель прибавил громкость, и снова перестроился в левый ряд.

"Видимо, обиделся, – подумал Леший, – сейчас на обгон пойдёт"

– Нет, мне его не догнать, моё НЛЮ развалится, – пригрюнился таксист, – ничё, найдёт и он свой Камаз.

Леший задумчиво смотрел на плотные облака и серые леса с островками снега. Трасса несла его привычным и катаным сотни раз маршрутом, через невысокие горы Среднего Урала.

Проезжая мимо поста ДПС, Леший заметил тот же самый "Лексус", стоящим возле гаишника, водитель "Лексуса", немолодой дядька, о чём-то активно жестикулировал с представителем власти. "Ну, хоть не Камаз, – думал Ле-

ший, – пусть этот водитель радуется, что дорога взяла деньгами"

– А-а, тоже заметил? – кивнул водитель, – нашла коса на камень. Они тут вредные, на Дружинино.

– А до меня тут и не докапывались никогда, – сказал Леший.

– А чё с тебя взять? Им денежные нужны. Ну всё, давай не мёрзни там, на сплаве!

– Спасибо большое, удачи вам! – закрыл дверь Леший.

Здесь он быстро перебежал через полосу, поднял руку и остановил грузовик-"японку"

– Куда тебе? – водитель спустил стекло.

– А я в Михайловск. Только я автостопом.

– А я до Артей, прыгай. Только дверку аккуратней открывай, чтоб никто не зашиб.

Леший обошёл машинку спереди и, следуя советам драйвера, открыл дверь аккуратно, быстро сел и пристегнулся.

– Я вашего брата часто вожу, – начал рассказывать водитель, – у меня тут однажды четыре человека ехало.

– Как они поместились?

– Так спереди на твоём месте девушка сидела, и сзади, – водитель показал на "спалку" за плотной серой шторкой, – трое. Двое парней и девушка. И нас, представляешь, гаишник тормозит. Те там вжались, как зайчата, засели, шторку плотно задёрнули. Ну ладно, гаец не упёртый попался, просто проверка документов.

Под такие рассказы маленький японский грузовичок быстро вёз Лешего до Михайловска, высадив его у поворота на Урмикеево.

Леший поблагодарил водителя, перебежал дорогу и пошлёпал мимо "Жасмина" в сторону своего дома.

Дома, застав родителей, Леший торопливо объяснил им, что заехал только за "Громом", и завтра ему работать. Родители всё равно усадили Лешего за стол, накормили домашней едой и только тогда отпустили с миром. Мать даже украдкой перекрестила Лешего, этот её жест он научился распознавать.

Теперь можно было не торопиться. Леший шагал к своему излюбленному месту, у моста через Сергу. Здесь Леший неторопливо раскурил трубку, свесив ноги с моста и глядя на мутные воды Серги. Издали доносились звуки частной застройки Михайловска: завывания бензопилы, да собачий лай.

"Эх, я в этом сезоне, скорее всего, единственный раз проплыву, – думал он, – потом дорога, а потом поступление в Универ, там не до того будет"

Долго ли, коротко ли, а Леший встал, вытряхнул остатки из трубки, постучав по железной арматурине моста, и пошёл

за мост голосовать.

Спустя полчаса рядом с Лешим лихо затормозил УАЗик-"буханка".

– Здравствуйте, в сторону Серёг не подбросите?

– Мы в Серги и едем, прыгай в салон

– Спасибо, – Леший хлопнул громкой УАЗовской дверью и повернулся к водителю и пассажиру с переднего сиденья, – мне в районе кладбища бы выпрыгнуть.

– На кладбище мы всегда успеем, – пошутил водитель, – высадим, не беспокойся.

– Турист? – спросил пассажир – небритый седоватый дядька в камуфляжном ватнике.

– Да, что-то вроде. Завтра на сплав по Серге пойдём.

– Сплав хорошее дело. Много не пейте только, Серга она коварная в большую воду, – пассажир начал рассказывать историю, – у нас однажды был случай, поплыли мужики наши сергинские втроём на лодке. Попутно блесёнку кидают, пиво с водкой пьют, музыку на батарейках взяли – куражатся, одним словом. Ну и? Не углядели они одного прижима, их со всей дури – Хуяк! – об скалу, и повыпадавали все. А погода мерзкая была, снег пропархивает. А мужики в ватниках, да в забродах. А в них не наплаваешься. Ну выбрались они, блядь, на уступчик какой-то. Стоят и мёрзнут, бляха-муха. Всё утопили. Лодку в заводёшку утащило течением. Один только смог выбраться, побежал вниз по реке до Дыроватого, а оттуда в Бажуково. Там, пока сообразил где кто, пока про-

трезвел, с местными снова похмелился, приезжают эти егеря тамошние – спасать некого уже. Только лодочка кругами по заводи плавает. Вот таки дела.

Леший молчал. Он знал, что такое весенние сплавы. Истории о несчастных случаях на сплавах, как правило, одинаковы: отмечали майские, в болотниках и ватниках, бухнули...

УАЗик высадил Лешего возле поворота на Курорт. Там же вниз уходила вдоль кладбищенской ограды дорожка на станцию "Нижнесергинская".

"А здесь я воду набирал в сентябре, – узнавал Леший знакомые места, – а тут мы в апреле с Ваней шли. Столько всего за полгода произошло, ёлки-палки..."

Леший набрал номер менеджера этой турфирмы, Алёны. – Алёна, здравствуйте, я на месте почти.

– Мы уже там, приходите. Тут мы одни такие, возле Шлакоотвала.

За станцией Леший перешёл пути и пошагал по чёрному отсеку грунтовки вдоль реки. Вскоре дорога перевалила через насыпь, забралась на самодельный переезд и спустилась к реке, прямо возле бардымского устья. Леший шагал, навистывая, глядя на тентованную "Газель", палатку, костёр и рамы от катамаранов.

– Алексей? – девица с торчащими из-под шапки кудрями, стоявшая у костра, приветствовала его, – это я Алёна, с то-

бой созванивалась. Это вот наша команда: Дмитрий, Андрей и я. Ты на первом катамаране поплывёшь.

Она показала двух парней в белых строительных перчатках, крутивших болты на рамах. Ребята прервались и протянули Лешему руки, поздоровавшись. Леший тут же бросил рюкзак, достал перчатки и стал помогать. Он привязывал к рамам баллоны с помощью плоской ленты, которую нарезал по мере надобности от большой катушки. "Мы в этом году новые каты купили, поэтому и верёвки все с нуля", – сказал ему Андрей.

Попутно Леший общался с ребятами. Алёна, родом из Новоуральска, оказалась выпускницей Уральского Института Туризма, а ребята – Екатеринбургец Андрей и житель Первоуральска Дима – просто матёрые походники-водники, которые сплавлились по множеству уральских рек. Лешему тут похвастаться было мало чем: его потолок – Серга. Причём чаще всего он сплавлился по ней летом, либо в более тёплую весеннюю пору. Нынче же весна не задалась.

Как только с катамаранами было покончено, Лешего позвали на ужин. В его тарелку наложили горячего плова, выдали кусок хлеба и чай. Отужинав, Леший пошёл на берег реки и поздоровался с Сергой, опустив в ледяную воду руки.

"Здравствуй, река! – думал он в это время, – Завтра и послезавтра я понесусь по водам твоим на катамаране. Вокруг меня будут незнакомые люди, доверяющие мне. Прошу те-

бя, береги этих людей и меня. И прими от меня маленькую жертву" Он отломил кусочек хлеба и бросил его в воду. А потом закурил трубку.

Спать Лешего положили в палатку с Андреем. Леший разложил спальник, вдоль спины положил "Гром" и уснул без сновидений.

Утром на палатке, катамаранах и траве лежал снег. Леший с онемевшими конечностями выпал из палатки, глядя на это всё. Правда, скоро солнце поднялось чуть выше, и снег быстро сошёл отовсюду. Леший помогал разводить костёр, а затем – раскладывал подсушиваться спасжилеты из большого мешка.

"Тут ребята явно знают своё дело больше меня, – думал он, – но хоть в чём-то я им помогу"

– На ночлег предлагаю встать у скалы "Лягушка", чтоб ближе было до пещер ходить, – сказал Леший.

– Мы там и планировали. Сейчас отзавтракаем по-быстрому, поддуем баллоны. И как раз клиенты приедут.

– А на чём они?

– На Газели, и ещё на поезде.

Леший впопыхах глотал тёплую манную кашу, и глядел, как приближается по тряской грунтовке белая "маршрутка".

"Во там водила наверное матерится, как он уезжать будет

по такой грязи", – думал Леший, глядя на неё.

Параллельно с маршруткой прогудел поезд: он привезёт ещё группу людей. Но пока Леший моет тарелку, наскребя в неё нарастаявшего снега из тенёчка, а приехавшие "гости" разминают затёкшие конечности и пытаются терроризировать гитару. Водитель выкурил сигарету, глядя на суету ребят, а затем молча сел в Газель, хлопнул дверью и тронулся в обратный путь, взревев мотором.

Когда все собрались и подошли люди с поезда, Леший оглядел доверенную ему команду. По большей части молодёжь, чуть старше самого Лешего, и парни, и девушки.

"И все такие нарядные, как на подбор, в трекинговых ботах, модных туристских штанах и куртках, почти как у горнолыжников, некоторые в очках, – думал он, разглядывая людей вполглаза, – я-то по их меркам, распиздяй местный. Ну да ладно, покажем им, что местный распиздяй стоит двадцати туриков-горожан".

– Итак, доброе утро, мы рады вас приветствовать на сплаве по Серге, – провозглашала Алёна, голосом заправской пионервожатой, – для начала представим наш состав. Меня зовут Алёна, я руководитель сегодняшнего сплава, а это наши инструктора, Дмитрий, Андрей и Алексей. Алексей, кроме того, будет вашим проводником.

Леший поднял руку в приветствии.

"Кто из них будет хорошим собеседником на сплаве, кто быдло? – думал Леший, пока Алёна зачитывала инструктаж и помогала надевать спасжилеты, – вот этот быдлан точно, будет заколёбывать глупыми вопросами. А вот этот – нормальный. И с гитарой тоже. Да и девочки ничё такие есть. Так, шаман недоделанный, отставить смотреть на девок, у тебя Ди скоро приедет!"

И вот, наконец, спасжилеты надеты, катамараны стоят на "чалках", качаясь в воде, готовые к погрузке. Лешего посадили к Алёне, на первый катамаран. Он, как истинный проводник, сел на "перед" катамарана, устроившись на собственной привязанной "пенке" по-турецки и взяв в руки весло. Спасжилет надел под "Гром". Ребята объявили старт, Дима отвязал алёнину чалку, и катамаран подхватило бурным потоком воды. Леший оглянулся назад. Алёна сделала по-хитрому: она сунула своё весло в уключину на раме и сделала его своеобразным рулём. Туристы могли грести как попало, Алёна всё равно ловко лавировала между струями. Пока Леший рассказывал своему катамарану: трём парням и трём девушкам, про местные скалы, про то, как долина прорубала себе путь в пласте известняка, расширялась и углублялась, как стала меньше засчёт наносов, какие камни можно найти. Показывал он на бобровые погрызы и на птиц. Птиц бы-

ло в избытке. Низко над водой летали кулички-перевозчики, крикали в заводях утки, в облачном небе летали канюки и коршуны. Мимо проносились скалы, названий которых Леший не знал. Одна была похожа на стену, одна – на волну, одна – на палец. Некоторые походили на массивные столы, плавно стекавшие скатертью жухлой прошлогодней травы к воде, а растущий на крутых склонах ельник и сосняк довершал картину. На скалах стояли, стыдливо прикрыв лепестки, бледно-жёлтые цветы сон-травы³⁰⁵.

"Ну не дали названий этим местам, – думал Леший, глядя на уютные полянки, впадающие ручейки и высокие скалы, – хотя скорее всего местные покосники их называли в честь владельцев покосов, а я просто их не знаю. Ну да ладно, туристы не спрашивают. Вон, пиво распечатали..."

Действительно, экипаж катамарана распечатал бутылку пива и передавал её по кругу. Леший готовился к глупым вопросам, но на его катамаране народ собрался более-менее адекватный.

Через три часа показался Карстовый Мост. Здесь Леший заранее повелел чалиться, и катамараны, один за другим, приставали в гроте, где течение чуть стихает. Леший выскочил с катамарана с верёвкой и привязал её за лестницу.

³⁰⁵ Прострел желтеющий (*Pulsatilla flavescens*).

Здесь, на Карстовом Мосту, они с Ваней-тогучинцем были в начале апреля. Отсюда, из одной из хоббичьих нор, Леший вытаскивал замёрзшего Ваню и нёс его в избу. Быстро отловил остальные катамараны, увязав их друг за друга, и стал подавать руки туристам. Пока народ разминал конечности, поднимаясь по лестнице, Леший высматривал растеньице редкого папоротника³⁰⁶. Он заприметил его ещё пару лет назад, когда учился в Лестехе, а теперь всегда мысленно "здоровался" с этим папоротничком, смотря на него, как он пережил зиму, не наступил ли кто на него...

На гребне Карстового Моста было ветренно и прохладно. Отсюда открывался замечательный вид на залитую водой долину Серги. Под облачным небом жёлтой лентой тянулась Серга, неся мутные вешние воды. Скоро, как воды пройдут и сойдёт весь снег, река станет мелкой и прозрачной, настолько, что из неё можно будет пить.

После непродолжительного "залипания" и головокружительного спуска вниз, их караван отвязал чалки и тронулся вниз по реке. Здесь Леший примечал уже памятные ему места и рассказывал о них туристам, живописуя подробностями: и про местных покосников, и про апрельскую холодную ночь, и про утопленников. После последнего рассказа экипаж резко перестал пьянствовать, и вообще стали вести себя лучше.

³⁰⁶ Папоротничек *Asplenium viridis*.

У "Ангела"³⁰⁷ зачалились второй раз. Быстро сбегали наверх, фотографируясь со скульптуркой.

– Изначально он был бетонный, – рассказывал Леший, – но через год после установки детишки из летнего палаточного лагеря отбили ему голову топором, мотивируя свой поступок словами "наш бог – Сатана". Хотя, ещё раз говорю, никакого отношения к религии и политике "Ангел" не имеет.

Здесь по берегам уже ходили люди, простые туристы, которые с любопытством разглядывали экипаж катамаранов, щеголяющий разноцветными спасжилетами.

Проплыли мимо "Пьющей Лошади"³⁰⁸, быстро и низко пронеслись под подвесным мостом, поляна за которым была затоплена вешней водой. На тросе "Тарзанки"³⁰⁹ сидела, покачиваясь на ветру, ворона. Леший рассказал и историю "тарзанки", что одно время стальной трос попросту лежал на земле, и стоил здоровья одному местному мужику. Потом его демонтировать не стали, и дети одного из лагерей привели его в порядок. Теперь руководитель этого лагеря, Игорь, присматривал за "тарзанкой". Пока же паводок, на левый бе-

³⁰⁷ Ангел Единой Надежды. Вся нижеизложенная история с ним действительно приключалась.

³⁰⁸ Скала "Дыроватый Камень" на Серге действительно похожа на голову пьющей лошади.

³⁰⁹ Правильнее сказать, "Троллей" – трос, натянутый через реку со скалы. Висел в этом месте до 2013 года.

рег не перебраться, и кататься с "тарзанки" некому. Малым ходом проплыли мимо древних рисунков³¹⁰. Леший вплёл в свой рассказ некоторые эпизоды из жизни древних охотников, рассказанные им однажды у костра Манулом. Про обряды, которые делали мальчика мужчиной и кормильцем племени. Про рисунок, наносимый шаманом, чтоб душа убитого животного поселилась в линиях, нанесённых пылью и кровью. В фигурках лосей и оленей. А их ловкость и скорость достались новому охотнику племени.

Затем причалились на левом берегу, где к воде подходила тропка. Леший также выскочил на берег, держа катамараны за чалки, пока народ не вышел на твёрдую землю.

Здесь уже катамараны пришлось вытягивать на берег, чтоб при внезапной смене уровня воды не получилось, что они уплыли.

Однажды, позапрошлой весной, Леший видел таких туристов с уплывшим катамараном. Несчастные, похожие на бегущую армию Наполеона под Москвой, обмотавшие ноги какими-то тряпками и целлофановыми мешками, сидели они у Герхарда в кафе и уныло пили глинтвейн под навесом, рассказывая всем грустную историю. А спустя три дня узнал Леший, что катамаран этих несчастных выловил один из инспекторов Парка в Аракаево.

³¹⁰ Скала "Писаница" на Серге.

Тут Леший вступил полноправно в руководство группой, построил всех в колонну, оставив под общее негодование самых пьяных "пассажиров" сидеть у костра. И пошёл вверх по травянистому склону лога в направлении пещеры Дружба и Большого Провала.

Собственно, в Дружбу попасть не получилось: уже во входном гроте бултыхалась водичка, и туристы не решились пойти дальше, чем стоял Леший.

В провале же стоял туман, и люди спускались в него, любуясь снежником на дне и царством мхов. В поноре между Дружкой и Провалом, где обычно ручеёк нырял под землю, теперь медленно крутилась воронка с мутной водой: сюда выпадал один из отнырков Федотова Лога, чтобы слиться под землёй с другими такими же ручьями и впасть в Сергу под одной из скал.

Когда Леший привёл народ в лагерь, над ним уже висел большой костровой тент, под ним горел костёр, а вокруг были расставлены палатки.

"Быстро и чётко работают эти ребята, – думал Леший, – приходишь и уже не надо ничем заморачиваться. Костёр горит, в тарелке горячий суп, туристы едят так, что пищит за ушами"

– Вы как это всё успели? – спросил он Диму, – чувствую себя лентяем, глядя на это всё.

– Да мы-то привычные. Вон поспрашивали народ, тоже довольны остались. Просто у тебя тут своя работа, и ты её хорошо делаешь, так что не парься.

– Суп обалденный получился.

– Мы ещё ужин будем делать, вот там точно скажешь, что "секс во рту", – похвастался Андрей, – Алёнка зачётно готовит.

– Вы как все собрались? – спросил Леший, – Неужели по объявлениям?

– Нет, по знакомству. Вместе на Ревуне тренировались, потом по сплавам походили. Вот и сдружились. А потом решили компанию активного отдыха заорганизовать. Не "Юбита"³¹¹ конечно, до их объёмов нам ещё расти и расти, но тем не менее.

К вечеру снова закапал холодный дождь. Меньше всего в такую погоду хотелось бы отходить от костра, но этого и не требовалось: народ собрался в очень тёплый кружок, и теперь им наварили целый казан жаркого и чайник горячего глинтвейна. Леший тоже "причастился" глинтвейном, отойдя к краю тента курить вместе со своей железной кружечкой.

– Ух ты, трубка, – подсел к Лешему один из туристов, – а что за табак?

– Вишнёвый, – отозвался Леший.

³¹¹ Имеется в виду контора "UB2" или "Юбита" на сленге туристов. Когда-то кузница кадров уральского активного отдыха.

– А можно угоститься?

– Держи, – Леший протянул трубку.

– Да не, ты мне просто табака насыпь на бумажку, – парень достал папиросную бумагу.

Он достал какую-то хитрую машинку и начал закручивать бумагу с табаком вместе с фильтром.

– Вот теперь распробую, – сказал парень.

– Не запариваешься ходить с самокруткой везде?

– Привыкаешь, – сказал тот, – ты же с трубкой не запариваешься?

– Я её редко курю, – отозвался Леший, – всё же более ритуальное действие, чем бытовое.

Леший выпустил в сырой воздух струю дыма и пошёл в сторону костра...

Ночью Лешему снился сплав. Они с Волком, Манулом, Полиной, Лосиком, Светой, Ваней и Ди шли по какой-то быстрой реке, похожей на Сергу, уворачиваясь от скал. Леший сидел "на руле", и командовал ребятами: "Греби, бля!", "Табань лево!", "Ща в скалу уебёмся!", "Расчёска, голову береги!", "Ходу-ходу-ходу-ходу-ходу!"

Спустя какое-то время река замедлила ход, и Волк обернулся к Лешему.

– У тебя неплохо получается рулить катамараном. Возможно, скоро ты этим будешь заниматься часто, каждое лето.

– Хорошая перспектива, – сказал Леший, – особенно если учесть, что здесь не зевнуть, не пошевелиться и никак не оторваться.

– Управление, – сказал Волк, – это всегда такое дело. Надо видеть, что делает каждый из гребцов, да послеживать, чтоб не занесло в препятствия. И при этом никогда не отпускать рулевое весло. И речь не только о катамаранах...

Леший проснулся от ощущения, что кто-то ползёт по уху. Пошевелившись и достав фонарик, он обнаружил на ухе ползущего клеща, открыл палатку и вышвырнул его, усадив на какую-то палку. В сумерках догорали угольки костра. Возле них ещё сидел кто-то неугомонный из туристов и обсуждал пьяным голосом подробности своей личной жизни с другим туристом.

Леший прошагал мимо них в ближайшие кусты, поссал, развернулся к реке и умылся водой. Подняв голову от воды, он сидел напротив себя сидящего на берегу бобра.

"Эх, жалко фотика нет, – подумал Леший, – щас бы его щёлкнуть"

Огромная мокрая скотина сидела на глинистой горке, грызя ветку. Но, увидев шевеление Лешего, занырнула в воду, плюхнув хвостом, оставив только круги.

Леший встал и отправился обратно в палатку, чтоб додремать до подъёма.

На второй день ребята согрели вечернее жаркое. Некоторым туристам оно очень хорошо заходило после вчерашней пьянки.

"Эх, вчера вечером ребята ещё следили, чтоб никто никуда не уебался и ни с кем не подрался, – думал Леший, глядя как Андрей с Димой нагнетают насосом-"лягухой" воздух в костёр, – Сверхлюди, её-богу" Леший по мере возможности помогал им колоть дрова и разливать чай.

– Река поднялась, – провозгласил Андрей, – я вчера вечером клал камешки, а сегодня они под водой уже. Значит, шибче пойдём.

– Это радует.

Спустили катамараны на воду, усадили туристов, разложили все грузы, да и поплыли. Теперь Леший сидел на "руле", а Алёна гребла.

"Интересная какая эта Алёна, – думал Леший, – где в этом хрупком существе помещаются такие силищи и навыки. Вот что значит матёрый турист"

Вслух же рассказывал истории этих мест. Про "дикий запад" и таинственных "Щелпов"³¹², про которых слышал от бывшего директора "Оленьих " Доброва.

Про птиц и деревья. Про свои автостопные странствия.

³¹² Местные оленеручьёвские "сущности", по словам первого директора Парка Доброва А.В. Ныне – почти коммерческий бренд.

На обед делали остановку у Аракаевской Пещеры на большой поляне. За водой пришлось плавать втроём, на пустом катамаране выгребая против течения. Здесь из-под скалы бил мощный карстовый источник, вода которого даже отличается по цвету. В мутно-жёлтую весеннюю воду Серги здесь вливается бело-лунная вода из источника.

– На сленге спелеологов такие источники называют "Грифоны". Это называется "Аракаевский грифон". Тут вода жестковата, постоянно пить бы её не стал, но раз-другой можно, – рассказывал Дима.

На обед варили борщ с тушёнкой. Тут Леший подсмотрел одну из хитростей Алёны. В "сумке-холодильнике" лежал пакет с замороженными тёртыми овощами, капустой-свёклой-морковкой.

"Прикольнo, – думал Леший, – надо взять на заметку"

После сытного обеда катамараны причалили уже на другом берегу, где Леший повёл всех вверх по склону ко входу в Аракаевскую пещеру. Здесь туристы, и без того озябшие, побыли недолго, глядя на ледяные шестигранники и просыпающихся летучих мышей, лениво перелетающих над головами.

На подходах к Аракаево опять дул встречный ветер³¹³, но

³¹³ Здесь это всегда: река течёт здесь на запад, в узкой долине с крутыми бортами, а подпор Михайловского пруда сводит течение к нулю.

теперь на него было плевать: течение очень хорошо несло катамараны, приходилось лишь подруливать.

Снизу железнодорожный мост был расписан всякими надписями, сулящими проклятия в адрес туристов.

"Да уж, – думалось Лешему, – за столько лет любви между местными и туристами явно не получилось. Да и получится ли, когда Парк отжал у местных часть их покосов, а к твоим огородам круглые сутки норовят причалить катамараны с какими-нибудь пьяными чертями?"

Здесь часть народа, тепло попрощавшись, направилась на вечерний поезд, а Леший остался с ребятами разбирать катамаран на глазах у аракаевской общественности, катающейся мимо на тракторе.

Вскоре подъехала "Газель" и погрузила в своё чрево оставшихся туристов.

Леший остался с ребятами, в ожидании их собственной машины. Алёна отсчитала четыре тысячи и протянула Лешему.

– Ну что, понравилось работать с нами?

– В целом да. Вы такие молодцы.

– А что не понравилось?

– Погода козёл, – сознался Леший, – больше придраться не к чему.

– Будешь работать дальше?

– Возможно, – у меня скоро поездка будет, а потом – по-

ступление в универ. Но вы звоните. Если я не занят, обязательно присоединюсь.

– Идёт.

Примчался из города серый "Баргузин", в него запихали все катамараны-спасы-вёсла и запихались сами. Леший вырубился на куче снаряжения в тёплом салоне...

Глава 14. На запад

А через день приехала Ди.

Леший стоял на "стриту" в переходе у "Кино-Урала", когда она ему позвонила.

– Лёша, мы в Екатеринбурге. Нас высадили в каких-то ебеньях.

– Конкретней, что видите вокруг?

– Промзоны. Грязища. О, табличка "Улица Турбинная".

– Это недалеко от меня. Спросите у людей, как до Вокзала добраться, встречу вас "под Варезкой".

– Людей бы ещё найти. А "под Варезкой" – это где?

– Спросите на Вокзале, или увидите сами, – сказал Леший с улыбкой, – всё, не проговаривайте деньги. Вы рядышком.

Леший нажал красную кнопку на телефоне и стал зачехлять гитару.

На улице, печалю Лешего, шёл мокрый снег.

"Погода не благоволит стопу, – думал он, – а значит придётся ждать. Ещё бы как-нибудь отшить этого Крота, и ку-

да-то вписать Ди. Вписать её я могу только одну, безо всяких кротов... Карма? Колесо фортуны сделало оборот за год, и теперь я превратился в "мальчика из Ростова", которому год назад я привёз Настю, и вынужден был искать вписки сам? Да уж..."

Под "варежкой" на привокзальной площади бегали цыганистые дети и кляńczyли деньги. Леший отмахнулся от одного из них и стоял, прислонившись к железному заборчику с плеером в ушах, оглядывая прохожих.

Внимание его привлекли двое людей с рюкзаками, направляющиеся неуверенным шагом в сторону "варежки". Один – худощавый тип с пирсингом в нижней губе, чуть выше Лешего, в бандане и тёмных очках, с болтающейся сбоку рюкзака "пенкой" на верёвке, в чёрном "бомбере", чёрных брюках и берцах. А рядом с ним – в оранжевой куртке, джинсах и берцах – шагала Ди. Леший её и не узнал сначала, а, узнав, обрадовался. Несмотря ни на что.

– Лёша-а-а! – Ди кинулась Лешему в объятия, после чего он почти силой стянул с Ди рюкзак, перевесив на себя.

– Саша-Крот – протянул руку Лешему худощавый тип.

– Лёха-Леший, – отрекомендовался Леший, – пойдём куда-нибудь в тепло.

В "ТЮЗовской кулинарии" Леший заказал для приехавших стопщиков по тарелке пельменей, салату и хачапури с

чаем, и сам сидел, слушая описание их поездки.

– Мы в дороге чуть не поссорились, – говорила Ди, пока Крот отправился в туалет, – под Новосибирском, где Крот говорил, что надо гнать быстрее и ночевать в палатке, а не на тёплой вписке у Юки с Малышом. Я его уболтала, зная кротовью чудесную привычку кидать дайс в непонятной ситуации. Мне повезло, ему выпала "единица", а мне – "шестёрка", и первую ночь мы ночевали у Юки. Вторую ночь мы гнали с ночным дальнебоем до Тюмени. Крот вырубился, а я общалась с водителем. А от Тюмени до Еката я малодушно дрыхла в машинах, пока Крот залечивал водителям про всякую чушь.

– Почему он Крот? Потому что в тёмных очках даже в пасмурный день?

– У него какая-то беда с глазами, и он постоянно тёмные очки носит. Плюс он иногда "дует", – Ди практически жаловалась, – не знаю есть ли у него с собой. Но если и нет – ехать с ним дальше я не хочу.

– Заебал?

– Он "запавший" на меня ещё с панковской тусы. А потом, как узнал, что я ищу попутчика в стоп, так сразу воспрял, стал названивать, пробивая мою "раковину". Я тогда подумала, да будь что будет, – Ди сделала паузу, – и теперь он едет со мной.

– Леший, а у тебя на руке фенька, – показал Крот на кожаную феньку, подарок Лосика. – Что она значит?

– Там что-то про дорогу написано, – не стал вдаваться в подробности Леший, – а что?

– У неё такой мощный заряд, что мне рядом с ней находиться тяжело.

– Странно, я ничего не чувствую, – вставила слово Ди.

– Может, на тебя оно не действует, я же тебе говорил, что тебе ещё настраиваться надо, – Крот, видимо, плотно сидел на "энергуйстве".

Леший и Крот вышли покурить под падающие редкие снежинки.

– Будь другом, сними это.

– Я не буду это снимать. Это подарок, – Леший почти обиделся.

– А чей? Похоже на оберег, поставленный ревнивой девушкой.

– Ну, допустим, это подарила девушка. Что с того?

– Или познакомь меня с ней, если можешь, – Крот почти настаивал.

– А какой с этого прок? Познакомлю, и дальше что?

– Хочу заиметь в свою коллекцию такую мощную ведьму.

– Как ты думаешь, она согласится попасть в твою коллекцию? – Леший усмехнулся, – как бы тебе самому в её коллекцию не попасть.

– Зря смеёшься, – сказал Крот загадочно, а сам подкинул в руке шестигранный кубик, и ловко его поймал, – Тройка. Значит этой девушке самой решать...

Леший, пользуясь свободным временем, решил выгулять гостей города по неформальским достопримечательностям Екатеринбургa.

Сначала, после "ТЮЗовской кулинарии", направились через переход у ТЮЗа, где стоял с гитарой Сталкер, игравший что-то из ДДТ. Леший поздоровался с ним между песнями, перекинулся парой фраз и двинул дальше, по пути живописуя рассказами обо всём, что вокруг. Упомянул и "царские дни" у "Храма на Крови", когда особо верующие бабушки пытались прогнать из перехода неформалов со словами "Грешно! Бог покарает!". Рассказал про фанатов, от которых прошлой осенью его увели Манул с Полиной. В "Трубе", где на свежей побелке красовалась надпись "Всегда оставайся БЕЛЫМ!", стоял Серьга, певший что-то из "Машины времени", в окружении вечнопьяных Ильнура и Апельсина, перекрикивавших певца. Леший кивнул головой, а Крот зацепился языком с Апельсином. В это время у Лешего зазвонил телефон. Он вышел из "Трубы", чтоб услышать, что Лосик предлагает им встречу.

– А где словимся?

– Давай в "Дендрике" у Цирка?

– Идёт, – Леший завершил вызов и направился к Ди.

– Пошли, познакомлю тебя с одной своей знакомой. Не переживай, она хорошая. Возможно, вы даже виделись, – Леший не стал упоминать сны.

– А как с Кротом быть, – сказала Ди, глядя в сторону Крота.

Крот уже стоял с пластиковой бутылкой пива в руке, и о чём-то разговаривал с Апельсином на повышенных тонах.

– Хуй его знает, – равнодушно сказал Леший.

– Пошли, – махнула на Крота рукой Ди, – Надо будет – догонит.

Действительно, через полсотни шагов, уже у "Камня" их догнал Крот.

– А вы куда так ломанули? Могли бы так и сказать, что не рады мне, – сказал грустно Крот, увидев как Ди взяла Лешего за руку.

– Ты там слишком увлечённо беседовал, – сказала Ди, – и мы решили тебя не отвлекать.

Лосик ждала ребят возле фонтана в Дендропарке. Фонтан ещё не включали из-за холодов, но по парку уже разгуливали прилетевшие с зимовки уточки. Хотя как сказать, некоторые утки уже и не улетают на зимовку из Екатеринбурга: больно хорошо их прикармливают здесь.

Когда подходили к фонтану, Леший заметил странное выражение на лице у Ди, но спрашивать ничего не стал.

Лосик торопливо обняла Лешего, а затем повернулась к Ди.

– Ты выглядишь, как во сне. Даже лучше, чем во сне, – сказала Лосик, – рада наконец с тобой познакомиться.

– Я тоже – удивлённо сказала Ди.

– Саня-Крот, город Красноярск, – сказал Крот, попытавшись обнять Лосика.

– Женя Лосик, Урай, – ловко увернулась от объятий та, – у нас не принято обнимать девушек при знакомстве.

– Ишь ты, Лосик разбушевался, – ответил Крот, – ну окей.

– Кстати, эта фенька – её подарок, – сказал Леший Кроту, – так что ты повежливей.

Слово за слово, а Лосик уже заинтересованно беседовала с Кротом, выпрашивая с серьёзным видом и удивляясь. Ди с Лешим тихонько отошли подальше, к берегу Исети.

– Залезем на иву? – предложил Леший

– А давай, – улыбнулась Ди.

Леший залез первый и, угнездившись, подал руку Ди. Та с ловкостью забралась и уселась рядом.

По быстрой воде Исети рядом с ними сновали утки, радуясь весне. Снегопад, благо, закончился, и выглянуло солнце. Мимо ходили редкие люди, парочки и мамы с колясками.

Лосик с Кротом, отставшие вначале, теперь подошли и оживлённо беседовали. Крот говорил много, а Лосик лишь поддакивала ему. Леший и Ди улавливали странные выражения: "подзаряжаюсь энергией", "первичная материя", "энергетические каналы" ...

– Он всегда такой?

– По-моему, Лосик ему понравилась, – сказала Ди, – по крайней мере, он точно нашёл новые свободные уши.

– Ладно, – Леший решил переходить к делу, – выезжаем, как потеплее будет? Сегодня ты ночуешь со мной у "философов", я тебе про них рассказывал.

– А Крот?

– Придумаем что-нибудь. В конце концов, он там с неформалами заобщался, можно его туда и сбагрить. В дорогу с нами поедет ещё две пары. Одна пара – из Питера в Харьков. Другая – с нами в параллели. Со второй парой нам надо будет пересечься в Уфе и под Воронежем. И затем уже в Харькове.

– Лосик мне снилась, – Ди перешла на шёпот, – Она рассказывала о вашей дороге. И даже – зачем нужно ехать туда. Она ведьма, настоящая.

В это время Лосик увлекла куда-то восторженного Крота, и Леший решил рассказать всё-всё. Про Волка, Шаманов и свои отношения с Лосиком. Не утаивал почти ничего.

– Я, наверное, трусиха, – сказала Ди, – даже ненавистного мне человека с хвоста сбросить толком не могу.

– Расскажи о себе вот что, – предложил Леший, – когда ты мне снилась, часто приходилось слышать про драконов. И даже видеть тени, промелькивающие где-то в вышине.

– Это у меня старое и давнее. Ещё с детства люблю драконов рисовать, везде и по-разному. А что ещё про меня поведали тебе сны?

– Про возлюбленного твоего мельком. Который, по словам повествователя сна, – Леший запнулся, но не придумал,

как иначе назвать книгу, открытую им в новосибирской библиотеке из снов, – его звали Дэн, он хочет деградировать, а ты хочешь его вытащить.

Леший заметил, как лицо Ди стало серьёзней. Как каменная маска.

– Дэн умер две недели назад, – проговорила она и замолчала.

"Ёб твою мать, вот оно что, – думал Леший, – кто же тебя за язык тянул, сновидец хренов? Надо было заранее разузнать, а то ляпнул. А теперь расстроил Ди".

– Мы с ним поссорились в прошлом году ещё. Тогда я от всех начала замыкаться. Он плотно сел на стакан и игровые автоматы. Начал много проигрывать, у всех занимал в долг. А в апреле повесился. Я... – Ди осеклась, – Я не могу сдерживать чувств. Вроде и поссорилась с ним, и всё делала, чтоб забыть. И тебя вот встретила. А всё равно – как ножом по сердцу.

– Блин. Извини, я зря наверное это всё сказал.

– Нет, не зря. А этот долбоёб, – махнула Ди в сторону, куда Лосик увела Крота, – ко мне прилип как только мы с Дэном расстались. Он меня своей магуйнёй уже достал.

– Сейчас Лосик его пообщает. Она, кстати, обещала его помочь "сбросить с хвоста". Лосик классная. Я, честно говоря, в неё был безответно влюблён, пока тебя не встретил, –

решил быть откровенным Леший.

– Мне казалось, и во снах, и здесь, что ты ей тоже нравишься, – сказала Ди, – что же странное между вами?

– Судьба. Лосик точно знает, кто будет её мужем и отцом её детей. А до этого не хочет никаких отношений больше, чем "друзья" или "любовники". Её фраза "Быть ведьмой – это как быть смертельно больным" мне запала в душу тогда, прошлой осенью.

– Дела-дела...

Они смотрели на воду, на уточек, на апрельское солнышко, быстро растопившее весь выпавший снег, и каждый думал о своём. Ди, скорее всего, радовалась тому, что она не "ведьма", как Лосик. Леший же просто тревожно поглядывал в сторону, куда направились Лосик и Крот.

Через некоторое время показалась Лосик, влекущая за собой под руку странно улыбающегося Крота.

– Вы где пропали, – спросил Леший.

– Мы где пропали-и-хи-хи-хи-хы... – прорвало смехом Крота. Леший всё понял, почуяв доносящийся от обоих запах. Только в отличие от Крота, Лосик была серьёзна.

– Короче, Катя, он вёз с собой траву, – сказала Лосик, – Теперь не везёт.

– Блядь, мне-то точно не везёт, – скороговоркой сказал сквозь "смешинку" Крот, – мне так подробно ещё никто за

меня не говорил, так что я съёбываю в вашу "Трубу" – ояебу, ахахаха! Короче, там надымлю пацанов...

Сказав это, Крот подхватил с земли свой рюкзак, и, не оглядываясь, ушёл в сторону Плотинки.

– Что ты ему наговорила? – забеспокоилась Ди.

– Я всего лишь внимательно его выслушала, тем более он сам язык хорошо распустил. А после задала пару вопросов, на которые он не смог ответить мне. Зато себе ответил честно. И предложил, типа для улучшения взаимопонимания, накурить меня. Хотя я-то знаю, что он "фаберже" подкатить³¹⁴ планировал таким образом. А на меня трава не действует почти никак, так что он так старался, выдувая мне "паровозы" в тех кустах сирени, что накурился сам. И всё, что я могу про него сказать – он "мультик" типа Космонавта, на даче которого мы с тобой познакомились, Леший.

Между тем, наступал вечер. Леший позвонил Жанне Андреевне, предупредив её, что придёт не один, а с симпатичной девушкой из Красноярска. А после забил трубку и раскурил. Лосик и Ди отправились куда-то в "Гринвич"³¹⁵ за едой, оставив Лешего одного сидеть на дереве, поглядывая в ту сторону, куда ушагал укуренный в дымину Крот.

"Одной проблемой меньше, аве Лосик, – думал он, пуская

³¹⁴ Имеется в виду фразеологизм "подкатить яйца".

³¹⁵ Торговый центр, занимающий в Екатеринбурге целый квартал.

кольца дыма, – Теперь обсудить дорогу. Пока успокоиться. И не накинуться у "философов" на Ди. Хотя, после трассы и всех разговоров, её лучше вообще не кантовать".

Лосик с Ди шагали за руку, неся в руке пакет из "Купца" с кучей продуктов.

– Так что, Катя, всё в тебе самой есть, ты видишь в других только то, что твоё. Как хорошее, так и плохое... Леший, мы тут вам нямки накупили. Чтоб не стыдно было на вписку идти. Всё без мяса, как Жанна любит.

– Да вы мои хорошие, – сказал Леший и показал на пакет с курой-гриль, – а курица тут зачем?

– Я её сама сточу. Укуренный женский организм требует ЖРАТЬ. Начнём с проксимальной части мускулюс гастрокнемиус, – сумничала Лосик, отрывая куриную голень – у меня всегда так – ешь курицу и повторяешь опорно-двигательный.

– Этому тоже учат на биофаке?

– Нет, это мой собственный заскок, – сквозь жевание курицы, сказала Лосик.

После того, как Лосика посадили на троллейбус, Леший повёл Ди на вписку к Жанне.

Жанна, сама уставшая после нескольких пар, поселила Лешего с Ди в комнате уехавшей в гости Марго, а сама удалилась спать. Леший дождался прихода Ди из душа, разложил свой и её спальник, тихонько напоил чаем на кухне. Прихлё-

бывая чай с печенюхами, Леший пообещал Ди разузнать подробности поездки. Он молчал про то, что испытывает человек, оказавшийся рядом с симпатичной ему женщиной, причём оказавшийся в заведомо выигрышном положении.

"Мне полагалось бы мерзко оскалиться и съесть Ди, пока она тёплая, – думал он, – Но я не буду торопиться. Лёшенька, не спугни пожалуйста..."

Леший пожелал Ди спокойной ночи и лёг на спину, скрестя руки за затылком. Ди положила очки на тумбочку, выключила фонарик на сотовом телефоне и легла рядом. Через какое-то время она уткнулась носом в плечо Лешему, и он обнял Ди, тихонько чмокнув её в макушку, слушая её дыхание и вдыхая её запах.

Вокруг был чердак Манула, со светящимися в ультрафиолете рисунками. Рядом сидел сам Евгений Иванович и Волк.

– Я умываю руки до самого Харькова, – сказал Волк, – Как мог, я помог.

– Хорошо. Мы завтра ещё встретимся с ребятами. Думаю, что Лосик может проводить меня хотя бы до Полюхи.

– Да, это будет хорошей идеей. О, Леший пришёл.

– Значит, завтра мы встречаемся. Хочу знать время и место.

– Здесь у меня, – сказал Манул, – вы можете приезжать

хоть утром, сходим на Соколиный Камень, покажешь Ди наши уютные холмики. Вечером подъедет ещё и Лосик.

– Вспомнить бы, где ты живёшь.

– Я встречу вас на станции, не переживай.

– Леший, отправляйся в сон к своей попутнице, ты ей нужен сейчас, – Волк сделал "жест разрыва связи".

Леший, к удивлению своему, не проснулся, а оказался ещё в каком-то чудном месте.

Он сидел рядом с Ди на сухом бревнышке на гребне скалы. На крутых склонах рёбрами торчали высоченные известняковые утёсы, а далеко внизу текла река. Замыкало картину зелёное волнистое море холмов.

– Ди, почему во сне я всё время оказываюсь в таких красивых местах рядом с тобой?

– Это Торгашинские горы, недалеко от Красноярска. Я очень люблю это место. Некоторые считают, что здесь самое живописное местечко в окрестностях Краса, лучше, чем на "Столбах". Добраться сюда чуть проще. Народа тут немного. В моих воспоминаниях тут лето, не удивляйся.

Действительно, дул тёплый ветер, несущий запах соснового леса и горячего чернозёма – похожие запахи были вокруг Лешего в его детстве, в "Оленьих Ручьях". Правда, высоты и виды здесь были явно не как на Серге.

– Мы завтра едем на Северку. К одному моему другу, который проедет с нами часть пути. Возможно к нему в го-

сти ты попадала во снах.

– Главное, утром мне об этом напомни, я не уверена, что вспомню...

Леший откинулся на спину, на сухую траву. Он смотрел на три сосны, между которыми лежало бревно, и на небо. Небо перетекало фракталами, цепляя зелёный свет верхушек сосен на голубом фоне. Лешему казалось, что сейчас он стал этим местом, этой сухой травой, этими осыпями, известняковыми скалами, рекой, мрачными горами на горизонте, горным летним лугом и небом. Это ощущение, так похожее на испытанное после грибов, скорее напугало Лешего, отчего он фокусировался на облике Ди.

Во сне у Ди почти всегда был белый балахон, клеиёные хипповские джинсы и хайратник на волосах. Вот и сейчас она нависла над Лешим, бликуя стёклами очков, как двумя солнышками и влетая свои волосы золотистыми линиями во фракталы неба, которое видел Леший.

– Ложись рядом, голова к голове. Зачем думать что-то ещё, если тут такое красивое небо. Завтра будет завтра...

Ди послушно упала рядом, уткнувшись затылком в ухо Лешего. Теперь он чувствовал ещё и тепло от головы Ди и знал, что зрение у них сейчас одно на двоих, общее. И фракталы, и бытие...

Леший проснулся от хлопка железной двери. Ди не было рядом. Он, было, испугался, но спустя минуту дверь комнаты

отворилась, и вошла Ди.

– Жанна Андреевна ушла на работу, я за ней закрыла. Она просила ей ключи на работу занести, сказала ты знаешь где и куда.

– И тебе доброе утро, Катя, – Леший улыбнулся, – ты помнишь сегодняшний сон?

– Про Базайскую Видовку³¹⁶ и твоё восприятие?

– Про встречу сегодня днём.

– Ох, да. Просто ты так красочно видел мой собственный сон, что я была в восторге. Это поистине запоминалось больше, – Ди нырнула к Лешему под спальник и поцеловала в ухо. Леший ответил взаимностью...

...Спустя час, попив чай и собрав вещи, Леший с Ди покидали философскую обитель. Благо до сегодняшней работы Жанны Андреевны двигаться надо было в том же направлении, что и к вокзалу, и Леший с Ди сели в троллейбус.

Электричка до Северки отправлялась в одиннадцать с минутами.

Леший шагал по сырому свежему городу, ведя за руку Ди. Ночной холодный дождь умыл Екатеринбург, слизав весь вчерашний снег. Ди восхищённо оглядывалась по сторонам, фотографируя на "цифромыльницу" понравившиеся уголки города.

³¹⁶ Живописное место на Торгашинских Горах под Красноярском, которое и снилось Лешему.

"Наверно я ничем не отличаюсь от многих других, – думал он, – мне важно казаться взрослым и успешным, вести красивую девушку за руку и смотреть на себя со стороны. А какой я? После встречи с собой-настоящим в ночном туннеле, я понял, что не так уж страшен, и достоин того, чтобы не думать об общественном мнении. А всё равно ведь думаю, пока иду по городу..."

Леший тащил за собой Ди через главный вход Вокзала и холодный тоннель под путями. Шалинская электричка стояла почти пустая, и Леший с Ди ещё минут пятнадцать созерцали голубей, клюющих что-то между путями, пока поезд не отправился.

На подъездах к Северке Леший высматривал Манула на платформе из окна. Двери с шипением распахнулись, выпустив их и нескольких бабушек-садоводов на узкую бетонную платформу. На путях перед станцией стоял состав с хопперами, и Леший не обломался предложить Ди перелезть прямо так.

– Молодые люди, нарушаете! – раздался строгий голос где-то слева.

Леший повернулся на знакомый голос и узрел Манула, выглядывающего из-за столба.

– Привет, Манул. Это Ди, она из Красноярска.

– Я тебя видел во сне, – сказал Манул, улыбнувшись и кивнув головой в знак приветствия и перехватил у Лешего гитару.

– Почему-то меня больше не удивляет эта фраза в окружении Лешего, – сказала Ди.

Манул сначала повёл ребят к себе, дабы сбросить трассовые рюкзаки, гитару и идти гулять налегке.

Теперь он не влезал по стенке, как в прошлый раз, а просто открыл ворота хитрым ключом.

– Отец у меня пока халтурит, – сказал Манул, – а я отдыхаю. Предлагаю вам, сударыня, и тебе, Леший, сходить в прогулку на Соколиный Камень. Это, конечно, не Столбы, но мне нравится.

– Я за любое движение, – сказала Ди, – движение наше всё.

Леший наполнил термос и прихватил с собой лёгкий рюкзачок, найденный у Манула.

Они шагали втроём, обходя огромные округлые лужи на серой грунтовке. Впереди шагал Манул, насвистывая что-то себе под нос. За ним – с сухого места на сухое, перепрыгивая лужи, скакала Ди. Замыкал шествие Леший, глядящий по сторонам и вспоминающий свою практику в Лестехе.

"Как всё красиво вокруг, – думал он, – как тогда. Преподаватели считали меня одарённым студентом, а одногруппники – оторванным от реальности алёшей, ведущимся на лю-

бые подколы. Хотя таким ты, Алёшенька, и был тогда. Тяжело жить, не зная альтернатив. Тяжело найти свой путь там, где нет выбора. Я вырвался из этого, но какой ценой?"

После большой и уютной поляны дорога упёрлась в болотину. Здесь Манул, следуя только ему известным признакам, повернул налево. Леший, бывший на Соколином считанное количество раз, так и не мог запомнить место, где этот хитрый поворот. После скакания по остаткам зимнего снега и кочкам с сухой болотной травой, ребята выбрались на твёрдый грунт. Теперь под ногами, перемежаясь островками снега, шуршала палая хвоя на лесной дороге. Леший радостно слушал сложную мелодию, выводимую певчим дроздом, стук дятлов и короткие тревожные свистки зябликов.

Наконец, тропа начала забирать в гору, сузилась и пошла по склону маленького холма.

– Заберёмся на гору? – предложил Леший.

– Это называется гора? – усмехнулась Ди.

– Гора, да ещё какая, – заступился Манул за родные места, – это самый западный край огромного гранитного массива, и когда-то здесь были горы, наподобие ваших Столбов. Просто время никого не щадит.

Леший, а вслед за ним Ди, быстро вскарабкались по гранитным глыбам, цепляясь за корни сосен. На вершине, на камешке с очертаниями сокола, Манул уселся по-турецки и стал забивать трубку. Леший уподобился его примеру, а Ди

просто выбрала камешек потеплее и улеглась на него, свесив голову.

– Да, горы у вас древние. Меньше, чем в Кырске, но зато уютные такие, – сказала Ди, – а бурундуки у вас тут живут?

– Я по осени тут его прикармливал, бывало, – сказал Манул.

После ритуального курения и распития чаю из термоса, быстрыми скачкообразными шагами спустились вниз. Здесь речка Северка делала петлю вокруг Соколиного Камня, возвышающегося двадцатиметровым пупырышком, поросшим соснами. А в русле реки бурлила кофейного цвета торфяная вода среди остатков льда и огромных тёмных валунов.

– Ой, а здесь так здорово! – воскликнула Ди, – как наши лога на Столбах!

– Ландшафт похожий, ага, – сказал Леший, ни разу не бывавший в Красноярске.

Теперь расселись на тёплом сосновом брёвнышке на поляне. Манул с Лешим натаскали сухих сосновых веток, наломанных снежными шапками за зиму. Из них соорудили быстрый костёр, положив внутрь кучи серо-жёлтых веток бересту, вымазанную смолой. Эта дымная конструкция быстро подпалалила костерок, и сидеть рядом с ручьем стало сразу уютней.

– Жалко, Лосик приедет только вечером, – сказал Манул.

– А она будет? – спросила Ди

– Она с нами до Уфы поедет. Со мной, в качестве напар-

ницы.

– С Лосиком круто ездить стопом, – сказал с видом знатока Леший, – она очень харизматичная.

– А со мной? – притворно обиделась Ди, – Я же лучше Лосика?

– Я с тобой ещё стопом не ездил. Но, думаю, будет шанс проверить. В любом случае сравнивать вас – это как сравнивать Большой Иремель с твоими Столбами или Торгашинскими горами, ну, или как Урал с Сибирью.

– Эй, не ссорьтесь, – так же притворно сказал Манул, решивший подыграть, – а то Леший поедет стопом со мной, и никому не достанется.

– А я согласна была бы проехать с Лосиком!

– Дорога план покажет, – загадочно сказал Леший.

"Действительно, сравнивать Лосика и Ди херовая идея. Они не хуже и не лучше друг друга, – думал Леший, – они просто разные. Лосик – воспитавшая сама себя ведьма. Ди – девочка, подсознательно ищущая красоту и влекомая всеми ветрами. Они, конечно, чем-то похожи, как похожи все девушки, нравящиеся тебе, Леший"

Обратно шагали под трескотню дроздов-рябинников и многоколенчатую песню певчего дрозда.

Возле ворот Манула дожидался отец.

– О, на ловца и зверь... Товарищ ефрейтор, разрешите

обратиться...

– Младший сержант! – рявкнул Манул, ударив отца в живот.

Отец ловко увернулся от удара, перехватив руку Манула. Весь этот спарринг-танец длился буквально полминуты, но Леший и Ди видели, что он имеет дружественный характер.

– Ладно-ладно, Женя, – сказал запыхавшийся Иван Васильевич, – проводи гостей. А то там тебя твоя тёзка дожидается сидит.

– Замечательно, – кивнул Манул.

Леший поздоровался с отцом Манула за руку, представил Ди.

– Катенька, вы не обращайте внимания на наши дурачества, – сказал Иван Васильевич, – мы так шутики шуткуем.

Ребята прошли на кухню, где в обществе телевизора с "домом два" восседала Лосик.

– Теперь можно выключить заразу, – сказала она, – как я вам завидую, вы с прогулки!

– Завтра мы с тобой вдоволь нагуляемся, – сказал Манул, разливая чай гостям.

Отец Манула натопил баню. Как и в прошлый раз, первыми отправили девушек. А Манул с Лешим сидели на чердаке, обсуждая путь.

– Я с Лосиком до Уфы поеду. Там рядом с Дёмой будем славливаться с Полюхой и вами. Там есть озеро, рядышком мы палатку воткнём, – Манул развернул топографическую

карту на мониторе компьютера, – вот здесь. По-хорошему, мы оба там будем к вечеру. И Полюха уже где-то там окажется, она с Иремеля стопом поедет, так что все найдёмся. Вот на этом берегу, поближе к рельсам, подальше от всякой гопоты, празднующей первомай.

– Хорошо. Как сделать так, чтоб мы приехали в одно время?

– Хороший вопрос. Предлагаю ехать одной паре через Златоуст, другой – через Кропачёво. Там, скорее всего, мы с Лосиком поедем. Ибо мы уже на пермской трассе сидим.

– Я подобную гонку однажды устраивал, – сказал Леший, – через Кропачёво медленней получилось.

Леший вспомнил эту поездку. Когда Леший только открывал для себя автостоп, он с однокурсником устроил такие гонки. При этом однокурсник ехал через Челябинск, а Леший стартовал напрямую из Михайловска. Как выскакивать на трассу до Кропачёво, Леший тогда не знал, поэтому много времени и сил потратил на блуждание по глухomanям Артинского района. А потом ещё и застопил дагестанскую "шайтан-арбу", гружёную лесом. На очень медленной скорости "шайтан-арба" переползала через Урал. Леший вместе с водителем и сменщиком кушал вкуснейший арбуз большой ложкой, слушал истории про межнациональные отношения в Дагестане и под Кропачёво оказался только вечером. Там дагестанцы заправлялись и решили остановиться остужать движок, а Леший перепрыгнул в другой КАМАЗ, до самой

Уфы. А дальше была бесполезная и бессонная ночёвка на вокзале Уфы, встреча у "Салавата"³¹⁷ с однокурсником, прогулка по Уфе и стоп на Иремель...

– Связь держи с Лосиком, денег на телефон наложили, звони. И с Полюхой.

Наверх поднялись девушки. Ди, поднявшаяся вслед за Лосиком, аж присвистнула, оглядевшись.

– Это место мне снилось!

– Бывает, – только и ответил Леший.

– Мы организовали общее "пространство сна", и сделали его похожим на мою каморку, – сказал Манул, – уютно, правда?

– Ди, ты хотела посмотреть Уральские горы?

– Ну, если они все, как Соколиный, так неинтересно, – сказала Ди, – А если повыше – поглядела бы.

– Значит завтра с утра мы с тобой в Екат, а оттуда выезжаем на Челябинскую трассу.

– Я доверяю тебе, – сказала Ди.

Леший взял гитару, и стал наигрывать мелодию из "Ивана Купала" Вени Дркина. К его удовольствию, песню знали и Лосик, и Ди.

– Теперь твоя очередь, – Леший подал гитару сидевшей по-турецки Ди.

Она заиграла что-то очень хипповское и весеннее, с соль-мажором.

³¹⁷ Памятник Салавату Юлаеву в Уфе.

"...Но король всех дорог сегодня проходит сквозь город, и приходит весна"³¹⁸, – закончилась песня такими словами.

Лосик тоже взяла гитару, и тоже спела про весну

"Когда часы делящая планета

Вновь обретает общество Тельца,

Природа видом радуется сердца,

Сияньем огненных рогов согрета..."³¹⁹

– Леший, а ты возьмёшь с собой гитару в стоп?

– Да, скорее всего, – сказал он, – надо же будет деньги зарабатывать в стопе.

Вскоре Манул раздал всем по одеялу и подушке. Леший, как и в прошлый визит, лёг спать один.

"Чем я это объясню? Да нечего и объяснять, Леший, – вёл он диалог у себя в голове, засыпая, – завтра в долгий путь, и с Ди мы будем проводить круглые сутки вместе. Пусть хоть сейчас отдохнёт"

Снилась Лешему ночная дорога. Он сидел в кабине дальнотойщика один. То есть совсем один, вёл машину сам. Во сне обычно таким вещам не удивляются, но Леший, увидев в свете фар стоящего Волка, осознался, вспомнил, где тор-

³¹⁸ Терембор – Король всех дорог.

³¹⁹ Хелависа – Сонет ми-минор. Вообще, это стихи Фр.Петрарки.

моза у фуры, показал поворотник, и затормозил настолько резко, что запах подпаленных тормозов донёлся до кабины. Дверь распахнулась, и вскарабкался Волк.

– Мне домой.

– А где твой дом, Волк?

– Мой дом – Урал. Мы сейчас на Южном Урале же. Трогай, не медли. Доверься телу.

Леший, к удивлению для себя, включил поворотник, щёлкнул рычажком-джойстиком на рукоятке сиденья, отпустил рычаг ручника, надавил газ, и машина плавно поехала.

"В какой машине попался мне такой джойстик? Mercedes!" – думал Леший, увидев шильдик на руле.

– Не думай, что и как делать. Вдруг тебе машину водить придётся, и будет лучше, чтоб ты попробовал посидеть на месте дальнбойщика, – сказал Волк и хлопнул в ладони.

– Мне скоро выходить.

– Ты же только сел? – удивился Леший.

– Скоро солнце взойдёт, а ты меня в полночь посадил. Видишь этот поворот? – Волк показал на знак "примыкание дороги", – мне выходить.

– Я найду это место? – Леший начал плавно оттормаживаться, сначала педалью, потом – "парашютом", – или не будет смысла?

– Не ищи. У тебя своя дорога. В конце концов, вам самим своей жизнью "рулить", – сказал Волк.

Леший постарался запомнить поворот, но никаких зна-

ков тут не было. На удивление, не было и никаких машин. Просто уходящая вправо грунтовая дорожка посреди сумрачного туманного леса. И никаких знаков.

– Ты скоро нас покинешь?

– "Ты понял то, что только голова твоя понять смогла..." – процитировал Волк старую попсовую песню, а потом открыл дверь и выпрыгнул в сумерки.

Леший выдохнул, и потерял нить осознания. Дорога тут же сменилась ночными холмами, железной дорогой, рекой, а сон перешёл в "сонфильм".

На следующее утро Леший с Ди и Лосик с Манулом стояли вчетвером на платформе станции "Северка" и обнимались. Все вчетвером, взявшись за плечи.

– Ну что, Леший и Катя, вам пора – сказал Манул, когда двери электрички распахнулись перед ними.

– Доброй дороги, Женя и Женя, – сказала Катя.

– Тёплых трасс, – сказал Леший, глядя на пасмурное утро.

Манул и Лосик, не оборачиваясь, пошагали с платформы прочь, а Леший смотрел в окна электрички. На "Свердловске-Пассажирском" всё было просто. Леший зашёл в "Кировский" на Свердлова, купив продуктов в дорогу. Заправленный загодя термос внушал оптимизм, но вот запас "ништяков" надо было пополнить. Ди стояла с рюкзаками и терпеливо ждала, пока Леший выйдет с полной корзиной еды.

После чего Лешего и Ди поглотил тёплый троллейбус номер один, и почти час они выбирались из города на позицию.

– А ты много куда стопом ездила? – спросил Леший, пока они шагали до примыкания ЕКАДа.

– Честно говоря, нет, – сказала Ди, – до Новособа, до Томска, до Кузни, до Абакана. И так по мелочи. Даже на Байкале не была.

– Ну, по сибирским меркам это немного. По европейским – ты уже матёрая стопщица.

– Ох, не знаю.

Леший бросил монетку и поднял руку.

– Долбанная диффузия ответственности, – ругнулся Леший, не остановив за час ни одной машины

– Как это? Что ты под этим подразумеваешь?

– Мы стоим на выезде из города. И тут каждый проезжающий водитель думает: "Почему именно я должен их брать? Здесь же полно машин!" И не берёт никто. Вот и стоим тут, как три тополя на Плющихе...

– Два тополя тогда уж, – Ди присела на свой рюкзак, расчехлила гитару, подстроила струны и начала что-то бренькать, – ну хоть настроение появится.

"Откроешь глаза – дорога,

Закроешь глаза – дорога,

Лети на ладони бога..."³²⁰, – запела Ди.

³²⁰ Умка – "Откроешь глаза – дорога".

Через половину песни рядом с ребятами затормозил японский грузовичок.

– Здравствуйте, мы автостопом едем на Украину, можно с вами?

– Я до Кыштыма, садитесь.

"Японка" взревела, тронувшись. Молодой водитель, едущий в Озёрск, слушал кассету с "Тараканами" и интересовался странными вещами.

– Вы кто по субкультуре?

– Да Бог его знает, – ответил Леший

– Наверное, ближе к хиппам, – сказала Ди.

– А я чистокровный панк, – сказал водитель, начесав рукой чёлку на глаза, – хотя многие думают, что я эмо.

Леший и Ди посмеялись.

– А вас подобрал, потому что вы с гитарой, и весёлые такие.

"Японка"-полутоннажник быстро нёс Лешего и Ди по дорогам. Загруженный плиткой фургон прижимал их к земле и отрабатывал все ямы под рессорами. По словам водителя, если бы этот грузовичок был пустой, то приходилось бы подпрыгивать, ударяясь головой о потолок.

– У нас под Кыштымом ёбанный ремонт дороги, и все едут через Слюдорудник³²¹.

– Бля, а как быть? – спросил Леший

– Да там все сейчас идут, словите кого-нибудь, хули, – оп-

³²¹ Закрывали дорогу на четыре долгих года.

тимистично сказал водитель, когда машина уже неслась мимо каслинских озёр.

Вскоре на дороге появились большие предупредительные знаки о ремонте и объезде.

"Прилипли, блядь, прошлой осенью этого ещё не было", – думал Леший, подавая руку Ди и покидая гостеприимную "японку" на повороте на грунтовую дорогу. Стрелка часов давно переползла за полдень, и сейчас медленно ползла к вечеру.

Теперь стопила Ди, а Леший, наливая чай из термоса, поил её, а сам курил трубку, сидя на корточках.

Спустя полчаса остановилась голубого цвета иномарка.

– Здравствуйте, в сторону Златоуста не подбросите?

– Подброшу. Я в Юрюзань еду, – сказал водитель и открыл багажник, – рюкзаки и инструмент можно туда.

– Спасибо.

– Потом скажете, как доедем. Эта грунтовка уже все нервы вымотала, куда еду, – водитель довольно резко тронул с места и помчал, – Меня Романом звать.

– Я Лёша, а это Катя, – сказал Леший за двоих, – я из Михайловска, а она из Красноярска.

– Что же вас свело здесь?

– Дорога, – сказала Ди, – мы едем в Харьков.

– Эх, как далеко вас несёт. Ну, хорошо вам. Приедете, а

там уже тепло, купаться поди можно будет. А у нас на озёрах, – водитель махнул рукой в сторону проезжаемого озера со льдом, – впору устраивать конкурсы, типа кто быстрее доплывёт до льдины.

Вокруг грунтовки росли и высились горы. Потом она внезапно выскочила на разбитый асфальт, и машинка понеслась чуть быстрее.

– А вот Карабаш скоро будет, – показал Роман горы впереди.

– Я тебе про него рассказывал, – шепнул Леший Ди.

Действительно, скоро показались угольно-чёрные отвалы, а слева – огромная лысая гора с крестом. Дорога тянулась вдоль огромного завода и мёртвых домов.

– Вы так не ужасайтесь, я окна закрыл и кондей отрубил, – сказал Роман, – Дышите спокойно. Проедем – открою.

– Угу, – кивнул Леший.

– Хорошо, что тут дождя сейчас нет. В дождь ощущение бывает, что вода прямо мыльная с неба льёт.

– Странно, казалось бы, рядом чистейший Таганай, а тут такой пиздец, – глядя на радужные воды Сак-Елги, сказал Леший.

– Я пофоткаю? – Ди достала фотоаппарат и начала прицеливаться к лужам и сухим корягам, торчавшим из голой каменистой земли.

– Фоткай конечно, – сказал Рома, – тут очень много на себя эта гора берёт. Там, за ней, – водоём, из которого Челябин

пьёт воду. Если б не гора – вся таблица Менделеева была бы в челябинской водичке.

Леший проникся уважением к этой большой черноголовой горе, высящейся могучим стражем, стоически принимающим удары ядовитого дыма.

Проезжая мимо Миасса, Леший вглядывался в окно: где-то здесь живёт Ольга, прошлой осенью скитавшаяся с Лешим по горам Таганая и накормившая его грибами.

"Ей мы ничего про дорогу не сказали ведь, – думал он, – она наверно работает сейчас"

Леший набрал номер Ольги. "Абонент временно недоступен", – сказал ему автоинформатор, и Леший загрустил. Всё же, благодаря Ольге, Леший узнал многое о красоте этого мира.

– Здесь я прошлой осенью грибы пробовал, – шепнул Леший Ди.

– Ну, думаю, тебе повезло с окружением, – сказала она, – я была свидетелем, как человек, Гробище, объелся грибов. Он пошёл бродить голый по Красноярску. По Красрабу, на правом берегу. Дошёл до Предмостной Площади, а там его менты повязали. Он ещё пугался, что его в армию заберут. А, как позже выяснилось, уехал Гробище на дурдом, на принудительное".

– Пожалуй.

Водитель под звуки радиопопсы нёсся с горы на гору так, что закладывало уши. Солнце время от времени слепило, отражаясь от асфальта, пока не показался город Златоуст.

– Вот, тут уже похоже на наши горы, – сказала Ди, глядя на величественную панораму. Уреньга уже стояла в тени, над котловиной города висела дымка от многочисленных дымящихся на огородах кучек ботвы. Лишь Двуглавая сопка Таганая сверкала розовым ярким светом на фоне тёмно-синих облаков.

В Златоусте водитель остановился у Универмага, где Леший пополнил запасы еды конфетками. А после машина начала подниматься в гору.

На "Уреньгу" взобрались уже в сумерках, застав на перевале последний розовый луч закатного солнца.

Прекрасная трасса М-5 впустила в течение своей бело-красной реки машину Романа, с Лешим и Ди.

Теперь их иномарка плелась в потоке фур, и перед глазами Лешего мелькал борт с турецким номером. Ди дремала на заднем сидении, Роман сосредоточенно вёл машину под звуки римейка попсы десятилетней давности.

"Бля, мы под эту музыку отплясывали на дискотеке в школе, когда мне было одиннадцать, – думал Леший, – Теперь мне почти двадцать один. На эту песню написали другие сло-

ва: твои пластинки слушала я, ах Ева, я любила тебя³²², бла-бла-бла..."

Глубокой ночью Роман оставил Лешего с качающейся сонной Ди под фонарями Юрюзанского спуска. Далеко впереди стоял МАЗ с дымящимися тормозами, а остальные просто неслись мимо.

Ди задрёмывала на ходу. Леший разложил для неё "пенку", раскатав её наполовину, и посадил туда саму Ди, накрыв её курткой. Леший курил трубку и ни о чём не думал. Он будто сам стал ночной дорогой.

Несколько часов ночного автостопа было позади, на востоке начало светлеть небо. Где-то вдали лаяли собаки. Машины пролетали со свистом, и никто не хотел остановиться...

Вдруг Леший услышал звук тормозов сзади себя и увидел "Рено-логан", приближающийся к ним задним ходом по обочине.

– Ди! Катя! Просыпайся! Машина!

Сонная Ди быстро свернула пенку, пока Леший подбегал к машинке...

Задние двери открылись, и из них высунулось знакомое

³²² Популярная в тот год песня "Ева, я любила тебя" группы "Винтаж". Песня, в свою очередь, римейк одной из песен группы "Гости из будущего" 1999 года.

веснушчатое лицо...

– А я-то думаю, кто тут голосует на спуске? – сказала Полина, обнимая Лешего, – садитесь бегом в наш телепорт!

– Здравствуйте, в сторону Уфы...

– Да знаю я, садитесь, что ли. Девушку только разбудил, – темноволосый водитель с восточными чертами лица махнул на Ди, – пусть дальше спит. Гитару можно Полине дать, рюкзаки назад!

– Полина, это Ди, она из Красноярска.

– Здравсьте, – сонная Ди была явно не в настроении общаться...

– А это Арслан, он из Чишмов³²³, так что подкинет нас прямо до станции, где расходятся ветки на Ульяновск и Самару. С Манулом я уже обсудила. Чтоб не толкаться на огромной станции "Дёма", мы перенесли место встречи на Чишмы. Местечко, правда, мы для них запасли. Но ничего, разберёмся.

– Эсенмесыз³²⁴, – сказал Леший.

– И вам не хворать, – улыбнулся Арслан, – пристёгивайтесь.

"Логан" быстро стартанул и понёсся по мосту над мутными водами Юрюзани. Леший просто вырубился без сновидений, навалившись на Ди, а она – на него.

³²³ Чишмы – маленький городок к западу от Уфы. На станции "Чишмы" расходятся ветки железной дороги на Самару и Ульяновск.

³²⁴ "Здравствуйте" (таг.).

Леший проснулся от тряски: "Логан" съехал на заправку. Ди, с невыспавшимся видом, озидала окрестности.

– Полин, где мы? – спросил Леший

– Уже на подъездах к Уфе. Иглино недалеко.

– Ага. Лосику не набирали, где они сейчас?

– Они уже взяли грузовой, и сейчас где-то параллельно нам едут, – Полина показала Лешему телефон.

На экране светилось смс:

"ViexaliNaTovarniyObjezdUfySei4asStYurmash"

– Мда, стиль налицо, – усмехнулся Леший, – а Юрмаш это где?

– Это, считай, рядышком. Если повезёт, можно даже ручкой им помахать, когда поедem, – сказал Арслан.

– Интересно, кофе тут есть? – подала голос Ди.

– Давай сходим? – предложила Полина, – надо просыпаться уже.

Полина и Ди ушли в сторону кафе рядом с заправкой. Пришёл водитель.

– О, проснулись?

– Вроде бы.

– Айда чай пить, – Арслан извлёк из просторного "бардачка" термос, – с иремельскими травами.

– Спасибо, – сказал Леший, – как вы согласились нас везти?

– Туристы-пермяки с нами часто ходят. Вот и в этот раз, считай, мы ходили на Иремель, да на Жеребчик, а потом

Полина вот в Уфу напросилась. Договорились с ней, что до Чишмы вас подброшу.

– Хорошо на Иремеле. Я там один раз был, пару лет назад.

– Хорошо. Кто бы спорил, – сказал Арслан, прихлёбывая чай.

– А имя "Арслан" правда значит "Лев"? – спросил охочий до языков Леший

– Да.

– А "Волк" как по-татарски?

– Бюрэ. Имени такого вроде нет. А зачем ты спрашиваешь?

– Да так, есть один знакомый, который нам Волком представляется. Он Шаман.

– Да мало ли их, волков, – сказал Арслан, – а Иремель, считай, такая гора. Любят её шаманы всякие. И мистики. Вон, девчонки идут, допиваем быстрее, что ли.

– Чтоб не досталось, – улыбнулся Леший.

Полина закинула Лешему хачапури и томатный сок. Умывшаяся и проснувшаяся Ди сидела рядом с Лешим и попивала кофе из бумажного стаканчика. "Логан" тронулся и помчал в плотном потоке уфимской объездной.

"Вот, хоть раз оказался возле Уфы утром", – думал Леший, глядя на далёкий город справа.

После стерлитамакской развязки Полина начала набирать

номер Лосика.

И дозвонилась сразу.

– Да, Жень, вы где? Дёма? Манул где? – Полина сделала паузу, – хорошо. Передай Манулу, что мы скоро. Встречаемся у привокзальной? Там между путей вокзал? Хорошо...

– Что там?

– Заворачиваем на Дёму, – сказала Полина, – Манул с Лосиком там, оттуда и посвищем.

– Ярар³²⁵, – сказал водитель, – хозяин-барин.

Перед самым постом на развязке "логан" свернул в сторону западной окраины Уфы и остановился на солнечной привокзальной площади. У перехода на скамейке сидела Лосик, обнимая ногами рюкзак Манула и подкармливая хлебом голубей.

Девушки радостно обнялись, а Леший просто достал рюкзаки и гитару из машины и выставил рядом.

Ясное утро в голове Лешего никак не ассоциировалось с трейнхопом. Полина тепло распрощалась с водителем, "Логан" развернулся и умчал в обратном направлении.

Судя по всему, теперь надо было ждать Манула. Торопиться было некуда, поэтому Леший забил и закурил трубку. Лосик и Ди убрели в поисках туалета и магазина с "ништяками". Леший остался с Полиной.

– Расскажи, что такого на Иремеле? Я там был, но по мне

³²⁵ "Хорошо, ладно" (тат.).

– просто живописные горы. Почему там такие люди собираются?

– Долгое время именно Иремель считали сердцем Южного Урала, – сказала Полина, – и самой высокой горой. И лишь когда появились точные приборы, узнали, что Ямантау выше. Не была на Ямантау, но Иремель действительно впечатляет. согласишься?

– Конечно, – Леший решил поспрашивать ещё, – а почему Света пыталась искать Волка на Иремеле?

– Они во сне встречались с Волком именно в тех местах, хотя Волк не говорил что это и где. А дотошная Света по очертаниям гор восстановила место.

– Меня всё же смущает личность Волка. Может он наша коллективная галлюцинация? Или какой-нибудь хитрый колдун?

– Я предпочитаю вопросов не задавать, и смирилась, что его нельзя найти в реальности, – Полина пнула ногой камушек, – У Манула спрашивай. Они плотнее общаются. Я же, по сути, только через Манула с Волком и знакома.

– А я вот задаю, – не унимался Леший, – он мне снился недавно. И, насколько я истолковал его слова, скоро он нас покинет.

– Не могу знать, друг мой.

– А вот и Леший с трубочкой, – Манул, как всегда, подошёл незаметно, – с прибытием!

– Доброе утро, Манул, опять пугаешь. Как вы добрались?

– По-разному. В автостопе честно Лосик вела. Мы поехали через твои края как раз. Перед грунтовкой у нас Камаз поломался, пришлось мне с драйвером возиться. В итоге он нас отпустил с миром, пересадив в другую машину. Нас пересадили на мордастого "Американца"

– "Фред"?

– Не, там вроде "Кенворт" был. Не суть. Там пенсионер на ночёвку вставал в Кропачёво. И я решил на своего конька сесть, мы уехали с трассы на станцию, а там взяли грузовой с пустыми "коробками", который и довёз нас до сего чудного места. Ещё и ночь поспать умудрились, ночка хорошая была.

– Ну хоть не стопили в ночь, как мы под Юрюзанью, – Леший пересказал свою трассу.

– Короче, слушай. В составе, где я ехал, есть тепляк незакрытый, – Манул перешёл к делу, – Надо затариться водой и попробовать туда пробраться. Он пока стоит без "паровоза". Я пытался пробраться в бригадник, но меня выпалили: тут всё же не родная Сортяга. Так вот, проберёмся и надо будет там сидеть тихо-тихо. Сейчас Женьку проводим на электричку и зачисляемся.

– А если он не туда поедет?

– Тут обе дороги на запад ведут. Одна подлинней просто, через Ульяновск, а не рядом с Самарой. Доверимся случаю, – Манул улыбнулся.

Электричка на Кропачёво отправлялась около полудня. Жаркое солнце светило на плитку платформы у кирпичного здания вокзала. Возле зелёно-белых вагонов было немногочисленно: видимо, основной народ на восток садится на вокзале Уфы. Надписи на вокзале были на двух языках: на русском и башкирском: Леший с любопытством разглядывал странные слова, изобилующие сочетанием букв "-һы", непривычным для русского текста. Даже название станции было написано двуязычно: "Дёма – Дим".

Манул с Лешим надыбали две пятилитровки, которые наполнили питьевой водой. Леший втолкал пятилитровку к себе в рюкзак, Манул же просто привязал её снизу под рюкзаком.

– Сейчас наша главная задача – не палиться, – Леший поучал опасавшуюся трейнхопа Ди, – как только придём к товарняку, надо будет сразу искать вагон и забираться в него. Быстро-быстро. А потом сидеть там тихо-тихо.

– А если нас заметят?

– Если заметят, что-нибудь придумаем. Можно просто прикинуться идиотом. Иногда помогает.

Леший припомнил одну историю, приключившуюся с Кузей из Тагила. Этот чудесный тагильский неформал пару раз отжёл, перелезая через "дыру в заборе" в Новоуральске. Делал-то он подобный фокус много раз, но попадался дважды. Первый раз, когда его принимали ВОХРы, он "включил

"дурака", и начал гнать что-то типа "Я есть немецкий шпиён, я пришоль взорвайт ваш горот, вот мой паспорт, я родилься горот Нишний Тагиль..." ВОХРы просто посмотрели на него, как на идиота. Обшмонали, и, не найдя запретного, просто припроводили на вокзальный КПП, где сдали его вокзальным ментам. Тем возиться было неохота, и они попросту усадили его в электричку и вздохнули с облегчением. А на второй раз, летом седьмого года, его ловили на том же месте, где он включил того же "дурака". Правда там ВОХРы оказались умнее, и отвели его к начальству. А в начальстве сидели те, ловившие его в прошлый раз. Сразу распознав его, промыли ему мозги и сдали другой конторе. Та особо разбираться не стала, вломила профилактических тумачков и выписала административку. И с тех самых пор Кузя Тагильский для Лешего стал "немецким шпиёном".

Все по очереди обнимали Лосика, провожая и жалея, что её держит учёба.

– Леший, у тебя всё будет хорошо. В любом случае, – сказала она, – даже не переживай за Ди. Она взрослее и мудрей, чем кажется.

– Ты отпишись, как будешь в Ёбурге, – сказал Леший, – помнишь нашу телегу про брата и сестру?

– В стопе.

– Не обидишься, если я и правда буду тебя называть "сестрёнкой"?

– А я тебя "братишкой" тогда. Хотя мне кажется, мы хороши и в текущем качестве.

– До встречи! Доброй тебе дороги!

Лосик говорила со всеми по очереди, бродя вдоль своей электрички. Долго она говорила с Ди, проникновенно глядя в глаза и держа её за руки. А потом вдруг перехватила Манула, указывая ему на одну из дверей электрички.

– Можете пройти насквозь, не обходя. Круто же?

– Машинисты могут выпалить.

– Им не насрать ли?

– Здесь неизвестно, не хочу рисковать.

Сначала зачисляться отправились Манул с Полиной. Под прикрытием задней кабины электрички они спрыгнули с платформы и побежали через пути и составы к своему. Леший с Ди проводили электричку, махая рукой Лосику, а затем поднялись на эстакаду. Оттуда они смотрели, как можно пройти к указанному Манулом товарняку.

Леший разглядывал состав с платформами, стоящий по другую сторону от нужного.

"А не облезть ли его с другой стороны? – думал он, – Спустимся по лесенке сюда, минуем два пути, цистерны и платформы. И вот наш состав!"

Ди сфотографировала Лешего на свою "цифру" на фоне

крупной станции. Перед тем, как отправляться в поисках своего вагона, Леший даже перекрестился. Уж больно велика вероятность "палева", поэтому было волнительно. С Манулом он договорился, что при подходе к тепляку, Леший постучит особым образом по стенке вагона. Тогда Манул будет знать, что идёт Леший. Ну а потом Манул должен был бы отозваться таким же стуком, чтоб Леший был уверен в наличии Манула в вагоне.

Ди взяла гитару в руку очень низко, почти пригибая её до земли. На полусогнутых ногах они перебежали пути, Леший быстро нырнул под вагон, забрав гитару и рюкзак у Ди, подавая ей руку.

"Перелезать под вагонами страшно, даже если они без локомотивов стоят, – думал Леший, – надо быстрее, быстрее. Теперь платформы. Тут проще через верх. Блядь, мы тут как на ладони! Вот и наша теплуха!"

Леший и Ди сидели на корточках перед деревянной стенкой. Леший постучал. Манул постучал изнутри. После этого Леший быстро подлез под вагоном к открытой дверке, закинул туда гитару, рюкзаки, посадил Ди и, наконец, залез сам.

– Прикроем дверку, от любопытных глазок, – сказал Манул, – дёрнем чутка вдвоём, когда поедет наш сосед справа. Его как раз подпаровозили только что. Он-то идёт на Акбаш и Ульяновск.

Действительно, оттуда доносились звуки тепловоза. Ди разложила коврик и спальник в торце вагона, да и рухнула спать. Полина же принялась обустраивать вагонный быт.

– Щас тронется сосед, – сказала она, – попробуем поискать дырки в полу.

– Нахуя? – спросил Леший.

– А срать ты будешь, свесив жопу за борт? – с иронией сказала Полина, – не забывай, что мы девочки и стесняемся.

– Вы серьёзно взялись за обжитие...

– У тебя же гамак есть. Можешь повесить, тоже когда поезд поедет соседний. Вон, тут крепёжки есть. Всё, тихо, – перешла Полина на шёпот, – кто-то идёт.

Мимо вагона прозвучали шаги. Дядька в оранжевой жилетке прошагал мимо, не заглянув в теплушку.

После этого дали гудок, и с грохотом тронулся соседний поезд. Леший в это время прицепил карабинами концы гамака к скобкам на стенке вагона, а Полина отыскала место, где короткими половыми досками был заделан пролом.

– Такое часто бывает в теплухах, считай, что нам повезло его найти, – сказал Манул, – Они же часто для перевозок людей использовались, а люди как-то приспособились. Потом обратно сложим.

Товарняк уехал, открыв обзор станции. Много вагонов-цистерн. Хопперы. Коробки из-под угля или железа.

"Столько всего тут едет, – думал Леший, – как же велика Россия, и всё везде всегда в пути. Грузы ли, люди ли... Вот и мы скоро..."

Действительно, раздалось шипение тормозов, и по составу прокатился толчок: это "подпаровозили" состав.

Манул лёг в лешевский развешенный гамак и засопел. Несмотря на тень, в вагоне было жарко. Леший лежал пластом на расстеленном коврике. Ди вообще уснула. Лишь Полина копошилась, обустривая быт вагона.

Вдруг вдали раздался гудок, и с рывком тронулся состав. Гамак над головой Лешего закачался, и высунулся Манул:

– Поехали, кажись, – шёпотом сказал он, – и мы под электровозом.

– Ты как определил?

– Слушал внимательно, как гудит. Сейчас со станции выедем и разомнёмся.

– Да, надо бы, – сказал Леший, – а то я, как амёба.

– А ты бери пример с Полины Васильевны, она вон как старается.

– Евгений Иваныч, ты спи. Сейчас я дежурю, потом ты.

Состав разгонялся, качался на стрелках. Часы показывали четвёртый час дня. Наконец, станция позади, и под колёсами запел монотонно "бархатный путь". В проём двери задуло. Манул соскочил с гамака, раздвинул дверку.

– Теперь поедem, как заправские хобо, – сказал он, – можно даже расчехлить гитарку и закурить трубку.

– А я замучу обед, – сказала Полина.

– Тогда гитара с меня, – крикнула Ди.

– О, кто проснулся! – сказал Леший, – Играй конечно.

Гитара была извлечена, трубки забиты, еда булькала в полинином "джетбойле", и теперь можно было спокойно сесть, свесив ноги, и любоваться полями Башкирии.

Поезд сделал остановку в Чишмах, но, через десять минут, он тронулся и поехал дальше: в сторону Самары.

Манул "палил" через двери теплухи, и там, где шли затяжные левые повороты, садился, свесив ноги, с трубкой во рту и радиосканером в руках. Время от времени он пробегался сканером по частотам железнодорожников, слушая машинистов и путейцев. Вокруг проносились поля, перелески с вербами, овраги с остатками снега, которые быстро пожирались солнышком. Ветер задувал дым от трубки в вагон. Ди тренькала на гитаре что-то рок-н-рольное, не очень слышное за шумом поезда. Полина колдовала над газовой горелкой.

Леший сел рядом с Манулом. Тот молча затягивался трубкой, глядя на вечерние холмистые пейзажи Башкирии. В полях паслись табуны коней, деревья одевались в зелёную дымку, нефтекачалки склоняли головы к земле, присасываясь, как гигантские железные комары. Леший тоже молчал.

– Скоро крупная станция, надо будет ныкаться, – сказал Манул.

Поезд как раз сбавлял ход. Манул с Лешим, как могли, прикрыли дверь теплухи, и теперь все сидели вокруг котелка с ложками, поедая макароны с тушёнкой в неярком свете, проникающем в теплуху через створки дверей. В правом проёме мелькнуло бледно-зелёное кирпичное здание с надписью "Абдулино". Раскачиваясь, состав проходил стрелки станции и, наконец, остановился.

– Надо бы пополнить запасы воды, – Манул откопал в рюкзаке пустую "полторашку" воды, – здесь меняется локбригада, поэтому стоять будем минимум полчаса. Леший, составишь компанию?

– Ссыкотно, ну а что делать. Пошли.

Первым спрыгнул на щебёнку Манул, и, оглядевшись по сторонам, подстраховал прыжок Лешего. Они быстро перебежали вдоль состава по направлению к "хвосту" поезда. В это время зажглись фонари над всей станцией, а динамики прогрохотали, что прибывает пассажирский поезд. Леший с Манулом стояли между пустых полувагонов.

– Подождём, пока пассажирный приедет. Палева будет меньше, – Манул показал на приближающиеся огни.

– Логично. Сольёмся с пассажирами, – Леший кивнул.

"Пассажирский" проходил малым ходом, мелькнул локомотив и первый вагон. Как только "пассажирский" остановился, Леший с Манулом выбрались из своего укрытия и без спешки обошли локомотив "пассажирского", запрыгнув на платформу.

Вокруг вагонов бродили пассажиры, лениво затягиваясь сигаретами. К ним спешили торговки со своими платками, пирожками и пивом.

"Пассажиры поездов – это какой-то отдельный вид людей, – думал Леший, озирая толпу, высыпающую из поезда, – они всегда в шортах и сланцах, всегда какие-то пузатые, с сигаретами и пивом. Куда бы не ехали их поезда".

– Предлагаю купить какой-нибудь "ништяк", – сказал Манул, – сейчас тупо спрошу проводниц, где можно воды набрать.

Тут же он отпочковался от Лешего и пристал к молоденькой девушке-проводнице в синей форме. Та торопливо завела Манула в вагон. Леший в это время остановился возле торговки с мороженым в термосумке.

– Мороженое самое дешёвое почём?

– Десять рублей.

– Можно четыре штуки? – Леший вынул из ксивника пятьдесят рублей.

– Держи, молодой человек, могу в кулёк сложить.

– Да, было бы здорово, спасибо.

Через три минуты из вагона вышел Манул, держа в руке две большие бутылки из-под "багбира"³²⁶, наполненные пи-

³²⁶ Было такое пиво, очень пакостное, но разливали его в бутылки по два с

тьевой водой.

– О, да ты мороженым разжился! – Манул протянул одну бутылку Лешему, – Держи. Если что – прикинемся местными алкашами, которые шляются по путям.

– Так себе алиби, особенно у тебя, длинноволосого, – усмехнулся Леший, перескакивая пути перед "пассажирским" и ныряя в межвагонку.

Здесь в тени вагонов они прогрохотали по щебёнке до своей теплухи.

Манул постучался тем же особым стуком, и после ответа влез в тёмный проём.

– Сидим тут, как беженцы, – сказала Ди, – долго ещё?

– Сейчас пассажирский пройдёт, и мы поедем, – сказал Манул.

– Держи мороженку, Кать, – Леший протянул Ди мороженое.

– Романтика, – сказала слегка повеселевшая Ди, – Четыре бродяги едят мороженое и пьют "багбир" в крытом вагоне товарного поезда...

– Поезд не товарный, а грузовой, как говорят железнодорожники. А там вода вообще-то, просто у проводниц другой тары не было.

– Как ты её надыбал?

– Спросил у проводниц, мне и налили во что попало, – шептал Манул, – Вода обещает быть питьевой, хотя у наших

половиной литра и больше.

поездатых не угадаешь, питьевая вода или техническая. Но они в Уфе заливались последний раз, там чистенькая должна быть.

– Твои бы слова, – попробовал Леший воду, – А ты знаешь, съедобно.

Под такие тихие беседы сидели четыре бродяги в теплухе. Мимо состава прошагал "рыжий", с попискивающей рацией. Мельком заглянул во тьму вагона, но не заметил четырех пар глаз, которые внимательно глядели на него. Скорее всего, это было простой формальностью. Но Леший выдохнул.

Вскоре раздался гудок локомотива, и с рывком тронулся состав. За проёмом двери проплыли составы на соседних путях, домишки и берег реки справа, прозвенел переезд, остались позади огни станции и начался перестук колёс.

Манул раздвинул створки двери, чтобы больше света вечерних сумерек попадало в вагон.

– Распечатаем винище сей тёмной ночью! – провозгласила Полина при свете фонарика, – я тут бутылочку приберегла на такой случай.

Манул включил свой радиосканер, и опять в вагоне запел какой-то женский голос. Не то на башкирском, не то на татарском языке:

"Айрылмагыз, айрылмагыз

Булсада сабяплярэ

Конатларны коера ул

– Это очень аутентично, – сказала Ди, – ехать по Башкирии и слушать башкирскую эстраду. Манул, скажи мне, ты это специально делаешь?

– Во-первых, Катя, мы уже не по Башкирии едем, а по Оренбуржью, скоро Самарская область, – сказал Манул, затягиваясь трубкой, – во-вторых, просто тут на эфэме³²⁸, кроме этого мало что ловится, а песня хорошая.

– Поднимем же стаканы за интернационал и дружбу народов, – сказала Полина.

– Стальные кружки русских хобо, – уточнила Ди.

– Едем с Урала на Украину и слушаем башкирско-татарские песни, – сказал Леший.

Тем временем в правом широком проёме показались звёзды. Слева, в узкую щель иногда ярко высвечивались встречные поезда. Леший и Ди целовались, глядя на ночную степь и холмы с редкими огнями деревенек.

– Ложитесь спать, – с высоты гамака сказал им Манул, – я закрою дверки. Ехать нам ещё, минимум, восемь часов. Полина подежурит.

– Завтра ты ведёшь, друг Манул, – сказала она.

³²⁷ Татарская народная песня. Перевод припева приблизительно такой: "Не расставаться, не расставаться, даже если будут причины. Ведь будто крылья обламываются в час расставания".

³²⁸ Диапазон ультракоротких волн, с частотной модуляцией (FM) В данном случае Манул имел в виду радиовещательный диапазон.

Леший с Ди развернули спальники. После всех гигиенических процедур – а особенно позабавило Лешего чистить зубы, свесив голову за борт вагона – улеглись спать в обнимку. Манул задремал на гамаке. Поезд нёс странников в майской ночи через Общий Сырт³²⁹, и его степные пейзажи.

Снились Лешему ребята. Все – Манул, Полина, Лосик, Света, Ваня-тогучинец, Ольга, Этл, Ди – все, с кем его свела дружба с Волком во снах. Все пытались друг до друга докричаться. И никто не слышал друг друга. Только один Леший не стал кричать своим товарищам. Он стал звать Волка.

– Помнишь, что тебе говорила Ольга? – услышал он голос Волка из-за спины, – люди слишком часто видят осознанные сны, не будучи осознанными в реальности. Вы в силах пробить стены своих сознаний, даже без моей помощи. Вы имеете уши и глаза. Вы же подвижники.

– Что всё это значит? – Леший не понимал, чего ему хочет втолковать Волк.

– Несите свой свет в мир вокруг. Просыпайся, вагон трясёт...

Действительно, вагон тряхнуло на стрелке какой-то станции. Поезд шёл малым ходом, затем с рывком встал.

³²⁹ Сравнительно крупная возвышенность на месте, где смыкаются Самария, Оренбуржье, Татария и Башкирия.

Манул сидел на гамаке с серьёзным видом.

– Ты видел тот же сон, что и я?

– Я не мог докричаться до Полюхи во сне. И до вас. Всех видел кроме Волка.

– А я тоже, – сказал Леший, – мне только Волк в том сне сказал какую-то дичь, про то, что мы должны нести в мир свет. Похоже, Волк готовит пути отступления.

– А ты готов без Волка и его помощи продолжать?

– Я не знаю даже, получится ли, – честно сказал Леший, перейдя на шёпот из-за того, что поезд остановился.

Полина дремала, навалившись на дверку вагона. Ди продирала глаза.

– Дорога покажет, – сказал Манул задумчиво и таинственно.

Поезд тронулся. На улице по-прежнему было темно. Мимо мелькали огни станции, блестящие рельсы. Прозвенел переезд. Поезд ехал со станции не торопясь. Леший опять провалился в сон, на сей раз без сновидений.

– Леший, проснись. Кинель. У нас локомотив отцепили. Сейчас неизвестно куда нас покатают, – сказал Манул, – сейчас сидите. Я сбегаяю поискать бригадник. Надеюсь вас за это время никуда не угонят.

Леший высунулся вслед за Манулом в проём двери теплухи. Со всех сторон стояли составы. Леший спрыгнул на щёбёнку, аккуратно посадив между вагонами. Со всех сторон

стояли составы: короба с углём, цистерны, хопперы. Не смотря на слепящее яркое солнце, дул прохладный ветер, и Лешему было зябко. Хотя зябко бывает всегда, после быстрого пробуждения. Леший быстро размял конечности и запрыгнул обратно в вагон.

– Бррр, – сказала Ди, – По-хорошему, надо бы отдохнуть и оцивильиться перед стопом. Пожалуй, товарняки не для меня.

– А мы привычные, – ответила Полина, заваривая кофе в "джетбойле", – на грузовых главное сильно не засираться, чтоб не походить на бомжа. А здесь, в теплухе, мы даже с комфортом едем. Так что наверное мы дальше на грузовом.

– Сейчас придёт Манул, послушаем что скажет наш лазутчик.

Манул вернулся через час, принёс мешок пирожков и вручил Полине:

– Хозяюшка, раздавай. Пирожки с кинельскими котятками, говорят, вчера мяукали ещё.

– Докладывай новости, зверюга.

– Наш экспресс едет в сторону Самары, и будет рассортировываться на "Безымянке", отправление, – Манул осёкся и посмотрел на часы, – через два часа сорок минут. Так что закрываем двери и спим. Леший, к тебе это тоже относится. Разбежаться мы можем на Безымянке, там уже совсем Самара, – Манул огляделся и задвинул двери, – надо быстрее

пить кофе и грызть пирожки. А то "рыжухи" на кофейный запах слетятся, как мухи.

Леший растянулся на коврике, по соседству с Ди. Из-за нахождения на крупной станции приходилось быть очень тихими, поэтому ребята вслушивались в каждый звук. Вот, прогрохотал грузовой по соседнему пути – можно потянуться и перевернуться. Вот прошёл мимо дверей путеец – надо замереть и не выдавать своего присутствия. Вот рывкнули станционные матюгальники, объявляя очередной отправляемый-принимаемый поезд.

В конце концов, состав "подпаровозили" с характерным толчком по всему вагону. А ещё через некоторое время состав тронулся и покатился. Манул и Полина спали в лешевском гамаке. Леший сверлил глазами щёлочку в дверях: вот мимо промчалась будка с прожектором, вот закачался состав на стрелках, и вскоре начал разгоняться.

– Паровозик тронулся и запыхтел, чух-чух-чух... – сказал Леший, потягиваясь.

– Лёша, будь милосердным, – сказала дремавшая Ди, – не буди меня. Неизвестно где мы будем в следующую ночь.

– Я знаю где, – сказал Леший, – мы будем в пути. Даже если у кого-то на вписке, всё равно мы в пути.

С гамака ловко спрыгнула Полина, потянулась и стала собирать вещи. Первым делом наложила обратно короткие доски на дырку в полу, ликвидируя следы пребывания посто-

ронных в вагоне. Потом – пнула Манула через ткань гамака.

– Вставай, Манул! Смена почётного караула!

– Если я щас встану, ты ляжешь, – грозно сказал тот из гамака, раскачал гамак и сбросил себя с него, ловко приземлившись на ноги, – а ну иди сюда!

Манул стал носиться за Полиной по вагону, обходя Ди с Лешим и их вещи. В конце концов Манул изловил Полину, высунул свою и её головы за створки ворот вагона.

Что там происходило, Леший и Ди не видели, но потом Полина засунулась внутрь взлохмаченная и покрасневшая, а за ней следом – Манул.

– Чтоб ты ещё раз меня поцеловал на глазах у нескольких водителей машин!

– Они же не просигналили даже, так нечестно! – огрызнулся Манул.

Вскоре поезд начал снова затормаживать, за воротами замелькали вагоны – поезд подъезжал к очередной станции.

– Судя по расписанию, это ещё не Безымянка, – сказал Манул, – но на всякий, тут надо затаиться.

Но пронесло, поезд малым ходом прошёл станцию, вышел на прямую и разогнался вновь. Теперь за воротами показывали цветущие деревья в садах и коттеджи цыганских пригородов Самары.

– Время собирать рюкзаки и готовиться к десанту. Чтоб не бродить по станции, будем выходить чуть раньше, – сказал Манул, – там будет рынок, а рядом станция метро. Если

состав пойдёт потихоньку, надо будет прыгать.

– Ссыкотно прыгать с рюкзаками и гитарой.

– Ну, Леший, ты усложняешь. Ты спрыгнешь первым, а я подам тебе гитару.

Поезд стал снижать скорость. Справа тянулись гаражи, какие-то трубы вдоль путей. Стрелок впереди не было, и Леший, осматриваясь, приготовился спрыгивать.

– Смотри, – сказал Манул, – сейчас поезд снижает скорость ещё чуток... И ещё... Вот теперь готовьсь!

Леший повесил рюкзак за плечи и свесил ноги за борт вагона, уперевшись ботинками в небольшую подножку.

– Давай, не ссы! – кричал сзади Манул, – Лево́й рукой держись за борт, ногами спрыгивай обеими.

Леший сделал вдох, как при прыжке с моста в омут, мысленно помолился и спрыгнул, приземлившись на полусогнутые ноги. Сразу же подскочив, он догнал дверку вагона, принял у Ди рюкзак и дождался, пока она спрыгнет. Ди спрыгнула не сильно изящно, ссадив коленку о щебень, но встала и побежала также за вагоном. Манул подал Лешему гитару в чехле и показал, чтоб тот остановился.

Леший и Ди замедлили бег, и вовремя. Впереди показались примыкающие пути. Манул и Полина ехали дальше, не успев десантироваться.

Леший осмотрелся и осмотрел Ди.

Из-под разодранной штанины была видна ссадина.

– Погоди, у меня перекинь есть, – сунулся Леший в карман рюкзака.

– Давай хотя бы с путей отойдём, потом обработаешь. Я доковыляю как-нибудь. Хорошо что очки не потеряла, – Ди взвалила свой рюкзак на плечи. Леший пошёл вдоль путей, глядя вслед уходящему товарняку, Ди шагала рядом. Справа после стрелок показалась дорога и пятиэтажки.

– Нам лучше туда, – вслух сказал Леший, а про себя добавил: "И желательно найти вписку в Самаре. Ди надо выдохнуть".

Спустя десять минут они – два бродяги с рюкзаками и гитарой – шли по зеленеющим дворикам окраины Самары, мимо котов и гераней на окнах. Возле одного из домов на лавочке они, наконец, сели, и Леший занялся ссадиной Кати. Обильно залив ватку перекисью, он прошёлся по заголённой коленке, вымывая спёкшуюся кровь и грязь из ссадины. После чего наложил марлевый тампон, приклеив его широким пластырем. Вокруг шумела листва и ходили редкие прохожие.

У первого же попавшегося мужичка Леший спросил дорогу к метро, а, получив ответ, развернулся. Оказалось, что шагать надо было назад, вопреки лешевской интуиции.

Путь вывел их на путепровод, с которого они спустились на рынок, а среди рыночных ларьков показался вестибюль станции.

"Странный город Самара, – думал Леший, – везде метро строят из центра, а здесь начали от окраин, и до центра ещё не дошли. Где же тут искать нефоров? "Пушка"? "Сипа"? "Фонтан"? Посмотрим, найдём ли кого"

Они спустились в прохладу метрополитена, и вскоре поезд метро впустил их в своё чрево.

Через полчаса Леший и Ди вышагивали в сторону "Сипы", одной из неформальных тусовок Самары. Дорогу выспрашивали по ходу, руководствуясь правилом: "Язык до Киева доведёт"

У фонтана сидели несколько пиплов и, судя по всему, попивали пиво.

– О, ребят, а вы откуда такие? – спросил один парень в футболке с "Арией"

– Мы стопщики из Ёбурга, – ответил Леший, – едем в Харьков.

– Круто. Пиво будете?

– Наверное нет. Подскажите где у вас постритовать можно?

– Да по трамваям лучше всего.

– Значит это попозже.

Леший достал трубку и стал забивать её табаком. Смачно затянулся, а в это время подвалили менты.

– Молодые люди, здравствуйте, ваши документы, – парень

в синей форме представился, а Леший с Ди закопошились в поисках паспортов.

Пиплы, сидевшие рядом, попрытали пиво, чтоб к ним вопросов не возникло.

– Пройдёмте-ка с нами для досмотра вещей.

Ди взволновалась, но Леший был спокоен. По дороге до "опорника" он рассказал ментам, что они с Ди приехали автостопом и держат путь в Харьков. Что безобразия нарушать не планируют, наркоты и оружия с собой не везут, а на "Сипу" пришли, дабы обрести ночлег у близких по духу.

В "опорнике" их паспорта "пробили по базам"³³⁰ и вернули. Рюкзаки просто открыли, просмотрев беглым взглядом их нехитрое бродяжье снаряжение.

– А у вас тут неформалы тусуются? – без задней мысли спросил Леший.

– Да, вот их и ждём, – сказал молодой мент, – сейчас вторым рейсом к этим алконавтам пойдём, они у нас постоянные гости.

– А чего они? Вроде ж спокойная публика?

– Это может у вас в Екатеринбурге спокойная, – не унился тот, – а здесь все неприятности от них. Вы бы тоже тут не задерживались лучше. Ступайте и не нарушайте больше. Леший за руку с Ди вышли из "опорника".

– Блин, как оплёванная, – сказала Ди, – мы же вроде только приехали, а на нас так сходу, мол, нарушаем.

³³⁰ Проверили, не в розыске ли владелец паспорта.

– Добро пожаловать в Самару, ебать, – сострил Леший, – попробуем игрануть по трамваям?

– А можно я где-нибудь посижу? И вообще на Волгу хочу посмотреть.

– А тебя никто не украдёт?

– Я же на связи буду.

– Кстати, о связи. Давай Полину наберём.

Леший стал набирать полинин "трассовый" номер.

– Леший, привет, – тихо сказала Полина в трубку, – мы зачислились в грузовой на Сызрань, и будем топить дальше. Помните про место сбора?

– Да, помним. Мы в Самаре застрянем на день-другой.

– Ничего страшного, нам как раз время нужно. Будем в Дивногорье в одно и то же время. Как там Катя?

– Ссадила ногу немного. Уже забинтовались.

– Евгениваныч сказал, она не очень хорошо приземлилась, – полинин голос стал взволнованным.

– Ничего, – сказала Ди, слушавшая весь разговор, – похрамаю и будет, только штанину надо подзашить.

– Лечись. Доброго вам пути, ребята!

– И вам!

В ближайшем киоске "роspечати" Ди купила карту Самары, и теперь разглядывала места, куда бы можно было пойти. Решили, что потусуют пока на "Площади Славы".

Когда дотопали дотуда, перед взором Лешего открылась панорама реки Волги, высокий обелиск, парк с дубами и

храм. Ди фотографировала всё вокруг. После похода в недалёкий продуктовый магазин, они затарились питьевым йогуртом, бананами и хачапури местной выпечки. Здесь, на одной из лавочек, Ди уговорилась с Лешим, что будет его ждать вместе с рюкзаком.

Леший же взял гитару и отправился к трамвайной остановке.

"Хороший город, – думал Леший, глядя по сторонам, – много зелени и парков. О, а ещё и трамвайчики, как у нас в Ёбурге. Тут уже всё украшают ко дню Победы"

Леший дошёл до остановки, расчехлил гитару и стал "маячить" машинистам.

– Здравствуйте, разрешите у вас сыграть?

– Заходи, у кондуктора спросишь.

Леший шагнул в вагон, указал кондукторше на гитару, и после её кивка начал своё выступление:

– Добрый день, уважаемые дамы и господа, немного музыки в дорогу!

В этот раз Леший решил сыграть что-нибудь известное людям. Он запел "Любите девушки..."

К удивлению Лешего, одна тётушка, сидящая неподалёку, начала подпевать. После песни он прошёлся по вагону, насобирав рублей сто, из которых десять дала кондукторша, вышел из вагона и практически сразу прыгнул в трамвай, еду-

щий по Галактионовской назад.

И во время песни у него завибрировал телефон.

Леший допел песню про "девушек" до конца, прошёлся по вагону и взялся за телефон, выпрыгнув на Самарской площади.

– Ди, ты звонила?

– Леший, ты скоро? Тут я встретила ребят, которые нас вписать могут.

– Как так? Прямо с ходу? Что за ребята?

– "Радужные люди", хиппы.

– Хорошо, скоро буду, – Леший уже бежал бодрим шагом к площади Славы.

Возле лавочки и рюкзаков стояла Ди, а рядом с ней девочка с коротким ёжиком волос и парень с распущенными русыми волосами. Оба в клетчатых рубашках и джинсах.

– Привет, я Чудо, – представилась девушка, – а это Ник.

– Очень приятно, я Леший, можно Алексей.

– Нам Ди рассказала, что вы на товарняках приехали, как "Бродяги Дхармы"³³¹.

– Да, от Уфы ехали таким образом. А двое наших ещё также едут. Мы дальше стопом хотим, через Тольятти на Пензу, оттуда на Тамбов и Воронеж, а там Белгород и Харь-

³³¹ Главный герой этого произведения Джека Керуака часто ездил на товарняках.

КОВ.

– А я потом в Москву и Питер, – сказала Ди.

– Смело. Мы только, даст Джа, на "Радугу" в этом году соберёмся, да и то цивилом. Чудо меня собралась "маленьким чудом" порадовать, – это сказал Ник, и только сейчас Леший заметил, что Чудо "в положении".

– Не домогаются до вас гопники?

– Мы ж не буяним сами. Чего им до нас домогаться? – сказал Ник.

– Их вообще в моей реальности нет, – сказала Чудо.

Слово за слово, а выяснилось, что ребята живут на "Барбошиной поляне", а там недалеко – Московское шоссе и выход на трассу. Сами они регулярно мотались на Утриш, в "Лиску" и на "Пустые Холмы", но в этом году из-за беременности Чуда не собираются в дальние поездки. Ник работает сисадмином, а Чудо – сидит дома и зарабатывает деньги "копирайтингом" – написанием текстов под заказ. Сейчас же они направлялись гулять, ибо погода позволяла. Тут, по словам Ника, сработал "Великий рандом", который привёл их именно к той скамейке, на которой сидела Ди. У них есть собственный "спорт" – подбирать всяких автостопствующих на улицах Самары и помогать им.

"Я помогу тебе, ты поможешь другому – добра в мире станет больше", – такой был их жизненный принцип. Конечно,

они тоже окарывались, нарываясь на "Крыс" и неадекватов, но это было лишь пару раз за несколько лет вписок. Более того, у Ника с Лешим обнаружился общий знакомый – Рома Киевлянин. Тот тоже знатный житель черноморских побережий, поэтому Леший не удивился.

После этого пошли гулять по набережной, спускаясь на песчаный пляж. Ник рассказал, что летом тут всё засижено отдыхающими и народ купается. Сейчас же Ди и Леший не рискнули лезть в холодную волжскую воду, Ди только разулась, сняв берцы и пройдя босиком по линии волн. Леший глядел на волны, на босоногую Ди, на чаек, на Чудо с Ником, и думал. Думал о том, как похожи образом мысли Чудо и Ник на самого Лешего.

"Но ведь при этом они не тусуются с неформалами, работают и вообще относительно приличные люди, – думал он, – значит, и мне можно расти в эту сторону".

Вечером на гроыхающей "Татре" Леший и Ди в компании своих внезапных добродетелей, направились к ним. Ди сидела с Лешим рядом, взяв его за руку, а в растянутых лешевских наушниках-бусинах играли песни, утащенные Лешим из Новосибирска.

Гостеприимные Чудо и Ник жили в двухкомнатной квартире с видом на зелёный двор.

В одной из комнат они жили сами, а другая, пока не по-

явился ребёнок, играла роль мастерской, гостинной и комнаты для вписчиков. Грядущее появление нового человека уже ощущалось: в углу комнаты между столом с компом и швейной машинкой стояла маленькая детская кроватка, пока заваленная вещами.

На стенах были развешаны карта России и крупномасштабная карта Жигулёвских Гор. Напротив маркером был нарисован пацифик.

Леший и Ди стирали вещи, по очереди ходили в душ, заряжали телефоны, пили чай и рассказывали Нику и Чуду о своих поездках. Ди говорила про дорогу в Абакан. Леший – про прошлый проезд мимо Самары, да про самарского водителя Лёху, который вёз Лешего до Омска. Засыпал Леший с Ди в обнимку на мягкой огромной кровати.

Лешему снился незнакомый зелёный город. Он шёл по тенистой улице под цветущими каштанами в обществе Вани и Светы.

– Если вдруг Волка не будет, что вы будете делать? – спросил Леший Свету

– Наверное жить как жили раньше, – сказала она, взгрустнув, – или с чуть большим уровнем осознания.

– Вопрос в том, сможем ли мы видеться во снах дальше. Сможем ли пользоваться какими-то "пространствами сновидений" и общаться с местными духами без помощи Волка?

– Манул это успешно делает, как мне кажется.

Ваня молча пинал невесть откуда взявшуюся сосновую шишку, шагая чуть впереди. Света перешла на шёпот.

– Мне кажется, что Ваня ревнует меня к Волку, – прошептала она, – хотя у меня давно это прошло. Более того, я даже не знаю про Волка – человек ли он?

– Расскажи как ты познакомилась с Волком, – спросил Леший.

– Я уже закончила школу в Полевском и уехала поступать в Екатеринбург, потом у меня произошло кое-что печальное, – Света замялась, – давай, не будем об этом, даже во сне.

Леший кивнул. Повисла пауза, нарушаемая городским шумом.

– Хотя давай расскажу. Ну, уже живя с мамой на Ботанике и учась в "Шадре"³³², я познакомилась с местными райтерами и по ночам бегала расписывать заборы. И вагоны. А однажды нам дали очень больших пиздюлей недалеко от "сортировки". Вышел сильный замес, моему другу на глазах у меня ломом проломили череп. Мне самой крепко влетело по голове, вроде как битой. Я бежала, в беспомощности и страхе забила в какую-то сточную трубу под путями. Не помню как, но я вырубилась. Тогда мне и приснился Волк. Точнее, я оказалась где-то в горах с шикарными видами. Ко мне вышел высокий парень в серых одеждах.

Леший хмыкнул, и это заметила Света.

³³² Екатеринбургское художественное училище им. Шадра.

– Зря смеёшься. Я тогда подумала, что совсем ебанулась, или что умерла. Парень представился Волком. Он обнял меня и поцеловал. Потом – блин, нет, Леший, я промолчу. Короче, он стал меня лечить и учить. Сколько дней я провела там, в горах – я не помню. Мне казалось, что неделю, не меньше. Он поселил меня в шалаше под какими-то камнями в курумнике, на тёплых шкурах. Поил меня чаем из трав. Кормил деревенским хлебом и молоком, мёдом и мясом. Пел песни. Гладил и обнимал. А потом однажды сказал, что будет приходить лишь во снах. Сказал, чтоб я рисовать не бросала. В тот день в горах разыгралась гроза, сверкали молнии. И одна из молний попала в меня...

Света замолчала. Они шли дальше. Рядом сигналили, шуришали машины, а во дворике пели соловьи. На незнакомый город опускались сумерки.

– Потом я очнулась в реанимации. Мне рассказали, что я счастливая, что "в рубашке родилась". Пролёжав в коме несколько дней, я вернулась в сознание. В голове крутились лишь образы и рассказы Волка. Приходили менты, допрашивали. Я говорила то же: били ломами и монтировками, бежали, дальше не помню.

– Пиздец, – только и проговорил Леший.

– Вот и я про то же. У меня тогда, оказывается, убили двух друзей-райтеров. А выжившие к нам потом скорую привели, так и живы остались. А Волк мне во сне потом сказал, что он меня откачал. Ну и доказал это. Я думала

долго, что одна такая, вижу Волка. Что он мой и только мой герой. Пусть даже плод воображения или последствия травмы. Но он мой. А потом он сказал, что есть ещё девушка. Я, было, обиделась, но познакомилась с Лосиком. Она похожа на Волка, но существует наяву. Такая же волшебная. Потом уже появились Манул и Полина. Я продолжила рисовать. Иногда по ночам рисовала даже на вагонах. Иногда – на стенах города. Но меня всегда вёл и предостерегал Волк. Я не могла смотреть на других парней долго. Пока не появился Ваня. Волк во сне "дал добро" на него. Остальное ты знаешь.

– Дела. Я, возможно, никогда у тебя этого наяву бы не спросил, – сказал Леший, – спасибо за откровенность.

Они со Светой обнялись. Ваня остановился, с вопросом, мол, что это вы секретничаете. Леший подозвал его, и обнялись уже втроём. На сём моменте Леший потерял сознание и поплыл обратно в сторону Самары и флэта Ника с Чудом. Последнее, что он запомнил и услышал перед пробуждением, была песня:

"Упасть в полынь
Небо обнимать
И звёзды целовать
Рукой ловить стрекоз
И снова отпускать..."³³³

³³³ Станционный смотритель – Упасть в полынь.

Он проснулся, глядя на сидящих у компа Ди и Чудо. Оказалось, песня играла из динамиков компьютера.

– Доброе утро, Лёша, – улыбнулась Ди, – я тут скачиваю местные группы.

– Ага, а я думал мне во сне снились эти строчки.

– Вот, – Чудо посмеялась, – даже сквозь сон "Станционный смотритель" прошибает. Пойдём чай пить, путник.

После чаепития и заполнения бутылей с водой Леший с Ди тепло попрощались с Чудом. А Ник пошёл провожать ребят на автобус до "посёлка Механизаторов" – позиции на московском шоссе.

Утренний город провожал ребят ароматом цветущих яблонь.

"Вот, а несколько дней назад я ещё смотрел на нераспустившиеся листья, – думал Леший, – Интересно, не мои ли это глюки, и действительно ли Света именно так познакомилась с Волком?"

Ди же просто сидела, заткнув уши плеером.

Они вылезли на повороте на этот самый "посёлок", протопали немного по зелёной обочине, а затем Леший поднял руку.

– Ребят, я в Тольятти, – сказал им водитель "девятки", остановившейся спустя десять минут махания лапой.

– Спасибо, мы автостопом в Харьков едем.

– Да по вам видно, что не пешком, – улыбнулся водитель, – запрыгивайте.

Леший сел на переднее сидение, а Ди, рюкзаки и гитара поместились на заднее. Водитель включил радио, там играла всякая попса.

– Я ваших знаю, – сказал водитель, – особенно много вашего брата ездит, когда фестиваль Грушинский проходит. Знаете такой?

– Да, он известен, – ответил Леший, – только я не ездил туда ни разу.

– Да и нечего там делать. Синяя яма там. Народ конечно едет потусоваться. Но там пикник-шашлык, пьянка да мордобои. Оно нормальному человеку не очень надо.

Быстро неслась машина по широкому, но раздолбанному шоссе до Тольятти. Вот миновали сосновый лес на песчаном взгорке, вот показались кварталы панельных домов, транспортные развязки, какие-то автосалоны, заправки.

– Я вас на кольце высажу, – сказал Водитель, – отсюда правда на попутке тяжело будет.

– Я уже уезжал отсюда, – Леший, не понаслышке знавший о "прелестях" Тольятти, изложил свой план без утайки, – мы отсюда на маршрутке в Жигулёвск уедем, и все дела.

– Удачи вам, бродяги, привет Харькову.

– Спасибо! Ни гвоздя, ни жезла! – ответил Леший, вытас-

кивая рюкзаки на песчаную обочину.

– Оживлённое же тут движение, – сказала Ди, оглядевшись.

– Да уж. Ну ничего, уедем, – Леший бодро взял курс на остановку.

Здесь ребята заняли место среди бабушек-садоводов и каких-то мрачного вида мужиков. Скоро подъехал жёлтого цвета "Богдан", Леший и Ди протянули водителю полтинник, попросив остановить на повороте с трассы.

Они стояли в проходе душного "Богдана", глядя на мегалитические постройки Жигулёвской ГЭС, проносящиеся мимо.

"Где же сейчас едут Манул с Полиной? – думал Леший, – Наверное, они уже далеко от нас, надо бы им позвонить"

"Богдан" распахнул дверку перед поворотом на автостанцию с видом на горы.

– Здесь похоже чем-то на окрестности Михайловска, – сказал Леший Ди.

– А у меня после таких проездов приступы мизантропии.

– Ниче, сейчас дальше поедем.

– Надеюсь.

Под качающимися ветками клёнов Леший курил трубку, а Ди стопила. Почему-то останавливаться никто не хотел.

Небо, ясное с утра, здесь заволокла дымка, и теперь оно было равномерно серое. Стало прохладно. Леший встал стопить, а Ди распечатала гитару, начав что-то наигрывать. Помогало мало. Время шло к полудню, а они никак не могли сдвинуться с места.

Когда Леший уже начал сомневаться в выборе позиции, им наконец остановилась машина.

– Здравствуйте, подбросьте по трассе, пожалуйста! – сказал Леший деду, сидящему за рулём "москвича".

– Я до Сызрани только.

– И то нам вперёд. Спасибо!

Леший и Ди загрузились в старинный аппарат, и, влекомый боевым дедом, "москвич" полетел на запад по лесам Жигулёвских гор.

– Куда путь держите, туристы?

– В Харьков.

– О, я там жил когда-то, на Салтовке. Много уж лет прошло, – водитель вдарился в воспоминания, но вот уже Сызрань.

Растрогавшийся водитель решил провезти Ди и Лешего чуть дальше, чем ему надо было, оставив их у поста ДПС и завернув на самом западном въезде в Сызрань.

Гаишники даже не обратили внимания на перешедших дорогу Ди и Лешего: те прошагали с безразличными лицами мимо Гаишников. И за последним стоящим дальнобоем

принялись стопить. Рядом дымила чёрным дымом какая-то труба, пахло жжёной резиной, и Лешему оставалось лишь надеяться на быстрый уезд.

Ди достала термос и конфет, решив подкрепиться.

– Если нас не садят, – сказала Ди, – то может быть три причины. Первая – место не то. Вторая – не то время. И третья причина – рожи у нас кривы. А если с позицией всё хорошо, и шеволиться никуда не приходится, то надо лица улучшить. А для этого можно что-нибудь заточить.

– Или кого-нибудь.

– Да, тут подходящих кандидатов немного, – улыбнулась Ди, – суслики на обочинах, или сбитые машинами вороны.

– Не, есть ещё бабочки и комары.

– Сколько же надо съесть комаров, чтоб насытиться?

– Надо есть их и есть. Говорят, что килограмм комаров довольно сытная штука. Летучие мыши вон едят за день три своих массы насекомых.

Под такие разговоры, заставившие посмеяться, остановилась серая "десятка" до какой-то деревни в Ульяновской области. В машине опять играла та же попсовая песня³³⁴, под бодрый ритм которой "десятка" скакала по выбоинам трассы, пока, наконец, не высадила Лешего и Ди рядом с какой-то синего цвета остановочной будкой.

– Мраак, – огляделся Леший, когда машина скрылась за

³³⁴ В тот год самой одиозной композицией радиопопсы была "Inna – Hot".

поворотом.

– Это ещё не мрак. Вот на Кузбассе тебя высаживают посреди весны в куче грязи и пыли – вот это мрак, – ответила Ди.

Тем временем, подкрадывался вечер. Леший уже поглядывал на дальнюю сосновую рощицу через дорогу и думал, насколько безопасно расположиться там на ночь.

Но судьба решила иначе. Ди страшно хотелось пить, на что она пожаловалась Лешему, допив последние глотки из термоса и из бутылки.

На махание руки Лешего остановился белого цвета "Фред" с тридцать шестым номером региона и надписью "Пепси" на фуре. Он лихо оттормозился на обочине с помощью "парашюта", и теперь распахнул дверку с пассажирской стороны.

– Добрый день, по трассе в сторону Пензы не подбросите?

– Залезайте, потом поговорим, – дальнобой – задорный светловолосый мужик с немного кошачьей внешностью пригласил их в кабину.

Сначала залезла Ди, сняв кеды и усевшись на рюкзаки в большом "тамбуре" кабины. Потом сел Леший, хлопнув дверкой.

– Ну вот теперь рассказывайте.

– Мы едем автостопом из Екатеринбурга в Харьков.

– Как поезд двести двадцать семь, – сказал водитель, – "Свердловск-Харьков", – был такой когда-то.

– До сих пор есть, – сказал Леший.

– А я на нём на дембель ехал, – водитель улыбнулся, – Служил я под Свердловском. А родом я с Воронежа. Меня Костик зовут.

– Я Лёха, а это Катя, – представился Леший.

– Катя, как дальнбойщики Екатеринбург называют, – до-
бавила Ди.

– Ну, ребята, могли бы и в Кате на меня сесть. Я "Пепси" с Кати в Воронеж везу. Не спрашивайте, почему такая кривая логистика, так вот заказали.

– Да уж. Но нам на руку.

– Можете хоть до самого Воронежа со мной ехать теперь, – сказал Костик, разгоняя "Фред".

Леший выдохнул. Для него не особо понятным и глуховатым отрезком трассы был прогон от Пензы до Воронежа. А теперь всё более-менее ясно: добрый дальнбой вёз их через зелёные поля Средней России, мимо сусликов, стоящих столбиками на обочинах, цветущих кустов вдоль дороги и с видом на потрясающий закат в лобовое стекло. Перед "мордой" фуры маячили, обгоняя и сменяя друг друга, легковые машины. Или "бешенные сперматозоиды", как нелестно называл их Костик.

– Я вашего брата подвожу по настроению. Один раз посадил типа одного, – сказал водитель, делая ударение на "а", –

так он вонял блин. А сказать, что пахнет, невежливо. Ладно бы берцы снял, запахло носками, это у всех бывает. А от него, ну прямо бомжатиной пёрло. Думаю, мало ли у человека какая беда. А ехал я с Минска тогда, под Клинцами его подобрал. Остановились на стоянке, я его накормил даже. Он спасибо сказал, я предложил ему в душ сходить, мол, даже оплачу. Он намёка не понял, обиделся даже. Ехал до самого Оскола, молча, вонял...

– Мы, небось, тоже?

– Да не, вроде нормальные вы. Рассказывайте, как вас мотало по дороге. Ничего что закурю? – Костик сунул в зубы сигарету "Петра"

– А я трубку покурю, можно? – спросил Леший.

– Если без травы, то валяй, – кивнул головой водитель.

Пока Леший возился с трубкой, рассказывать начала Ди. Рассказывала она про Красноярск, про свои дороги-пути. Рассказала, как доехала с нелюбимым человеком до Ёбурга, и теперь едет с любимым человеком. Потом Леший переключился, став рассказывать, что где-то по железным дорогам едет ещё одна пара.

– Вот они, небось, грязные как черти будут. Как вы-то не вывозились?

– Мы до Самары ехали в теплушке, да и там останавливались.

Леший продолжил рассказ Ди. Рассказал он про Манула некоторые истории. Рассказал, как в прошлом году ехал от

Миллерово до Москвы и ночевал под Воронежем с дальнo-боем-иранцем. Рассказал, как зимовал в Новосибирске.

Солнце клонилось всё ниже и ниже к горизонту. В перерывах между короткими разговорами звучал мотор "фреда", погромыхивала подвеска на колдобинах, да звучали вразнобой голоса из рации, говорящие о гаишных засадах, "обочинке" и прочем.

В один момент Костик вдруг схватил рацию и закричал в неё, сжав тангенту:

– Юрка! Юрка-скамейка! Долго жить будешь, вспоминал про тебя!

– Котя здорово, – ответил ему весёлый голос из рации, – шо, домой топчешь?

– Ага. С Кати "пепси" ташу.

– Ближе-то не было?

– Это мне голову не ебёт, загрузили, заплатили, вот и ташу.

– А я в Казань повёз разнoброс всякий. Запихали мне туда и мешков, и железяк. Ты, Коть, где ночевать думаешь?

– На "Петухах", наверное.

– А, ну давай, удачи!

– Взаимно, Юрик! – Костя повесил рацию.

– Знакомый? – спросил Леший.

– Сосед мой. Он на "Скамейке" работает. В "Ките"³³⁵. Это

³³⁵ Крупная транспортная компания той поры.

я на себя работаю, а ему вот проще "на дядю".

– "На дядю" спокойнее, наверно.

– Да не факт. Едешь, привязанный к тахографу, как к поводку. Это у меня, захотел – спишь, захотел – едешь. А у них не, – Костя сплюнул в окно, – там так всё повязано. Шаг влево-вправо – расстрел. Встал не там, потом объясняйся, что тебе пострать припёрло, например.

– Дела, – сказал Леший, попыхивая трубкой.

– С другой стороны, им безопасней. У него вот тут, – Костя показал на пустое место на панели, – есть специальная кнопка. Нажимаешь, если кто прессовать будет – и в течение часа подлетает ЧОП, выписывать пиздюлей оборзевшим. Хотя у нас тут давно не слышно ничего было. Новосибирск, Саратов – вот там да. Подлетают на легковых, прижимают к обочине, мол, дороги платные. Но это уже не организованные бандюки, так, нарики. Их попугать можно, или на понт взять.

– А были у вас случаи?

– Да всякое бывало, – Леший понял, что водитель не хочет об этом говорить.

Солнце садилось за горизонт, когда "Фред" заворачивал по развязке на стоянку у "Петухов".

– Вообще это "золотой петушок" называется, но у нас в обиходе они "петухи", – Костя показал на крышу кафешки, где была большая конструкция в виде рельефных петухов из железа, покрашенных жёлтой краской, – на этом плече самое

лучшее место. Пошли ужинать, да спать.

Леший и Ди выпрыгнули на тёплый асфальт. Леший не стал зашнуровывать берцы, просто заправил шнурки вовнутрь.

Вечернее кафе было наполнено водителями.

"Все они похожи чем-то, – думал Леший, глядя вокруг, – все пузатые, с кошельками или барсетками, в майках, с загорелыми руками. Действительно, профессия начинает со временем определять внешность"

Костик заказал себе ужин из трёх блюд. Леший же просто заказал себе и Ди по тарелке пюре с котлетами и чая с пирожками, не объедая водителя.

– Молодёжь, – сказал Костя, – я сейчас в баню пойду, а вы располагайтесь там на верхней полке. У меня ключи есть, шторы закрывайте. Кто будет подходить, всех посылайте нахуй.

– Хорошо, – сказал Леший, – а то, уже рубит.

– Ну вот завтра вы мне бодрые нужны.

Водитель отворил кабину, Ди, сбегав в туалет и умывшись, расстелила спальник на верхней полке фуры. Леший курил трубку у открытого окошка, глядя, как ювелирно Костя загоняет свой полуприцеп между других фур. Леший восхищался.

– Всё, я побёг, – Костик подмигнул Лешему, – буду через

полчаса.

Ди залезла наверх, сложив очки в хитрый чехол и засунув его под голову.

– Водитель-то не промах, – сказал Леший, – подмигнул мне, да назначил срок, мол, полчаса ходить буду.

– Ага, да только я спать хочу, – сказала Ди, – я ж по сибирскому времени ещё, у меня уже второй час ночи.

– Да и мы не трахаться на трассу выходим.

– А чё, романтика, – улыбнулась Ди, – Пенза-фура-пету-хи...

– Спать, Кать.

– Спатькать?

– Ага. Сейчас тоже залезу и буду спатькать, – посмеялись оба.

Леший вытряхнул пепел из трубки под колесо "фреда", залез в кабину, оставив берцы и кеды проветриваться на подножке. Вскрабкался на полку, да и лёг в объятиях Ди.

– Спокойной ночи, Лёша.

– Доброй, Катя, – Леший поцеловал Ди в губы. Поцелуй перешёл бы ещё во что-нибудь, но Леший и Ди были всё же стеснительными и приличными товарищами, поэтому Ди просто улеглась головой на грудь Лешего и уснула. Вскоре пришёл водитель, осушил бутылку пива, выкурил "Петра" и лёг на нижнюю полку, быстро захрапел. Леший долго не мог уснуть, вслушиваясь в звуки трассы и стоянки: шорох шин, пеньё каких-то птиц, низкое урчание паркующихся на

Снился Лешему состав с пустыми "коробками", мчавшийся по ночной степи. Полина спала в гамаке, а Манул курил трубку. Леший стоял рядом, смотря на далёкие вспышки токоприёмника и звёздное небо, с мелькающими столбами "контахи".

– Вас везут до Воронежа. Вы вечером садитесь на "Отрожке"³³⁶ на собаку в Лиски. Там и встретимся.

– А вы как?

– Мы – как видишь. Небесный Лось расплескал молоко по небу, а мы под ним.

Леший вдруг вспомнил о Лосике.

– Как там Лосик интересно?

– Учится. Доехала за день до Ёбурга.

– Волк на связь выходил?

– Я тут, Волосатый! – у соседней стенки вагона в свете огней встречного поезда высветился силуэт Волка, – Кстати, Манул можешь подстригаться.

– Перед Дивногорьем – обязательно.

Леший слушал дальнейший абсурдный разговор и терял нить осознания. В голове отложилось только слово "отрожка".

"Что за Отрожка? Надо спросить Костю...", – с этими мыслями Леший проснулся. Где-то шумели машины, вдалеке

³³⁶ Узловая станция на окраине Воронежа.

лаяла собака. Рядом тёплым уютным комочком дрыхла Ди, а внизу храпел драйвер Костя. Леший перевернулся на бок, и уснул снова, уже без сновидений.

Утро наступило для Лешего вместе со звуками гудящего чайничка на газовой плитке водителя. Внизу на скамейках сидели Костя, Ди и незнакомый дядька.

– Доброе утро!

– О, Лёха проснулся, – Костик улыбался, – а мы тут как раз чай гоняем.

– Ну ты, альтруист, – сказал незнакомый шофёр, – гаишники-то не зажопят за перевозку пассажиров?

– А на кой я им? – Костя махнул рукой на Лешего, – это Лёха-уралец. А это Толик-пенсия.

– Почему пенсия?

– Потому что в МЧСе отработал, с женой развёлся, детей вырастил, а теперь работаю в удовольствие. Можно сказать, жить начинаю...

– Здорово быть вами, – сказал прыгнувший Леший, – щас сбегая умоюсь.

– Катюшка тут тебя заждалась уже.

Леший и Ди прыгнули на асфальт стоянки, прошагали мимо парковки в сторону кафе.

– Доброе утро, – сказала сходу Ди, – у вас душ есть?

– Есть, – сонная тётушка за стойкой, рисовавшая стрелки на глазах, тут же приосанилась, – двести рублей цена вопро-

са.

– Показывайте куда идти.

Леший же пошёл к умывальнику, почистил зубы и умыл лицо. А затем вышел и, в ожидании Ди, закурил трубку.

– С лёгким паром, – сказал Леший, когда Ди с распущенными мокрыми волосами села с ним рядом на скамейку.

– Пора ехать, наверное. Ты, кстати, знаешь, что Толик-пенсия в Харьков едет. Из Ульяновска. Он его ещё так прикольно назвал, Улей.

– Может, попроситься к нему?

– У нас же встреча с Манулом и Полиной, – возразила Ди, – да и Толик не возьмёт.

– Скажите, а Отрожка – это где такое место? Есть такое в Воронежской области? – спросил Леший, залезая в кабину.

– Это не то, что область, это сам Воронеж – сказал Костик, – я как раз рядом разгружаться буду. Поехали?

– Ага.

Теперь Леший лежал на "спалке", поглядывая на потолок и кусочек неба в окне, а Ди покачивалась на сидении, подогнув колени под себя. Она – уютная и домашняя Ди – плела на коленке феньку: приколола её булавкой к джинсам и плела. Вела она неторопливый разговор с Костей, будто Лешего тут и не было.

– А потом мы с ним ходили в стоп до Абакана. Хотели

в Ергаки³³⁷ съездить, но он такой необязательный товарищ. Приехав в Абакан, сразу же к алкашам попал. Мне бы, дурочке, тогда ещё от него уйти. А я тогда в том же доме просто на крышу вылезла, чтоб не видеть их пьяных рож. Так и переночевала. В сентябре в холодном Абакане – то ещё удовольствие.

– Да уж. Лёшка точно лучше, чем тот, про которого ты говоришь.

– Я вот не знаю. Лёшка вроде парень не плохой. Но не готов он к отношениям серьёзным...

Леший чуть обиделся и закрыл глаза, задремав.

В машине фоном опять играла эта попсовая песня с писклявым женским голосом и навязчивым ритмом. Леший, чтоб не слышать, предложил водителю поиграть песни.

– Расчехляй инструмент! – сказал Костя.

Леший и Ди играли, сменяя друг друга и подпевая.

На обед встали на тамбовской объездной. Здесь дул ветер, качавший тент фуры. Костя грел на газу чайник, а Ди с Лешим бегали по зелёной ржи рядом с трассой.

Вдоль трассы тянулись поля с цветущей лесополосой из сирени, время от времени перемежавшиеся вполне уральскими сосняками. Меж тем, небо становилось грозovým, на

³³⁷ Горный хребет недалеко от трассы Абакан – Кызыл.

горизонте нарисовалась и стала приближаться огромная подкова мощной грозы, под которой уже издали виднелись молнии.

– Прямо туда едем, – весело сказал Костя, – дай-то Бог, чтоб до Воронежа она успела нас помочить. А то мне на разгрузку под ливень вставать не охота будет, да и вам выгружаться не в кайф.

После обеда Леший и Ди прибрали гитару, а водитель, со словами: "Вот мой земляк", включил "Сектор Газа".

Под песни про культуру сексуальных отношений в сельской местности и вред алкоголизма летел "Фред" с Костей, Лешим и Ди навстречу туче.

– Вот, уже чувствуются порывы, – сказал Костя, – Курс держать тяжелей стало, да и мы, как парусник.

– Не перевернёт? – спросила Ди.

– Не должно. Просто поедем помедленней. А музыку можно и повеселей.

"Солнечный огонь

Атмосферы бронь

Пробивал, но не пробил туман..."³³⁸, – запел Юра Хой из динамиков, а Леший с Костей-водителем подпевали в два горла.

– Шварцмюллер, Воронеж, в канале? – сказал Костя в ра-

³³⁸ Сектор Газа – Туман.

цию

– Да, шо хотел? – донёлся голос с украинскими интонациями.

– Домой въезжаем, земляк! Давай сигналить! – внезапно сказав украинское "гэ", ответил Костя.

– Привет-нэнько-воронэжчина! – ответил в радиии незнакомый водила и тут же просигналил.

Подал сигнал и Костя, когда промелькнул поворот на деревню "Ровенка" и показался знак "Воронежская область"

Под звуки "Сектора Газа" влетели в грозу. Первые капли с порывом пыльного ветра ударили в лобовое стекло довольно заметно. Не прошло и минуты, как вокруг не стало видно ничего, кроме серой пелены дождя, разгребаемого дворниками, полосы асфальта и фар встречных машин.

– Хули он летит, этот хохол? – ругнулся Костик на обгоняющий "ДАФ" с украинскими номерами, – ну-ка попробую докричаться.

– А чего, разные каналы? – спросил Леший.

– У них чуть по-другому рация настроена, буквально на полканала, так что как повезёт, – Костя взял в руку микрофон рации, – "Даша" Сумы в канале?

– Да, браток, чего хотел?

– Куда разогнался в такой ливень?

– А ебёт ли тебя? – голос был раздражённый, но Костя не остался в долгу.

– Тебя как звать?

– Максим

– Ты не Максим, ты Алёша, блядь, – Костя сказанул так, что Лешему стало обидно за своё имя, – Ты сам идиот, по сплошной на обгон пошёл, так других не подставляй.

– Спасибо за заботу, хули.

– Ну вот и поговорили, – донёсся чей-то третий голос из рации.

– А чего вы так гневно на них? – спросил Леший

– Да они дичают по-страшному. А ещё Европа...

– А правила сильно различаются?

– Ну, этот чепушила меня по сплошной обошёл, раз, – Костя стал загигать пальцы на руке, – В грозу, два. В условиях, так сказать, недостаточной видимости, три. У нас это лишение без разговоров. У них – штраф. У нас при разрешённых девяноста можно ехать девяносто девять, и штраф не выпишут. У них – сто девять. Вот они и гонят. И штрафы наши им по барабану.

Стена дождя разрывалась вспышками молний и ударами грома такой силы, что заглушались динамики в машине. Ди переползла на спалку и завалилась набок, уснув. Леший же вместе с водителем наполняли кабину дымом: Костя курил сигареты, а Леший – трубку.

Дождь и не думал утихать. Леший думал о Мануле и Полине: как они там? Мокнут ли под дождём?

– Вы в Воронеже куда именно едете?

– Я на правый берег Дона, по Чернавской дамбе, почти в

центр. А вам-то куда надо, на Отрожку?

– Нет, нам вообще в Дивногорье надо попасть

– Круто вы загнули. Я проезжать буду мимо Отрожки и мимо Придачи, – сказал Костя, – это всё станции на том направлении. Но вам, чтоб не мокнуть на окраинах, лучше на главный вокзал. А там электрички на Лиски. От Лисок – на Острогжск, а там разберётесь.

– Я только в теории маршрут знаю.

– Ну вот тем более, лучше с вокзала ехать. Сейчас народа правда много поедет. Праздники же.

– Точно, – Леший вспомнил, о грядущем завтрашнем дне Победы.

На въезде в Воронеж была пробка. "Фред" полз по широкой дороге, вместе с другими машинами через широкий Дон.

– Давайте, я вас за мостом высажу. Тут до Вокзала недалеко, у кого-нибудь спросите, можно даже пешком.

– Идёт, – Леший и Ди начали обуваться и собирать всякие растёкшиеся по машине вещи: лешевский спальник, гитару, чехол от неё.

– Я на аварийке приостановлюсь, а вы прыгайте.

– Спасибо вам огромное, Костя!

– Не за что. Харькову привет. И Дивногорью!

– Добрых дорог, – сказала Ди, повязав Косте на руле сплетённую в дороге феньку.

Леший спрыгнул на мокрый песок обочины, забрал у Ди

гитару и подал ей руку.

– Ну вот, тут хоть уже не мочит, – сказала Ди, глядя на пасмурное небо.

У первого же прохожего спросили где вокзал и получили ответ: "Вон в той стороне, рядом".

– Интересно, надо ли нам закупиться продуктами? Давай созвонимся с Полиной

– Давай.

Леший включил телефон. И получил СМС-сообщение: "Му edem v locom do Lisok, groza ppc". После этого сразу натыкал ответ: "Мы в Воронеже, скоро сядем на собаку до Лисок" и немедленно отправил.

Они шли по незнакомому городу почти наощупь, пытаясь на ходу проникнуть в атмосферу Воронежа. Умытый город ещё хранил следы бушевавшей стихии в виде ручьёв, луж и поваленных ветвей, но люди навстречу попадались доброжелательные.

Когда Леший с Ди проходили мимо парка с большой церковью, телефон зазвонил.

– Леший, привет, – звучал полинин голос, – мы почти в Лисках.

– А мы ещё топаем по Воронежу в сторону вокзала.

– Ну вот, надо будет что-нибудь поесть взять, чтоб на коостре пожарить-сварить.

– Разберусь. Вы не намокли?

– Мы едем в задней кабине, Манул спит вообще.

– Как так получилось? Приняли?

– Нет, просто "язык до Киева".

– Молодцы, – сказал Леший, – тогда до встречи.

На привокзальной площади толпились маршрутки. Леший нашёл продуктовый магазин и набрал целый пакет еды. Часть продуктов они с Ди рассовали по рюкзакам, а то, что не влезло, – сложили в тряпичную сумку Ди...

– До Лисок когда ближайший, подскажите?

– Двадцать сорок три, – ответила тётушка-кассир в окошке.

– Два полных – сказал Леший, склонившись над окошком кассы и протягивая две сотни рублей.

Через полчаса, после походов в туалет и поедания хот-догов, они уже сидели в новенькой электричке сине-белых тонов и глядели на пасмурное небо Воронежа.

Ди протянула наушники своего плеера Лешему и навалилась на плечо. Там играла какая-то "альтернатива":

"...Чтобы сердцу твоему

Не замереть в холодах,

Верь весне, но никому

Не доверяй в городах..."³³⁹

– Это кто?

³³⁹ Обе-Рек – кто сказал?

– Это я специально нашла группу из Воронежа на плеере. Мне её в Новосибире скинули друзья.

– Значит теперь у меня Воронеж – это не только гроза, "Сектор Газа" и котёнок с улицы Лизюкова. Но ещё и эта группа.

Тем временем, за окнами электрички мелькали поля с пирамидальными тополями и акациями, а из-за облаков выглянули закатные лучи солнца.

Электричка подъезжала к Лискам. Леший и Ди прильнули к окнам в тамбуре, пытаясь высмотреть лица Манула и Полины.

– Ну вот мы и в Лисках, – сказал Леший, – теперь как отсюда дальше уезжать?

– Манула выловить бы для начала, – сказала Ди.

– Молодые люди! – донёсся голос вокзального мента, – документы предъявите, пожалуйста.

– Сейчас, – Леший полез за паспортом в ксивник, – мы в Дивногорье направляемся.

После непродолжительной беседы с ментами прямо в зале ожидания, Леший и Ди вышли вновь на сырую платформу.

– Ладно, хоть тут менты не дотошные, – сказала Ди.

– Ох, если б мы приехали с Украины, они бы нас прошмонали, мне кажется.

– А так бдят. Вон, на станции народ сидит, их не трогают.

– А это всё потому, что мы не похожи на алкашей и бомжей. Хотя вот у вас в Сибири наоборот: если ты цивилизно

выглядишь – тебя не трогают.

– Молодые люди, – незнакомый парень с какой-то приметной чертой в лице стоял напротив них, – не собираетесь ли вы встретить ночь перед Днём Победы в Дивногорье?

Леший задумался на несколько секунд, проникшись узнаванием: "Тёмные волосы, бритое лицо. Этот взгляд. Нихрена себе..."

– Манул, ты когда подстричься и побриться успел?

– Да в Поворино решили "оцивilitься", – Манул улыбнулся непривычной улыбкой, – там и побрился.

– С тебя полтинник, – услышал Леший голос Полины, – а ты говорил, что не узнает.

Все вчетвером обнялись.

– Какие дальнейшие планы, – поинтересовался Леший, – ведь электричка только утром?

– Поездов пока хватит, – сказала Полина, – поедем на такси.

– Инициатива наказуема, – посмеялся Манул, – с тебя найди такси в десять вечера.

– Слово за слово, а Полина удалилась на привокзальную площадь, и через пять минут вернулась, улыбаясь.

– Судя по всему, ты нашла такси? – сказала Ди.

– Агась, – кивнула Полина, – триста пятьдесят рублей цена вопроса.

Леший отсчитал две сотни, вручив их Полине.

На привокзальной площади, необычайно цивилизованной для провинциального городка, стоял памятник: колонна с Ангелом-хранителем. Возле колонны на обширной парковке между ЖД и автовокзалом, стояли машины, одна из которых была "пятёрка" с характерными шашечками.

Водитель, усатый дядька с украинским выговором, осмотрел всю компанию и посоветовал закинуть пару рюкзаков на верхний багажник его "пятёрки".

– Гитару можно и в салон, если потеснитесь.

– Мы-то потеснимся!

– Поехалы тогда, – весело сказал дядька, врубив магнито-лу.

"Всё та же попсовая песня по радио, – скривился Леший, втиснувшись справа от Полины на заднее сиденье, – и когда включают что-нибудь другое?"

Долго ли, коротко ли, бодрая "пятёрка" уже разбрызгивала лужи на грунтовке, а затем, проехав село Дивногорье насквозь, остановилась. В машине тотчас стало тихо, донесся до ребят звуки соловьиного пения и лай сельских собак.

"Вот, вроде приехал в незнакомое село, перед Днём Победы, и стоит опасаться пьяной гопоты, – думал Леший, – но нет"

В голове Лешего поселилось ощущение сказки, ещё когда он рассматривал непривычные белые мазанки из окна машины. Теперь он готов принять этот мир и эту ночь, вдыхать её и наслаждаться.

– Ну вот, хлопчики, вам туда, – водитель показал на тропу, ведущую на холм, рядом с которым по рельсам как раз грохотал грузовой поезд, – сегодня приключений уже не ищите, лягайте спать, туристы как раз у Тихой Сосны лагерь ставят. А напротив – Храм Сицилийской Божьей Матери. Он в скале вырублен, сходите.

– Спасибо большое, удачи вам!

– Оце вам удачи! С праздником!

– И вас! – Манул хлопнул дверью и развернулся к ребятам, – ну что, с приездом!

– Где ставиться будем? – спросил Леший

– На Тихой Сосне, как и сказал шофёр.

Пока шагали по дорожке меж кустов и слушали птиц, стемнело совсем. Но, перейдя железку, увидели костёр и палатку, услышав звуки гитары.

– Интересно, что за люди там?

– Подойдём-увидим, – сказал Манул и смело зашагал вперед, закурив трубку.

Ребята углубились в ивняк. Ди рефлекторно схватила Лешего за руку, но не от испуга, а от желанья быть причастным к чуду.

У костра было слышно пение женским голосом:

"...В дорогу звал глас таинственных гор,
Три сына там покидали свой дом.
Один был горд, другой упрям,
А третий был сердцем смирен..."³⁴⁰

Леший встал, вслушиваясь. По виду у костра не было пьяных, стояло несколько палаток. Манул тоже приостановился, вслушиваясь в песню. И лишь когда у костра допели, Манул пошагал в свет костра

– Добрый вечер, ребята! Мы автостопом приехали из Екатеринбурга. Вы не против, если где-то рядом с вами встанем с палаткой?

– Добрый, – молодой человек с фонарём в руке, казалось, просвечивал рентгеном пришедших, – можно конечно. Мы Белгородские сами. Я Сергей.

– Лёша, – представился Леший и представил остальных, – Женя-Екатеринбург, Полина-Пермь, Катя-Красноярск.

– Обширная география, – улыбнулся парень, – присядьте пока к костру, с дороги. Если есть кружки, давайте чаем вас напоим.

Леший, вслед за ребятами, сел в круге, внезапно ставшем теснее. Хозяева стоянки называли какие-то имена, но Леший почти никого не запомнил. Он по-прежнему сохранял состояние ожидания чуда, и поэтому просто вглядывался в лица.

³⁴⁰ "Баллада о трёх сынах" авторства Татьяны Шиловой.

"Приятные хорошие лица, – думал он, – улыбаются, чай наливают, но всё же какие-то цивилизные и правильные. Интересно, кто они?"

Тем временем начали разговаривать и общаться. Леший, прихлёбывая предложенный чай из одной кружки с Ди, слушал о чём говорят. Общалась Полина, она же попросила гитару сыграть. Спела она песню про Иерусалим, чем вызвала аплодисменты.

"Какие-то сильно верующие ребята, – подумал Леший, – главное, чтоб не сектанты какие-нибудь".

Манул тем временем прихватил свой и полинин рюкзаки и удалился с Сергеем.

Леший узнал имя ещё одной поющей девушки-белгородки – Натка. Она пела песни, чем-то неуловимо похожие на "Мельницу", но при этом добрые и похожие на притчи.

Когда в следующий раз дошла гитара до Лешего, он спел песню про Звёздного Пастыря:

"Звёздный мой пастырь, покинь стада,
Слышишь ли зов вдалеке,
С неба упала моя звезда,
И плывёт по ночной реке..."³⁴¹

³⁴¹ Иллет – Звёздный пастырь.

Через какое-то время подошёл Манул, шлёпнув Лешего и Ди по плечам

– Я поставил "зелёное чудище", пошли покажу.

Леший встал и проследовал за Манулом. Вокруг звенели комары, практически первые в этом году для Лешего.

– Эти ребята, – сказал вполголоса Манул, – что-то вроде православной молодёжи. Они хорошие, но чересчур правильные на мой взгляд. Поэтому мы курить будем уходить на берег Сосны. Речка-то – маленькая, сейчас как наша Исеть. А ребята говорят, что пару недель тому назад здесь вообще было море воды до самого Дона.

– Круто, – оценил Леший вид от палатки. Её Манул поставил прямо под большим дубом, а отсюда открывался вид на воды Тихой Сосны.

– А там дальше поле. А за ним – Дон. Купаться ещё, возможно, рано.

Леший закинул свой и катин рюкзаки в палатку, а затем пошагал к костру, забрать Ди. Ди шла молча и по инерции. Леший списал это на усталость, и не подал вида. Лишь когда в палатке они улеглись не в обнимку, как обычно, а спина к спине, Леший подумал что где-то что-то не так.

– Ди, ты чего?

– Я устала, Лёша.

– Понимаю. Несколько суток подряд видеть мою физио-

номию, тут любой устанет.

– Да не только поэтому, – сказала Ди, – просто я впервые так далеко от дома. И на меня это осознание навалилось сейчас. Хочется забраться обратно в раковинку и побыть одной, подумать.

– Хорошо. Спокойной ночи, Катя, – Леший распахнул сетку палатки, выбравшись к Манулу под дуб.

Манул курил трубку и был похож на морского капитана, внезапно оказавшегося на берегу. Отсутствие длинных волос и бороды сразу же подчеркнуло "шкафообразность" Манула.

– Теперь про тебя не скажешь, что ты похож на друида.

– Скорее на гопника с трубкой?

– Ди чего-то устала, – Леший был не склонен к шуткам.

– Всеми своё время.

– Ты не боишься, что Волк от нас уйдёт? Что ты будешь делать тогда?

– Уж явно не искать его в реальности. Давай не будем об этом.

Леший забил свою трубку и затаился, слушая гитару и соловья. У костра белгородцев оставалась Полина и сейчас пела одну из тех дивных песен, что Леший слышал в прошлом августе на скале.

– Потом мы на старое городище пойдём закат смотреть, когда все разойдутся. Там можно без палева в гамаках заночевать наверху.

– Откуда ты знаешь?

– Из снов.

– Пошёл я, – зевнул Леший, – смотреть сны.

Леший развернулся от молчащего Манула и залез в "зелёное чудище". Спиной к Ди.

Разбудил Лешего Манул.

– Пошли, прогуляемся, – сказал он.

– Куда?

– На Дивы дивные.

– Щас, – Леший начал торопливо одеваться в темноте.

Манул бодро пошагал по тропинке к путям, потом – вверх в гору, мимо белой скальной церкви, по лестнице и выше. Здесь наверху было ветренное степное плато с дубами и вязами вдалеке. Под ногами шуршала какая-то степная трава и цвели жёлтые цветы. Потом тропа шла вдоль лесополосы.

Они почти бежали по светлой тропинке, а затем внезапно остановились у деревянного мостика на краю оврага.

– Здесь, – сказал Манул.

– Что тут?

– Посидим и покурим. Собственно, заехать в Дивногорье было моей инициативой. Просто ради этого места.

Манул забивал трубку, усевшись по-турецки на доски.

– Что у тебя связано с этим местом?

– Здесь мой далёкий предок умер. Надо его отпустить.

Леший принял трубку из рук Манула, затянулся, выпу-

стив в предрассветный воздух кольца дыма.

– Как ты об этом узнал?

– Он сам рассказал. И попросил приехать.

– Дела...

Они сидели молча, слушая голос соловья из низины и стук колёс грузового поезда.

– Что нужно сделать?

– Я сейчас усну, а ты просто побудь рядом. Покури вот, – Манул навалился на перила мостика и зевнул, – не буди меня пока.

"Весёлая перспектива, – подумал Леший, – ну да ладно, девушки пусть отдохнут от нашего общества. Странно, что к своему предку он пришёл без Ди и Полины. А со мной"

Вдруг Манул сказал несколько слов на непонятном гор-танном языке, раскрыв глаза. Осмотрелся, глянул на Лешего и зажмурился, потрясая головой. Лешему стало жутковато.

– Евгений Иваныч, Манул! С тобой всё в порядке? – спросил он шёпотом.

– Теперь да, – Манул раскрыл глаза и протёр их, – пошли обратно.

Леший послушно встал и пошагал вслед за Манулом. Начинало светлеть, но непогожий рассвет не радовал красками: лишь проявилось больше насыщенных весенних красок. Зато проснулись жаворонки. Леший сначала услышал голос,

доносящийся откуда-то сверху, а затем увидел певца: маленькая птичка зависла, словно вертолёт, на высоте пятиэтажного дома и пела свою незамысловатую песню.

Когда Леший с Манулом подходили к "Зелёному чудищу" у костра белгородцев лишь сидел один человек, пожелавший доброго утра и пронзительным взглядом проводивший ребят к палатке.

Леший вкарабкался вовнутрь, да и рухнул спать прямо в одежде.

– Предок Манула – один из хазар, которые воевали в этих степях тысячелетие назад, – услышал Леший голос Волка из-за спины.

Леший, Манул, Волк и незнакомый человек в странном серо-красном плаще стояли рядом с мостиком и смотрели, как солнце выходит из-за облаков. Манул был одет в "зелёнку" с лычками младшего сержанта на плечах.

– Вот из этого племени, язык которых похож на современных кавказцев, происходит мой предок – сказал он, – Его звали Булан, в честь известного полководца их народа³⁴².

Темноволосый человек повернулся и сказал что-то Манулу. Манул подошёл к нему, обнял, сказав ещё что-то на странном гортанном языке, с кучей шипящих звуков. Человек свистнул. Послышался топот копыт, и вскоре из-за кустов показался жеребец гнедой масти, без седла. Человек

³⁴² Хазарский полководец восьмого века, обративший хазар в иудаизм.

подошёл к склонившему голову жеребцу, обнял его и ловким движением вскочил. Что-то снова прокричал Манулу и Волку. Они оба кивнули и подняли вверх руки, да так и стояли, пока всадник в плаще не исчез за лесополосой, а топот копыт не затих.

Леший смотрел ему вслед, а потом – на Манула. По его каменному лицу и выбритым щекам текли слёзы.

– Он сказал, что рад уходить на рассвете, – озвучил Волк слова человека, – Тысячу сто лет он был здесь, не имея возможности покинуть место. Пока далёкий потомок не пришёл сюда и не отпустил.

Волк кивнул на Манула. Тот по-прежнему стоял, не шевелясь.

– Леший, просыпайся. Манула пока не буди. Даже шаману надо побыть слабым, – Волк сделал жест "разрыва связи", и Леший проснулся.

В палатке было душно. Леший распахнул вход в палатку и застегнул москитную сетку. Рядом лежал Манул и спал, а на щеках были дорожки от слёз. Ди и Полины в палатке не было.

"Да уж, – сказал Леший про себя, – Первый раз вижу, что Манул плачет"

Он выкарабкался наружу. У костра, где происходил зав-

трак, сидели Полина и Ди, поедая вместе с белгородцами гречку из своих мисок.

По соседству появились ещё новые люди: более "приземлённые", они озирались на обитателей белгородского лагеря и распаковывали пиво вместе с палатками. Один из них слушал трансляцию парада Победы с радиоприёмника.

– Доброе утро! – сказал Леший, помахав рукой вновьприбывшим.

– Взаимно, – ответил один

– Утро добрым не бывает, – сострил кто-то ещё.

Леший не оценил юмора, про себя огрызнувшись, что негоже пить с утра и шуметь.

– Доброе утро, Катя, – Леший подошёл и обнял Ди. Она отстранилась.

– Могли бы сказать, что ушли ночью, – недовольно сказала она.

– И тебе привет, Леший, – сказала Полина, – как там Евгений Иванович?

– Спит и плачет.

– Как и было, когда мы проснулись. Пусть отдыхает.

Лешему тоже навалили гречки в миску. Он же взамен выставил на общий стол печенья к чаю, а Полина и Ди помогали белгородцам с хозяйством: мыли котелки на берегу Тихой Сосны, собирали сухары.

Соседи же, как выяснилось, жители Воронежа, бухали и слушали музыку на радио.

Девушки решили сходить на экскурсию по Дивногорью вместе с белгородцами, а Леший просто забурился спать обратно в палатку. Точнее, пытаться спать под вопли соседей-воронежцев.

Манул проснулся и первым делом вылез из палатки. Как есть, в одних трусах и майке. Он надел на ноги кроссовки и пошагал к костру воронежцев. Леший не слышал о чём и как они беседовали, но музыка у них затихла, а пьяные жители воронежского лагеря понизили громкость голоса.

– Ну вот теперь доброе утро, – сказал Манул, улыбнувшись Лешему – пошли на купалку.

– А где тут купалка?

– Недалеко, вон тропка идёт.

Пока шли дотуда, Леший спросил Манула.

– Что ты сказал воронежцам?

– Просто сказал, чтоб не шумели. Даже без мата.

– Блин, они тут полдня, уже всех достали.

– Это надо было мне раньше просыпаться. Пиздюлей у меня на всех хватит, если не поймут, – улыбнулся Манул.

– Вроде поняли.

– Вроде да. Всё равно мы сегодня вечером снимаемся отсюда.

– Ты всё же хочешь пойти ночевать в лесополосе?

– Да. Посмотреть на закат, каким его видел Булан.

– Ты плакал ночью.

– У всех бывает. Тут место такое. Иерусалимский меридиан³⁴³. Надо исповедоваться и плакать.

– Почему? – не унимался Леший.

– По кочану! – Манул скинул майку и кроссовки, а затем разбежался с деревянного помоста, "бомбочкой" плюхнувшись в воду Тихой Сосны.

Леший смотрел на него, но не решался занырнуть

– Леший, ныряй тоже! – Манул крикнул из воды, – Вода – парное молоко!

– Я подумаю.

– Чё думать? Сейчас в одежде затащу!

Леший стал раздеваться, а затем, подойдя к мокрым мосткам, переборол себя и нырнул в воду.

На самом деле, вода оказалась не холоднее, чем в некоторых уральских реках летом, так что Леший быстро освоился, проплыл "по-собачьи" рядом и выбрался снова на мостик.

– Как водица? – сказал Манул

– Ништяк, – ответил Леший.

– Когда девицы придут, надо будет в дорогу собираться.

Через пару часов вернулись девушки, приятно удивлённые переменам и относительному спокойствию.

– Собираемся в дорогу? – невозмутимо сказал Манул

³⁴³ Небольшое географическое заблуждение Манула, но многие эзотерики его придерживаются, веря, что Кизи, Соловки, Дивногорский монастырь, Святогорская Лавра и гора Роман-Кош в Крыму находятся на одном меридиане с Иерусалимом.

– Куда? – спросила Ди.

– На горы местные. Сегодня наверху в лесу ночуем

– Мы только из церкви, – сказала Полина.

– И как там нынче в церквях? – спросил Леший.

– Девушкам теперь целое приключение в церковь сходить.

Мы повязали банданы, как платки, а на ноги сердобольные белгородские тётушки нам выделили по куску тряпки, который "типа юбка". Тот ещё видок у нас был, хотя я считаю, что Богу нет разницы, во что мы одеты.

– И где ему молиться, – добавила Ди, – но архитектура интересная: храмы и ходы, вырубленные в пещерах – это того стоит.

Пока сидели у костра белгородцев и ели наваренный ими борщ, Манул собрал "зелёное чудище", выставив рюкзаки с вещами наружу.

К вечеру произошло интересное: правильные и православные белгородцы приняли у своего костра не только урало-сибирскую сборную Лешего, но и делегатов из Воронежа. Вокруг костра образовался довольно большой импровизированный круг, стихли веселье и ржач. Начали петь песни, связанные с войной. Спел и Леший. Когда гитара дошла до него, он сыграл Непомнящего:

"Земля жива пока, и птицы прилетят

За просто так, всем виноватым и живым,

Но в память нам закатный ветер гонит дым.
Не нами мир живой, и остановлен ад,
И свят солдат, и прав солдат,
Что защищал Сталинград, Белград, Багдад..."³⁴⁴

Вечер не был пропитан тем "духом дня Победы", какой бывает в городах: с бравадой и криками "деды воевали, и мы можем повторить". Скорей наоборот. Прослеживалась общая мысль в тостах и поднимаемых стаканах – у кого с чаем, а у кого и с водкой – пусть никогда больше не будет войны.

Когда пасмурное небо начало темнеть, Леший тихонько собрал свою гитару в чехол, по кругу у костра теперь играли только на гитаре белгородцев. Когда вновь начали рассуждать о Победе и её цене для воронежцев и белгородцев, Манул поманил Лешего и девушек за собой.

Они, не попрощавшись, взвалили рюкзаки и пошагали прочь от костра и гомона людского.

Шагали молча. Сначала по гравии вдоль железной дороги, глядя на Большие Дивы и зелёные холмы с серебристыми нитями ковылей и куртинками шалфея.

Потом – завернули вверх по склону, мимо клёнов и дубов.

"Здесь такие красивые леса, – думал Леший, глядя на темнеющее небо сквозь узор кленовой листвы, – но их так ма-

³⁴⁴ Александр Непомнящий – Солдат.

ло. Мне всё же комфортней под сенью леса, чем в открытой степи. Интересно, о чём сейчас думают остальные?"

Ди шагала молча, время от времени останавливаясь и разглядывая местные диковинные цветы. Полина замыкала шествие, приглядывая за всеми, а возглавлял колонну Манул. Сегодня он был чуть веселее, чем вчера. Под ноги застелась белая меловая тропа.

Из соседних сёл доносились отзвуки салютов, когда Манул остановился у подножия белой скальной стены.

– Я думаю, что здесь мы поставим сегодня палатку. Тут никто ночью шарохаться не будет. И комаров, в отличие от низинки у воды, здесь не будет.

– Это радостно, – сказала Ди, которую видно достало соседство с зудящими кровососущими.

– Только фонарей зажигать не надо, чтоб никто на огонёк не явился, тут всё же заповедник, – сказал Леший.

– В день Победы вряд ли кто явится, – парировал Манул, – но костёр и свет нам не особо нужен. Для пищи есть газовая плита, а в темноте мы все ориентируемся.

Вскоре палатка была установлена, а у входа была установлена газовая горелка.

– Сегодня варим глинтвейн, – сказала Ди.

– Где и как вы добыли вино? – удивился Леший.

– Меньше надо было спать, – сказала Полина, – мы у бухающих воронежцев экспроприировали. С их, между прочим,

благословения. Очень уж они хотели нас напоить вином. И мы клятвенно пообещали им выпить эту бутылку скоро. А тут и случай подвернулся.

Манул побежал по крутой осыпи в обход скалы, на склонах собирал местных трав, и вскоре в котелке Полины вместе с традиционными приправами для глинтвейна бултыхались местные травки.

– Сегодня день Победы, – сказал Леший, – у того костра было много слов сказанных, различной степени пафоса. Мне же кажется, что День Победы – очень языческий праздник, когда мы славим наших боевых предков.

– Это похоже на правду, – согласился Манул, – у меня здесь и сейчас действительно связано с боевыми предками. Сегодня ночью я отпустил своего пращура. Он разговаривал на совсем другом языке, но жил и умер в этой степи.

– За предков, – подняла тост Ди.

Все вчетвером разлили глинтвейн по стальным кружкам, чокнулись и выпили. Поскольку умершие предки уже переродились, а вновь ушедшие только отправились постигать бездну вечности...

По железке грохотал пассажирский поезд.

Леший и Ди сидели на обрыве, глядя на дальние огоньки сёл за Доном и ближние фонари монастыря.

– Катя, я думаю, что здесь лучшее место, чтоб всё сказать. Ты устала от моего общества и поездки?

– Дело не в этом. Совсем!

– Тогда в чём?

– В том, что вы между собой общаетесь через сны. В том, что у вас есть общая объединяющая тайна! А я чувствую себя существом второго сорта, недочеловеком, находясь рядом с вами.

– Почему? Ты же была в наших снах! И мы были в твоих! Что кажется тебе неправильным?

– Вы слишком погрязли во всякой эзотерике! И ты, и Манул!

– А Полина?

– Она более приземлённая, но Манул на неё влияние оказывает сильное.

– Может, не Манул, а всё же Волк?

– Волк? Я не видела этого Волка! Может, вы его придумываете!

– Благодаря этой придумке мы познакомились! Дорога привела меня к тебе, Катя!

– Это хорошо. Но вы такие все хорошие и правильные. Но путешествуете без цели, как бомжи! Зачем вам в Харьков? Зачем останавливаться здесь? Чтоб Манул проревелся и повидел дальнего предка? Всё ради его катарсиса!

– И это тоже. А в Харьков нас Ваня-тогучинец позвал.

– Не уверена, что он позвал меня.

– Не сомневайся, – Леший попытался обнять Ди, но она отстранила его руку.

– Лёша, я устала. От эзотерики вашей. От дороги. Вы ма-

ньяки.

– Я люблю тебя, Катя!

– Ты врёшь. Лосика ты тоже любишь! Или ты её также "любишь"? – Ди сделала пальцами жест, изображающий кавычки, – Что ты вообще знаешь о любви, бродяга без дома и семьи!

– Да что ты знаешь о моей семье! Как ты, не будучи мной, можешь говорить, что я знаю, а что нет?

– Поехавший!

– Дура! Могла бы не ехать с нами

– Могла бы! Да, дура! Надо было ехать с Кротом, дать ему один раз, и он был бы шёлковый! А я повелась на вашу дешёвую мистику!

Ди попыталась вскочить с обрыва, но из-за неосторожного движения соскользнула и полетела по крутому склону вниз... Точнее, полетела бы, но Леший каким-то чудом ухватил за плечо и затянул Ди обратно. Оба повалились назад, кубарем на зелёную траву. Ди заплакала, Леший просто обнял её.

– Прости, я наговорила тебе хуйни. Теперь ты будешь думать про меня плохо.

– Ты просто устала. Я не злопамятный. Тем более, на тебя обижаться не буду. Даже если ты завтра же поедешь в Питер. Просто люди встречаются и расстаются. Так бывает.

– Лёша, прости, – Ди тихо плакала, – я доеду с вами до Харькова, как и хотела. Я обещала. Не только тебе, но и са-

мой себе.

Леший гладил Ди по голове, слушая дальние хлопки са-лютов.

"Всё же неосторожное катино движение разрядило ситуа-цию", – думал он.

Спускались в сумерках, но белая меловая тропа будто све-тилась под ногами. Леший держал Ди за руку, и она не от-странялась от него.

Они улеглись в палатке, плотно закрыв молнию на палатке и состегнув свои спальники. Руки, губы и прочие части тела пошли на сближение, невзирая на посапывающих рядом Ма-нула с Полиной. Леший не стал активно приставать к Ди, он просто загробастал её в объятия и пожелал спокойной ночи.

– Я люблю тебя, – повторил Леший.

– Я знаю, – сказала Катя, – доброй ночи.

Леший провалился в сон без какого-то сюжета.

Утро наступило незаметно. Манул убежал за водой в сто-рону монастыря, и вскоре прибежал, принеся с собой звуки железной дороги и церковных колоколов.

– Сейчас на собаке до Острогжска поедем. Там вы в Бел-город. А мы – посмотрим.

Леший собирал рюкзак, помогал со сборами Ди. Полина

опять хозяйничала с котелком.

Но вот вещи собраны, рюкзаки и гитара взвалены на плечи, и ребята тронулись в путь. Теперь шли в другую сторону, спускаясь к "монастырской" платформе прямо по меловой осыпи.

На платформе остановились, чтоб отряхнуть с себя белые следы. Кроме них на лавочке сидела только одна бабушка.

– Что, ребятки, на Дивы ходили?

– Да.

– Чего ж не в Воронеж?

– Нам на Харьков надо.

– Аа. Ну скоро подъедет. Она до Алексеевки идёт. Там пересядете на Валуйки.

– Спасибо.

Вскоре подъехала синего цвета электричка, отворила двери, и ребята шагнули в неё.

В электричке Леший ехал, прильнув к окну лицом, и вглядываясь в цветущие степи и меловые холмы. Ди плела очередную феньку, мурлыча себе под нос.

– Мы, наверное, дальше поедем на собаке, – сказал Манул, когда электричка замедляла ход перед Острогожском.

– Не, я стопом хочу, – сказал Леший, – и Ди наверное тоже.

Ди кивнула, показав, что согласна с Лешим.

– Тогда разбегаемся, – с улыбкой сказала Полина, – кто

первый доедет до границы, тот и звонит или пишет время проезда. Нам, кстати, написал Ваня. Уже с украинского номера, так что, Лёша, запиши. Плюс тридцать восемь, ноль шестьдесят шесть...³⁴⁵

Леший достал "Рингушник" и записал в него украинский номер Вани-тогучинца. Телефон он благоразумно держал выключенным, чтоб не тратить драгоценный заряд, а включал лишь чтобы обменяться важными сообщениями и звонками в пути.

Ди тепло попрощалась с Полиной и Манулом, а затем Леший взвалил на плечи рюкзак, взял в руку гитару и под руку Ди.

Двери синей электрички с шипением отворились. Теперь Леший шагал мимо небольшого уютного вокзала в сторону Острогожска. Спустя полчаса ходьбы по обочине тихий незнакомый город встретил путников шелестом кленовой листвы и благоуханием акаций.

"На самом деле это, конечно же, никакая не акация, – думал Леший, – но коль называют так, то пусть. Тем более, вон она, какая ароматная... Итак, а сейчас проверим, как доведёт язык до Киева. Или хотя бы до Харькова"

С этими мыслями Леший устремился навстречу местному мужичку.

³⁴⁵ Номер украинского МТСа.

– Здравствуйте, подскажите как нам пройти на белгородскую трассу?

– Да вот прямо, а затем налево, – непривычно загорелый дядька в бейсболке указывал путь, энергично махая руками, – да там прямая и идёт. У развилки только не потеряйтесь, там можно на Корочу через Чернянку уехать, и через Новый Оскол.

– А как короче? – не удержался Леший, услышав название городка.

– А все по-разному ездют, – сказал мужик, – ступайте с Богом.

Последовав совету мужика Леший и Ди поковыляли через город.

– Мда, понятное объяснение, – сказал Леший чуть погодя, – надо ещё кого-нибудь спросить.

– Я буду спрашивать.

Дойдя до, предсказуемо, улицы Ленина, Ди спросила какую-то тётку о дороге на Белгород. Та оказалась словоохотливой, и погрузила Ди в пучины истории, шагая рядом. Так Леший узнал, что Острогожск – столица слобожанского казначества, что тут была речка Острогоща, которая пересохла, что тут жил Крамской. "Хотя бы одно имя, которое я слышал", – подумал Леший.

И, наконец, тётушка покинула их, указав на ещё один поворот.

Ещё час похода по городу с заправкой водой на колонке,

и, наконец, ребята оказались на выезде, где последние коттеджи и заборы обрывались в зелёном поле со свечками тополей. Сверху серело пасмурное небо, и было почти по-уральски холодно.

– Ну всё, – сказал Леший, кинув рублёвую монетку в песок, – отсель грозить мы будем шведу.

– Тут ведь неподалёку уже Полтава, где битва полтавская была, – сказала Ди, – так что сравнение имеет место.

– Ну-у, в оригинале, если мне память не изменяет, речь шла не о Полтаве, а о постройке Питера.

– Может быть и так. Будем шведу грозить?

– Будем, – весело крикнул Леший и поднял руку.

Остановился низкорамный грузовик с белгородскими номерами.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– А вы куда направляетесь?

– В сторону Белгорода, как можно дальше. А вообще – из Екатеринбурга в Харьков.

– Садитесь, поместимся, – водитель с сигаретой в зубах спешно закидывал куртку и барсетку на "спалку", освобождая место, – лямки можете не пристёгивать, всё равно гаишники не увидят.

– Спасибо, – сказала Ди, прикрыв дверь.

– Что-то ты каши мало ела, дочка, – сказал водитель, – помоги ей.

Леший помог захлопнуть дверку, взревел мотор, и маши-

на понеслась по полям Черноземья под звуки радиопопсы. Здесь опять заиграла та же песня, про "Вдох-выдох", но уже в других декорациях.

"Да, в прошлый раз под эту песню я ехал с Лосиком по горам Урала, – говорило внутреннее радио Лешего, – Теперь мчимся с чудесной Ди, по полям Черноземья, а мимо вместо ёлок пирамидальные тополя лесополос, да фонарные столбы. Судьба такая непредсказуемая штука. Мы с Ди, судя по всему, тоже скоро расстанемся. Но пока мы вместе, и тепло от тела Ди я чувствую своим боком. Она, как истинный мастер, таскает кусочек уюта с собой. Я не всегда замечаю это, но сейчас особенно остро".

– Я в сам Белгород еду, – вырвал водитель Лешего из его рефлексий, когда песня доиграла, – За вокзалом вас высажу, там электрички до Казачьей Лопани и до Харькова ходят часто.

– Хорошо. Я чего-то задумался.

– Рассказывайте, как вас сюда занесло? Я-то понятно, с Павловска в Белгород. А вы?

– Обычно через Горшечное и Старый Оскол ездят, насколько я слышал, – сказал Леший, передав слово Ди.

– А мы с Дивногорья сейчас, – сказала Ди, – до Острогожска на электричке доехали.

Ди углубилась в подробности путешествия, предоставив

Лешему возможность помолчать, созерцая незнакомые пейзажи Черноземья.

– Вон, Катя, смотри! – закричал Леший, увидев на столбе ЛЭП большое гнездо, – это же аисты!

– Да? И точно! – рядом в пашне ходили на стройных ногах белые грациозные птицы.

Ди достала фотоаппарат, и стала фотографировать аистов прямо на ходу.

– Давай я приторможу? – сказал водитель, замедлив ход.

– Спасибо! Я их первый раз вижу.

– Аисты красивые, да. Аисты на крыше это конечно хорошо, но вот когда они на проводах танцы устраивают, дерутся и поджариваются, оставляя сёла без электричества – это плохо.

– И такое бывает?

– А как же?

Леший перешёл на тему всяких сбитых животных, по неразумению выбегающих на дорогу. Помянул и косулю, и выбежавшего на дорогу прошлой осенью лося.

Когда грузовик проезжал сёла, Леший не мог наглядеться на белые и серые мазанки с четырёхскатными шиферными крышами – настоящие украинские хаты.

Машина всё приближалась к Белгороду, и вот после Корочи началась широкая дорога и плотный поток машин.

– А как там границу пересекать?

– Да всё просто, – сказал водитель, с характерной украинской интонацией в голосе, – мы-то декларации заполняем всякие. А тебе на электричке проще простого. Наши тупо паспорта глянут и отдадут. На Казачей Лопани украинские найдут, выдадут миграционки, там пишешь что угодно от лукавого, они не смотрят. Потом собирают, и в миграционку тебе лепят штампик. Её с собой носишь с паспортом, и все дела.

К Белгороду подъезжали уже часам к пяти вечера. По городу ездили бело-синие троллейбусы, зеленели липы и цвели белыми свечками каштаны. В это время проглянуло солнышко, и сразу стало ощутимо жарко. Холмистый город встречал их теплом.

– Я вас тут высажу, – сказал водитель, тормозя у Лукойловской заправки после моста через Северский Донец, – мне на разгрузку. А вам – прямо через мост, потом направо.

– Спасибо большое, ни гвоздя, ни жезла, – попрощался Леший с водителем, так и не назвавшим своё имя.

– Его Александр зовут, – сказала Ди, когда низкорамный "МАН" скрылся за поворотом, – на талончике за окном было написано.

– Я и внимания не обратил, а он не представился, – сказал Леший, – теперь я хочу квас и на вокзал. Скорее всего, квас добуду там.

– А я бы туалет добыла. И душ.

– Это тоже на вокзале, – сказал Леший и включил телефон.

Бессменный аппарат сразу же прожужжал сообщением от Полины, о том, что они пересекают границу, и скоро будут на станции Купянск.

Глядя на расписание поездов, Леший обнаружил, что электричка до Харькова ушла десять минут назад.

– Мы лошары, – сказал Леший вслух, – опоздали на электричку. Следующая только в полдевятого.

– Ну и ладно, – ответила Ди, – я сейчас разведу, где тут душ. Ибо одичаю тут скоро с тобой. Посидишь с рюкзаком?

– А куда деваться.

Ди пришла спустя пять минут, принеся Лешему бутылку разливного кваса и весть о душе, который имеется на вокзале в "комнате отдыха".

– Ты настоящий друг, Катенька – сказал Леший, с наслаждением отхлёбывая тёмный пенный напиток.

– Тебе ещё с рюкзаком сидеть, – сказала Ди, взяв полотенце и косметичку из своего бэга.

Пока Ди постигала блага цивилизации, одичавший Леший смотрел вокруг. "Судя по виду пассажиров, большая их часть – это торгаши, – думал Леший, – Вот неприятного вида немолодая тётка с клетчатыми баулами, вот дядька мутного вида с коробкой на тележке. А вот компания – ну чисто хохлы: все темноволосые и смуглые, в сланцах странной

конструкции и шортах. И громкие"

Действительно, у расписания тупила компания ребят, громко гутаря на смеси русского с украинским, где одно от другого было не отличить из-за особенностей интонации.

Спустя полчаса явилась Ди с полотенцем на голове.

– С лёгким паром, – сказал Леший

– Спасибо, однако. Надо билеты покупать.

На кассе Леший протянул две сотни, взамен получив два билетика, где почему-то было написано "Белгород – Харьков". "Почему с мягким знаком на конце, – думал Леший, – и не дореволюционная орфография, и не украинская? Странно-странно"

"Мы в Белгороде, электричка на Харьков в 20-40, встречайте нас", – написал Леший смс-сообщение Ване и отправил.

– Как ты думаешь, через границу насколько быстро сообщение дойдёт?

– Да не знаю. Может лучше позвонить?

– Давай позвоним, – Леший набрал украинский номер Вани-тогучинца.

Гудки.

Потом – наконец – ответ.

– Рад тебя слышать, Леший!

– Я в Белгороде, электричка в без двадцати девять. Встретите?

– Да, конечно. Садись во второй вагон.

– Знать бы ещё, который из них второй?

– Чай не маленький, разберёшься, мы тебя ждать будем.

Ласкаво просымо!³⁴⁶

– До побачення³⁴⁷, – ответил Леший, улыбаясь.

Объявили посадку на электричку, на первой платформе. Сразу же началось столпотворение: будто волна прошла по залу ожидания. Народ почти синхронно встал и ломанулся к дверям. Леший и Ди подчинились потоку, вздев рюкзаки и гитару и устремляясь в распахнутые двери белой электрички с логотипом "УЗ".

На сиденье напротив Ди бухнулась грузная тётка в шлёпанцах, водрузив свою сумку на полку и потеснив рюкзак Лешего. Она недовольно осмотрела бэг, стоящий у Ди на руках и лешевскую гитару... а потом сняла шлёпанец и упёрлась босой ногой в лавку рядом с Ди.

– Блядь, это выше моего терпения, – шепнула Ди на ухо Лешему.

– Ладно, будем её "высаживать", – сказал Леший, улыбнувшись.

Когда объявили отправление, Леший раскрыл окно и высунул голову в него. Естественно, при этом он повернулся

³⁴⁶ "Добро пожаловать" (укр.).

³⁴⁷ "До свидания" (укр.).

задом к мерзкой тётке, демонстрируя той задние карманы на своих брюках.

За окном показывали вечерние сумерки, лучи закатного солнца пронизывали влажный весенний воздух и оставляли узоры на облаках и полях. Мимо летели товарняки и провода контактной сети.

На Наумовке по вагонам прошлись российские погранцы, с суровыми мордами и собакой. Тётенька с каким-то прибором типа коммуникатора забила в него цифры из лешевского и катиного паспортов, а затем вернула паспорта обратно.

"Интересно, как будет осуществляться пересечение границы? – думал Леший, – В детстве мне казалось, что на границах стоят какие-нибудь лазеры и сканируют всех, а ещё они режут тех, кто нелегально проходит. Повзрослев, я бы мог представить себе забор и контрольно-следовую полосу. Интересно, как здесь? Какая она, граница Необъятной и Незалежной?"

Леший вглядывался в сумерки, пытаясь увидеть хоть что-то, похожее на границу. Но вокруг шли всё те же поля и лесополоса, лишь мелькнул столб "УКРЗАЛИЗНИЦЯ"³⁴⁸ и табличка маленькой станции "Гранів", где электричка не остановилась вовсе.

³⁴⁸ Украинская железная дорога

Первая станция Украины, Казачья Лопань, встретила их включившимся в вагоне светом и украинскими пограничниками в строгой зелёно-серой форме. Сначала светловолосая девушка пробежала по вагону, раздав желающим миграционные карты. Леший начал честно списывать у соседки – той самой толстой бабищи.

В графе: "Мета прибуття"³⁴⁹ – он написал "туризм", а "Назва, адреса сторони, що приймає"³⁵⁰ – написал "Харьков, рынок Барабашова".

Дяденька пограничник подошёл к Лешему и Ди, сверил написанное в паспортах и миграционке, оторвал кусок и шлёпнул штампик.

– Откройте чехол, пожалуйста, – попросил он.

– Сейчас.

– Хорошая гитара. Добро пожаловать! – сказал дяденька пограничник.

А как только электричка тронулась, по ней пошли разного рода барыги.

Одни шли, бубня себе под нос: "Куплю рубли, рубли куплю..." Другие юморили: "Гривна свежая, недорого" Потом, не смотря на вечер, по вагону покатали всякую еду. Наперебой кричали торговцы: "Варёная кукуруза!", "Мята свежая!", "Гарна християнска книга!", "Садовый календарь!"

– А тут кроме барыг ещё и студентов много едет, – сказала

³⁴⁹ "Цель визита" (укр.).

³⁵⁰ "Название, адреса принимающей стороны" (укр.).

Ди.

– Ну так Харьков – студенческий город, там очень матёрый университет.

В окно начало задувать свежим воздухом, и Леший его закрыл. О подъездах к Харькову Леший узнал очень легко: народа в электричке стало ещё больше. Вот показалось множество огней впереди. Сначала "Дергачи", потом "Харьков-сортировочный". И наконец "Харьков-южный вокзал. Конечная. Вещи свои не забывайте" – сказал сонный голос машиниста.

Электричка зазаскрипела тормозами и встала. С шипением отворились двери, у которых тут же возникла давка из тёток-дядек с баулами. Леший с Ди решили не спешить, а подождать, пока толпа схлынет.

И вот Леший сделал первый шаг на землю соседней страны. Без местных денег и связи он чувствовал, что вверяет себя и Ди своим друзьям.

– Доброго вечера, ребята! – услышал Леший голос Светы, – Добро пожаловать в город-герой Харьков!

– Ура! – вскричал Леший, увидев Ваню, Свету и Олесю.

Ваня был одет "по-харьковски" – кроссовки, шорты и футболка, а Света-художница и Олеся выглядели и вовсе непривычно: обе были в красивых длинных платьях.

– Рад тебе! – в своей манере приветствовал Лешего Ваня-тогучинец.

"Тогучинец... А может Харьковчанин? Или житель Но-

восиба, али Питера? – думал Леший – Как же тебя называть, Ваню, человек Мира? И куда только девались те неформалки-автостопщицы, которые были в Екатеринбурге? Такие цивилизные красивые леди. Мы с Ди выгладим дикарями по сравнению с ними"

– Это Катя, или Ди. Она из Красноярска, – представил Леший Ди почтенной публике, направляясь к дверям вокзала, – А это Ваня-тогучинец, Света – теперь из Питера, и Олеся – ванина двоюродная сестра.

– Очень приятно. А как пахнет-то!

Пахло по-вокзальному: креозотом, углём и сигаретами.

Выйдя на привокзальную площадь, Леший с удовольствием забил трубку и закурил.

– Мы на метро поедим, – сказал Ваня, – так что докуривай. Если туалет надо – там Макдональдс есть, бесплатно и чисто. Хотя сегодня везде тусняки в честь выходных, народ гуляет, и там могут быть очереди.

– Гамбургер-чизбургер, трам-пам-пам...³⁵¹ – напел Леший известную похабную песню, убрав в ней мат.

Он шагал по асфальту и вдыхал с дымом табака незнакомые запахи из воздуха вечернего Харькова.

"Чем-то Ёбург напоминает", – подумалось ему.

³⁵¹ Песня "Макдональдс" панк-группы "Смех", где описывается использование сей сети общепитов по нецелевому назначению.

В метро Леший ехал уже почти на автопилоте. Света с Ваней что-то ему рассказывали, Олеся-харьковчанка гордо шла впереди через все переходы между ветками, а Леший ошале-ло смотрел по сторонам, держа за руку уставшую Ди и слушая мужской голос из динамиков: "Обэрэжно, двери зачи-няются, наступна станция – Архитектора Бекетова"

Вынырнув из метро на Бекетова, ребята пошагали по ска-зочно-уютной улочке под сенью огромных лип.

"Как же это похоже по ощущениям на Йошкар-Олу дет-ства, или на Ёбург детства, – думал Леший, – когда идёшь ве-черними сумерками под раскидистыми деревьями, под нога-ми разбитый асфальт тротуаров, а воздух тёплый, но свежий. Интересно, что улицы почти пустые, хотя выходной, народ обычно тусит".

– А где народ? Как-то пусто на улицах.

– Та все на Сумской гуляют, – ответил Ваня, – Сегодня как раз стритовал, а после "стрита" закинул гитару к родне, да погнали вас встречать.

– Это типа нашего "Вайнера"?

– Это типа вашего "Ленина", – ответил Ваня, завернув за угол и подбирая ключи от домофона.

– Родители на даче в Эсхаре³⁵², – сказала Олеся, – остави-ли нам с Ваней квартиру на растерзание. Вопросов вообще

³⁵² Небольшой городок в пригородах Харькова.

не было, когда мы сказали про ваниных друзей из Сибири.

В тёмном подъезде Ваня гремел ключами перед дверью, и, наконец, впустил всех в прихожую с высоченным потолком.

Леший с удовольствием скинул рюкзак и размял спину.

– Пипл, ванная там, – скомандовала Олеся, – одежду сразу можно в стирку с дороги, стиралка в ванной. Жить будете тут.

– Вот это апартаменты, – сказал Леший, оглядевшись. Высокие потолки, советская мебель: кресла, диван, телевизор, сервант и распахнутое окно с огромным подоконником.

– На кухоньке все не поместимся, так что гонять чай будем у вас.

Леший с удовольствием стоял под струями прохладного душа, смывая с себя дорожную грязь.

Но вот поспел чайник, и ребята расселись прямо на полу. Света зажгла свечки, ребята погасили свет и выставили в центр комнаты стеклянный цилиндрок заварника. Леший, сидевший ближе всего к заварочному чайнику, залипал за танец чайнок и игру света в чае.

Чай пили почти молча, после чего Леший с удовольствием растянулся на большом диване на чистых простынях. Рядом комочком свернулась Ди.

– Доброй ночи, Алёша.

– И тебе...

В эту ночь они оба уснули сразу, ибо усталость дальней дороги дала о себе знать, и спали без сновидений. А за ок-

ном тихо-тихо шуршал листвою клёна ветер чудесного города Харькова.

Глава 15. Город Ха. Расставание.

А утром приехали Манул и Полина.

За окном шумели редкие машины воскресного утра, с дивана было видно зелёные ветки клёна и серое небо.

В дверь заскребли по-кошачьи.

– Ребята, мы поехали встречать Манула и Полину, – шёпотом сказала Олеся, когда Леший зашевелился на диване, – Квартира под вашим командованием.

Леший подскочил, быстро натянул брюки и распахнул дверь. В прихожей обувались Ваня, Света и Олеся.

– А где они и как?

– Манул звонил из Чугуева, едут на грузовом.

– Надо что-то купить из продуктов?

– Ну, тут недалеко "Сельпо" есть. Ключи на стулке в прихожей, как закрывать разберётесь. Та в принципе мы на рынок заедем, так что ничего не надо, – также мягко сказала Олеся.

– Может выползу.

– Да. Курить можно на балконе.

Леший закрыл дверь за ребятами и отправился будить Ди.

– Я всё слышала, – сказала Ди, потягиваясь на кровати, – доброе утро, Лёша.

На ней была "спальная" безразмерная футболка, свисаю-

щая широким горлом на одном плече. Леший залюбовался видом Ди и невольно улыбнулся.

– Скажи честно, я тебе надоела за дорогу?

– Мне нет. С тобой в-целом приятно. Правда, после того, как мы полаялись в Дивногорье, осадок остался.

– Мне кажется, Лёша, нам надо разбежаться.

"Вот и поговорили, – подумал Леший, – вот и довыёбывался"

– Почему ты так думаешь?

– Я не чувствую себя нужной. Ты открыт всем, а ко мне спиной.

– Просто надо обнять меня со спины.

– Нет, ты не подумай, я не жалею, что отправилась в путь с тобой. Мы с тобой во многом похожи. Это и плохо. Меня, как и тебя, колышет и срывает с места ветер трассы. Просто я бы хотела видеть в своём молодом человеке стену, за которой никакие ветры не страшны. А ты такой же перекаати-поле...

– Что мешает кататься вдвоём?

– Мы не сможем, – на глазах Ди появились слёзы.

Леший молчал.

– Я хочу доехать до Питера. Там меня ждут. Но наверно отсюда поеду поездом.

– Едь как хочешь, – сказал Леший опустошённо.

– Лёша, давай всё же дружить.

– Ага. Но ведь "прошла любовь, завяли помидоры"? Получается, что ты меня не любишь, но дружить предлагаешь.

– Леший, с тобой классно было. Правда. Классно в дороге, классно вместе петь. Классно в постели. Но. Я устала. И дело тут не в тебе. Просто моя раковина интроверта слишком сильна. Сильней, чем желание быть с тобой, или с кем-либо ещё.

– Жалко.

Леший вышел на балкон, забивать трубку и слушать шум листвы. Он смотрел в одну точку, вдыхая дым и пуская в открытое окно лоджии кольца дыма.

"Что мне до всех дорог, если я не могу удержать любовь? – грустно думал он, – Какой великий смысл в духовных практиках, если не можешь удержать любимого человека рядом?"

Неслышно отворилась дверь за спиной. Ди села рядом и жестом попросила трубку.

– Трубка мира?

– Пусть будет так. Что мы ребятам скажем?

– Скажем, что расстались. И всё.

– Ладно, – попытался утешить себя Леший, – говорят, Харьков – город красивых девушек.

Они сидели на лоджии и курили трубку вдвоём. Потом Леший просто валялся на кровати, глядя в потолок, а Ди изучала книги в квартире.

А через пару часов в двери заскрежетали ключи, и в квар-

тиру с шумом ворвались ребята.

– И тут я ему говорю, – донёсся из прихожей голос Полины, – давайте вы нас не видели, а мы вас. И этот мужик кивнул, молча скинул несколько железных болванок с вагона и поскакал мимо нас на следующий вагон. Вокруг "тиха украинская ночь...", только станционный матюгальник что-то про "по пятой колеей пройидэ вантажный". Мы решили от греха взять другой вагон, пока поезд стоит, и не пожалели. Вписались мы на платформу с комбайнами, аккуратно между колёс. Так и ехали.

– Это ты пересказываешь историю вашего путешествия, не дождавшись нас? – крикнул Леший.

Полина сбросила рюкзак и кинулась на Лешего, заключив того в объятия загорелых рук.

Манул отсалютовал Лешему молча, поставив рюкзак в угол.

Олеся повторила инструкцию про душ, первым делом туда отправилась Полина.

– Где вас встретили?

– Олеся на машине приехала.

"Вот дела, – думал Леший, – девушка-стопщица вроде, а уже за рулём"

– Что же у тебя за аппарат.

– Та во дворе моя ласточка стоит, "Девятка". Пойдём стритовать – увидишь.

Первое, что сделали Леший и Ди, выбравшись, наконец,

на улицы Харькова – это поменяли наличность. Тысячу рублей сменяли им на двести сорок гривен, после чего дошли до местного "Сельпо", оказавшегося весьма приличным супермаркетом и закупили продуктов. Ди отправилась на вокзал в компании Олеси, а Ваня повёл Лешего показать местный "стрит". Леший шёл, озираясь по сторонам.

– Это исторический город, поэтому тут много всяких старинных зданий, – вещал Ваня, – Вот послезавтра у одного Олесиного друга день рождения, они собираются на крыше на Салтовке – вот там прям нормальные привычные нам жилмассивы.

– Мне пока напоминает какой-то город из детства. То ли Ёбург девяностых, то ли Йошкар-Олу.

– Девяностые тут местами ещё не закончились, – сказал Ваня, оглядевшись на спины прошедших гоповатого вида товарищей.

– Я переживаю за Ди. Как она доедет до Питера.

– Так и не понял как вы поссорились

– Мы и не ссорились толком. Просто решили расстаться и разъехаться. Она в Питер. Я в Ёбург.

– Понятно, – сказал Ваня и замолчал. Тем более, что уже подошли к "стриту".

Ваня обычно стритовал в саду Шевченко, на аллейке, идущей параллельно Сумской. Здесь же бывали и другие харьковские неформалы, сюда заходили всякие проезжие автостопщики, поэтому на лавочках рядом со "стритом" всегда

кто-то был.

Вот и на сей раз рядом с местом, где Ваня расстелил чехол от гитары, восседала на лавочке компания панковского вида.

Ваня поздоровался с некоторыми из них и представил Лешего. Леший же, будучи в некоторой прострации, даже не запомнил ни одного имени.

"Панки и панки, – думал он, – такая же алкотуса, как и в Ёбурге, как в Питере, как в Новосибе, да и везде. Здесь, из-за местного колорита, они одеты полегче: сланцы и шорты, плюс автостопный загар. Бутылки "Рогани" в руках. А ты, Лёшенька, как обычно, наступил на грабли с прекрасным полом. Ди, твоя Ди, сейчас покупает билеты на поезд в Питер. А ты остаёшься здесь. Куда же тебе-мне деваться после Харькова? Что такого важного должен дать мне этот город?"

Леший с Ваней лабали в две гитары: Леший держал ритм, а Ваня подбирал и импровизировал соляки.

Леший, как это часто и бывает в дальних странствиях, презентовал Екатеринбург, исполняя песни авторов из Ёбурга:

"Белокрылые лошадки улетають навсегда
В их игрушечной повадке деткам видится беда,
Мнится им, что окна-двери нужно плотно запирать
Для какой-то мирной цели прятать ружья под кровать"³⁵³

³⁵³ Фалькор – Лошадки.

Ваня же опять играл свои песни про мрак ночных топей и разверзнувшиеся хляби. Драйва, который обычно бывает после часа-другого игры, не приходило.

Но вот, когда Леший пел про "Мы проспали закон, про-любили грехи, на уме испокон не псалмы, а стихи..."³⁵⁴, к нему со спины подкрались Манул с Полиной и Светой, насмешив и подняв настроение.

Денег на "стриту" почти не заработали, в лучшем случае наскребалось двадцать гривен мелочью. Но решили присесть на лавочки, уступив "стриг" местному гитаристу Фениксу, который тут же заиграл ЧИЖей, аккомпанируя сам себе на губной гармошке, приспособленной в хитром держателе.

Ребята же взяли бутылку кваса, местного хлеба и банку "квасоли"³⁵⁵, после чего вся тёплая компания переместилась просто на травку подальше от посторонних глаз.

– Лёша, я бы посоветовал тебе забить, но понимаю, что это не так просто, – сказал Манул, – Ребята завтра вечером зовут нас на какую-то тусовку. Посмотришь на друзей Олеси.

– А что они?

– Они, по рассказам ребят, очень интересные люди.

Вскоре подошли пешком Ди и Олеся.

– Кто хочет до дома на моей "Ласточке"? – сказала та, ведя

³⁵⁴ Егор Белоглазов – Патриот.

³⁵⁵ Фасоль (укр.).

за собой.

– Я бы прокатился, – сказал Леший.

На стоянке недалеко от университета Каразина стояла тёмно-зелёная "девятка", пикнувшая сигналкой при приближении ребят. Ди лишь хмыкнула, когда Леший присел на заднее сидение рядом с ней.

Спереди уселась Света. Машина завелась, выезжая на круговую улицу у Госпрома, а в колонках заиграла какая-то диковинная электронная музыка. Похожая на какой-то псай-транс с примесью электрогитары.

– Что это такое играет?

– Это – "Машрумы"³⁵⁶, – сказала Олеся, – могу скинуть тебе, если понравилось.

– Хорошо подходит под дорогу.

– Ага... ТЫ ШО ТВОРИШЬ, УРООД! – выругалась Олеся, резко даванув на тормоз, когда перед ней вылетел на дорогу какой-то низкосидящий "пепелац" очередных "стри-трейсеров", – прошу простить, много всяких мудаков ездит.

Леший как бы случайно положил свою ладонь рядом с рукой Ди, но та так и не взяла его руку в свою.

"Вот так всегда. Не могу я, – думал Леший, – как тот монах из притчи, который перенёс, да и оставил там. Не смогу я забыть Ди. Хотя может, я себе накручиваю сейчас. Может, забуду уже на обратной дороге? Или здесь, в Харькове, при-

³⁵⁶ Имелась в виду группа "Infected Mushroom".

ключится что-то, перевешивающее Ди по впечатлениям. Как знать?"

Вечером Леший и Манул стояли на балконе, глядя на начинающийся дождь.

– Я теперь не понимаю, зачем мы здесь? – сказал Леший.

– Отдыхаем. Всё просто, – Манул выпустил клуб дыма, – свою программу на эту поездку я, по большей части, выполнил. Навестил могилу далёкого предка, отпустил его. А теперь – ну, язык до Киева доведёт. Пока есть время, мы с Полухой хотим проехать на грузовых по Украине.

– А мне что делать?

– Ты сам хозяин своей жизни. Выкинь Ди из своей головы уже.

– Пока она здесь, это вряд ли получится. Вы с ней говорили?

– Она общается только с Олесей. Подъездь к ней, да и потолкуй. И вообще, можно встретиться во сне с Волком.

– Манул, а Волк это обязательное звено?

– Он самая интересная часть нашей группы, потому что видимся с ним лишь во сне.

– Мне кажется, во всём надеяться на Волка – не очень правильно, сказал Леший, вытряхивая пепел в жестяную банку.

Вечером, когда все ложились спать, Леший и Ди разместились в разных углах комнаты. Настроения общаться не было совсем. Полина с Манулом и Ваня со Светой ушли си-

деть на кухню, оставив их одних: больно уж неловкое пови-
сало молчание.

– Катя? – тихонько спросил Леший

– Лёша?

– Ты спишь?

– Видимо, нет.

– Давай пообнимаемся напоследок.

– Успеем ещё, – сначала сказала Ди, но добавила, – Давай.

Ди взяла в охапку свой спальник и расстелила его рядом
с Лешим. Леший обнял Ди и лёг, глядя в потолок.

– Это наша последняя ночь, – нарушил молчание Ле-
ший, – ты осознаёшь это?

– Да. Ты знаешь, Лёша, я говорила когда-то о том, что ты
необычный и светлый человек.

– Ты врала? Ты врала.

– Нет. Я до сих пор так думаю. Просто дороги расходятся.

Так бывает.

– Да, так бывает. Но сейчас и здесь – мы вместе?

– Да. До утра ещё есть время.

– И нас не побеспокоят...

Ди улыбнулась и погладила Лешего по отрастающей ше-
велюре.

– Только молчим, хорошо? Если играть, то по-крупно-
му, – так же шёпотом проговорила Ди, раздевшись догола
под спальником, запустив руки под футболку Лешего и впив-
шись в его губы своими...

"Такой была последняя ночь любви Лешего и Ди в городе Ха, – думал в голове Леший, включив стороннего наблюдателя, – как в романах, когда провожают навсегда, и остаётся одна последняя ночь. Он любил её, как и десяток-другой других девиц, она бежала от этой любви... Тонна пафоса, с гаком, именно так с украинским гэ... Ох, Ди, что ж ты делаешь, чертовка..."

Вопреки ожиданиям, они оба вырубались после своего праздника жизни.

И снился Лешему сон, где они с Волком шагали по краю крыши. Вокруг простирался ночной город с панельными домами, зелёными парками. Леший уловил знакомые очертания Госпрома вдали

– Что мне делать, Волк?

– Красивая девушка уезжает. Знаю. Помни, что конец одного – это всегда начало другого. А твоя дорога домой ещё не кончилась.

– Да она ещё не начиналась.

– Все мы идём по дороге домой, куда бы не ехали.

– Волк, расскажи о себе. Почему Света искала тебя на Иремеле? Почему ты не показываешься нам?

– Может иначе я не смог бы с вами говорить? – начал отвечать Волк вопросами на вопросы Лешего.

При этом Волк менялся в лице: волосы отрастали и становились седыми, руки покрывали татуировки с затейливым узором, а на лице выступали морщины.

– Может я просто слишком стар. Или говорю не на вашем языке, – после чего Волк произнёс какой-то набор звуков, шипящих и гортанных, сопровождаемых жестами.

– Что это за язык?

– Не столь важно: носителей его всё равно почти не осталось в мире. А Иремель – просто Свету горы тянули, вот я и привёл её в те горы. Чтоб не показывать тот метафизический Урал, где нахожусь.

– Есть кроме нас ещё такие "группы"?

– Да. Завтра познакомишься.

– А что мне потом делать?

– Продолжать дорогу домой. Попутчики сами найдутся, дорога сама поведёт.

– Спасибо, утешил, – сказал Леший, глядя на дальние отсветы молний.

– Смотри. Молнии сверкают, а грома не слышно. Просто волна затухает. А свет идёт. Просыпайся, друг мой...

– Ди, просыпайся, – Олеся нависала над их лежищем. Леший прикрылся уголком спальника.

– Скоро поезд. Точно... Сейчас оденусь.

Леший спешно одевался, Ди отправилась в душ, а, вернувшись, не говорила Лешему ни слова. Даже не смотрела в

его сторону

"Что же между нами повисло неловкое такое? – думал тот, – Ну да ладно, уже поздно что-то менять. Послушаем Волка. И вообще, вспомним молитвы... Как там, да будет воля твоя, Господи..."

Действительно, короткая молитва, которую читал про себя Леший во время своих странствий, заключала в себе эту формулировку. Вспомнил он об этом и сейчас, в утреннем майском Харькове. Олеся завела машину. Ди накинула рюкзак, не позволив Лешему его взять, а потом лёгким движением закинула его на заднее сиденье и села сама. Рыкнул мотор олесиной "Ласточки", она понеслась по зелёным улицам Харькова в сторону Вокзала.

На перроне, в ожидании отправления поезда, Ди общалась лишь с Олесей. Леший забил трубку и закурил, глядя на неё.

"У неё свои дороги. У меня свои, – думал он, – спасибо Мирозданию, что свело меня с ней. Чего уж сейчас жалеть... Пусть молчит"

– Лёша, можно тебе кое-что передать? – сказала Ди.

Она подошла к Лешему вплотную, быстро сунула ему в карман какой-то свёрток в бумаге.

– Откроешь, когда я уеду. Спасибо за всё, светлый человек.

– Я люблю тебя, Ди.

– Я знаю. Не прощаемся, вдруг жизнь ещё сведёт. Пусть у тебя всё будет хорошо. Передавай привет Волку, хоть я его и не видела во снах.

– У меня нечего даже передать на память.

– Твои песни у меня в голове. Твои глаза болотного цвета. Твои прикосновения. Твоя лента дорог. Да и вообще моська твоя небритая, – сменила тон Ди.

– Пока...

Они обнялись и стояли, пока проводница не загнала Ди в вагон. Объявили отправление "пассажирского потягу з пэршой колийи", дали гудок, и поезд поехал. Леший, сдерживая подступившую слезу, смотрел вслед.

Олеся терпеливо ждала его.

– Поехали додому, там ребята проснулись, – сказала она.

– Ага. Сейчас, – Леший будто вышел из оцепенения.

В машине он развернул то, что сунула ему Ди.

Там была бело-зелёно-чёрная фенька, а на самой бумаге была написана цитата из одной автостопной песни:

"Ты в Ёбург, а я в Петербург.

Опять не совпало, прости.

Две такие ошибки на одну природу,
Это будет слишком круто, пойми..."³⁵⁷

Глава 16. Чужая сказка.

После отъезда Ди, Леший сразу отправился на стрит. Они с Ваней стояли в саду Шевченко и играли песни.

Ваня тянул свой репертуар про чёрные долины полные забытых духов, про голубое небо над зелёной тайгой. Здесь, посреди Харькова, это звучало просто приветом из другого мира.

Манула с Полиной в это время утянула Олеся знакомить со своими друзьями.

– Ваня, а что за люди, эти хвалёные олесины друзья? – спросил Леший, пока Ваня пил чай из термоса между песнями.

– Увидишь. Тебе понравятся. Они чем-то похожи на тебя самого. Часть их ездит стопом, часть играет песни и поёт. Объединяет их страсть к лазанию по всяким местам, куда не ходят обычные смертные.

– Типа сталкеры-диггеры?

– Можно и так сказать, хотя они не любят таких сравнений. А в Припять они ходили нынче целой толпой. Хотя попадали почти легально, на день поминовения.

Разговор был нарушен весьма грубо.

– Ну шо, паца, сыграйте нам за жизнь гуманную, да за ка-

шу манную, – сказал Ване какой-то хмырь с татуировками на худощавом плече и бутылкой "Черниговского" в руке. А рядом стояли ещё три таких же.

Ваня сглотнул, громыхнул по струнам и запел какую-то шансонообразную песню, про тайгу, колючий забор и мать, что ждёт сынку. Леший такого и не слышал ни разу.

– Душевно, братуха, – полез обниматься к Ване этот тип, – уважил пацанов...

Леший внутренне напрягся.

"Не нравятся они мне. Ох, не нравятся..."

– А это шо за Вася с тобой стоит.

– Это автостопщик с Урала, Лёха, – ответил Ваня.

– Эй, автостопщик, сгоняй-ка нам за пивом.

Леший глянул на Ваню. В это время один из хмырей выгребал мелочь из ваниного чехла.

Внезапно подступивший страх парализовал Лешего. Все конфликты, возникавшие прежде, он решал либо разговором, либо бегством. Дрался очень давно. Ну и во сне, со своими страхами.

– Ты оглох, ханурик?! – крикнул один из них и толкнул Лешего.

Перемену в себе Леший почувствовал быстро. Его рациональное зерно говорило, мол, беги, спасайся. Но эмоции уже подпирали.

– Ты охуел что ли, бык опойный?! – заорал Леший не своим голосом, толкнув хмыря так, что он отлетел в сторону.

В это время один из гопоты выхватил ванину гитару, попытавшись ударить Лешего. Тот вырвался, но гитара с шумом и звоном разбилась об асфальт. Редкие прохожие обходили их, завидев конфликт.

Другой хмырь в это время махнул ногой на Лешего. Леший, внезапно для себя, повторил свой маневр из общаги: поймал хмыря за ногу, дёрнул ногу вверх, ринув того головой на тротуар.

– Ну пидоры, вам пиздец, – заорал один из них, достав нож и начав махать перед Лешим. Леший, опешив, отступал, но в это время инициативу перехватил Ваня. Он взял чехол от гитары, набросил его на руку хмыря с ножом, чем воспользовался уже Леший. Подхватив с земли обломок гитары, он со всего размаху треснул тому в лицо. Хмырь отлетел, плюясь кровью. Лешему прилетело по "тормозам", но, преодолевая боль, он бил. Бил по чём попало, приговаривая "это вам пиздец, пидоры!". Всё он проделывал на автомате. Будто всегда умел и никогда не боялся драться.

В конце концов, когда четыре тела хмырей валялись на асфальте, изрыгая маты и проклятья, посулы разобраться и прочее, к Лешему подошёл Ваня.

– Леший, остановись, бежим, брось их, пока ментов не накликали.

На метро они не побежали. Ноги понесли их через оживлённую Сумскую: чуть не бросившись под колёса зелёной "Руты", Ваня переволок Лешего через проезжую часть.

– Леший, ты конечно дал жару.

– Что это за уёбки?

– Первый раз их вижу, босота какая-то. Но, видимо, мне больше тут стритовать не надо.

– Да не похуй ли тебе? Ты скоро уедешь.

– Ты молодец. Надо тикать быстрее, – Ваня потащил Лешего в какой-то ещё сквер с фонтаном.

У фонтана остановились умыться и почистить одежду.

– Гитару жалко, – сказал Ваня.

– Забирай мою. Я куплю новую, а домой мне легче ехать будет, – ответил Леший.

Сам Леший в это время шёл и думал: что же был за берсерк вместо Лешего? Как получилось, что считавший себя трусом и пацифистом Леший поколотил четырёх гопников-пересидков?

Дома оказались, когда Манула с Полиной и Светы с Олей ещё не было.

– Леший, расслабься. Ты вывез ситуацию, это главное. А каким макарон – не важно уже.

– Я не смог её предвидеть и избежать.

– Но решил?

– Решил.

Леший курил трубку на балконе, когда вошёл Манул и ещё один парень – стриженный "горшком" светловолосый коре-

настый малый с горбатым носом.

– Привет, боец, – с улыбкой сказал Манул, – мне Ваня доложил чем закончился ваш поход на "стрит" сегодня.

– И тебе привет, Манул. Я облажался и не смог вовремя сделать съёбушки.

– Я Богдан. Можно просто Бога, – представился парень.

– А я Леший. Стопщик с Урала.

– Знаю, Лесь рассказала. Она вас конечно звала, но я продублирую. Пригоняйте завтра к нам на "шестьсот второй". У меня будет день рождения, по этому поводу гулянка.

– Хоть не на улице?

– Почти. На крыше.

– А где этот "шестьсот второй"

– На Салтовке. Ай, вы ж не местные. Сейчас расскажу.

Бога погрузился в рассказ о послевоенном Харькове, в котором проблему жилья решали очень массово, отстроив огромный спальный район Салтовка и разделив его на микрорайоны квадратно-гнездовым методом. Каждый микрорайон получил свой номер, и с тех пор многие из них так и называются. В конце восьмидесятых и девяностые годы это гнездовое деление привело к расцвету гопников, локальным войнушкам и дракам "район на район". По словам Боги, сейчас стало гораздо спокойнее, но пережитки прошлого всё же встречаются. С этим Леший, внезапно отбивший атаку гопников на Сумской, был согласен.

Леший курил трубку, слушая рассказы Боги про Харьков. Про Бурсацкий спуск и Благбазар. Про старинные дома русских и еврейских купцов. Про гигантский рынок Барабашова или, как его называют, "Барабашка". Про станцию метро, названную в честь дня освобождения города от фашистов, про канатную дорогу, про минеральный источник в Саржином Яру, про места тренировок харьковских ролевиков. Леший пропускал половину информации мимо ушей.

"Ди... Где мой страх?... Как я это сделал?... Волк... Пиздец...", – всё, что крутилось у него в голове.

Потом Бога ушёл с Олесей.

– Как тебе Богдан? – спросил Манул, пыхая трубкой.

– Наверное интересный.

– Он тоже подвижник. Более того, у них целая "рабочая группа" есть. Было бы интересно с ними взаимодействовать.

– Манул, – Леший встал, – мне не интересно. Мне, пожалуй, хватит чудес. Хватит эзотерики, "рабочих групп", "подвижников". Хочу домой.

– Понимаю. У самого был такой период в жизни. Завтра вечером всё же советую тебе пойти с нами на крышу. Тебе они понравятся. А там – поезжай домой. Тем более тебе надо готовиться к поступлению.

– Спасибо за понимание, Манул. Меня чего-то накрыло.

С утра уехала Ди, потом эти гопники. Я не в себе сейчас.

– Леший, у тебя всё скорее хорошо и правильно. Ты научился не бояться.

После вечернего чаепития, где Полина попела песен под гитару, Леший расстелил спальник на полу и вырубился.

Снился ночью Волк.

– С Богой и его друзьями ты всё же познакомься, а потом поезжай домой.

Они стояли на крыше дома над густым лесом.

– Что это за место? – спросил Леший, – я с вами всегда в диковинных местах во сне оказываюсь.

– Это наше рабочее пространство, – ответил голос с украинскими интонациями у Лешего за спиной, – здесь Припять, но не та, покинутая всеми людьми и духами, а наша.

– Мэтафизычна Припять души твоей, Богдане, – сказал Волк, – здесь живут и лешие, и водяные, и все духи места. Те, что сбежали от страшной катастрофы, ходя неприкаянными по местности. А ребята из "рабочей группы" Богдана перенесли их сюда. Тут им спокойней и сказочней.

Леший присмотрелся на дом, – а это не дом вовсе, а высокий гранитный останец. Рядом возвышались ещё похожие скалы, а на месте, где могла быть Чернобыльская АЭС, возвышался холм, наподобие Аракульского шихана.

– Это было не за один год сделано, и не одним челове-

ком. Двадцать лет трудов разных ведунов было вложено сюда. Трудились хлопцы из Чернигова, Киева, Полтавы, Сумов, Харькова, Гомеля, Брянска и Белгорода. Все наши сталкеры.

– Это как компьютерная игрушка про "Сталкеров"? – спросил Леший

– Не. Сталкеры в нашем понимании, – сказал Богдан, – это хранители и те, кто следят за, хммм, метафизическим состоянием места. Не те придурки с противогазами и автоматами.

Леший задумался: ведь Лосик таких людей называла "штопицками"

В этот момент Лешему закрыли глаза руками.

– Отгадай кто? – послышался весёлый голос Лосика.

– Сестрёнка-Лосик?

– Угадал! – она заключила Лешего в объятия.

– Так вот, – сказал Богдан, – наши невидимые друзья подсказали нам план действий пару лет назад, когда мы только начинали. У меня оно началось с картографирования снов. Потом моё пространство внезапно стало походить на покинутый город, мне начали попадаться всякие чудища. По-детски звучит, но именно на это было похоже. Представляешь себе такого, что смотришь на него – вроде человек, а краем глаза видишь шось неправильное. И такая жуть берёт.

– "Зловещая долина"? – сказала Лосик.

– Возможно так, – кивнул Богдан, – и среди них были настоящие люди. Но такие, которые в жизни мне не встречались ни разу. И называли себя по кличкам: Мельник, и так далее. Собственно, Мельник мне подсказал, шо вообще происходит тут. Познакомил меня через сны ещё с ребятами да дивчинами, кто ещё сновидцы. Вот и Лесь тут, а теперь и вы подтянулись.

Лешему несмотря на его вечерние слова об усталости, стало интересно.

– И тут у вас пространство снов общее?

– Да. Мельник его начал создавать.

В разговор встрял Волк

– Мельник для харьковчан, как я для вас, – Леший заметил, что Волк подмигнул ему.

– Посмотреть бы на него?

– Он не показывается посторонним, – отрезал Волк, а Богдан, слушавший его, кивнул.

Леший отвернулся. Вокруг простирались зелёные леса под пасмурным небом равномерно серого цвета. То там, то здесь над вершинами деревьев поднимались скалы, так похожие на многоэтажные дома, потерявшиеся среди лесов. Лосик взяла Лешего за руку.

– Готовишься поступать?

– Да. Приеду и буду заморачиваться.

– Буду всегда рада помочь, пока меня саму не грызёт сессия, – сказала Лосик, – приезжай, Леший.

Сон был странным. Вроде и чувствовалось присутствие сказки, да только чьей-то чужой, не касающейся Лешего. Он выглядел среди этих людей и декораций "сторонним наблюдателем". Лишь Лосик, как спасительный маяк, держала его за руку и связывала с самим собой прежним.

– А где сейчас Ди? – спросил Леший.

Лосик достала из рюкзака книгу, в зелёной обложке. Лешего обожгло воспоминанием: точно такая же книга была в пространстве библиотеки в Новосибирске.

– Думаю, ты знаешь как этим пользоваться, – хмыкнула Лосик, протянув книгу Лешему.

Леший только сейчас, открывая книгу, рассмотрел на обложке книги написанное золотыми буквами "ДИ" и золотого дракона:

"...поезд отстукивал свои ритмы на рельсах где-то в Подмосковье. Мимо окон пролетали огни "спальных пригородов" Москвы. Ди стояла в проходе купейного вагона, глядя в окно, под холодным светом ламп. Она протёрла салфеткой запотевшие очки. Хотелось закурить, если бы Ди курила, она бы непременно пошла сейчас в тамбур. Хотелось выть волком. Почему? Почему она такая дура, отпустила от себя собственную сказку, этих волшебных людей, этого волшебного парня с его дорогами и песнями? Что помешало? Собственная гордость? А куда она едет сейчас? В Питер? Мёдом там намазано? Там, в Питере, ждёт красно-

ярская девочка Наташа, единственная подруга. Одно время – бывшая подруга. Потом помирились. Наташа не любила Дэна, а Ди выложилась вся, пытаясь сберечь Дэна. Они с Дэном расстались, и лишь тогда Наташа наконец позвонила Ди, порадовавшись за неё. Но Ди уже была не тусовщицей: она осела дома, крафтила всякие вещички и не особо светила... А сейчас Ди едет в Питер, и её русые волосы будет трепать ветер с Невы. Может в этом ветре она развеет все свои личные горести. И позабудет мучительную любовь к умершему Дэну, презрительное снисхождение к Кроуту и привязанность к Лешему, которую обрубила она сама. Сильная. Дура. Сука-сука-сука-тупая-сука..."

– Это я её мысли вижу? – сказал Леший?

– Да, – кивнула Лосик, – продолжай. Мне кажется, ты сможешь передать ей весточку.

Леший продолжил читать:

"Не кори себя, – вдруг пронеслось у неё в голове голосом Лёши, – Ты права, мы две ошибки природы. Мы два зверя. Мы слишком одинаковы, а одинаковые не могут быть рядом. Ди обернулась. Но вокруг неё был всё тот же пустынный коридор купе. Лёша вышагнул из двери. Ди кинулась к нему на шею, заплакала. Лёша гладил её по голове, успокаивал. В один момент Ди почувствовала, что успокаиваться больше не нужно, появились какие-то другие эмоции. Я же

сплю, – подумала Ди, – откуда Лёше взяться в моём поезде? – Да. Ты спишь, – ответил тот, – не просыпайся пока, ведь я тоже по тебе скучаю. Просто принесу тебе сон. Красивый. Возьми меня за руку. Она подчинилась. Дура. Тупая... Умница... Вмиг Ди из поезда перенеслась на скалы Базайской видовки. Опять пахло летними травами и чернозёмом, дул тёплый ветер, и рядом был Лёша. А небо плыло фракталами, цепляя верхушки деревьев, заворачивая зелёные спирали на голубом фоне неба, где парил фрактальный дракон. Ди с самого детства любила драконов...

Леший захлопнул книгу и вытер проступившие слёзы. Лосик внимательно смотрела ему в глаза.

– Ди печально?

– Наверное. Может уже и нет, я отпустил её осознание, оставив в том пространстве, где ей было хорошо.

– Просыпайся, братец, мы с тобой увидимся снова, уже в реальности, – Лосик положила руки на глаза Лешего и поцеловала его в затылок, – Ты один из самых счастливых людей, встреченных мной...

Леший открыл глаза. Он лежал в комнате с Манулом и Полиной. С кухни доносились запахи еды и звуки электронной музыки. "Олеся что-то готовит, – подумал Леший, – надо вставать и поспрашивать её"

Леший встал, потянулся и натянул футболку со штанами. Вышел, прикрыл дверку, прокравшись на кухню.

– Доброе утро, Леший!

– Воистину, – ответил он, – Расскажи про Богдана. Кто он? Что он?

– Он тебе снился?

– Да.

– Бога – мой хороший друг, – лицо Олеси приняло мечтательное выражение, будто пронесся калейдоскоп приятных воспоминаний. Ваня меня страшно ревновал в детстве, но мы всё равно с Боггой дружили. А потом, где-то уже недавно, Ваня с Боггой подружился. Уже после автостопов. Бога сисадмином работает. А в свободное время путешествует по всей Незалежной. Он собрал недавно целую тусовку интересных ребят. А когда-то... Он учился в ХПИ, курил траву, носил раста-шапку, прогуливал пары. Вечно пакостил против правил института. Однажды взломал базу экзаменов, закинув собственноручно написанный вирус в локальную сеть радиокорпуса. За это его хотели отчислить, но предложили ультиматум: оставить его, если он напишет хорошую защиту от взлома. Он написал, и его оставили, вуз он закончил. А потом из растамании он съехал в эзотерику, перестал курить траву, да и вообще бросил вредные привычки, увлёкся снами. Регулярно мне показывал карты снов, которые сам рисовал. Потом начался экстрим. Товарняки, роуп-джампинг, автостоп, ползки во всякие нехорошие места...

– Ты так мечтательно про него говоришь. Он твой молодой человек?

– Можно и так сказать. А вообще друг с детства. Так получилось, что у меня их всего два, друга. И один из них – мой брат Ваня – уехал навсегда в Сибирь. Как выяснилось, не навсегда.

– Вас всех слушаешь, и диву даёшься – как вас жизнь свела?

– Знаешь, в Питере такое называют словом "судьбокрёсток". Это когда хорошие люди обязательно встретятся, – Олеся решила сменить тему, – завтрак готов. Буди товарищей. Ваня со Светой сегодня убежали на канатную дорогу кататься, а Манул с Полиной ещё дрыхнут.

– Тоже сны видят, наверное, – ухмыльнулся Леший.

Его сейчас восторгало изящество нитей судьбы, дороги, которая свела всех их здесь. Так далеко от дома. В чудесном городе, похожем на все города лешевского детства. Только лёгкая грусть от уезда Ди осталась у Лешего. Он вышел на балкон забивать трубку.

Манул выполз следом.

– Доброе утро, Леший.

– Воистину, – отвечивал тот.

– Что после сегодняшних снов скажешь про ребят?

– Они молодцы и интересные.

– Да. Они нам с Полиной предлагают составить им ком-

панию через пару дней. Бога с друзьями собирается на грузовых в сторону Карпат, мы хотим с ними.

– Манул, – спросил Леший, – вам не надоело вообще? Вы не устали от дороги, от товарняков? От гонки этой?

Манул затянулся и выпустил дым в сторону ближайшей кленовой ветки.

– Помнишь песню у Непомнящего. "Есть только дорога"? Да у тебя то же самое написано на феньке, которую тебе Лосик подарила.

– Я думаю, что кроме дороги есть много ещё чего.

– Да. Но сейчас путешествие – моя духовная практика. Не за этим ли я всю зиму работал на промальпе? – усмехнулся Манул.

– А вот меня домой тянет, на Урал. Здесь сказочно. И город очень красивый, как кусок детства. Но это не моя сказка.

Оба они помолчали, пока дверь не открылась, и на балкон не вышла Полина.

– Ребята, там к Олесе в гости девица пришла, думаю, что Леший заинтересуется.

Леший хотел возмутиться, подумав, что кто-то пытается устроить его личную жизнь, но сдержался, проследовав за Полиной на кухню. Олеся наливала чай своей гостье и рассказывала.

– Пока я в отпуске, и ко мне Ванька приехал. С девушкой и кучей друзей. Ради того, чтоб их принять, я отмазалась от

садово-огородных работ с родителями на даче. А вот, кстати, и ванин спаситель.

Олеся представила свою гостью – девушку с тёмными слегка вьющимися волосами, милым личиком с веснушками, в сером длинном платье и феньках.

– Леший, это Вика, Вика это Леший.

– Очень приятно.

– Лесь рассказала, что ты стопом скоро поедешь домой, – сказала Вика, – а ещё про то, как ты Ваню по Уралу водил и из пещеры доставал больного.

Леший кивнул. "А говорит она не по-харьковски, а скорее по-московски", – отметил он.

– Мне надо попасть в Москву, если хочешь, можем поехать вместе.

– Хорошо. Только я нонстопом стараюсь ехать, не заезжая на вписки.

– Не парься за это. Я сама москвичка, если что, по приезду у меня впишешься.

"Девочка конечно симпатичная, но сейчас слишком свежо воспоминание о Ди, – думал Леший, – надо ли мне попутчицу? А, была, не была. Сделаем крюк через Москву, значит"

– Ты много где бывал в Харькове?

– Не особо, – сказал Леший, – здесь, да на Сумской.

– Поехали на "Барабашку", пока Лесь готовит подарок для

Богдана? Заодно затаримся для трассы, да и пообщаемся.

– Слышал про неё, давай.

Леший относительно быстро собрался, выскочив на старый асфальт дворика налегке, вслед за Викой

Пока ехали в метро, разговорились с Викторией. Она стопица, родилась и выросла в Москве, а в Харьков приехала на "Майские" погостить у друзей-харьковчан. Собственно, харьковчан этих она однажды встретила на "хиппятнике" в Царицыно, а потом ещё и на Арбате. Ребята произвели на неё впечатление, выделяясь среди всеобщей толпы неформалов своей "дивностью" и приличностью: они не курили и не пили спиртного, почти не ругались матом, а песни их были очень добрые. Вика их порасспрашивала о разном, а узнав их образ жизни и мысли, буквально ошарашенная была. Тогда она, ещё только закончившая школу, живущая с мамой на "красной ветке", готовилась поступать на психфак. Ребята были просто, как вестники из другого мира, вольного и загадочного. Потом она позвала их к себе на вписку. И захотела попутешествовать с ними. Мама поначалу противилась, а потом махнула рукой, мол, доче есть восемнадцать, пусть делает что хочет. Так Вика и уехала в свой первый стоп. Сначала из Москвы в Питер, затем – Карелия, Нижний Новгород, Сочи, Крым, Киев. По дороге в Крым она останавливалась в Харькове. А нынче вот съездила на "Майские" специально в Харьков, чтоб побывать на дне рождения Боги.

– Бога тогда, в Москве, просто покори́л моё ещё юное сердечко. Весь такой неприступный, весь такой небожитель, – рассказывала Лешему Вика, – я, вертихвостка, пыталась его даже соблазнить. На вписке и потом в автостопе. А приехав сюда, познакомившись со всеми этими ребятами...

Вика замолчала.

– Что?

– Леший, ты читал Владислава Крапивина?

– Было дело, – Леший вкратце рассказал, что зимой он работал в Новосибирске сторожем библиотеки, и там читал Крапивина. Не сказал он, правда, кто ему насоветовал. Да и вообще про Волка помалкивал.

– Так вот, эти ребята – они словно сошли со страниц Крапивина. Живут по совести. По-настоящему. И я осталась в восторге.

– А Богдан один? Или у него девушка есть?

– Лесь девушка Богдана. По крайней мере, со стороны это выглядит так. Или я не пойму их отношений: они будто два цветочка. Каждый из них светит и по отдельности, но вместе всё равно ярче. У Олеси родители из относительно обеспеченной семьи, поэтому её даже неформалом можно назвать с натяжкой. Она не любит жить на вписках, ходит на гражданскую работу, ездит на машинке.

– И вписывает нас. Я с ней и её братом познакомился в Екатеринбурге. Они мне тогда показались тоже "не от мира

сего".

– Они тогда ездили трассой в Тогучин, так что немудрено, – сказала Вика, вышагивая на платформу станции "Академика Барабашова".

Рынок Барабашова, или "Барабашка", начинался прямо от метро. Чего тут только не было: одежды, всякие предметы быта. Куча темнокожих людей, да и вообще разных людей, говорят все вокруг на разных языках. Английская, армянская, грузинская речь, вперемешку с суржиком народа из деревень.

Вика тащила любопытствующего Лешего за собой сквозь ряды торговцев к рядам с продовольствием.

– Тут на рынке всё реально дёшево, как блин в девяностые, – вполголоса говорила Вика. Давай наберём вот этого. И ещё это.

Через полчаса Леший уже шёл нагруженный двумя пакетами, где лежал свежий хлеб, суджук, банка фасоли, лук с огорода, твёрдый сыр и "Живчик" – местное газированное пойло. Ещё взяли конфет-помадок и сладкого на вечер.

Под конец Вика вывела Лешего к ларьку с шаурмой.

– А здесь самая вкусная шаурма, которую я пробовала, – сказала она, заняв очередь к окошку ларька.

В ларьке орудовал здоровый светловолосый мужик в чепчике и майке. Со всеми подходящими к ларьку он перекидывался парой фраз. И с каждым по-своему. С каким-то дядь-

кой он мило, и на чистом русском языке пообщался про политику, да про кризис. Пацану лет двенадцати, стоявшему перед Викой и Лешим в очереди, он говорил по-украински:

– Як тобі зваты, козаче?

– Гриша

– Ты слухай мэнэ уважно, зрозумыв?

– Так.

– Палыты бросай, маты убачыць, по жопе схлопочэш...

Тримай свою шаурму³⁵⁸.

На Лешего и Вику посмотрел внимательно, оглядев с ног до головы.

"Доброе лицо и приветливое", – подумал Леший

– Две шаурмы самых обычных, пожалуйста, – сказал он.

– Правые руки покажите, – сказал он внезапно.

Леший и Вика послушно подняли.

– Так я и думал, – сказал он, – дружите, да не одружайтесь меж собою.

– В смысле? – спросила Вика

– Не женитесь. У каждого из вас своя дорога, хотя скоро будет общая. А ты давно вжэ спышь, хлопче, та ще нэ прокинувся³⁵⁹. Ступайте с Богом, – сказал, улыбнувшись, продавец шаурмы, – кушайте на здоровье.

Протянул Лешему два горячих и ароматных свёртка, за-

³⁵⁸ "Как тебя звать, казак?... Слушай меня внимательно, понял?... Курить бросай. Мать увидит, схлопочешь по жопе. Держи свою шаурму" (укр.суржик).

³⁵⁹ "Ты давно уже спишь, парень, да ещё не проснулся" (укр.суржик).

брал двадцатку гривен, да и занялся следующим.

– Здрасьте, тётя-Зина. Вы для сына чи себе?...

– Это что за персонаж был? – спросил Леший Вику, держа в руках горячий свёрток.

– Я ради него сюда и хожу, когда тут бываю. Меня к нему Бога как-то привёл. Он на рынке типа оракул, с каждым о своём беседует.

– Мне он сказал "давно спишь, да всё не проснёшься". К чему бы это, – Леший автоматически проверил реальность на осознанность, поглядев на себя в зеркало и ущипнув за бок.

– Да не бери в голову, – сказала Вика.

Леший закурил трубку, встав подальше от толпы народа возле входа в метро.

Вернувшись домой, Леший и Вика затарили рюкзаки. Благо, скоропортящихся продуктов с собой не брали, и можно было упаковать рюкзак сразу. Тем более, что вечер предвещал быть плавно переходящим в утро, так что Леший упаковал сразу и спальник.

Вика, оказывается, ещё с утра принесла свой трассовый бэг к Олесе, поставив его в кладовку, и теперь её сорокалитровая "косметичка" малинового цвета с надписью "NovaTour" красовалась посреди кухни.

Манул и Полина вместе с Ваней и Светой собрали

несколько пакетов с угощениями и подарками, сгрузили их в олесину "Ласточку".

Лешему же Вика предложила проехаться на трамвае.

У подъезда Манул с Лешим подымили трубками перед тем, как разбежаться. Олеся завела мотор, ребята утрамбовались в машину, хлопнули дверками и укатили. Леший с Викой посмотрели им во след, да и пошагали со двора.

– Пешком здесь до трамвая десять минут, – сказала Вика, – здесь интересная особенность речи, люди говорят не "трамвай, номер такой-то", а "трамвай, такой-то марки".

Леший посмеялся.

– Ха, так и представил себе диалог: "Милок, какой марки трамвай? – Татра Тэ-три-эм"

– Я так сначала и думала. Потом Богини друзья просветили.

Тем временем они переходили заросшую зеленью речку Харьков по невысокому мосту, мимо исписанных граффити стен и старинных тенистых улиц.

"Здесь Харьков тоже похож на Ёбург, – думал Леший, – на какой-нибудь район Вокзала или Уралмаш. Персонажи здесь, конечно, интересные встречаются. Парни многие выглядят, как "привет, девяностые", а вот девушки одеваются очень даже ничего. И внешне многие симпатичные".

Вскоре вышли на остановку на "Руднева". Мимо проносились со свистом машины.

Леший, найдя в Вике "Свободные уши", продолжал рассказывать про свои путешествия. Вообще разговор двух автостопщиков обычно очень забавен. Начинаются перебивания друг друга, общие знакомые, общие ассоциации с какими-то местами, истории перетекают одна в другую, перескакивают с темы на тему. При этом важным условием является взаимное удовольствие от такого общения, иначе оно превращается просто в "приседание на уши".

Слово за слово, а к остановке подъехал трамвай "Шестой марки", погрузил в своё чрево приличных харьковчан, а с ними Лешего и Вику.

"А трамваи тут, совсем как в Ёбурге, – думал он, глядя в окна, – пейзажи только другие, зелени больше, дубы вон растут, тополя пирамидальные. Красота"

Трамвай был нетороплив, и Леший воткнул в уши наушники.

На остановке со странным названием "Поля Лафарга" в трамвай зашли двое парней и девушка. У одного из парней были длинные волосы, а у девушки – "хайратник" на голове.

– О, это тоже наши: Настя и два Шурика, – Вика вскочила и замахала рукой, – хэй!

Ребята заметили, улыбнулись и подошли поближе.

– Ребята, это Леший, он из Ёбурга стопщик, у Леси живёт, – представила его Вика, – это Настя, Шурик Большой и Шурик Маленький.

– Почему вас так зовут? – посмеялся Леший.

– Мы с одной улицы просто, да и в одной школе учились когда-то, – сказал Большой, обладатель длинных волос, – А вы тоже на "Шестьсот второй" к Боге?

– А куда ещё, – улыбнулась Вика, – завтра мы с Лешим на трассу, обратно на Север.

Трамвай, меж тем, подъехал к конечной.

– Вот, а сейчас, – сказал Шурик Маленький, будем про-
никать.

– Какие с этим сложности?

– Да никаких особо, это Богин подъезд. Просто он просил проходить "по двое" и не толпой. Дабы не привлекать внимание цивильной публики.

– Домофон есть?

– Да, звонишь в богину квартиру, говоришь кто ты, он запускает, всё просто. В иных местах при залазе на крышу надо долго ждать "волшебного человека".

Леший вспомнил свои ночёвки на крышах, с просачиванием за людьми в подъезды, ночным ветром и ранними пробуждениями от солнца.

– Сегодня вечером мы кинопоказ ещё хотим устроить прямо на крыше.

– А не спялят вас?

– Даже если и спялят, чего мы боимся?

Сначала прошёл Шурик Большой и Настя.

Леший в это время сидел, опёршись на решётку неподалёку, и забивал трубку, изучая нового спутника. Шурик Маленький оказался коренастым парнем, но при этом с весьма приветливым лицом. Он тоже закурил, но сигарету.

– Специально на день рождения Боги сюда приехал с Кива, – сказал Шурик, – вчера с учёбы сбежал.

– А на кого учишься?

– Биолог я.

– Круто, я тоже поступать собираюсь на биолога.

– Ага. Будем за жизнь говорить, – посмеялся Шурик.

"Где-то я уже это слышал", – подумал Леший.

Спустя пару минут пошёл Шурик. А потом Леший докурил, и тоже отправился "просачиваться в подъезд". А пока Вика звонила в домофон, Леший взглядом заметил припаркованую "ласточку" Олеси, и порадовался: значит, Манул с Полиной и Ваня со Светой уже тут.

Лифт довёз Лешего и Вику до последнего этажа, откуда, завернув за угол, они увидели интересную картинку.

Возле лестницы на чердак курили какие-то гоповатого вида парни. На вошедших Лешего и Вику они даже не обратили внимание. Леший, предполагая разные варианты развития такой встречи, решил сам "идти в атаку" и задал первый

вопрос сам.

– Ребят, не подскажите где тут проход на крышу? – спросил Леший

– На день рождения? Тебя как звать?

– Леший.

– Леший из Ёбурга, да, он про тебя говорил. Заходи, – сказал один из них и посторонился, пропустив ребят.

Леший выдохнул, проходя мимо них.

Тёмный чердак зиял просветами отдушек, гремел звуками голубей и чем-то мягким слегка пружинил под ногами у Лешего. Через несколько шагов от лесенки виднелся ещё один проход. Оттуда привыкшим к чердачной темноте Вике и Лешему ударил поток света. За невысокой дверкой обнаружилась лестница, капитальная, бетонная, ведущая на крышу. На лестнице был навален всякий мусор типа банок с-под пива, сигаретных пачек, битых стёкол и рубероида. Стены прохода были исписаны всякими словесами типа "здесь был Вася". Верхняя дверь была приоткрыта.

Шагнув на тёплый рубероид крыши, Леший сначала обомлел. Вид отсюда открывался не только на город, но и на поля с садами, лежащие к востоку. На краю крыши стоял Шурик Маленький и курил сигарету.

– А где все? – спросил Леший

– За будкой, – ответил тот.

Действительно, оттуда был слышен гомон ребят и негромкая музыка.

Богдан, Олеся, Манул с Полиной, Ваня со Светой и ещё человек пятнадцать были здесь. Они разложили на крыше "карематы", некоторые из них выполняли функцию столов, и были накрыты едой. Ваня наигрывал на гитаре. Сверху, от будочки-прохода до краёв крыши, был растянут серебристый тент, под которым всё и помещалось.

– О, Леший и Вика пожаловали, – сказал Ваня, оторвавшись от гитары, – а мы тут разложились уже, присоединяйтесь.

Лешему представляли других гостей. Не всех он запомнил по именам, узнал только, что некоторые приехали сюда из Киева, из Полтавы, из Белгорода и из Донецка. Эти люди не выглядели неформалами, а были одеты по-туристски, или по-цивильному. После всех знакомств народ разбрёлся по своим маленьким кучкам "по интересам". Леший сел на край крыши, забивая трубку. Рядом подсел Манул.

– Видел гоповатого вида хлопцев у входа? – спросил он, – Ничего не удивило?

– Они не обратили на нас особого внимания, только спросили, как зовут. А что с ними не так?

– Это Богдан такой "фэйс-контроль" придумал. У меня ощущение, что они Богдана не знают, или знают, но мало. Будто бы они под гипнозом.

– С вами, колдунами, я ничему не удивляюсь.

– Ну, я так не умею, – засмеялся Манул.

Олеся под села рядом.

– Бога живёт на последнем этаже, а эту крышу давно облюбывал, – рассказала она, – иногда тут ночует сам, иногда народ вписывает. Он даже свет сюда провёл. Пока располагайтесь, общайтесь с народом, а официальная часть будет попозже.

Леший потихоньку общался с ребятами. Выяснилось, что часть ребят вместе с Богданом ходили в Припять. А Шурик Маленький не просто биолог, а радиобиолог, и его область исследования связана с Чернобыльской АЭС напрямую. Поэтому он может туда попадать вполне легально.

Подходили ещё люди, поодиночке и парами. Тоже здоровались и знакомились, но Леший был в своих мыслях. "Завтра будет дальняя дорога, – думал он, – с новой незнакомой попутчицей, а потом снова одному. Что я буду делать дома, когда приеду? Какие меня ожидают ещё приключения? И почему тот продавец шаурмы сказал мне, что я сплю, да не проснусь".

Постепенно разговоры начали стихать, небо заволокло облаками, и народ стал собираться вокруг импровизированного "стола".

– Итак, народ, – сказал Шурик Маленький, жестом призывая к тишине, – сегодня мы чествуем юбиляра. Четверть века – это, таки, срок. Сейчас мы покажем коротенький фильм о нашем походе в Припять. Так получилось, что Бога, хотя не любит фото- и видеосъёмку, здесь попал в кадр. Потому это видео далее нашего круга не уйдёт и будет удалено после просмотра. Потом подарки.

Все захлопали и расселись лицом к бетонной стенке будочки, в которой прятался проход на крышу. Оказалось, на крыше стоял ноутбук и проектор, и теперь он спроецировал на импровизированный экран голубой прямоугольник.

На экране показали крупные планы Чернобыльской АЭС, огромных антенн системы "Дуга" и фото с лесом. Потом – шагающих ребят и Богдана, дающего указания. Следующий кадр – проход по болоту. Затем – зубров на поляне у молодых сосен. Белые цветы на прошлогодней пожухлой траве. Зброшенны́е дома. Далее шли фотографии рисунков, где вместо зданий были скалы-останцы, а вокруг водили хоро́вды сказочные персонажи. Рисунки были на жёлтых листах от картотеки, нарисованные карандашом. На одном из них – Богдан крупным планом, ещё на одном – незнако́мый человек с бородой и в лыжной шапочке с надписью СССР. "Этo Мельник, – шепнул Манул Лешему на ухо, – он для них, как для нас Волк". Всё это видео длилось десять минут и сопровождалось тягучей песней на украинском языке, которую

Леший однажды слышал: её пел Ваня-тогучинец в апреле на флэту у Ангела:

"Якщо можэш, завитай до мэнэ ты,
Якщо хочеш, спий моей воды,
Якщо вирьш, розкажи мэни,
Про що ты мриєш, коли живэш на самоти..."³⁶⁰

По окончанию фильма все опять захлопали, а Шурик, продемонстрировал на экране процесс стирания файла с фильмом с жёсткого диска компьютера.

– Зачем такая конспирация? – спросил Леший Шурика, – неужели не хочется оставить, как память?

– А зачем тогда собственная память? О походах к ЧАЭС посторонних лиц лучше не знать никому. Даже если компьютер не подключен к интернету.

– И то верно. Но выглядело и сделано красиво.

– А рисунки то наше пространство сновидений. Рисовала Настя, – сказал Шурик, – ты ведь в курсе, Богдан и тебя сводил туда.

Леший кивнул.

– Рисунки ничего особого не отражают, и постороннему будет непонятно, что там намалёвано.

Теперь, будто по ритуалу, Богдану преподносили подарки. Новую рацию в коробке, карабины, большую картину с

³⁶⁰ Тінь Сонця – Пісня Чугайстра. Автор на неї уже ссылался.

лесом и горами. Манул подарил Богдану свой варган. Кто-то ничего не дарил.

– Богдан, мне нечего тебе подарить, знал бы – подготовился бы, – сказал Леший

– Тю! Разве то, что ты здесь, не подарок? – спросил Бога, – Мы мечтали встретить подобных себе. Даже не Сталкеров, как мы, а просто тех людей, кто делает мир лучше, тех, которые связывают времена и пространства невидимыми нитями.

Ваня, как обычно, пел про мхи и мрачную тайгу.

После он передал Лешевскую гитару по кругу, и ребята начали петь песни.

Какие-то из них Леший слышал и ранее, какие-то – впервые. Здесь же Полина сыграла песню, которую она играла на Аракуле, и, к удивлению Лешего, ей подпели, разложив по голосам.

Гитару взяла Вика:

– Я конечно понимаю, что тут не Россия, но из песни слов не выкинешь. Дай Бог, чтоб не пережить эмоций автора слов:

"В России расстаются навсегда,
В России друг от друга города
Столь далеки,
Что вздрагиваю я, шепнув: "Прощай",
Рукой своей касаясь невзначай

Её руки"³⁶¹

Леший стиснул зубы и понял, что эта песня про него. И про Ди. Он чувствовал, что больше никогда её не увидит, и с каждым словом этой песни слеза подступала к Лешему.

– Чьё это? – спросил он Вику, когда та закончила играть.

– Это твой земляк вообще-то, Борис Рыжий. А музыку на его стихи положили уже мои друзья из Москвы.

– Я такого не знаю.

– Он умер, – Вика выразительно, будто ставя точку, замолчала.

Леший задумался.

"Видимо, с Ди у меня совсем всё. В России расстанутся навсегда, – думал он, крепя слезу, отойдя к краю крыши и закурив трубку, – вообще, какое-то грустное, это богино празднование..."

Из мыслей его вытянула Вика, положив Лешему руку на плечо.

– Понимаю тебя. Ты расстался с девушкой, Лесь говорила мне. Жизнь и дороги продолжают, и у тебя, и у неё. Отпусти.

Тут Леший не сдержался и натурально пустил слезу. Бла-

³⁶¹ Стих Бориса Рыжего "В России расстанутся навсегда". А музыку на этот стих кто только не писал.

го, кроме Вики никто не видел его катарсиса. Вика обняла Лешего.

– Прости за проявленную слабость, накатило, – оправдывался Леший

– У всех бывает. Пойдём к ребятам, – Вика протянула платок.

Леший утёрся, раскурил трубку и стоял на краю крыши, глядя вдаль, на восток, где простирались поля и сады харьковских окраин.

А потом развернулся и пошёл к остальным.

Разглядывая людей, он уловил несколько интересных особенностей.

"Интересные товарищи, – думал он, – вроде день рождения, празднование, но при этом у них на столах нет ни капли алкоголя. Да и курящих, собственно, немного. И матерных слов не слышно"

Леший молчал, лишь беря гитару, когда до него доходила очередь:

"Святая земля не свята, ни в пиру, не в бою,
На ней не найти ни Эдема, ни даже сезама,
Но Маленький Принц покидает планетку свою,
Как, будь он большим, покидал бы свой каменный за-
МОК"³⁶²

³⁶² Олег Медведев – Маленький Принц.

– Как вы такие все собрались? – спросил Леший Богдана, – Мельник вас собрал?

– Не только. С Харьковчанами мы сами собрались.

– Вы интересные. Не пьёте спиртного, даже матом не ругаетесь. Как так получилось?

– Да, такое. Просто, наверное, мы любим жизнь, во многих её проявлениях. Да и ты тоже.

– А что за люди у входа были? Фэйс-контроль?

– Не, это мои соседи. Я их просто заранее предупредил, чтоб к нам не ходили. И сказал кто придёт. Тут магии как раз никакой нет. Ни магии, ни гипноза. Просто хорошие отношения с соседями, редкость в большом городе. Они, кстати, уже ушли.

Леший огляделся, убедившись в их отсутствии. Зажглись редкие фонари на улицах, и город погружался в тёплую майскую ночь.

Гитару перехватила одна девушка из Киева.

Леший вслушался: "Текст конечно бредовый, но музыка прямо про ночное небо. И голос у неё приятный":

"...И я вижу в её морях отражение своей земли
Отраженье моих безнадёжных, но пристальных глаз.
И мне кажется, что не зря мы столкнулись с ней визави,
И мне кажется, мир никогда не утратит нас..."³⁶³

³⁶³ Маша Badda Boo – Луна.

Неподалёку с остановки разъезжались последние троллейбусы и трамваи, и лишь редкие маршрутки пролетали мимо.

– А как вам разрешили на крышу выбраться?

– Та у меня всё схвачено, – сказал Богдан, – хорошо, когда матушка управдом. А если кто с визитом нагрянет, так посадим за стол, угостим чаем, поболтаем.

– Почему вы не любите фотографироваться?

– Знаешь, у папуасов было такое верование, что фотография отнимает часть души человека. Вот, оно не лишено истины. Любая фотография или видеозапись, что попала в интернет, может быть просмотрена кем угодно. Интернет, который, казалось, создан для удобства людей, их разобщает. И это хитрая ловушка для информации. И ловушка для времени. Мы стараемся блюсти чистоту и конспирацию в этом.

– Интересно.

– А так. Никакой особой тайны в наших походах нет, просто наши пространства и коллективные сны желательно знать только нам. Под утро ребята всё свернут здесь, а мы ещё искупаться съездим, Лесь нас увезёт. Тебе бы тоже не помешало перед трассой.

Леший, согласившись, кивнул.

Под тентом горел газовый фонарь, вокруг которого, будто мотыльки у лампочки, сидели ребята и передавали по кругу гитару.

Леший уже торжественно с ней распрощался, подарив её Ване, а тот уже распорядился ей сам на своё усмотрение.

В это время гитара перешла к Полине, и она пела ещё одну песню, неизвестную Лешему:

"И мы забываем, что нам тоже следом
Ехать автостопом по дороге в небо..."³⁶⁴

– А вы когда и как в дальнейший путь? – спросил Леший Манула

– Послезавтра на грузовых до Киева с Богданом и Шуриком Маленьким. Потом в Киеве переночуем, приведём себя в порядок, и далее с одним Богданом на Карпаты. Он обещал показать одно сильное место в горах.

– Интересно это всё, но мне надо к поступлению готовиться.

– Да всё у тебя получится. Вика хорошая барышня, по крайней мере, по словам Олеси.

– Бога с Олесей хотят рано утром поехать на Саржин Яр купаться.

– И мы с ними. А потом вас провожать. Вику забросим домой. Тебе купание, кстати, на пользу пойдёт, правда, вода там ледяная, мы уже проверили.

Потом гитара перешла Ване-тогучинцу. Он пел какую-то, казалось бы, грустную песню на украинском языке о смер-

³⁶⁴ ДМЦ – По дороге в небо.

ти казака. Но при этом она была более мотивирующая, чем грустная:

"Навпростэць до своих
Споконвичных дориг,
Дэ вогнэм гартувалося сэрце.
Будь таким, як ты е
И не зрадчуй сэбэ
Вырушай. Бье життя через край..."³⁶⁵

"Вот, значит, как, – думал Леший, про себя переведя песню, – Будь тем, кто ты есть, не предавай себя, отправляйся в путь, ведь жизнь бьёт через край. Это либо напутствие мне в дорогу, либо песня про всех тех, неуспокоенных – Гончара, Кирюху, Булана – которым помогли обрести дорогу на тот свет Манул, Лосик и Волк. Да и ты тоже постарался, Леший".

Ближе к утру, когда на востоке среди пасмурного неба появился луч солнца, Богдан потихоньку собрал Манула с Полиной, Олесю, Вику и Лешего, подзвав к себе.

– Ну шо, едем?

– Да.

Быстро спустились по пустой лестнице, в два приёма проехали на лифте. Олеся стала прогревать машину, на заднее сиденье которой впихалось четверо: Вика компактно уме-

³⁶⁵ Тінь Сонця – Козача Могила.

стилась на колени Лешего, так что ему пришлось её невольно обнять. Под звуки Infected Mushroom олесина "девятка" бодро неслась по шоссе просыпающегося города, мимо первых трамваев и поющих соловьями парков.

У дома Вику выгрузили, вручив ей ключи от квартиры, а остальной экипаж помчался в другой район города.

Машина промчалась мимо огромного здания Госпрома, миновала историческую застройку, а затем свернула в частный сектор. За одним из домов машинка остановилась возле тропинки, спускающейся в лесопосадки.

Здесь также звонко пели соловьи, колыхались над головами ветки ив и дубов, да из дворов лаяли собаки.

Ребята спустились по тропинке, увидев перед собой своеобразный бетонный "шатёр" над источником.

– Здесь набирают воду для питья, – вполголоса сказала Олеся, – а купаются чуть поодаль, в бетонном канале.

Действительно, к приходу ребят в лотке окунался, крестясь, седой и загорелый старик.

Олеся с Богданом вежливо поздоровались и стали раздеваться догола, ничуть не стесняясь старика.

– Мы специально отошли подальше от родника, чтоб посторонних глаз не было, – сказал Богдан, – Те, что купаются утром, им безразлично одетыми, или раздетыми тут окунаются.

Манул с Полиной последовали их примеру. Леший пона-

чалу застеснялся собственной наготы, но разделся тоже. Босыми ногами по холодной траве и камням, и вот, преодолев внутренний зажим, Леший шагнул в поток воды, а после вдохнул и практически лёг в него.

Ледяная вода прогнала сон: Леший, стряхнув воду с отросших волос, выскочил на берег пообсохнуть, а затем нырнул ещё раз. После этого уже он перехватил у Олеси полотенце и наскоро вытерся.

– Ну что, мы же не страшные, когда голые? – пошутила Полина.

– Я бы процитировал Булгакова, про женщин с начисто содранной кожей, но умолчу, – ответил Леший.

Все засмеялись, одеваясь.

"Водичка тут, конечно, гораздо холодней, чем была в Тихой Сосне, но как освежает", – думал Леший, вдыхая носом запах с собственных плеч. Действительно, после купания в чистой воде обычно от тела начинает исходить очень тонкий приятный запах, Леший это очень давно подметил, но не мог понять: так ли пахнет его собственное тело, или же это запах воды.

Обратно машина уже неслась в плотном потоке пятничного утра. Пробок в Харькове, в отличие от Екатеринбурга, Леший никогда не видел, в "час пик" здесь обычно шёл просто плотный поток машин. Вот и в этот раз, не прошло и по-

лучаса, как они остановились в олесинном дворе.

– Ну что, как там хрестины вовкулаки³⁶⁶? – пошутил Ваня, встретив всю компанию.

– Не самая удачная шутка, но Леший искупался, – сказал Богдан, – ему вроде даже понравилось.

Вика в это время уже сидела "на чемоданах", собрав свой рюкзак основательно. Лешему же нечего было собирать: весь лешевский бэг стоял собранный ещё с вечера, а гитару Леший решил оставить Ване, вместо его родной, разбитой гопнику об голову.

Провожать Лешего и Вику ребята отправились на метро, по дороге зайдя в обменник, выменяв оставшиеся лешевские и викины гривны на российские рубли.

Час до белгородской собаки коротали на привокзальной площади, подкармливая хлебом голубей и общаясь.

"О, сколько ещё таких встреч и прощаний на вокзалах будет в моей жизни? – думал Леший, когда вся компания облепила его на площади перед Макдональдсом, – Поэтому, наверное, на трассу выходить всегда проще, чем уезжать на поезде. Уходишь, хлопнув дверью, никто тебя не провожает, только ты и дорога. А здесь – на всех словно нахлынула волна разных эмоций: грусти, доброты, тёплых чувств. Но увы,

³⁶⁶ "Крестины оборотня" (укр.) – сюжет из полесского фольклора, повествующий о том, что снять проклятие с оборотня можно только проведя над ним обряд крещения. Правда, после такого обряда оборотень обычно умирает, но зато не попадает в ад.

из Харькова на север лучше всего выезжать именно так, на собаке до Белгорода"

Все по очереди подходили к Лешему и что-то говорили.

– Вика мне понравилась, – шепнула Полина, подмигнув Лешему, – с ней не пропадёшь, а ещё она поёт классно.

– Толку-то от песен, если гитара осталась здесь.

Полина даже поцеловала Лешего в небритую щёку.

– Я буду скучать за тобой, Леший, ты хороший, – сказала Олеся.

– У нас говорят: скучать по тебе, – ответил Леший, улыбувшись, – но так я тебя тоже понял. Спасибо за уют и за всё-всё-всё.

– Это тебе, на память о Харькове. По гороскопу друидов, яшень – твоё дерево. Тримай.

Олеся обняла Лешего, сунув ему в руку ясеневое семечко

– Спасибо за гитару, друже, – Сказал Ваня-тогучинец, – Мы следом за вами через пару дней выезжаем на Питер.

– Тебе спасибо за сказочный город, так похожий на Ёбург. Кстати да, Харьков – это второй город, куда я по твоей наводке приезжаю.

С Ваней просто обнялись, да так, что Леший умудрился поднять высокого Ваню над собой.

– Леший, держи, – Света протянула ему рисунок: его собственный портрет с длинными волосами, – это ты сам из сновидений. Съезди на Иремель, передай привет любимым го-

рам от меня.

Она тоже обняла Лешего.

Манул и Богдан подошли вместе.

– Спасибо вам за дорогу и сказку, – сказал им Леший.

– Этой сказки и дороги не было бы без тебя самого, – сказал Манул.

– Спасибо тебе, Леший, что приехал, – сказал Богдан, – ты очень крутой музыкант и путешественник. Штопай дальше куски мироздания, чтоб они не рвались. Наводи мосты и поддерживай связь.

– Широ тобі дякую, Богдане, – сказал Леший на украинском, – пробачь мэни, якщо шось нэ так.

– Все добре, Лёха. Приезжай ещё. Или мы к вам с ответным сталкерским визитом.

Обнялись втроём.

Леший и Вика, не оборачиваясь, пошагали к кассам и купили два билета на электричку до Белгорода.

Билет обошёлся в шесть гривен – в четыре раза дешевле, чем из России в Украину.

Они сели в сине-белую электричку, и Леший, пользуясь викиным молчанием, воткнул в уши плеер. Там играл олесин Infected Mushroom, и в ритм его проносились мимо столбы контактной подвески железной дороги.

Леший опять торчал, высунувшись в окно, вдыхая запахи

цветущих деревьев и трав. Вскоре рядом с ним встала Вика, высунув руку из окна вагона, вода её волной в потоке воздуха.

– Что слушаешь? – спросила она

– Сейчас играют олесины "Машрумы", – Леший протянул наушник Вике, и теперь оба они слушали одну и ту же музыку.

Вика прижалась к Лешему спиной, ни капли не смущаясь этого, Леший на автомате обнял её. Руку Лешего она не убрала.

На Казачьей Лопани зашли украинские погранцы, чуть не забыв забрать лешевскую миграционку. Вика же решила свою оставить

– У меня свежая, а я летом ещё поеду, пусть будет.

В рюкзаки, опять-таки, даже не заглянули.

Через полчаса электричка тронулась, остановившись уже в российской Наумовке.

Погранцы проверили паспорта, опять забили что-то в коммуникатор и лишь спросили: "Не везёте ничего запрещённого?", на что Вика и Леший просто пожали плечами, а погранец уже обратился к соседнему ряду сидений. Притом там к кому-то российский погранец обращался на литературной украинской мове, даже не на суржике. Леший обернулся и увидел там двух парней, один из которых, видимо, ехал в Россию первый раз и немного робел. Судя по их виду, ехали они на заработки, и один из них, с видом "бывалого",

рассказывал другому о прелестях жизни "заробитчан" в суровой России.

На подъездах к Белгороду выглянуло солнце, ласково проехавшись тёплым лучом по лицам Лешего и Вики.

"Ну вот и снова здравствуй, Россия, – думал Леший, глядя по сторонам на привокзальной площади Белгорода, – теперь надо придумать как выбираться на нужную трассу"

Они с Викторией купили бутылку кваса на двоих, пиццу в полиэтиленовом мешочке, и теперь радостно уплетали её, сидя на лавочке под сенью огромной липы.

– Выбираться из Белгорода на московское шоссе проще простого, – говорила она, – сейчас сядем на троллейбус и поедem, а там на конечной надо выйти, чуть-чуть пешком, и вот она, родимая Эм-вторая³⁶⁷.

Подошёл троллейбус номер один, Леший и Вика загрузились в него, глядя в окна. Всё же Белгород был гораздо более цивилизным и ухоженным городом, чем его украинский сосед. Но сердце Лешего пленил Харьков, заросший зеленью, непричёсанный и так похожий на все города его детства.

На остановке "Аэропорт" они вышли и пошагали вдоль трассы до воронежской развязки. А там, за развязкой, Вика поставила свой рюкзак, а Леший привычно кинул монетку на придорожную пыль, поднял руку и стал ждать машину.

³⁶⁷ Трасса М-2 – Симферополь-Харьков-Курск-Тула-Москва.

Машины не стопились долго. Уже день катился к вечеру, а водители пролетали мимо с безразличным видом. Леший курил трубку и пристально глядел в глаза всем водителям пролетающих мимо машин.

– Ты думаешь, они видят твой взгляд?

– Да, я надеюсь. Хотя бы краем подсознания он у них зацепится, – говорил Леший, – Главное, чтоб мой вопрос для них не превращался в сбор милостыни.

Вика время от времени сменяла Лешего, голосуя. Но их будто держало само место. Леший предложил пройти подальше. И они пошагали. Через весь посёлок Северный, мимо аккуратных кирпичных домиков, по дороге набрав воды на колонке. И далее, до лесополосы и развязки с объездной. Когда они подошли туда, тени стали длиннее, в лесополосе поблизости запела незнакомая птица, стало чуть прохладнее. Леший накинул куртку поверх футболки и встал стопить. Выражение лица было уже почти страдальческое, хотя Леший подправлял его, временами куря трубку, но даже это не приносило удовольствия.

– Вик, постопь ты, я что-то совсем задолбался, – сказал Леший, приседая на свой рюкзак.

Вика подняла руку. И в этот же момент остановился низкорамный грузовик с курскими номерами.

– Я до Обояни.

– Нам уже куда угодно, лишь бы отсюда. Полдня торчим.

– Ну тогда поехали. Дверку сильнее хлопай, дочка.

Леший уселся, помог пристегнуться Вике и вжал рюкзак между ног.

– Туристы?

– Ну можно и так сказать.

– И куда вас тащит?

– Домой. Мы из Харькова возвращаемся, я в Москву, а Лёша в Екатеринбург.

– Ух, как вас занесло... Ну, от того места, где я вас высажу, до Москвы ещё шестьсот километров. Палатка-то есть?

– Есть тент и гамаки. Заночуем как-нибудь.

– Ну смотрите сами. Там, где я вас высажу, лесополоса, можете там заночевать.

Водитель включил музыку. Заиграла всё та же вечерне-трассовая попса восьмидесятых годов, универсальная подборка из "Modern Talking", "С.С.Catch" и им подобных.

"Почему дорога нас держала так долго в этом месте? – думал Леший, – Вика ведь говорила, что всегда оттуда спокойно уезжала. А вообще интересное у меня состояние: я словно вновь родился. Внутреннее радио помалкивает. Даже к милой девушке рядом, кроме обычной дружеской симпатии, ничего особого не испытываю. А месяц назад я бы её спрашивал обо всём на свете, рисовал бы в голове её психологический образ. А сейчас мне радостно, что человек передо мной такой, какой он есть".

В закатных лучах солнца промелькнул танк на постаменте и огромная площадь перед ним.

– Это мемориал в честь курской битвы?

– Да. Большой. Тут столько народу в земле – умотаться. Копатели копают. На огородах люди до сих пор гильзы находят стреляные, каски. А иные и снаряды откапывают.

– Я в подобном месте бывал – Мясной Бор, под Питером. Там сны снились про войну.

– Где я вас высажу, – сказал водитель, – там зимой битвы были, когда на Харьков шло наступление. Так что авось приснится. Не пужайтесь.

"Хорошее напутствие, – подумал Леший, – Вика наверное рассчитывала нонстопом ехать, а теперь точно захочет. А меня вот рубить начало после бессонной ночи на харьковской крыше".

Водитель оставил их у поворота на Обоянь, уже в вечерних сумерках. Машин было на удивление немного, было слышно пение незнакомых птиц в колючих лесопосадках, да стрекотание насекомых.

– Ну что, будем найтовать тут или поедем дальше?

– Не знаю даже. Лесок вроде подходящий.

– Только это всё колючее такое. Надо место без акаций искать, а то на колючках спать неприятно.

– Пошли искать уютное место. Вода у нас есть тем более.

Они спустились с трассы, от нового асфальта и фонарей, в темноту леса. Проломившись через колючки наугад, Леший проклинал свою недалёковидность: это ж надо было сунуться штурмовать лесополосу прямо среди акации. Но проламывание сквозь тернии было вознаграждено: обнаружилось несколько отцветающих яблонь и какие-то серебристые кусты. "Лох узколистный, – мелькнуло воспоминание из курса дендрологии, – вот под ним и расположимся.

Леший раскинул пенку, Вика разложила на ней спальник. Сам же Леший развесил гамак между яблоней и лохом.

– Ты не боишься гадов ползучих? – спросила Вика.

– Не особо. Нафиг я им нужен.

– Можно я в гамаке сегодня заночую тогда?

– Без проблем.

Вика радостно забралась в лешевский гамак, пожелав тому спокойной ночи.

Леший закурил трубку перед сном, смотрел на тлеющий в чашечке трубки огонёк, потом аккуратно вытряс его содержимое, затоптав берцем. Затем лёг на пенку, с головой завернувшись от немногочисленных комаров, пожелав Вике спокойной ночи, и задремал...

Интерлюдия. Пашка.

Леший сидел у костра, завернувшись в куртку. Вокруг стояли голые кусты, а с полей дул пронизывающий холод-

ный ветер. На сумеречных полях местами лежал снег, под ногами была мокрая каша. Пахло порохом и снегом. Над полем там и тут вспыхивали зарницы, будто искры над электровозом ночью. Но гораздо ярче. Леший вздрогнул от неожиданности, услышав грохот вдали и донёсшуюся канонаду.

"Блядь, говорил нам водитель, что тут война будет сниться, вот и оно, – подумал Леший, – Интересно, здесь же рядом Курская Битва была"

– Это операция по наступлению на Харьков, – услышал Леший голос Волка, – конкретней сейчас освобождение Обояни.

– А зачем мы здесь? – спросил Леший.

– Это ты у гостя нашего спроси.

Леший заметил рядом с Волком ещё одну фигуру. Парень в плащ-палатке, постарше Лешего, стоял, опёршись на винтовку. Что-то в его внешности было знакомое. Неуловимо своё, близкое Лешему.

– Это Пашка. Пашка, это Леший. Думаю, вам есть что обсудить. Оставляю вас здесь вдвоём, присаживайся к огоньку – сказал Волк и ушёл от костра, растворившись в рябых узорах ночного поля. В это время гроыхнул взрыв, и Леший с Пашкой отвлеклись, так и не заметив, куда ушёл Волк.

– Сколько тебе лет, Леший?

– Двадцать один скоро будет.

– А мне тридцать три. Уже шестьдесят шесть лет, как

тридцать три.

– Ты умер здесь?

– Да, если можно так выразиться. Торчу тут, ни туда, ни сюда. Родня уж не ищет, но хоть ты пожаловал.

– Ты откуда сам? – Леший даже не знал, что спрашивать у этого человека. Слишком большая пропасть была между ними. Леший не знал войн. Война для Лешего – это что-то из телевизора, про Чечню, да Осетию, пацанские песни про Афган, да рассказы михайловской бабушки, про отца, лешевского прадеда, ушедшего на фронт и не верну...

"СТОП!", – мысленно произнёс Леший.

– Вспомнил? – на небритом лице Пашки промелькнула ухмылка. Даже его грустные зелёные глаза на секунду повеселели, – Михайлянин³⁶⁸ я, земляк твой.

– И прадед. Дочку твою как звали?

Пашка назвал имя и девичью фамилию лешевской бабушки. Леший, глотнув слезу и уняв крупную дрожь, кивнул.

– Ты передай им. Четырнадцатое февраля, сорок третьего, стрелковый восемьсот сорок седьмой полк. Здесь я лежу, под яблоней. Нас несколько тут рядом, неизвестных. За остальными пришли. Я один пока остался.

У Лешего навернулись слёзы. Он молча подошёл и обнял своего прадеда.

³⁶⁸ Житель города Михайловска.

– Ну брось ты, Лёха, щё слёзы распустил? – сказал Паши-ка совсем по-михайловски.

– Я могу тебя отпустить.

– Теперь можешь. Давай покурим только, бродяга. У те-бя ещё вся жизнь впереди. Да и у меня теперь тоже.

Леший достал трубку.

– Да брось ты форсить, – Пашика уже улыбался, – на дер-жи нашу, фронтовую.

Он протянул Лешему папиросу из смятой коробочки.

– Благодарю, – ответил тот на автомате и подкурился от головёшки костра.

– Вон, за фрицев, что там лежат, никто не молится. А при иных раскладах друзьями могли бы быть, – Пашика махнул рукой куда-то за ивовые кусты справа от себя, – Блядская это штука война.

– А как ты с Волком познакомился?

– С этим-то? Дак это вроде ангела-хранителя. Ох, зам-полит сейчас услышал бы, да обматерил, хотя ну его на хуй, замполита. А Волк твой подошёл ко мне, и говорит, мол, не надоело лежать, ли щё ли? Правнук, grit, твой приехал, вставай, мол.

– Докуришь и пойдёшь?

– Ага. Докурю и пойду, щё сидеть-то. С тобой повидал-ся. Жены вот, жалко, нет на свете, да щё жалеть, встре-тимся с ней наконец. Хоть дочке – бабке своей – от меня весточку передай. Спасибо тебе.

– И тебе спасибо, Пашика. Ступай с миром.

Леший сидел с каменным лицом, по нему текли дорожки слёз. Упала снежинка на щеку. Тишина стояла вокруг, будто и не было никаких боёв.

– Юни-то подбери. Там девчонка рядом спит, разбудишь ещё. Всё, бывай...

Тут рядом с костром что-то ярко вспыхнуло, и Лешего оглушило до звона в ушах.

Он с криком подскочил на пенке между яблонями.

– Лёша ты чего? Всё хорошо?

– Фух. Если это и сон, то очень реалистичный.

– Война снилась, как и говорил водитель?

Леший кивнул.

В подробности он не стал вдаваться. Но теперь знал одно: его прадед наконец встретится с покойной прабабушкой. И Леший только что ему путь открыл. Сам.

Он разжёл трубку и закурил, сидя в темноте, в это время Вика сползла с гамака, удалившись за ближайшие кусты.

А, вернувшись обратно, села рядом с Лешим на пенку.

– А знаешь, – усмехнулся сквозь слёзы Леший, – ты сейчас на фрицев в туалет ходила. А они, бедняги, неуспокоенные.

– И что с ними?

– Просто извинись, хотя бы про себя. Тут и наши есть, и фрицы. И мой прадед здесь лежит.

– Как ты узнал?

– Он мне приснился.

– Ты считаешь, это хорошо или плохо.

– Скорее, хорошо. Он теперь обрёл покой.

Вика обняла Лешего, сидя рядом с ним, завернувшись в спальник. Рядом шумели редкие машины на трассе, да пела невидимая ночная птица.

Наступало новое утро, пока настолько раннее, что можно было бы спать дальше. Леший уснул без сновидений, а Вика так и сидела рядом с ним. О чём она думала в этот момент, Леший не знал. Просто Вике надо было охранять его сон.

Глава 17. Домой.

Утро для Лешего наступило со звоном комара, севшего на ухо. Леший раздражённо шлёпнул его.

В это время Вика колдовала с маленькой горелочкой, разогревая воду в большой кружке-"сиротке".

– Доброе утро, сновидец. Сегодня ты ведёшь, а я сплю, можно же?

– Можно. Доброе. Что готовишь?

– Тут чай, – махнула она на наполненную лешевскую кружку, – а тут будет гречка с суджуком. Какой-никакой, а завтрак.

– Какая хорошая у меня попутчица всё-таки, – сказал Леший, потягиваясь, – сон охраняла, завтрак приготовила, нытьё моё выслушала.

– Это ещё не нытьё, – сказала Вика, – я у психоаналитика

знакомому такого наслушалась о его работе, сейчас ничего не нытьё.

– Пошли стопить, чудесная, – Леший неожиданно легко отвесил комплимент, подметив для себя это.

Продираться через кусты утром было чуть проще, чем вечером. На удивление, здесь, в отличие от многих придорожных лесополос, не лежало никакой говнямбы, было чисто.

– Посмотри на меня, – сказал Леший, – красавец?

– Хорошо парням, – сказала Вика, – умылся с утра и уже красавец.

– Да ты тоже красивая, не переживай. Мы оба, как говорят мои новосибирские знакомые, "няшечки"

– Ага, "пусечки", ещё скажи. Главное, чтобы водители думали так же.

Первой машиной, остановившейся на широкой обочине обоянской объездной, была "девяносто девятая", едущая до какой-то деревни с названием про "Дворы".

Молодой парень в кепке задавал стандартные вопросы про автостоп, типа, ой, а вы шо, прям тут ночевали, ой, а как вы не боитесь, и так далее.

Ехать оказалось не так далеко. Пройдя "Дворы" до конца, Леший с Викторией встали голосовать.

Не прошло и получаса, как им остановилась навороченный белый "Мерседес" с кожаными сидениями и московскими номерами.

– Вам далеко? – водитель, немного смуглой внешности,

покосился из-под тёмных очков.

– В Москву.

– Какая станция метро?

– Любая, но если красную ветку будете проезжать, хорошо, – сказала Вика.

– Прыгайте. Рюкзаки кидайте в багажник. Ехать нам далеко. Меня Рустам зовут.

– Я Лёша, а это Вика.

– Очень приятно, – водитель тронул по газам, – я вас на "Юго-западной" могу высадить. Сегодня, Иншалла³⁶⁹, пробок не будет.

– Вы откуда сами? – спросил Леший, сев на переднее сиденье.

– Я с Крыма сейчас еду. Дом в Бахчисарае, бизнес у меня в Москве. Полночи на таможне проторчал, заколебался.

– Так сложно?

– Да там, то одно, то другое. Декларация, то-это... Времени много съедает. Не будете против, если я музыку включу? Можете даже подремать.

– Нет, не против.

Плейлист Рустама представлял собой странный музыкальный коктейль. Сначала заиграла типичная для кавказцев песня "Чёрные глаза", хотя с определением национальности Рустама у Лешего возникли вопросы. Потом заигра-

³⁶⁹ Дословно: "Если пожелает Аллах". Говорится, когда в событии велика доля случайности.

ла песня Александра Маршала, про степного орла. Потом – "Воля и Разум" Арии. А дальше шёл какой-то клубняк. Леший смотрел на зеленеющие поля и деревья вдоль дороги, на солнышко, да радовался.

Около полудня остановились на заправке возле Мценска. При заправке было кафе, куда Рустам завёл Лешего с Викой.

– Я вообще татарин крымский, – сказал Рустам, – женился на москвичке, сейчас вот живу на два города, мотаюсь. Я в Бахчисарае, она в Москве.

Для Лешего открылась тайна его происхождения, он уплетал шашлык с хлебной лепёшкой, и слушал Рустама дальше.

– Деньги, они вещь такая. Как поток пошёл, так его надо пропускать через себя. Остановишь – лопнешь от жадности. Выпустишь всё – протранжиришь, останешься без штанов. Середину надо блюсти, как бы сложно не было. Но важно, чтоб деньги циркулировали. Это как вода. Стоячая загниёт быстро, без притока и оттока. Вот и я себе не отказываю. Машину вон взял мощную. Благотворительность всякую совершаю время от времени. Это для вас, ребята, обед в этой кафешке стоит дорого. Для меня это – хаер³⁷⁰, благотворительность. Тем более, помог страннику – значит кто-то потом поможет мне.

³⁷⁰ Хаер (вообще Хаер-Садака) – добровольная милостыня у мусульман. Это может быть любая помощь: деньгами, подвезти ли по трассе, дать тёплую шмотку, покормить.

"Эта философия восточная мне близка, – думал Леший про себя, – Гафур, спасший меня с зимней трассы под Омском, был очень похож на Рустама, даже внешне они схожи. Интересные повторяющиеся типажи".

К вечеру стали подтягиваться к Москве. Близость мегаполиса ощущалась по уплотнившемуся движению после Тулы, а затем – по замедлению скорости у Подольска.

Рустам не расстраивался. Излучая абсолютное спокойствие, он выехал на обочину, и, поднимая пыль, поехал вдоль пробки.

– Пусть ругаются, – говорил Рустам, – У меня же московские номера, всё равно меня все ругают за зря, а тут хоть повод будет.

В итоге плотнячком едущий МКАД пересекли в восьмом часу вечера, а уже около восьми Рустам приостановился у вестибюля метро "Юго-Западная", тепло попрощавшись с Лешим и Викой.

– Помолитесь за меня, бродягу. Добрых вам дорог, – сказал Рустам, закрыв дверку и рыкнув двигателем. Его белый "Мерс" влился в поток машин Проспекта Вернадского.

Столица встречала путников жарой, цветущими яблонями и пробками.

– Ну что, дружище, пойдём, покажу как ездить в метро по-маасковски, – сказала Вика, растянув букву "а".

– Это как? Чем отличается от других мест?

– Вворачиванием в толпу. РАЗРЕШИТЕ, ПААЖАЛУЙСТА! – Вика, мотая рюкзаком из стороны в сторону, пробивала себе коридор среди москвичей, по которому следом пробирался Леший.

Вскоре карточки были куплены, Леший нырнул за клацающий турникет и, увлекаемый Викой, спускался к поездам.

Путь под землёй занял сорок, народу то убавлялось, то прибавлялось в вагоне. В одном месте подземка вынырнула на поверхность, пересекая по мосту Москву-Реку.

Ехали до станции "Сокольники".

Выйдя на поверхность, Леший шёл, озираясь по сторонам: такой цивилишной и опрятной была здесь Москва.

Они зашли во двор девятиэтажки, Вика сунула домофонный ключ, запустив Лешего в пахнущий свежей краской подъезд.

– Вот тут я и живу, – сказала Вика, отпирая железную дверь, – о, матушка усвистала опять в командировку, так что сегодня тусить можно. Можно просто спать.

Вика разулась, бросив рюкзак в прихожей,

– Там у меня ванная, чур я первая на душ, – кричала Вика с кухни, – о, да моя ненаглядная решила продуктовые проблемы! Нам даже не придётся топтать до магазина! Я её всё же обожаю.

Леший молча озирался.

Прихожая викиной обители была украшена большим шкафом-купе с зеркалом. Ванная и туалет находились рядом, далее шла кухня. Отдельно, по длинному коридору шёл вход в дальнюю комнату. На стенах висели картины, изображающие лошадей, европейские дома и водопады.

– Квартиру украшала матушка, так что не пугайся дурного вкуса. Моя комната всё равно сделана по-моему. Пойдём, кинем там рюкзаки.

Комната Вики располагалась после длинного коридора. На стенах были тёмно-синие обои со звёздами и белого цвета потолок. С потолка на двух карабинах свисал гамак, а на полу лежал огромный надувной матрас, застеленный бельём. Одну из стенок занимал шкаф, возле другой был письменный стол с компьютером и кривой лампой.

– У меня тут есть проектор, который я включаю на потолок, когда хочу за что-нибудь залипнуть. Можно сегодня включить.

– Можно. Крутой у тебя интерьерчик.

– Ничего лишнего, хотя матушка всё равно говорит, что у меня срach.

После принятия всех процедур по приведению себя в порядок, Леший закинул шмотки в стиральную машинку и сидел с Викой, распивая чай и поедая бутерброды с остатками харьковского суджукa. Вика же поясняла особенности выхода на трассу из Столицы.

– Завтра садишься на метро, доезжаешь до "Трёх Вокза-

лов", это станция "Комсомольская". Там пересаживаешься на Кольцевую линию, и дуешь до "Курской". Чем раньше, тем лучше.

– А что там?

– Ты Венечку Ерофеева читал?

– Нет, только слышал... А-а, понял. Электричка "Москва – Петушки", та самая!

– Да, – сказала Вика, – и тебе ехать на ней до самых Петушков. Поверь, со времён Венечки там в плане трэшака ничего не изменилось³⁷¹.

Леший поглядывал вполглаза на Вику, гоня неприличные мысли из головы.

"Нафиг, нафиг мне сейчас амурные приключения. Хотя ты, Леший, вроде парень свободный, пуркуа бы и не па³⁷²? Да нет, ты же в пути, весь такой просвещённый. Ага: он постиг сатори и принял целибат...", – такой рой мыслей у него творился.

Вечером они завалились смотреть кино. Вика показывала какой-то мутный фильм с Бьёрк в главной роли, закрыв шторы и спроецировав на белый потолок комнаты.

³⁷¹ Отсылаю к книге Венедикта Ерофеева – "Москва-Петушки", если хотите погрузиться в мир алкоголической метафизики советской интеллигенции на фоне пригородной электрички.

³⁷² Почему бы и нет. От французского "rouiquoi pas?"

Леший не запомнил ни название фильма, ни сюжет, помнил только, что тётя-Бьёрк там что-то пела и танцевала³⁷³. Мысли его захватило буйство гормонов в голове: наличие красивой девушки рядом давало о себе знать. Усилием воли он заставил себя умерить гормоны и задремал.

Проснулся он от того, что Вика ложилась, коснувшись его рукой.

– Лёша, ты спишь?

– Вроде да. До этого момента.

– Спасибо тебе за дорогу. Ты знаешь, ты не зря оказался у Боги на крыше. Ты и твои друзья очень похожи на компанию Богдана. Такие же светлые.

Леший решил быть откровенен.

– Ох, Вика, у меня столько собственных недоработок, с которыми борюсь.

– А ты не борись, – сказала она, – ты принимай.

– Я вот, честно, не планировал оказаться на одной кровати с симпатичной девушкой. Слишком сильно в голове засели мои влюблённости и расставания. И гормоны о себе знать дают.

– Не переживай за это, все мы люди, у всех бывают "гормоны", – Вика посмеялась и сказала, – Давай я тебе массаж сделаю, с дороги самое то. Эротического не обещаю, но пле-

³⁷³ Скорее всего, это был фильм "Танцующая в темноте" Фон Триера. Но это не точно.

чи после рюкзака расслабишь, да и голову тоже.

– И на том спасибо.

– Я вообще, честно говоря, кинестетик: люблю людей трогать и воспринимать мир наощупь. У тебя по фигуре сразу видно, где мышцы забиты и где замедление кровотока, – Вика рассуждала с тоном врача, ставящего диагноз, – с эротическими твоими фантазиями и буйством гормонов я тебе не помощник, но спину разгрузишь.

Леший перевернулся на живот и доверил свою спину горячим пальцам Вики. Она схватила со столика банку с каким-то маслом, и начала мять спину Лешего. Временами это были поглаживания, временами хотелось скулить от боли, но Леший выдерживал всё.

– Не напрягайся, не держи в себе, – говорила Вика, – глубже дыши или кричи. Даже женщинам, при родовых схватках рекомендуют особым образом дышать, кричать, или петь. Так боль утихает.

Леший последовал её совету и стал дышать, как будто надувал шары. Иногда вскрикивал.

Под конец экзекуции она нежно провела ладонями по спине Лешего, от плеч до крестца и накрыла его одеялом.

– Полежи пока так, а я заварю тебе чай, для закрепления эффекта.

– Я почти кончил и закурил.

– Да вы, батенька, мазохист.

– Как мазохист, я требую садиста.

– Да я же не сильно, а так, щадя.

Она принесла кружку с горячим чаем и протянула Леше-му, потом отпила сама. Так, передавая кружку с чаем друг другу, Леший и Вика сидели, беседуя обо всём. Леший без утаек рассказал Вике про Лосика и про Ди, про свои проблемы с личной жизнью, про поиски девушки, про мистику немного, без подробностей. Вика слушала его, кивая головой, с внимательностью и вопросами, достойными хорошего психотерапевта. С каждым словом своим, с каждым вопросом и ответом Леший чувствовал облегчение, как после исповеди. Да и на самом деле так откровенно он редко с кем говорил. Постепенно голова начала пустеть, а Вика из объекта сдерживаемой страсти превратилась в приятного умного и мудрого собеседника, наставника.

– Ладно, товарищ, давай спать, завтра тебе на трассу, – сказала Вика, – ты избавляйся от старых "грузов", вываливая их мне, но не собирай новые.

– Спасибо тебе.

– Доброй ночи, Лёша.

– И тебе, Вика.

Леший разлёгся "звёздочкой" на матрасе, благо размеры сего чуда китайской промышленности позволяли такой маневр. Вика лежала также, они вдвоём залипали на проецируемые на потолок картинки и тихую медитативную музыку, которую Вика поставила на ночь. Там играло что-то электронное, но не быстрое и ритмичное, а расслабушно-трансо-

вое. Они касались лишь ладоней друг друга. Голова Лешего была опустошена, мыслей не было никаких, и Леший проваливался в сон.

Волк сидел напротив Лешего в электричке, которая быстро неслась мимо цветущей сирени и яблонь.

– Вика хорошо опустошила тебе голову, она талантливый лекарь души. У неё огромный потенциал, – сказал Волк.

– Ты постарался вывести её на меня?

– Нет, тут без меня обошлось. А ты послушай внимательно. Поезжай на собаке до конечной, там выйдешь на трассу. Как дорога ведёт, так и поезжай. Просто "На восток". Может, куда занесёт по дороге, но скорее всего путь твой спрямится. Сильно спрямится.

– Это, наверное, хорошо.

– А сейчас посмотри сонфильм со своей боевой подругой. Леший перенёсся в другое пространство, но осознания не терял.

Он оказался майским вечером на школьном "последнем звонке". Среди выпускниц он узнал Вику. Она была одета несколько по-иному, чем остальные "пьяные бантики". Рядом с Викторией был длинноволосый юноша.

– Ты мне, как сестрёнка, – говорил юноша, – я бы хотел иметь такую девушку, как ты.

– Хорошо, Алекс.

Леший уловил выражение досады на викином лице. Сколько раз её снился этот момент, сколько раз она крутила его у себя в голове!

Леший даже смог уловить ход её мыслей.

"Что я делаю не так? Почему я, красивая-умная и не такая как все, оказалась в аутсайдерах у Алекса?" Вообще его звали Лёша, но в их локальной хипповой тусовочке его называли не иначе, чем Алекс. Леший вдруг увидел будущее Алекса: МГУ, мир мажоров, дорогих машин и телефонов, гламурных вечеринок. Наркотики и алкоголь вперемешку с постоянным страхом отчисления. Ни о каких девушках ему мечтать уже не приходилось, он был их кумиром. Он и знать забыл, уйдя в универ, о том, как разбил сердце своей однокласснице. А она из-за него стала одеваться, как хиппи и ходить на всякие там "хиппятники". И делала это после скорее по инерции, чем из идеологии. Хотя он сам был "пластиковым хиппи", не настоящим. Мальчишка из богатой семьи. Теперь у него планы на всю жизнь, амбиции и страхи. Цивильного человека. А Вика, со своим разбитым сердцем, стала копаться в себе. И ради этих копанний пошла учиться на психолога. Попутно научаясь много чему другому. А потом в её жизни появился Богдан и его друзья. Они раскрыли глаза на то, какими вообще бывают люди дороги. Что это не обязательно "хиппи" или ещё какая-то субкультурка с атрибутикой. Это гораздо глубже: жить с открытым сердцем, любя всё, что тебя окружа-

ет. И это поменяло викину жизнь: в среде своих она стала практически "хилером". Она выслушивала чужие истории, помогала одноклассникам разобраться в своих тараканах. Некоторых разгружала физически, убирая телесные зажимы своими умелыми руками массажиста. Нигде этому не учившись, только "по книжкам", она добилась некоторого мастерства. Просто к знаниям теории добавлялось её природное чутьё на боль. Словно кот, она приходила на больное место, мурлыкала, и боль проходила. Но её личный червячок сомнений в собственной нужности в мире, заложенный тогда Алексом, её подгрызал.

Она находила себе и парней, и любовников. Тем более в среде хиппи можно отыскать и того и другого с избытком. Но всё равно чаще была одна, чем с кем попало.

А теперь в её сон кроме Алекса пришёл другой Лёша – путник, с которым Вика проделала путь от Харькова до Москвы. И, завидев грустную мину Вики, он подошёл к Алексу, треснув ему со всей силы по лицу.

– Ты говно и мудака, – произнёс Леший Алексу в окровавленное лицо, – но спасибо тебе, благодаря твоему поганому языку эта девушка выросла над собой. И продолжает, в отличие от тебя, расти. А теперь проваливай.

Вика повернулась к Лешему, кинулась к нему в объятия.

– Лёша, ты спишь? – глаза Вики блестели каплями слёз.

– Уже нет.

– Ты мне только что снился.

– Я знаю. Прости, что бесцеремонно вторгся в твой сон.

– Спасибо, что ты сделал это. Я бы не верила в коллективные сны, если б не Бога. Проникать в мои сны умел только Богдан. А ещё, оказывается, ты.

Она подползла к Лешему под одеялом, прижалась к нему, обняв и заплакав.

"А теперь, значит, я психоотстойник и плакательная подушка. Ну ладно, ты мне, я тебе. Пусть так и будет, – думал Леший, глядя Вику по голове, пока она вновь не уснула, – Не хочу никаких приключений амурных больше. По крайней мере, до Ёбурга".

А вскоре он сам вырубился без сновидений.

Утро для них началось с будильника, заведённого на телефоне Вики.

Она дотянуась, выключив его. Затем оглядела себя и просыпающегося Лешего, вновь внутренне собравшись и превратившись опять из зарёванной девочки в симпатичную и уверенную в себе Вику, с которой Леший и познакомился в Харькове.

– Лёша, пошли завтракать. Сейчас тебе ещё и в дорогу соберу.

Она закинула тарелку с макаронами и курицей в микроволновку, та звякнула.

А пока Леший уплетал за обе щеки завтрак, Вика нарезала ему бутербродов с сыром и колбасой.

– Для меня это норма, накормить стопщика перед трассой. Тем более, ты невольно сам оказал мне помощь, вторгнувшись в мой сон.

– Никогда не знаешь, где будешь полезен. Спасибо.

На прощание у порога квартиры Вика и Леший долго стояли, обнявшись.

– Я рад, что ночь прошла именно так. У меня вообще были всякие пошлые мысли и смущения, – честно сказал Леший, – но всё вышло как вышло.

– Твой моральный облик в моих глазах не пострадал, ответственно заявляю, – сказала, улыбаясь, Вика.

– Спасибо за всё.

– Доброй дороги, Леший! Пусть все сны заканчиваются хорошо и пробуждения будут только приятными! Тёплой трассы, – Вика легонько поцеловала Лешего в щёку.

Она закрыла за Лешим дверь, Леший спустился на лифте и закурил трубку, пока шагал до метро.

"Отсюда до "Комсомольской", по "Кольцевой" до "Курской", там собака до Петушков, – повторял Леший, как заклинание, – спасибо Вике за разъяснения. Да и вообще, если бы не все мои заскоки... Предложить ей встречаться? Нет уж. Вика – закрытая книга. Будь безупречен, шаман и просветлённый. Она – веха на твоём пути, как ты сам, для Ди.

Как она? Да не пофиг ли уже?"

Утро понедельника сказалось на наполненности метро: в вагон и на станцию пришлось буквально втискиваться. Но Леший справился, и уже через полчаса протягивал сотенную бумажку в окошко пригородной кассы Курского вокзала.

– До Петушков.

Ему протянули сдачу и билет, он продемонстрировал билет хитрому турникету и вышел на платформу.

Тупик, где была объявлена посадка на петушкинскую электричку, был ещё пуст, и рядом с Лешим курили немногочисленные пассажиры.

Наконец, подъехала зелёного цвета электричка, и из её чрева начали извергаться огромные толпы людей, устремившихся мимо Лешего к выходу.

"Да, с утра в Москву народа явно едет меньше, чем из Москвы. Значит, займу любые места", – думал Леший, оглядывая деревянные сиденья электрички.

Он сел сразу же, заткнув уши плеером. А тот пел ему что-то из Iron Maiden.

"Да, уезжать из Москвы под старинный хэви-метал очень атмосферно", – думал Леший, когда в электричке затворились двери, и "улыбчивый" голос подмосковного автоинфор-

матора сказал ему: "Следующая остановка – Серп и Молот. Осторожно, двери закрываются!"

Быстро неслась электричка, приятный голос, объявляющий остановки, выводил Лешего из полудрёмы и залипания за утренние пейзажи Подмосковья.

Потом Лешему приспичило пописать. Как назло, туалеты в электричках в голове и хвосте состава, а Леший сидел в середине. Он накинул рюкзак на плечи и пошагал. Через все вагоны, мимо курящих в тамбурах пролетариев, мимо свежего ветра из межвагонных "зефирок", мимо торговцев и распахнутых окон. Наконец, он дошел, прикрыл за собой дверку туалета, и, качаясь на поворотах, облегчился в местный "гравитационный" туалет.

На обратном пути его вернули к реальности какие-то алкаши из тамбура:

– Блядь, чё двери закрывать не учили?

Леший огрызнулся, обернувшись:

– Иди нахуй, пидор блядь, – сказал он прямо в глаза отпущившему комментарий мужичку в олимпийке и с бутылкой пива в руке.

Тот продолжал стоять, проглотив лешевское ругательство. Леший развернулся и пошагал дальше.

"Вот она, столица, – думал он, – можно послать нахуй в ответ на оскорбление, и человек, если его можно так назвать,

утрётся, проглотив язык. А мне ведь в тот момент хотелось ему уебать"

Но всё было спокойно: Леший сел на своё место, углубился в плеер, и до самых Петушков его никто не побеспокоил.

На петушкинском вокзале Леший, повинувшись инструкции Вики, поднялся на мост и пошагал на север. Здесь он шагал через частный сектор, мимо какой-то церкви с зелёными куполами. Трассу было видно издали, по оживлённому движению. Он пошагал вдоль неё, пиная невесть откуда взявшуюся сосновую шишку и выключив внутренний диалог.

Напротив "Лукойловской" заправки Леший узрел знак окончания Петушков и встал стопить прямо рядом с ним.

Машины проносились мимо со свистом, пока, наконец, не остановилась "Мазда".

– До Лакинска, – сказал молодой водитель, – стопщик?

Леший кивнул и сел в машину, поставив рюкзак в ноги.

– Я тебя могу чуть дальше провезти, мне не сложно. Чтоб не пиздовать через весь Лакинск, – сказал водитель.

– Он такой длинный?

– Ну, знаешь, заебаться хватит. Я живу на въезде со стороны Москвы, а тебе надо во Владимир?

– Мне вообще в Екатеринбург.

– Ну вот тем более. Силы поэкономишь.

– Идёт.

Водитель действительно провёз его через весь Лакинск,

оставив Лешего в недоумении относительно названия: лаком тут никаким не пахло³⁷⁴.

Он высадил Лешего напротив "Роснефтевской" заправки, а затем лихо развернулся через двойную сплошную.

Лешему, не успевшему отойти от быстрого перемещения из Петушков в Лакинск, сразу же остановилась "Волга", едущая в Муром.

– Я по новой объездной поеду, там весь дальнобой сейчас ходит.

– А я в позатом году попадал, застревая на северной объездной, – сказал Леший.

– Ну там сейчас только местные катаются, либо кто на Иваново идёт.

– Я как раз с Иваново тогда ехал. И ходить пешком задолбался. Ещё и под грозой промок.

– Бывает, что.

Водитель был вообще словоохотлив, да рассказывал ему истории о своих хулиганствах.

– Работаю я в Москве, вахтой. Катаюсь раз в две недели. И пока еду, на Роснефти, где тебя посадил, кофе пью, а на Лукойле в Петушках срать хожу. И у них в туалете не было освежителя. После каких-нибудь чуханов воняло там страшно. Ну, я однажды и прикололся. На Роснефти в туалете скрутил освежитель, который автоматически пшикает с

³⁷⁴ Вообще он назван в честь революционера Лакина, но Леший об этом не знал.

таймером, а на Лукойле тихонько его в туалет пронёс, да и прикрутил там на саморезы. До сих пор висит, а на Роснефти новый прихуярили.

Леший посмеялся.

Водитель оставил его на Муромской развязке. Да так неудачно, что Лешему пришлось лезть через три отбойника, а потом ещё почти километр шагать до её конца.

Здесь он решил передохнуть и спуститься в ближайший сосновый лес. В очередной раз перепрыгнув отбойник, он спустился по косогору, сбросив рюкзак на молодую траву. Пахло соснами, пели дрозды, перекрикиваемые звуками трассы.

Леший расковырял из рюкзака термос с чаем и викины бутерброды.

– Вот уж, спасибо так спасибо, – произнёс Леший вслух, – Я ведь даже телефоном с ней не обменялся, настолько олух, блядь. Так бы хоть созвонились, да спасибо ей сказал.

Прожевав пару бутербродов, он громко крикнул: "СПАСИБО, ВИКА!"

Теперь можно было забить трубку и раскурить. Леший сделал это со всей возможной неторопливостью, выпуская в воздух кольца дыма.

"А теперь, – говорил сам себе Леший, выбираясь обратно на трассу, – встретить бы альтруиста. Такого, чтоб вёз и не спрашивал ничего. Даже кормить меня теперь не надо. А вот

подремать бы не помешало..."

Он кинул монетку и поднял руку, крутя в голове какую-то привязавшуюся песню, услышанную на крыше у Боги от его гостей-киевлян: "Чай, чай, выручай, волшебство пришло, встречай..."³⁷⁵

"Запомнил только припев, но какой же он приедающийся. Хотя это лучше, чем эти попсовые песни", – думал Леший, вытягивая руку

Спустя несколько минут остановился красный MAN с чувашскими номерами.

Водитель высунулся из пассажирской двери.

– Запрыгивай быстрее!

– Здравствуйте, – только и успел сказать Леший.

После чего быстро залез на подножку, уселся на покрытое деревяшками сиденье и закрыл за собой дверь.

– И что, далёко едешь, что ли?

– Домой, в Екатеринбург из Харькова.

– А я в Казань. Нам долго с тобой ехать, как тебя звать?

"Странный акцент у дядьки, хотя выглядит неотличимо от русского".

– Меня Лёха.

– А я Николай. Можно Дядя Коля.

³⁷⁵ Маша Badda Boo – Чай.

– А сами с Чебоксар? – спросил Леший, когда машина тронулась.

– Да, мимо дома поеду. Если хочешь, можешь поспать, далеко ехать.

Дядя Коля включил музыку, как бы говоря, что можно молчать и освобождая Лешего от обязанностей "говоруна".

Музыка была чувашская. Вроде звучит, как попса. Но странное тремоло голосом и обилие шипящих звуков бросалось в уши Лешему и звучало непривычно.

Время от времени водитель говорил с кем-то по телефону, на том же языке.

– Интересный язык, чувашский, – поделился Леший своими наблюдениями, – Не похож ни на татарский, ни на марийский, знакомые мне, хотя вроде всё есть в нём от обоих языков.

– Это древний язык. У татар, у них слова, когда чего-то много, заканчиваются на "-лар", а у нас, чувашей, на "-щем". Говорят, что болгары на этом языке говорили. А молодёжь сейчас и не знает его почти, – Дядя Коля, сказав это, снова замолчал.

Пользуясь молчанием водителя, Леший задремал. А проснулся уже на подъездах к Нижнему Новгороду: проскакивали поворот на Дзержинск. Из-за деревьев виднелись дальние трубы заводов.

– Тут часто смог висит, сколько не ездю, всё над Нижним

СМОГ.

– Проснулся, Лёха, – улыбнулся Дядя Коля, – Сейчас в пробке постоим.

Действительно, на подъездах к Нижнему Новгороду движение замедлилось.

– Ох, Чулхула, Чулхула... – сказал про себя водитель.

– Что это значит?

– Это мы так Нижний Новгород называем. Чулхула.

– А Чебоксары как?

– Шупашкар. А Казань – Хусан, – сказал Дядя Коля, предвидя вопрос Лешего.

Медленно полз поток машин через вечернюю Оку по Мызинскому мосту. По Оке плыла баржа, подталкиваемая буксиром. Дымы Дзержинска в очередной раз укутали город.

"С Нижним у тебя отношения, как с любым транзитным городом, – думал Леший, – Оказывался в нём считанное число раз. Однажды высадили у метро утром, и какой-то мужик, распознав в тебе автостопщика, угостил пачкой сигарет. А потом подсказал, что надо доехать на метро до "Московской", откуда ходит бесплатный автобус до "Меги". Ты тогда спустился в прохладу метро, а, выйдя, сразу прыгнул в автобус. Да только Мега криво расположена была, и уехал ты тогда после часа ожидания, до Воротынца. Да и то на такси. Бесплатно. Как в том анекдоте: шашечки, или ехать? Ха-ха".

Миновал Нижний, Дядя Коля зарулил на заправку.

– Сейчас подкрепиться надо, да заправиться.

Сначала заправились, а потом, "протянув" немного дальше, остановились.

В кафе было многолюдно, видимо, дальнобой тут кормится часто. Леший взял себе пюре с котлетой и суп. Водитель питался основательнее. Попутно расспрашивал Лешего о его дорогах.

– Это я за рулём молчу обычно, – сказал Дядя Коля, – а когда я кушаю, я говорю и слушаю.

Леший принялся рассказывать. И про автостоп, и про товарняки, и про интересных людей, с которыми сводила его жизнь. Дядя Коля слушал, да ел.

После Леший выкурил трубку, а водитель – сигарету. Заехали обратно в фуру, да поехали. Сзади садилось в облака розовое солнце, кругом цвела черёмуха, и её аромат заносился в окна порывами ветра. Ночь подкрадывалась впереди.

Уже в темноте упёрлись в ремонт: машины выстроились в "колейку" и переползали кусок дороги, выложенный бетонными плитами, со скоростью черепахи. Целый караван двигался впереди, как река красных огоньков в ночной тьме.

При въезде в Чувашию на посту МАН остановили.

– Здравствуйте, капитан Алексеев, ваши документы!

Дядя Коля выдал длинную тираду на чувашском.

– Документы! – грозно рявкнул гаишник, чувашского, видимо, не знавший.

Водитель выругался и достал все документы.

– Пройдёмте с нами.

Леший остался в кабине один и сидел, залипая на качающийся шильдик "MAN" со всякими флагами посреди лобового стекла.

Спустя минут десять вернулся Дядя Коля, раздосадованный и злой. Закурил прямо в машине.

– Козлы, блядь. Подпись в накладной, видите ли, не там стоит.

– Печально. На много огрели?

– Полторы.

– Охуеть, – только и сказал Леший.

– Да ладно, это не мне платить, привезу квитанцию в контору, пусть сами разбираются, где должна стоять подпись, да кто виноват.

Глубокой ночью Лешего высадили на развязке у начала казанской объездной.

Спать не хотелось: дневных дрёмов Лешему хватило, и сейчас он ёжился от холода, стоя на пыльной обочине.

Мимо со свистом пролетали редкие машины.

Леший достал фонарик, и стал голосовать, светя на себя. Техника такого голосования имела успех: буквально через пять минут он остановил "Десятку" до челнинской развязки.

У поста ДПС на развязке Леший оказался уже в предрасветных сумерках, покачиваясь после тёплого салона бодрой

легковушки.

Он решил отойти с трассы, облагородить кусты, выкурить трубку и допить остатки чая из термоса.

А когда солнце поднялось чуть выше, Леший снова вылез на трассу, начав голосовать на глазах у гаишников с поста. Труженники полосатой палки были заняты более важным делом, чем Леший: они останавливали машины. Леший тоже, по крайней мере пытался.

"У гаишников явно выходит лучше, чем у меня, – смеялся Леший, – но да ладно, уедем. Прошлым летом же уехали"

Остановился джип BMW.

– Здравствуйте, по трассе не подбросите?

– Я в Челны еду.

– Пойдёт. Только я без денег.

– Ох, не оправдывайся, знаю я вас, автостопщиков.

Леший сел, бухнувшись на заднее кресло.

– Я вообще в Нижнекамск еду, но у нас всё мост никак не построят. Поэтому через Челны.

Водитель включил какую-то рэпчину, в которую Леший не особо вслушивался. Он смотрел в окно, на ясное утро, сусликов на пашнях и заборчики вдоль лесополос.

– Нижнекамск – вон там, за рекой, виднеется, – показал водитель вправо, где на горизонте действительно были видны крыши домов, – а моста до сих пор нет. Мне отсюда по

прямой до дома десять километров, а по трассе – шестьдесят.

– Однако...

На самом въезде в Челны водитель оставил Лешего, завернув на развязке. Леший пошагал по промзоне, покуда не встретил какого-то человека.

– Здравствуйте, подскажите, на каком транспорте могу доехать до выезда на Уфу.

– Проще всего на двенадцатом трамвае, вон остановка.

Леший последовал совету, пройдя до остановки, куда как раз подъезжал громыхающий КТМ.

Бабушка-кондуктор подсказала, что выйти надо было на "Орловке", а оттуда пройти до кольца.

Леший воткнулся в окно, закрыв уши плеером.

– Молодой человек, ваша остановка, – закричала ему в ухо кондукторша.

Леший быстро подхватил рюкзак, выскакивая в уже закрывающиеся двери. Но успел: бронедверь КТМа закрылась ровно за ним.

"Теперь допиздовать до кольца, и чуть далее. Голосовать у кладбища, всё как мы любим, – думал Леший, – почему многие города начинаются именно с кладбищ?"

Леший бросил монетку в пыль и поднял руку.

– Здравствуйте, можно с вами в сторону Уфы? – спрашивал Леший у водителя остановившейся Газели.

– Я вообще поссать остановился, – сказал водитель, – сейчас вернусь из кустов, поговорим.

Водитель, сделав нехитрое дело, вернулся к Лешему.

– Я в самую Уфу еду, поехали.

– Здорово, спасибо.

– Доедем, там и говори спасибо.

Газель, с характерным звенящим звуком двигателя, тронулась, подняв клубы пыли с обочины.

– Я таких, как ты, часто вожу. Выучил даже основные точки в Уфе, откуда ваш брат ездит.

– Я вот Уфу обычно по объездной проезжаю, – сказал Леший, – но объездная уфимская – это чистая лотерея, никогда не предугадаешь, за какое время её проедешь.

– Так заезжай со мной в город. Там сядешь на маршрутку до Шакши и выйдешь на повороте. Оттуда всё движение на Челябинск идёт. А там на Кропачёво, хотя это ты лучше меня знаешь, наверное.

Леший слушал радиопопсу, да смотрел в окна.

"Башкирско-татарские деревни всё-таки цивиличнее русских деревень. И марийских. И удмуртских. Хотя не, в Белгородчине тоже цивилизно. О, вот и нефтекачалки начались", – думал Леший глядя на окружающие пейзажи.

В Уфу въезжали вечером, упёршись в пробку.

– Смотри, – сказал водитель, – вот тут остановка, марш-

рутка не знаю какая, но на стекле написано будет "Шакша"³⁷⁶, не ошибёшься, они все тут идут через это кольцо.

Леший выскочил.

"Трёхшуруповск, здравствуй, – думал Леший, – давненько меня сюда не заносило. Последний раз – три года тому назад, когда мы гонялись с одноклассником стопом, и ночевал под памятником Салавату. Тогда, правда, уезжать пришлось с Аэропортовской развязки".

На остановке Лешему подсказали маршрутку, идущую на Шакшу. Когда она остановилась, Леший забрался в пропахшее чьими-то духами чрево "Газели", та тронулась и помчалась через вечерний город.

Маршрутка оставила его возле цилиндрического здания поста ДПС.

Здесь персона Лешего впервые за всю дорогу заинтересовала гаишников. Один из них позвал Лешего на пост, где у него "пробили по базе" паспорт, да и отпустили с миром, указав, какая именно дорога ведёт на Челябинск.

– Всего доброго! – сказал Леший, покидая пост и перебегая дорогу на глазах у гаишников, потерявших к нему всяческий интерес.

Солнце уже клонилось к закату.

Леший голосовал, но усталость подбиралась к нему. Он

³⁷⁶ Восточная окраина Уфы.

вздымал руку с оттопыренным пальцем вверх на автомате, мыслями уносясь далеко.

"Что я буду делать, когда приеду, – думал он, – денег у тебя, Алёшенька, хватит ещё на пачку сигарет, но не более. транзитные проезды городов много денег съели. А в Ёбурге что ты будешь делать? Поедешь плакаться в жилетку Лосику, или рассказывать ей, какой ты офигенный стопщик? А интересно ли это ей, ведь как-никак сессия у неё на носу. Может, снова позвонить в турфирму и поработать на сплавах? Думай, Лёха, думай!"

– Я до Кропачёво – сказал водитель праворульной легковушки, остановившийся перед Лешим.

– Замечательно, я в Екатеринбург еду, – ответил он.

Леший рухнул вместе с рюкзаком на заднее сиденье и задремал.

Проснулся он, стоя в пробке у Сима. Водитель так и не спросил его ни о чём. В машине играло радио, и пело какую-то песню из советской эстрады.

– Простите, я вырубился. Давно стоим?

– Да скоро уже до светофора дотянем. Я сразу, как тебя посадил, понял, что ты не рассказчик, больно уж видок у тебя замученный.

– Блин. Вот что значит бессонная ночь.

– Ну это ничего. Я тебя на самом повороте оставлю, там на Свердловск круглые сутки что-нибудь, да ездит.

Вскоре миновали симский мост с реверсивным светофором, дорога поползла в гору. Море огней города Сим раскинулось справа от дороги, словно чаша, полная звёзд. На небе тоже показывали звёзды и молодой серп луны.

– Здесь я тебя оставлю, – сказал водитель, когда "Японка" подъезжала к кропачёвскому повороту, – на заправке. Вприсись к кому-нибудь, много дальнобоев в ночь на Свердловск едут.

– Спасибо. Удачки вам!

– Взаимно, – ответил водитель, так и не назвавший своего имени.

Леший вылез в очередную зябкую ночь. Здесь было ощутимо холоднее, чем под Казанью. Он влез в рюкзак, достав оттуда куртку и приготовившись к ночному автостопу.

Тут один из заправляющихся дальнобоев, завидев Лешего, поздравил его свистом.

– Эй, парень! Ты далеко едешь?

– В Екатеринбург. Или в Михайловск, как получится.

– Залазь сюда.

Красный "Мерседес-Актрос" с самарскими номерами распахнул дверку со стороны пассажира.

В салоне сидел ещё один мужик, пахло алкоголем.

– Ну чё, рассказывай, бродяга, как ты дошёл до жизни такой?

Фура тронулась, трезвый водитель молча сидел, озираясь на своего пьяного товарища. Из разговоров выяснилось, что фура принадлежит как раз пьянствующему. Зовут его Максим, а водителя – Юра. Да только Юра не имеет прав категории Е, и вообще водит грузовую Газель.

А меж тем, Максим задавал вопросы, которые Леший очень не любил.

– Вот нахер так жить, а? Я понимаю, на поезде поехать. А вот так, чёрте где, чёрте как ехать. Не понимаю в чём прикол.

– Каждый по-своему с ума сходит, – сказал Леший.

"Вот и закончилась пруха с водителями, – думал Леший про себя, – очередной мозгоёб, ещё и пьяный".

В Малоязе у заправки они остановились снова, и Максим побежал за очередной порцией пива.

Поняв, что от Лешего не добиться конструктивного диалога и раскаяния в лешевской неправильной жизни, Максим переключился на Юру.

– Хули ты её дрочишь, блядь! У тебя за спиной шестнадцать, сука, тонн! – кричал он, – Не полторы, как в твоей трахоме! Пятую повышенную, шестую – пониженную!

У "Кургазака" он в ультимативной форме потребовал Юру остановить машину.

– Ты, блядь, заебал! Водить не умеешь, нахуй я тебя вообще посадил! Вылазь из-за руля!

– Ты в своём уме?

– Не ссы, Юрок, – сказал Максим, перелазя за руль.

Леший смотрел на всё это, будто со стороны.

"Блядь, если мне суждено разбиться с пьяным водителем за рулём, то это будет печально, – думал он, – но я сейчас с этим ничего не могу сделать. Задремать бы, может Волк что дельное подскажет"

Между тем, Максим включил какие-то народные песни, типа "Золотого Кольца" на полную громкость, и разогнал фуру практически с места.

Леший отрешился и мысленно попрощался с жизнью, думая о глупости и нелепости смерти в чужой машине. "Кто же тебя просил к ним садиться, – думал он, – сам дурак!"

Когда возле одной из деревень Максим сбил выскочившую на дорогу собаку, Юра просто хмыкнул.

– Ты бы вышел, посмотрел, что ты блядь наделал.

– Да пошёл ты нахуй, – отвечивал ему Максим, и Юра нахмурился.

Но после того, как фура чуть не опрокинулась, заходя на скорости в "Тёщин язык", Юра уже не выдержал.

– Мася, ты заебал, я жить хочу! Вылазь нахуй. Тормози прямо тут!

Максим, на удивление, послушался.

И затормозил так, что запахло подпалёнными тормозами,

а фура заглохла. Резко стало тихо-тихо, было слышно пение ночных птиц в берёзовой роще неподалёку.

– А этот хер тут что ещё сидит? – сказал Максим, глядя на Лешего, – ты приехал, блядь, вылазь и уёбывай.

– С радостью, – огрызнулся Леший, и повернулся к Юре, – берегите себя. Удачи.

– Пошёл на хуй! – крикнул Максим вслед выпрыгнувшему из кабины Лешему, хлопнул дверью. За руль уселся, видимо, Юра, "Мерседес" тронулся и, взревев мотором, укатил в тёмную ночь.

Леший, пережив все волнения, вдруг буквально прорвался матом и воплями, не заботясь, что его гнев никто не слышит.

– Лети-лети, челленджер хуев! Чтоб тебя, пидора, гаишники поймали! Хорошего человека, гандон ебаный, под монастырь подвести хочет! У, мудила! Ёб твою мать! – кричал Леший, – Пидорас! Разъебись ты проебом триебучим!

А потом замолк. Резко стало тихо. Он стоял на пустынной трассе. Луна скрылась давно. Машин не было. Лишь пенье птиц, звёзды на небе и он.

"Всё, надо успокоиться, – говорил он сам себе, – закурить, подумать. А лучше вообще пойти во лесок поспать..."

Из размышлений Лешего вырвала фура, ослепившая его ярким светом, а потом зашипевшая тормозами далеко впереди.

"Неужели? Есть же ещё альтруисты на земле!", – радостно

думал Леший, подбегая к кабине.

Он распахнул дверь, увидев, что на пассажирском сидении кто-то уже сидит. Свет в кабине не горел.

– Здравствуйте, по трассе не подбро...

Леший замер на полуслове. Водительское место было пусто. А с пассажирского кресла на него смотрел Волк.

– Когда это я заснул?

– Не суть важно. Садись.

– Куда?

– Твоё место слева.

– Блядь, Волк, мне приключений не хочется сейчас, я бы просто поспал. Ещё бы понять, на каком моменте я заснул.

– Пристёгиваться не обязательно, поедешь потихоньку, – ответил Волк.

– Я умер и разбился на той фуре? – начал строить догадки Леший.

– Нет, та фура уехала. Трогай. Сними с ручника, вот этот рычаг.

Леший надавил на педаль сцепления, перещёлкнув джойстик на подлокотнике. Потихоньку отпустив его, придавил гашетку. Машина медленно покатила. Он проверял всеми доступными методами, сон это или нет. И приходил к выводу, что он не спит. Всё очень реально. Даже более чем.

– Переключайся выше, не тормози, – скомандовал Волк.

Когда Леший разогнал машину до пятидесяти километ-

ров в час, Волк сказал:

– Нормально.

– Когда же я уснул? Зачем ты мне явился? Что-то я не так сделал опять?

– Нет, всё так. Уснул ты давно, да всё не проснёшься.

– Знать бы когда.

– Узнаешь. Правда, не знаю, будешь ли рад пробуждению. Во, смотри-ка, волосы у тебя отросли! – Волк улыбался, Леший это заметил.

– Я умру?

– Нет, ты проснёшься.

– А что будет с этим миром?

– Он будет твоим сном. Длинным, интересным и поучительным?

– А как же ребята? Вика, Ди, Богдан, Манул, Полина, Света, Ольга, Лосик? Что с ними будет?

– Ничего страшного с ними не будет. Просто Лешего не будет в этой реальности. Там Леший сейчас нужнее. Тем более, ты, наконец готов проснуться.

– Волк, открой тайну, – сказал Леший, взглядываясь в пунктир ночной дороги в свете фар, – кто ты такой?

– Я твой сон и ангел-хранитель. Считай как хочешь.

Краем глаза Леший заметил, как Волк делает жест "разрыва связи".

– Ничего не бойся. Твоя дорога ещё не закончилась, отправляйся домой. Там ты сможешь всё сделать лучше, чем в

этом длинном сне. А я дома. Просыпайся!

Эпилог.

Леший разлепил глаза. За окном было солнечное утро. Поезд проезжал Северку. Мелькнула воинская часть, переезд, Северские Палатки...

"Где-то здесь Манул живёт, – думал Леший, – Стоп. Какой Манул? Неужели мне всё это приснилось? Волк, Манул, Полина, Лосик, Ди, Богдан, Вика, Пашка... Где товарняки? Где сотни тысяч километров трасс? Блядь... Пиздец..."

На глазах выступили слёзы. Леший сунул ноги в берцы и пошёл в сторону туалета. На его счастье, там было не занято. Он глядел в зеркало, по небритой физиономии катились слёзы.

– Блядь... Как так? – шептал Леший и плакал, глядя в зеркало.

"Как же тяжело просыпаться... Неужели год жизни впихнулся в несколько часов сна в поезде? Теперь покурить и собираться"

Леший утёр слёзы с соплями и покинул туалет.

В тамбуре стояли те же "бородачи" туристы, что и вчера.

"А когда было это самое *вчера*? "

– Ну что, автостопщик, выспался? Помятый такой.

– Ну, так себе... Приснился сон, длиной в целую жизнь.

И сейчас очень грустно проснуться.

– Это бывает. Что куришь?

– Ничего не курю. Хотя... – Леший похлопал себя по карманам, – Яву синюю.

– На, угостись. Сувенир с Кирова

Один из "бородачей" протянул Лешему пачку "Дьябло Неро".

– Круто.

– Так всю забирай! Мы дома, а у тебя ещё Бог знает, какие странствия будут!

– А может, не будут?

– Будут-будут! К гадалке не ходи! Сам таким же был.

– Благодарю. А вы случайно не шаманы?

– Мы не шаманы, однако. Мы геологи, однако.

Они посмеялись, а Леший сглотнул подступившую слезу.

"По крайней мере, теперь я знаю основные вехи. Знаю, что делать, а чего не делать. Бросать неформальскую тусовку, да побыстрее. Позвонить Ване, вдруг у него всё именно так и было. Искать в реальности людей, похожих на Манула, Лосика, Ди. Богдана, Вику. О, как же я буду скучать по своему сну..."

Поезд замедлял ход. Верх-Исетский пруд, Таганский Ряд, рельсы-вагоны-локомотивы... Наконец перрон. Поезд остановился, качнувшись. Тётка с двумя клетчатými баулами повалилась вперёд, прямо на рюкзак Лешего.

– Извините молодой человек...

– Ничего страшного, – Леший по-прежнему шёл ошарашенный среди толпы провожающих и встречающих.

"Интересно, пойдёт ли жизнь в ту сторону, куда завернул мой сон? Будет ли будущее таким, каким я увидел его во сне? В любом случае будущее – это очень грустно, а не случившееся будущее – грустно вдвойне"

Леший шёл, перебирая ногами на автомате, мимо всех "золотодолларов", мимо попрошаек-цыган... Он думал и думал, не глядя по сторонам и под ноги.

– Ой, извините, – Леший случайно столкнулся с бегущей девушкой, ответив ей на автомате, а потом обмер: оказывается, он сбил Лосика.

Как гром небесный, прозвучал в голове голос Волка из его сна: *"Не бойся! Скажи ей что-нибудь, ну! Любую чушь, главное – держи её!"*

– Лосик! – крикнул он, – Женька!

Девушка изумлённо обернулась.

– Разве мы знакомы? – сказала она, – Ещё и кличку эту пакостную...

– Простите, девушка, я, наверное, обознался, – виновато сказал Леший, всё же разглядывая её.

– Ну, меня зовут Женя, а раньше была кличка Лосик, – сказала она, – а откуда ты знаешь? Ты мой земляк?

– Нет. Долго объяснять, – Леший пытался подобрать слова, чтобы сказать значимому персонажу своего большого сна, – просто рад, что ты есть. Тебя бережёт прабабка с того света. Слушай своё сердце. У тебя всё удастся в жизни.

Леший зашагал прочь, с усилием моргнув, прогоняя подступившие к глазам слёзы. Девушка догнала его, схватив за рукав.

– Если ты пикапер и ищешь повода познакомиться, ты его нашёл, – резко сказала она.

Леший видел, как она волнуется.

– Я не пикапер. Даже не хотел с тобой знакомиться. Хотя нет, хотел...

– Что ты ещё знаешь про мою прабабушку? – Леший уловил твёрдую интонацию.

– На неё "настучали" какие-то соседи за то, что она лечила травами и заговорами. Её отправили в лагеря, откуда она не вышла. Прадед после войны каким-то чудом смог забрать твою бабушку из детдома. Прабабка передала тебе некий колдовской дар. Как бы глупо это не звучало. А ты? Ты учишься на Биофаке УрГУ, живёшь в общежитии, а сейчас приехала с практики. Родом ты из Урая. Недавно рассталась с парнем, которого звали Тимофей. Из-за него ты и не лю-

бишь свою кличку. Остальное – не факт, что происходило с тобой.

– Допустим, – сказала она, – а откуда такие познания? Шпионишь за мной?

– Нет. Будешь смеяться, но мне приснился очень большой и длинный сон.

– И он про меня?

– Он про меня, – Леший достал сигарету и закурил, – Просто это тяжело, осознать, что в пять часов сна упихнулось десять месяцев жизни. И слишком неприятно снова оказаться здесь, в этом времени. А ты тут, как маяк, как привет из сновидения.

– Ты точно пикапер, – сказала девушка, – так и быть, давай встретимся завтра. Запиши мой номер телефона.

– Я помню его наизусть, – Леший назвал цифры.

Лосик, а это точно была она, кивнула. На лице было всё больше изумления.

– Тогда и позвонишь. Как тебя зовут хоть?

– Алексей. Можно просто Леший. Ты едешь в общагу?

– Я тебя бояться начинаю, Алексей. Да.

– До "Куйбышева" нам по пути на троллейбусе. Можем поговорить там.

"Главное, не спугни её, Леший, – заговорил его внутренний голос, – а то сейчас наплетёшь мути из своих снов, а вдруг всё не так? Вдруг *всё вообще не так*? В "Дурку" тебе надо, друг мой"

– Идёт.

Подошёл нужный троллейбус. Леший и Лосик зашли внутрь и сели вперёд.

– Ты сейчас откуда-то приехал?

– От родственников, из Йошкар-Олы. Сначала ехал стопом, потом – на поезде от Перми. Там мне всё и приснилось. Сам пока в шоке от всего.

– Что ещё можешь про меня рассказать? – Лосик уже была заинтересована, – Ты, поди, как в фантастических книгах, был моим мужем в той жизни. Или ещё что-то в таком духе?

– Нет, не был. Но тебя хорошо знаю. Довольно близко, если можно так сказать о приснившемся.

– Прямо настолько? – Лосик нахмурила брови и покраснела.

– Давай не будем об этом, это не так важно.

– А что со мной потом было?

– Я думаю, что не стоит знать свою судьбу.

– Почему?

– Ты сама мне говорила *однажды*. Знать свою судьбу заранее – это как быть смертельно больным, которому врач сказал дату смерти. Оно тебе надо?

– *Там* всё так грустно?

– Нет, у тебя всё хорошо. По крайней мере, *в моём сне*.

– Так почему же?

– Чтоб не встать в рельсы судьбы, с которых не свернуть никуда. Чтоб был шанс на случайность.

– То, что ты, проснувшись, как ты говоришь, встретил меня – случайность?

– Я сам не знаю. Кстати, *там* ты часто говорила, что ты ведьма. Это правда?

– Может, я и ведьма, но точно не знаю об этом, – улыбнулась Лосик.

– Я тоже рад знакомству с тобой. Я бы обнял тебя, но, как ты говорила одному типу, ты не обнимаешься при знакомстве.

– Надеюсь, не тебе говорила?

– Нет, чуть более мерзкому.

Неожиданно для Лешего Лосик обняла его, прижав к груди. "А пахнет она так же, как и во сне", – подумал Леший, вдохнув носом воздух.

– Ты знаешь, – сказала она, – я рада, что ты встретился.

– И я рад. Спасибо тебе, что ты есть в реальности, а не только в моём сне, – сказал Леший, добавив про себя: "Значит, есть и другие. И всё, что мне снилось, можно воспринимать не как глюки, а как вектор на будущее... Господи, Лёша, кто сунул в твою голову эти мысли? Тебе двадцать лет, а ты выражаешься, как старый пердун!"

Леший выскочил из троллейбуса, улыбаясь. А Лосик махнула ему рукой и искренне улыбнулась, совсем как *там*.

"Значит, если даже и не судьба нам с ней встретить старость вместе, но хотя бы друзьями мы будем, – думал он, – тем более, Лосик в жизни такая же, как *в том сне*"

И сейчас Леший знал, что ещё июль. И что он успеет подать документы, и даже сдать экзамены на Биофаке. Чтоб поступить на Биофак, заселиться в общагу и оказаться рядом с Лосиком. Хотя бы с ней.

"А ещё надо съездить к Этл, рассказать ей про всё. И Жанне с Ритой тоже надо рассказать, – думал Леший, – уж они точно выслушают. И Ване позвонить обязательно".

На остановке маркером была написана надпись: "Главное – вовремя проснуться".

– Золотые слова, – проговорил Леший вслух и пошагал прочь. Ему не надо было никуда ехать, да и не хотелось. Он был *дома*. Здесь и сейчас.

Апрель 2018 – Ноябрь 2019. Екатеринбург.

Словарь специфических слов и выражений.

"БэЖэ" (а также **"Майдан"**) – Тусовочные места Киева в 2000-е годы. Особенно – деревянная лестница на Большой Житомирской, она же БЖ. Майдан – площадь в центре Киева.

"Пушка", "Сипа", "Фонтан" – Тусовочные места Самары. Из них самая адекватная тусовка была на "Сипе" (сквер на углу Ленина и Осипенко с фонтаном).

Biohazard – Биологическая угроза – этим значком метят всякие там штаммы бактерий, трупы людей и животных.

Автостоп – бесплатное передвижение на попутном транспорте.

Айзенгард – ЕМНИП, обитель Сарумана в "Властелине Колец", высоченная башня. Здесь – сленговое название заброшенной телевышки в Екатеринбурге.

Аквариум – На сленге дальнобойщиков машина "Рено-Магнум", названа за кабину особой формы, которая плавно покачивается на резиновой подушке во время движения.

Алое Поле – сквер в Челябинске, где тусуются местные неформалы.

Антон Кротов – Автор "Практики Вольных Путешествий" – самого известного пособия по автостопу на русском языке. Да и вообще мудрый дядька.

Аптека – Собирательное название лекарственных препаратов с побочным наркотическим действием.

Аск (аскать) – иногда синоним слова "стрит" (см. **Стрит**), иногда просто процесс прошения денег на улице со всякими историями типа "Ми приехал ис маленький корот Тарту ... ньемношщечко дьенег?" – последний вариант чаще называется "**сухой аск**". Соответственно, **аскер** – человек, занимающийся аском.

Бабцо – Сленговое: Девушки. Обычно склонные к приключениям.

Багдад – Жаргонное название города Богданович Свердловской области. Сей чудный град знаменит своим ЖД переездом, на котором подолгу простаивает Тюменский тракт. В нём можно смело ставить "памятник идущему автостоп-

щику".

Бака – Дурак у японцев и анимешников.

Барабашова, Барабашка – Гигантский рынок в Харькове.

Барахолка – Центральный рынок в Новосибирске.

Барбаррой – Известная в 2000-е годы вписка в Екатеринбурге, где останавливались многие автостопщики.

Бархатный путь – Путь, где не слышно стука колёс. На основных ЖД магистралях пути часто делают бесстыковыми, сваривая рельсы в длинные "плети", и стук колес слышен только на стыках "плетей".

Батон с майонезом – универсальное блюдо неформалов и автостопщиков, по крайней мере, тогда.

Башня у цирка, Башня смерти, Киса – заброшенная телебашня в Екатеринбурге. Снесена в 2018 году.

Бетонки – это жаргонное название объездов Москвы по области – кольцевые дороги А-107 и А-108, на сленге автостопщиков и дальнобойщиков.

Биос – Биостанция Уральского университета, находится в лесу рядом с посёлком Двуреченск, что в окрестностях Екатеринбурга.

Бичпакеты – китайская лапша быстрого приготовления.

Бобровдрова – Жаргонное обозначение дешёвой гитары советского производства.

Ботаника – Жилмассив "Ботанический" в Екатеринбурге. "Ботаника" есть ещё и в Новосибе, да много ещё где.

Бригадник – место отдыха локомотивных бригад.

Бродячки – бродячие собаки. Неприятное явление.

Буратины – брёвна, лесоматериалы.

Бэг (от англ Bag) – Рюкзак.

В штабе писарем – универсальный ответ, если человек не хочет говорить в каких войсках он служил.

Вайнера – Улица в Екатеринбурге, пешеходная и тусовочная.

Вековский – произведённый фирмой "ВЕК" – локальным екатеринбургским производителем туристического снаряжения. Многие их вещи (см. Гром) были популярны у неформалов и ролевиков Екатеринбурга.

Великий рандом – от англ. Random – случайность. В данном случае – великий случай.

Верьё – верёвки, иногда альпснаряжение вообще.

Взлётка – жилой массив в Красноярске, построенный на месте бывшего аэропорта.

Ворош – Ворошиловский проспект в Ростове-на-Дону.

ВОХры – военизированная охрана на железнодорожных станциях или иных спецобъектах.

Вписка – 1. Ночлег "у своих". 2. Подростковая вечеринка со всяким развратом. 3. Удачное попадание куда-либо.

Выплюнь хуй/Крикун – плохой уличный музыкант. Про таких – невнятно говорящих что-то себе под нос – есть гопницкое выражение "Выплюнь хуй, скажи нормально". А Крикун – тот, кто считает своим долгом перекричать соб-

ственный инструмент.

Гей-парад – Из сленга диггеров и сталкеров: массовая вылазка не особо подготовленных людей; обычно, шумная и заметная.

Глобик – Тягач Volvo Globetrotter.

Глюки – галлюцинации, переживание изменённых состояний сознания, ощущение нереальности происходящего. Такое бывает в сонном-уставшем состоянии.

Гопник, гопота – агрессивное местное население с тюремным менталитетом.

Город – так в провинции называют областной центр, как правило.

Гром – зимний пуховик, производимый в Екатеринбурге, фирмой "ВЕК" для силовых структур, но в 2000-х годах внезапно полюбившийся ролевикам, неформалам и иже с ними, за свою неубиваемость.

Дайс – Кубик (или сколько-то-там-гранник) для задания вариантов развития событий в настольных ролевых играх.

Даша – Автомобили марки DAF

Девятьсот пятьдесят первый, девятьсот пятьдесят второй – пригородный поезд "Михайловский Завод – Бердяуш", представлявший из себя локомотив с двумя вагонами.

Демидыч – фирменный поезд "Демидовский экспресс", Санкт-Петербург – Екатеринбург.

Дендрик – Дендропарк.

Дес или **Десу** – Форма вежливости у японцев и анимешников.

Джа – 1. Божество растаманов и адептов травокурения. 2. Хорошая сила, которая хороших людей вместе сводит и способствует удачным стечением обстоятельств.

Джем-сейшен, джем – это когда два и более исполнителя играют по очереди. Соответственно, "Джемить" – играть по очереди с кем-то, либо вступать в игру с импровизацией.

Домо аригато – "Большое спасибо" у японцев и анимешников. Ударение, кстати, в японском неясное.

Драйвер – водитель. Если автостопщик назвал водителя драйвером – это можно воспринимать как комплимент.

Драма – Сквер и фонтан рядом с театром Драмы в Екатеринбурге. Место тусовки скейтеров, роллеров и эмо.

Дрова – Известный магазин музыкальных товаров, в среде уличных музыкантов ласково называемый "Дрова". "У Дров" говорили, имея в виду остановку трамвая "Куйбышева-Луначарского".

Дрэды – причёска из скатанных волос.

Дым палка тыгыдым – встать на перекур, на языке орков.

Ёбург – жаргонное название Екатеринбурга.

Евангелион – Аниме со странным сюжетом про сошедших с небес инопланетян "ангелов" и сопротивляющихся им роботов под управлением детишек раннепубертатного возраста.

Елисеевский – имеется в виду "Елисеевский Гастроном" на Невском проспекте в Питере – одно из мест, где играют музыканты по вечерам.

Ермак – Крупная дальнобойская стоянка, километров сто не доезжая Омска.

Еськов Кирилл – автор научнопопулярной книги "История Земли и жизни на ней", да и не только её. Интересно пишет о биологии.

Ехать кукухой – жаргонное: сходить с ума.

Заброды – На уральском диалекте – болотные сапоги.

Заельцовка – Спальный массив на севере Новосибирска.

Залипать – полусонное состояние, очень опасное для водителей.

Западно-Уральская железная дорога – историческая ЖД линия, построенная в 1914-16 годах. Соединяла Лысьву и Бердяуш, Уральскую Горнозаводскую ЖД и исторический Транссиб. Участок от Дружинино до Бердяуша по этой железке и предстоит проехать Лешему.

Зачислиться – незаметно пробраться куда-либо. На охраняемый объект, на грузовой состав.

Зелёнка – Камуфляжная одежда, которую часто выдавали в те годы в качестве спецовки рабочим на заводах и в лесхозах.

Зелёный домик – Некогда легендарное творческое пространство в Томске. Ныне не существует.

Зефир – Резиновые буфера в переходах между вагонами.

Чёрные и грязные. Через них можно пробраться наружу и внутрь вагона – "прозефириться".

Золотодоллары – Скупщики всякого дерьма, которые заывают на привокзальной площади Екатеринбурга уже лет тридцать. Ходят и приговаривают: "Золото-доллары-сотовые покупаю-продаю" У гопников их называют также "Золотники".

Изнахратит – Вообще слово уральского диалекта, означает "повредит".

Испанский воротник – Гитара, разбитая об голову и ви-сящая на шее.

Кавайи – это значит "Мило", у японцев и анимешников. Кавайный – милый.

Калиновый Мост – Мост-путепровод возле концерна "Калина", рядом со станцией Шарташ в Екатеринбурге.

Камчатка – легендарное место в Петербурге, сейчас там бар, являющийся культовым местом для всех постсоветских неформалов.

Канал – имеется в виду частота, на которой общаются дальнбойщики, 27,135 МГц (пятнадцатый канал европейской сетки). В канале – синоним слова "на связи".

Каремат – см. **Пенка**.

Катер – см. **Ёбург**, но у жителей других городов.

Катя – на сленге дальнбойщиков Екатеринбург.

Квадратное колесо – Иногда после резкого торможения часть колеса стачивается и начинает "грохотать" при движе-

нии. На сленге путейцев, это называется "Квадратное колесо"

Кельт – Место в екатеринбургском "парке Павлика Морозова" где собираются ролевики. Скверик с газоном, выложенным в виде кельтского креста.

КиноУрал – Переход в Екатеринбурге на улице Свердлова, рядом с бывшим кинотеатром "Урал". Место не тусовочное, сюда музыканты приходили целенаправленно за заработком.

Кировка – Улица Кирова в Челябинске, пешеходная и тусовочная.

Кишка – Переход между двумя линиями метро в Новосибирске, длинный и извилистый. Популярное место для уличных музыкантов.

Клава – памятник клавиатуре на берегу Исети в Екатеринбурге.

КЛМН – Кружка, ложка, миска, нож. Устойчивая аббревиатура у туристов.

Колесо с атмосферами – целое и накачанное колесо.

Колобок – туристский рюкзак советского образца.

Конбанва – "Добрый вечер" у японцев и анимешников.

Коничива – "Привет" у японцев и анимешников.

Конташка – контактная сеть.

Контра – контролёры.

Косплей – "костюмированная игра" – создание образа персонажа из аниме.

Красраб – улица имени газеты "Красноярский Рабочий" в Красноярске.

Крейсер (иногда ещё называют "Крокодил")– Теплово-зы 2ТЭ10, 2ТЭ116 и им подобные, с обратно наклонёнными стёклами машиниста и четырьмя квадратными дымящими-ся трубами.

Крыса – Сленговое: нехороший вписчик, ворующий у вписывающих, других вписчиков и водителей.

Ксивник – Кошелёк для документов и денег, носится под одеждой на груди или боку.

Кубаноид – жаргонное название жителей Краснодарско-го края.

Кузня – жаргонное название Новокузнецка.

Кун – 1. "Юноша" у анимешников и в интернет-сленге. 2. Форма обращения к равному или мужчине в японском языке (напр. Леший-кун)

Курумник – Каменная россыпь на склоне горы из круп-ных и иногда подвижных валунов. Те курумники, что лежат в низинах, именуются "каменные реки".

Кыр-Пыр – жаргонное название Красного Проспекта в Новосибирске.

Кырск – Жаргонное название Красноярска.

Ласточка – (не путать с современными "Ласточками", которые есть модель электропоездов) В 2000-е годы был ско-ростной электропоезд "Омск-Новосибирск", пролетавший 700 километров за шесть часов – быстрее всех остальных по-

ездов. И стоил недорого.

Лиска – Лисья Бухта в Крыму. Популярное у хиппи место.

Локал – На автостопном жаргоне – машины, следующие недалеко.

Лошадь – пригородный поезд с одним-двумя вагонами. Медленный и едущий по глухим местам. Синонимы названий таких поездов также "Подкидыш", "Кукушка" и кротовское "Поезд с тётушками".

Лудяга – Железная мелочь стоимостью до 10 рублей.

Лунка – улица Луначарского.

Маваша – удар ногой из восточных единоборств.

Магуйня – Ругательное название болтовни и хвастовства, преподносимых под видом "эзотерических/магических знаний".

Маймун – "обезьяна", на восточных языках.

Машград – Сленговое название района Машгородок – северной окраины Миасса.

Метеогорка – Возвышенность в Екатеринбурге, где стоит региональный гидрометцентр и отличная видовая площадка.

Милитари – Эдакий гламурно-военный стиль в одежде, вплоть до камуфляжных трусов.

Молоко – Это когда гора скрыта облаком. Настолько плотным, что, вытягивая руку, не видишь кончиков пальцев. Вот это и называется "молоко".

Мост два часа – Находится рядом с городом Октябрьский, пролегает над речкой Ик. Назван из-за разницы в часовых поясах между Татарией и Башкирией, при движении на восток надо переводить часы на два часа вперед.

Мультик – Сленговое: человек, потерявший связь с объективной реальностью.

Мутить – Состоять "в отношениях", называя друг друга "мой парень/моя девушка". Просторечно-гопническое, но часто употребляемое в ту эпоху.

На колбасе – Передвигаться снаружи электропоезда или трамвая на сцепном устройстве. Сейчас ещё именуется "зацепинг".

Нефты – Район Нефтезавода в Омске.

Нижний Стрит – Место в Томске, где часто играют уличные музыканты.

Ништяк – состояние, когда хорошо.

Ништяки – 1. Обьедки, не потерявшие пищевых качеств.
2. Всякие материальные блага, еда, просто полезные вещи.
3. Остатки чего-либо (иногда говорят "ништячок")

Ня – Анимешное звукоподражание кошачьему мяуканью. Имеет кучу значений в зависимости от контекста.

Обочинка – препятствие на полосе движения. Например, "обочинка на Самару" означает препятствие на полосе движения в сторону Самары.

Объебос, обхуюженный – Сленговые названия находящегося в наркоопьянении.

Овоц – бездельник, нахлебник.

Олда (или "Олдовые", от англ Old) – Старые неформалы. То есть такие социально неадаптированные дяди-тёти лет под тридцать-сорок, которые гордятся тем, что долго тусуются.

Они-чан – "Братик" у японцев и анимешников.

Опорник – опорный пункт милиции.

Отпидорить – Жаргонное: прибраться, отмыть.

Оцивилиться – отдохнуть, вымыться, наесться и выспаться. Привести свой внешний вид и внутреннее состояние в порядок.

Палево – 1. Всякие запрещённые законом вещества и предметы. 2. Риск, что о твоих тайных действиях узнают посторонние. 3. Место, где незаконного путешественника на грузовых поездах могут обнаружить ("запалить")

Панкобарбара – популярная в нефорских сообществах и коммунах подростковая забава: причислять людей себе в родственники. Так появлялись "братья-сёстры", "дедушки-бабушки" и прочее. Особенно было забавно, когда какая-то девочка, показывая на брутального бритоголового детинушку, говорила: "Это моя бабушка".

Папюс – автор "Практической магии". Была такая книга "Практическая магия". Её в те годы считалось шиком иметь у каждого энергую.

Парашют – Тормоз полуприцепа.

Паровоз – Грузовик с прицепом (не путать с фурой, т.е.

полуприцепом), на сленге дальнобойщиков.

Пенка (она же **Каремат**) – пенополиуретановый коврик, на котором тепло сидеть и спать на полу, в палатке, в лесу.

Перенайтовал – переночевал в некомфортных условиях, провёл ночь без сна. В мокром лесу, в подъезде, в компьютерном клубе, под мостом.

Перумени – "Японизированное" название пельменей. Из сленга анимешников.

Песенники от Анны Карениной – Самиздат начала 2000-х, продававшийся в магазинах всякой неформальной атрибутики в Екатеринбурге.

Петухи – Известная стоянка на трассе М-5 в пригородах Пензы. Вообще называется "Золотой Петушок", но на крыше гостиницы два жёлтых петуха, хорошо заметных.

Пиздюк – матерное, наследник, не достигший совершеннолетия.

Пионербол – народно-детсколагерная разновидность волейбола

Пионерия – собирательное от "**Пионер**". Юные тусовщики-неформалы старшего школьного возраста, обычно увешанные всякой атрибутикой сверх меры. Тут и "торбы с волками" и балахоны с "Арией", всякие напульсники, феньки, браслеты-амулеты вот это всё.

Плаха – Площадь Ленина в Новосибирске.

Плечо – Перегон по трассе между крупными городами, на сленге дальнобойщиков.

По пизде – значит придёт в полную негодность. От оборота "по пизде пошёл".

Под Варезкой – Место сбора всяких туристов перед походами, на привокзальной площади Екатеринбурга. Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. На памятнике этом дядька вытягивает вперёд руку в рукавице, за что памятник и получил своё имя.

Под паровозом, подпаровоженный состав – Сленговое: состав, к которому прицеплен локомотив. То есть, готовый к отправлению.

Поджопник – сидушка, вырезанная из пенополиуретана, и на резинке крепящаяся на пояс.

Позиция автостопная – Место, где удобно ловить попутные машины ("Стопить")

Пои – Инструмент для фаершоу. Бывают учебные – из носков с гречкой, шариков для собачек, старых гантелей и прочей шляпы. Бывают боевые – туго скомканная ветошь, пропитанная керосином на железной цепочке.

Полигон – здесь имеется в виду Михайловский полигон ролевых игр. Место, прославленное в 90-х и начале 2000-х проведением Хоббитских игр.

Помоха – Помощник машиниста.

Предприятие среднего машиностроения – значит выпускает что-то на нужды армии.

Присесть на очко, "очкануть", "очковать" – бояться. Словечко гопническое, но часто употребляемое.

Присел – попал в тюрьму.

Промальп – Промышленный альпинизм. Чистить снег с высоток, устанавливать фонари, мыть окна и красить фасады на высотках – это всё промальп.

Пуждук – задница, на языке орков.

Пустые Холмы – Проводившийся в ту пору этнический фестиваль, ЕМНИП, под Калугой.

Пушкинская – пешеходный бульвар в Ростове-на-Дону. Приятное место для игры уличных музыкантов.

Пушкинский – район в Златоусте, откуда начинается тропа на хребет Таганай.

ПэВэ (PV) – популярный клуб в Екатеринбурге 2000-х, где проводили рок-концерты.

Пятак – крупная и известная дальнобойная стоянка, на сленге дальнобойщиков и автостопщиков.

Радуга – слёты хиппи, информация о которых распространяется среди своих сарафанным радио.

Раскладушка – Полуприцеп автовоза.

Расчёска – Низко висящие над водой ветки. Очень опасны весной, когда катамаран может затянуть под них и перевернуть.

Респаун – Место отдыха, восстановления сил, из сленга геймеров.

Речник – Метро "Речной вокзал" в Новосибе, рядом с которым когда-то тусовались панки.

Рингушник – Записная книжка с телефонами.

Рогань – Местное харьковское пиво.

Ройзман Евгений – легендарная личность в Екатеринбурге. Учредитель фонда "Город без наркотиков", чуть позже – мэр Екатеринбурга. В среде раста- и наркоманов его имя было нарицательным, и изображало любого борца с наркоманией.

Рок-Лайн – рок-фестиваль, который проводится в Перми.

Рута – Украинский подвид маршруток. Передняя часть, как у "Газели", задняя часть высокая и угловатая.

Рыжухи, рыжики, рыжие – сленговое название работников железной дороги. Из-за оранжевых жилеток.

Свечка – Диалектное: дом, высота которого больше, чем длина и ширина.

Сейшен – концерт, фестиваль.

Секс во рту – Крайне высокая оценка вкуса блюда.

Сеятель – Станция в академгородке Новосибирска, где находится музей раритетной ЖД техники.

Сибя, Сибушка – сленговое название Новосибирска.

Симатта – "Бля". Или "Чёрт". На японском. Такое выражение досады и фрустрации.

Скамейка – Автомобили марки Scania

Сквот – расселённый дом/квартира, самовольно занятый неформалами. Известные сквота были в Москве и Питере. Но сквотом могла быть и заброшенная дачная избушка на какой-нибудь станции Меркитасиха например.

Сквоттеры – жители сквота.

Скинхед, скин, скины – представитель агрессивных политизированных субкультур, часто бреющий голову налысо.

Скифы – Название студенческого отряда охраны правопорядка, охранявшего УрГУ, как универ, так и общаги.

Собака – так в автостопной среде именуют электричку. Почему? – да потому что останавливается у каждого столба! "**На собаках**" – это означает передвижение на многих электричках с пересадками, например, из Москвы в Крым.

Сортяга – сленговое название станции Свердловск-Сортировочный и района рядом с ней.

Спалка – спальное место для водителей в кабине грузовика. Как правило, располагается за сиденьями, но бывает и вверху (у ДАФа например) и внизу (у автобусов)

Стафф – специализированная одежда для анимешников или ролевиков, всякий реквизит.

Стелс-режим – быть невидимым для окружающих.

Столбы – Заповедник "Столбы". Куча гранитных скал, сосен и бурундуков в окрестностях Красноярска.

Стрём – неприятное состояние, тревога, страх. "Подсесть на стрём" – бояться.

Стрит (см. также **Аск**) – Заработок методом игры на музыкальном инструменте на улице, в переходе, на мосту, в трамвае или электричке. (соответственно, **Стритовать** и **Аскать**)

Студяга – станция метро "Студенческая" в Новосибир-

ске.

Суге – "Круто", на ломанном японском.

Сумская – центральная и тусовочная улица в Харькове.

Сухара – сухостойное дерево.

Съёбушки – быстро покидать место действия.

Табанить – тормозить веслом, либо активно грести им против хода катамарана.

Тайтлы – От англ "Title". У анимешников – просмотренная аниме-единица.

Тантристы – адепты учения Тантры, в котором постижение духовных истин лежит через телесные ощущения и наслаждения.

Тахографический обед – это когда водитель едет по графику: рабочий день 9 часов и обед строго 45 минут. И этот перерыв на обед обязательно надо сделать, иначе могут последовать штрафы. За исполнением этого следит тахограф – прибор, записывающий скорость и время на бумажный диск.

Телега – 1. Интересная история, байка, притча ("гнать телеги" – рассказывать истории). 2. Заранее придуманная легенда, применяемая, например, для отмазки от навязчивых вопросов.

Тема – самоназвание тусовки лесбиянок. "Темная", "Из темы" – название отдельной барышни из этой тусовки.

Тентакли – щупальца с функцией проникновения, на сленге анимешников.

Теплушка, тепляк – крытый вагон. Найти такой вагон пустым и незапломбированным – большая редкость и радость для трейнхопера.

Тёщин язык – Такой поворот на склоне, на карте выглядящий, как клин.

ТНВД – топливный насос высокого давления. Один из самых важных агрегатов дизельного двигателя.

Торба – Неформальный рюкзачок с каким-нибудь принтом, отсутствием клапана и с шнурком сверху. Очень неудобен в принципе

Трейнхоп – Езда на грузовых ("товарных") поездах. В отличие от зацепинга, трейнхоп – средство, а не цель. Задача путешественника на товарняках – не обнаружить своего присутствия на товарняке.

Трёхшуруповск – жаргонное наименование Уфы. По башкирскому наименованию города "Өфө" Как это читается – спрашивайте у самих башкир, мне не ведомо. Река же Уфа по-башкирски Караидель – "чёрная Идель", в противовес Белой – "Агидель".

Трип – 1. Путешествие. 2. Состояние наркотического опьянения (человек "трипует"). 3. Запланированный сеанс приёма наркотиков.

Троятник – Известная в те времена вписка в пригородах Тюмени, где в 2000-е годы часто вписывались стопщики. Хозяином был человек по имени Трой, автор книги с ним лично не знаком.

Труба – 1. Подземный переход вообще. 2. Переход на Плотинке в Екатеринбурге, сделанный в одном из прорезов исторической плотины – самое известное место тусовки неформалов в Екатеринбурге.

Трупоед – вегетарианское жаргонное наименование едящих мясо.

ТЧ – тяговая часть – стойбище локомотивов, по-русски говоря.

ТЮЗ – Переход в Екатеринбурге рядом с "ТЮЗОм" (Театром юного зрителя).

Тюлень – стихийный автостопщик или голосующий на трассе местный. Стоят "тюлени" обычно толпами, машут руками, как настоящие тюлени. Часто бывают в местах, где общественный транспорт ходит с перебоями. "Тюленье пастбище" – место, где "тюленей" много.

Тян – 2. "Девушка" у анимешников и в интернет-сленге. 2. Форма обращения к девушке в японском языке (напр. Юки-тян)

Унылиться – впасть в депрессию, уныние.

Утриш – имеется в виду побережье Чёрного моря в районе Большого Утриша, популярное место летнего отдыха у неформалов.

Фенька – (от англ Thing) Какая-нибудь памятная вещица, которая дарится на память. Обычно подразумевают плетеный из ниток или бисера браслетик на руку. Иногда феньки передаривают, и часто они путешествуют дальше своих

создателей.

ФИДОшники – Адепты FIDO – предка всея интернетов.

Флэт – (от англ Flat) В широком смысле – квартира. В более узком – жилище вольнотусующихся раздолбаев, снимаемое вскладчину.

Фред (Freightliner) – самый распространённый в России американский "мордастый" грузовик. Очень крутая машина, если ты едешь в ней пассажиром.

Фрилав – Free Love – "Свободная любовь". Изначально из сленга хиппи, но у неформалов выражение приобрело значение культурного эвфемизма слову "Блядство". Символом Фрилава у нефоров той эпохи считалась красно-белая фенька. Красный – символ любви, белый – свободы.

Хайры – (от англ. Hair) Длинные волосы у парня.

Хикикомори (хикки) – Затворник, помешанный на компьютерных играх и аниме.

Химка – Конопля, с дополнительно экстрагированными ("высаженными") на листья веществами.

Хобо – Безработные бродяги, путешествовавшие в 30-40 годы 20 века по США на грузовых поездах.

Хоппер – вагон для перевозки насыпных грузов. Отличительной чертой являются "тормозные площадки". Сидеть и перелезать через состав по ним удобно. Но ехать на хоппере – значит быть обнаруженным на первом же переезде.

Хотдожная на Маркса – легендарное место в Новосибирске тех времён. Пожалуй, туда можно было водить гастрономи-

ческие туры, как место производства лучших в мире хот-догов. Находилась рядом с метро "Площадь Маркса"

Цивилы (Цывилы) – обычные граждане, обыватели.

Цивильно – 1. на общественном транспорте. 2. цивилизованно, аккуратно, правильно.

Цифра – цифровой фотоаппарат.

Чалка – 1. Верёвка для привязывания катамарана. 2. Место причаливания, промежуточной остановки на сплаве.

Че – сленговое название Челябинска.

Чикаго – Станция Чик, недалеко от Новосибирска, на местном жаргоне.

Чмуха – Тепловоз ЧМЭЗ

Шайтан-Арба – Камаз-фруктовоз. Обычно возят на север арбузы, а на юг – доски. Едут медленно и печально, создавая огромные "хвосты" на дорогах.

Шаланда – Сленговое: полуприцеп с низкими бортами.

Шанхай – Жаргонное название одного из районов Нижних Сereg.

Шиваиты – одно из ответвлений индуизма, поклонники бога Шивы. Другая ветвь их называется Вайшнавны – это поклонники бога Вишну.

Шмот – в широком смысле – одежда, в узком – специфическое обмундирование (см. Стафф)

Эльба – проводимый два раза в год слёт автостопщиков. Читай: пьянка на природе товарищей по интересам. Первая "Эльба" в России была Ижицкая, между Москвой и Пите-

ром. Потом появились всякие Сибирские, Украинские, Белорусские, Уральские и прочие. Уральская "Эльба", кстати, проводится под городом Касли, на берегах озера Киреты.

Энергуйство – Упрощённый вариант эзотерики, смешанный с кучей суеверий и предрассудков. Обычно слегка оскорбительно. (см. также **Магуйня**)

Энск – см. **Смба**.

ЭЧ – электрочасть, те, кто следят за состоянием контактной сети на участке железной дороги.

Яга – легендарный напиток "Jaguar", от которого по легендам тех лет, могли родиться уроды. Но народ его всё равно пил.

Яйца – Перекрёсток Садовой и Ворошиловского проспекта в Ростове-на-Дону. У памятника, где казак на жеребце, тусуются местные неформалы.

Японка – японский автомобиль.

Ярик – жаргонное название Ярославля.

Яслужил – Категория парней, которые напоказ гордятся тем, где они служили и как. Не стоит путать с ветеранами боевых действий.